

ПРОГРАММА
«ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Институт культурных программ

Институт Петра Великого

Государственный Эрмитаж

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Государственный музей-заповедник «Петергоф»

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Фонд имени Д.С. Лихачева

СОВЕТ
ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович, генеральный директор Государственного Эрмитажа

ВИЛИНБАХОВ Георгий Вадимович, заместитель директора Государственного Эрмитажа

КАРПЕНКО Ирина Александровна, заместитель директора Государственного музея истории Санкт-Петербурга

КОБАК Александр Валерьевич, исполнительный директор Фонда имени Д.С. Лихачева, председатель совета Института Петра Великого

МЕЗИН Сергей Алексеевич, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

КОПАНЕВА Наталья Павловна, главный хранитель фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

ПАШКОВ Александр Михайлович, профессор Петрозаводского государственного университета

ПОТАПОВА Анна Борисовна, заместитель директора Института культурных программ, руководитель Института Петра Великого

Институт Петра Великого
Фонд имени Д. С. Лихачева

ТРИ СТОЛЕТИЯ С ПАМЯТЬЮ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ (1725–2025)

Материалы
XVIII Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 6—7 июня 2025 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2026

**Программа «Путь Петра Великого»
осуществляется при поддержке**

Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Составители
Е.Н. Кальщиков, А.В. Кобак, А.Б. Потапова

Редактор
Е.Н. Кальщиков

Три столетия с памятью о Петре Великом (1725–2025): материалы XVIII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 6–7 июня 2025 года / сост. *Е.Н. Кальщиков, А.В. Кобак, А.Б. Потапова* — СПб.: Европейский Дом, 2026. — 586 с., илл.

На обложке: «Восковая персона» Петра I. Б.-К. Растрелли. 1725

ISBN 978-5-8015-0448-3

© Институт культурных программ, 2026
© Издательство «Европейский Дом», 2026

Содержание

ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В XVIII ВЕКЕ

Курукин И.В. (Москва). Последние дни и часы Петра I 9

Сергеева Г.И. (Санкт-Петербург). Новое о печальной церемонии (К 300-летию со дня кончины Петра Великого) 19

Логунова М.О. (Санкт-Петербург). Мемориал на могиле Петра Великого: Воссоздание исторической памяти 39

Болотина Н.Ю. (Москва). Мемориальные вещи Петра Великого в собрании РГАДА 53

Цыганков С.Г. (Санкт-Петербург). Печатный антиминс первой трети XVIII века Петропавловского собора: Происхождение, идентификация и атрибуция 67

Тарасенко Л.П. (Москва). Мерные иконы петровского времени в собрании Исторического музея 78

Мезин С.А. (Саратов), *Хмелевских И.В.* (Париж). Малоизвестные парижские портреты Петра I 91

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

Раскин Д.И. (Санкт-Петербург). Социальное обеспечение в системе «регулярного государства» Петра Великого 103

Стасевич В.А. (Санкт-Петербург). Прорыв в Атлантику: К вопросу о настоящем «Завещании Петра Великого» 111

Самыловская Е.А. (Санкт-Петербург). Западные окраины Российской империи: Проблемы этноконфессиональной инкорпорации Эстляндии в первой половине XVIII в. 122

Аваков П.А. (Ростов-на-Дону). Граф Б.К. Миних — продолжатель дела Петра Великого на Юге 128

Стерликова А.А. (Санкт-Петербург). Пётр I и полномочный министр за границей Б.И. Куракин: Аспекты взаимоотношений 141

Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург). Российская интеллигенция как один из результатов петровских реформ 151

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Юркин И.Н. (Москва). «Сияет издали – воде и небу брат»: Петровская программа строительства каналов после Петра ... 159

Киселев М.А. (Екатеринбург). Уральские заводы первой четверти XVIII в.: Между государством и предпринимателем 168

Сафронова А.М. (Екатеринбург). Горнозаводские школы Урала как феномен начальной школы России Петровского времени 178

Цеменкова С.И. (Екатеринбург). «Плоды своих наук России отдавать»: Воспитанники отечественных военно-учебных заведений в системе уральского горнозаводского управления (1720-е – 1740-е гг.) 188

Аурова Н.Н. (Москва). Воплощение Петровских идей в военно-учебных заведениях в XVIII – начале XIX вв.: Сухопутный Шляхетный корпус — «рассадник новой породы людей» 199

Серова И.А. (Ярославль). «Славная полотняная фабрика Затрапезнова начало свое возымела при Петре Великом, а в цветущее состояние пришла при Анне Иоанновне...»: К вопросу о продолжении промышленной политики Петра I его ближайшими преемниками 210

Курапов А.А. (Астрахань). Реформы и преобразования рыбодобычи в Астраханском крае в первой четверти XVIII в. 223

ПЕТРОВСКИЙ СЛЕД В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

Тюхменева Е.А. (Москва). Петр I и триумфальная культура России Нового времени 231

Лазебник О.А. (Санкт-Петербург), *Романова О.С.* (Москва). Преобразования Петра Великого в области картографии: Путь на Северо-Восток 241

Виноградова Т.К. (Санкт-Петербург). О Петербургской астрономической школе 254

Зарецкий Ю.П. (Москва). Об авторстве книжных переводов петровского времени 265

Королькова Е.Ф. (Санкт-Петербург). Петр I — русский энциклопедист на троне 278

Акилова А.Д. (Москва). Свадебные традиции петровского времени в провинциальном изобразительном искусстве России XVIII – XIX вв. 286

Епатко А.Ю. (Санкт-Петербург). К вопросу истории сюжета картины И.К. Айвазовского «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала судам своим» 295

Соколов Б.М. (Москва). «Петр I» Ивана Билибина (1937): Исторические иллюстрации и исторические размышления ... 310

Емелин А.Ю. (Санкт-Петербург). Александр Иванович Лебедев (1881–1947) и обнаружение стихотворных строк Петра I 320

ПЕТР ВЕЛИКИЙ — ЧЕЛОВЕК И СИМВОЛ

Мухин О.Н. (Томск). А всадник-то бронзовый!.. К проблеме «деконструкции» образа Петра I 327

Талалай М.Г. (Италия). «Завещание Петра Великого»: Итальянская версия французской фальшивки 337

Ермасов Е.В. (Москва). Петр Великий как символ «Преображенной России» в немецкой публицистике 1725 года 347

Бахарева Н.Ю. (Санкт-Петербург). Прадед и правнук: Образ Петр Великого в программе воспитания великого князя Павла Петровича 357

Двойников В.В. (Бельгия). Льежский Петр: Посещение Петром льежских земель и история установления памятников российскому императору в Валлонии (франкоязычной Бельгии) 365

ПЕТР I И ПЕТЕРБУРГ

Сорокин П.Е. (Санкт-Петербург). «Здесь будет город заложен» – выбор Петра Великого и археология Городового острова 382

Баринова И.Н. (Санкт-Петербург). «Канторка» Петра I в Зимнем дворце Санкт-Петербурга 394

Кареева Н.Д. (Санкт-Петербург). Память о Петре I в Летнем саду 416

Шишкина Е.А. (Санкт-Петербург). Император у «Домика»: К юбилею открытия памятника-бюста Петру I на Петровской набережной 429

ГОРОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Пашков А.М. (Петрозаводск). Петр I в Карелии: Особенности исторической памяти в дореволюционный период 446

Комолов Н.А. (Воронеж). Города Петра Великого в среднем Придонье и Прихоперье: Основание, тенденции развития, память 453

Марина М.В. (Воронеж). «Великий Петр, твой каждый след для сердца русского есть памятник священный...»: Память о Петре Великом в Воронежском крае 463

Ибнеева Г.В. (Казань). Петр I и памятные места губернского города Казани и Казанского края 483

Жданович Л.Н. (Калининград). Память о Петре Великом на калининградской земле 492

Сопова Н.А. (Таганрог). Увековечение памяти Петра Великого в Таганроге 500

Калинин М.В. (Москва). Память о Петре Великом на Соловках 509

Агеева О.Г. (Москва) Новое придворное общество России XVIII в. и еженедельные увеселения двора: история их формирования, состав и численность участников 516

Иванюк С.А., Иванюк О.Н. (Санкт-Петербург). Память о Петре Великом и его эпохе в коллекции Центрального музея связи им. А.С. Попова 528

Морохин А.В. (Москва). Смерть Петра Великого в восприятии правящей элиты России во второй половине 1720-х — начале 1740-х гг. 543

Сытин А.К. (Санкт-Петербург). Первые землевладельцы Аптекарского острова как «ученая дружина» 553

Иллюстрации к статье: *Аваков П.А.* (Ростов-на-Дону). Граф Б.К. Миних — продолжатель дела Петра Великого на Юге (стр. 128) 564

Издания по программе «Путь Петра Великого» 569

ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В XVIII ВЕКЕ

Игорь Владимирович Курукин
(Москва)

Профессор кафедры истории России средневековья и нового времени исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

Последние дни и часы Петра

Igor V. Kurukin

The last days of Peter I

Аннотация: К началу 1725 г. Россия de facto уже стала великой державой. Петр I не снижал активности — готовился осваивать полученные от Ирана заморские провинции, создавал новую военную систему администрации, посылал экспедицию к берегам Америки. Внезапный приступ болезни обнажил слабости механизма его монархии –неурегулированность престолонаследия (кому оставить недостроенное «наследство»?), отсутствие прочных правовых институтов, соперничество среди сподвижников; обозначилась и необычная роль гвардии как чрезвычайного рычага управления. В статье на основании широкого круга источников и новых архивных данных рассматриваются действия императора и его окружения в последние дни его жизни, которые открыли борьбу за престол в «эпоху дворцовых переворотов».

Abstract: By the beginning of 1725, Russia had already become a de facto great power. Peter I did not slow down his activities, preparing to develop the overseas provinces he had received from Iran, creating a new military administration system, and sending an expedition to the shores of America. A sudden bout of illness revealed the weaknesses of his monarchy's mechanism, including the unresolved issue of succession (who would inherit the unfinished «legacy»), the lack of strong legal

institutions, and the rivalry among his associates. The unusual role of the guards as an extraordinary tool for governance also became apparent. Based on a wide range of sources and new archival data, the article examines the actions of the emperor and his entourage in the last days of his life, which led to a struggle for the throne during the «era of palace coups.»

Ключевые слова: 1725, Петр I, А.Д. Меншиков, П.А. Толстой, Сенат, гвардия, иностранные посланники
Keywords: 1725, Peter I, A.D. Menshikov, P.A. Tolstoy, Senate, Guards, foreign envoys

Официальная версия кончины императора была составлена Феофаном Прокоповичем. Автор как «самовидец» событий утверждал, что уже с 16 января болезнь «смертоносную силу возымела». Но далее он пропустил описание последующих дней и сразу перешёл к событиям середины дня 27 января, когда у царя началась агония и придворные стали с ним прощаться. При этом Феофан привёл реалистичные описания поведения и страданий Петра в последние часы его жизни и несколько раз подчеркнул, что тот ещё вечером 27 января мог говорить, хотя и «засохлым языком и помешанными словами».

Более драматичную трактовку событий января 1725 г. дал в опубликованных ещё в 1775 г. записках голштинский министр Геннинг-Фридрих фон Бассевич. Ему якобы от генерал-прокурора Ягужинского стало известно о готовившемся заговоре, в результате которого «гибель императрицы и её семейства неизбежна»: Екатерину с дочерьми якобы должны были заточить в монастыре. Бассевич немедленно явился к ничего не подозревавшей императрице, а затем к Меншикову, после чего «два гениальных мужа» начали операцию по спасению растерянной Екатерины.

Версия Бассевича о «заговоре» попала в вольтеровскую биографию Петра I, и уже оттуда её почерпнули читатели второй половины XVIII в., подобно И.И. Голикову[1]. Именно Бассевич привёл рассказ о последней попытке Петра I назвать имя наследника: «*Император пришёл в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: “Отдайте всё...” Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел дикто-*

[1] См.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 15 т. Т. 9. М., 1789. С. 198, 205–206; *Павленко Н.И.* Страсти у трона. М., 1996. С. 123.

вать. За ней бегут, она спешит идти, но когда она является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвратились»[2]. Его утверждения о грифельной доске и явлении полков гвардии с тех пор прочно вошли в представления о кончине первого российского императора, хотя первый издатель текста Бюшинг предупреждал, что сочинение Бассевича является не собственно мемуарами, а «французским извлечением из оставшихся после него бумаг»[3].

Итак, 17 января 1725 г. Пётр почувствовал себя плохо. 19 января французский посланник Ж. Кампредон и его саксонский коллега И. Лефорт сообщили о припадке болезни как о рядовом событии в числе прочих. Спустя 300 лет трудно дать однозначное заключение о причинах смерти первого российского императора при отсутствии медицинской истории болезни и результатов вскрытия. Тем не менее, по выводам изучивших источники специалистов Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, его проблемы были следствием аденомы предстательной железы или воспалительных процессов в мочеиспускательном канале[4].

Император поначалу явно не помышлял о скором конце: готовился после лечения и отдыха отправиться в Ригу и уже назначил с марта пятницу приёмным днем по сенатским делам. Во всяком случае, до 25 января Пётр был способен заниматься делами. 18-го числа он пожаловал Феофану Прокоповичу и преображенскому подпоручику Пальчикову «пустоши» на Выборгской стороне[5]. «Записная книга» кабинет-секретаря А.В. Макарова зафиксировала, что в эти дни царь сделал «пометы» о выдаче денег из Кабинета ученикам иноземных мастеров, «кухмейстеру» Яну Фельтену, солдатам «на бечевной работе» на Неве. Тогда же Пётр распорядился выдать 260 рублей мастеру токарного дела Ф. Рейшу[6]. После 25 января о «пометах» такого рода в документах Кабинета не сообщается.

---

[2] Цит. по: Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000С. 427–428.

[3] Несмотря на многократную критику этого рассказа, его по-прежнему цитируют и в самых новейших работах (см.: Hughes L. Russia in the age of Peter the Greate. L., 1998. P. 445).

[4] См.: *Ефимов С.В.* Болезнь и смерть Петра Великого // Ораниенбургские чтения. Вып. 1. СПб., 2001. С. 162.

[5] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1972. № 1543.

[6] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 2/24. Л. 3–4; № 4. Л. 139; Ф. 9. Отд. 2. № 73. Л. 845.

Тревожные ноты появились в донесении Кампредона от 26 января (6 февраля): в ночь на воскресенье (24 января) наступило обострение болезни; и в понедельник 25 января врачи решились на операцию: «*извлекли два фунта урины с страшным гнилостным запахом и смешанной с большими частицами какого-то сгнившего органического вещества, которое врачи признают кусочками оболочки мочевого пузыря*». После операции больной смог заснуть, но во вторник 26 января у него «сделался сильный пароксизм лихорадки», к ночи начались «судороги» и «бред». Врачи поняли, что у царя «антонов огонь (гангрена. — *И. К.*) и что, следовательно, нет более никакой надежды»[7].

Пётр умирал в своей «конторке» — рабочем кабинете в западной части дворца. От страшных болей он «неумолчно кричал, и тот крик далеко слышен был»[8], вспоминал солдат Никита Кашин. В среду была объявлена первая амнистия осуждённым на каторгу на срок не более пяти лет, за исключением обвинявшихся «по первым двум пунктам» («о каком злом умысле против персоны его величества или измены» и «о возмущении или бунте»), а также убийц и разбойников. Затем Сенат объявит и второе помилование — уже для осуждённых на смертную казнь и вечную каторгу; но и оно не распространялась на политических преступников[9].

Из протоколов Сената следует, что в восьмом часу утра 26 января на заседание явились Я.В. Брюс, В.Л. Долгоруков, Ф.М. Апраксин, П.А. Толстой, Г.И. Головкин и Д.М. Голицын. Заседали недолго; к девяти часам явился посланный «от двора» Родион Кошелев, и сенаторы отправились в «зимний дом»[10]. В тот же день Кампредон написал в Париж, что Пётр не сделал распоряжения о преемнике, однако высшие чины империи, представлявшие разные «партии», пришли к согласию: «*Сенат принял уже меры сообща с царицей. Наследником, говорят, будет провозглашён великий князь, внук царя, а во время его несовершеннолетия царица будет правительницей совместно с Сенатом*»[11].

---

[7] Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником к Оттоманской Порте маркизом де Бонаком с 1723 г. по март месяц 1725 г. // Сборник РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 420–421, 435–436.

[8] *Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895. С. 21.

[9] См.: ПСЗРИ. Т. 7. № 4638, 4642.

[10] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 30. № 1892. Л. 37.

[11] Дипломатическая переписка французского полномочного министра... С. 422.

Тогда же секретарь австрийского посольства И. Гохгольцер написал в Вену: «*В 5 часов вечера и 4 часа перед отходом почты ко мне пришли и втайне сообщили о неимении никакой уже надежды на выздоровление царя. В кишечных ранах царя появился или, как ежеминутно опасаются, появится антонов огонь. Лицо, доверившее мне это, и на которое можно вполне положиться, сообщило мне также о неимении никакого письменного распоряжения либо завещания; царь же до того слаб, что почти не в состоянии ничего говорить. При таких опасных обстоятельствах все сенаторы и гвардейские офицеры собрались для принятия необходимых мер касательно наследия престола, а именно для немедленного объявления и присяги всех высших и нижних гражданских и военных служащих лиц после смерти царя его племяннику, великому князю. Всё дело уже так условлено, что в случае противуречащего ему словесного царского распоряжения несколько лиц будут назначены отправиться к царю в комнату и воспрепятствовать такому распоряжению*»[12].

Как можно судить из донесений дипломатов, в течение 25–26 января наметился компромисс между сторонниками Петра-внука и Екатерины. Такая комбинация должна была утвердить на троне законного, в глазах большинства населения, наследника и ограничить авторитетом высшего государственного органа — Сената — власть регентши Екатерины и её ближайшего окружения. Однако свергать ограниченную в правах царицу и её дочерей не было необходимости. Заговор, если он и имел место, был организован именно в пользу самодержавия Екатерины, для устранения сына Алексея и любых ограничений власти императрицы. Именно с этой целью действовали в ночь на 28 января Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, их адъютанты и доверенные лица. Как сообщил голландский резидент В. де Вилде, 26 января дворец был окружён стражей; что можно объяснить усилившейся изоляцией умиравшего царя[13].

У постели Петра постоянно дежурили, по сообщению Кампредона, преимущественно сторонники Екатерины: Ягужинский, Меншиков, Толстой, Апраксин, Репнин и канцлер Головкин — хотя два последних, как видно из позднейших донесений, в вопросе о престолонаследии проявили колебания. Все источники единогласно утверждают, что не отходила от царя и сама Екатерина.

---

[12] РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 1077. Донесения опубликованы: *Курукин И.В.* «Царица достигла самодержавной неограниченной власти...»: Смерть Петра Великого по донесениям австрийского дипломата // Отечественные записки. 2006. № 30. С. 345–350.

[13] См.: *Шмурло Е.Ф.* Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 357.

В утренней депеше от 28 января (8 февраля) Кампредон сообщил о смерти Петра I, но ещё не знал подробностей; он писал, что именно в тот момент во дворце шла борьба двух группировок вокруг трона и он только что «получил уведомление, что восторжествует, кажется, партия царицы»14. Депеши французского посла выгодно отличаются от сообщений других дипломатов полнотой и богатством подробностей: его информаторами были сам Бассевич, генерал-прокурор Ягужинский и дворянин Алексей Юров из окружения царицы. Позднее дипломат рекомендовал его своему начальству: *«...Юров, камергер царицы, восемь лет жил в Париже, где и женился на француженке, привезённой им сюда. Это один из самых разумных русских, каких я знаю. Он имеет доступ к государыне и расположен к Франции. Его приятель Макаров покровительствует ему, и через него можно сообщить последнему всё, что потребуется»*[15].

Из донесения следует, что «партия» Екатерины сумела склонить на свою сторону гвардию и колеблющуюся часть знати. Однако ни о каком «заговоре», якобы угрожавшем Екатерине, там нет ни слова, как и о выступлении полков. В тот же день Кампредон отправил своему начальнику графу Морвилю ещё одно, более подробное послание, в котором назвал «бояр» — оппонентов Меншикова, коими оказались президент Юстиц-коллегии П.М. Апраксин (старший брат генерал-адмирала), сенаторы Д.М. Голицын и В.Л. Долгоруков, фельдмаршал и президент Военной коллегии Н.И. Репнин. Этих же лиц назвал в своём донесении от 2 (13) февраля Гохгольцер. Голландский резидент (в марте) и датский посланник (в июле) добавили имена президента Штатс-контор-коллегии графа И.А. Мусина-Пушкина и канцлера Г.И. Головкина[16].

Но борьба развернулась не между «боярами», сторонниками сына царевича Алексея, с одной стороны, и продолжателями петровских реформ — с другой. Представители обеих «партий», в том

---

[14] Дипломатическая переписка французского полномочного министра... С. 424.

[15] Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сборник РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 258. О А. Юрове см.: *Курукин И.В.* Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // Россия в XVIII столетии. Вып. 3. М., 2009. С. 136–151.

[16] См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра... С. 438; РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 1078; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 364; *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 124; *Он же.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 2. С. 59.

числе Д.М. Голицын, братья Апраксины и И.А. Мусин-Пушкин, поставили подписи под смертным приговором Алексею. Раскол произошёл среди ближайшего окружения императора. Петровские выдвиженцы не просто боялись отстранения от власти — её новая конструкция была противоположна их представлениям. Поэтому им пришлось отложить старые счёты и пойти на «незаконные» меры силового характера.

Близкие ко двору и целенаправленно собиравшие сведения современники не заметили ночного марша к дворцу поднятых по тревоге полков. Кампредон сообщал об увеличении караула и, как уже говорилось, о появлении во дворце только офицеров; об угрозах с их стороны упоминал в донесении и Гохгольцер. Голландский дипломат вообще указал, что признание Екатерины императрицей «*произошло совершенно мирно, без смут и затруднений*»[17]. Ему вторил голштинский камер-юнкер Берхгольц: «*Всё обошлось мирно и тихо, что прежде, как хорошо известно из истории прошедших времён, здесь редко случалось при кончине государей*». *Казалось бы, слуга герцога должен был подтвердить рассказ своего земляка Бассевича; но он лишь отметил, что возле дворца «поставлены были две гвардейские роты с ружьями, а на всех прочих местах размещены крепкие караулы*»[18]. Надо полагать, усилением караула дело и ограничилось; судя по записи в журнале приказов по полку от 28 января, он представлял собой сводный отряд из всех рот примерно в две сотни человек[19].

В то время гвардейцы ещё не имели казарм, и нужно было приложить усилия, чтобы собрать рассеянных по квартирам солдат и офицеров и организованно вывести полки к дворцу. Однако журнал приказов не содержит распоряжений о сборе Преображенского полка, хотя дежурным майором являлся в те дни участвовавший в ночных спорах А.И. Ушаков. Единственный приказ от 27 января предписывал офицерам объявить в ротах, что государь «недомогает», чтобы они «как возможно господу Богу о здравии его молились»[20]. Можно предположить, что в суматохе формальности могли не соблюдаться. Но полковые документы для внутреннего употребления всё же должны были сохранить хоть какие-то распоряжения командиров, тем более что пропусков и подчисток в журнале нет, а ниже сразу следует изложение утреннего приказа от 28 января о

[17] См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 358.

[18] Юность державы. С. 267.

[19] См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 104. Л. 10–10 об.

[20] Там же. Л. 10.

принесении присяги Екатерине и выставлении караулов, в том числе «к телу императорского величества».

Сделать выбор для гвардейских «выдвиженцев» было нетрудно; скорее всего, даже проблемы этого выбора для них не существовало — кто же из гвардейцев не знал свою «полковницу»? А что же сама Екатерина? Кампредон сообщал: императрица нашла время беседовать с гвардейскими офицерами, «*имела предусмотрительность заранее послать в крепость деньги для уплаты жалованья гарнизону, который не получал его уже шестнадцать месяцев, подобно прочим войскам. Гвардии она дала слово заплатить всё, ей следуемое, из собственных денег*»[21].

Датский посланник Вестфален назвал даже суммы, полученные в ту ночь участниками возведения императрицы на престол: генералу Бутурлину якобы досталось 10 тысяч червонцев, майорам гвардии — по пять тысяч, а рядовым — по 25 рублей. Гохгольцер оценивал расходы на мероприятие в 50 тысяч талеров[22]. По-видимому, дипломаты всё же завысили стоимость воцарения Екатерины. 27 января из Кабинета Екатерины вышел указ за подписью кабинет-секретаря Макарова о немедленном получении на гвардию 20 тысяч рублей из Санкт-Петербургского «комиссарства соляного правления», они-то и были выданы на руки семёновскому майору А.И. Ушакову; ещё три тысячи рублей были получены 1 февраля сержантом Преображенского полка Сильвестром Безобразовым[23]. После воцарения Екатерины 30 января гвардейские полки получили 50 тысяч рублей — впрочем, являвшиеся не наградой, а задержанным за майскую и сентябрьскую треть 1724 г. жалованьем[24].

К моменту смерти Петра I в Кабинете имелись в наличии 36 123 рублей и 5873 талера, а также «портреты с алмазы», «перстни его величества», монеты иностранной чеканки и золотые медали; но Екатерина повелела выдать указанные выше 23 тысячи «заимно», то есть с последующим возвратом из общегосударственной казны. Ещё 7414 рублей к 10 февраля были издержаны «на некоторые чрезвычайные расходы» — какие именно, неизвестно[25].

---

[21] Дипломатическая переписка французского полномочного министра... С. 441.

[22] См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 2. С. 58; РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 1083.

[23] См.: *Платонов С.Ф.* Книга расходная Петербургского комиссарства соляного правления 1725 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 34. Л., 1927. С. 281–282; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 73. Л. 857, 878, 878 об.

[24] См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 53. Л. 135, 135 об., 145.

[25] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 73. Л. 857.

В марте из Кабинета императрицы последовали «нужные и тайные дачи»: генералу И.И. Бутурлину — 1500 рублей, майорам А.И. Ушакову и С.А. Салтыкову — по три тысячи рублей; по другому указу тому же Салтыкову и майору И.И. Дмитриеву-Мамонову выдали ещё по тысяче рублей[26]. 9 апреля о награде попросили 27 солдат-преображенцев во главе с сержантом Петром Ханыковым за то, что стояли «на карауле у императорского величества бессменно генваря с 14 по 29 число». За труды сержант получил 50 рублей, капрал — 40, а рядовые — по 25[27]. Тогда же графу Бассевичу было тайно выдано из фондов Коллегии иностранных дел три тысячи рублей[28]. Получается, что воцарение Екатерины обошлось кабинетской казне примерно в 30 тысяч рублей — сумму относительно небольшую, особенно если сравнивать со «стоимостью» последующих переворотов.

Противоборство сторон оттеснило на второй план умиравшего государя. Феофан в своём сочинении подчеркивал, что судьба трона решалась после смерти Петра I. На самом же деле схватка «партий» шла ещё при жизни императора, скончавшегося около пяти часов утра (это время поставил А.И. Остерман в пометках на своей немецкой Библии; оно же было указано и в составленной в Коллегии иностранных дел «Записке о преставлении его императорского величества»[29]. Походный журнал царя сообщал, что «28-го в 6 часу пополуночи в I четверти его императорское величество Петр Великий преставился от сего мира от болезни, урины запору».

Недостоверность истории с якобы недописанным распоряжением Петра «Отдайте всё...» убедительно показал Н.И. Павленко. У Петра в течение 26–27 января ещё было время, чтобы объявить свою волю. Но если умиравший и мог говорить (как изображал Феофан Прокопович), то стали бы его слушать? Гохгольцер ещё 26 января указывал, что Меншиков и его сторонники сумели изолировать Петра и никакое его «устное распоряжение в ущерб Екатерине не могло иметь успех». Принятые меры, в том числе «бессменный» караул сержанта Ханыкова, исключали какую-либо случайность.

В созданной трудом всей жизни Петра системе не оказалось ни чётких правовых норм, ни авторитетных учреждений, чтобы обес-

---

[26] См.: Там же. Оп. 5. № 2. Ч. 24. Л. 4 об., 18; № 18. Л. 42.

[27] См.: Там же. № 2. Ч. 24. Л. 27.

[28] См.: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/3. 1725 г. № 19. Л. 59.

[29] См.: *Каратыгин П.П.* Семейные отношения Остермана // Исторический вестник. 1884. № 9. С. 611; РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. № 47. Л. 1.

печить преемственность власти. «Дух» неограниченного самовластия Петра восторжествовал над «буквой» — его же стремлением обеспечить прочный правовой порядок в новом государственном механизме. В итоге спор решился в пользу наиболее организованной группы петровской знати при активном выступлении части гвардейского офицерства, которая поддержала Екатерину и Меншикова как символ петровского наследия и продолжения прежнего курса.

Галина Ивановна Сергеева
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник сектора «Летний дворец и Домик Петра I» отдела живописи XVIII — 1-й пол. XIX в. Государственного Русского музея

Новое о печальной церемонии (К 300-летию со дня кончины Петра Великого)

Galina I. Sergeeva

The death and ceremonial burial of Peter the Great (new archival information)

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот новые архивные сведения, освещающие вопросы, связанные с кончиной и церемониальным погребением Петра Великого: поиском комнаты, где скончался великий монарх, организацией и практическим обеспечением оформления печальной церемонии (работа мастера Рожбота над оформлением Траурной залы, возведение в каменной церкви Петра и Павла деревянной церкви, где поставили тело монарха, изготовление медного ковчега на гроб, проекты устройства мавзолея над погребением и пр.).

Abstract: This article introduces new archival information into scholarly circulation, illuminating issues related to the death and ceremonial burial of Peter the Great: the search for the room where the great monarch died, the organization and practical arrangements for the solemn ceremony (the work of master Rozhbot on the decoration of the Funeral Hall, the construction of a wooden church in the stone Church of St. Peter and Paul, where the monarch's body was laid, the manufacture of a copper casket for the coffin, plans for the mausoleum over the burial site, etc.).

Ключевые слова: Петр Великий, «печальная церемония», Траурная зала, балдахин, Рожбот, деревянная церковь, ковчег на гроб, надгробия над мавзолеем.

Keywords: Peter the Great, «sad ceremony,» Funeral Hall, canopy, Rozhbot, wooden church, coffin ark, tombstones above the mausoleum.

Кончина Петра Великого, церемония прощания с ним и его погребения не раз становились предметом исследования. Библиография по этой теме обширна[1]. При этом вновь выявленные в РГИА, НА ИИ РАН и др. архивах материалы позволяют дополнить картину печального торжества, сделать комментарии к опубликованным сведениям, сообщить новые подробности по разным вопросам: о поиске комнаты, где скончался великий монарх, организации, практического обеспечения печальной церемонии, увековечивания памяти монарха и др.

Из документов следует, что в первой трети XIX в. не было точно известно, где и в каком помещении скончался Петр I. Не знали это даже в императорской семье. Предполагали, что он умер в одной из комнат казарм 1-го батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка. Повелением Николая I предписывалось создание церкви «в том покое, где скончался Император Петр I». Министр Императорского Двора кн. Волконский писал Гофмаршалу Нарышкину 6 августа 1828 г., что ему следует «приказать немедленно справиться в Архиве Придворной Конторы, не окажется ли журналов того времени, в которых вероятно упомянуто о комнате, где скончался Государь Император Петр I-й»[2]. Этот факт прежде не отражался в научных исследованиях.

Наиболее ранний источник о кончине Петра Великого — «Описание порядка, держанного при погребении... Петра Великого и Цеса-

---

[1] *Аронова А.А.* Императорский финал: Погребение Петра I как последнее придворное торжество государя-реформатора // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 108–141; *Агеева О.Г.* Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 2006. С. 249–268; *Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга сб. ст. / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2001. С. 491–505; *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М., 2011; Ритуал печального кортежа. Ритуал похорон Российских императоров. СПб., 1998; *Логунова М.О.* «За победою, после трудов, воспоследуете покой»: Смерть, погребение и создание мемориала на могиле Петра I // История Петербурга. 2018. № 73. С. 92–101; *Тюхменева Е.А.* Печальные торжества Петра I: Принципы художественного оформления и их развитие в императорском погребальном церемониале XVIII века // Культура и искусство. 2020. № 12.С. 80–97.

[2] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 280. Л. 33.

ревны Натальи Петровны» (далее «Описание»)[3]. Оно было подготовлено по указу из Кабинета императрицы Екатерины I от 30 апреля 1725 г. и опубликовано в виде брошюры. Тем же указом генерал-фельдцейхмейстеру Я.В. Брюсу было приказано «для учреждения церемонии к погребению тела <...> императора <...> все надлежащее исправить» и «по писменным ево требованиям ежели он каких припасов к тому погребению будет требовать оные отправлять без всякого замедления»[4]. Я.В. Брюс возглавил Печальную комиссию, созданную для организации похорон указом Правительствующего Сената.[5] Считается, что он автор текста «Описания»[6].

Брошюры содержат как описание «Погребальной Залы» — Castrum Doloris (*лат.* замок печали), устроенной в самом большом, Кавалерском зале нового Зимнего дворца, оформленной по проекту Н. Пино (илл. 1), французского скульптора, декоратора, архитектора, где было выставлено тело императора для прощания после 13 февраля, так и изложение порядка церемонии погребения, перечисление ее участников. Еще один сохранившийся рукописный документ — «Описание порядка, держанного при погребении Петра Великого и Цесаревны Натальи Петровны» 1726 г. — содержит только описание оформления и обустройства Печальной залы и является приложением к трем из четырех сохранившихся гравюр, изображающих ее траурное убранство, выполненных А.И. Ростовцевым и С.М. Коровиным по рисункам М.Г. Земцова[7]. (илл. 2, 3, 4)

---

[3] Описание порядка держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостойнейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго императора и самодержца Всероссийского, и блаженныя памяти ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб. 1725. 2-е изд. М. 1726. Малолетняя дочь монарха цесаревна Наталия Петровна скончалась 4 марта того же года. Похороны цесаревны состоялись в один день с ее венценосным отцом, 10 марта 1725 г.

[4] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 48 б. Л. 372.

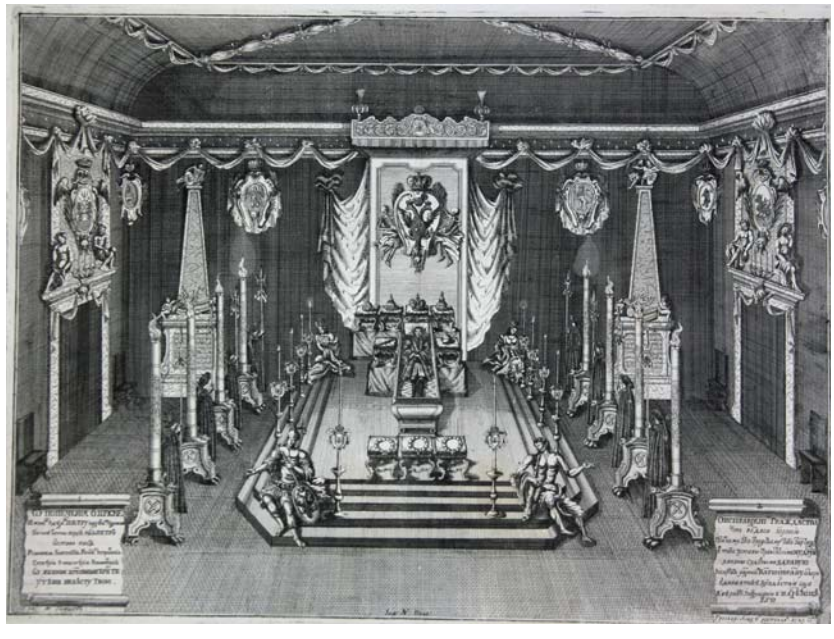
[5] *Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал... С. 502.; *Базарова Т.А.* Описание печальной залы Петра Великого из собрания Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XLIII. 2024. С. 89–108. DOI: 10.7868/S0130086524020033; Описание кафедрального собора во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости: Посвящено его имп. Величеству Александру II / Сост. плац-майором Петропавлов. крепости, лейб-гвардии сапер. батальона полк. Семеном Новоселовым. — [Санкт-Петербург]: Лит. А. Траншель. 1857. XIII. 308 с.

[6] *Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал ... С. 502.

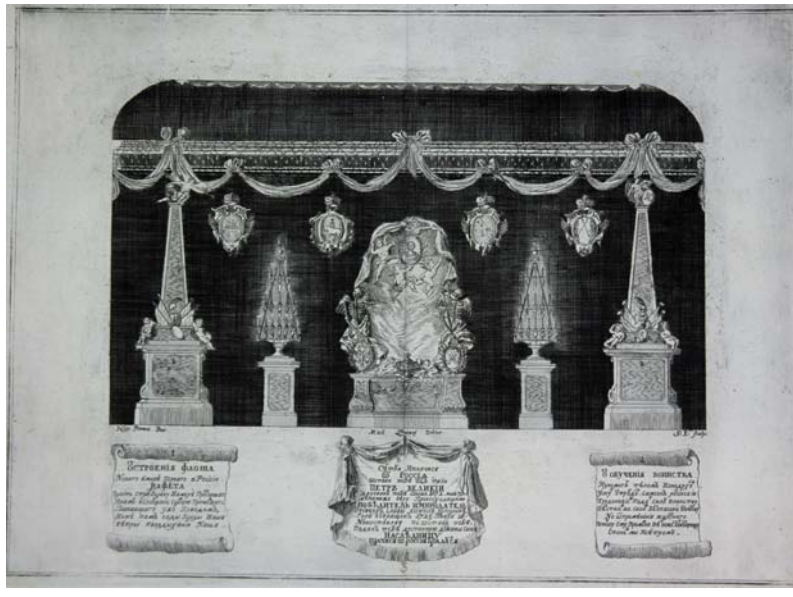
[7] Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Кол. 238. Коллекция рукописей Н.П. Лихачева. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. 1–7; *Базарова Т.А.* Описание печальной залы ... С. 89–108.

Илл 1.Никола Пино (1684-1754). Из книги: Deshairs L. Nicolas et Dominique Pineau. Les dessins du Musée et de la Bibliothèque des Arts Décoratifs. Paris, 1911.

Илл. 2. «Печальная зала» Петра I в Зимнем дворце.
Гравюра А.И. Ростовцева. 1725 г. Архив СПбИИ РАН.
Кол. 238. Оп. 2. № 253/12. Л. 1.

Илл. 3.Оформление стены «Печальной залы» Петра I в Зимнем дворце.
Гравюра С.М.Коровина. 1725 г. Архив СПбИИ РАН.
Кол. 238. Оп. 2. № 253/12. Л. 2.

Илл. 4. Оформление стены «Печальной залы» Петра I в Зимнем дворце.
Гравюра С.М.Коровина. 1725 г. Архив СПбИИ РАН.
Кол. 238. Оп. 2. № 253/12. Л. 3.

Авторство М. Земцова неоспоримо подтверждается обнаруженными документами. 7 июля 1725 г. он подал доношение в Канцелярию от строений о повелении ему после смерти императора «нарисовать каструм долорис, где было [его] тело», что уже «доски нагрыдорованы чрез помянутого Степана Коровина и синодалной команды Алексея Ростовцова», что 2 июля «доски объявлены» были императрице. Она «указать изволила [листы] печатать чего ради и стан теснителный зделан»[8]. 15 июля Контора от строений просила прислать от Синода двух человек печатников[9]. Императорским указом от 23 августа повелевалось «нарисованной и грыдорованной каструм долорис <...> печатать», стан и доски отослать в Санктпитербурскую типографию[10]. Эти сведения впервые представляют подробности изготовления печатных листов и позволяют установить более точную датировку напечатания гравюр — после 23 августа 1725 г.

Болезнь, сведшая императора в могилу, начала серьезно проявлять себя уже осенью 1723 г. Петр, «издав манифест о коронации Екатерины, готовился отправиться с нею в Москву, «но принужден онаго же оставить по причине приключившейся ему болезни, которую уже *более нежели за год пред сим почувствовал*»[11].

Петр не собирался умирать. И в первые дни трагического января наступившего нового 1725 г. все шло своим чередом: литургии в Троицкой церкви, празднование нового года, фейерверки, шествие к Иордани, ассамблеи у П.А. Толстого и К. Крюйса, он посещал Директора над строениями У. Синявина «в доме его». О начале болезни сообщается 17 января: «Его Императорское величество заболел и никуда ездить не изволил» «и были в доме часы»[12]. Все дни до кончины возле него на карауле стояли солдаты Лейб-гвардии Преображенского полка: сержант Петр Хоныков, капрал Степан Медведев и двадцать пять человек рядовых. 10 апреля 1725 г. им выплатили за это 50 рублей. П. Хонькову — 40, С. Медведеву и солдатам по 2 руб. 50 коп. человеку[13].

---

[8] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 366. Лл. 1 -1 об.

[9] РГИА.Ф. 467. Оп. 4. Д. 366. Лл. 3, 4.

[10] РГИА.Ф. 467. Оп. 4. Д. 366. Лл. 4, 4 об., 5.

[11] *Голиков.* Деяния Петра Великого. Т. 9. С. 297. Цит. по: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/ Анисимов Е.В. Биохроника.

[12] Походный журнал 1725 г. СПб. 1855. С. 1, 2, 59–60.

[13] НИ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 181. 1725 г. Л. 80-80 об.

28 января 1725 г. Петр Великий скончался в новом Зимнем дворце. В стране был объявлен годичный траур. Саксонский посланник в Петербурге И. Лефорт 10 февраля (ст.стиль) 1725 г. писал своему первому министру Я.Г. Флеммингу: «Все затрудняются глубоким трауром, который должны надеть. Царский двор и двор герцога голштинского забрали все, что было в магазинах, почему все сто́ит теперь очень дорого. Иностранные министры хлопочут об траурных экипажах и ливреях своей прислуге, хотя нам еще не объявили ни о смерти, ни о порядке траура»[14].

30 января 1725 г. в Малой зале нового Зимнего дворца началось прощание с телом императора. В то же самое время в Кавалерском зале началось устройство «Печальной» залы, куда тело перенесли 13 февраля. В ней «развешаны были таписереи готлисские на которых были изображения бытия нового завета, а оные таписереи тканы в гобленые»[15]. Это были обои из гобеленовой фабрики, подаренной Петру I Людовиком XV[16]. Катафалк с гробом поместили на подиум из пяти ступеней, который покрыли кармазинным бархатом[17]. На высоте 14 футов (ок. 4,3 м) над ним установили балдахин, также из кармазинного бархата, украшенный богатым шитьем и золотым галуном, с золотым подзором и вензелем Петра Великого[18].

Н. Пино писал, что он «нарисовал все декорации в Большом зале и надзирал за мастерами при исполнении этих декораций <...> вкупе с живописцем Каравакою, резчиком Симоном и столяром Мишелем»[19]. Из документов узнаем имя еще одного мастера, который трудился над реализацией его планов — «кроватного и уборного дела» придворный мастер И. Рожбот. Он выполнял много заказов для двора: при подготовке церемонии коронации Екатерины в 1724 г. (изготовил балдахин над коронационным троном «из приве-

---

[14] Донесения, относящиеся к царствованию императрицы Екатерины I. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 3. СПб. 1868. С. 401.

[15] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. 1.

16 Донесения, относящиеся к царствованию императрицы Екатерины I. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 3. СПб.,1868.С. 402. И. Лефорт писал об этом Я.Г. Флеммингу в письме от 13 февраля (ст.стиль) 1725 г.

[17] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. 1.

[18] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. 1-1 об. Кармазинный, кармезинный (от франц. cramoisi) — темно-красный цвет.

[19] К работам по украшению траурного помещения было привлечено много художников, скульпторов. *В.Ю. Матвеев*. «Разных художеств мастера» (Новые архивные материалы к истории русской культуры первой четверти XVIII в.) // Наука и культура России XVIII века. Сборник статей. Л., 1984 г. С. 144-177.

зенных из Венеции бархатов и позументов и бахромы»)[20]; делал многочисленные кровати для императорских домов; изготовил в Зимнем доме (в 1727 г.) «в болшой сале балдахин бархатной красной с вышиванием герба»[21]; к свадьбе цесаревны Анны Петровны с гольштинским герцогом сделал кровать, обитую штофом и два балдахина22. После смерти Екатерины 6 (17) мая 1727 г. руководил работами по оформлению «печальной салы», вновь устроенной в Кавалерском зале Зимнего дворца, изготавливал для нее декорации[23].

Согласно «Описанию» балдахин в траурной зале был из кармазинного бархата[24]. О. де ла Мотре, описывая в 1726 г. могилу императора в церкви Петропавловского собора, ошибочно писал, что балдахин был из «пурпурного атласа»: «В церкви по-прежнему находился катафалк Петра I, покрытый расшитой золотом тканью и поднятый над полом на 5 ступеней, устланных *пурпурным атласом; балдахин из такой же ткани и такого же цвета, с золотым шитьем*»[25]. Документы подтверждают: балдахин был бархатным. Работу над ним И. Рожбот начал вскоре после кончины Петра[26]. 14 апреля выдали «купецким людем и мастеру Рожбарту за взятые и за дело к погребению <...> разные товары»: Рожботу «за дело балдагина» и «издержанные» его деньги 616 р. 49 коп. и «купецкому человеку Петру Салуцию за бархат малиновой и пунцовой и за бахраму ускую» 103 р. 12 коп.[27]

На амвоне около гроба стояло «9 табуретов золоченых поволочены штофом красным з галуном и з бахромою золотою». На каждом из них лежало по подушке из золотого штофа с золотыми кистями. На них были положены короны: императорская, царства сибирского, казанского, астраханского, золотой скипетр, золотая держава, голубые ленты «кавалерии дацкой чина слона белого со звездою»,

---

[20] РГАДА.Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34740. Л. 75, Л. 8.

[21] РГИА.Ф. 468. Оп. 45. Д. 598. Лл. 231, 232; *Сергеева Г.И.* О жизни двора после Петра. «Стол росходный 1727 году денежной казны по Кабинету» // Материалы научной конференции «Петровское время в лицах». Труды Государственного Эрмитажа CXXII. СПб., 2024 г. С. 227.

[22] НИ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 87 об.

[23] РГИА.Ф. 468. Оп. 45. Д. 598. Л. 571.

[24] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. 1-1 об.

[25] *Де ла Мотре О.* Из путешествия... // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.212–213.

[26] НИ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 181. Лл. 18 об.-19.

[27] НИ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 181. Лл. 40-40 об., 81-82 об.

«кавалерии росиискоЙ чина святаго апостола Андрея со звездою», «кавалерии полской чина орла белаго с его звездою»[28]. Из выявленного нами документа следует: табуреты (в нем их называют стульями) были обиты бархатом: 16-го марта выдали «купецким людем за взятые у них товары к делу чехлов на стулья бархатные, которые поставлены под коронами скипетром и державою и ковалериями» 101 р. 87 к. Нашивки из золоченых нитей на табуреты вышивала Авдотья Сидорова. 3 марта ей заплатили 20 руб. за работу «за нашивку на десяти стульях которые будут при погребении у церемонии на каждом стуле <...> золотом»[29].

В день погребения 10 марта началось церемониальное шествие печальной процессии из дворца в крепость через Неву. По прибытии гробы с телами императора и цесаревны Натальи были поставлены в малой деревянной церкви, построенной внутри недостроенного собора. Ее сооружением руководил Д. Трезини. Это следует из его доношений в Канцелярию от строений. В них он просил к определенным к ее строительству 50-ти человекам выделить дополнительно из каменщиков, «которые плотничной отчасти умеют для поспешания»[30]. Писал, что в церкви изнутри «стены будут обиватца от полу до постеннаго гзымза черным фланелом», «сверх того гзымза» и в алтаре потолок будет обит холстом и покрашен черной краской[31], и обозначил размеры церкви — «длиною надватцати девяти шириною на осмнадцати аршинах с полу вышиною одинатцать аршин олтарь длиною надевяти поперег нашти вышиною семи аршин которую церковь и алтарь кругом наличные стены надлежит выкрасить пристоиною краскою по назначенному чертежу». Нужные для этого материалы, писал он, указаны в росписи живописца Александра Захарова: немецкие белила, ярь медянка, лазорь, черлень, умра и др. Расписывать будут живописцы «с новых заводов» Федор Черкасов, Алексей Ливонский «и с ними 4 человека их учеников»[32].

К 4 марта церковь была построена, что известно из доношения Д. Трезини в канцелярию от этого числа, где он требовал 8 аршин белой тафту на оформление ее алтаря — «потребно <...> в *новопостроенную* деревянную церковь <...> на писание мертвых глав которые будут околу олтаря и протчая» — и тысячу досок «на мощение

[28] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. 1725 г. Л. I об.

[29] НИ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 55 об.-56,76.

[30] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 194.

[31] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 232.

[32] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 247-247 об.

досками пред дверми церковными с лица и на мощение полу в каменной церкви святых апостолов Петра и Павла кругом новопостроенной деревянной церкви» толщиной в 1 1/2 и в 2 дюйма»[33,34].

В документах отмечено, что гроб с телом Петра, сделанный «*на образ гробницы или раки*»[35], был помещен в медный ковчег. Н.И. Кашин, которого называют то солдатом, то унтер-офицером, служившим при Петре I в гвардии, в одном из своих рассказов писал: император «скончался 1725 г. генваря 28 дня и поставлен был в *медном* гробе в Петропавловском соборе на анбоне». И добавлял, что гроб с телом Екатерины I был также медный: «1727 году маия 7 числа в Питербурхе скончалась и положена в *медной* гроб и по отпетии поставлено тело ее во гроб на той же анбон с сожителем ее великим императором Петром»[36].

Таким же образом в ковчег была помещена рака с мощами Св. Александра Невского. В Указе по поводу переноса мощей Петр I «...указал *при ковчеге, в котором рака с мощми* <...> от Владимира до Шлиссельбурга принесена, и до Санкт-Петербурга несена быть имеет, *устроить арматуру по абрису, каков в Санкт-Петербурге учинен*»[37].

Изготовление медного ковчега «на гроб» было поручено мастеру иноземцу Ягану Гиндрес Тросту «по показанному чертежу» за 80 руб.[38]. Имя мастера и его роль в сооружении ковчега, а также других мастеров, трудившихся над его изготовлением, удалось установить из архивных документов. Канцелярия от строений приказала требующиеся ему материалы «отпускать и из города архитекту Трезину», чтобы он определил «у надзирании» ковчега «доброго ученика кому может верить» и чтобы тот рапортовал «повседневно» в Зимний дворец[39]. Архитектор М. Земцов также отправил к мастеру «медного дела 2 человек мастеровых людей к делу <...> на гроб ковчега» — Александра Семенова и Якова Курмина[40]. 4 марта ков-

---

[33] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 291, 296, 298.

[34] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Лл. 293, 294, 295.

[35] НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 253/12. Л. I.

[36] *Н.И. Кашин*. Поступки и забавы императора Петра Великого (запись современника). СПб., 1895. С. 21.

[37] https://spb.hse.ru/humart/history/peter/ Анисимов Е.В. Биохроника.

[38] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 170. В.Ю. Матвеев пишет, что ковчег изготавливал лакового дела мастер Гендрик Брумкорст (Hendrik van Brunkhorst), сноску на его работу см. выше.

[39] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Л. 173, 173 об.

[40] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. (кн.). 49 А. Лл. 172, 174.

чег уже стоял в деревянной церкви. Там же были оставлены гербы и знамена, все убранство Castrum Doloris в том порядке, в каком они находились в Траурной зале. Над амвоном, гробом с ковчегом Петра Великого и гробом цесаревны Натальи был поставлен один балдахин. В таком виде место погребения существовало несколько лет[41].

Планы по использованию Петропавловского собора для захоронений членов императорской фамилии существовали еще при жизни Петра Великого. В декабре 1724 г. придворный архитектор в Стокгольме и королевский советник Никодемус Тессин (1654–1728) прислал Петру проект неосуществлённой большой церкви для Петербурга, позже предложив захоронить императора под будущим кафедральным собором[42].

В феврале 1725 г. указом императрицы было повелено изготовить модели надгробия или мавзолея[43]. Вскоре были созданы как минимум три проекта надгробных сооружений. Их авторами были Б.К. Растрелли, И. Браунштейн и Н. Пино[44].

Три рисунка надгробных сооружений Н. Пино хранятся в Музее декоративно-прикладного искусства в Париже. (илл. 5, 6, 7). На одном из них изображен саркофаг, который заканчивается фигурой Истории и плачущими амурами с опрокинутыми факелами. По бокам — аллегорические статуи. Между гробом и основанием монумента, украшенным гирляндами, вазой, львиными мордами по бокам, с надписью в центре — щит с императорским гербом. На двух других рисунках — аллегорические фигуры и светильники. На одном из них также длинная надпись и украшения в виде трофеев, медальона с портретом и двумя амурами, один из которых держит корону, а другой, плача, чертит вензель на щите. Этот рисунок имеет общие черты с еще одним рисунком Н. Пино из собрания того же музея — надгробным памятником, предположительно, Я. Брюсу. (илл. 8).

В собрании Государственного Эрмитаже хранятся пять рисунков к проекту мавзолея над могилой Петра Великого в Петропавловском соборе, разработанных в 1725 — начале 1726 г. На двух из них

---

[41] *Агеева О.Г.* Петербургский траурный церемониал ... С. 502.

[42] *Артамонов В.А.* Проект саркофага («моузолю») для Петра Великого в 1725–1726 гг. // https://history.milportal.ru/proekt-sarkofaga-mouzolyu-dlya-petra-velikogo-v-1725-1726-gg/ обращение 05.09.2025 г.

[43] *Денисов Ю.М., Петров А.Н.* Зодчий Растрелли. Материалы к изучению творчества. Л., 1963.

[44] *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Бартоломео Карло Растрелли. 1675–1744. М.-Л., 1964. С. 53.

Илл. 5. Monument funéraire. Pour Pierre le Grand à Pineau (attribué à), Nicolas (1684-1754) vers 1725 á N°inv. CD 1487. Musée des Arts décoratifs. Paris.
Н. Пино (1684-1754). Проект саркофага Петра Великого. Ок. 1725.
Музей декоративно-прикладного искусства. Париж.

Илл. 6. Monument funéraire. Pour Pierre le Grand à Pineau, Nicolas (1684-1754) vers 1725. N°inv. CD 1489. Musée des Arts décoratifs. Paris.
Н. Пино (1684-1754). Проект саркофага Петра Великого. Ок. 1725. Музей декоративно-прикладного искусства. Париж.

Илл. 7. Monument funéraire. Pour Pierre le Grand à Pineau, Nicolas (1684-1754) vers 1725. N°inv. CD 1490. Musée des Arts décoratifs. Paris.
Н. Пино (1684-1754). Проект саркофага Петра Великого. Ок. 1725. Музей декоративно-прикладного искусства. Париж.

Илл. 8. Monument funéraire. Pour Jacob Bruce à Pineau, Nicolas (1684-1754) vers 1721 á N°inv. CD 1488. Musée des Arts décoratifs. Paris.
Н. Пино (1684-1754). Проект саркофага Я.Брюса. Ок. 1721. Музей декоративно-прикладного искусства. Париж.

изображен саркофаг — вид сбоку и с торца, еще на двух — сень над катафалком и на пятом — пилон в соборе с украшениями. (илл. 9, 10, 11, 12).[45] По мнению Н.И. Архипова и А.Г. Раскина, проект принадлежит Б.К. Растрелли[46]. Отдельные авторы считают, что его автором мог быть Л. Каравак[47]. Рисунки И. Браунштейна до настоящего времени не обнаружены.

«Толки о пышной гробнице царя широко распространялись почти сразу после его [Петра — *Г.С.*] смерти. 2(13) февраля 1725 года И. Лефорт писал Я.Г. Флеммингу, что "теперь приготавливают великолепную мраморную гробницу"»[48]. О «мавзолее», как месте упокоения Петра I, написал один из служителей польского магната Я.К. Сапеги (1672–1730). 2 марта 1726 г. он побывал в доме некоего «архитектора» Петергофского дворца, где «ради любопытства рассмотрели рисунок очень красивого мавзолея, который из одного мрамора уже делают в Италии за большую цену для тела императора, ибо, как слышу, будет стоить больше двух миллионов»[49].

О. де ла Мотре в приведенном выше описании Петропавловского собора отмечал, что перенесенное из Траурной залы убранство, находилось там «*как мне говорили, до тех пор, пока из Италии не привезли части или украшения великолепной мраморной гробницы*»[50]. Однако документов, подтверждающих сооружение пышного надгробия в последующее время, не найдено. Императрица Елизавета Петровна намеревалась превратить Петропавловский собор в своеобразный мавзолей Петра Великого. По проекту М.В. Ломоносова

---

[45] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в. Научный каталог. Ленинград. 1981. С. 127; *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Бартоломео Карло Растрелли. 1674–1744. Л. –М., 1964. С. 54–60.

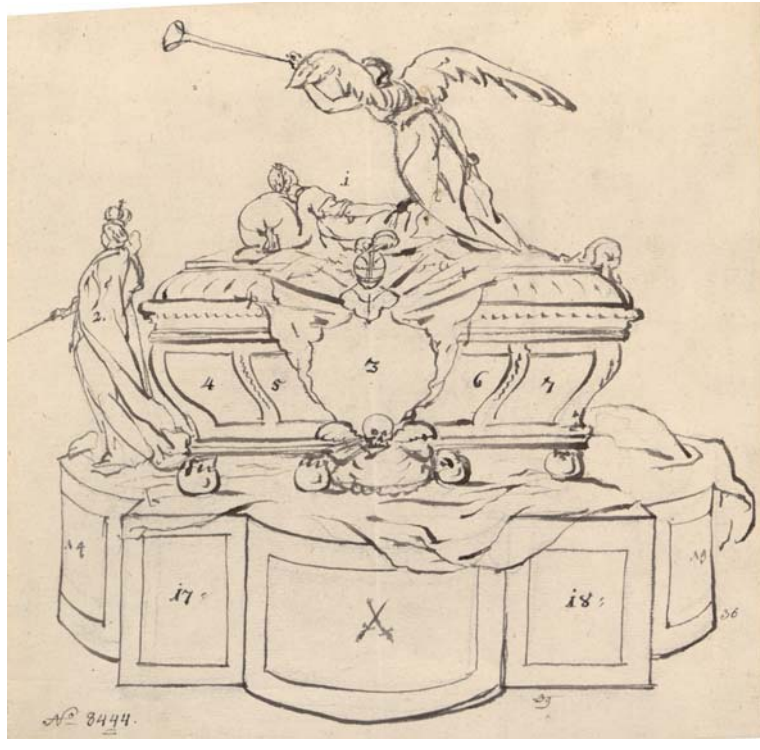
[46] *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Бартоломео Карло Растрелли. 1675–1744. М.-Л., 1964. С. 54.

[47] *Орехова Е.М.* Эскизы надгробия императора Петра Великого: Растрелли или Каравак? Текст в печати. *Артамонов В.А.* Проект саркофага («моузолю») для Петра Великого в 1725–1726 гг. // https://history.milportal.ru/proekt-sarkofaga-mouzolyu-dlya-petra-velikogo-v-1725-1726-gg/ обращение 05.09.2025 г. В РГАДА хранится описание проекта саркофага («моузолю») Петра Великого, составленного в первой половине 1725 г. и пояснения к аллегорическим фигурам при нём.

[48] *Артамонов В.А.* Проект саркофага...

[49] *Артамонов В.А.* Проект саркофага ...

[50] *Де ла Мотре О.* Из путешествия...// *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.212–213. (здесь сноска у Ю. Беспятых: Гроб с телом Петра I стоял в соборе до 21 марта 1731 г. *Флоринский Д.* Историко-статистическое описание Санктпетербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб. 1857. С. 80).

Илл. 9. Бартоломео Карло Растрелли. Эскиз оформления катафалка с гробом Петра I (вид сбоку). Россия. 1725 г. бумага, перо, кисть, тушь. 26,5х26,8 см. Инв. № ОР-8444. ©Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

(1758 г.) в нем предполагалось установить статуи аллегорического содержания, статую Петра I, стены украсить мозаичными картинами, раскрывавшими основные деяния великого монарха[51]. Ни один из проектов мавзолея над погребением императора России не был осуществлен.

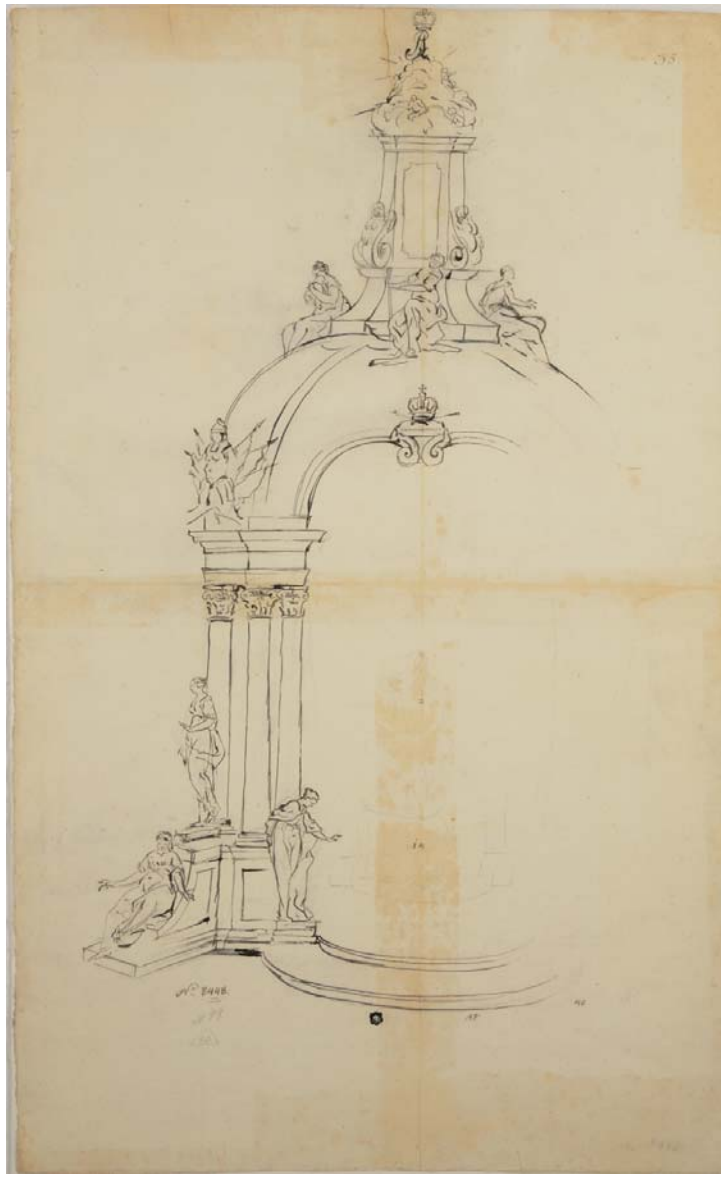
[51] *Артамонов В.А.* Проект саркофага...

Илл. 10. Бартоломео Карло Растрелли (?). Саркофаг Петра I. Вид с торца. Проект. Россия (?). 1725 г. бумага, перо. 27x16,2 см. Инв. № ОР-8445. Фотограф К.В.Синявский. ©Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Илл. 11. Бартоломео Карло Растрелли. Набросок балдахина над катафалком Петра I (вид сбоку). Россия. 1725 г. бумага, перо, кисть, тушь. 67,4х41,4 см. Инв. № ОР-8447. ©Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Илл. 12. Бартоломео Карло Растрелли (?). Сень над катафалком Петра I в Петропавловском соборе. Фасад (левая часть). Проект. Россия(?). 1725 г. Бумага, перо, карандаш. 66,7х41,3 см. Инв. № ОР-8448.
©Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Марина Олеговна Логунова
(Санкт-Петербург)
Главный научный сотрудник
Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Мемориал на могиле Петра Великого. Воссоздание исторической памяти

Marina O. Logunova

Memorial at the grave of Peter the Great. Reconstruction of the historical memory

Аннотация: Статья посвящена уникальному проекту Государственного музея истории Санкт-Петербурга по воссозданию исторического мемориала, состоявшего из различных подношений к могиле Петра I. В 2022 г. на историческом месте появилась современная икона, являющаяся списком с мерной иконы Петра I, утраченной в советское время вместе с многими другими подношениями. В 2025 г. к 300-летию со дня смерти первого русского императора к ней добавились: памятный венок, памятная медаль и копии знамен петровского времени.

Abstract: The article is devoted to the execution of the unique project of the State Museum of History of St. Petersburg to recreate and return to its historical place the measured icon of Peter the Great, which was an element of the memorial at the emperor's tomb in the Peter and Paul Cathedral, but was subsequently lost.

Ключевые слова: Петр I, мерная икона; венок, медаль, знамя, Петропавловский собор.

Keywords: measured icon; Apostle Peter; Peter I; cypress; image; frame; reconstruction, St. Peter and St. Paul Cathedral, icon; St. Petersburg.

За два века истории Петропавловского собора, как действующего храма, в нем накопились значительные ценности: церковная утварь, реликвии, богатые одежды священнослужителей, хорошая библиотека. К 1917 г. на стенах, пилонах и в особых киотах находилось большое количество икон, более тысячи венков. Особым почитанием пользовались могилы членов императорской семьи. Среди подношений представителей всех народов и сословий Российской империи, а также дипломатических делегаций, были иконы, кресты, венки, лампады, медали и т.д.

В советский период ценности Петропавловского собора были изъяты, судьба многих вывезенных реликвий пока не известна. Однако, традиция возложения подношений на могилы российских императоров была продолжена в новое время.

Государственный музей истории Санкт-Петербурга планомерно занимается воссозданием убранства Петропавловского собора вообще и могилы Петра Великого, в частности. За последние несколько лет поводом к этому служили памятные даты, связанные с жизнью и смертью Петра I.

350-летие Петра I. Мерная икона (илл. 1)

В 2022 г. к празднованию 350-летия Петра I Гос. музей истории Санкт-Петербурга принял решение о воссоздании мерной иконы императора и возвращении ее на историческое место у его могилы в Петропавловском соборе. В XVII–XVIII вв. мерные иконы создавались в основном в правящей семье российских монархов ко дню крещения новорожденных. Такая икона отражала «долготу роста и ширину объёма» ребенка и изображала тезоименного ему святого и часто Святую Троицу.

Илл. 1. Мерная икона на историческом месте над могилой Петра I. Фото автора. 2022.

К моменту крещения новорожденного царевича Петра Алексеевича, будущего императора Петра I, его отец царь Алексей Михайлович заказал подобную мерную икону. Начал работу над родильным образом царевича Симон Ушаков, а закончил, в связи с болезнью Ушакова, Федор Козлов. Икона, написанная на кипарисовой доске, изображала святого апостола Петра, ее размер соответствовал размерам ребенка: 11 (49,5 см) на 3 (13,5 см) вершка. Впоследствии мерная икона Петра I была перевезена в Петербург, где хранилась в придворной ризнице. В 1827 г. по приказу Николая I она была передана в Петропавловский собор и установлена у могилы Петра I. Икону украшал золотой оклад и дорогая деревянная рама. Когда мерная икона пропала из Петропавловского собора — неизвестно. На данный момент музей не располагает точными данными о ее местонахождении. Однако есть предание о том, что эта икона или ее список находились над могилой Петра I во время Великой Отечественной войны, когда солдаты уходили на фронт от могилы императора. Эта патриотическая церемония существовала и была инициирована С.Д. Павловой, блокадным директором Гос. музея революции РСФСР, в который входил Петропавловский собор в то время.

Гос. музей истории Санкт-Петербурга воссоздал мерную икону Петра I по сохранившимся историческим описаниям и свидетельствам в соответствии с материалами, размерами, техникой и манерой иконописцев XVII в. Великолепная рама ручной работы также воссоздана в соответствии с иконографией XIX в. Написал образ иконописец Д.Г. Мироненко. Научным консультантом при воссоздании иконы и инициатором проекта выступила М.О. Логунова, главный научный сотрудник музея, кандидат исторических наук. Проект получил поддержку со стороны Дирекции Гос. Музея истории Санкт-Петербурга.

День празднования 350-летия со дня рождения Петра I начался в Петербурге с торжественного мероприятия в Петропавловском соборе. Новый список иконы был освящен 9 июня 2022 г. митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием и занял свое законное место над могилой императора Петра I[1]. Это событие — очередной шаг музея на пути восстановления исторически сложившегося в XVIII–XIX вв. мемориала на могиле Петра I.

[1] Подробнее: *Логунова М.О.* Воссоздание мерной иконы Петра I: история уникального проекта // Санкт-Петербургская Духовная академия. Труды кафедры богословия. Научный журнал СПб Духовной Академии Русской Православной церкви. № 3 (23) 2024. СПб: СПбДА, 2024. С. 185–198.

300-лет со дня смерти Петра I

К другой памятной дате — 300-летию со дня смерти первого российского императора 8 февраля 2025 г. музей подготовил обширную программу. Дирекцией музея была создана рабочая группа, которая занималась подготовкой мероприятия. Научное обеспечение и создание проекта обеспечивала М.О. Логунова. Безусловно, проект не был бы осуществлен без одобрения руководства музея и активного участия членов рабочей группы: ныне зам. Генерального директора музея Е.В. Бегловой, руководителя пресс-службы музея О.В. Скоробогатой, главного специалиста А.Ю. Беляевой, зам. Генерального директора С.В. Орлова.

Весной 2024 г. гл. научный сотрудник Марина Олеговна Логунова обратилась к Генеральному директору ГМИ СПб с рядом предложений в связи с приближающимся 300-летием со дня смерти Петра Великого. Часть этих предложений была принята, к ним относятся: создание мемориального венка, памятной медали и выносных знамен. Среди подношений к захоронениям были иконы, лампады, кольца, пасхальные яйца, ковры и т.д. Среди жертвователей были члены императорской семьи, представители правительственных и иных делегаций, организации и частные лица. Большая часть этих реликвий, особенно имеющих материальную ценность, была вывезена в Москву в послереволюционное время. Особым вниманием дарителей пользовались венки, создаваемые специально по определенному поводу и выполненные из золота, серебра (большинство венков), металла, воска и других материалов.

I. Мемориальный венок

В 2011 г. к уже существующим подношениям добавился венок «Державному основателю завод «Арсенал» — «1711–2011» (скульптор А.Ю. Вавашкин. Бронза. Литье, чеканка, серебрение, золочение[2].

Предложение создать новый венок на могилу основателя Санкт-Петербурга было поддержано администрацией музея. После рассмотрения иконографии выбор пал на серебряный венок, поднесенный на могилу Петра I до 1911 г. Главным Интендантским

[2] Подробнее: *Логунова М.О.* Формирование мемориала на могиле Петра I в Петропавловском соборе / *М.О. Логунова* // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 523–534.

Илл. 2. К. Булла. Могила Петра I в Петропавловском соборе. Фото 1911. Фрагмент.

управлением (илл. 2). Впоследствии венок вместе с остальными серебряными венками был отправлен в Москву, скорее всего на переплавку, потому что подобные серебряные венки считали ящиками. Местонахождение подлинного венка на данный момент неизвестно: в Гос. каталоге музейного фонда РФ, электронных каталогах ГИМ и Оружейной палаты он не показан. Венок в качестве примера для эскиза отличается с одной стороны своей исторической смысловой точностью, с другой стороны, как показало время, прекрасно вписался в интерьер Петропавловского собора, добавив новые краски в формирование мемориала на могиле Петра Великого. Одна половина венка составлена из лавровых листьев, что символизирует славу и победы России. Другая сторона — из дубовых листьев, как символ вечности. В центре помещена монограмма Петра I — две перекрещенные латинские буквы «P» под императорской короной сверху и цифрой «I» под буквами. При решении о воссоздании этого венка учитывалось, что эта монограмма в настоящее время является логотипом Гос. Музея истории Санкт-Петербурга. Венок стал не копией, а новым произведением искусства, стиль которого основан на исторических традициях. На ленте, соединяющей ветви выгравирована надпись: «Основателю Санкт-Петербурга от благодарных потомков».

Илл. 3. Венок на 300-летие со дня смерти Петра I.
Скульптор В.Н. Галкин. Фото ГМИ СПб. 2025.

В связи с особенностями открытого хранения в Петропавловском соборе артефакты из драгоценных металлов должны быть помещены в специальный футляр и подключены к сигнализации, поэтому было решено сделать венок из недрагоценного металла, но в соответствии со стилистикой петровского времени. Создание венка музей доверил петербургскому мастеру кузнечного искусства, Народному художнику РФ В. Н.Галкину, меценатом выступил руководитель ювелирно-художественной мастерской «Апостол» И.С. Харьков. Размеры венка: 55 х 45 см. Материал: цветной сплав (латунь, бронза), серебрение, золочение. Техника: литье, ковка (илл. 3).

II. Медаль к 300-летию со дня смерти Петра I (илл. 4)

История коммеморативных (юбилейных) медалей в России восходит к XVIII в. В память о Петре I была изготовлена медаль для участников церемонии похорон, на аверсе которой располагался портрет Петра I, на реверсе — аллегория России, сидящей у моря с кораблями, планом Санкт-Петербурга и императорскими регалиями. Сверху было помещено изображение императора на обла-

Илл. 4. Медаль на смерть Петра Великого. Аверс и реверс.

ке и надпись: «Виждь какову оставихъ тя» и указаны даты жизни царя.

Впервые медаль, посвященную 100-летию Петербурга, возложил на надгробие Петра I Александр I в 1803 г. В 1872 г., когда торжественно отмечалось 200-летие Петра Великого, на надгробии добавилась медаль, посвященная этому юбилею. При Николае II в 1903 г. появились медали: в честь 200-летия города (1903) и юбилеев петровских побед в Северную войну: 200-летия взятия г. Нарвы (1904); Полтавской победы: золотая и серебряная (1909). На фотографии надгробия, сделанной конце 1950-х гг. во время реставрации собора, видно, что все реликвии исчезли. В дни празднования 300-летия Петра I в 1972 г. научно-методический совет Гос. Музея истории Ленинграда решил компенсировать потери, и на могиле императора появились те медали, которые можно увидеть и сегодня. Все они являются гальванокопиями медалей XIX — начала XX в., кроме медали, посвященной 300-летию Петербурга, возложенной в 2003 г. (медальер С.А. Корнилов. Петербургский монетный двор. Металл, чеканка). В 2009 г. в преддверии 300-летия победы России в Полтавской баталии, ознаменовавшей коренной перелом в ходе Северной войны, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, легендарный российский спортсмен, скульптор Ю.С. Тюкалов предложил по сохранившемуся штампу бесплатно изготовить копию медали «За Полтавскую баталию», учрежденной в 1710 г., которой награждались участники сражения. Однако существовавшая в тот момент администрация музея эту идею не поддержала, и медаль создана не была.

В ходе обсуждений того, как должна выглядеть медаль на смерть Петра I, выполняемая к 300-летию со дня печального события,

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ГОЗНАК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР
филиал АО «ГОЗНАК»

1:1

Эскиз медали “300 ЛЕТ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ПЕТРА I”,
материал: томпак, диаметр: 60 мм,
качество исполнения: обычное с художественной расчисткой.

Илл. 5. Бланк медали на 300-летие со дня смерти Петра I. 2025.

за образец для аверса был принят вариант, выполненный медальером Петером Бергом[3] «На кончину императора Петра Великого. 28 января 1725 г.». Однако в связи со сложностью и многофигурностью композиции обратной стороны реверс медали было решено не воспроизводить, а добавить современное звучание, и из пяти предложенных вариантов рабочая группа выбрала рисунок: вид Петропавловской крепости с Невы. Медаль изготовлена Санкт-Петербургским монетным двором Гознака. При создании современной медали использовался исторический штамп для аверса. Реверс медали «300 лет со дня смерти Петра Великого» — медальер О.А. Янченко (материал: томпак, диаметр 60 мм) (илл. 5).

III. Знамена.

Традиция восстановления развески знамен около могилы Петра I была восстановлена в 1972 г., во время празднования 300-летия со дня рождения императора. Тогда научно-методический совет музея решил украсить захоронение императора двумя флагами — Андреевским морским и ротным знаменем полка петровского времени.

В конце XX в. для химчистки знамена были сняты, но на свое место возвращены не были, что вызывало недоумение посетителей собора, особенно среди военных и представителей Военно-морского флота.

Готовясь к 300-летию со дня кончины Петра Великого, музей решил восстановить знамена в соответствии с историческими образцами. Не вызвало сомнений, что одним из них должен быть Андреевский флаг, учрежденный Петром I в 1699 г. в качестве официального флага военного флота. Свой выбор император объяснял тем, что именно от апостола Андрея Россия приняла святое крещение, и поэтому ему хотелось таким образом увековечить имя святого, одного из покровителей Петербурга. Белое полотнище с синим диагональным крестом (на таком кресте, по преданию, принял мученическую смерть апостол Андрей) развевалось на мачтах российских кораблей до 1917 г.[4] После распада СССР в 1991 г. в качестве Военно-морского флага указом Президента РФ был введен исторический российский Андреевский флаг.

---

[3] Датский медальер начала XVIII в. (годы жизни неизвестны). Работал в Копенгагене в 1699–1730 гг. Его подпись стоит на одной из медалей в память кончины Петра I. См. *Щукина Е.С.* Монограммы и подписи на русских медалях XVIII–начала XX века. Киев: Юнона-монета, 2002. С. 154.

[4] Электронный ресурс: URL: https://navalmuseum.ru/news?id=466

За образец взят флаг, хранящийся «Центральном военно-морском музее им. императора Петра Великого» Министерства обороны РФ образца 1712 г.: прямоугольный, из белого шелка, с синим андреевским крестом. Белая часть флага сшита из трех частей. Полосы андреевского креста вшиты.

Вопрос оставался за вторым флагом. Начиная с петровского времени старые полковые знамена хранились в полковых цейхгаузах, затем в здании Арсенала на Литейном пр., а с 1860 г. в Артиллерийском музее, созданном в Кронверке при Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. В настоящее время большая их часть является коллекцией Эрмитажа. На заседаниях рабочей группы по подготовке мероприятий к 300-летию смерти Петра Великого обсуждались разные знамена, в первую очередь Знамя ротное лейб-гвардии Преображенского полка 1700 г. Первая четверть XVIII в. дала большое количество разнообразных знамен, в создании около 30 из них принимал участие сам Петр I. Однако наиболее известное ротное знамя Преображенского полка перегружено деталями и для настоящих музейных целей показалось неприемлемым.

После дискуссии за образец приняли ротное знамя драгунского полка 1712 г. В соответствии с губернской реформой 1708 г. Россия разделилась на 8 губерний, содержащих определенное количество полков, получивших названия не по фамилии командира, как это было ранее, а по названию губернии. В 1712 г. полкам выдали знамена нового образца, одинаковые для всех. Они представляли собой белое полотнище, в центре — изображение золотого вензеля Петра I с пальмовыми ветвями по сторонам под императорской короной (несколько таких знамен хранятся в Государственном Эрмитаже). Размеры были разными, все знамена обшивались бахромой. Именно это знамя представилось наиболее интересным и информативным для воспроизводства. По указу Петра I многие флаги и знамена полков с 1698 г. шили из китайского цветного гладкого и узорчатого шелка (камки). При решении о создании знамен учитывалась необходимость изготовления древков, наверший и держателей (илл.6).

В результате были созданы копии двух знамен: ротного знамени драгунского полка 1712 г. и Андреевский флаг, символизирующие роль императора как реформатора российской армии и основателя российского флота. Копии этих исторических знамен специально были изготовлены к памятной дате на средства компании ПАО «Газпром», исполнителем выступил индивидуальный предприниматель С.В. Жуков.

Илл. 6. Знамя с монограммой Петра I. Китайский шелк, тушь. XVIII в. Оружейная палата Московского Кремля. Россия. 1712 г. Инвентарный номер: Зн-38

Уже в ходе обсуждения было решено, что знамена не будут постоянно выставлены рядом с могилой Петра I. Их будут выносить из запасников и устанавливать рядом с надгробием в дни воинской славы, День рождения города и в дни особых торжеств.

8 февраля 2025 г. в Петропавловском соборе у могилы императора прошло памятное мероприятие, посвященное 300-летию со дня смерти Петра I. Почетный караул с оркестром встречал участников в Петропавловском соборе. Знаменные группы Почетного караула вынесли флаг РФ, флаг Санкт-Петербурга, ротное знамя драгунского полка 1712 г. и Андреевский морской флаг (илл. 7). В событии приняли участие Губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Беглов, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, Генеральный директор Гос. музея истории Санкт-Петербурга В.А. Григорьев, главный герольдмейстер РФ Г.В. Вилинбахов, представители Правительства и Законодательного собрания Санкт-Петербурга, общественных организаций, культурного и делового сообщества города, СМИ. Губернатор города А.Д. Беглов и председатель правления и заместитель председателя совета директоров ПАО «Газпром» А.Б. Миллер, член Попечительского совета Гос. музея истории Санкт-Петербурга выступили с речами, посвященными жизни

Илл. 7. Рота Почетного караула со знаменами. Фото 8.02.2025.

Илл. 8. Почетные гости мероприятия.

9. Освящение мемориального венка.

и деятельности императора (илл. 8). В День памяти Петра I по императору была отслужена панихида, которую возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, освятивший памятный венок после окончания панихиды и произнесения пастырского слова (илл. 9).

Алексей Миллер передал в дар Александру Беглову, Владимиру Григорьеву и Митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Варсонофию памятную книгу о первом российском императоре «PETRO PRIMO RUSSIA GRATA. MMXXII (ПЕТРУ ПЕРВОМУ БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ». 2022). Книга подготовлена «Газпромом» совместно с Институтом Петра Великого и коллективом авторов из числа ведущих историков (илл. 10). В завершение церемонии участники возложили цветы на могилу основателя Санкт-Петербурга (илл. 11).

С сожалением следует признать, что не всегда деятельность музея по организации памятного события, посвященного 300-летию со дня смерти Петра Великого, находила понимание у иных чиновников, однако благодаря пониманию со стороны первых лиц города мероприятие прошло на должной высоте.

Серебряный венок и памятная медаль стали частью мемориала на могиле первого российского императора и продолжением программы Государственного музея истории Санкт-Петербурга по планомерному воссозданию и сохранению исторического и культурного наследия нашей страны (илл. 12).

Илл. 10. Подарочное издание от ПАО «Газпром» — книга PETRO PRIMO RUSSIA GRATA. MMXXII (ПЕТРУ ПЕРВОМУ БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ. 2022) .

Илл. 11. Могила Петра I.

Илл. 12. Могила Петра I. Фото 8.02.2025.

Наталья Юрьевна Болотина
(Москва)
Главный специалист отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов

Мемориальные вещи Петра Великого в собрании РГАДА

Natalya Yu. Bolotina

Peter the Great's personal artifacts in the RGADA collection

Аннотация: В РГАДА наряду с документальным наследием Петра Великого хранятся принадлежавшие ему мемориальные предметы: 15 записных книжек на обычной и вощеной бумаге, кости и аспидных досках, собранный царем небольшой гербарий, а также грамота на датский орден Слона и статут. В статье приводится описание личных вещей Петра Великого, проанализирована история их поступления в архивы России, хранения и использования в экспозиционных целях.
Abstract: The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) holds, alongside the documentary heritage of Peter the Great, a collection of his personal artifacts. These include 15 notebooks made of paper, waxed paper, bone, and slate; a small herbarium assembled by the Tsar; as well as the patent and statute for the Danish Order of the Elephant. The article describes these personal items of Peter the Great and analyzes the history of their acquisition by Russian archives, their storage, and their use in exhibitions.

Ключевые слова: Петр I, мемориальные предметы, гербарий, записные книжки, печати.
Keywords: Peter I, personal artifacts / memorabilia, herbarium, notebooks, seals.

Российский государственный архив древних актов известен как место хранения богатейшего документального наследия Петра Великого, но есть в архиве и мемориальные вещи, принадлежавшие некогда царю-реформатору: 15 записных книжек, а также грамота о пожаловании царю датского ордена Слона и статут этой награды. Сто лет назад, в 1925 г., фонды МГАМИД, Государственного Древлехранилища и Государственного архива Российской империи были перевезены в здание на Большой Пироговской улице, где и хранятся по настоящее время.

Первым хранителем архива Кабинета стал кабинет-секретарь А.В. Макаров, который после смерти Петра I приступил к разборке и описанию материалов. Со вступлением на престол Петра II работа надолго приостановилась, а по указу 14 мая 1727 г. все имущество Кабинета и его дела были переданы в Верховный тайный совет. 18 сентября Макаров подал ведомость оставшихся вещей императора, на которой сделаны отметки об их передаче в разные учреждения. Например, «печать государева серебряная с футляром серебряным» в Верховный Тайный совет[1]. В список вошла и «кавалерия святаго Андрея староманерная», взятая из конторки Петра I после его кончины[2]. В августе 1728 г. «кабинетные дела» вслед за императорским двором перевезли из Петербурга в Москву, где разместили в подвале палат при Камер-коллегии. Вероятно, в это время часть петровских материалов оказалась в МАКИД. Пребывание в древней столице плохо сказалось на состоянии архива, дела находились в сыром подвальном помещении, в результате чего собрание петровских бумаг пришло в крайний беспорядок. Судя по внешнему виду, пострадали и записные книжки Петра I.

В составе МГАМИД в РГАДА поступили мемориальные предметы Петра Великого, связанные с его иностранной наградой. Взаимное пожалование высшими орденами своих государств произошло 4 февраля 1713 г. при встрече Петра I с датским королем Фредериком IV в Хузуме (Дания). Награждение царя орденом Слона символизировало союзнические отношения России и Дании в рамках Северного союза против Швеции, которые усилились после победы русских войск под Полтавой в 1709 г. и в Северной Германии и Померании в 1709–1713 гг. Вместе с орденом Петр I получил 18 февраля диплом (патент) и печатный экземпляр статута 1693 г. на датском и латинском языках, привесные печати на которых были заключены в кустодии (ковчеги) из слоновой кости[3] (илл. 1).

[1] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 73. Л. 359.

[2] Там же. Л. 361.

[3] См.: РГАДА. Ф. 164. Оп. 1. Д. Д.9,7.

Илл. 1. 1693 г. Статут датского ордена Слона (Elefant Rodder ordens Statute). Принадлежал Петру I.

Согласно статуту каждый рыцарь обязан был передать в Капитул цветной рисунок и описание своего герба для помещения в кавалерский гербовник, а также на специальный щит в орденской капелле королевского замка Фредериксборг. На гербе Петра I, представляющем собой оригинальную композицию на тему государственного герба, в красном поле щита изображен золотой двуглавый орел с поднятыми крыльями, регалиями в лапах и красным щитком на груди со всадником-змиеборцем, обращенным в левую сторону. Щит увенчан короной с золотыми трилистниками и жемчужными крестиками, а также золотыми дугами с жемчугом, увенчанными в свою очередь державой[4].

Перевод статута ордена Слона был выполнен служащими Посольского приказа 18 февраля 1713 г., и список 14 мая 1714 г.

[4] См.: *Пчелов Е.В., Афонасенко И.М.* Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов. М., 2020. С. 32.

отправлен Петру I на Котлин остров[5]. В ходе подготовки каталога выставки «Последний триумф Петра Великого. Впереди вечность» (ММК, 2025 г.) было проведено исследование, позволившее установить принадлежность экземпляра статута Петру I. Первоначально в МАКИД, согласно описи, составленной Н.Н. Бантыш-Каменским в 1808 г., диплом и статут составляли одну единицу хранения, в этом же деле находился и перевод статута, сделанный в архиве в 1780-е гг.[6] В период 1948–1954 гг. печатный экземпляр статута и его перевод были выделены в отдельные единицы хранения и добавлены в опись. В коллекции Государственного Древлехранилища грамота и статут, принадлежавшие князю В.Л. Долгорукову и конфискованные у него вместе со всем имуществом после «затейки верховников», сохранились единым комплексом, причем наградной документ находится в лучшем физическом состоянии, чем диплом Петра Великого до реставрации[7].

Таким образом, мы можем говорить о том, что свой наградной документ и статут Петр I сразу передал в Коллегию иностранных дел как материалы, относящиеся к межгосударственным отношениям. Долгие годы пергаменная грамота о награждении Петра I хранилась в сложенном состоянии, что неизбежно вело к ухудшению ее состояния. При подготовке к экспонированию на выставке «Державные кавалеры. Иностранные ордена российских императоров» (ММК, 2010 г.) была проведена ее научная реставрация. Во время похорон Петра Великого принадлежавшие ему знаки ордена Слона были выставлены в Печальной зале, а после погребения императора, согласно статуту ордена, их должны были вернуть в Данию.

Государственное Древлехранилище хартий, рукописей и печатей возникло в 1851 г. в качестве особого отделения Оружейной палаты и находилось в ведении МГАМИД. Согласно «Положению», утвержденному 5 апреля 1853 г., первоначально в нем концентрировались переданные из этого архива древнейшие государственные акты, рукописи и печати «до преобразований Петра Великого»[8], но в дальнейшем хронологические рамки коллекции расширились. В 1882 г. Древлехранилище было перевезено из Теремного дворца Московского Кремля в здание МГАМИД на ул. Воздвиженка. В составе этой коллекции в РГАДА вошли две памятные записные книж-

[5] РГАДА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10. Л. 16об.

[6] См.: РГАДА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 9.

[7] См.: РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. III. №52-а, 52-б.

[8] РГАДА. Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 40-40об.

ки, принадлежавшие Петру Великому. После его кончины они находились в Кабинете Его величества, откуда в 1810 г. были переданы в Оружейную палату, а 22 января 1854 г. в числе других раритетов поступили в Древлехранилище, причем в 1960–1970-е гг. была определена принадлежность одной из них царевичу Алексею Петровичу[9]. Памятные записные книжки Петра I можно назвать карманными справочниками, в которых содержались написанные канцеляристом таблица умножения, сведения о военном и морском деле, фортификации и другая информация. Царь мог носить их с собой на верфь, брать в дорогу и в поход, чтобы всегда иметь возможность уточнить те или иные данные.

Первая книжка в 47 листов находится в кожаной обложке с золотым тиснением и форзацами из мраморной гребешковой бумаги. В ней содержатся «Размеры воинских кораблей разных рангов» в таблицах (Л.1-16); Статьи и заметки по артиллерии (Л.17-27); «Начало фортификации» (Л.28-32); «Таблица умножительная» (Л.33); разные записки, заметки и чертежи по кораблестроению и артиллерии (Л.33-47), на которых имеются пометы — автографы Петра I (Л.34,35,36,42об.,47)[10]. На основании его собственноручной записки с поручением князю А.М. Черкасскому, записную книжку датируют 1689–1724 гг. Согласно описи, составленной 22 января 1854 г. директором Оружейной палаты А.Ф. Вельтманом при передаче предметов в Древлехранилище, в книжке также находился «лоскут английского пластыря», «серебряная трубочка с одною розою, в коей золотое перо (серебреный рейсфедер с алмазом в навершии и золотым пером — *Н.Б.*) и серебряная зубочистка»[11]. В 1970–1979 гг. зубочистка и рейсфедер (серебро 875°) с пером (золото 375°) и алмазом огранкой «роза» (0,28 гр, чистота 4-я группа по системе 4C GIA, 50% прозрачности) оказались присоединенными к записной книжке царевича Алексея Петровича.

Вторая записная книжка (илл. 2) более объемная, в ней 67 листов, заключенных в черный кожаный переплет с форзацами, оформленными зеленой тканью, с серебряной застежкой и вставленным в специальное отделение серебряным рейсфедером, который в описи 1853 г. именовался «серебреной трубкой для карандаша» (серебро 875°)[12]. Книжка более скромная, она без золотого тиснения по

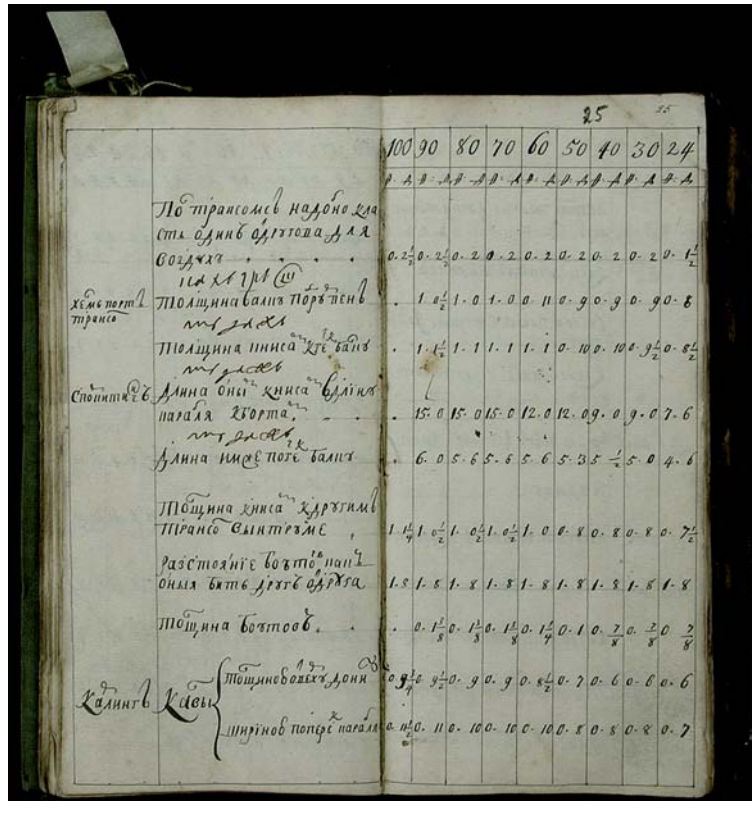
---

[9] См.: РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. Д. 14. Л. 1-46.

[10] См.: РГАДА. Ф.135. Отд. V. Рубр. III. Д. 12. Л. 1-47. Опубл.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. СПб.,1887. С. 14. № 11.

[11] РГАДА. Ф. 180. Оп. 10. Д. 6. Л. 9.

[12] Там же. Л. 9об.

Илл. 2. 1700-1724 г. Памятная записная книжка Петра I с его пометками.

коже на обложке, но и в ней также имеются царские автографы, а содержание носит справочный характер: «Генеральные регулы всех рангов кораблям» с собственноручными поправками и дополнениями Петра I (Л.1-51); «Размер пушкам великим и малым» (Л.52-60); записка о составе ракет (Л.61-62); «Секрет чем писать» — состав чернил (Л.62об.); «Секрет чем помазать» (Л.63); «Начало фортификации» (Л.63об.-66)[13].

В 1873 г. архивариус Оружейной палаты А.Е. Викторов составил опись Древлехранилища, которая позволяет узнать, какие еще мемориальные вещи Петра Великого хранились в этой коллекции и их дальнейшую судьбу. В разделе вещественных памятников значатся

[13] РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. Д. 13. Л. 1-67.

печати: «серебряная пластинчитая» государственная печать, принадлежащая к числу императорских регалий, на которой были вырезаны российский герб и шесть областных гербов; такая же печать, использовавшаяся до 1721 г.; государственная печать царей Иоанна и Петра Алексеевичей, на которой был изображен государственный герб и шесть клейм с видами церквей; несколько круглых серебряных в деревянных футлярах печатей царей-братьев и Петра I как единоличного правителя; походная стальная печать 1697 г., которая сопровождала царя в Великом посольстве, и еще несколько стальных, серебряных, хрустальных и изготовленных из полудрагоценных камней печатей и печаток разного времени, в том числе кабинетная стальная[14]. До образования Древлехранилища эти мемориальные предметы согласно описи 1800 г. хранились в Трактатной палате МГАМИД[15].

В Древлехранилище около двадцати мемориальных петровских печатей находились в витринах под стеклянными колпаками в нескольких помещениях Теремного дворца, и их показывали почетным посетителям — российским императорам и членам их семей, иностранным монархам, дипломатам и путешественникам. В 1898 г. Николай II посетил Древлехранилище, где ему продемонстрировали важнейшие документы, связанные с русскими царями и династией Романовых, в том числе записные книжки Петра I и государственные печати. При этом император обратил особое внимание «на контраст между прочною железною печатью Петра Великого и роскошными, осыпанными драгоценными каменьями печатями государей и особ императорской фамилии последующих времен»[16]. На титульном листе описи печатей, медалей и монет рукой директора архива в 1959–1969 гг. В.Н. Шумилова написано «Переданы в Государственный исторический музей (г. Москва)»[17]. Передача произошла 11 мая 1920 г.[18]

В составе МГАМИД в РГАДА поступил также собранный Петром Великим в Париже 18 мая 1717 г. гербарий садовых листьев

---

[14] *Викторов А.Е.* Описи Государственного Древлехранилища хартий, рукописей и печатей в комнатах Теремного дворца. РГАДА. Ф. 135. Историческая опись. Л. 89об.-90, 91-91об., 103об.-105об., 108об.-110, 120об.-121об., 135.

[15] См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Д. 564. Л. 6-10.

[16] РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4580. Л. 6.

[17] *Викторов А.Е.* Описи Государственного Древлехранилища хартий, рукописей и печатей в комнатах Теремного дворца. Л. 88.

[18] РГАДА. Дело фонда № 135. С. 8.

Илл. 3. Гербарий, собранный Петром I 18 мая 1717 г. в Париже.

(илл. 3) «с представлением нескольких слов, написанных собственной его рукой на 1-й странице»[19]. В описании сказано, что большая часть растений утратилась, но имелись листья березы и отпечатки нескольких других листьев. Гербарий был обнаружен в начале XIX в. начальником МАКИД известным историком А.Ф. Малиновским. Он представляет собой маленькую тетрадку (9х8 см), вклеенную в архивное дело с письмами Петра I за 1717–1718 гг. На первом листе рукой царя написано «Рваны в 18 де[нь] мая»[20] и дальше между ненумерованными страницами вложены цветы, листья березы и вяза, сохранились и отпечатки утраченных листьев. Конечно, назвать гербарием эту подборку листочков, случайно сорванных на прогулке и вложенных в бывший под рукой чистый блок записной книжки, нельзя, но мемориальный предмет сохранил свидетельство широты интересов Петра Великого.

[19] См.: Mémoires de la Société impériale des naturalistes de Moscou. Vol. 3. M., 1812. P. V-VI; РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4664. Л. 4.

[20] РГАДА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 10. Л. 39.

Илл. 4. Записные книжки Петра I.

Вопросы хранения, описания и систематизации документального наследия Петра I, отложившегося в личном Кабинете императора, и его научное использование имеет обширную историографию[21]. Особое внимание авторы уделили письменных артефактам, но история поступления наряду с ними 13 записных книжек Петра Великого (илл. 4) в составе Разряда № 9 «Кабинет Петра I и его продол-

[21] См.: *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования Государственного архива Российской империи // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. Т. 8. М., 1958. С. 283–337; *Лаптева Т.А.* Документы о внутренней политике России начала XVIII в. // Советские архивы. 1986. № 6. С. 35–39; *Санин О.Г.* Архив Кабинета Петра I в XVIII–XIX веках // Вестник РГГУ. 2008. № 8. С. 197–213; *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 11–21; *Аракчеев В.А.* Петр Великий и его Кабинет в 1704–1711 гг. // Петр I и его эпоха. М., 2022. С. 18–24.

жение» Государственного архива Российской империи остается неизвестной.

Разбор материалов, их систематизация в двух отделениях входящей и исходящей документации, а также описание бумаг были проведены только в 1768–1778 гг. под руководством князя М.М. Щербатова[22]. В ходе этой работы тексты из записных книжек были скопированы по темам: «О духовных делах», «О войске сухопутном и артиллерии», «О делах до Адмиралтейства и флота касающихся», «До гражданских дел», «До дворцов и садов относящихся», «До разных инвенций касающихся», «О разных смешанных делах». Переплетенная в красную кожу с золотым тиснением рукопись хранится рядом с записными книжками, которые составляют одну единицу хранения в 13 частях I-го Отделения исходящих документов фонда № 9 «Кабинет Петра I и его продолжение»[23]. Благодаря стараниям Щербатова и по распоряжению Екатерины II к работе с делами Кабинета Петра I был допущен историк, купеческий сын И.И. Голиков, ставший одним из первых и самых преданных биографов царя. Помимо значительного количества документальных материалов он ввел в научный оборот и сделанные в архиве выписки из записных книжек Петра Великого[24]. В описи архива Петра Великого, перевезенного 22 февраля 1827 г. в нескольких ящиках из Кабинета Его императорского величества в Зимний дворец, неоднократно встречаются пометки о необходимости справиться с трудом Голикова для описания бумаг, также и под записью о тринадцати записных книжках императора имеется указание на их публикацию[25].

При разборе архива Кабинета Петра I для записных книжек был изготовлен деревянный ящик, оклеенный цветной бумагой и оформленный в стиле томов этого фонда: он обтянут кожей с золотым тиснением — на верхней крышке государственный герб, на задней монограмма императора; на корешке тисненые украшения с растительными мотивами и наклейка «Книжки карманные записные». Внутри они находятся в бумажных конвертах с указанием внутренней нумерации. Книжки разного размера и в основном небольшого формата, вероятно, чтобы удобно было носить в карманах одежды.

---

[22] См.: *Санин О.Г.* Архив Кабинета Петра I в XVIII–XIX веках. С. 205–207.

[23] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 52а.

[24] См.: *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 16. М., 1795. С. 436–461.

[25] См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1229. Л. 23об.

Для их изготовления использовался самый разнообразный материал — грифельные доски из черного сланца, заключенные в деревянные рамки, кость, плотная или обычная бумага. Листы заполнены не полностью, в некоторых случаях записи зачеркнуты, что может означать решение вопроса и отсутствие необходимости дальнейшей переписки и напоминаний, а в некоторых книжках имеются рисунки.

Все записи сделаны грифельным карандашом, вероятно, с использованием рейсфедера. Переплеты, как правило, изготовлены из кожи, иногда с тиснением, застегивались они серебряными или латунными застежками. В некоторых книжках сохранились вклеенные листы французских и немецких календарей, что позволяет определить их условную дату. Для этого также используется анализ записей и их соотнесение с петровскими указами. В коллекции Петра Великого имеются мемориальные книжки за 1701, 1702, 1705, 1709, 1711, 1714 и 1718 годы. Большинство из них это не парадные произведения искусства, а предметы, необходимые человеку размышляющему, чтобы быстро записать свои идеи и поручения для их дальнейшей реализации.

Самое большое количество книжек — восемь содержат бумажные листы, еще две это сшитые грифельные доски, на которых, вероятно, сначала делались записи, а потом их оформили в переплет. Использование грифельных дощечек позволяло неоднократно наносить на них записи и после потери их актуальности стирать. Особый интерес представляет записная книжка, который издатели писем Петра I отнесли к 1701 или 1702 году. В ней пять пластин из моржовой кости, на двух — записи царя, в том числе «Чтоб три дни не хоронили» (указ о погребении на третий день состоялся 28 января 1704 г.), на одной написано 1703, на другой арифметические расчеты. На внутренней части задней крышки прикреплена деревянная пластина, обтянутая красным шелком, с отделениями и креплениями, в которых сохранилось три латунных элемента простейшего угломерного инструмента с точностью измерения 0,5 градуса и таблицей синусов и косинусов конкретных углов для вычисления горизонтального положения[26]. (илл. 5)

Еще две оригинальные записные книжки 1701 и 1705 годов европейского производства содержат листы из грунтованного пергамена. Издатели Писем и бумаг Петра Великого приняли материал первой за бумагу, покрытую мелом или глянцем, к ней приложен

[26] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 52. № 11.

Илл. 5. Элементы простейшего
угломерного инструмента в записной книжке Петра I.

напечатанный в Нюрнберге календарь[27]. Книжка 1701 г. примечательна и рисунками, выполненными рукой Петра Великого. Один из них представляет два флага, на одном государственный герб с цепью ордена Андрея Первозванного, а на другом земельные гербы Архангельский, Астраханский, Сибирский и другие.

Из тринадцати записных книжек широкой публике было доступно всего несколько. В 1903 году по случаю 200-летия Санкт-Петербурга в Летнем дворце состоялась юбилейная выставка (илл. 6), которая стала одной из первых экспозиций, посвященных истории

[27] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 52. №7. Опубл.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. №613. С. 310–313. Благодарю за помощь в атрибуции Б.В. Мегорского.

Илл. 6. Булла К. Фотография витрины с мемориальными вещами Петра I на юбилейной выставке 1903 г.

царствования Петра Великого[28]. Она занимала 14 залов и делилась на 5 отделов, характеризующих Россию эпохи Петра Великого. В выставке приняли участие 30 учреждений и 28 частных лиц.

Комитет выставки 16 апреля 1903 г. обратился к министру иностранных дел графу В.Н. Ламсдорфу с просьбой о предоставлении книг и бумаг из кабинетных дел императора. В числе других документов МИД предложил «Две маленькие записные книжки императора Петра I (одна на слоновой бумаге в кожаном переплете, другая без переплета) из коллекции записных книжек, принадлежащей к делам Кабинета Петра Великого»[29]. В связи с большой исторической ценностью министерство просило сообщить, какие меры будут предприняты «для полной сохранности» документов и планируется ли экспонирование предметов из Эрмитажа и Публичной библиотеки. Организаторы выставки заверили, что для полной сохранности экспонатов будут доставлены закрытые стеклянные вит-

[28] См.: *Новикова О.В.* Юбилейная выставка и торжества 1903 года в Летнем саду // Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2022. С. 147–153.

[29] РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 775. Л. 8.

рины из Эрмитажа, в которых разместят «все бумаги, книги и другие ценности»[30]. Кроме этого, экспонаты выставки своеобразным образом страховались — они были переданы под ответственность Санкт-Петербургской биржевой артели Козухина, которая отвечала за сохранность всех предметов. Окончательное решение о передаче бумаг Петра Великого и мемориальных записных книжек было принято императором Николаем II 25 апреля 1903 г. в Царском Селе, а напротив изложенных в докладе МИД условий экспонирования он написал «Обязательно»[31].

Согласно каталогу «Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга», архивные документы и записные книжки были помещены в одной витрине (№V) раздела «Кабинет Петра Великого» (Комната Е), располагавшегося на первом этаже Летнего дворца[32]. Записные книжки лежали в витрине под одним номером №152, а рядом с ними располагались карандаш, очки и несколько табакерок императора из собрания Эрмитажа. Размещение мемориальных предметов Петра Великого запечатлел для истории фотограф К. Булла, и сейчас фотография хранится в архивном деле[33]. В советское время одна записная книжка экспонировалась в 1986 г. на выставке в Центральном государственном архиве Советской армии и три — в 2023 г. в Царицыно.

Хранящиеся в РГАДА мемориальные вещи Петра Великого составляют единый комплекс с многочисленными делами Кабинета императора и его подлинными письмами из собрания МГАМИД. Они свидетельствуют о личной жизни монарха, его увлечениях, размышлениях. Собрание записных книжек Петра I в РГАДА можно считать уникальной и в своем роде единственной коллекцией мемориальных вещей вне музейного пространства.

---

[30] Там же. Л. 9.

[31] См.: Там же. Л. 10-10об.

[32] Юбилейная выставка в память державного основателя Санкт-Петербурга. СПб., 1903. С.37–38.

[33] См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 775. Л. 2.

Сергей Георгиевич Цыганков
(Санкт-Петербург)
Архитектор Государственного музея-заповедника «ГАТЧИНА»

Печатный антиминс первой трети XVIII века Петропавловского собора: Происхождение, идентификация и атрибуция

Sergei G. Tsygankov

Printed antimins from the first third of the 18th century of the Cathedral of the St. Peter and Paul in the Peter and Paul fortress. Origin, identification and attribution

Аннотация: Предметы религиозного назначения разнообразны и многочисленны.
Исследование истории появления и бытования этих предметов, их художественных особенностей – важная часть исследования историко-культурного контекста эпохи, в которой они были созданы. Особое место среди таких предметов них занимают антиминсы. История создания печатного антиминса для Петропавловского собора Петропавловской крепости столичного города Санкт-Петербурга – тема данного исследования.
Abstract: Religious objects are diverse and numerous. Research into the history of the appearance and existence of these objects, their artistic features is an important part of the study of the cultural and artistic context of the time in which they were created. Antiminsions occupy a special place among religious objects. The history

of creation of the printed antimins for Cathedral of the St. Peter and Paul in the Peter and Paul fortress, In St.Petersburg is the topic of this study.

Ключевые слова: Печатный антиминс в России, Петропавловский собор, Петропавловская крепость, Гравировальная палата Академии наук, Оттомар Эллигер, Георг-Иоганн Унферцахт.
Keywords: Printed antimins on Russia, Cathedral of the St. Peter and Paul, Peter and Paul fortress, Engraving chamber of the Academy of Sciences, Ottomar Elliger, Georg – Johann Unverzagt.

Отмечая скорбную дату 300-летия со дня смерти Петра Великого, невозможно обойти стороной упоминание о месте его вечного упокоения – Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. О самом соборе, о замысле и строительстве, о том, как он стал усыпальницей императорского дома Романовых, прочитано немало докладов и издано много обстоятельных монографий. Тем не менее, некоторые важные, на наш взгляд, детали и исторические подробности обретения этим памятником истории своего сакрального статуса остались за пределами внимания исследователей.

Речь идет о первом освящении каменного Петропавловского собора, заложенного Петром в 1712 г., и связанной с этим событием истории создания и освящения антиминса этого собора.

В Христианской церкви слово «антиминс» означает: «вместо престола», то есть то же самое, что и «престол». Первоначально, с распространением христианства, епископы для совершения евхаристии в местах, где освященного храма не было, вынуждены были освящать подвижные престолы. Позднее, при постройке церквей в отдаленных местах, там, куда архиереи не могли доехать для освящения храма, посылали освященные антиминсы, которые заменяли собою архиерейское освящение, свидетельствуя об архиерейском дозволении богослужения в храме.

Обычно антиминс представляет собой плат из шелковой или хлопчатой ткани с изображением «Распятия» или «Положения Господа во Гроб» и с надписями о факте освящения храма.

Печатные антиминсы первоначально изготавливались путем оттиска изображения на ткани с деревянных, реже с оловянных досок. По мнению Д. Ровинского, «В России гравирование на дереве появилось в одно время с книгопечатанием, во второй половине XVI века. Первая из известных гравюр на дереве (этого времени – *авт.*) – изображение Евангелиста Луки в приложении к книге «Апостол» 1564 г.[1] Вероятно, к этому времени можно отнести и появление в России печатных антиминсов. Во времена царствования Петра I

печатные антиминсы до 1708 г. печатаются с награвированных деревянных и медных досок в Оружейной палате, а затем в Московской типографии. В 1714 г., с учреждением Типографии в Санкт-Петербурге, антиминсы стали печатать и там, а с 1724 г. в Гравировальной палате Академии наук. В XVIII в. гравюра на меди, продемонстрировав новые художественные возможности и тиражные преимущества, постепенно вытесняет гравюру на дереве.

Изучение антиминсов печатных, то есть выполненных путем оттиска изображения на ткани с награвированных досок, стало предметом исследования в России только во второй половине XIX в., что позволило, в первую очередь, уточнить вопросы, касающиеся значения этих священных предметов в богослужении, а их систематизация выявила типологию используемых в них сюжетов изображений и текстов; перечесть известные образцы антиминсов и церкви, для которых они были освящены. Одно из первых подобных исследований – труд протоиерея К. Никольского «Антиминсы Православной русской церкви», вышедший в СПб в 1872 г.

Революционные события в России начала XX в. и последующая борьба государства с религией сделали подобные исследования на долгие годы неуместными, как «не отвечающими духу времени»; в результате сегодня история создания и бытования многих печатных антиминсов, вошедших в собрания отечественных музеев, остается не вполне изученной, а авторы, их создавшие, остаются неизвестными.

Каменный собор во имя Апостолов Свв. Петра и Павла был заложен императором Петром I в 1712 г., а закончен и освящен уже во время правления императрицы Анны Иоанновны.

Согласно донесению Канцелярии от строений 31 декабря 1731 г.: «...Петропавловский собор<...>уже окончен постройкою и иконостас поставлен; требовалось только заменить ветхую церковную утварь новою...»[2].

Именным указом Е.И.В. обер-гофмейстеру Семену Андреевичу Салтыкову от 11 мая 1732 г. предписано было «...из церквей соборных и верховных взять, и к нам в Петербург прислать с нарочным немедленно, понеже освящение церкви Петропавловской у нас будет 27 дня июня, то вновь все делать не успеют, а по освящении все новое сделаем, а присланное назад пришлем...» Все затребован-

---

[1] *Ровинский Д.* Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств., М., 1870. С. 9.

[2] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XI [1731 г.]. Изд.1903 г. № 533, стлб. 765.

ные предметы с нарочным лейб-гвардии сержантом Преображенского полка Аргамаковым были доставлены из Москвы в Петербург к 18 мая 1732 г.[3] Несмотря на то, что были предприняты все необходимые приготовления к освящению собора, церемония эта была отложена.

Год спустя, 29 июня 1733 г., в главный престольный праздник освящение храма состоялось в присутствии Двора и Императрицы Анны Иоанновны.[4] Торжественное богослужение возглавил ближайший сподвижник Петра I и идеолог его церковных реформ вице-президент Синода Феофан Прокопович. В этот день освященный антиминс, как и должно, был возложен на престол Петропавловского собора.

30 апреля 1756 г. в ночь произошла трагедия: от удара молнии загорелась колокольня собора, от чего обрушился шпиль и погибли колокола, была разрушена мраморная паперть. Внутрь собора огонь, однако, не проник, хотя живопись сводов пострадала. Святые иконы, церковная утварь, ризница и сам иконостас были вынесены. Работы по восстановлению начались немедленно, и «...через 14 месяцев храм явился в новом великолепии. Возобновленный и богато убранный собор был освящен 23 июня 1757 года».[5]

Из приведенного упоминания об освящении следует, что старый антиминс 1733 г. был заменен новым. Причиной замены была, вероятно, не утрата антиминса, а события, связанные с эвакуацией церковных ценностей из собора во время пожара. Спасением церковных святынь в эту ночь занимались, вероятнее всего, не священники, жилой дом которых находился вне крепости, а солдаты и офицеры крепостного гарнизона, то есть миряне. По церковным же правилам прикоснуться к антиминсу мог только священник. В противном случае такой антиминс уже не мог быть использован в церковных таинствах. В суете ночного пожара, вероятно, так и случилось, отчего антиминс и потребовалось заменить, а значит освятить храм заново.

В труде плац-майора С. Новоселова названы два антиминса, хранящиеся к 1857 г. в соборе: антиминс собственно храма (1853) и

---

[3] Книга записная полученным от Ея Императорского Величеств именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. 1732–1742. М. 1878. С. 21.

[4] Санктпетербургские ведомости. №53 от 2 июня1733 г. С. 214.

[5] *Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в С-Петербурге. Сочинение плац-майора Петропавловской крепости лейб-гвардии саперного батальона полковника Семена Новоселова. СПб., 1857. С. 9–10.

антиминс придела Св. Великомученицы Екатерины (1849).[6] Антиминс 1733 г.в описи не упоминается, из чего следует, что скорее всего после освящения 1757 г. он был возвращен в Св. Синод.

После 1917 г. в результате изъятия церковных ценностей следы многих изъятых предметов оказались потеряны, поскольку их подробное описание, как правило, не проводилось, а их учет велся небрежно. Среди последних была и одна из главных святынь Петропавловского собора – антиминс 1733 г. Надежды разыскать небольшой кусок атласной ткани с печатным рисунком были призрачны, поскольку как он выглядел известно не было. Помог, как часто бывает, случай.

В декабре 2024 г. при изучении перечня предметов Государственного Музейного каталога внимание привлек печатный на атласе антиминс из фондов ГЭ (*Государственной музейный каталог РФ, № 29710834, инв. № ЭРТ-16395.*), в описании которого значилось только указание материала и дата – «1733 год». При детальном изучении антиминса выяснилось, что в нижнем картуше есть рукописная запись, выполненная тушью, свидетельствующая об освящении антиминса: когда, кем освящен и для какой церкви. Надпись гласит: «...Священнодействован Преосвященным Феофаном архиепископом Великоновгородским и Великолуцким в Богоспасаемом царствующем санктпетербурге к соборной церкви святых апост. ПЕТРА и ПАВЛА лета 1733 месяца июня 29 дня». О каком храме идет речь, сомнений не возникло. Именно в этот день, как упоминалось, Петропавловский собор Петропавловской крепости Санкт-Петербурга был освящен.

Обретение антиминса поставило перед исследователем ряд вопросов, связанных с определением как времени его создания и выявления авторов, так и уточнения истории бытования предмета после его изъятия из ризницы Петропавловского собора.

Сюжетная композиция антиминса подобного типа довольно подробно описана в книге К. Никольского «Антимины Православной русской церкви», а в приложении к книге воспроизводится контурный рисунок изображения на нем. (илл. 1)[7] В приложении к монографии автор приводит не только описание сюжета антиминса, но и опись

---

[6] *Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в С-Петербурге. Сочинение плац-майора Петропавловской крепости лейб-гвардии саперного батальона полковника Семена Новоселова. СПб., 1857. С. 94,101.

[7] *Никольский К.* Об антиминсах русской православной церкви. СПб., 1872. Приложение, таб. IX.

Илл.1. Печатный антиминс. 1732. Линейный контур изображения.
Источник: *К. Никольский* «Антиминсы Православной русской церкви».
СПб. 1872. Табл. IX.

антиминсов этого типа и храмы, в которые эти антиминсы после освящения были переданы. Всего, как следует из описи, к моменту издания книги (1872) автором выявлено четыре подобных антиминса: придела Св. Михаила Сампсониевской церкви (освященного 8 октября 1732 г.), Святителя Николая Чудотворца в селе Царском (освященного 6 июня 1736 г.), собора Св. Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных (освященного 1 января 17... (?) [неразборчиво] года) и один антиминс без указания храма и времени освящения.[8]

В ходе исследования в Библиотеке Российской академии наук (БАН), в отделе Академических изданий, среди гравюр, собранных

[8] Там же. С. 315–316.

в 1745–1746 гг. в шеститомное издание «Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы», в котором содержатся оттиски с гравированных досок, относящиеся к деятельности Гравировальной палаты,

был обнаружен отпечаток с награвированной доски, воспроизводящей изображение одного из печатных антиминсов.[9] Изображение для антиминса, о котором пойдет речь далее, отпечатано с пяти гравировальных досок на бумаге «верже» с филигранью типа «флорентийская лилия». Размер листа 52,5х62,0 см. Размер оттиска 51,7х58,6 см. (илл. 2)

В центральной части антиминса расположена композиция «Положение во гроб Спасителя». Вокруг две канвы, крайняя из которых выполнена в виде переплетенных «скоб» с цветочными гирляндами и побегами аканта. В нее вмонтированы двенадцать клейм с изображениями страстей Господних.

Внутренняя кайма включает верхний, нижний, угловые и боковые картуши. В верхнем картуше текст, описывающий смысл антиминса как церковной святыни, а в нижнем уточнение: благословением кого из архиереев и когда сей антиминс был освящен: «Повелением же благочестивейшія и Самодержавнейшія Великія Государыни Императрицы Анны Иоанновны и всея России и благословением Святейшего Правительствующего Синода священнодействован Преосвященным.....в Богоспасаемом.....лета.....месяца.»

В угловых картушах изображены евангелисты (Лука, Марк, Иоанн и Матфей); в картуше слева – Св. Апостол Павел с текстом его 1-го Послания Коринфянам; гл.XI, ст. 28 и 29., а справа – Св. Апостол Петр с цитатой из его 1-го Послания; гл. I, ст.18 и 19.

На бумаге отчетливо видны фасеты от пяти гравировальных досок, на которых изображена вся композиция: одна доска с центральным сюжетом «Положение во гроб Спасителя» и четыре доски с частями внешней и внутренней каймы с клеймами.

Эта гравюра из собрания БАН отпечатана, предположительно, в 1745 г., с пяти досок, находившихся на тот момент в хранилище «типографии грыдорованных фигур».[10]

Оттиск антиминса из собрания БАН полностью идентичен не только рисунку из книги К. Никольского, но и изображению на

---

[9] Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы. 1745–1746 гг. Т. II. БАН. А. кр. / 2233(2). Л.2)

[10] *Кузаева Ю.В.* К истории создания многотомного собрания гравюр из отдела академических изданий // Новое искусствознание. № 3. 2022. С. 154–159.

Илл.2. Печатный антиминс 1732 г. Собрание Библиотеки Академии наук. 1. Бумага, типографская краска. Оттиск с печатных досок. Источник: «Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы». Санкт-Петербург. Типография АН. 1745-1746 гг. Т. II. БАН. А.кр./2233(2). Л. 23.

антиминсе Петропавловского собора из собрания ГЭ.[11] В упомянутой книге К. Никольский, описывая антиминс с подобным рисунком, относит его к 1732–1736 гг., то есть к периоду царствования Анны Иоанновны, не уточняя, однако, ни обстоятельств его создания, ни автора гравированного антиминса. А между тем, история создания этого печатного антиминса весьма примечательна.

В 1731 г. в связи с решением о возвращении Императрицы Анны Иоанновны из Москвы в Санкт-Петербург были приняты спешные

[11] Отсутствие изображение антиминса Петропавловсого собора из собрания ГЭ в данной статье вызвано отсутствием разрешения правообладателя на публикацию изображения, однако читатель легко найдет это изображение в открытом доступе среди материалов Государственного Музейного каталога (Государственный музейный каталог РФ. № 29710834. Инв. № ЭРТ-16395)

меры к возведению в Санкт-Петербурге новых зданий для Императрицы, Правительства и Двора. В феврале 1732 г. велено было строить Летний дворец для Императрицы в Летнем саду на месте «Залы для торжеств», возведенной в 1725 г. архитектором М. Земцовым.

Новый дворец строили спешно под надзором гоф-интенданта Петра Машкова. Согласно сообщению «Санктпетербургских ведомостей», 18 мая 1732 г. новый «Летний дом» был готов и «высочайше опробирован» Императрицей. А уже 1 июня 1732 г. те же «Ведомости» сообщали, что: «..сего дня, около 1 часа по полудни переехала Ея Императорское Величество из своих покоев, в которых жить изволила в императорский летний дворец..»[12]

Несколькими днями ранее на имя секретаря Академии наук Иоганна Шумахера от гоф-интенданта Петра Машкова поступило письмо: «Благородный господин Шумахер. Ея Императорское Величество изволила приказать напечатать в новопостроенную церковь, что в Летнем доме (Летний дворец – *авт.*) антимисъ, на что святейший правительствующий синод ответствовал, что отдан для грыдорования вновь в Академию (Академия наук – авт.) и по сіе число не сделан и печатать нечемъ. Того ради изволите приказать, дабы всяконечно оная грыдоровальная доска для печатания антимиса изготовлена была и в синод послана была июня к 2 числу, чтобы при освящении церкви какой остановки небыло. Слуга Ваш, моего государя Петр Машков. В конце письма есть приписка: «По высочайшему требованию означенный антимисъ градыровать велено мастеру Элигеру и Унфорцахту и при них ученикам, во всем поспешая. Мая 27 дня 1732 г.»[13]

О дальнейших событиях, связанных с изготовлением «грыдорованной доски» для печатания антиминса, повествует выписка из протокола канцелярии Академии наук от 29 мая 1732 г.: «По Указу Ея Императорского Величества в Академіи наук определено: Присланный от его преосвященства архіепископа Феофана антиминс в Академіи наук нагрыдоровать немедленно, понеже о том гоф-интендант господин Мошков, сего мая 28 дня писал; а ако награды-рован будет, напечатать с той доски четыре экземпляра на белом атласе и отослать означенному архіепископу а доску иметь в сохраненіи печатнику Штробелю до указу, в фигурной палате.

[12] Санктпетербургские ведомости. СПб. Май-июнь 1732. С. 98.

[13] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории Академии наук. Т. 2. (1731–1735) СПб. Протоколы канцелярии 1732 г. Книга № 421. С. 133–134.

J.D.Schumacher. Мая 29 1732 года».[14] Из протокольной записи видно, что по получении письма И. Шумахером работы начались не ранее 29 мая 1732 г. При этом надо помнить, что отпечатанный антиминс должен был оказаться для освящения у Архиепископа Новгородского и Великолуцкого Феофана не позднее вечера 1 июня 1732 г., дабы 2 июня «при освящении церкви никакой остановки не было». То есть на «грыдорование» печатных досок и печать изображения на атласе отводилось всего четыре дня (!)

Стоит обратить внимание и на фразу из вышеуказанной выписки протокола канцелярии Академии наук: «присланный от его преосвященства <...> антиминс». Эта фраза однозначно указывает, что в Академию был прислан некий образец печатного антиминса, который требовалось скопировать. Необходимость «копирования» образца, вероятно, была связана с тем, что отпечатать такой же с награвированной оригинальной доски не представлялась возможным вследствие ее утраты или неясного местонахождения.

В диссертации С.Г. Николаевой «Русская антиминисная гравюра XVII–XIX веков» есть уточнение, которое позволяет предположить, что же за антиминс мог быть прислан в Академию наук от архиепископа Феофана в качестве образца для копирования: «Вариантом повторения «большой гравюры» И. Зубова является антиминс 1732 года, исполненный О. Элигером, возглавлявшим в то время Гравировальную палату Академии наук...»[15] Можно заключить, что экземпляр антиминса И. Зубова, видимо, и был тем самым «образцом», что был прислан в мае 1732 г. в Академию наук для «копирования».

Однако следует заметить, что «скопировать» (в полном смысле слова) присланный образец за четыре дня, отведенных для работы, было нереально; можно уверенно утверждать, что новый оттиск лишь в общих чертах мог повторять композицию И. Зубова и, несомненно, был вполне самостоятельной оригинальной работой О. Эллигера и И. Унферцахта. К тому же техники гравирования разных «школ» существенно различались: И. Зубов обучался гравировальному мастерству у Шхонебека, а О. Эллигер – в мастерской Вортмана, а значит скопированное изображение и манерой резьбы, и используемыми художественными приемами неминуемо отличалось от оригинала.

---

[14] Там же. С. 133–134.

[15] *Николаева С.Г.* Русская антиминисная гравюра XVII–XIX веков. Диссертация. СПб. 2000. Гл. II. С. 62–73.

Как следует из приведенной переписки, надлежало напечатать на атласе четыре экземпляра означенного изображения антиминса. Протоиерей К. Никольский в труде «Об антиминсах русской православной церкви» (1872) также говорит о четырех известных ему к этому времени печатных на атласе антиминсах подобного типа. Однако теперь, благодаря изысканиям, можно уверенно утверждать, что таких антиминсов было отпечатано больше. К перечисленным протоиереем К. Никольским стало возможным добавить антиминс церкви Св.Троицы «Летнего дома» императрицы Анны Иоанновны в Летнем саду и антиминс Петропавловского собора Петропавловской крепости.

Поскольку изображение на антиминсе, исполненном для Петропавловского собора (собрание ГЭ) идентично оттиску с награвированной доски для антиминса церкви «Летнего дома» императрицы Анны Иоанновны (собрание БАН), нет оснований сомневаться, что оба антиминса печатаны с одних и тех же досок, исполненных граверами Гравировальной Палаты Санкт-Петербургской Академии наук Оттомаром Эллигером и Георгом-Иоганном Унферцахтом в начале июня 1732 г.

Исследование позволило не только выяснить важные исторические подробности создания антиминса Петропавловского собора, главного храма столицы Российской империи, уточнить имена мастеров Гравировальной палаты АН, награвировавших доски, с которых был сделан оттиск, но главное – обнаружить саму святыню собора и достоверно атрибутировать этот уникальный объект отечественной истории и культуры, ныне хранящийся в фондах ГЭ.

Людмила Петровна Тарасенко
(Москва)
Заведующая отделом древнерусской живописи
Государственного исторического музея

Мерные иконы петровского времени в собрании Исторического музея

Lyudmila P. Tarasenko

Measured Icons from the Era of Peter the Great in the Collection of the State Historical Museum

Аннотация: В статье рассматривается группа икон второй половины XVII – первой четверти XVIII в. из собрания Исторического музея, созданная выдающимися мастерами своего времени. Это мерные иконы царских отпрысков и детей из аристократических семейств, близких ко двору. Произведения наглядно демонстрируют стилистические и иконографические изменения, происходившие в иконописи в этот переломный для русского церковного искусства период. Особый интерес представляет образ апостола Петра 1683 г., который, по мнению автора, может быть повторением утраченной к настоящему времени мерной иконы Петра I.

Abstract: This article examines a specific group of measured icons (or mernye icons) in the collection of the State Historical Museum. These icons date from the second half of the 17th to the first quarter of the 18th century and were painted by outstanding masters of the time.

The group consists of measured icons belonging to the children of Tsars and members of powerful noble families closely connected to the Tsar's court. These icons visually demonstrate the stylistic and iconographic shifts characteristic of Russian icon painting during this period of Church art.

Of particular interest is the image of the Apostle Peter (dated 1683), which may be a copy of the lost measured icon of Peter the Great himself.

Ключевые слова: древнерусское искусство, иконография, мерная икона и традиции царского двора, иконопись Оружейной палаты
Keywords: Old Russian art, iconography, measured icons and traditions of tsar's court, icon-painting of Armoury Chamber.

Мерные, или родильные, иконы, то есть образы святых, тезоименитых новорожденным, созданные в меру их роста и ширины, появились в русском царском обиходе в середине XVI в. И.Е. Забелин писал: «Первым самым неотменным делом при рождении ребенка была особенная забота смерить долготу его роста и широту его объема, дабы по этой мере написать икону Ангела новорожденного... Такие иконы, по государеву указу, обыкновенно поручали писать самым искусным иконописцам»[1]. В последние годы появилось немало работ, посвященных исследованию наиболее важных аспектов данного явления русской духовной культуры. Это статьи Т.Е. Самойловой (2000, 2003), В.Г. Власова, И.В. Зимина, М.О. Логуновой (2010, 2024) и других авторов. Т.Е. Самойлова высказала предположение, что «Замысел отмечать рождения и крещение царевичей написанием мерных икон ... следует соотнести с «мероприятиями», целью которых было способствовать сакрализации царской власти... То, что родимые иконы фиксировали меру младенца, приносимого царем Богу «яко некое священное приношение», придавало им статус фамильных реликвий»[2]. Позднее эта традиция получает более широкую социальную базу. Сохраняя статус семейных реликвий, мерные иконы несут на себе функцию духовной и физической защиты новорожденных[3].

Большая часть сохранившихся царских мерных икон была опубликована в каталоге икон Архангельского собора Московского

---

[1] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в 16 и 17 столетиях. М., 1915. Ч. II. С. 51–52. И.Е. Забелин приводит имена мастеров Оружейной палаты XVII в., создававших мерные иконы: Иван Паисеин писал мерную икону Софии Михайловны (1634 г.), Симон Ушаков – Феодора Алексеевича (1661 г.), Федор Зубов – Симеона Алексеевича (1665 г.), Степан Рязанец – Ивана Алексеевича (1666 г.) и др.

[2] *Самойлова Т.Е.* К истории возникновения традиции написания мерных икон // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 363.

[3] *Суворова Е.Ю.* Мерная икона царя Алексея Михайловича из сокровищницы Московской Духовной Академии // Московская духовная академия. URL: https://old.mpda.ru/site_pub/1117144.html (дата обращения 7.10.2025). Здесь приводятся очень характерные воспоминания М.К. Куприной-Иорданской о понимании смысла и назначения мерной иконы в XIX в.

Кремля[4]. Для всех них характерно сочетание прямоличного образа тезоименитого святого и «Троицы», исключение – мерная икона царевича Симеона Алексеевича, на которой над образом Симеона Персидского изображен «Спас Нерукотворный». Памятных надписей или автографов, видимо, на них нет[5]. Не отмечено в каталоге, из какого дерева сделаны доски, хотя это тоже немаловажно, недаром в ряде случаев в документах упоминается, что доска кипарисовая (как правило, для мерных икон царевичей) или липовая (для мерных икон царевен). Четыре образа из этой группы украшены золотыми окладами – Феодора Стратилата, Симеона Персидского, Иоанна Предтечи, Александра Невского. Золотые оклады были и на мерных иконах Петра I и Алексея Алексеевича[6].

Особая история у мерной иконы Петра Первого. В документах Оружейной палаты отражено, что «180 (1672) года июня в 29 день, по указу великого государя, иконописец Федор Козлов[7] писал тезоименитой образ Святого Апостола Петра своим золотом и серебром и красками, и всего пошло товару на шестнадцать алтын на четыре деньги, и тех денег не выдано»[8]. Кипарисовая доска для иконы размером три четверти аршина на четверть аршина за 1 руб. 16 алтын 2 деньги была куплена у иконописца Егора Зиновьева[9]. В записной «верховой книге» указан размер доски мерной иконы – 11 вершков на 3 вершка, то есть 48,4 х 13,2 см[10]. Сохранилась челобитная Симона Ушакова 1674 г., в которой он просит заплатить ему

---

[4] Иконы Архангельского собора Московского Кремля XIV – начала XX века: Каталог / Автор вступ. ст. и сост. О.А. Цицинова. М., 2016. С. 316–348. Кат. №№ 73–83.

[5] Обороты закрыты рубашками; с мерной иконы царевича Александра Петровича «Александр Невский» рубашка снималась, но надписей не было обнаружено. Там же. Кат. № 83.

[6] *Забелин И.Е.* Ук. соч. С.52.

[7] Козлов Федор Федорович — ярославец, царский жалованный иконописец. Сохранился образ его письма «Вход в Иерусалим» 1673 г., ныне в ГТГ.

[8] *Есипов Г.В.* Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: Т.1. М., 1872. С. 1.

[9] Там же. Это очень высокая цена, о чем можно судить, сравнив ее с ценами на продукты во второй половине XVII в. См.: *Ключевский В.О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен) // *Ключевский В.О.* Сочинения в восьми томах. Т. VII. М., 1959.

[10] *Есипов Г.В.* Ук. соч. Т.1. М., 1872. С. 1.

за работу над иконами апостола Петра и мученицы Наталии[11]. Именно Симону Ушакову, лучшему изографу Оружейной палаты, указом Государя было дано задание написать мерную икону для новорожденного царевича. Он успел назнаменить изображение и пробелить ризы, после чего заболел, а работу завершил Федор Козлов[12].

Дальнейшая судьба родимой иконы Петра Алексеевича отражена в статье М.О. Логуновой «Воссоздание мерной иконы Петра I: история уникального проекта»[13]. Икона была перевезена из Москвы в Санкт-Петербург, находилась в придворной ризнице, в 1827 г. была передана в Петропавловский собор и установлена у могилы Петра. Во время Великой отечественной войны солдаты уходили на фронт от могилы императора Петра, около которой на стене тогда еще была размещена икона (согласно фотографии 1942 г.)[14]. Но рассмотреть, что это за икона, каковы детали иконографии, с окладом образ или без, невозможно. Позднее она исчезла.

В собрании Исторического музея хранятся две родимые иконы представителей царской семьи – сводных сестер Петра I. Они написаны на липовых основах, имеют серебряные оклады. Иконы «Преподобномученица Евдокия Илиопольская» 1650 г., мерный образ Евдокии Алексеевны (илл. 1)[15], и «Мученица София Римская» 1657 г., мерный образ Софьи Алексеевны (илл. 2)[16] оказались впоследствии в надгробных иконостасах царевен в Смоленском соборе московского Новодевичьего монастыря. Иконография обеих икон точно соответствует сложившейся традиции: прямоличные изображения святых жен и образ Троицы над их головами. Святые представлены в канонических одеяниях и с соответствующими атрибутами. Евдокия – с крестом в правой и свитком в левой руке, в подризнике цвета желтой охры с яркими пробелами, в коричне-

---

[11] Иконописцы и живописцы Оружейной палаты. 1630–1690-е гг.: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. Сборник документов / Составитель М.В. Николаева. М., 2012. С.155.

[12] *Николаева М.В.* Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты. 1630–1690-е годы. дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. М., 2012. С. 304.

[13] *Логунова М.О.* Воссоздание мерной иконы Петра I: история уникального проекта // Труды кафедры богословия. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2024. № 3 (23). С.185–189.

[14] Там же. С. 189.

[15] «Преподобная Евдокия». 1650. Москва. Оружейная палата. Дерево, серебро, темпера, золочение, чеканка, резьба. 45 х 13,5 см. ГИМ 103803/48, НД ИИ-40.

[16] «Мученица Софья». Середина XVII в. Оружейная палата. Дерево, серебро, темпера, золочение, чеканка, резьба. 46 х 15 см. ГИМ 103803/47, НД ИИ-39.

Илл.1. Преподобномученица Евдокия Илиопольская. 1650 г. Москва. Оружейная палата

Илл. 2. Мученица Софья Римская. 1657 г. Москва. Оружейная палата.

во-вишневой мантии, с серо-оливковыми схимой и куколем на голове. В изображении «Троицы» обращает на себя внимание несколько необычная палата, напоминающая поставец с посудой, и «натюрморт» с тремя чашами, кубками, овощами и приборами на престоле. Мученица София – также с крестом и свитком, в золотопробельных одеяниях – светлом киноварном подпоясанном хитоне, оливковом плаще и бело-розовом плате. Изящные пропорции, прекрасный рисунок ликов и рук, тщательная моделировка личного и доличного, насыщенный колорит определяют высокий художественный уровень этих произведений. Стилистически «Преподобная Евдокия» принадлежит к этапу, предшествовавшему «живоподобию», которое в середине столетия только начинает завоевывать свои позиции. Соответственно, лик Евдокии «чеканной», довольно жесткой формы, что нередко встречается в иконописи около середины XVII в., в то время как у мученицы Софии моделировка более мягкая, еле заметные света на скулах создают впечатление пронизанности плоти светом. Великолепные чеканные оклады отражают моду на плотно положенные мотивы вьющегося по канфаренному фону стебля, дополненного розетками и шишечками. Авторы этих икон, как и мастера-серебряники, неизвестны[17].

После революции в собрании Исторического музея оказались еще две иконы «царских ангелов» петровского времени. В 1690 г. Кириллом Улановым была написана родильная икона царевны Феодосии Иоанновны, где впервые появляется дата и автограф мастера. Изначально она находилась в Московском Вознесенском монастыре – месте захоронения царских особ, из монастыря была передана в Церковно-Археологический музей Общества любителей духовного просвещения, затем после революции – в ГИМ, откуда – в ГТГ[18]. В 1695 г. Василием Улановым была написана мерная икона царевны Прасковьи Иоанновны, которая также была подписана с указанием года и имени мастера[19].

---

[17] В публикации М.О. Логуновой опубликована икона преподобной Евдокии 1650 г., а не мученицы Софьи 1657 г. (так в подрисуночной подписи). Икона отнесена к работам Ф. Козлова. Но Ф. Козлов, согласно документам, в июне 1670 г. писал икону преп. Евдокии для царевны Евдокии Алексеевны в ее покои, в год рождения царевны он еще не был жалованным иконописцем. См.: *Логунова М.О.* Ук. соч. С. 189.

[18] Кирилл Уланов. «Преподобная Феодосия». 1690 г. Москва. Оружейная палата. Дерево, темпера. 52 х 16 см. ГТГ. См.: *Успенский А.И.* Иконы Церковно-археологического музея Общества любителей духовного просвещения: Вып. 3. М., 1905. № 119.

[19] Василий Уланов. «Преподобная Параскева». 1695 г. Москва. Оружейная палата. Дерево, темпера. 44 х 15 см. ГТГ.

Илл.3. Апостол Петр.1683 г. Москва. Оружейная палата.

К числу чрезвычайно интересных памятников собрания ГИМ относится поступивший из Центрального хранилища ГМФ[20] образ «Апостол Петр», который по своим размерам близок к известным нам мерным иконам (илл.3)[21]. Прямоугольная вытянутая по вертикали основа иконы по рисунку волокон и сучков, цвету древесины близка к кипарису, что было подтверждено специалистами, уточнившими, что это кипарис, выпиленный, вероятно, из верхней части ствола, где древесина легче, чем у корня[22]. В утратах грунта просматривается холстяная паволока крупного плетения. Залевкашенные и затонированные отверстия от гвоздей на лицевой стороне свидетельствуют, что на иконе был оклад, закрывавший все, кроме изображений апостола и Троицы. Оклад, видимо, грубо срывался, так как на верхнем торце иконы сохранился крошечный фрагмент золота 750 пробы, прибитого гвоздем. Многочисленные частые мелкие отверстия по торцам и обрезам говорят о том, что оборот закрывался рубашкой.

---

[20] Центральное хранилище ГМФ образовано в 1922 г. из филиального отделения Румянцевского музея.

[21] «Апостол Петр» 1683 г. Москва, Оружейная палата. Дерево, паволока, темпера. 48,2 х 13,4 см. ГИМ 58271/319 И VIII 4338. Поступила в 1926 г. из Центрального хранилища ГМФ. Реставрация домузейная. На обороте имеются надписи: «ГМФ 3145», «сп. № 7 (1.)».

[22] Благодарю за консультацию специалистов из сектора реставрации дерева отдела реставрации ГИМ.

Отчетливая, но еле заметная миниатюрная надпись в нижнем левом углу иконы, сделанная прозрачными белилами, лежащая в одном слое с красочным слоем позема и разорванная кракелюром, содержит дату: «≠ЗРЧА году» (1683 г.).

Апостол изображен в рост, в левой руке у него свиток, на котором написаны слова «Ты еси Хсъ снъ // Бга Жи//ваго» (Ин. 6:69; Мф. 16:16) и два золотых ключа (Мф.16:19); пальцы правой руки апостола сложены для благословления. Иконописец умело передал канонический облик апостола с высоким лбом, крупными глазами, короткой бородкой. В верхней части иконы, над главой апостола в золотой рамке представлена «Троица». Петр в традиционных сине-зеленом хитоне и охристом гиматии, на ногах – едва намеченные черным сандалии. Золотой нимб, светло-зеленый фон, чуть более темный позем, притененный в верхней своей части, оливковые поля и фрагментарно сохранившаяся вишневая опушь создают вместе с цветами одеяния святого изысканный колорит. В «Троице» изображены классические палаты, напоминающие архитектурные формы на иконах XV–XVI вв., на престоле размещены чаша и три грозди винограда – редкое сочетание. В колористическом решении «Троицы» активно используются золото, киноварь и малиновый цвет, присутствуют цветные лаки. Во многих местах просматривается авторская графья, точно соответствующая изображению. Манера характеризуется тончайшей моделировкой личного, выполненного на основе традиционного санкирного приема. Оставляя в теневых частях санкирь, изограф высветляет скулы, гребень носа, надбровные дуги и др., создавая убедительный объем. Это, безусловно, произведение выдающегося изографа Оружейной палаты, но не Симона Ушакова, живопись которого более многослойная и насыщенная цветом.

Происхождение произведения неизвестно. Размер иконы «Апостол Петр» (48,2 х 13,4 см) практически идентичен мерному образу Петра (48,4 х 13,2 см). Учитывая, что в это время бытовали только царские мерные иконы[23] и что образ из ГИМ был некогда под золотым окладом, можно предположить, что икона из ГИМ могла быть списком с мерного образа царевича Петра Алексеевича, заказанным для своих покоев его матерью Натальей Кирилловной после трагических событий 1682 г. Важно, что в Инвентарной книге ГМФ рядом с иконой Петра были записаны образа почти такого же

[23] Кстати, среди отпрысков виднейших фамилий, родившихся в 1683 г., нам не удалось найти младенца, нареченного именем Петр.

размера: «Апостол Павел» (50 х 14 см) и «Святая Анна» (49 х14 см). Не являлись ли они все частью домашнего иконостаса Натальи Кирилловны, в котором, помимо икон первоверховных апостолов Петра и Павла, был образ святой Анны (небесной покровительницы матери царицы Анны Леонтьевой)[24].

К началу XVIII в. относится икона «Мученица Наталия Никомидийская и преподобный Антоний Великий в предстоянии образу Богоматери Тихвинской» (илл. 4)[25], написанная в меру роста дочери сподвижника Петра I Бориса Петровича Шереметева (1652–1719). В чернильной надписи на обороте почерком XIX в. сообщается: «Длина сего образа изображаетъ мѣрку взятую съ роста княгини // Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала графа // Бориса Петровича Шереметева, при ея рожденіи».

На иконе представлена мученица Наталия Никомедийская, над ее головой помещен образ Богоматери Тихвинской, справа – Антоний Великий. Иконография святой традиционная: она в платье и плаще, с покрытой белым платом головой; в руках крест и свиток. Лик святой написан в лучших традициях «живоподобия». Одеяния золотопробельные. Особым очарованием отличается пейзажный позем со скупой растительностью и простой по форме как бы «тающей» архитектурой справа. Колорит построен на сочетании зеленых, оливковых, киновари, белил и золота. Стилистически икона близка к произведениям мастеров Оружейной палаты начала XVIII в. Не всегда можно выделить в иконописи этого времени индивидуальные черты, поэтому говорить об авторе можно только очень осторожно. На наш взгляд, здесь есть определенные пересечения с авторской манерой одного из талантливейших мастеров своего времени Алексея Иванова Квашнина, но делать уверенное заключение преждевременно. В окладе используются характерные для продукции кремлевских ювелиров начала XVIII в. декоративные мотивы – изящные композиции из фруктов, цветы, побеги, которые плотно заполняют рамку и венчик.

Дочь выдающегося деятеля русской истории, военачальника и дипломата, первого фельдмаршала, сподвижника Петра I графа Б.П. Шереметева и его второй супруги А.П. Нарышкиной родилась

---

[24] См.: РГАЛИ. Ф.686. Оп.1. Ед. хр. 86. Инвентарная книга III по отделению «Иконопись». Л. 198.

[25] Мерная икона «Мученица Наталия Никомидийская и преподобный Антоний Великий в предстоянии образу Богоматери Тихвинской».1714 год. Москва. Дерево, смешанная техника; серебро, чеканка. 46,0 х 20 см. ГИМ 100698/1, 2 И VIII 5991/1, 2. Закуплена у частного лица в 1968 г.

Илл.4. Мученица Наталия Никомидийская и преподобный Антоний Великий в предстоянии образу Богоматери Тихвинской. 1714 г. Москва.

17 (30) января 1714 г.[26] В соответствии с формирующейся традицией была заказана мерная икона с образом мученицы Натальи, чье имя дитя получило при крещении, и преподобного Антония Великого, чья память пришлась на день рождения. Возникает вопрос, почему появилось изображение иконы Богоматери «Тихвинская»? Известно, что Б.П. Шереметев в 1712 г. заявил Петру о желании постричься в монахи Киево-Печерской лавры. Но император настоял на его женитьбе на молодой вдове своего дяди Льва Кирилловича Нарышкина Анне Петровне (урожд. Салтыковой). Возможно, что Б.П. Шереметев, будучи уже немолодым человеком, беспокоясь о супруге и об их общих детях, обращался с молитвами к Тихвинской иконе, почитавшейся помощницей в рождении и сохранении потомства.

Как писал И.Е. Забелин, «самый день рождения в царском быту не праздновали». Праздновали только день именин. Так как имя нарекали в день рождения, то и праздновали заодно с именинами[27]. В данном случае дни рождения и именин оказались очень далеко друг от друга. Скорее всего, имя было дано новорожденной с учетом родства в честь царицы Натальи Кирилловны.

Наталья Борисовна Шереметева (в замужестве Долгорукова) прожила долгую жизнь, полную драматических событий и трагических потрясений: длительная ссылка, казнь мужа и гибель почти всех детей. Свои дни она закончила в Киевском Флоровском монастыре, приняв постриг с именем Нектарии. Княгиня прославилась как одна из первых русских писательниц.

Как видим, иконография мерной иконы дополняется образом святого, в день памяти которого появилась на свет новорожденная, частные обстоятельства определяют, кому предстоят на иконе святые, становится более заметным влияние личного вкуса заказчика.

Еще более разительные изменения в характере мерного образа появились позднее. Показательна икона «Зачатие праведной Анны», созданная иконописцем Синодальной конторы Василием Ивановым Василевским (илл. 5)[28]. На лицевой стороне справа внизу

---

[26] *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1911. С. 107–136.

[27] *Забелин И.Е.* Ук. соч. Ч.2. С. 29.

[28] Икона «Зачатие праведной Анны». 1729 г. Москва. Медь, масло. 47,4 х 33 см. ГИМ 17549/щ И VIII 3228. Поступила в 1905 г. в составе собрания П.И. Щукина. Икона была датирована 1723 г. См.: *Прендель Ф.И., Владимирова О.Ф.* Реставрация живописи на металле. Из опыта работы реставраторов Государственного исторического музея // V Грабаревские чтения: Доклады, сообщения. М., 2003. С.226-233; Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003. С. 111.

Илл. 5. Зачатие праведной Анны.
Василий Иванов Василевский.
1729 г. Москва.

помещен автограф с датой «[Васил][29]ий Васи[левский]», под чертой «Анно 1723 го». На обороте выгравирована надпись: «Мѣра в вышину какова // родилась дочь Артемъя // Петровича Волынскаго // Анна въ 1723 м году июлия // 12 дня пополудни в шес//том часу в Астраханiе // День имянования па//троны ея Успения свтыя // Анны матери пресвтыя // Богородицы мца июлия // 25 дня». Здесь, как и в предыдущей иконе, учитывается только рост новорожденной.

[29] В квадратных скобках дан реконструированный текст.

«Зачатие праведной Анны» представлено в особой иконографии, коренным образом отличающейся от традиционной для русской иконописи: в рост изображены праведные Богоотцы Иоаким и Анна, между ними маленькая фигурка Богоматери с нимбом в виде золотых звезд. Позем под ногами Марии утрачен, поэтому невозможно реконструировать все детали композиции, явно восходящей к западноевропейскому барочному источнику, в котором отражен догмат о непорочном зачатии Девы Марии[30].

Заказчик иконы – Артемий Петрович Волынский, выдающийся государственный деятель и родственник Петра I (с 1722 г. в браке с двоюродной сестрой императора). В год рождения дочери – казанский и астраханский губернатор, впоследствии всесильный кабинет-министр в правительстве Анны Иоанновны. Заказчик вместо Успения выбрал другое событие жизни праведной Анны – Зачатие пресвятой Богородицы (память по церковному месяцеслову 9 декабря). Возможно, Артемий Петрович принял это необычное решение, исходя из народных поверий, согласно которым этот праздник почитался женским, а святые Иоаким и Анна – покровителями семьи и чадородия[31]. Несмотря на опалу и трагический конец самого Артемия Волынского, казненного в 1740 г., ссылку в Сибирь его детей, насильственное пострижение в монахини обеих дочерей, их жизнь сложилась, в конце концов, благополучно: все они были указом Анны Леопольдовны через год возвращены из ссылки, а сестры освобождены от монашеского чина. Благодаря Елизавете Петровне, крестной Анны Артемьевны, Волынская была выдана замуж за двоюродного брата императрицы А.С. Гендрикова.

В этом образе особенно ярко проявилось стремление к новаторским решениям: художник работал на необычной основе – на меди, что, наверное, воспринималось как более надежный материал для семейной реликвии, в еще довольно редкой для иконописи того времени технике масла, иконография образа ориентирована на западноевропейский барочный источник, наконец, впервые на мерной иконе появляется обширный текст, подробно комментирующий обстоятельства рождения отпрыска. В этом видится не только очень личностное отношение к мерной иконе как к семейной реликвии, но и проявление осознания значимости своей частной жизни, новые социальные и психологические реалии.

---

[30] Икона галантного века. Каталог. М., 2025. Кат. 57. С. 107 (илл.), 203–204.

[31] А.П. Волынский заказал этому живописцу мерные иконы для своих младших детей: «Преподобная Мария Египетская» (ныне в ГМИР) и «Изведение апостола Петра из темницы» (ныне в Тамбовской картинной галерее).

Сергей Алексеевич Мезин
(Саратов)
Заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
Ирина Васильевна Хмелевских
(Париж)
Независимый исследователь

Малоизвестные парижские портреты Петра I

Sergey A. Mezin, Irina V. Khmelevskikh

Little-known Parisian portraits of Peter the Great

Аннотация: Пребывание Петра I в Париже (1717) отмечено контактами с художниками, писавшими портреты царя. В центре внимания авторов статьи находятся два малоизвестных изображения Петра I: живописный портрет из собрания Симферопольского художественного музея, который приписывается кисти Г. Риго, и миниатюрный портрет царя, исполненный швейцарским художником Ж.-А. Арло, хранящийся в женевском Музее искусства и истории. Обращение к источникам не подтверждает факта работы Риго над портретом царя, но позволяет выяснить реальную историю миниатюрного портрета кисти Арло.
Abstract: Peter I's stay in Paris (1717) was marked by contacts with artists who painted portraits of the Tsar. This article focuses on two little-known images of Peter I: a painted portrait from the Simferopol Art Museum, attributed to G. Rigaud, and a miniature portrait of the Tsar by the Swiss artist J.-A. Arlaud, housed in the Museum of Art and History in Geneva. A review of the sources does not confirm that Rigaud painted the Tsar's portrait, but it does allow us to uncover the true story behind Arlaud's miniature portrait.

Ключевые слова: портреты Петра I, Ж.М. Натье, Ж.-А. Арло, Г. Риго, Ж.Б. Удри
Keywords: portraits of Peter I, J.M. Nattier, J.-A. Arlaud, G. Rigaud, J.B. Oudry

Портреты Петра I давно привлекают внимание исследователей. Их изучение было начато в связи с 200-летним юбилеем царя в работах А.А. Васильчикова, Г.К. Фридебурга, Д.А. Ровинского, В.В. Стасова[1], выявивших сведения примерно о дюжине оригинальных, написанных с натуры изображений царя, ставших основой для многочисленных повторений. Обнаруженные в источниках указания на случаи, когда художники-современники «списывали персону» царя, нелегко было соотнести с рассредоточенными по разным местам полотнами. А.А. Васильчиков с горечью замечал, что «не только утрачены почти все... несомненно-верные оригинальные портреты Петра Великого, но даже о тех немногих портретах, которые по какому-то чуду сохранились, в дворцовых архивах нет ни малейшего указания о том, когда и откуда они поступили»[2]. Тем не менее, Д.А. Ровинский привел сведения о 778 гравированных изображениях Петра I и выделил десять оригинальных портретов, а все остальные определял как созданные по их образцу «типы» — Кнеллера, Купецкого, Таннауера и т.д. С тех пор представление об иконографических типах петровских изображений прочно вошло в литературу. Из портретов, написанных с Петра I в 1717 г. в Париже, Ровинский называл в качестве достоверных работы Ж.М. Натье и Г. Риго, а портреты, якобы написанные Ж.Б. Удри и Н. Ларжильером, относил к числу предполагаемых[3].

О французских портретах Петра Великого есть отдельная статья Л. Рео[4] — историка искусства, первого директора Французского института в Санкт-Петербурге. Ссылаясь на труд Ровинского и

---

[1] *Фридебург Г.К.* Портреты и другие изображения Петра Великого. Памяти 30 мая 1872 г. / Собрано Г.К. Фридебургом, просмотрено и дополнено А.А. Васильчиковым, Г.Н. Геннади, В.В. Стасовым. СПб., 1872; *Васильчиков А.А.* О портретах Петра Великого. Исследование А.А. Васильчикова. М., 1872; *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1504–1752; *Стасов В.В.* Галерея Петра Великого в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1903; см. также: *Бархатова Е.В.* Вступ. ст. // «Галерея Петра Великого» в Российской национальной библиотеке: альбом. СПб., 2022. С. 3–17.

[2] *Васильчиков А.А.* О портретах Петра Великого. С. 23.

[3] *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Стб. 1513–1514.

[4] *Réau L.* Portraits français de Pierre le Grand // Gazette des Beaux-Arts. 1922. 2-e semestre. P. 301–312.

«мемуаристов-современников» Штелина и Голикова, автор утверждал, что «Петра Великого писали в 1717 г. четыре самых знаменитых французских портретиста того времени: Натье, Риго, Ларжильер и Удри. Только двум первым царь позировал лично, два других портретировали его по памяти или, как говорили в XVIII в., «по реминисценции», несомненно, с помощью гравюры». Французские источники позволили Рео уточнить историю создания царского портрета кисти Натье. Что касается работы Риго, то Рео, хотя и не нашел сведений о нем во французских документах, не высказал сомнения в его существовании. Французский историк ничего не мог сообщить о предполагаемом портрете работы Ларжильера. Рео сообщил новые сведения о контактах Удри с русским царем и представил пять графических эскизов царского портрета, живописный оригинал которого не сохранился. Французский автор также называл «очень хороший» конный портрет Петра I, написанный Франсуа Жувене.

Искусствоведы и историки XX– начала XXI в. (В.Г. Андреева, С.О. Андросов, Н.Ю. Бахарева, А.Л. Вейнберг, А.А. Дутов, И.М. Жаркова, Т.В. Ильина, Э. Кросс, И.С. Немилова, Л.А. Маркина, Н.М. Молева, Е.П. Подъяпольская, С.В. Римская-Корсакова и др.) значительно расширили представления о прижизненных портретах Петра. Некоторые итоги этой работы подведены в исследовании С.В. Моисеевой[5], справедливо подчеркнувшей «историческую», «пропагандистскую» роль царских изображений.

Символическое начало было положено во время Великого посольства работой Готфрида Кнеллера (Лондон, 1698), ставшей знаковым изображением молодого Петра. С пребыванием в Голландии в 1697 г. связывают царские портреты работы Яна Веникса и Питера Ван дер Верфа. Во время поездки Петра I в Карлсбад (1711) его портрет был написан Яном Купецким.

Особенно «урожайным» на портреты оказалось второе большое путешествие Петра I в Европу 1716–1717 гг. Вероятно, летом 1716 г. в Копенгагене Бенуа Коффр исполнил парадный портрет царя[6]. В ноябре 1716 г. в Хафельберге Антуан Пэн начал писать с натуры

[5] *Моисеева С.В.* Русские кистью современников: Портретная живопись конца XVI — первой половины XVIII века в собраниях Европы и России. СПб., 2017. С. 86–105; *Она же.* Пётр I: Историк своего царствования // Петр I. Время и окружение. СПб., 2015. С. 17–27.

[6] *Каяндер О.Е.* Парадный портрет Петра I кисти Бенуа Коффра в собрании Государственного музея-заповедника «Петергоф» // Образ Петра Великого в мировой культуре. Материалы XII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая — 1июня 2019 года. СПб., 2020. С. 263–273.

портрет царя в гвардейском мундире, но успел закончить лишь лицо. На основе этого изображения было создано несколько повторений, где Петр изображался и на коне, и стоящим в полный рост[7]. Последний вариант портрета (в латах и порфире на фоне сражения) представлен в Павловском дворце. Во время ностальгической поездки царя в Голландию в марте 1717 г. в Гааге его писал с натуры известный живописец Карел де Моор. Вероятно, тогда же создан портрет работы Арнольда Боонена.

Пребывание Петра I в Париже отмечено многочисленными контактами с художниками[8]. Их результатом стало создание ряда царских изображений. Некоторые из них были представлены на русско-французских выставках[9] и на петровских вернисажах в Эрмитаже[10] и Русском музее[11].

Самым известным и узнаваемым из парижских портретов, несомненно, является произведение Жана Марка Натье (1685–1766). Походный журнал, переписка Петра I с женой, личные расписки художника в получении денег за работу, а также свидетельства дочери художника не оставляют сомнения в том, что царь лично позировал известному живописцу. Несмотря на условность парадного портрета, мастер, конечно, передал характерные черты царского лица. Но при этом придал царю, одетому в латы и изображенному на фоне сражения, совсем не воинственный, а изящно-галантный вид. Французские исследователи полагают, что композицию портрета «молодой» Натье мог позаимствовать с одного из портретов работы знаменитого Г. Риго[12].

Дальнейшая судьба оригинала остаётся неясной. В середине XVIII в. Я. Штелин видел портрет, написанный Натье, «в зале великого канцлера князя Воронцова»[13]. Сегодня подписанный и датированный оригинал портрета находится в музее Мюнхенской рези-

---

[7] *Шиппан М.* Пётр I в Германии: 1697–1717. СПб., 2021. С. 259–260.

[8] *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. СПб., 2017. С. 170–191.

[9] La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1986. Cat. № 257, 258, 260, 261, 611; Pierre le Grand. Un tsar en France. 1717. Paris, 2017. Cat. № 15, 16, 17, 39–41, 53, 91, 103, 106, 107, 108, 110, p. 151–155.

[10] Основателю Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. Кат. № 10, 69–72, 2206.

[11] Петр I. Время и окружение. СПб., 2015. Кат. № 22, 38, 39, 40, 41, 43.

[12] *James-Sarazin A., Sarazin J.-Y.* Hyacinthe Rigaud. 1659–1743. Catalogue résonné. T. 2. [Dijon], 2016. P. 448.

[13] *Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого. М., 1787. С. 139.

денции, а авторство эрмитажного полотна «типа Натье» ставится под вопрос. Впрочем, документы позволяют говорить об авторских репликах портрета: «Живописцу Натию, что в Галандии был, которой писал персоны Его Царского Величества и другое в зачет сто золотых. Росписка взята»[14]. Уменьшенный погрудный вариант портрета имеется в Версальском дворце. Копия, вероятно, была выполнена Пьером Гобером в 1724 г.[15].

Не вызывает сомнений работа Жана Батиста Удри над портретом Петра I. В отделе графики Лувра сохранились эскизные рисунки. По некоторым сведениям, портрет был заказан герцогом д'Антеном: «Первое, что царь заметил... в замке Пти-Бур, <...>, был его собственный портрет, написанный Удри за несколько часов»[16]. Подтверждением этому может служить рисунок «Комнаты Петра Великого в замке Пти-Бур», где над камином изображен царский портрет в рост[17]. Сегодня местонахождение полотна не известно. В эрмитажном рукописном каталоге за 1773–1783 гг. упоминается копия портрета из замка Пти-бур, чье местонахождение также пока не ясно[18].

Никола де Ларжильера также называют одним из авторов парижских портретов Петра I. Это предположение впервые было высказано коллекционером-энтузиастом князем А.Я. Лобановым-Ростовским на основании устного предания, бытовавшего в семье

---

[14] ОПИ ГИМ. Ф. 342 (А.И. Барятинский). Оп. 1. № 40. Л. 123; см.: *Немилова И.С.* Загадки старых картин. М., 1989. С. 203; *Она же*. Французская живопись XVIII в.: научный каталог: в 16 т. Т. 10. Л., 1982. С. 223–224.

[15] *Сергеева Г.И.* Об одной надписи на портрете Петра I и её авторе // Петровское время в лицах — 2017. Материалы Научной конференции. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XC). СПб., 2017. С. 261–263.

[16] Цит. по: Pierre le Grand. Un tsar en France. 1717. P. 164; см.: *Réau L.* Portraits français de Pierre le Grand. P. 306–307.

[17] Рисунок воспроизведен: Pierre le Grand. Un tsar en France. 1717. P. 155; см.: *Мезин С.А., Хмелевских И.В.* Петр I и герцог д'Антен // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 78: Петровское время в лицах — 2015: материалы научной конференции. СПб., 2015. С. 298–311.

[18] АГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «А». Д. 85. [Munich E.] Catalogue raisonné des tableaux qui se trouvent dans les Galeries, Sallons et Cabinets du Palais Impérial á Saint-Pétersbourg. Т. 1-3. 1773—1785: «[№] 1756. На этом поколенном портрете Петр Великий изображен в кирасе, он прекрасно написан, однако, кажется, что это только копия, чей оригинал когда-то находился в Птибуре, загородном доме герцога д'Антена, в комнате, в которой император останавливался по дороге из Парижа в Фонтенбло». Благодарим хранителя французской живописи Государственного Эрмитажа Н.К. Серебрянную за сведения о портретах из эрмитажных архивных документов.

графов Разумовских. Портрет якобы был заказан регентом Филиппом Орлеанским, а затем выкуплен императрицей Елизаветой Петровной и подарен графу А.Г. Разумовскому. Приобретенный от его наследников Александром II портрет был пожалован им Полтавскому кадетскому корпусу[19]. В современном каталоге-реконструкции выставки портретов в Таврическом дворце 1905 г. приводится репродукция полтавского портрета как работы Ларжильера, однако в аннотации отмечено, что «стилистика портрета исключает авторство Н. де Ларжильера»[20]. Уточнить атрибуцию портрета сейчас уже невозможно, он утрачен в годы войны.

Живописный портрет Петра I из парижской Библиотеки Арсенала был объектом исследования Д.Ю. и И.Д. Гузевичей[21]. Его атрибуция в качестве работы Л. Каравака (к его авторству ранее склонялась Н.П. Шарандак[22]) исключает его из числа изображений, исполненных во время парижского визита царя.

Фантастическая история написания царского портрета знаменитым французским художником Гиацинтом Риго представлена в сочинении А.А. Нартова. Его «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» историки до сих пор воспринимают как запись воспоминаний царского токаря А.К. Нартова, а на самом деле они являются мистификацией, написанной его сыном на основе европейских изданий о Петре I[23]. Нартов сочинил целую историю с вымышленными речами о том, как герцог д'Антен, принимая у себя царя, не только выставил в зале портрет царицы, но и способствовал написанию портрета самого царя живописцем Риго[24].

---

[19] *Васильчиков А.А.* О портретах Петра Великого. С. 32, 112. Французские авторы связали этот портрет с именем Риго. Жюль Роман упоминает полтавское полотно в списке «портретов, приписываемых Риго, чья атрибуция, однако, недостоверна». — Le Livre de Raison du peintre Hyacinthe Rigaud publie avec une introduction et des notes par J. Roman. Paris, 1919. P. 202-203. Борис Лосский также в связи с Риго упоминает этот портрет. — *Lossky B.* Portraits by Rigaud in the Slavic Countries // Gazette des Beaux-Arts. 1946, July. P. 38.

[20] Иллюстрированный каталог-реконструкция выставки 1905 года. Вып. I. Автор проекта Н. Окуренкова. М., 2016. С. 70, № 28.

[21] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д., при участии Болотиной Н.Ю.* Портрет Петра I из библиотеки Арсенала // Образ Петра Великого в мировой культуре. Материалы XII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая — 1июня 2019 года. СПб., 2020. С. 221–262.

[22] *Шарандак Н.П.* Портрет Петра I // Творчество. 1988. № 8. С. 19–20.

[23] См.: *Кротов П.А.* Рассказы Нартова о Петре Великом (русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник РГНФ. 2014. № 3. С. 157–167.

[24] Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е.В. Анисимов. СПб.; М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. С. 311–312.

Ранние сведения о портрете Петра I кисти Риго восходят к первому российскому историку искусств и собирателю устных историй о царе Я. Штелину, который писал, что в 1774 г. Екатерина II купила у некоего торговца Фламанда «портрет Петра Великого поколенный, написанный в Париже Риго[25]». В своем труде Штелин приводит ту же информацию с разницей в датах: «Во время пребывания царя в Париже, был он превосходнейшим образом срисован двумя славными живописцами Натоаром (Натье. — *Авт.*) ... и Ригодом. Первый представил царя в шлеме (в доспехах. — *Авт.*) ... другой в такуюж величину списал царя для французского двора». В примечании о портрете Риго сказано: «Сей превосходный подлинник был в 1773 г. привезен в числе других живописей из Парижа в Петербург, и... куплен императрицей Екатериной»[26]. И.И. Голиков, вероятно, видевший этот портрет, уточняет, что Натье представил царя «в панцыре», а Риго — «в гвардейском его мундире»[27].

Сегодня Гиацинту Риго приписывается портрет царя, хранящийся в собрании Симферопольского художественного музея (холст, масло, 90х73,5 см). Он не фигурировал на выставках и не упоминался в обобщающих трудах последних десятилетий и в этом смысле является малоизвестным. В музее он представлен как несомненная работа прославленного французского автора 1717 г. Между тем, происхождение портрета полно загадок и легенд. Прежде всего заметим, что ни в русских, ни во французских аутентичных источниках имя Риго не упоминается. Портрет царя не числится в «Книге заказов» мастера, которую он вел всю свою жизнь. В ней в хроно-

---

[25] Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 179–180.

[26] *Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого. М., 1787. С. 139–140. О покупке в 1773 г. у некоего французского торговца 39 картин см.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1986. С. 107.

[27] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1788. Ч. 5. С. 323; Д.А. Ровинский предполагал, что речь могла идти о протрете Петра I в гвардейском мундире, который приписывался А. Матвееву (а ныне считается его бесспорной работой): *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Стб. 1514. Б.Н. Лосский вопрошал: «Будет ли это тот портрет, который Анрикез выгравировал “по Риго” в Санкт-Петербурге в 1773 году?»: *Lossky B.* Portraits by Rigaud in the Slavic Countries // Gazette des Beaux-Arts. 1946, July. P. 38; однако Б.Л. Анрикез в 1772 и 1773 гг. гравировал портрет Петра I со скульптурного портрета М.-А. Колло.

логическом порядке Риго перечислял заказчиков, стоимость портрета и копии, выполненные в его мастерской[28].

Опять же не из первых уст мы узнаем, что портрет достался графу С.С. Уварову по наследству от его тестя графа А.К. Разумовского. «В семействе Разумовских сохраняется предание, что Пётр перед отъездом из Парижа зашел в отсутствие Риго в его мастерскую и, увидав свой собственный недоконченный портрет на мольберте, вырезал из него одну голову и увез с собою. Впоследствии он отдал её Елизавете Петровне, а она подарила её гр. А.Г. Разумовскому»[29]. Получив «голову», Уваров приказал наклеить её на новое полотно и приписать туловище. И сегодня на картине видимая невооруженным глазом неровная кромка вокруг головы Петра отделяет её от остального холста. Портрет Петра I в золотистых доспехах с голубой лентой С.С. Уваров поднес императору Николаю I, который поместил его в Романовскую галерею Зимнего дворца[30]. С этого времен история портрета выходит из тумана легенд. В 1925 г. из Эрмитажа полотно было передано в Русский музей, из фондов которого в 1952 г. поступило в Симферопольский художественный музей как работа неизвестного художника[31].

Голова Петра I написана мастерски. Лицо выразительное, не сильно идеализированное, с возрастными морщинами и немного оплывшими щеками. Отсутствие привычного прямого пробора в волосах царя, возможно, объясняется позднейшим дописыванием. Следует признать, что относить портрет к творчеству Гиацинта Риго нет ос-

---

[28] Le livre de raison du peintre Hyacinthe Rigaud Rigaud publie avec une introduction et des notes par J. Roman. Paris, 1919. Публикатор «Книги заказов» Ж. Роман отмечал, что в список все же не полон и в нем есть пропуски. Начиная с 1715 г. количество заказов у художника резко падает: он богат, бездетен и может позволить себе отказываться от не интересующих его моделей. За 1717 г. в его списке фигурирует один единственный заказ и четыре копии, что очень странно, поскольку ни до, ни после 1717 г. такого затишья в работе у не было. — Ibid. P. XII–XIII, XVI, 184. Однако еще более странным было бы умолчание о такой модели, как русский царь.

[29] Цит. по: *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Стб. 1611.

[30] АГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «Б». Д. 1. Опись картинам и плафонам, состоящим в заведовании II отделения Императорского Эрмитажа. (Начата в 1859, последние записи — в 1929): «№ 5355. Император Петр I. Писан на холсте. Раб. Риго. 19 3/4 х 16 1/2 = 87,8 х 73,2. В Романовской Галерее».

[31] *Кугушева А.Ю.* К истории бытования и атрибуции парадного портрета Петра I // Материалы Международной научной конференции в рамках Недели философии в Ялте «Проблемы современного гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» (20 ноября 2014 года). Ялта, 2015. С. 149–153.

нований. Еще А.А. Васильчиков резонно замечал, что «на портрете этом мы не находим ни манеры, ни колорита Риго»[32].

Отечественным исследователям остается неизвестным миниатюрный портрет Петра I кисти швейцарского художника Жака-Антуана Арло, хранящийся в женевском Музее искусства и истории. Он появлялся на европейских выставках и упомянут в литературе. Однако нам он попался на глаза на выставке в музее Карнавале[33].

Ж.-А. Арло родился в Женеве в 1668 г. В возрасте около двадцати лет переехал в Париж. Здесь он сблизился с герцогом Филиппом Орлеанским в качестве учителя рисования. Его связывали дружеские связи с Г. Риго и Н. де Ларжильером. Недоброжелательно настроенный к Арло коллекционер и знаток искусств П.Ж. Мариетт писал, что «с помощью толики шарлатанства и таланта он нашел средство нажить состояние стоимостью более сорока тысяч экю. В основном он поддерживал связи с иностранцами, приезжавшими в Париж, писал их портреты, за которые они ему щедро платили»[34]. Все же Мариетт не отказывал ему ни в уме, ни в таланте и описывал еще одну часть его деятельности — коллекционерство, в котором он преуспел настолько, что в восьмом издании «Нового описания города Парижа» Ж. Брис советует посетить его апартаменты[35]. Арло собрал внушительную коллекцию живописи и графики, в которую входили полотна Джорджоне, Андреа дель Сарто, Тициана, Аннибале Карраччи, Рубенса, Рембрандта, ван Дейка и т.д.[36] Все это он вывез с собой в Женеву в 1729 г. и под конец жизни завещал городской библиотеке[37]. Умер Арло в 1743 г.[38].

---

[32] *Васильчиков А.А.* О портретах Петра Великого. С. 96.

[33] La Régence á Paris, 1715-1723 : l'aube des Lumières [catalogue] / sous la direction de José de Los Llanos et Ulysse Jardat. Paris, 2023.

[34] *Abecedario de P.J.* Mariette et autres notes inédites de cet amateur sur les arts et les artistes / ouvrage publié... par MM. Ph. de Chennevières et A. de Montaiglon. Paris, 1854-1856. T. 3. P. 30.

[35] *Brice G.* Nouvelle description de la ville de Paris, et de tout ce qu'il contient le plus remarquable. Paris, 1725. T. 3. P. 350.

[36] *Tissot K.* (dir.), Artistes á Genève de 1400 à nos jours. Genéve, 2010. P. 18.

[37] *Blanc A.* Collections et pratiques d'un amateur au XVIIIe siècle : les recueils de dessins gravés du comte de Caylus // Cahier d'Histoire des collections et de Muséologie. 2009–2012. N 13–14. P. 51.

[38] *Muyden G. Van.* Jacques-Antoine Arlaud, 1668–1743, miniaturiste genevois célèbre, peintre du Régent // Revue suisse d'art et d'archèologie. 1940. Bd. 2, Heft 3. S. 142—143.

Написание художником царского портрета засвидетельствовано в документах: «11 июня живописцу Арло, которой писал меньшей его царского величества партрет, и за футрал ко оному сто золотых без росписки»[39]. Время написания портрета уточняет авторская надпись на его обороте: «Петр Первый, император всея Руси, написанный с натуры Жаком Антуаном Арло, гражданином Женевы, в Париже 18 июня 1717 г. в отеле Ледигьер. Эти титулы царя Московского были сообщены мне князем Куракиным, его послом во Франции». Другие источники подтверждают, что 7/18 июня Пётр I с утра оставался в отеле Ледигьер, где принимал географа Г. Делиля и окулиста Д.Т. Вулхауза[40]. По-видимому, во время этих ученых бесед царя запечатлел живописец на своей миниатюре.

Нашелся и ответ на вопрос, почему этот портрет остался у мастера. В 1740 г. художник составил завещание. В нем отмечено следующее: «Портрет, написанный китайскими чернилами, покойного царя Петра I Императора России, который я когда-то выполнил для самого себя по тому портрету, который я написал в цвете и с самого государя в Париже в июне 1717»[41]. Из сказанного следует, что тот портрет «в цвете», который был написан в отеле Ледигьер, пока неизвестен.

Портрет поясной. Царь одет в условные доспехи, поверх которых накинута орденская лента. Голова слегка повернута влево. Внешнее сходство, кажется, не в полной мере передано художником. Кругловатому лицу царя придана правильная овальная форма, прическа с пробором также приобрела идеальные очертания. Форма носа, по свидетельству современников, «чуть расширенного на конце» исправлена. Лишь живые глаза под темными бровями и усы «карандаш» делают изображение узнаваемым. В целом портрет довольно мастеровит, единственное, что не вполне удалось портретисту, это левая рука, которая не вполне органично приставлена к туловищу.

Завершая рассмотрение парижских портретов Петра I, обратим еще раз внимание на составленную по итогам визита запись об оплате работы художников. Заплачено «живописцу Натию» за изве-

---

[39] ОПИ ГИМ. Ф. 342 (А.И. Барятинский). Оп. 1. № 40. Л. 123. В опубликованной версии расходной книги указана другая дата: «В 19 день, живописцу Арло, который писал меншой его царского величества портрет, и за футрал к оному 100 червонных». — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. С. 71.

[40] *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. С. 76.

[41] *Muyden G. Van.* Op. cit. P. 145, note 14.

стные портреты царя и царицы, а «живописцу Арло» за «меншей его царского величества портрет». Строго говоря, достоверно можно говорить лишь о двух завершенных, писанных с натуры парижских портретах Петра I — большом кисти Ж.М. Натье и малом работы Ж.-А. Арло. К ним можно добавить лишь эмалевые портретные миниатюры работы Шарля Буата по оригиналу К. де Моора, о которых сказано в том же документе: «Мастеру Шарлу Боу, который делал партреты Его Царского величества... на финифти, в зачет триста червоных, росписка взята»[42].

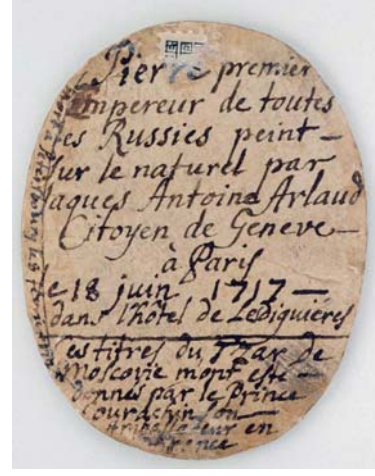

Неизвестный художник. Портрет Петра I. XVIII– первая пол. XIX в. Холст, масло, 90х73,5. Симферопольский художественный музей

[42] ОПИ ГИМ. Ф. 342 (А.И. Барятинский). Оп. 1. № 40. Л. 123.

Жак-Антуан Арло. Портрет Петра I. 1717. Картон, китайская тушь. 6,9х5,4. Музей искусства и истории. Женева.

Петр Первый, император всея Руси, написанный с натуры Жаком Антуаном Арло, гражданином Женевы, в Париже 18 июня 1717 года в отеле Ледигьер. Эти титулы царя Московского были сообщены мне князем Куракиным, его послом во Франции.Умер в Петербурге 8 февраля 1725.

Никола де Ларжильер. Портрет Жака-Антуана Арло. 1714. Музей искусства и истории. Женева.

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

Давид Иосифович Раскин
(Санкт-Петербург)
Профессор кафедры источниковедения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Социальное обеспечение в системе «регулярного государства» Петра Великого

David I. Raskin

Social security in the system of the «regular state» of Peter the Great

Аннотация: Статья посвящена социальному обеспечению в идеологиии системе институтов создаваемого Петром I «регулярного государства». Указы Петра I устанавливали систему благотворительных учреждений. Особое место в этой системе Петр I отводил местному самоуправлению и возлагал расходы на благотворительные учреждения на «земство». Обеспечение утративших трудоспособность военнослужащих и их семей возлагалось на церковь. Петр I заложил основы социального обеспечения в дореформенной России.

Abstracts: This article examines social security within the ideology and institutional system of the «regular state» created by Peter the Great. Peter the Great's decrees established a system of charitable institutions. He accorded a special place to local self-government and assigned the costs of charitable institutions to the "zemstvo". The church was responsible for providing for disabled military personnel and their families. Peter the Great laid the foundations for social security in pre-reform Russia.

Ключевые слова: Петр I, социальное обеспечение. «регулярное государство», местное самоуправление, церковь
Keywords: Peter the Great, social security, «regular state», local government, church

Создаваемое Петром I государство включило (хотя бы в зачатке) все элементы социального строя Российской империи XVIII — первой половины XIX в. Этот тип государства сам Петр именовал «регулярным», а с его легкой руки ряд исследователей, в том числе и автор настоящей статьи, также называют «регулярным, хотя не менее распространено и название «полицейское государство»[1]. Такой тип государства характерен для многих стран, переходящих от средневековья к модерну, прежде всего для государств «догоняющей модернизации».

Не все из главных составляющих этого типа государственности Петру I удалось создать, не все из его начинаний сохранились после смерти реформатора, но и его замыслы, и его первые попытки создания институтов «регулярного государства» так или иначе определили будущее Российской империи.

Существенной частью институтов «регулярного государства» стало социальное обеспечение — в формах, характерных для данного государства.

До сих пор идут споры о степени преемственности форм социального обеспечения, установленных или намеченных Петром I по отношению к Московской Руси(например, в области призрения утративших трудоспособность военнослужащих[2]). Но необходимо

---

[1] *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология Ч. 1 М. — Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1943; *Раскин Д.И.* Российская империя XIX — начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001; *Raeff M.* The Well-Ordered Police-State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia: 1600-1900/ London; New Haven: Yale University Press, 1983.

[2] *Квасов Д.А.* Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX — начала XX в.: автореферат дис. ... канд. юр. наук.М., 2005; *Халтурина О.А.* Исторический опыт пенсионного обеспечения в России // Сибирская финансовая школа: АВАЛЬ.2009. № 3. С. 153–158; *Баранова Е.А.* Особенности развития пенсионного обеспечения в России в XVII–XIX: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; *Чеснокова Ю.В.* Становление пенсионного обеспечения в России в XVI — начале XX в. // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского.2012. № 28. С. 173–175 и др. Ср.: *Гусаков Д.Б.* Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой вопрос: дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2015. С. 19–20.

признать, что все-таки даже имевшие аналоги в XVI–XVII вв. формы социального обеспечения при Петре I приобрели принципиально новое содержание. Это было обусловлено и заимствованием (причем декларируемым заимствованием) европейского опыта, и новыми реалиями петровской России.

Для основной массы «сирых и убогих» в допетровской Руси возможность выживания обеспечивалась массовой раздачей милостыни (что было общей нормой поведения и для царского семейства, и для церкви, и для рядовых горожан). Кроме того существовали богадельни, прежде всего в Москве, содержавшиеся за счет церковных и частных средств, а также за счет царской казны. Институт нищенства (как, впрочем, и богаделен) был весьма распространен в средние века и в Европе, и в Азии. Но с «регулярным государством» он плохо сочетался. Борьба с нищенством и бродяжничеством была характерна для большинства европейских государств Нового времени, вступающих на путь модернизации.

Суровые (и даже жестокие) указы Петра I о борьбе с нищенством общеизвестны[3].

Но в этом он имел и предшественников, и последователей.

Еще в постановлениях Стоглавого собора говорилось: «А здравые бы строи с женами по богадельням не жили, а питалися бы, по дворам ходячи, от боголюбцов, якоже и доднесь, а которые возмогут работати, и они бы страды подлежали... А которым на окуп от долгов или о прочих нужах милостни просити, и они бы именем Божиим у боголюбцев просили, а с иконами бы однолично не ходили»[4].

Для действительно больных и увечных предусматривались богадельни. И само это слово, и соответствующие учреждения известны еще со времен Московской Руси. Главным отличием богаделен как основного инструмента социального обеспечения в «регулярном государстве» Петра I стало возложение основных расходов по содержанию богаделен на церковь, а затем и на «земство».

Еще 16 января 1712 г. Петр I повелел «по всем губерниям учинить шпиталеты для самых увечных таких, которые ничем работать

---

[3] Указы (и инструкции) от 21 марта 1708 г., 21 января 1712 г., 25 февраля, 25 мая, 20 июня 1718 г., 16 ноября1720 г., 9 июля, 10 декабря1722 г., 3 июня 1724 г.zПСЗ. Т. 4. № 2470. Т. 5. № 3172, № 3203, № 3212. Т. 6. № 3676, № 4947, № 4130. Т. 7. №4522.

[4] Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе, царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / [авт. предисл. Агапиий (Гончаренко)]. Лондон: Trubner a. C° [Вольн. рус. тип.], 1860. Гл. 73,74 С. 183 -184.

не могут, ни стеречь также и зело престарелым. Также прием незазрительный и прокормление младенцем, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали (сиречь убивства), по примеру Новгородского архиерея»[5].

Если в каждойиз восьми незадолго до этого учрежденных губерний учредить такое благотворительное заведение было еще возможно, то в каждом городе едва ли. Этот указ, как и многие другие петровские указы, остался в истории скорее как декларация о намерениях. Но как памятник идеологии регулярного государства он имеет несомненное значение.

Употребление слова «госпиталь»(шпиталет, гошпиталь) явно свидетельствует об ориентации на европейский опыт. Этот опыт был знаком Петру I по его посещениям Западной Европы. В частности, со знаменитым Гринвичским госпиталем Петр познакомился еще в 1697 г. во время пребывания в Англии[6]. В 1717 г. он посетил Дом инвалидов в Париже[7]. С опытом призрения нищих и беспомощных в Нидерландах он также был знаком.

Прямая ссылка на пример других государств содержитсяв Регламенте Главногомагистрата.

Регламент Главного магистрата появился после длительной подготовки. Еще в 1818 г. в ответ на предложение главного советника Петра I по устройству государственных учреждений Генриха фон Фика ввести в городах магистраты Петр указал: «Учинить сие на основании рижского и ревельского регламентов по всем городам». Проект регламента Главного магистрата был подготовлен Г. фон Фиком по поручению Петрак 1720 г.[8] В этом проекте был учтен опыт западноевропейских магистратов, в том числе и собственный опыт Фика в качестве бургомистра[9]. Редакция 1720 г. (в части, касающейся социального обеспечения)отличалась большей пространностью, более акцентированной отсылкой к опыту иностранных государств и апелляцией к христианской этике: «XXIII. О цухтгаусах (или смирительных домах) и госпиталех. ... Гошпитали ради

---

[5] ПСЗ. Т. 4. № 2467

[6] *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1788. Ч. V. С. 52.

[7] *Мезин С.[А].* Пётр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015. С. 66.

[8] *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 293–295.

[9] *Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей.СПб: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге. 2013. С. 330–332, 336.

сирых и убогих, больных и увечных и для самых престарелых мужей и жен строятца; в других государьствах такие домы во всех малых городех обретаютца. Такие домы имеют первое свое начало от фундацей земского начальства, или на подаяния таких людей, которыя бог доволное имение, купно и христианское сердце даровал, или, ежели сих двух способов не будет, то требует христианская должность гражданам самим такую гошпиталь построить. А потребное пропитание тем убогим и немощным давать. Великое имение имущее гражданство, которое сие дело презрит, ни в котором государстве между истинными христианами счислятися не может, понеже христианская любовь есть первый знак христианина, оная не может лутчее в действо произведена быть, как в призрении бедных и увечных, к чему уставы и полиции регулы всякой город и землю обязуют, а имянно, что они должны своих собственных убогих снабдить. Кроме такой гошпитали, есть в больших и знатных городех также сиротской дом, в котором определенное число убогих и после родителей оставших детей содержитца и воспитаны бывают. Такожде есть и для моровой язвы домы, в которых больных бедных людей лечат и в призрении имеют. Все такие домы надлежит со всяким тщанием и со всеми потребными покоями каменными построятца, дабы оин вечную крепость в строении имели»[10].

В окончательной редакции регламента (гл. XX «О цухтгаузах (или смирительных домах) и гошпиталях (или больницах) эти положения представлены в более лаконичном (и более императивном) виде: «А гошпиталям быть ради призрения сирых, убогих, больных и увечных, и для самых престарелых людей обоего пола. И такие домы построить магистратам земским иждивением впредь со временем, сыскав к тому, також и на пропитание оных людей средство, и по состоянию места, чтоб гражданам было безобидно, понеже в других государствах такие домы не токмо в больших, но везде и в малых городах обретаются, и имеют первое свое начало от фундации земского начальства, такожде и от подания таких людей, которые во имении суть свободны, к чему уставы и полиции регулы (всякой город и землю) обязуют, а именно должны собственных своих убогих снабдить; еще ж и кроме гошпитали есть в тамошних больших и знатных городах особливо сиротские домы, в которых определенное число убогих и после родителей оставшие дети содержатся и воспитаны бывают, такожде и другие есть домы,

[10] Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3/ Сост. Н.А. Воскресенский. М.: Древлехранилище, 2020. С. 238–240.

в которых от разных болезней бедных людей лечат, и в призрении имеют, и все такие домы градским тщанием с потребными покоями каменные строятся: и для того Главному магистрату иметь в том старание, чтоб оное исправить со временем, без отягчения народного»[11].

Хотя Регламент Главного магистрата разрабатывался при участии иностранного консультанта (Г. фон Фика) и пестрит ссылками на опыт других государств, сама идея повсеместного создания госпиталей была высказана Петром I еще в 1712 г. и,. несомненно, принадлежала ему и основывалась на его личном знакомстве с европейскими порядками.

В проекте 1720 г. «смирительным домам» уделены первые 8 пунктов соответствующей главы. Сохранились они и в окончательном тексте регламента. Эти дома предназначались для трудоспособных, но не желающих работать женщин и мужчин, праздношатающихся, для всех, кого законодатель именовал людьми «непотребного жития». Создание таких домов в каждом городе удалось осуществить в той же степени, что и создание госпиталей. Но отдача «праздношатающихся» и «непотребного жития людей» в солдаты или матросы и привлечение их к принудительным работам (на строительстве), а для женщин — помещение в прядильные дома при Петре I практиковались достаточно широко. В целом эта мысль составителя Регламента Главного магистрата осуществилась в большей степени, чем идея создания госпиталей.

Таким образом, Петр I предполагал создать стройную систему социального обеспечения на базе местного самоуправления. Все расходы на социальное обеспечение (как и значительная часть расходов на народное образование) должны были быть возложены на «земство». При этом «отягчение народное» было, разумеется, неизбежно, но казна от этого отягчения освобождалась.

Такая организация социального обеспечения входила в петровский идеал «регулярного государства». Этому государству все здоровые и трудоспособные обязаны были служить — каждый в соответствии со своим сословным и служебным статусом. Для не желающих трудиться полагались смирительные дома и прочие меры принуждения. А для нетрудоспособных, больных и беспомощных в этом государстве должна была существовать система благотворительных учреждений. Но эта благотворительность носила не добровольный характер, а вменялась в обязанность «земству» иподчинялась государственной регламентации.

[11] ПСЗ. Т. 6. № 3708. 16.01. 1721.

Систему местного самоуправления, столь стройно сформулированную в Регламенте Главного магистрата, постигла в итоге такая же неудача, как и планируемую Петром I систему местного управления в целом. Во всяком случае, применительно к системе социального обеспечения, задуманной Петром I, можно говорить не столько об осуществлении на практике, сколько о намерениях. Эти намерения остались памятником государственной мысли Петра.

Но идея создания системы социального обеспечения за счет средств местного самоуправления и благотворительности от идеологии «регулярного государства» была унаследована идеологией просвещенного абсолютизма Екатерины II. В результате губернской реформы 1775 г. в новых губерниях были созданы приказы общественного призрения, действующие по тому же принципу, что и задуманные Петром I магистраты.

Другой характерной чертой идеологии «регулярного государства» было подчинение и частной, и церковной благотворительности, бывших в Московской Руси делом личного душевного спасения, а также социальной миссии церкви, интересам и контролю государства. Если в Московской Руси богадельни — частные, церковные и даже царские — существовали вне единых правил и государственного контроля, то в создаваемой Петром I империи благотворительность была поставлена под контроль государства и регламентировалась соответствующими узаконениями. Церковная благотворительность (а также обеспечение утративших трудоспособность военнослужащих) вменялись церкви в обязанность. Этот принцип отчетливо и категорически сформулирован в указе от 28 февраля 1721 г.: «А понеже церковные имения нищих имения суть: того ради... построить везде при церквах богадельни пребывания ради нищенствующих больных, которых тамо и кормить по препорции каждой церкви доходов...»[12]. При этом сама церковь была жестко подчинена государству и управлялась по Духовному регламенту. Точно так же, города, которым создание и содержание благотворительных учреждений было вменено в обязанность, были подчинены Регламенту Главного магистрата.

Наиболее ярко эта черта идеологии «регулярного государства» выразилась в политике Петра I в области пенсионного обеспечения военнослужащих.

По сенатскому указу 29 июля 1719 («Об отсылке не имеющих пропитания отставных от воинской службы чинов в монастыри

[12] ПСЗ. Т. 6. № 3746.

и о даче им жалованья из монастырских доходов»), военнослужащим, которые «с смотру из той Коллегии от армейской и гарнизонной службы за ранами и за старостью оставлены и определены для прокормления их в монастыри и учинены им оклады, почему и тот прокорм давать им их тех монастырей денежного и хлебного жалованья.., а Его Великого Государя жалованья давать им из монастырских доходов... и которые такие же солдаты впредь от службы оставлены будут и оных для прокормления, в монастыри или богадельни по их прошениям отсылать и жалованье денежное и хлебное давать ... из монастырей; а которые в богадельни тем из тех доходов, которые содержаться в богадельни...»[13]. Призрение отставных военнослужащих «за ранами», по болезни или неспособных продолжать службу (даже в гарнизонах) по причине полной дряхлости возлагалось на монастыри и другими указами Петра I[14].

Но в Морском уставе впервые в российском законодательстве был намечен принцип содержания отставных офицеров, их вдов и сирот за счет казны и в зависимости от получаемого на службе жалованья. Из этого принципа развилось все дальнейшее российское пенсионное законодательство, начатое при Екатерине II и завершившееся пенсионным уставом 1827 г[15].

В Московской Руси система государственного здравоохранения практическиотсутствовала. Аптекарский приказ был лишь зачатком государственного управления медициной. Тем более в допетровское время отсутствовала сеть лечебных учреждений. Петр I преобразует Аптекарский приказ в Медицинскую канцелярию, создает сеть аптек, госпитали, систему медицинского образования. Так были заложены основы государственного здравоохранения, являющегося также неотъемлемой частью системы социального обеспечения. Система государственного управления медициной получила дальнейшее развитие при наследниках Петра, составив стройную и для своего времени передовую систему медицинского законодательства.

Таким образом, основы системы социального обеспечения, характерной для дореформенной Российской империи, были заложены именно Петром I.

---

[13] ПСЗ. Т. 5. № 3409.

[14] ПСЗ. Т. 6. № 3485, № 3962; т. 8. № 5283

[15] *Раскин Д.И.* Предпосылки российской системы пенсионного обеспечения в законодательстве Петра Великого // «Не чародей, а гений...»: Личность Петра Великого на фоне эпохи: Материалы XV Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022 года / сост. А.В. Кобак, В.В. Лихачева, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2023. С. 157–159.

Владислав Александрович Стасевич
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник
Библиотеки Российской Академии наук (БАН)

Прорыв в Атлантику: к вопросу о настоящем «Завещании Петра Великого»

Vladislav A. Stasevich

Breaching the Baltic straits: considering the real «Peter the Great's Testament»

Аннотация: Статья посвящена петровскому плану превращения России в океаническую державу и его судьбе при преемниках Петра I. Автор показывает, что, самое позднее, с 1716 г. Петр I подступался к более амбициозной цели, чем достигнутая при его жизни — овладению выходом из Балтийского моря. Эта цель, приоритет которой возрос в последние годы правления Петра I, оставалась в поле зрения российских властей вплоть до решений Екатерины II, которые упразднили это направление российской внешней политики.

Abstract: The article is devoted to Peter I's plan of turning Russia into an oceanic power and the plan's fate under his successors. The author shows that, no later than 1716, Peter I set before himself the much more ambitious goal than the one achieved in his lifetime — obtaining the exit from the Baltic sea. This goal, which rose in priority in the last years of Peter I's reign, was not abandoned by the Russian authorities until the decisions of Catherine II which abolished this direction of Russian foreign policy.

Ключевые слова: Петр I, внешняя политика, мировой океан, Датские проливы, Голштинский вопрос

Keywords: Peter I, foreign policy, World Ocean, Danish straits, Holstein question

Название моей статьи оправданно провокационно. Не собираясь обсуждать здесь пресловутое поддельное «Завещание», историография которого и без того обширна[1], я упоминаю его, чтобы привлечь внимание к другому, более стоящему этого названия, предмету. Я берусь утверждать, что в российской внешней политике имелось четкое направление, твердо избранное Петром I и оставленное им «в наследство» преемникам. Избрав его во второй половине Северной войны, Петр не сворачивал с него и после Ништадтского мира и передал следующим правителям и правительствам России. При них это направление неукоснительно выдерживалось первые несколько лет, после чего Россия то уклонялась от него, то склонялась к нему снова. Окончательный отказ от него — в смысле необратимого отказа от последнего ключевого средства — произошел только при Екатерине II, что имело глубокие последствия для России на многие десятилетия, а скорее всего, и века.

Направление, которое я имею в виду — это меры с конечной целью завладеть выходом из Балтики в Атлантический океан и, соответственно, получить для российского военного и торгового флота кратчайший и легчайший выход на океанский простор. И если эта конечная цель не была достигнута, то за промежуточные, ценность которых трудно объяснить без нее, российские власти боролись с поразительным упорством. Столь же трудно объяснить без нее и постановку еще более дальних целей, достижение которых требовало надежного выхода в Атлантику.

Такое наблюдение нельзя назвать новым. Если говорить только о российской историографии, то впервые оно было опубликовано не позднее 1907 г., когда его половинчато высказал в своей опубликованной диссертации историк М.А. Полиевктов[2]. Многократно повторяя и иллюстрируя тезис об упорной борьбе петровского правительства и дипломатов за права Голштинского герцога и за отмену для России Зундской пошлины, Полиевктов словно не мог назвать той очевидной цели, которой служили эти средства. В последующем работа над совершенно очевидной гипотезой далеко не продвину-

[1] См. ссылки на литературу, напр., в: *Lewitter L.R.* The Apocryphal Testament of Peter the Great // The Polish Review, Vol. 6, No. 3 (Summer, 1961), P. 36; *Cross A.P.* Peter the Great through British Eyes. Cambridge, 2000. P. 112–113; *Мезин С.А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. № 5 2010. С. 18–27.

[2] *Полиевктов М.А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). С-Пб., 1907.

лась. И в советской, и в постсоветской историографии утверждения о целях Петра I на Балтике почти всегда ограничивались ровно тем, чего он и достиг: получением выхода в море на его самом восточном краю. Порой это утверждалось, когда речь шла о целях в начале войны, и этим речь ограничивалась; бывало, что результаты войны просто констатировались без обсуждения целей; наконец, у некоторых авторов цели более или менее явно отождествлялись с результатами[3]. Очевидны недостатки таких подходов. В первом и втором случае просто избегается вопрос о сколько-нибудь дальних внешнеполитических целях Петра I. В третьем же случае отождествление неизменно малообоснователно, а кроме того, игнорируется уже другой вопрос: многого ли стоило такое ограниченное завоевание?

Впрочем, вопрос, гонимый «в дверь», возвращался «через окно». В труде, впервые вышедшем в 1949 г., Е.В. Тарле заговорил, хотя бегло и без связи с Северной войной, о видах Петра I на океанскую торговлю с Индией и гренландский китобойный промысел[4]. Речь об этом пошла свободнее в XXI в. в контексте обсуждения «восточной» и вообще внешней политики Петра I[5]. Но, пожалуй, самый явный «прорыв» состоялся в 2022 г., когда Д.Н. Копелев в соответствующе названном докладе высказал мнение, что геополитические планы Петра I распространялись на мировой Океан, причем не только на пути торговли с Индией как запасную замену сухопутным[6]. Мы мо-

---

[3] См., напр.: *Тарле Е.В.* Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 2010. (Первое изд. соотв. труда – в 1958 г.). С. 24; *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 479, 485, 487; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 123–124; *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 128. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 115, 424–425. *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 14–18. Пример половинчатого мнения (Ништадтский мир «полностью решил балтийский вопрос», но перед этим Петр I имел виды на Мекленбург, Голштинию и вмешательство в шведскую политику): *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 285.

[4] *Тарле Е.В.* Северная война... . Русский флот и внешняя политика Петра I. С. 645, 654–657.

[5] См., напр.: *Анисимов Е.В.* Имперское воображение Петра Великого // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время: материалы Международной научной онлайн-конференции. Москва, 20 мая 2022 г. / под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. М., 2023. С. 15.

[6] *Копелев Д.Н.* Геополитическая программа Петра Великого в 1721–1725 гг.: прорыв в Мировой океан // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века (к 350-летию со дня рождения Петра I) / сост. А.Л. Бредихин. СПб., 2022. С. 87–92. Из других его работ см. также: *Копелев Д.Н.* Имперская модель

жем только поддержать уважаемого автора, но опубликованные тезисы его доклада, с одной стороны, более широки по содержанию, а с другой, более осторожны, чем наши.

В дальнейшем тексте моей статьи будет немного новизны в плане фактов внешнеполитической истории, благо историографией уже накоплен огромный их объем, хотя ни полностью переработанным, ни, тем более, исчерпывающим его тоже назвать нельзя. Вместо этого я постараюсь выделить из материала тот сюжет, который я уже обозначил — и который в ясно выраженной и достаточно аргументированной форме не нашел ни в одной отечественной специальной работе (по крайней мере, из числа изданных).

Начнем же по порядку. Первый и очевидный довод против традиционного сегодня мнения о целях Петра I на Балтике — низкая ценность приобретений по итогам Северной войны для контроля над морем. Новая столица, основанная на этих территориях, как порт расположена очень плохо, будучи лучше только, чем ничего. Если не говорить об очевидном затруднении для торгового судоходства — мелководности, которая давала о себе знать вплоть до прокладки Морского канала в последней четверти XIX в.,[7] — Петербург с Кронштадтом откровенно плохи в качестве единственного выхода на Балтику. Место их расположения — Невская губа — географически представляет собой дно бутылки на дне другой бутылки. Контроль над Балтикой требует выхода из малой бутылки (Финского залива) и движения как можно ближе к горлышку бутылки большой — то есть датским проливам. Именно такое движение мы видим при Петре I после основания Петербурга, когда главной базой балтийского флота фактически стал Ревель (при не доведенных до конца попытках заменить его на Рогервик)[8]. То же самое

князя И.А. Щербатова и ее реализация в 1720–1725 гг. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. Вып. 2. / Под ред. Н.П. Копаневой, М.Ф. Хартанович. СПб., 2016. С. 221–238.

[7] *Кротов П.А.* Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2001. С. 430–431; *Kaukiainen Y.* Breaking the 'Baltic barrier': St. Petersburg as a new export outlet // International Journal of Maritime History, Vol. 35(3), 2023, P. 420. Впрочем, проблемы были и у военного кораблестроения: построенные на петербургских верфях корабли приходилось приподнимать и вести на специальных понтонах-камелях до Кронштадта, где они достраивались. См.: *Жутяев Ю.Н.* Камели в российском судостроении // Гангут. № 44 – 2007. С. 6, 9–11.

[8] *Квашнин-Самарин И.Е.* Историческая справка о Ревеле при Петре Великом // Морской Сборник. Т. CCCLIV. № 9. СПб., 1909. Неофициальный отдел. С. 1–45.

движение мы находим во всей истории балтийского флота вплоть до середины XX в., каковая история в этом плане представляет собой историю попыток «вытолкнуть» главную военно-морскую базу как можно дальше на запад.

Второй довод — мекленбургская политика Петра I и его ближайших преемников. В ней поворотным стал 1716 г. Сперва — 22 января по старому стилю — был заключен договор о браке между Мекленбург-Шверинским герцогом Карлом Леопольдом и племянницей царя Екатериной Иоанновной; затем — 8 апреля, в день их свадьбы в Данциге — заключен уже союзный российско-мекленбургский договор. По условиям этих двух взаимосвязанных договоров устанавливался военный союз между Россией и Мекленбургом; Россия получала возможность на неограниченное время и в неограниченном количестве располагать в Мекленбурге свои войска — формально на службе у герцога и за его счет, но с возможностью немедленно истребовать их для боевых действий за его пределами; другим российским войскам дозволялся свободный проход через Мекленбург; царь обещал помогать герцогу в борьбе против местной знати, отстаивающей свои привилегии; в качестве приданого за царевной герцогу был обещан возврат города Висмар после изгнания из него шведов, а на случай, если город вернуть не удастся — деньги[9].

Ни договор, ни последующие действия России по отношению к Мекленбургу невозможно объяснить никакими тактическими соображениями. Для ведения сухопутной войны против Швеции он выглядел излишним, так как к моменту его заключения упомянутый Висмар и оставался единственным шведским владением на южном берегу Балтики. Военно-морские выгоды от него были сомнительны. Для десанта в Швецию он был расположен слишком далеко: планировавшееся в том же 1716 г. союзное вторжение в Сканию, как известно, должно было исходить с Зеландии, то есть из портов союзной Дании, и войска для десанта собирались подвозить на Зеландию из Мекленбурга, а не доставлять морем прямо из последнего в Швецию[10]. Гораздо более подходящим трамплином для этой

---

[9] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. Т. V. Трактаты с Германией. 1656–1762. СПб., 1880. С. 136–151; *Анисимов Е.В.* Парадоксы петровской дипломатии времен Северной войны: от тесного союзничества к могущественному одиночеству (1716–1723) // Эпоха Петра Великого в исследованиях современных ученых: сб. науч. тр. / [науч. ред. И.В. Солонько, В.В. Яковлев]. СПб., 2024. С. 13–15.

[10] *Lindgren R.E.* A Projected Invasion of Sweden, 1716 // Huntingdon Library Quarterly, Vol. 7, No. 3 (May 1944), P. 226–228; *Haxlund I.* When Tsar Peter Changed His Mind — A Momentous Incident in the Northern War // Scando-Slavica, T. 43 (1) (1997), P. 8; *Баггер Х.* Пётр Великий в Дании в 1716 году. СПб., 2017. С. 29–30.

задачи выглядели оккупированные Россией к тому моменту Аландские острова — с которых, собственно, тогда и планировалось осуществить отвлекающее нападение и которые стали таким трамплином на финальном этапе войны[11]. Что касается ценности мекленбургских портов — Висмара и Ростока — для российского флота, будь то торгового или военного, то она отчасти подрывалась тем, что в договоре была допущена невозможность овладеть Висмаром. (Этого, как мы знаем, в итоге и не произошло: город был занят союзным датско-прусско-ганноверским войском, которое не пустило в него русских, а по Фредериксборгскому договору 1720 г. он был возвращен Швеции, у которой фактически оставался до 1803 г., а юридически — до 1903). Иной раз звучащий довод о том, что договор с Мекленбургом помогал мешать шведской торговле на Балтике, подрывается теми фактами, что для этой торговли тогда важнейшие роли играли Данциг, который лежал далеко от Мекленбурга и который Петр I и так терроризировал с суши и с моря, и Кёнигсберг, принадлежавший королю Пруссии, который был союзником Петра I вплоть до 1719 г., и с которым Петр I ни разу не пошел на открытый конфликт[12]. Зато у российско-мекленбургского союза есть объяснение гораздо лучше перечисленных: он помогал держать войска по соседству с Голштинией и Шлезвигом, то есть землями, составляющими перешеек между Балтикой и Северным морем. Предлог для того, чтобы ввести их туда и завладеть этим перешейком, а также угрожать оттуда Дании с ее проливами, у Петра был, и об этом мы скажем. Но прежде добавим: уже в это время в Мекленбурге рассматривался проект прокладывания через его территорию судоходного канала, который связал бы Балтику с Эльбой и через последнюю открывал выход в Северное море в обход датских проливов[13].

---

[11] *Murray J. J.* Scania and the End of the Northern Alliance (1716) // The Journal of Modern History, Vol. 16, No. 2 (Jun., 1944), P. 86, 89; *Баггер Х.* Пётр Великий в Дании в 1716 году. С. 17–18, 30.

[12] *Lewitter L.R.* 1) Russia, Poland and the Baltic, 1697–1721 // The Historical Journal, Vol. 11, Issue 1 (March 1968). P. 18, 22. 2) Poland, Russia and the treaty of Vienna of 5 January 1719 // The Historical Journal, Vol. 13, Issue 1 (March 1970). P. 20 и passim; *Ефимов С.В.* Данцигская контрибуция. Из истории Северной войны (1700–1721) // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды девятой международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. В двух частях. Ч. 1. СПб., 2019. С. 401–426.

[13] *Lewitter L.R.* Poland, Russia and the treaty of Vienna, P. 4; *Копелев Д.Н.* Создание Российской империи и матримониальные замыслы Петра Великого // Кунсткамера. 2022. № 1 (15). С. 16.

Третий довод — политика по отношению к Голштинии. Здесь главная перипетия свершилась около заключения Ништадтского мира. Дания — заклятый враг голштинской независимости — к тому времени перестала быть российским союзником; шлезвиг-голштинский герцог Карл Фридрих потерпел неудачу сперва в претензиях на шведский престол после гибели Карла XII, а затем в претензиях на роль наследника уже при следующих шведских монархах — Ульрике Элеоноре и Фредерике I, зато с помощью императора Священной Римской империи смог добиться возвращения оккупированного датчанами «герцогского удела» в Голштинии. (Шлезвиг при этом остался целиком в датских руках)[14]. Начались российско-голштинские переговоры о помощи герцогу в борьбе за Шлезвиг и права на шведский престол, а также о его браке с одной из российских царевен. В 1721 г. Карл Фридрих приезжает в Россию, власти которой начинают открыто выступать на его стороне, и в ноябре 1724 г. между Петром I и герцогом заключается договор о браке герцога со старшей царевной Анной Петровной[15]. В складывавшемся союзе герцог не мог немедленно предложить царю ничего. Расхожие утверждения о том, что герцог с его претензиями использовался российской дипломатией для давления на Швецию или Данию, напрашиваются на вопрос: какие цели преследовало это давление? Зато очевидна более далекая выгода, о которой мы уже сказали: овладение прямым выходом в Атлантику. И в этом случае, подобно мекленбургскому, существовал и выдвигался голштинской стороной план прокладки судоходного канала из Балтики в Северное море через свою территорию. (Такой канал — Кильский — и будет проложен в конце XIX в.)[16].

---

[14] См., напр.: *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. С. 57–60, 81–86; *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 59–60; *Fuhrmann K.* Herzog Friedrich IV: Im Ringen um das Ansehen als “Armierten Stand“ // Gottorf im Glanz des Barock: Kunst und Kultur am Schleswiger Hof 1544–1713 : 4 Bde. Schleswig, 1997. Bd. 1. S. 49–50; *Jørgensen A.D.* Carl Frederik, Hertug af Gottorp, 1700–1739 // Dansk Biografisk Lexikon: 19 Bd. Kjøbenhavn, 1889. Bd. 3. S. 367–369.

[15] *Наумов В.П.* Герцог Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский в Петербурге // Петровское время в лицах – 2007. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 194–197; *Морохин А.В.* «Не ведаю, каково Вам там жить»: к истории пребывания цесаревны Анны Петровны в Германии // Меншиковские чтения. 2014. № 5 (12). С. 147–155; *Копелев Д. Н.* Создание Российской империи. С. 18–19; *Анисимов Е.В.* Заморский жених для русской цесаревны: Из истории заключения русско-голштинского брачного союза 1720-х годов // Историк у источника: Политическая история XVIII века в документах и комментариях. СПб., 2025. С. 117–159.

[16] *Копелев Д.Н.* Создание Российской империи. С. 18.

Четвертый довод — крайнее упорство, с которым после заключения Ништадтского мира российская дипломатия стала требовать от Дании освобождения российских кораблей от уплаты т. н. Зундской пошлины (пошлины за проходы через датские проливы). Это требование выглядело тем более резким и провокационным, что Зундская пошлина в это время составляла едва ли не главную статью доходов датской казны, а кроме того (на что обратил внимание еще Полиевктов), к тому моменту, как об этом зашла речь, ни один российский торговый корабль еще не проходил через датские проливы[17].

Пятый довод — это условия, которые сами собой ставились рядом последних предприятий Петра I. Здесь — и запланированная и едва не начатая Мадагаскарская экспедиция с маячившим за ней планом морской торговли с Индией[18], и попытки организовать прямую морскую торговлю с Францией и Испанией. Понятно, что исполнение таких планов требовало как можно более прямого выхода в Атлантику — из Петербурга и Балтики, а не из Архангельска и Белого моря. Сюда же можно добавить и российско-якобитские интриги, которые стали полноценно освещаться у нас только в постсоветской историографии[19]. Разве что, нужна оговорка: не ясно, в какой мере российские власти (Петр I и его преемники) были готовы прийти на помощь якобитам — сторонникам свергнутой британской династии Стюартов.

Петр I умер, но при Екатерине I российская политика на балтийском направлении осталась неизменной. В мае 1725 г. состоялась свадьба герцога Карла Фридриха с Анной Петровной. В аналитической записке, составленной А.И. Остерманом в том же 1725 г. и представленной российскому правительству в начале 1726 г., многократно говорилось об отстаивании интересов голштинского и даже мекленбургского герцогов — притом, что последний к тому времени был вынужденно оставлен Россией и отстранен от власти

---

[17] *Полиевктов М.А.* Балтийский вопрос в русской политике. С. 115.

[18] *Копелев Д.Н.* «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения. Вып. 5. М., 2015. С. 186–211.

[19] См., напр.: К*опелев Д.Н.* Мадагаскарский король». *Он же.* Якобитское движение и Петр I: общие проблемы изучения и перспективы // Эпоха Петра Великого. С. 158–181; *Станков К.Н.* «Заговор Юлленборга», Роберт Эрскин и русская дипломатия в 1716–1717 гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8. С. 23–34; *Стасевич В.А.* Жизнь и наследие Роберта Арескина // Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра / Авт.-сост. А.К. Сытин, Д.Д. Сластунов; отв. ред. А.К. Сытин. СПб., 2022. С. 17–48.

в своем герцогстве с санкции императора Карла VI[20]. В это же время Россия на деле двигалась к войне с Данией. Походные приготовления были сорваны отчасти за счет поддержки, которую Дания нашла у других держав, отчасти — из-за ставшего явным конфликта Карла Фридриха с князем Меншиковым, одновременно с чем — в мае 1726 г. — состоялись два пожара на галерной верфи в Петербурге (подозревали поджог, но поджигателей так и не нашли)[21].

При Петре II усилился разлад между российским и голштинским правительствами — объяснимый гораздо лучше внутренними российскими, чем внешнеполитическими соображениями. Как известно, по завещанию Екатерины I прямым наследником объявлялся Петр II, который должен был жениться на дочери Меншикова; в случае смерти Петра II без потомства наследование переходило в линии дочерей Екатерины I и Петра I — сперва Анны Петровны (и, соответственно, Карла Фридриха), затем Елизаветы Петровны. Однако завещание было скрыто, а Меншиков успешно выжил Карла Фридриха с его женой из России. Супруги отправились в Голштинию, где в 1728 г. родился их единственный сын — будущий Петр III. Когда в Стокгольме был опубликован текст завещания Екатерины I, российское правительство объявило его фальшивкой[22]. Еще хуже для российско-голштинских отношений было то, что Карл Фридрих занялся шантажом: успешно вывезя из России вместе с приданым жены два сундука с «компроматом» (касавшимся, похоже, еще прихода Романовых к власти), герцог стал успешно вымогать у российского правительства деньги за молчание. Открытый разрыв состоялся уже при Анне Иоанновне, которая была призвана на престол в нарушение завещания Екатерины I. В 1732 г. был заключен русско-датский союз, по условиям которого Дании гарантировался Шлезвиг; в 1733 г., найдя удобные публичные предлоги, российские власти пригрозили голштинскому герцогу войной и добились тем самым выдачи «компромата»[23].

---

[20] Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году. Составлено Вице-Канцлером Бароном Остерманом // Северный Архив. 1828. № I и II. С. 1–61.

[21] *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 47–73.

[22] Там же. С. 142–143, 146–149, 152. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 789–791. *Томсинов В.А.* «Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I»: комментарий // Законодательство Екатерины I и Петра II / Сост.-авт. В.А. Томсинов. М., 2009. С. XXIV–XXXII.

[23] *Таймасова Л.Ю.* Семейные тайны первых Романовых: «Не приличные к истории документы» / Family Secrets of the First Romanovs: “Documents that are Indecent for History” // Новый исторический вестник. № 2 (52) – 2017. С. 6–8.

Голштинские интересы вновь стали сходиться с российскими при Елизавете Петровне, по воле которой будущий Петр III был вывезен в Россию и назначен наследником. Придя к власти, наследник двух престолов немедленно взялся за дело. Много сказано и много проклятий произнесено по поводу «Прусского чуда», в результате которого были потеряны завоевания в Пруссии и заключен союз с Пруссией ради войны с Данией. При этом упускаются из виду колоссальные выгоды с далеко идущими последствиями, которые могла извлечь Россия из этого: обретение прямого выхода в Атлантику и контроля над датскими проливами. Российская армия стояла в Мекленбурге, готовясь к походу в Данию, которой в случае войны грозил полный разгром. Но 23 июня 1762 г. ст. ст. свершилось «Датское чудо»: Петр III был свергнут, а его жена, захватившая власть, немедленно приказала армии возвращаться в Россию[24]. Полностью отказаться от голштинского наследства сразу Екатерина II не могла потому, что уже имелся наследник обоих престолов, под предлогом защиты которого отчасти и был совершен переворот — великий князь Павел Петрович. Но постепенно вопрос решился. В 1765 г. был заключен русско-датский договор, по которому Екатерина II обещала за Павла полный отказ от Гольштейна и Шлезвига в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст. Наследник должен был сделать соответствующее распоряжение, когда достигнет совершеннолетия. Это и произошло в 1773 г., когда будущий Павел I был объявлен совершеннолетним[25]. Упомянутые графства России так и не достались — их отдали представителям младших ветвей гольштейн-готторпской династии.

В российской истории немного таких судьбоносных моментов, как «Датское чудо» Екатерины II. Скажу о последствиях только вкратце. Был утрачен шанс на становление России в качестве океанической державы. Российский флот превратился во флот закрытых морей, зависимый для выхода из них от благоволения других держав; выросшая ставка на сухопутную армию повлекла понижен-

[24] *Возгрин В.Е.* Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских Императоров // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 2. 2008. СПб., 2008. С. 60–71; *Курукин И.В.* «Горю желанием исполнить всевысочайшее... соизволение...»: Корпус П.А. Румянцева и несостоявшаяся война с Данией в 1762 году // Военно-исторический журнал. № 10 – 2019. С. 59–64.

[25] *Возгрин В. Е.* Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских Императоров. С. 72-74. Danske Tractater. 1751–1800. Kjøbenhavn, 1882. S. 229–263, 322–365.

ное внимание к флоту и, самое позднее, с конца XIX в. — нарастающее отставание в гонке морских вооружений. Ставка же на сухопутную экспансию на Западном направлении неминуемо означала, что в ответ на любую серьезную угрозу со стороны России все европейские державы могли блокироваться против нее — с чем столкнулся еще Петр I не позднее 1718–1719 гг., когда развалился «Северный союз». Таким же геополитическим тупиком стала борьба за другие проливы — Черноморские: и здесь попытки прорваться к ним стали преграждаться союзами западных держав.

О том, как эти последствия дают знать о себе сегодня, предлагаю читателям сделать выводы самостоятельно.

Екатерина Анатольевна Самыловская
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета

Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации Эстляндии в первой половине XVIII в.[1]

Ekaterina A. Samylovskaya

The Western Outskirts of the Russian Empire: the problems of the ethno-confessional incorporation of Estonia in the first half of the 18th century

Аннотация: Статья посвящена историческому опыту Российской империи инкорпорации населения Эстляндии в социокультурное пространство государства в первой половине XVIII в. На основе анализа материалов Российского государственного исторического архива, ряда опубликованных источников, а также отечественной и зарубежной историографии показана специфика реализации российской этноконфессиональной политики в регионе. Автор статьи приходит к выводу, что российскими монархами

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке».

The research was supported by the Russian Science Foundation, project No 23-78-10064 «Western Outskirts of the Russian Empire: Problems of Ethno-Confessional Incorporation in the 18th Century».

проводилась умеренная этноконфессиональная политика «имперского этнопатернализма», что становится одним из основополагающих факторов приобретения лояльности местных религиозных элит.
Abstract: The paper is devoted to the Russian Empire's historical experience of incorporating the population of Estonia into the state's sociocultural space in the first half of the 18th century. Based on an analysis of materials from the Russian State Historical Archive, a number of published sources, and domestic and international historiography, the article explores the specifics of Russian ethno-confessional policy in the region. The author concludes that Russian monarchs pursued a moderate ethno-confessional policy of «imperial ethnopaternalism,» which became a fundamental factor in winning the loyalty of local religious elites.

Ключевые слова: Эстляндия, этноконфессиональная инкорпорация, религиозная политика, западные окраины Российской империи, Петр I.
Keywords: Estonia, ethno-confessional incorporation, religious policy, western outskirts of the Russian Empire, Peter I.

Петровские «виктории» Северной войны привели к значительному территориальному расширению России в Восточной Прибалтике, создав тем самым новый имперский фронтир[2] и поставив задачу инкорпорации полиэтнического и социокультурно неоднородного населения этого региона, в том числе Эстляндии. Самодержавная власть встала перед проблемой формулирования компромиссной стратегии поведения: российским властям необходимо было найти механизмы взаимодействия с местными религиозными элитами, прежде всего протестантами, обладавшими на данных территориях привилегированным положением.

Сложившееся положение было зафиксировано Петром I в 1710 г. в капитуляциях о сдаче городов Пернова[3] и Ревеля[4] и в договоре с «шляхетсвом и земством герцогства Эстляндского»[5]. Во всех документах гарантировались привилегии лютеранской веры, немецких школ и немецкого лютеранского дворянства. Более того, ревельской капитуляцией было установлено, что правителем или генерал-губернатором должен быть немец, исповедующий евангелическую веру[6], однако время показало, что данное положение далеко не всегда будет исполняться. Ништадтский мир подтвердил

[2] *Лавринович М.Б.* «Территория угрозы»: запрет общин гернгутеров в Лифляндии и местное общество в 1743 году // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3. С. 847.
[3] ПСЗ-I. 1830. Т. 4. № 2299. С. 575.
[4] ПСЗ-I. 1830. Т. 4. № 2297. С. 552–567.
[5] ПСЗ-I. 1830. Т. 4. № 2299. С. 567–575.
[6] ПСЗ-I. 1830. Т. 4. № 2299. С. 568.
[7] ПСЗ-I. 1830. Т. 6. № 3819. С. 425.

условия договоров и капитуляций 1710 г.[7] и зафиксировал привилегированное положение лютеран на всей территории Эстляндии: любое посягательство принималось местным населением в штыки. Поэтому закрепленные Петром I привилегии подтверждались каждым последующим императором[8].

В то же время данные привилегии противоречили существующим правовым актам, гарантирующим свободу вероисповедания и свободное частное и публичное богослужение для всех иностранцев, прибывающих в России[9,10]. Более того, после вхождения Эстляндии в состав российского государства на ее территории обратил пристальное внимание как Святейший Синод, так и Святейший Престол.

В результате перед центральными российскими властями стояла задача сохранения гарантированных протестантам религиозных прав при условии обеспечения защиты интересов иностранных специалистов-католиков, купцов и прочих ревельских католиков, а также организации душепасторской деятельности для преимущественно православного военного контингента, что нередко приводило к межконфессиональным конфликтам.

Так, в 1721 г. петербургские католические миссионеры взялись за работу по организации католического культа в Ревеле[11], однако во второй половине 1720х гг. под давлением местной лютеранской администрации священники были изгнаны из города[12], а находящиеся здесь иностранцы-католики были вынуждены обращаться к православным священникам[13].

В Эстляндии, как и на всей присоединенной территории Восточной Прибалтики, проводилась политика переосвящения кирх

---

[8] Например: ПСЗ-I. 1830. Т. 16. № 11727. С. 132-133; № 11904. С. 341; № 12049. С. 539; № 12050. С. 539; № 12052. С. 540–541; № 12092. С. 646; № 12093. С. 646).

[9] ПСЗ-I. 1830. Т. 4. № 1910. С. 194.

[10] ПСЗ-I. 1830. Т. 5. № 3318. С. 675.

[11] *D'Haarlem Z.* Les Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725) // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome, 1942. Vol. XII (1942). P. 214-215; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 286. Л. Л. 10 об. – 11. В середине 1720-х гг. в Ревеле постоянно проживали порядка 60 католиков, а в период навигации их численность достигала 200 (РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 126. Л. 6; *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18. Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. Rome, 1961. Vol. 54. S. 336)

[12] *Самыловская Е.А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половин XVIII века: Дисс. на соиск. к. ист. наук: 07.00.02 / Самыловская Екатерина Анатольевна. СПб., 2016. С. 30, 80.

[13] РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 80. Л. 1.

в православные храмы. Однако материалы дела о передаче нарвской Александровской церкви обратно протестантам свидетельствуют о том, что к 1730 г. у Синода не имелось каких-либо известий по поводу освящения кирх в православные церкви в Нарве и Ревеле. При этом документы, отложившиеся в фонде Канцелярии Синода, свидетельствуют, что в 1720е гг. Петербург получал доношения и прошения от священников ревельского православного собора[14]. В 1728 г. при обращении Адмиралтейской коллегии в Синод с просьбой определить священника в новопостроенную церковь в Рогервике, выяснилось, что Синод также был не в курсе о годе строительства данной церкви и в честь кого она была освящена, а также о том, на какие средства она и ее священник содержались[15]. Таким образом, к началу 1730-х гг. Синод не располагал достоверными сведениями о том, какие именно церкви на новоприобретенных территориях находились в его подчинении.

При этом деятельности православных миссий в регионе мешали несколько обстоятельств: дефицит квалифицированных кадров и проблемы с финансированием.

На невежественность православного духовенства на новоприобретенных территориях Восточной Прибалтики в 1715 г. жаловался Петру I Петр Алексеевич Голицын[16]. Ситуация мало изменилась и при преемниках первого императора. В 1740 г. ревельский губернатор Ульрих Фридрих Вольдемар фон Левендаль жаловался Анне Иоанновне на отсутствие в городе «ученых» священников, способных осуществлять миссионерскую деятельность среди находящихся в гарнизоне многочисленных иноверцев из «мордвы и чуваш»[17].

При этом находящимся в Эстляндии православным священникам регулярно задерживали жалование, в результате чего они оказывались в бедственном положении. На крайнее «нищенство» неоднократно жаловались в Синод священнослужители ревельского православного собора[18]. Духовенству не хватало денег на починку

[14] Например: РГИА.Ф. 796. Оп.4. Д. 516.

[15] РГИА. Ф. 796. Оп. 9. Д. 566. Л. 1 об.

[16] Рескрипты и указы императора Петра I к лифляндским генерал-губернаторам // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1876. С. 501.

[17] РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 360. Л. 1. Адмиралтейская коллегия еще в 1724 г. ставила вопрос о необходимости организации процесса обучения христианским истинам и обращения в православную веру иноверцев (в частности, татар), находящихся при ревельской эскадре (РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Д. 73. Л. 1-1 об.

[18] РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 516. Л. 1; Д. 466. Л. 1.

церковной утвари и прочих обветшалых вещей, что вызывало порицание и насмешки со стороны местных протестантов[19]. Все это, несомненно, не могло не наносить урон деятельности православного духовенства в городе. С подобными проблемами также сталкивалось флотское духовенство[20].

Только лишь в правление Анны Иоанновны увеличилось финансирование православного духовенства, а на Синод была возложена обязанность по ремонту и содержанию всех православных храмов[21].

В рамках выстраивания отношений с религиозными элитами Эстляндии определенный интерес представляет поездка Елизаветы Петровны в Ревель, состоявшаяся в 1746 г.[22] Согласно сообщениям Ф.-Х. Эце, императрица въехала в Ревель в сопровождении великого князя и великой княгини «верхом, в амазонском костюме»[23], т. е. в мундире, подчеркивая тем самым статус защитницы отцовского наследия, победоносной самодержавной государыни[24] и властительницы над этими территориями. Обязательными пунктами программы были колокольный звон во всех храмах, пальба из корабельных пушек, посещение православных богослужений и военно-морской базы в Рогервике[25]. Во время этой поездки императрица Елизавета Петровна подчеркивала, что, несмотря на признание религиозных прав и привилегий эстляндских протестантов, православная церковь и православное духовенство обладало особым статусом на этих территориях. Она демонстративно в первую очередь уделяла внимание православному духовенству, а потом уже принимала представителей местного дворянства, магистрата, офицеров и протестантского духовенства. Тем самым императрица подчеркивала особый статус Русской православной церкви в регионе и, что особо важно, соб-

---

[19] Там же.

[20] *Бландов А.А.* Православное духовенство в российском Военно-морском флоте XVIII в.: Дисс. на соиск. к. ист. наук: 07.00.02 / Бландов Алексей Александрович. СПб., 2014. С. 140–146.

[21] РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 333. Л. 2 – 6 об.

[22] Предполагалось посещение Лифляндии и Риги, но оно не состоялось. (Поездка императрицы Елисаветы Петровны в Эстляндскую губернию 1746 г. // Русский Архив. 1895. Кн. 3. №9. С. 9)

[23] *Эце Ф.-Х.* Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Русская старина. 1885.Т. 46. №5. С.419.

[24] В целом подобная презентация Елизаветы Петровны была характерна для парадного ее въезда в столицу после коронации (*Кинан П.* Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М. Новое литературное обозрение, 2020. С. 138)

[25] Там же. С. 10.

ственный образ православного монарха, являющегося одновременно гарантом всех религиозных прав населения Эстляндии.

Таким образом в процессе инкорпорации населения Эстляндии российскими монархами проводилась умеренная этноконфессиональная политика т. н. «имперского этнопатернализма», характеризующаяся избеганием конфессиональной дискриминации и веротерпимостью[26], и это стало одним из основополагающих факторов приобретения лояльности местных религиозных элит.

[26] *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб, 2017. С. 182.

Пётр Ашотович Аваков
(Ростов-на-Дону)
Ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН

Граф Б.К. Миних – продолжатель дела Петра Великого на Юге

Pyotr A. Avakov

Count B.Ch. Münnichas a Successor of Peter the Great's mission in the South

Аннотация: Почитание Петра I в правление его наследников превратилось в настоящий культ. Одним из наиболее известных и деятельных поклонников первого российского императора был генерал-фельдмаршал граф Б.К. Миних, позиционировавший себя едва ли ни его «первым учеником». Анализ мероприятий, задуманных и реализованных Б.К. Минихом на Юге накануне и во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., показывает, что у него были все основания считать себя продолжателем дела Петра I.
Abstract: During the reign of his Successors of Peter the Great his veneration developed into a veritable cult. One of the most famous and active admirers of the first Russian Emperor was Field Marshal Count B.Ch. Münnich, who positioned himself almost as his First Disciple. An analysis of the measures conceived and implemented by B.Ch. Münnich in the South on the eve of and during the Russo-Turkish War of 1735–1739 shows that he had every reason to consider himself the Successor to Peter the Great.

Ключевые слова: Б.К. Миних, Петровское наследие, Русско-турецкая война 1735–1739 гг., Азов, Причерноморье.
Keywords: B.Ch. Münnich, Peter the Great's legacy, Russo-Turkish War of 1735–1739, Azov, Black Sea Region

Почитание первого российского императора, складывавшееся в последние годы его жизни и оформившееся уже в правление Екатерины I и Петра II, превратилось в настоящий культ при Анне Иоанновне. Именно ей суждено было продолжить политический курс Петра I, отчасти скорректированный в новых условиях[1]. В этом она опиралась, в первую очередь, на его бывших сподвижников, в том числе второго ряда, ставших теперь во главе ключевых отраслей государственного управления.

Одно из виднейших мест среди них по праву принадлежало графу Бурхарду Кристофу Миниху — уроженцу графства Ольденбург и дворянину во втором поколении, сделавшему в России головокружительную военную и политическую карьеру и получившему титул графа, но так и не сменившему свое датское подданство. До поступления на российскую службу по контракту в 1721 г. он служил инженером и строевым офицером во Франции, княжествах Гессен-Дармштадт, Ост-Фрисланд и Гессен-Кассель и командовал королевской гвардией в Речи Посполитой. Лишь в молодости ему довелось участвовать в боевых действиях и даже побывать в плену — во время войны за испанское наследство 1701–1714 гг. Освоившись в России на поприще инженера-гидравлика и фортификатора, этот кондотьер-космополит за 11 лет к 1732 г. преодолел карьерный путь от генерал-майора до генерал-фельдмаршала, никогда не командуя не только армиями, но и другими действующими группировками войск, если не считать дислоцировавшейся в Санкт-Петербургской губернии дивизии, подчинявшейся ему с 1728 г. как генерал-губернатору.

На протяжении многих лет своей активной проектной, строительной, полководческой и государственной деятельности Б.К. Миниху приходилось не раз апеллировать к личности Петра I, позиционируя себя едва ли не его «первым учеником». Так, в письме императрице Екатерине II от 29 мая 1764 г. он процитировал прусского посланника барона Густава фон Мардефельда, за 43 года до этого якобы сказавшего российским вельможам, удивлявшимся тому вниманию, которое Петр I оказывал тогда еще безвестному Б.К. Миниху: «... этот генерал, хотя и кажется таким молодым, постиг гени-

[1] *Морохин А.В.* Петр I и его наследие в годы царствования Анны Иоанновны // Кунсткамера. 2022. № 1 (15). С. 55–71; *Belousov A.S.* Russian Imperial Identity in the Reign of Anna Ioannovna and the Birth of the Petrine Myth // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. Т. 68. 2023. Вып. 3. С. 601–613.

альность своего повелителя»[2]. Гомерический масштаб личности великого ольденбуржца и ее своеобразное обаяние, а также его недюжинное мастерство самопрезентации сделали свое дело, и вот уже третье столетие историки рассказывают нам о Б.К. Минихе с его слов. Например, французский историк Франсис Лей, дальний родственник генерал-фельдмаршала по женской линии и автор биографической книги о нем, без обиняков назвал его «наиболее верным и наиболее ревностным учеником Петра Великого» и озаглавил вторую часть своего труда «Продолжатель дела Петра I»[3].

Этому «продолжателю» удалось по-настоящему развернуть свою бурную деятельность на Юге, чему способствовала сложившаяся в первой половине 30-х годов XVIII в. политическая ситуация. Академик Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер, весьма осведомленный штабной историограф графа Б.К. Миниха, писал в своем очерке военной кампании 1736 г., что взошедшая на престол Анна Иоанновна, «вознамерившись следовать максимам своего дяди», решила «найти армии и всему народу занятие в чужих краях и вместе с тем исполнить задуманное Петром I». Но поскольку тогда приняли за основание «не прирастать за счет соседних европейских держав..., помыслы были обращены на Восток»[4]. Императрица сама писала о своем желании пересмотреть итоги Прутского мирного договора 1711 г., нанесшего России «великой вред и безчестье», и «присовокупить» к ней «старыя» границы[5].

Уже в 1733 г. в Кабинете министров началось обсуждение планов военного противодействия Османской империи и Крымскому ханству, проводившим провокационную политику на Северном Кавказе. Один из кабинет-министров, вице-канцлер граф А.И. Ос-

---

[2] Цит. по: *[Büsching A.F.]* Lebensgeschichte Burchard Chriftophs von Münnich des heiligen römischen und des rußischen Reichs Grafen rußisch kaiserlichen Generalfeldmarschalls des Andreas, Alexander Newsky und weißen Adlerordens Ritters c Erbherrn auf Neu Huntorf // Magazin für die neue Historie und Geographie. Th. 3. Hamburg, 1769. S. 535.

[3] *Ley F.* Le maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle. Paris, 1959. P. III, 47.

[4] *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich, über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735–1739 geführten Russisch-türkischen Krieges // *Hermann E.A.* Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Leipzig, 1843. S. 126–127 (здесь и далее источник цитируется в переводе О.А. Кириковой).

[5] Цитируется письмо Анны Иоанновны вице-канцлеру графу А.И. Остерману, написанное в конце 1736 г. (Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны // Осмнадцатый век. Кн. 3. М., 1869. С. 154).

терман, представил в августе записку с проектом войны, в которой предложил два варианта ее ведения: оборонительный и наступательный. Его план в первую очередь был нацелен на ревизию Прутского договора, предусматривал овладение крепостью Азов и как вспомогательное средство — поход в Крым[6]. В ноябре президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал граф Б.К. Миних, в соответствии с именным указом императрицы, разработал план подготовки к «предбудущей кампании» военной инфраструктуры на южных границах России. Судя по всему, уже тогда правительство приняло принципиальное решение начать в ближайшем будущем войну с Османской империей[7]. Открытие боевых действий было отложено лишь потому, что затянулись военные операции российской армии в Речи Посполитой в рамках Войны за польское наследство 1733–1735 гг., и не были окончательно урегулированы отношения с Ираном.

14 июня 1735 г. граф Б.К. Миних получил в Варшаве письмо кабинет-министров от 23 июня, из которого он узнал о намерении императрицы нанести осенью упреждающий удар Османской империи, в связи с чем ему нужно будет выехать на Дон для организации осады Азова. При этом вопрос об открытии военных действий все еще находился на стадии обсуждения, о чем генерал-фельдмаршалу прямо сообщалось в отправленном в тот же день указе за подписью тех же «господ кабинетных министров»[8]. Тем не менее, в ответной реляции на имя Анны Иоанновны от 6 июля военачальник, явно забегая вперед, с нескрываемым удовлетворением писал: «... я сие всемилостивейшее об осаде Азовской мне повеление с столь наивящею радостию принимаю, понеже Вашему императорскому величеству памятно, коим образом я уже от нескольких лет усердно желал, чтоб оную крепость, и что к такому завоеванию принадлежит, владению Вашего императорского величества подвергнуть»[9]. Вскоре он на-

---

[6] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 4. Л. 86–94 об.; *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 639–641.

[7] ПСЗ. Т. 9. СПб., 1830. № 6512; *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. [Т. 1]. СПб., 1906. С. 181–182; Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1733 года по 1735 год // Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 166.

[8] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 44.

[9] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 4–4 об. (перевод с немецкого; оригинал: л. 1–1 об.).

легке, оставив в Польше свой багаж, поспешно выехал в город Павловск (Новопавловск) Воронежской губернии[10], ставший одной из опорных баз российской армии в предстоящей войне.

Прибыв в Павловск 28 августа, граф Б.К. Миних с воодушевлением приступил к подготовке осады Азова[11]. Разработанный им предварительный план военной операции не отличался реалистичностью. Полководец надеялся прийти с войсками под Азов к 10 октября и сходу атаковать его, с тем, чтобы уже около 15 ноября «с Божиею помощию» принудить гарнизон к сдаче крепости и «всеподданнейше прислать» ключи от нее императрице[12]. Таким образом, он отводил на осаду Азова чуть больше месяца. Однако фортуне было угодно внести в этот план существенные коррективы.

По наблюдениям Е.Б. Шульмана, начиная с указа Кабинета министров графу Б.К. Миниху от 20 июля 1735 г. намеченную «Азовскую экспедицию» во всех распорядительных документах стали называть главной, что однозначно свидетельствует об окончательном определении ситуативных военно-политических приоритетов российского правительства[13]. При этом параллельно подготавливаемый поход в Крым находился вне компетенции генерал-фельдмаршала, поскольку императрица поручила проведение этой операции генерал-аншефу графу Йохану Бернгарду Вейсбаху — командующему Украи́нским корпусом и киевскому генерал-губернатору[14]. Г.Ф.В. Юнкер утверждает, что такое разделение военного командования было сделано по совету графа А.И. Остермана, чтобы избежать концентрации в руках Б.К. Миниха огромных полномочий и «принизить его значение и заслуги»[15].

Итак, «Крымская экспедиция» отошла на второй план и приобрела вспомогательное значение, уступив первенство «Азовской эк-

---

[10] Там же. Л. 28.

[11] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 29–30, 34–36; *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich... S. 135–136.

[12] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 37–37 об. (перевод с немецкого).

[13] *Шульман Е.Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. Кишинев, 1973. С. 33–34.

[14] *Петрухинцев Н.Н.* Путь иноземца в военную элиту России (петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы Международной научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2010. С. 210–228.

[15] *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich. S. 134.

спедиции», которая еще недавно рассматривалась Кабинетом министров как возможная, но не обязательная. Не исключено, что это изменение приоритетов отчасти было связано со своеобразной конкуренцией между двумя графами — Б.К. Минихом и Й.Б. Вейсбахом, отягощенной взаимной неприязнью[16]. Конец вражде, как писал Г.Ф.В. Юнкер, положил «Божий промысел», причем «особым и неожиданным образом»: 24 августа 1735 г. граф Й.Б. Вейсбах скоропостижно скончался. В результате, граф Б.К. Миних стал главнокомандующим всей действующей армии. Ему подчинялись корпуса, находившиеся на южной границе России, в Речи Посполитой и на Рейне, но только по вопросам, касавшимся войны с Османской империей. По мнению Г.Ф.В. Юнкера, это поставило военачальника в уникальное положение, в котором не пожелал бы оказаться ни один генерал того времени, поскольку Б.К. Миних теперь командовал «400 тысячами человек как регулярного, так и нерегулярного войска от Рейна до границ Китая»[17].

В соответствии с указом Анны Иоанновны от 29 августа «Азовская экспедиция» попала в подчиненное положение по отношению к «Крымской экспедиции», так как для участия в последней была назначена часть войск, которую Б.К. Миних собирался использовать на Дону. Следовательно, промедление с Крымским походом грозило сорвать осаду Азова: из-за приближающейся зимы ее пришлось бы отложить до следующего года, что явно огорчало графа. Изменить положение вещей было выше его сил, поскольку расписание войск утвердила императрица. Чтобы ускорить организацию Крымского похода, генерал-фельдмаршалу пришлось отправиться из Павловска в Полтаву. Прибыв туда 15 сентября, он сразу заболел лихорадкой вместе со всей своей свитой и слег на три недели. 19 сентября в Полтаву приехал генерал-лейтенант Михаил Иванович Леонтьев, который должен был заменить графа Й.Б. Вейсбаха и возглавить Крымский поход[18].

---

[16] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 21. Л. 19–19 об.; Д. 10. Л. 25; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4 // Сб. РИО. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 270–271, 282; *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich... S. 134–135; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 258–264; *Петрухинцев Н.Н.* Путь иноземца в военную элиту России... С. 210–223.

[17] *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich. S. 135–137; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 34.

[18] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 66 об. — 67 об., 73 об. — 75; Д. 10. Л. 34, 51–52 об., 62, 63, 66; Д. 34. Л. 4–4 об.; *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich... S. 136.

Стремясь поскорее покорить Азов, нетерпеливый Б.К. Минних буквально подталкивал М.И. Леонтьева к выступлению в поход, хотя указом императрицы последнему было разрешено его отменить. В результате генерал-лейтенант принял «нужное» решение и 1 октября повел свой корпус в Крым. Позднее открытие кампании, неблагоприятные погодно-климатические условия и отсутствие в степи подножного корма привели к массовому падежу конского состава. М.И. Леонтьеву пришлось прервать марш на полпути и вернуться с войсками на Украи́нскую линию. В результате, операции против Крымского ханства и крепости Азов были перенесены на следующий год. Российские власти предприняли немало усилий, чтобы усыпить бдительность Порты, так и не заметившей, что против нее уже ведется война[19].

Как показал Е.Б. Шульман, в начале 1736 г. в правящих кругах Российской империи все еще обсуждался вопрос о характере войны и ее задачах. Примечательно, что правительство рассчитывало на скорое завершение конфликта и, при определенной уступчивости Порты, было готово заключить с ней мир в том же году[20]. При этом императрица не стесняла Б.К. Миниха в вопросах командования вверенной ему армии, и он получил возможность провести кампанию так, как задумал. Однако указом от 17 февраля 1736 г. Анна Иоанновна придала ему «в помощь» Петра Петровича Ласси, пожалованного ею в генерал-фельдмаршалы и срочно отозванного из Вены, где он остановился по завершении Рейнского похода 1735 г., за который император Карл VI возвел его в графское достоинство Священной Римской империи германской нации. Должно быть, это не предусмотренное главнокомандующим назначение стало для него ложкой дегтя в бочке меда. В составленной им при планировании кампании в январе «репортиции генералитету» П.П. Ласси не фигурировал — возможно, не только потому, что находился за границей. Теперь же, согласно повелению императрицы, новоиспеченный генерал-фельдмаршал и рейхсграф должен был совместно с Б.К. Минихом и по его наставлениям командовать «Донской экспедицией»[21].

---

[19] *Аваков П.А.* Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 22–28.

[20] *Шульман Е.Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. С. 37–50.

[21] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 8. Л. 46–46 об.; Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 3 // Сб. ВИМ. Вып. 10. СПб., 1897. С. 5; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 168–170.

Не дожидаясь приезда своего «достойного товарища», Б.К. Миних открыл кампанию в марте, когда войска только начали стягиваться в низовья Дона. 9 марта он провел в пограничной крепости Святой Анны военный совет, на котором было решено «восприять» блокаду Азова имеющимися малыми силами. Уверенность главнокомандующему придали разведывательные данные, согласно которым численность азовского гарнизона не превышала 2 тыс. человек (в действительности она составляла 5890 человек), не считая размещенных в предместье вспомогательных конных отрядов бешлю и кочевых татар, общее количество которых достигало примерно тысячи всадников[22].

18 марта генерал-фельдмаршал, имея под своим началом всего 3 тыс. регулярных войск и 2 тыс. донских казаков, пересек границу Османской империи неподалеку от нынешнего г. Ростова-на-Дону. В ночь на 20 марта передовой отряд генерал-майора Ульриха фон Сперейтера совместно с донцами овладел Каланчинскими башнями, охранявшими подступы к Азову, а 23 марта — крепостью Лютин на Мертвом Донце, северном рукаве дельты Дона. В своем донесении в Кабинет министров от 20 марта главнокомандующий подчеркнул, что в этот день восстановил Скопинскую крепость, основанную «блаженныя и вечно достойныя памяти государем императором Петром I» во время первого Азовского похода 1695 г. Малочисленность сил пока не позволяла Б.К. Миниху приступить к активным действиям, и ему пришлось ограничиться пассивной осадой. До прибытия осадной артиллерии обстрел Азова производился из орудий, снятых с бастионов крепости Святой Анны. 26 марта генерал-фельдмаршал сдал командование генерал-аншефу В.Я. Левашову и отбыл на Украи́нскую линию, чтобы возглавить Главную армию для похода в Крым[23]. Похоже, лавры покорителя Крымского ханства представлялись ему более привлекательными, раз он без колебаний уступил руководство осадой Азова графу П.П. Ласси, целиком сосредоточившись на «Днепрской экспедиции».

14 апреля 1736 г., находясь в местечке Царичанка на Полтавщине, граф Б.К. Миних написал обер-камергеру графу Э.Й. Бирону

---

[22] Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1 // Сб. ВИМ. Вып. 10. СПб., 1897. С. 45–52, 54–55, 57–58; *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... [Т. 1]. С. 207–211, 226.

[23] *[Junker G.F.W.]* Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich. S. 161–170; Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1. С. 55–57, 66–67; *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... [Т. 1]. С. 211–214.

свое знаменитое письмо, в котором широкими мазками обрисовал собственный план четырехлетней войны с Османской империей (многие историки безосновательно отождествляют его со стратегическими планами российского правительства). Согласно этому излишне оптимистичному плану, война должна была закончиться в 1739 г. взятием Константинополя и коронацией там Анны Иоанновны в качестве «греческой императрицы»[24]. Примечательно, что позже полководец связывал утопическую идею захвата османской столицы с Петром I, который в действительности никогда не ставил перед собой подобных целей[25]. 20 сентября 1762 г. 79-летний генерал-фельдмаршал писал императрице Екатерине II: «... я в состоянии доказать твердо обоснованными доводами, что с 1695 года, когда Петр Великий впервые осадил Азов, и до момента его смерти в 1725 году, в течение 30 лет его главным намерением и желанием было завоевать Константинополь, чтобы изгнать неверных турок и татар из Европы и восстановить таким образом греческую монархию»[26]. Честолюбивый военачальник явно пытался использовать непререкаемый авторитет основателя Российской империи для придания веса своему «Греческому проекту».

А.А. Кочубинский считал, что в этом письме Б.К. Миниха «ярко просвечиваются воспоминания об идеях молодого царя Петра»[27]. Так или иначе, но выбранные графом в 1736 г. стратегические направления действительно совпадали с векторами, которых придерживались правительство царевны Софьи и Петр I в ходе войн с Османской империей 1686–1699 и 1710–1713 гг., и едва ли эти совпадения случайны. Для Б.К. Миниха явно было важно продолжить противоборство с Портой там, где в 1711 г. остановился Петр I, то есть взять реванш за потерю Азова и поражение в Прутском походе.

---

[24] Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 509–510; *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика императрицы Анны Иоанновны... С. 651.

[25] Подробнее см.: *Аваков П.А.* Константинопольские мечты Петра I: навет, реальность или миф? // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 86–110.

[26] Urkunden durch weiche die im dritten Teil des Magazins gelieferte Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzet und bestätiget wird // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D[oktor] A.F. Büsching, Königl[lich] Preußischem Oberconsistorialrath, Director des Gymnasiums im grauen Kloster zu Berlin, und der davon abhängenden beyden Schulen. Th. 18. Halle, 1782. S. 467.

[27] *Кочубинский А.А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории Восточного вопроса: Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 124, 131.

Во многом стараниями Б.К. Миниха военный конфликт, изначально задуманный в Санкт-Петербурге как локальный, превратился в широкомасштабную наступательную войну, в ходе которой российские войска действовали на Дону, в Крыму, Прикубанье, Приднепровье и Приднестровье. В течение четырех кампаний они взяли Перекоп, Кинбурн, Азов, Очаков, Хотин, разорили Крымский полуостров и ногайскую Кубань, покорили Молдавское княжество[28].

Апофеозом войны стала победа в битве при молдавском селе Ставучаны, одержанная российской армией 17 августа 1739 г. и стоившая ей 13-ти убитых и 54-х раненых. Османы же только убитыми потеряли свыше тысячи человек. На третий день по первому требованию Б.К. Миниха без боя капитулировала крепость Хотин на Днестре[29]. Следуя на юг к Яссам — столице Молдавии, — армия достигла знаменитой в отечественной истории р. Прут. «Название сей реки от 1711 года было весьма противное слово для ушей российских», — отметил позже в своих записках граф Эрнст Йохан Миних, сын генерал-фельдмаршала. Но когда его отец, вспоминает он, «чрез сию проклятую реку без всяких затруднений переправился, то сие подало ему повод написать в посланной ко двору реляции, что он поносный Прут сделал опять честным»[30]. «Река Прут, принесшая некогда несчастье России, теперь нам благоприятствует и послужит основанием к твердому и счастливому миру», — писал Б.К. Миних Э.Й. Бирону на марше 29 августа[31]. 2 сентября последовало занятие Ясс, и 5 сентября между главнокомандующим и местным правительством была заключена конвенция о присоединении Молдавского княжества к Российской империи[32].

Надо отдать должное Б.К. Миниху: ему все же удалось реализовать многое из намеченного в 1736 г., но к концу войны Россия смогла удержать за собой лишь Северо-Восточное Приазовье и оккупированную северную часть Молдавии. Исход конфликта, за-

---

[28] *Шульман Е.Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. С. 18–61; *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... [Т. 1]. С. 181–556; [Т. 2]. СПб., 1906. С. 1–5, 137–268.

[29] *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... [Т. 2]. С. 225–240; *Шульман Е.Б.* Русско-молдавское боевое содружество (1735–1739 гг.). Кишинев, 1962. С. 32–37.

[30] *Миних Э.* Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 148.

[31] *Манштейн Х.Г.* Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 154.

[32] *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... [Т. 2]. С. 242–253; *Шульман Е.Б.* Русско-молдавское боевое содружество... С. 49–62.

фиксированный в заключенном 18 сентября 1739 г. Белградском мирном договоре, оказался несоразмерен затраченным усилиям и средствам[33]. Много лет спустя, 29 января 1767 г., 84-летний граф писал Екатерине II в прошении об отставке, что по окончании той войны ему пришлось вернуться с армией в Россию «в немалой печали, что при толь щастливой нашей стороны успехах, по притчине помянутого мирного трактата не можно было турок из их столичного города Константинополя выгнать вон, на что требовалось время немного»[34]. О своей «несказанной печали» по поводу состоявшейся в Белграде «стыдной мирной негоциации» и готовности исправить создавшееся положение ценой «живота» полководец писал и Анне Иоанновне 23 сентября 1739 г.[35]

Тогда его особенно огорчила одновременная потеря Азова и Хотина — причем о последнем, как и о Молдавии, в Белградском договоре даже не упоминалось[36]. Если в 1738 г., не сумев форсировать с армией Днестр, Б.К. Миних не возражал против разорения Азова ради заключения с Портой «полезного мира», то теперь он не видел в этом резона, имея в своих руках построенную на р. Прут крепость Святого Иоанна, Яссы и Хотин, который считал ключом к Османской империи[37]. За четыре дня до оформления соглашения в Белграде главнокомандующий писал императрице о необходимости «всемерно стоять» на удержании за Россией «Хотина и всея Молдавии, по меньшей мере, до Ясс, Романы и до Сороки, и о раззорении неприятелем Бендера». Вместе с тем он заявил о готовности продолжать боевые действия в 1740 г. и выражал надежду, что в мае сможет овладеть Бендерами, в июне — Аккерманом, остальной территорией Молдавии и Буджаком, а к июлю очистит от османских войск левобережье Дуная и тем самым обеспечит России «желаемый, безопасной и славной мир»[38].

Но события развивались по иному сценарию. Хотин возвращался Порте, Азов подлежал разрушению, а занимаемая им и прилега-

---

[33] Подробнее см.: *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке (Очерки дипломатической истории восточного вопроса). М., 1883. С. 38–70.

[34] Архив князя Воронцова. Кн. 2. С. 518–519.

[35] Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 3. С. 229.

[36] Documente privitoare la Istoria Românilor. Supl. 1. Vol. 1. Bucuresci, 1886. P. 548, 551–552.

[37] Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 3. С. 226.

[38] Ставучанский поход: Документы 1739 г. // Сб. ВИМ. Вып. 2. СПб., 1892. С. 192–193.

ющая территория в устье р. Дон получала статус нейтральной и демилитаризованной зоны. Кроме того, Белградский договор прямо запрещал России возобновлять «бывшую крепость Таганрог» и иметь флот в Азовском и Черном морях. Россия сохранила суверенитет лишь над частью северного побережья Азовского моря от дельты Дона до р. Миус, но на этих землях запрещалось строить крепости и основывать стационарные поселения[39]. Таким образом, бесчестье Прутского договора не было смыто полностью. Тяжелейшая война окончилась для России почти безрезультатно[40].

На склоне лет, работая по заданию Екатерины II над историко-политическим сочинением «об образе правления Российской империи», Б.К. Миних нашел для характеристики Белградского договора и добрые слова. Ведь по нему Россия получила право провести новую линию границы с Османской империей южнее р. Самары, левого притока Днепра, — «гораздо более выгодную и короткую, чем существовавшая, чтобы прикрыть Украину от татарских набегов, и более удобную, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море»[41]. Неудивительно, что это территориальное расширение на Юге, оговоренное в дополнительных русско-турецких конвенциях 1739 и 1741 гг.[42], граф тоже записал в свой актив. Закрепленные за Россией степи Запорожья и Северного Приазовья, пионерами хозяйственного освоения которых стали запорожские казаки, во второй половине XVIII в. вошли в новообразованные Новороссийскую и Азовскую губернии[43].

Итак, анализ мероприятий, задуманных и реализованных Б.К. Минихом на Юге накануне и во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., показывает, что у него было достаточно оснований считать себя продолжателем дела Петра I. Каналостроителю,

---

[39] ПСЗ. Т. 10. СПб., 1830. С. 900.

[40] В историографии имеются и более оптимистичные оценки Белградского мирного договора 1739 г. См.: *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985. С. 46–47.

[41] *Миних Б.Х.* Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 56.

[42] ПСЗ. Т. 10. № 7915; Т. 11. СПб., 1830. № 8628.

[43] РГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 14; Ф. 846. Оп. 16. Д. 25470; Історія українського козацтва: Нариси у 2 т. / редкол.: В.А. Смолій [та ін.]. Т. 1. Київ, 2006. С. 605–611; История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2017. С. 117–118, 146–147, 157; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославск. губ. Д. 4.

ставшему после цепочки карьерных преображений главнокомандующим действующей армии, удалось навсегда развеять миф о непобедимости османских войск, довлеющий со времен Прутского похода 1711 г. Граф не только способствовал возвращению в состав России Азова в 1736 г. (как оказалось — временному), но и одержал в 1739 г. при Ставучанах «изумительную» (по его словам[44]) победу в крупнейшем после Полтавской битвы 1709 г. полевом сражении российской армии, а также впервые в истории вторгся в Крым и присоединил к империи Молдавию (правда, всего на два месяца).

[44] *Миних Б.Х.* Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. С. 53.

Арина Анатольевна Стерликова
(Санкт-Петербург)
Заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

Пётр I и полномочный министр за границей Б.И. Куракин: Аспекты взаимоотношений

Arina A. Sterlikova

Peter the Great and the chief minister abroad B.I. Kurakin: aspects of the relationship

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям Петра I с одним из самых талантливых дипломатов эпохи — Б.И. Куракиным. Фигура Б.И. Куракина является одной из ключевых в истории петровской дипломатии. Однако сам князь Куракин никогда не считался одним из приближенных людей к личности императора. На дипломатическом поприще Б.И. Куракин выполнял различные миссии: представлял Россию на Брауншвейгском конгрессе, был полномочным министром в Лондоне, послом в Гааге (ключевая дипломатическая должность эпохи) и Париже, координировал русскую дипломатию за границей начиная с 1714–1716 гг. Почему же при этой исключительной роли Б.И. Куракин не был лично приближен к царю? Возможно, степень доверия проявлялась в дипломатических поручениях князя Б.И. Куракина?
Abstract: The article is dedicated to the relationship between Peter I and one of the most talented diplomats, B.I. Kurakin. The figure of B.I. Kurakin is one of the key figures in the history of Peter the Great's diplomacy. However, prince Kurakin was never considered one of the people closest to the emperor. In the diplomatic field, B.I. Kurakin carried out various missions: he represented Russia at the Braunschweig Congress, was a minister in London, and an ambassador to The Hague and Paris. He was the coordinator of Russian diplomacy abroad from

1714 to 1716. Why, despite playing such an exceptional role, was B.I. Kurakin not personally close to Peter I? Perhaps the degree of trust was demonstrated in the diplomatic missions of prince B.I. Kurakin?

Ключевые слова: дипломатия, переговоры, международный конгресс, русский посол, великие державы.
Keywords: diplomacy, negotiations, international congress, Russian ambassador, great powers.

Эпоха преобразований Петра Великого породила целую плеяду талантливых полководцев, флотоводцев, дипломатов и государственных деятелей. Последнее время исследователи все больше обращаются к деятельности петровских дипломатов: П.П. Шафирова, Б.И. Куракина, В.Л. Долгорукова, А.Г. Головкина. Русским дипломатам петровской эпохи выпала непростая задача: отстаивать то, что Россия уже завоевала на полях сражений Северной войны, на дипломатической арене.

Один из самых талантливых и блестящих дипломатов петровской — Б.И. Куракин. Его деятельность выходила за рамки просто дипломатического представительства в каком-либо европейском государстве: Б.И. Куракин фактически осуществлял координацию всей внешней политики России за границей. Недаром он постоянно перемещался из одного европейского дипломатического центра в другой: 1711 г. — полномочный министр при английском дворе и в Гааге, 1712 — 1713 — полномочный министр в Гааге, 1714 — представитель России на Брауншвейгском конгрессе, снова в Лондоне и Гааге (1716-1717 гг.), посол во Франции с 1724 г. И это не полный список дипломатических миссий Б.И. Куракина, который всегда находился там, где решались важнейшие для русской дипломатии вопросы. Дипломатическое наследие Б.И. Куракина заключается не только в его деятельности, но и в том, что он оставил огромный архив — бумаги Б.И. Куракина, которые были опубликованы в XIX в. и до сих пор являются ценным источником как по истории дипломатии, так и важным памятником эпохи. Удивительно, но только в XXI в. исследователи обратились к личности самого дипломата, посвятив ему свои научные изыскания.[1]

В данной статье хотелось бы рассмотреть такой малоизученный аспект истории Б.И. Куракина как взаимоотношения с Петром I. Б.И. Куракин на протяжении нескольких лет выполнял важнейшие

[1] *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин: личность и дипломатическая деятельность. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. 2007. 275 с.

дипломатически поручения, находясь далеко от самого царя. А это означало довольно высокий уровень доверия между ними. Однако, по мнению ряда исследователей, отношения Петра I с его дипломатом были не простыми.

Б.И. Куракин принадлежал к знатному роду, происходившему от князя Гедимина. Несложно предположить, что он остро воспринимал преобразования Петра I в социальной сфере: уравнение в правах дворянства и родовой аристократии, проникновение людей незнатного происхождения во властную элиту русского государства.

В своем сочинение «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 гг.»[2] Б.И. Куракин критически и пренебрежительно высказывается о незнатных фамилиях. Он противопоставляет роды «знатные» и «площадные», «великие фамилии» и «шляхетство малое», «большие роды» и «шляхетство среднее». Ю.В. Трифанкова подмечает, что это произведение князя было написано уже в конце жизни, когда его взгляды были вполне сложившимися[3]. Таким образом, исследователь делает вывод о непринятии Б.И. Куракиным реформ Петра I.

Описывая сложные отношения Б.И. Куракина с Петром I, исследователи приводят два факта: обиду князя за то, что он вынужден занять «последнее место» и сидеть ниже всех князей на свадьбе царевича Алексея.[4] И второй факт: то, что во время визита Петра I в Париж Б.И. Куракин жил отдельно от основной свиты царя.[5] На этом основании делаются выводы, что Б.И. Куракин не входил в ближний круг Петра I[6]. Однако представляется не совсем верным делать выводы на основании нескольких эпизодов или некоторых замечаний в записках дипломата. Для того, чтобы понять, какие были отношения у Б.И. Куракина с Петром I, обратимся к самой дипломатической деятельности князя.

Основной задачей, которая стояла перед Б.И. Куракиным во время расцвета его дипломатической деятельности (начиная с 1710 г.), была проблема отстаивания интересов России перед европейскими

---

[2] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 39–78.

[3] *Трифанкова Ю.В.* Дипломат Б.И. Куракин: портрет на фоне эпохи // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. С. 98.

[4] Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 3. С. 311.

[5] *Трифанкова Ю.В.* Дипломат Б.И. Куракин: портрет на фоне эпохи // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. С. 98.

[6] Там же. С. 100.

дворами. Во-первых, это поиск посредников в деле завершения Северной войны. Во-вторых, отстаивание интересов России при перераспределении территориальных трофеев Швеции. В-третьих, Б.И. Куракину было поручено заключение договора с Великобританией и Ганновером. В-четвертых, именно Б.И. Куракин налаживал тайные переговоры о мире со шведами.

На Утрехтском конгрессе 1713 г. важно было не поднимать вопроса о статусе спорных территорий: Лифляндии и Риги, пытаясь при этом зондировать реакцию великих держав на предложения шведского представителя — Ю. Пальмквиста. Примечательно, что в бумагах Б.И. Куракина есть рассуждения о том, что мир на Севере может быть заключён даже без согласия одной из сторон: «... по тому плану мир твердо и нерушимо содержать и гарантировать»[7], но при медиаторстве одной из морских держав. Впрочем, как и замечания Куракина по поводу статуса Лифляндии, которая «уступается короне польской с таким предлогом, чтоб оная никому иному не была отдана»[8]. Однако у Куракина звучит идея о том, что Лифляндию удержать важнее, чем Финляндию: «...то изволит его царское величество Финляндию уступить шведам»[9]. Таким образом, на международных форумах важно было обозначить позицию России крайне осторожно, не поднимая при этом вопросов о статусе спорных территорий.

Ещё во время Утрехтского конгресса прусские и английские дипломаты впервые заговорили о политическом вмешательстве в северные дела. Прусский министр в Гааге Метерних предложил участникам конгресса совместно принять меры для окончания этой войны[10]. Русско-шведский вопрос желали обсудить на конгрессе и англичане. Глава британской дипломатии У. Страффорд прямо заявил тогда Б.И. Куракину, что позиция Англии в русско-шведском конфликте будет опираться исключительно на доктрину баланса сил и что Англии не выгодно поражение Швеции[11]. У. Страффорд пытался убедить русского дипломата, что Ливонию никак нельзя отнять у Швеции, вообще английский министр не скрывал враждебного настроения по отношению к России.

Русская дипломатия не могла не отреагировать на подобные заявления и действия английского министра. В феврале 1713 г.

---

[7] Архив князя Ф.А. Куракина. 1891. Кн. 6. С. 35.

[8] Архив князя Ф.А. Куракина. 1891. Кн. 6. С. 40.

[9] Там же. С. 40.

[10] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 3. С. 67.

[11] *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 93.

Петр I прислал в Гаагу Б.И. Куракину указ, по которому тот должен был сообщить союзникам и потенциальным посредникам, что съезд о мире на Севере лучше назначить в другом месте, а не в Утрехте[12]. Русский посол оказывал активное противодействие попыткам англичан вмешаться в северные дела. Петр I велел Б.И. Куракину от посредничества морских держав по возможности отговариваться, но попытаться добиться того, чтобы в предварительные статьи было внесено возвращение старых русских земель, уступленных по Столбовскому миру. В посредниках в северных делах царь желал видеть австрийского цесаря или Голландские Штаты, так как надеялся на беспристрастность этих держав. Если внимательно изучить дипломатическую переписку Б.И. Куракина в этот период[13], то видно, что решения Петра I очень созвучны рассуждениям его дипломата. Что указывает на их одинаковую позицию по самому главному вопросу внешней политики: окончания Северной войны.

Грамотой от 6 января 1714 г. Петр I сообщал австрийскому цесарю Карлу VI о своем намерении заключить мир со Швецией на Брауншвейгском конгрессе и просил цесаря вместе с Англией, Голландией и Ганновером помогать России в этом «христианском намерении»[14]. Своим представителем на конгрессе Петр I выбрал князя Б.И. Куракина, которому отправил полномочную грамоту с инструкцией[15]. Эта грамота является одним из первых официальных деклараций русского царя о желании закончить войну со Швецией. Надо отметить, что и сам австрийский цесарь настаивал, чтобы на конгресс с русской стороны был назначен Б.И. Куракин. Однако, по мнению царя, Б.И. Куракин должен был явиться на конгресс только в случае, если шведские представители будут уполномочены вести переговоры[16].

В.Л. Долгорукий писал, что ежели в Брауншвейге будет решаться только голштинская проблема, то туда назначат министром А.Г. Головкина, а если начнутся переговоры о генеральном северном мире, то на конгрессе велено прибыть князю Б.И. Куракину[17]. Это ли не указывает на то, что Петр I высоко ценил дипломата

[12] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 3. С. 261.

[13] Там же. С. 263.

[14] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 2. С. 110.

[15] Там же. С. 110.

[16] Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1918.. Вып. IV. С. 233.

[17] МИГО. 1914. Вып. 1. Ч. II. С. 166; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6294. Л. 3.

и поручал ему самые важные дела. Решение Петра I изменилось, когда до русского двора дошли слухи о сепаратных переговорах между его союзниками (Данией и Польшей-Саксонией) со шведами[18]. В.Л. Долгорукий писал 9 февраля 1714 г. из Копенгагена, будто уже есть известия в печати, что польский король подписал мир со Швецией и даже вступил в союз со шведским и прусским королем[19]. Эти известия повлияли на решение Петра I отправить в Брауншвейг Б.И. Куракина. Русский посол должен был наблюдать за переговорами, особенно за министрами короля Августа[20]. Опасения Петра I имели веские основания: саксонский тайный советник Я.Г. Флеминг, направленный в Брауншвейг, находился в дружеских отношениях с Г.Х. Герцем, который и мог организовать сепаратные переговоры со Швецией. Однако Б.И. Куракин предположил, что пока в Брауншвейг не прибудут шведские представители, ему там делать нечего и лучше находиться в дипломатическом центре Европы — Гааге[21]. Это указывает на независимость князя в своих выводах и суждения, а также то, что Петр I прислушивался к нему. Царь согласился с доводами своего дипломата, и в Брауншвейге русская миссия появились лишь в апреле 1714 г. Появление на Брауншвейгском конгрессе Б.И. Куракина явно указывает на серьезность намерений русской стороны по поводу заключения мира со Швецией.

Пребывание Б.И. Куракина на конгрессе оказалось кратким, так как он довольно быстро понял, что основная проблема — окончание Северной войны — даже не рассматривается. Оставался русский дипломат в Брауншвейге около недели, с 25 апреля (н.ст.) по начало мая. Особо важных переговоров Б.И. Куракин не вел, так как шведские представители не появились на конгрессе[22]. Это обстоятельство указывает на умение русского дипломата быстро ориентироваться в ситуации и доверие к его мнению со стороны Петра I, который не стал держать там своего ключевого посла в Европе и разрешил вернуться в Гаагу, которая была центром дипломатической жизни (поэтому большую часть времени Б.И. Куракин проводил именно там). Б.И. Куракин по пути в Брауншвейг успел заехать в Ганновер, где произошла его тайная встреча с министром А. Беренсдорфом. На этой встрече русской стороне от имени курфюрста

[18] МИГО. Вып. IV. С. 232.

[19] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп.1, Д. 6294. Л. 1.

[20] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 10. С. 18.

[21] Там же. С. 73.

[22] Там же. С. 114.

Георга I был предложен план раздела германских владений Швеции[23]. Таким образом, Петр I доверял Б.И. Куракину и совершенно секретные поручения, относящиеся к сфере не официальной, но тайной дипломатии.

По возвращению в Гаагу британо-ганноверский вопрос оставался одной из главных миссий Б.И. Куракина. С восшествием на британский престол в 1714 г. ганноверского курфюрста Георга Людовика под именем Георга I наметился потенциальный союз между Россией, Ганновером и Великобританией, что привело к подписанию Грейфсвальдского мира в 1715 г. Этот договор должен был закрепить территории Бремена и Вердена за Ганновером, а России гарантировать приобретения в Восточной Балтике. Тем не менее, договор был подписан лишь между Россией и Ганновером без участия Великобритании, что делало миссию Б.И. Куракина не совсем удавшейся, показав также, что Лондон не готов гарантировать за Россией столь обширные территории, но желает активно вмешиваться в северные дела.

Прежде всего, Лондон попытался ослабить Северный союз и сорвать военные планы Петра I в 1714–1716 гг. Английские дипломаты развернули активную деятельность при европейских дворах: в Гааге английский посланник убеждал голландское правительство отправить совместную эскадру на Балтику. Б.И. Куракин (находившийся тогда в должности русского посла в Гааге) считал, что подобная акция представляет если не прямую, то косвенную угрозу для России, и всячески противодействовал планам англичан[24]. Так же англичане с французскими представителями пытались убедить голландское правительство совместными усилиями заставить северных союзников принять условия невыгодного для них перемирия со Швецией, а в случае отказа применить угрозу, однако голландцы на подобные мероприятия не согласились, в том числе благодаря активной позиции Б.И. Куракина[25]. Дело с отправкой эскадры морских держав на Балтику в 1714 г. закончилось вполне благоприятно для России, что было полностью заслугой Б.И. Куракина.

Продолжение русско-английских переговоров последовало уже в 1716 г. В начале марта Б.И. Куракин прибыл в Лондон по настойчивому предложению все того же А. Беренсдорфа для ведения пе-

---

[23] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6439. Л. 5, 9.

[24] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп.1. Д. 6481, 6482; *Chance J.* England and Sweden in the time of William III and Anne. P. 710-711.

[25] Там же. Д. 6618. Л. 3–7.

реговоров с английскими и ганноверскими министрами. Необходимо было заключить договор с Георгом I как английским королем, что привело бы к реальному вступлению Англии в Северную войну. Б.И. Куракин очень быстро понял, что англичане стремятся заключить выгодный им торговый договор, но без обязательств стать гарантом российских завоеваний или военной помощи. Если посмотреть источники по русско-английским переговорам 1716 г., то видно, что Б.И. Куракин вел их довольно самостоятельно, хорошо понимал позицию англичан. 11 апреля 1716 г. Б.И. Куракину был отправлен указ вести переговоры с английским королем относительно операций предстоящей кампании (десанта на шведскую территорию). Петр I обещал гарантировать английский престол за ганноверской династией и привлечь к союзу с Георгом I Данию и Пруссию. Б.И. Куракин должен был предложить совершить вторжение в Швецию, для чего нужно быть сильнее шведов на море[26]. Во второй половине апреля англо-русские переговоры об оборонительном союзе продолжились в Гааге между Б.И. Куракиным и английским послом в Голландии Ч. Уолполом[27].

В конце мая в Альтеноу Петр I снабжает Б.И. Куракина пакетом документов касательно дальнейших переговоров с Георгом I: «Условия союзного оборонительного трактата России с Англией», проект торгового трактата (в котором оговаривались привилегии английским купцам, торгующим в России) и инструкция Б.И. Куракину по ходу ведения переговоров.

Во время подготовки десанта в Соню Б.И. Куракин был отправлен в Ганновер, а затем и в Гаагу с полномочной грамотой[28] для продолжения переговоров с англичанами летом 1716 г.[29] Однако англичане продолжали настаивать только на торговом договоре. Б.И. Куракин заявил, что в таком случае он отказывается обсуждать вопрос о торговом договоре. Эта линия поведения русского дипломата была полностью одобрена Петром I. Б.И. Куракин в ответ на свое донесение получил указ от 4 сентября, в котором говорилось, что, так как английские министры не проявляют склонности к оборонительному и гарантийному союзу, русский царь имеет мало причин заключить торговый договор,[30] который являлся инстру-

[26] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1,1716 г. Д. 4. Л. 2–5.

[27] An honest diplomat at the Hague. The private letters of Horatio Walpole 1715–1716 // Indiana university publication. 1955. № 13. P. 222–223.

[28] Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. 2. С. 123.

[29] МИРФ. Ч. IV. С. 104.

[30] *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 243.

ментом более эффективного воздействия на английское правительство и парламент в деле союза с Россией. И опять мы видим полное совпадение мнений по столь важному вопросу у царя и его дипломата. Б.И. Куракин как бы предугадывает решение Петра I.

Еще один важный аспект деятельности Б.И. Куракина, который нельзя не упомянуть и который демонстрирует высокий уровень доверия, это тайные русско-шведские переговоры о мире, которые начинаются летом-осенью 1916 г. Первые известия о контактах шведских представителей с русской стороной относятся к июню 1716 г. В августе именно к Б.И. Куракину в Гаагу приезжают сразу несколько эмиссаров шведской стороны с предложениями начать мирные переговоры[31]. В октябре известный голштинский министр, а с конца 1714 г. главный советник Карла XII Г.Х. Герц установил корреспонденцию с Б.И. Куракиным[32], и столь ожидаемые русско-шведские переговоры о мире начались уже в ноябре. Таким образом, Б.И. Куракин играл ключевую роль в самых важных переговорах для России в этот период. И большая часть переговоров относилась к сфере секретной дипломатии, в рамках которой Б.И. Куракину приходилось принимать самостоятельные решения относительно стратегии ведения переговоров (общие цели давно были изложены Петром I в различных инструкциях, начиная с 1714 г.)

Ключевыми для русской дипломатии сюжетами в 1717 г. явились поездка Петра I во Францию и русско-шведские переговоры о мире. До Петра I в Париж направляется именно Б.И. Куракин в качестве посланника русского царя для ведения переговоров с французским правительством. Возможно, именно это обстоятельство и объясняет, что Б.И. Куракин не жил со свитой Петра в гостинице Ледигьер. Однако русско-французские переговоры в мае-июле вели вице-канцлер П.П. Шафиров и Б.И. Куракин. Результатом переговором стало подписание 4 (15) августа 1717 г. русскими, французскими и прусскими представителями Амстердамского договора, который явился, если и не блестящим, то заметным успехом русской дипломатии. Русские дипломаты приблизились к своей главной цели — переговорам со Швецией, так как Франция отказывала Карлу XII в финансовой помощи. Амстердамский договор явился первым документом в международном праве, оформившим новую роль России как ведущей европейской державы.

---

[31] *Murray J.J.* George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A study in diplomacy and propaganda. L.: Routledge and Paul. 1969. P. 326.

[32] Там же. P. 326.

Летом-осенью 1717 г. продолжались переговоры Б.И. Куракина со шведскими представителями. Это был сложный процесс, так как в переговоры пытались вмешаться англичане и французы. Лишь в конце осени 1717 г. контакты со шведами дали первые положительные результаты. В 20-х числах ноября Б.И. Куракин встретился с секретарем шведского посольства в Гааге Прейсом, который наконец сообщил, что Карл XII желает подписать мир[33]. 31 декабря Б.И. Куракин получил известие от другого шведского дипломата графа М. Веллинга, что шведский король готов послать своих министров в Финляндию для мирных переговоров[34]. Таким образом, секретные переговоры со шведами о мире переходили в официальную стадию. Следует еще раз отметить, что нити этих секретных переговоров проходили через руки Б.И. Куракина.

Таким образом, мы видим, какую уникальную роль в русской дипломатии играл Б.И. Куракин на протяжении долгого времени. Сложно представить, что Петр I оказывал такое доверие человеку, который не входил в его близкий круг. Многие из окружения Петра I скептически относились к некоторым его преобразованиям, что не помешало им стать его близкими соратниками. Стоит вспомнить только бурную биографию П. Толстого. Петр I не просто использовал умного и хорошо воспитанного Б.И. Куракина на дипломатическом поприще, но и очевидно доверял ему самые важные и секретные миссии.

[33] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 127.

[34] Там же. Л. 162.

Григорий Львович Тульчинский
(Санкт-Петербург)
Профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

Российская интеллигенция как один из результатов петровских реформ

Grigorii L. Tulchinskii

Russian intelligentsia as one of the results of Peter the Great's reforms

Аннотация: Статья содержит характеристику трех основных типов российской и советской интеллигенции, которые стали этапами развития результатов реформ Петра Великого. Каждый из этих типов — интеллигента-аристократа, интеллигента-разночинца и советского интеллигента представлял как минимум два вектора развития российской культуры и ее действующих лиц. Новейшие перспективы роли культуры Санкт-Петербурга не менее парадоксальны.
Abstract: The article contains a description of three main types of Russian and Soviet intelligentsia, which became stages of development of the results of Peter the Great's reforms. Each of these types of intellectual-aristocrat, intellectual-raznochinets and Soviet intelligentsia represented at least two vectors of development of Russian culture and its actors. The latest prospects of the role of St. Petersburg culture are no less paradoxical.

Ключевые слова: Петр Великий, российская интеллигенция, российская культура, Санкт-Петербург, советская интеллигенция.
Keywords: Peter the Great, Russian intelligentsia, Russian culture, Saint Petersburg, Soviet intelligentsia

Город-испытание личности

Санкт-Петербург связан с глубинными вопросами и смыслами российской истории и культуры, национального самосознания, играет особую роль в их становлении. Более того, само развитие российской культуры можно понять только через отношение к Санкт-Петербургу.

Поскольку город связан с петровскими реформами и личностью царя-реформатора, постольку и вся противоречивость их оценок переносится и на город. Он и центр зла и преступлений, символ народных страданий, антигуманного насилия, схем властной воли, историческая ошибка Петра и — торжество разума, гения Петра, открывшего новые горизонты российской жизни и культуры, символ особой красоты рационального устройства жизни. Согласно Белинскому, этот город оскорбляет в человеке все святое, но только здесь человек может узнать себя. Герцен полюбил Петербург, так как тот заставил его страдать и мучиться до отчаяния, вызывая всегда состояние физической и нравственной лихорадки. А для К. Аксакова первое условие освобождения в себе чувства народности — возненавидеть Петербург всем сердцем.

Санкт-Петербург, как город «умышленный», неестественный, нарочитый, весь соткан из противоречий и напряжений. Прежде всего — напряженного противостояния природной стихии и культуры, естественной и культурной среды. Но и в рамках каждой из них — напряженные противостояния. Для культурной среды Санкт-Петербурга характерна особая страстность, соприкасаясь с нею, человек попадает в поле исключительного духовного напряжения, которое выдерживает далеко не каждый.

Санкт-Петербург вызывает исключительно остро парадоксальное и напряженное состояние души. Острые отрицательные переживания существования как бы во сне, в бреду, в лихорадке, тоске и страдании, наваждения на грани сумасшествия. И — едва выносимой радости, свободы, переполняющей тебя энергии и преображения. Высшее напряжение сил — интеллектуальных и нравственных, экономических и физических, политических и просто — человеческих. Постановка предельных и запредельных вопросов, поиск ответов на них. Отсюда и особая роль Петербурга в становлении общественного сознания и личностных духовных биографий.

«Белые ночи» — название повести Достоевского, ставшее обозначением городской реалии: одновременно научным термином и культурным символом. Но, и Достоевский имел это в виду, «белые ночи» — вид испытания крепости духа будущего рыцаря. Санкт-

Петербург — город-испытание России и личности. Главные характеристики российской культуры — внеэтичность, имперская собирательность, внешняя культурность, освоение культурных форм других времен и других народов — характеристики и Петербурга тоже.

Более того, если цветом российского самосознания и духовного опыта является интеллигенция, с ее жизнью «в идее», неукорененностью, неоднозначным отношением к народу и власти, подвешенностью между добром и злом, исканиями путей на топкой трясине их диалектики, то и в этом плане — полное совпадение с Петербургом и порождаемым его культурой типом личности. Он — город-интеллигент, идейный и беспочвенный русский интеллигент, воплощение российского духовного опыта и его судьбы.

М.С. Каганом была даже предложена периодизации развития петербургской культуры как смены определенных типов петербургского интеллигента.[1] На этой основе, с некоторыми поправками и уточнениями, можно говорить о различных типах личности, а значит и представлений о ее взглядах, природе, мотивации, программе и оправдании поступков и т.д.

1-я персонология

Само основание Петром Великим Санкт-Петербурга было символическим жестом утверждения новых устоев российской жизни, ориентированных на «плоды просвещения», представленные в западноевропейской культуре. И результаты ***интенсивной рецепции рационализма Просвещения*** не замедлили сказаться.

В технических заимствованиях, в хозяйственной деятельности, в политической жизни, в военном деле результаты были достаточно быстры. Петровские реформы востребовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, раскрыли людям инициативным невиданные ранее в России возможности самореализации. Радикально менялась и эстетическая среда. Достаточно вспомнить о появлении в садах и дворцах знати скульптур — трехмерных выделенных («отдельных») изображений человека — ранее в России почти не практиковавшихся.

Плоды образования и воспитания вызревали дольше. По хорошо известным словам А.И. Герцена, «русский народ в ответ на царский приказ образовываться ответил через 100 лет громадным явлением Пушкина». Не случайно ярчайший период в развитии культуры

[1] *Каган М.С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996.

города носит название «Пушкинского Петербурга» и который отнюдь не заканчивается со смертью великого поэта.

Не менее ярким результатом петровских реформ стали декабристы — молодые офицеры, т.е. представители наиболее образованного тогда слоя общества, большинство из которых имело опыт победоносной войны 1812 года, поколение победителей, поивших своих коней в Сене, прошедших всю Европу и своими глазами видевших разумное обустройство жизни. Поразительно, но к личностям декабристов, как персонифицированным образцам, восходят практически все направления последующего российского революционно-демократического движения: к Бестужевым — реформаторство, к Батенькову — либерализм, к Пестелю — большевистское якобинство, к Каховскому — тираноборческий терроризм, к Якубовичу — азефовщина.

Можно согласиться с М.С. Каганом, что основание и развитие Санкт-Петербурга породило новый для России тип личности — ***просвещенного аристократа-дворянина*** как первого российского интеллигента. Однако представляется, что дело несколько глубже и интереснее. Петербург с его противоречивостью, культурной полифонией перманентной диалогичности не мог не породить и породил двойственный — «двуполюсный» — феномен. Речь идет о ***двух персонологических векторах***, чутко уловленных тем же А.С. Пушкиным в «Медном всаднике». Речь идет о противостоянии «медного истукана» (бездушного и антигуманного имперского величия) и «бедного Евгения» (простого «маленького» человека), нашедшего в себе силы для духовного протеста. Другой разговор, что Пушкиным, похоже, был также обнаружен и архетипический для российской интеллигенции жест: грозить власти «ужо тебе!», а самому бежать к П(п)араше.

Так или иначе, но именно и только в Петербурге была сформулирована тема трагедии маленького человека, с которой великая русская литература вошла в мировую литературу. Наверное, только и именно в культуре этого города, в его материальной среде могла дать такие неожиданные и своеобразные плоды рецепция романтизма — еще одного побега культуры Просвещения.

2-я персонология

Следующий этап в развитии петербургской культуры неспроста получил название «Петербурга Достоевского». Согласно типологии М.С. Кагана, речь идет о формировании типа ***«разночинца-интел-***

лигента». Но и в этом случае, думается, ситуация оказалась не столь однозначной.

Во-первых, конечно же, «разночинцы-евгении» все более вытесняли дворянство на периферию общественной жизни. Но важно учитывать, что на этот очевидный социологический факт пришлась следующая волна влияния западноевропейской общественной мысли и ее интенсивного восприятия в России, прежде всего — в среде петербургской образованной молодежи, в первую очередь — студенчеством. Речь идет о ***рецепции позитивизма***, обернувшейся на Руси феноменом «нигилизма». Воистину — что русскому хорошо, то немцу — смерть! И наоборот. Книги О. Конта, Ч. Спенсера, Д.С. Милля, И. Бентама были восприняты как ответы на предельные вопросы, как руководства к активным действиям. И именно Ф.М. Достоевскому удалось наиболее точно выразить (в «Преступлении и наказании», «Бесах») плоды этой рецепции, приведшие к террору народовольцев и эсеров, охоте за царем-освободителем, событиям 1905–1907 годов и, в конечном счете — краху интеллигенции в 1917–1918 годах.

Но, во-вторых, был еще «Серебряный век», период расцвета верхнего, «парникового» слоя российской имперской культуры культур. С его активными духовными поисками, когда Д.С. Мережковский писал, что Ветхий Завет открыл нам Бога как истину, Новый Завет — истину как любовь, грядущий Завет откроет нам любовь как свободу.

Таким, образом, в-третьих, и на этом этапе мы имеем раздвоение личности на ***интеллигента-разночинца-революционера и интеллигента имперской культуры культур***. Между ними шел интенсивный диалог, иногда — в сознании отдельных личностей. Достаточно в этой связи вспомнить ницшеанца М. Горького и А. Блока, призывавшего «слушать музыку революции». Чем это закончилось — слишком хорошо известно.

3-я персонология

Следующий этап, согласно М.С. Кагану, привел к формированию третьего типа питерского интеллигента — пролетарского. Думается, что и тут необходимо уточнение. И не столько в силу причудливости словосочетания «***пролетарский интеллигент***», сколько по существу.

Во-первых, если говорить о динамике духовной культуры, то и в этом случае мы имеем дело с плодами рецепции западноевропейского рационализма. В данном случае — в лице марксизма, кото-

рый был воспринят в России весьма специфически в условиях идейного и политического кризиса народовольцев, перед лицом интенсивнейшей модернизации России по капиталистическому пути. Этой модернизации страшились практически все слои российского общества: от аристократии, боявшейся Лопахиных и брезговавшей ими, до крестьянства, видевшего угрозу привычному «миру». Тем более — интеллигенция, видевшая угрозу в надвигавшемся индивидуализме. И в этой ситуации с просвещенного Запада приходит «научно обоснованное учение, согласно которому капитализм обречен, является тупиком, из которого общество выйдет, отвергнув частную собственность с помощью пролетарской революции во главе с «чудо-партией по ту сторону добра и зла» (М. Горький). Перчатка пришлась слишком впору, потому как оправдывала не только индивидуальный, но и массовый террор по отношению к «регрессивным» классам.

Во-вторых, речь может идти не столько о «пролетарских», сколько ***советских интеллигентах*** «в первом поколении» — детях рабочих, крестьян, служащих, получивших образование, и которые были вынуждены как-то относиться к культурно-историческому наследию, столь обильно представленному в бывшей имперской столице.

Тем временем сложился свой образ Ленинграда, связанный с революцией, первой советской столицей, центром индустриализации, блокадой, «кузницей кадров»... Однако, этот образ был уже не так целостен и ярок, как образ Санкт-Петербурга — имперской столицы, определяющий сердцевину питерской культуры. Эта культура и сейчас живет — уже своей жизнью, мало связанной с реальной настоящей жизнью города. Она может и обязательно должна быть музеефицирована в архитектурной, ландшафтной среде города.

Именно в советское время сложился миф о Ленинграде и ленинградцах как носителях и хранителях высокой культуры, противостоящей политико-идеологическому официозу. На самом деле, в-третьих, — и это главное — продолжилась биполярность питерской персонологии. С одной стороны — упомянутая советская ленинградская интеллигенция, а с другой — выдавленная на обочину интеллигенция, сохранившаяся от «Серебряного века», ярко описанная в творчестве К. Вагинова, М. Зощенко, как и продолжатели этой линии, на какое-то время ушедшие в «параллельную независимую культуру» (И. Бродский, В. Кривулин, А. Битов, Н. Катерли).

Новые перспективы?

Что же мы имеем сейчас? Главное — жизнь продолжается. В этом городе культура «сама собой получается» — по крайней мере, до самого последнего времени. В позднесоветский период самиздат, независимые самописные журналы, театры-студии, рок-клуб и т.д. в Питере всегда были наиболее многочисленными и продвинутыми в стране. Наверное, срабатывала ландшафтно-климатически-архитектурная среда, ее напряжения и парадоксы. Недаром именно из этого города исходили одновременно импульсы как новой культуры, демократии, экономического и духовного обновления, так и самого дремучего консерватизма, большевистского фундаментализма, национал-коммунизма и «нашизма».

Однако не исчерпана ли критическая масса культурного потенциала, необходимая для специфического персоногенеза в этом городе? Не растрачен ли тот уровень, на который этот потенциал был поднят в пушкинскую эпоху?

Нельзя не обратить внимание на систематическое сокращение амплитуды раскаченного петровскими реформами маятника. Тенденция от петровской эпохи к раздвоению на евгениев да акакийакакиевичей с аристократией, крах последней и раздвоение образованного разночинства на революционеров-демократов и гиппиус-мережковских, крах последних и раздвоение петроградцев-ленинградцев на зощенковских и вагиновских персонажей, продолжение полуподпольного существования хранителей — очевидна и убедительна. Амплитуда сокращается. Но снижается ли планка уровня городской культуры?

Хотя... Питер — парадоксальный город. А парадокс Санкт-Петербурга и питерской культуры заключается в том, что имперский по самой своей сути город оказывается противостоящим неким глубинным основам российско-советской империи. Думается, что здесь-то и проходит главный нерв петербургской идентичности, только нащупав который и можно говорить о нынешних перспективах питерской культуры.

Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Не являлась исключением из этого ряда и Российская империя, символом которой и стал Санкт-Петербург. Как и всякая империя, она была не только «тюрьмой народов», но и способствовала просвещению, развитию куль-

туры, государственности, условий совместного существования, в целом — цивилизацинного прорыва.

Для петербургской культуры характерны меж- и над-этничность, ей присуща веротерпимость, рациональность, общая корректность, уважение к личности, особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Все это, по сути, и образует настоящее содержание петербургского (ленинградского) стиля, особого петербургского достоинства.

Санкт-Петербург был и остается носителем и представителем особого начала в российской культуре, носителем импульса развития российского общества в экономике, промышленности, политике, науке, образовании, искусстве.

Прорубленное Петром в Санкт-Петербурге российское «окно в Европу» способствовало нескольким волнам влияния западноевропейского рационализма. Каждый персонологический тип был порожден очередной волной европейского влияния, был рецепцией этого влияния и ответом на него. Не случайно главной почвой возникновения интеллигенции как специфического феномена российской культуры стал именно Санкт-Петербург — город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни, более того, этот город — место, где утопии имеют склонность к реализации.

В основании, в становлении, в революциях, в блокаде этот город был и остается Городом, испытанием России, испытанием физических и нравственных сил, синонимом культуры вообще — как истока, процесса и результата этого испытания. И это испытание продолжатся. Новое испытание новых поколений.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Игорь Николаевич Юркин
(Москва)
Главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

«Сияет издали — воде и небу брат»: петровская программа строительства каналов после Петра

Igor N. Yurkin

«Shining from afar — brother to water and sky»: Petrine's canal construction program after Peter the Great

Аннотация: На материале недостроенного при Петре Великом Ивановского канала рассмотрено влияние его идей и планов на развитие системы водных транспортных путей Российской империи. Отмечается изменение отношения к этому проекту при Екатерине II. Выявив «петровский след» в «Записке о водяной коммуникации» (1801), автор останавливается на попытке достроить канал по проекту, разработанному Х.И. Трузсоном в начале XIX в. Выделяется особая роль в работах по реализации незавершенных планов Петра, которую сыграл руководитель Департамента водяных коммуникаций граф Н.П. Румянцев.
Abstract: Using the Ivanovo Canal, unfinished under Peter the Great, as a reference, the author examines the influence of the tsar's ideas and plans on the development of the Russian Empire's waterway system. The changing attitude

toward this project under Catherine II is noted. Having identified «Petrine's traces» in the «Note on Water Communications» (1801), the author examines the attempt to complete the canal based on a design developed by H.I. Truzson in the early 19th century. The special role played by Count N.P. Rumyantsev, head of the Department of Water Communications, in the implementation of Peter's unfinished plans is highlighted.

Ключевые слова: Ивановский канал, Иван-озеро, Дон, Петр Великий, Н.П. Румянцев.
Keywords: Ivanovsky Canal, Ivan-Lake, Don, Peter the Great, N. P. Rumyantsev.

Речная сеть на протяжении столетий служила основой сети коммуникаций, соединявших пространства Российского государства. В петровское время ее преобразование осознается важным условием совершенствования инфраструктуры, необходимой для развития промышленности и торговли.

Искусственные водные пути создавались в России и в допетровское время. Опыты трансформации гидрографической сети наблюдаем, например, на Соловецких островах[1], где, решая локальные задачи, строители каналов проявляли немалую техническую изобретательность. В петровскую эпоху масштаб задач изменился: их создатели пытались соединить районы, из-за водоразделов ранее водой не связанные, или обеспечить удобную и безопасную проводку судов там, где прежде они проходили с трудом и небезопасно.

История петровских каналов, как построенных, так и только задуманных, интересна сама по себе. Но она привлекает еще и тем, что порождала долгое эхо. Некоторые проекты, запущенные при жизни Петра или тогда задуманные, обретали новое дыхание и возобновлялись. Во многом — потому, что осознавались частью его завещания потомкам.

Наблюдать это позволяет история проектов, которые в царствование Александра I реализовывал Департамент водяных коммуникаций.

Существовавший с 1798 по 1809 г., он был первым опытом создания в России центрального учреждения, призванного управлять и развивать пути внутреннего судоходства. В его функции входило поддержание в должном порядке естественных водных путей и гидротехнических сооружений (каналов, шлюзов, пристаней), проектирование этих объектов, наблюдение за их строительством, конт-

[1] *Захаров А.С.* Озёрно-канальная система Соловецкого архипелага [Электронный ресурс] // URL: https://goarctic.ru/news/ozyerno-kanalnaya-sistema-solovetskogo-arkhipelaga/?ysclid=mbi06sl2ba534139460 (обращение 12.02.2025).

роль текущего состояния, хранение карт путей сообщений и документации (чертежей, расчетов), связанной с проведением работ на реках и гидротехнических объектах[2].

Департамент возглавляли главные директора водяных коммуникаций. За неполные 12 лет его существования их сменилось четверо[3]. В данной статье речь пойдет о периоде, когда его возглавлял граф Николай Петрович Румянцев — государственный деятель (канцлер, министр в нескольких министерствах), дипломат, меценат. Он же организатор науки — интеллектуальный и организационный центр «румянцевского кружка» и собиратель коллекций, которые после составят Румянцевский музей. Ниже он будет рассмотрен в малоизвестной его ипостаси директора названного Департамента.

Ориентиры в деятельности учреждения при Румянцеве демонстрирует подготовленная в первый год его в нем работы и тогда же внесенная им в Государственный Совет «Записка о водяных коммуникациях». Знакомясь с ней, обнаруживаем отчетливо выраженную черту: частое упоминание в связи с описываемыми проектами Петра Великого. При этом, как правило, подчеркивается мудрость монарха, знающего, что необходимо государству и как этого достичь.

Показательно описание Вышневолоцкой водной системы, эксплуатация которой была сопряжена с несколькими проблемами. Любая задержка на водораздельном ее участке останавливала все движение. Опасность возникновения таких ситуаций была постоянной, на тот момент не устранимой. Наряду с ней существовала и назревающая проблема. Барки по водной системе не возвращались. Вырубка для них леса неизбежно должна была привести к его оскудению в местах заготовки и прекращению строительства судов.

Но, сообщает «Записка», «все сии затруднения и неудобства, при самом еще первоначальном заложении Вышневолоцких каналов блаженныя памяти Государь Император Петр Великий имел уже в виду». Ища тракт, способный заменить используемый, он «по многим различным изысканиям предположил соединением рек

---

[2] Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 2: Д — К. М., 1999. С. 22.

[3] Главными директорами водяных сообщений были граф Я. Сиверс (1798–1800), граф Г.Г. Кушелев (1800–1801)), граф Н.П. Румянцев (1801–1809). В должности главного директора путей сообщений его сменил принц Георгий Голштейн-Ольденбургский (Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898 гг.). СПб., 1898. С. 10–42.

Ковжи и Вытегры произвесть сие в действо». Этому помешала кончина. Однако по прошествии 70 лет «произведены... нивелирования и изыскания, а в... 799 году бывший главный директор водяных коммуникаций Сиверс, убежденный чрезвычайною засухою Вышневолоцких вод, представлял о приведении... проекта в действо на Высочайшее утверждение». Вскоре началось «прокопание... канала под наименованием Мариинскаго»[4].

Петр в этих слова — и обдумавший проблему специалист («...имел уже в виду»), и практик, почти ее разрешающий (провел изыскания и готов «произвесть сие в действо»). Перед нами культурный герой, который все изведал и постиг. Предшественнику Румянцева, чтобы осознать необходимость альтернативного водного пути к Петербургу, понадобилась засуха. А Петр дошел до истины без подсказки, данной ему природой, и лет на сто раньше.

Следующие страницы «Записки» дополняют образ. Мариинский канал полезен. Но «если последует столь желаемое еще Петром Великим соединение Архангельского порта с Санкт-Петербургским или Балтийского моря с Белым» — выгоды умножатся[5]. Сообщается о проекте соединения Тихвинской пристани с Соминской. Историческое примечание: еще «Петр Великий прилагал старание в отыскании удобства к соединению сих пристаней». Об этом не забыли: «изыскания в сих местах повторяемы были в 765 году генералами» (следуют фамилии)[6].

О Петре упоминают даже и без уверенности в личном его в деле участии. Таково положение с Северным Екатерининском каналом: о нем «во время царствования Петра Великаго уже помышляли» (кто — не названо), хотя лишь в 1765 г. провели изыскания с целью выяснить, «есть ли возможность сию коммуникацию учредить».

Смерть Петра застала канальные его замыслы на разных стадиях реализации. Соответственно, работа для их воплощения требовалась разная. Для некоторых водных путей — например, водного соединения Архангельска с Петербургом — даже не успели определиться с трассой.

Иным было положение с Ивановским каналом, который при Петре почти достроили. В «Записке» читаем: «Предметом старания бессмертныя памяти Государя Петра Великого было и соединение

---

[4] Архив Государственного совета. Т. 3: Царствование императора Александра I-го. (1801–1810 гг.). Ч. 2: Журналы Государственного совета с 26 марта 1801 до 1 января 1810. СПб., 1878. С. 810–811.

[5] Там же. С. 812.

[6] Там же. С. 814.

рек Волги и Дона и уже открыты им две отрасли сему соединению». Первая — канал между реками Камышенка и Иловля (150 верст выше Царицына); работы на ней были остановлены задолго до завершения. Вторая, через Иван-озеро, соединяла исток реки Дона в 25 верстах выше города Епифани с рекой Шатом (впадает в Упу, та в Оку). Записка сообщает итоги работы: «было уже много сработано: 24 шлюза из тесанаго известковатаго камня были построены, перекоп канала чрез долину Бобрики и потребное углубление постели реки Дона были сделаны». Однако, как и на Волго-Донском канале, эти работы были остановлены. Причина этого авторам записки была неизвестна. Видеть ее в нехватке воды они отказывались, отмечая, что в долине Бобрики можно сделать «величайший запасной резервоар воды; должно думать, что приостановлению сея работы существуют другия какия ни на есть важнейшия причины»[7].

Не позднее 1801 г. начинается подготовка к достройке Ивановского канала. После того как инженеры генералы Ф.П. Деволант и Х.И. Трузсон провели необходимые изыскания, Трузсон подготовил проект[8] и по нему построили три шлюза на Шате. Начало вышло не совсем удачным. Пока шлюзы, поврежденные в половодье, чинили, Румянцева в апреле 1809 г., многословно расхвалив[9], от руководства Департаментом водяных коммуникаций освободили. Новый его руководитель, принц Георгий Гольштейн-Ольденбургский, прежде чем продолжить работу, решил выяснить, для чего затевалось строительство. В архивах ответа на вопрос не нашли. Задумались над другим: нужен ли Ивановский канал в настоящее время? Были разосланы запросы по городам, через уезды которых проходила трасса канала. Судя по ответам губернаторов и городских голов, уже существующая сеть сухопутных дорог и сложившаяся практика их использования потребностям торговли в общем удовлетворяла. На основании этого было принято решение о заморозке работ, а позднее (1839) о полном отказе от замысла возобновления канала.

За много лет до этого в «Записке о водяных коммуникациях» ее авторы, размышляя о причинах остановки работы на Ивановском

---

[7] Там же. С. 816.

[8] Российский государственный исторический архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 67. Л. 6–13.

[9] *Юркин И.Н.* Граф Н.П. Румянцев и судьба незавершенного проекта Петра Великого // Библиотековедение. 2024. Т. 73. № 6. С. 547–556.

канале, необходимость их возобновления подразумевали самоочевидной. При этом вопрос об экономической целесообразности возвращения к проекту они не только не рассматривали, но и не ставили. Почему? Выяснение того, насколько он, как и любой другой незавершенный петровский проект, мог быть полезен в новых условиях, не подразумевало дискредитации петровского наследия. За истекшие годы и транспортная сеть, и требования к ней не могли не измениться. Учет этого требовал корректировки планов. Но почему создание технического проекта возобновления не было предварено обоснованием его целесообразности? Ответ находим только один: сомнения блокировал авторитет Петра Великого.

Во второй половине XVIII в., особенно в царствование Екатерины II, равнодушие к нереализованным канальным замыслам Петра (очевидное при Анне Иоанновне и достаточно заметное при ранней Елизавете Петровне) сменяется нарастающим к ним вниманием. Показательная инструкция, данная астроному академику Г.М. Ловицу, отправлявшемуся в Среднее Поволжье для наблюдения там 23 мая (3 июня) 1769 г. прохождения Венеры по диску Солнца[10]. Закончив наблюдения, он должен был заняться осмотром и исследованием остатков двух недостроенных при Петре каналов: соединявшего Камышенку и Иловлю и Ивановского. В документе перечислены связанные с петровскими каналами вопросы, которые интересовали в это время власть. В тексте они отнесены к Волго-Донскому каналу, но сказано, что «на таком же точно основании» исполнителю поручается «разсмотрение тульского канала». Приказ гласил: «1) Разсмотреть вам со всею точностию, возможно ли сей канал сделать. 2) Ежели возможно, то какая часть начатаго канала уже сделана. 3) Вычислить, сколько работников и во сколько времени оный докончить могут»[11]. Как видим, задача, поставленная перед Академией, а ею делегированная для решения Г.М. Ловицу, была далека от проблематики, которая интересовала его как астронома. Она была сугубо утилитарной. Ее решение преследовало цель выяснить возможность завершения строительства двух водных путей, с петровского времени намеченных для включения в транспортную сеть Европейской части Российской империи.

---

[10] Судя по тому, что прохождение Венеры упомянуто в ней как предстоящее событие, это та инструкция для наблюдателей, которая рассматривалась в Конференции АН 16, 19 и 26 января 1769 г. (Летопись Академии наук: первые десятилетия // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 101).

[11] *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. Вып. 3. СПб., 1876. С. 192.

Чем было вызвано столь существенное изменение отношения к заброшенному проекту? Активизацию внимания к Ивановскому каналу пытались объяснить личным вниманием к нему со стороны Екатерины II. Косвенные доказательства этого можно было усмотреть, например, в том, что направленная Сенатом комиссия, которой предстояло осмотреть канал в 1763 г., была организована, якобы, по ее распоряжению[12], а также в «глухой молве» о посещении императрицей озера, сохранившейся у местного населения[13]. Не останавливаясь на мотивах личного характера, которые могли обусловливать этот интерес, заметим, что едва ли меньшую, чем они, роль в его формировании должны были сыграть магистральные для деятельности императрицы ее взгляды на развитие государственного хозяйства, а также ее отношение к тому, что и как делал в этом направлении ее предшественник Великий Петр.

В интересе к петровскому наследию отразился и дух просвещенного абсолютизма — политики, с уважением относившейся к достижениям эпохи раннего Просвещения, и взгляды монарха на характер, формы, направления развития государственного хозяйства, и личное отношение Екатерины к своему предшественнику на троне, и, наконец, для Ивановского канала, может быть, какие-то неизвестные нам совсем уж личные ее связи с местом, где находилась подаренная ею сыну бывшая дворцовая вотчина.

Но не дух эпохи подписывает указы. Кого персонально можно считать автором курса на приоритетное воплощение петровской канальной мечты? Ответим на этот вопрос, предварительно рассмотрев другой: кто в Департаменте водяных коммуникаций мог

---

[12] *Миловидов А.И.* Достопримечательные сёла Тульской губернии: Ист. очерк. Вып. 1: Село Иван-Озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892. С. 29.

[13] Вот как писал об этом А.И. Миловидов: «...Глухая молва передает, что после царя Петра на озере была царица Екатерина Великая. Основанием для этой молвы, вероятно, было ожидание Императрицы в соседнем селе Бобриках. Это село при Екатерине было дворцовым владением... Здесь граф Орлов готовился встретить императрицу при проезде ее на юг, для чего устроен был на горе красивый дворец, перешедший впоследствии вместе с имением к графам Бобринским и до последнего времени носивший название Екатерининского. Воспоминанием о пребывании здесь гр. Орлова служит его гробница в склепе графов Бобринских» (Там же). Некоторые детали этого текста более чем сомнительны. Кого бы из братьев Орловых ни имел в виду автор (скорее всего Григория Григорьевича, отца рожденного Екатериной сына Алексея), ни один из них не был упокоен в Бобриках — их прахи были положены в фамильном мавзолее Орловых в селе Отрада под Москвой (*Нефедов А.* «Отрада» графов Орловых // Памятники Отечества. 1994. № 1–2 (31). С. 49–53).

поддаться пронзающему время очарованию замыслов Петра-каналостроителя и, поддавшись, добиться судьбоносного для проекта решения? Наверно, это были не специалисты, подписавшие «Записку» — в большинстве иностранные инженеры-гидравлики, едва ли одурманенные государственными мифами. (Тем более что их спрашивали не о том, строить канал или нет, а как его построить. Они на поставленный вопрос и ответили). Только для одного человека Петр Великий был неотъемлемой частью его представлений о национальной и родовой истории — для руководителя ведомства графа Н.П. Румянцева.

Имеются все основания предполагать, что актуальный список проектов Департамента водяных коммуникаций — во многом продукт личного отношения Румянцева к фигуре и трудам Петра Великого. Что такое у него существовало, позволяет думать уже то, что он был внуком верного слуги монарха Румянцева Александра Ивановича (1680–1749). Тот умер за пять лет до рождения внука Николая и передать ему свое отношение к патрону напрямую не мог. Но присущая деду преданность ему должна была транслироваться через семейную традицию и остаться не замеченной внуком не могла. Учтем и то, что жизни всех — и деда, и отца, и его, Николая до отставки — были отданы службе короне. Уже это позволяет предположить, что в представлениях Николая Петровича об истории России первый ее император нерядовое место.

Содержательно охарактеризовать это отношение, однако, не беремся — Румянцев был осторожен, высказываться о современных событиях (а петровское время — близкое) избегал[14].

Любопытно сравнить его с Н.М. Карамзиным. В дистанционном диалоге с императором (подразумеваем трактат 1811 г. «О древней и новой России») он, младший современник Румянцева, высказывал мнения об исторических деятелях, далекие от границ, принятых в публичном дискурсе. Досталось от него и Петру. Выработке независимой позиции Карамзина несомненно способствовало то, что после недолгой службы в гвардии он жил жизнью частной — занимался литературным трудом, журналистикой. На службу, причем нечиновную (историограф), поступил лишь на исходе четвертого десятка. Румянцев, напротив, всю жизнь служил и подал в отставку лишь на 60-м году. Наученный сдержанности на дипломатической работе, он сохранял ее и в годы службы на высших должностях. В активной полемике вокруг «Истории Государства Российского» не участвовал. (Лишь раз высказался о ее авторе

[14] *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 43.

и то туманно: «Карамзин за свою отчизну самохвал»[15]). А ведь ее тома повествовали о событиях, отстоявших от времени автора на столетия, что делало их обсуждение безопасным. Не таким было время петровское, события которого в памяти еще не остыли.

Учтем, однако, что в публикациях членов Румянцевского кружка материалы эпохи Петра присутствовали. Основное внимание уделяя древним памятникам, вниманием более поздние они все-таки не обошли. Не обошел, получается, и Румянцев, который финансировал издания кружка из личных средств. Не приходится сомневаться, что организатор масштабной работы по собиранию и изучению источников российской истории, он выработал отношение и к изменившему ее ход Петру Великому.

Но так было, когда Н.П. Румянцев полностью погрузился в эту работу. Можно ли распространить это утверждение на более раннее время? «Записка о водяных коммуникациях» позволяет считать, что отношение к Петру вполне сформировалось у него еще в первом десятилетии XIX в. Причем вполне очевидно — какое. Записка подписана шестью сотрудниками Департамента — ведущими его специалистами, из которых минимум четверо были высококвалифицированными инженерами[16]. Но вносил документ в Государственный совет Румянцев, что предполагает полное его согласие не только с духом, но и буквой текста. Несомненно, отношение к Петру, выраженное в «Записке» — отношение не только ее составителей. Все сказанное о нем выражает мнение и Румянцева.

Канальным проектам Петра была суждена разная судьба. Одни каналы при нем пустили в эксплуатацию, к сооружению других приступили, о третьих известно, что царь строить их намеревался, о четвертых — что лишь «помышлял». Но благодаря не стертому временем культурному авторитету Петра даже мечты не забывались, больше того, рассматривались частью грандиозного его замысла преобразования России.

***

«Сияет издали — воде и небу брат» — писал поэт о шпиле Адмиралтейства. Личность Петра, в восприятии потомков родственная тем же космическим началам — воде и воздуху, после 1725 года сияла и тянула их издали, как тянет к себе шпиль перспективу Невского проспекта. Сияла, и голос звучал и воля направляла.

Сияет и сегодня.

---

[15] Там же. С. 44.

[16] Три инженер-генерала (Де-Витте, Герард, Опперман) и генерал-лейтенант Ф.П. Деволант, в 1802 г. тоже инженер-генерал.

Михаил Александрович Киселев
(Екатеринбург)
Старший научный сотрудник
Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Уральские заводы первой четверти XVIII в. между государством и предпринимателем

Mikhail A. Kiselev

Ural plants of the first quarter of the 18th century between state and entrepreneur

Аннотация: Статья посвящена становлению металлургической промышленности на Урале в первой четверти XVIII в. с акцентом на проблеме выбора оптимальной формы собственности промышленных предприятий: государственной или частной. Особое внимание уделяется роли государственных деятелей — А.А. Виниуса, В.Н. Татищева, В.И. Геннина — в развитии уральской металлургии, благодаря усилиям которых был создан мощный казенный металлургический комплекс, способный конкурировать с частными предприятиями Демидовых.

Abstract: Article devoted to the development of the metallurgical industry in the Urals in the first quarter of the 18th century and the optimal form of ownership for industrial enterprises: state or private. Particular attention is paid to the role of government officials such as A. A. Vinius, V. N. Tatishchev, and V. I. Gennin in the development of Ural metallurgy, whose efforts led to the creation of a great state-owned metallurgical complex capable of competing with the private enterprises of Demidovs.

Ключевые слова: А.А. Виниус, Демидовы, В.Н. Татищев, Урал, история металлургии

Keywords: A.A. Vinius, Demidovs, V.N. Tatishchev, Ural, history of metallurgy

В годы петровских реформ происходит важный сдвиг в экономике России: начинают формироваться как новые отрасли промышленности, так и целые промышленные регионы, одним из которых был Урал. Рывок в экономическом развитии был, прежде всего, связан с политикой Петра I, при котором государство выступало как ключевой потребитель ряда промышленных товаров, так и непосредственный организатор строительства новых предприятий. Вместе с тем возник и вопрос, что выгоднее и полезнее для государства: непосредственно владеть и управлять промышленным предприятием или чтобы это делал предприниматель.

В 1697 г. было принято решение о строительстве на Урале одного «большого железного завода». Согласно указу от 10 июня, он строился для обеспечения боеприпасами обороны, прежде всего, Сибири, а также всего государства. Планировалась и коммерческая составляющая в виде изготовления железа для соляных промыслов Прикамья. Получаемые после продажи деньги должны были служить укреплению обороны Сибири: ими предполагалось платить служилым людям[1].

В 1699 г. под общим контролем Сибирского приказа на Урале начались подготовительные работы, а в первой половине 1700 г. стартовало строительство двух казенных чугуноплавильных и железоделательных заводов — Каменского и Невьянского. Первый из них дал чугун в октябре, а второй — в декабре 1701 г.[2] А уже 4 марта 1702 г. Невьянский завод был отдан во владение тульскому «оружейнаго и железнаго дел» мастеру Н.Д. Демидову по его просьбе. Он, получив вместе с заводом ряд привилегий и приписанных к нему крестьян, должен был поставлять по определенным ценам в казну железо и воинские припасы. Железо, которое оставалось после выполнения государственного заказа, Демидов имел право свободно продавать[3]. Приватизация Невьянского завода была в немалой степени связана с тем, что вступление России в Северную войну вызвало остановку импорта железа из Швеции, для восполнения которого взоры из столицы и обратились в сторону Урала, где начатое еще до войны заводское строительство в значительной степени ориентировалось на удовлетворение региональных нужд. Серьезное наращивание производства металла требовало хорошего

[1] ПСЗ. Т. 3. № 1588. С. 325–326.

[2] См.: *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. I. М.–Л., 1949. С. 55–78.

[3] Материалы к записке о поссессионном праве. СПб., 1902. С. 1–8.

управления производством. Государство же испытывало нехватку квалифицированных управляющих, так что приватизация стала решением проблемы.

Отдача Н.Д. Демидову Невьянского завода не означала остановки развития казенной металлургии на Урале. В 1702 г. для осмотра металлургического производства и его и улучшения туда направился сам глава Сибирского приказа А.А. Виниус. В конце 1702 г. он писал Петру I с Урала, что следует «еще в 2 местех или в трех великим заводам быть, и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут ... с 1 400 000 пуд». При этом он констатировал, что «сие ... великое дело требует великое время ... и приставников верных; и теми здесь скудно»[4]. Это был весьма амбициозный план: в 1700 г. все шесть заводов России, где плавили чугун в 9 домнах, давали по приблизительным подсчетам 150 тыс. пуд. чугуна в год, т.е. почти в десять раз меньше, чем предполагал производить Виниус на казенных заводах Урала. Да и в 1725 г., когда в стране действовало уже 24 завода, где плавили чугун в 25 домнах, общее их производство не достигало 900 тыс. пуд. чугуна в год[5]. Казенные заводы на Урале по замыслу Виниуса должны были произвести столько чугуна, что его было достаточно не просто для производства вооружения, его хватило бы для всей внутренней потребности в железе, да и не только. В 1706 г. Виниус, подводя итог своей деятельности, среди своих заслуг указывал на «обретение руд медных и железных, которых построил 4 заводы великие, иже могли вашего величества военныа, ***но и всего государства потребы наполнить и к тому на сребро с великим прибытком в ыные государства продано быти*** (выделено нами. — *М.К.*)»[6]. Эти слова подтверждают, что запланированный Виниусом объем чугуноплавильного производства был нужен не только для производства вооружения. Его основная часть должна была как удовлетворить внутренний спрос на железо, обострившийся из-за прекращения импорта шведского металла, так и начать экспортироваться, принося казне прибыль дефицитным серебром.

Как результат, с конца 1702 по конец 1704 г. строился чугуноплавильный и железоделательный Уктусский завод[7], а с ноября

---

[4] Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. 2. (1702–1703). СПб., 1889. С. 413.

[5] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954. С. 180.

[6] Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. 5 (январь-июнь 1701). СПб., 1907. С. 718.

[7] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 21 об.

1703 по ноябрь 1704 г. строился рядом с Каменским еще один завод[8]. После этого Каменский завод включал в себя два предприятия — нижний и верхний заводы. В 1704 г. был построен чугуноплавильный и железоделательный Алапаевский завод[9]. Однако осенью 1703 г. Виниус был отстранен от должности главы Сибирского приказа. Его «программа» развития казенной металлургии Урала лишилась главного организатора и фактически застопорилась. Оставались сложности и с подбором для заводов квалифицированных управляющих, «верных приставников», о чем и беспокоился Виниус. Скорее всего, из-за таких сложностей распоряжением 21 августа 1710 г. управление казенным Алапаевским заводом было даже на какое-то время поручено владельцу Невьянского завода Н.Д. Демидову и его сыну Акинфию[10].

Из-за проблем, связанных с управлением и подбором технических специалистов, а также спецификой местных руд, попытка наладить на уральских заводах литье пушек и снарядов завершилась неудачей. В 1703 г. в Москву прибыла первая крупная партия уральских пушек, из которых после испытаний треть разорвалась. После этого производство пушек стали свертывать, а ранее присланных мастеров переводить на заводы европейской части России[11]. В январе 1705 г. состоялся указ, которым на уральских заводах, как казенных, так и частном Невьянском, запрещалось производство артиллерии для дальнейшей ее отправки в европейскую часть России, ибо «присланные сибирские пушки явились плохи». Заводы должны были делать «прутовое железо, а из самого плохово железа» лить снаряды[12]. Затем 28 января 1710 г. руководитель Сибирского приказа князь М.П. Гагарин распорядился для отправки в Москву на уральских заводах не производить пушки и снаряды, а делать лишь по отправляемым образцам железо и сталь[13]. Распоряжение совпало с завершением создания губерний в России. Одним из следствий этого было то, что общее управление уральскими казенными заводами перешло из Москвы, где находился Сибирский приказ, в Тобольск, где расположилась губернская канцелярия. С учетом того,

---

[8] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. С. 439.

[9] *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 487.

[10] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1822. Л. 8.

[11] *Курлаев Е.А.* О статистике производства пушек на Урале в первой четверти XVIII в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург, 2020. С. 107–109.

[12] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 818. Л. 1, 3.

[13] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1905. Л. 5 об.

что планируемый когда-то Виниусом большой экспорт железа с казенных уральских заводов не был должным образом налажен, а производство оружия для действующей против Швеции армии там уже не велось, эти заводы пропадают из поля зрения центральных учреждений. В то же время Демидовы и их Невьянский завод, наоборот, расширяют поле деятельности и в 1715 г. становятся поставщиками железа для Адмиралтейства.

О том, как казенные уральские заводы работали под управлением Сибирской губернии, известно не так много из-за плохой сохранности документов. Согласно имеющимся сведениям, продукция трех казенных заводов — Алапаевского, Каменского и Уктусского — доставлялась в европейскую часть России, в т.ч. и к Архангельску[14]. Работали заводы и на региональный рынок: на Каменском заводе делали чугунное литье по заказу торговцев[15], а в 1716 г. недалеко от Алапаевского был построен небольшой передельный Толмачевский завод, где изготовлялись припасы для солеваренной промышленности[16]. Как сообщал заводской комиссар Т.М. Бурцев в 1720 г., «ставил он на соляные заводы и промышленикам досчатое железо и другим продавал немалою ценою»[17]. На заводах могли изготавливаться пушки и снаряды для местных нужд (Ямышевский поход И.Д. Бухгольца). Что до объемов производства, то в 1718 г. на Каменском заводе было сделано 16,6 тыс. пуд. чугуна и выковано 11,2 тыс. пуд. железа, а в 1719 г. — 24,6 и 14,9 тыс. пуд. соответственно[18]. На Алапаевском заводе в 1719 г. было сделано 18,9 тыс. пудов чугуна и выковано 7,9 тыс. пуд. железа[19]. На Уктусском заводе в 1718 г. было выковано всего 1,2 тыс. пуд. железа, а в 1719 г. — 2,7. Столь малое производство было следствием того, что 5 апреля 1718 г. завод сгорел, и после его восстановления производство железа возобновилось с сентября 1719 г. Правда, и до пожара завод не отличался высокой производительностью: в 1716 г. на нем было сделано 5303 пуд. железа, а в 1717 г. — 7660 пуд.[20] Итак, общую годовую производительность к концу 1710-х гг. для этих трех казенных заво-

---

[14] См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 34–34 об., 58.

[15] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 612. Л. 16, 17 об., 19, 27 об.–28 об.

[16] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 337–337 об., 344 об.

[17] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.

[18] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 612. Л. 29, 30 об.

[19] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. С. 162; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 339 об.

[20] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 99 об.–103, 49.

дов можно оценить в 50–60 тыс. пудов чугуна и 25–30 тыс. пудов железа. Кроме того, с 1713 г. на Уктусском заводе была налажена выплавка меди, и до 1720 г. было отправлено в Москву 3166 пуд.[21], т.е. в год производилось 500–700 пудов. Для сравнения: если в 1703 г. на Невьянском заводе было сделано 8,8 тыс. пуд. чугуна и 4,1 тыс. пуд. железа, в 1710 г. — 39, 4 тыс. пуд. и 18,9 тыс. пуд. соответственно, то в 1718 г., когда с Невьянским заводом единый комплекс уже составляли передельные Шуралинский (1716 г.) и Быньговский (1718 г.) заводы[22], там выплавили 189 тыс. пуд. чугуна и получили 91,6 тыс. пуд. железа. Четыре казенных Олонецких заводы в 1719 г. дали 104,5 тыс. пуд. чугуна и 49,8 тыс. пуд. железа[23]. Такой застой на казенных заводах Урала в значительной степени был обусловлен тем, что власти Сибирской губернии так и не смогли решить проблему назначения на казенные заводы грамотных и знающих производство руководителей.

Н.Д. Демидов, чье металлургическое производство на Урале к концу 1710-х гг. динамично развивалось, обзавелся к этому времени хорошими связями в правящей элите и был знаком самому Петру I, решил расширить свои уральские владения за счет приватизации. В мае 1719 г. он обратился к Петру с просьбой отдать ему Уктусский завод[24]. Прошение не было удовлетворено. К этому времени о казенных заводах Урала вспомнили в правительстве после учреждения в конце 1717 г. Берг-Мануфактур-коллегии[25]. Коллегия 9 марта 1720 г. с целью наладить добычу меди и серебра, т.е. сырья для чеканки монеты, отправила на Урал экспедицию во главе с артиллерийским офицером В.Н. Татищевым и немецким горным специалистом И.Ф. Блиером[26]. Так как медь какое-то время плавилась на и Уктусском заводе, коллегия указом от 24 мая 1720 г. передала его из-под власти Сибирской губернии в управление Татищева и Блиера. Два других завода (Алапаевский и Каменский), где медь не плавили, коллегия оставила под властью губернской администрации. Однако Алапаевским заводом вместе с Уктусским управляло одно должностное лицо — комиссар Т.М. Бурцев. Пере-

---

[21] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 22–22 об., 33–34.

[22] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С. 73.

[23] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. С. 158, 170.

[24] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 39. Л. 184–183 об.

[25] См.: *Киселев М.А.* Создание Берг-Мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 4.

[26] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в. Екатеринбург, 2022. С. 312–315.

ходя в подчинение коллегии, он поставил вопрос о подведомственности Алапаевского. Татищев и Блиер и взяли под управление оба завода[27].

Татищев и Блиер приехали на Уктусский завод 29 декабря 1720 г., где 2 января 1721 г. Татищев заявил Бурцеву: «Усмотрел я здешния заводы, что от недовольства воды надлежащаго по трудам прибытка принести не могут, и по должности моей, делая прибыток учинить его царскому величеству, разсуждаю за благо устроить новой железной завод в верховье реки Исети»[28], в 6–8 верстах от Уктусского завода Это было неожиданное решение. Коллегия ничего не писала про развитие железоделательного производства, а в указе о передаче Уктусского завода говорилось, что Татищеву и Блиеру следует только «меди пред прежними годами велеть умножить со излишеством»[29]. Блиер дистанцировался от этой затеи. Татищев, обследовав окрестности р Исеть, направил 6 февраля 1721 г. в коллегию доношение и отдельное письмо ее президенту Я.В. Брюсу. Видя «великую прибыль в железе», он предлагал построить на берегах Исети огромный казенный чугуноплавильный и железоделательный завод, который бы в год давал 150–200 тыс. пудов железа. Себестоимость пуда железа должна была составить 15–20 коп., расходы на транспортировку — 5 коп. с пуда до Нижнего Новгорода или 9 коп. с пуда до Твери. Продать железо там можно было по 35–40 коп. за пуд, так что казна должна была получить гарантированную прибыль. Он заявлял Брюсу, что за два года новый завод даст 300 тыс. пудов железа, после продажи которого прибыль казны составит 25 тыс. руб.[30]

Итак, Татищев предлагал построить невиданный в России по объемам производства завод, который бы превращал казну в одного из главных производителей предназначенного для продажи на рынке железа. Это было весьма смелое, если не сказать — авантюрное предложение. В 1720 г. все железоделательные заводы России давали около 300 тыс. пуд. железа[31].

В Берг-Мануфактур-коллегии татищевские идеи о возможной прибыли от производства и торговли железом первоначально не произвели впечатления. Указом от 18 марта 1721 г. было предписа-

---

[27] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 177–178.

[28] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

[29] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 104.

[30] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 48–48 об., 52–52 об.; *Татищев В.Н.* Записки. Письма. М., 1990. С. 52.

[31] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. С. 181.

но приостановить строительство нового завода на р. Исеть. Однако уже к лету 1721 г. в коллегии заинтересовались вопросом о возможной продаже на внешний рынок казенного железа[32], и затем 28 июня 1722 г. заключили договор с английским купцом Г. Эвансом на покупку 40 тыс. пудов железа «для заморского отпуску» по 56 коп. Это было именно железо уральских казенных заводов: весной 1721 г. Татищев послал в распоряжение коллегии караван с 42,6 тыс. пуд. железа (16374 пудов с Уктусского, 17888 пуд. с Алапаевского и 8368 пуд. с Каменского). Меди же было отправлено 702 пуда[33]. С учетом цены около 8 руб. за пуд и при себестоимости с провозом около 4 руб. за пуд казна могла получить от меди прибыли менее 3 тыс. руб. При этом из-за нехватки специалистов и проблем с добычей руды в коллегии пока не могли рассчитывать на быстрый рост ее выплавки. Себестоимость железа с учетом его доставки с Урала в Санкт-Петербург была в среднем около 40 коп. за пуд. В «заморский отпуск за деньги» в 1722 г. было продано 42248 пуд. железа по 56 коп. за пуд на 23658 руб. 88 коп. Казна получила прибыль в размере 6900 руб. 51 коп.[34] После этого идея с приватизацией уральских казенных железоделательных заводов фактически была отложена в сторону.

К середине 1722 г. ситуация стала менять и из-за отправки на Урал генерал-майора В.И. Геннина. Он ранее успешно командовал казенными Олонецкими заводами и был едва ли не самым опытным чиновником, управлявшим металлургическим производством. Геннина весной 1722 г. направил сам Петр I, предписав ему как наладить производство на казенных заводов, так и провести расследование конфликта, случившегося между В.Н. Татищевым и Н.Д. Демидовым. Геннин, прибыв на Урал с большой командой специалистов, принял идею Татищева о необходимости развития не только медеплавильного производства, а и железоделательного. В начале 1723 г. на берегах р. Исеть началось строительство большого завода-крепости, получившего имя Екатеринбург. Была организована реконструкция старых железоделательных казенных заводов — Алапаевского, Уктусского и Каменского, последний из которых Геннин взял из-под власти Сибирской губернии в ведомство Берг-коллегии. Не ограничившись этим, весной 1724 г. Геннин недалеко от Алапаевского завода начал строительство нового железоделательного Синячихинского и решил возобновить строительство нового завода рядом со старым Уктусским «для переделу выплавляемого на

[32] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 275–277.

[33] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 619. Л. 8 об.–9, 178.

[34] РГАДА. Ф. 248. Д. 161. Л. 1021а–1022.

Уктусе чюгуна в железо»[35]. Это соответствовало позиции Берг-коллегии, которая, как указывал А.И. Юхт, в ноябре 1723 г. определила с целью наращивания экспорта увеличить производство железа на казенных заводах Урала[36]. Кроме того, в 1723 г. Генниным было организовано строительство медеплавильных Егошихинского, Ялинского, Полевского и Пыскорского заводов[37]. Как результат, в 1726 г. казенные заводы Урала дали 9 тыс. пуд. меди и 129 тыс. пуд. железа[38]. По сравнению с концом 1710-х гг. производство меди на казенных заводах выросло более чем на тысячу процентов, а железа почти на 350 %. И это был уже сильный горнозаводской комплекс с единым центром управления — Сибирским обер-бергамтом, расположившимся в Екатеринбурге, а не находящиеся на большом удалении друг от друга три завода, управлявшиеся из далекого Тобольска.

Правда, как раз во время завершения формирования этого комплекса над казенными заводами Урала опять нависла тень приватизации. Петр I к концу жизни склонялся к большей поддержке частной инициативы в промышленности и стал высказываться за приватизацию государственных предприятий. Однако из-за смерти императора в 1725 г. идея приватизации казенных заводов Урала была вновь отложена.

Итак, нехватка железа на внутреннем рынке после начала Северной войны в 1700 г., а также перспектива его экспорта дали толчок появлению на Урале большого металлургического производства, принадлежащего государству. Однако в сам момент рождения казенной металлургии Урала приватизация была обозначена как альтернативный путь ее развития. Передача Невьянского завода Н.Д. Демидову оказалась удачным опытом: предприниматель оказался более эффективным собственником. Параллельно удачному старту Демидова казенные заводы из-за проблем с управлением, ключевой из которых оказалось отсутствие квалифицированных кадров, развивались достаточно плохо и оказались на грани кризиса. Только после создания специализированного правительственного органа, ответственного за управление промыш-

---

[35] *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. С. 501, 457–458, 510.

[36] *Татищев В.Н.* Записки. Письма. С. 376.

[37] *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. С. 527, 541, 566.

[38] *Черноухов А.В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988. С. 147; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. С. 193.

ленностью, а также отправки эмиссара монарха в лице В.И. Геннина удалось преодолеть предкризисное состояние, и к середине 1720-х гг. на Урале завершилось формирование сильного казенного металлургического комплекса, который мог конкурировать с демидовскими заводами. Тем не менее, эффективность работы принадлежавших государству заводов продолжала вызывать споры уже при приемниках Петра I, в связи с чем будет вновь поднят вопрос об их приватизации[39].

[39] См.: *Киселев М.А.* «Заводы... раздавать в компании»?: Проблема приватизации казенных металлургических заводов при Петре I и его ближайших преемниках (1720-е – середина 1730-х гг.) // Реформы Императора Петра I: Историческое наследие и современность. Пермь, 2023.

Алевтина Михайловна Сафронова
(Екатеринбург)
Профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории госуправления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Горнозаводские школы Урала как феномен начальной школы России Петровского времени

Alevtina M. Safronova

Mining schools of the Urals as a phenomenon of Primary schools in Russia of Peter the Great's Time

Аннотация: По инициативе верховной власти в России появилось несколько видов начальных школ, деятельность которых регламентировалась законодательством. При казенных заводах Урала в 1721 г. по инициативе «птенца гнезда Петрова» В.Н. Татищева были открыты словесные и арифметические школы для обучения детей заводских жителей, детей духовенства, подьячих, проживавших в приписных к заводам слободах. Благодаря этому все 10 заводов к 1725 г. были обеспечены обученными кадрами. В слободах открыты школы грамоты для крестьян.
Abstract: At the initiative of the supreme government, several types of primary schools appeared in Russia, the activities of which were regulated by law. In 1721, at the state-owned factories of the Urals, on the initiative of the «nestling of Petrov's nest» V.N. Tatishchev, verbal and arithmetic schools were opened to teach children of factory residents; children of the clergy, clerics who lived in the settlements assigned to the factories. Due to this, all 10 factories were provided

with trained personnel by 1725. Literacy schools for peasants have been opened in the suburbs.

Ключевые слова: Урал, казенные заводы, В.Н. Татищев, словесные школы, арифметические школы
Keywords: Ural, state-owned factories, V.N. Tatishchev, verbal schools, arithmetic schools

В годы правления Петра I в России формируется несколько видов начальных школ: в 1714 г. цифирные, в 1717 — для детей мастеровых портов — Адмиралтейские, в 1721 г. архиерейские для детей духовенства и гарнизонные — для детей низших военных чинов. Эти школы открывались по инициативе верховной власти и лично Петра Первого, их деятельность регламентировалась нормами российского законодательства. На Урале же в 1721 г. начали формироваться словесные и арифметические школы горного ведомства, инициатором открытия которых стал один из «птенцов гнезда Петрова» В.Н. Татищев, отправленный на Урал для поиска руд и строительства новых заводов. Прибыв с командой в Кунгур 30 июля 1720 г., Татищев в первом же доношении в Берг-коллегию поставил вопрос о необходимости обучения горным делам до 30 дворян Сибирской губернии, не высланных в столицу, а если их не хватит, то и детей подьяческих, находившихся в ведении гражданских властей Вятской провинции[1]. Среди последних Татищев хотел найти детей, уже обученных грамоте, чтобы обучить их математике, а затем и горнозаводским делам. На Урале в это время действовало всего два казенных завода, Уктусский и Алапаевский, Каменский перешел из ведения Сибирской губернии к горной власти в 1723 г. Но задумывалось строительство новых предприятий, и Татищев прекрасно осознавал необходимость подготовки собственных квалифицированных кадров помимо выписывания выпускников из столичных школ (с ним прибыло на Урал четверо учеников Московской артиллерийской школы).

Берг-коллегия, не смея распоряжаться детьми дворян, указом от 29 ноября 1720 г., прибывшим только в мае 1721 г., разрешила привлекать в школы горного ведомства детей церковничьих и подьяческих. Татищев на основе этого указа сразу же приступил к открытию первых арифметических школ в городе Кунгуре и при Уктусском заводе. Берг-коллегия, заинтересованная в скорейшей подготовке заводских кадров, своим решением от 20 июля 1721 г.

[1] РГАДА, Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 178 об.–179.

разрешила принимать в школы «и ис крестьянских робят, кои к оным к Уктунским заводом приписаны, кои придут волею, а скудных и маломошных, хотя неволею, против вышеписанного ж обучать, и по обучении оному определить их к рудным делам, хто куда способен... и определить им некоторое пропитание, смотря по их наукам, дабы из молодых робят всякому было охотно оному обучатца»[2].

Открытие же словесных школ при Уктусском и Алапаевском заводах Татищев провел полностью самостоятельно, не спрашивая разрешения коллегии.21 февраля 1721 г. он разрабатывает Наказ заводскому комиссару Тимофею Бурцеву, в специальной главе 7-й регламентирует организацию словесных школ[3] и так обосновывает цели их открытия: «заводы ... довольством письмо умеющих в лучшее состояние и размножение привести»; «дабы здешней так простой и упрямой народ, хотя мало во обычаях читанием книг применить, и во услуги е. в. способнейших учинить», т. е. преследует две цели одновременно — наряду с практической и просветительскую: с помощью школ подготовить людей нового склада, новой ментальности. Особо подчеркивает еще одно важное предназначение школ — налаживание делопроизводства в органах управления заводами: «Понеже здесь есть немалая тягость в отправлении дел от недостатка помощников, письма умеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцов уже обрести неможно: кто у какой работы был, что зделал....».

Социальный состав учащихся Наказом определялся самый широкий и демократический: «обучать всех детей здешних жителей». Татищев побоялся взять словесные школы на полное казенное содержание и ввел своеобразный налог с населения заводов в пользу школ — по 3 коп. с венца (муж с женою), по 1 коп. с детей, отказывавшихся учиться грамоте или пропустивших день занятий. По сути, речь шла о введении школьной повинности для детей заводских жителей.

Поскольку найти грамотных людей, не занятых делом, в условиях отдаления от городов было невозможно, В.Н. Татищев решил привлечь к обучению церковнослужителей. Он счел возможным распоряжаться представителями духовного ведомства на подчиненной ему территории и обязал дьячка на Уктусе и дьякона церкви Алапаевского завода выполнять наряду с церковными дополни-

---

[2] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 126.

[3] *Татищев В.Н.* Записки. Письма 1717–1750. М., 1990. С. 62–63.

тельные светские обязанности, сформулированные им в четырех пунктах Наказа (2–4).

Специальный пункт, 4-й, посвящался изложению правил благопристойного поведения, которые учитель должен был прививать ученику: «Обучать честно говорить, кланяться со всяким почтением, быть смирным, меж собою не бранитца и не дратца, старших почитать, как словом, так и местом, дабы по науке своей всяк садился». Т. е. продвинувшиеся в изучении грамоты должны были сидеть на первых скамьях, отстающие — позади них. Действенным средством воспитания объявлялось и посещение учениками церковных служб: «Во дни воскресеныя и в празники быть им в церкви у пения и читания книг» (п. 5).

При этом Татищев предлагал своеобразные меры заинтересованности подростков в школьном обучении: «Которые обучатся писать совершенно, оных брать в канцелярию для помощи и заставливать их писать, платя за труд по рассмотрению. Ежели ж где место порожжее будет, оных письма умеющих производить впредь, хотя б безграмотной у дела и стари его был».

По сути, обучение в школе становилось своего рода социальным лифтом, способом выйти «в люди», добиться чего-то нового в жизни, в будущем сделать карьеру. Более того, Татищев предписал: «Обнадежить всех, что письмо умеющия, никогда в салдаты, матросы и другия невольныя службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся». Последнее было особенно привлекательным для детей крестьян.

Важным нововведением не только для Урала, но и России, стало открытие школ в слободах, приписанных к заводам, для обучения грамоте детей крестьян, приобретение азбук и часословов для них на собранные миром деньги, обязывание сельских попов, дьячков обучать их грамоте. Это был уникальный случай в истории нашей страны. В очередном наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву 2 января 1722 г. Татищев предписал: «За школами надзирать накрепко, чтоб прилежно обучались ... Тако ж и в слободах, конечно б, попы крестьянских детей по нескольку учить начали. Азбук и часовников велеть купить каждой церкве до десяти на их мирские деньги. Ежели ж попы в том преслушаться будут, и вам о том подать известие, за что от архиерея приимут они наказание»[4]. О претворении в жизнь предписаний Татищева свидетельствуют сохранившиеся описи дел Алапаевского завода. В них за ноябрь 1721 г. зареги-

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 673 об. –679 об.

стрирована «Отписка из Невьянской слободы от прикащика Чернышева...» и следом «Отписка от него же, Чернышева, об отдаче в школу учеников дьячку Григорю Слобцову»[5]. За 1722 г. фиксируется «книга приходная припасом», «при ней доношение Невьянской слободы о присылке книг учебных» (без даты), «Росписка дьячка Григорья Слобцова в приеме часовников» за 12 июня, «Росписка ево ж, Слобцова, в приеме пяти часовников», «Доношение Невьянской слободы от дьячка Слопцова о присылке книг для обучения школьников» (без указания дат)[6]. Ясно, что в Невьянской слободе школа действовала, а учебники в 1722 г. были получены от заводской администрации. В описи за 1722 г. значится «Письмо в приеме отписки и ведомости, что обучается в школе детей у посланного беломесного Алексея Козина» от 3 августа 1722 г.[7] Поскольку в школе при Алапаевском заводе в это время преподавал местный дьякон Яков Иванов, что подтверждается многими документами первой половины 20-х гг., а в Невьянской слободе летом — осенью 1722 г. продолжал работать дьячок Слобцов, перед нами учитель еще одной слободской школы.

В описи документов за октябрь 1722 г. зарегистрирована «Записка об отдаче учебных книг, холста дьячком для обучения школьников»[8], из чего можно заключить, что дьячков, одновременно работавших учителями в слободских школах, стало по меньшей мере два. В таком случае можно предположить существование в 1722 г. трех школ в каждой из трех приписных к Алапаевскому заводу слобод (Невьянской, Арамашевской, Мурзинской). К сожалению, подобные документы Уктусского завода, касающиеся четырех приписных слобод, не дошли до нас даже в виде описей.

Особенностью социального состава учащихся заводских школ стало зачисление в них детей духовенства, вопреки тому, что Духовным регламентом 1721 г. и целой серией последующих законов они подлежали обучению в архиерейских школах, под контролем Синода. Правда, надежды заводских властей найти в этом сословии детей, владеющих грамотой, для заполнения арифметических школ, не оправдались: в 1721 г. 47% присланных в Кунгурскую школу из сел и острожков уезда пришлось вернуть по домам как не обученных грамоте. При этом Татищев приложил все усилия, чтобы привлечь детей духовенства в словесные школы из приписных к заво-

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 61 об.

[6] Там же. Л. 71 об.; 73 об., 74.

[7] Там же. Л. 89 об.

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 115.

дам слобод, где располагалось большинство церквей. Он опередил действия властей духовных, более того, вступил в борьбу за детей духовенства с епископом Вятской и Великопермской епархии и главой Тобольской, Сибирской[9].

Территориальная мобильность молодого поколения уральцев в связи с открытием школ приобрела широкие масштабы. Власти, заинтересованные в подготовке будущих кадров для заводов, забирали детей, обученных грамоте, со всей обширной территории, подконтрольной им, со всех трех казенных заводов и приписных к ним слобод (Каменский завод перешел к горной власти в феврале 1723 г., а уже в марте детей с этого завода и из приписных к нему слобод и острогов взяли в словесную и арифметическую школы Уктусского завода). В прошениях детей, взятых учиться на Уктус, о назначении им жалованья и выписок по ним, мы видим, что Алапаевский завод отстоял от Уктусского на 183 версты, Каменский — на 142, до Невьянской слободы расстояние составляло 208, до Новопышминской — 90, до Багарякской — 133 версты[10] (верста — 1,066 км). В лучшем положении были дети, взятые учиться с нового Екатеринбургского завода, построенного в 1723 г., в 7 верстах от Уктусского.

Если в словесных школах уральские власти обязали обучать дьяконов и дьячков за плату, то в арифметических поручили это выпускникам Московской артиллерийской школы, назначенным заводскими шихтмейстерами, по совместительству, без какой-либо дополнительной оплаты. В октябре 1722 г., по прибытии второй партии выпускников из Московской артиллерийской школы, солдатского сына Петра Рыбникова назначили первым освобожденным учителем арифметики на Уктусе.

Уктусская арифметическая школа стала главным центром подготовки будущих кадров для уральской промышленности. Уже в феврале 1723 г. в ней ввели профессиональное обучение учащихся, приступивших к геометрии. По два человека распределили к мастерам-иностранцам — обучаться передовым методам плавильного дела, гармахерского (очистке меди), доменного, пробе руд, лекарскому искусству в послеобеденное время. Трое учащихся были направлены в Канцелярию Сибирского горного начальства для пись-

---

[9] См.: *Сафронова А.М.* В.Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. С. 59–75.

[10] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643 — 643 об.

ма. В том же 1723 г. были распределены и первые ученики Кунгурской школы: обучаться очистке меди и плавке металлов у немцев-контрактников.

Ученики обеих арифметических школ широко использовались временно для письма в Канцелярии и конторах, при неграмотных целовальниках вели записи приема-выдачи заводских припасов, хлеба; вели учет тысяч пудов угля, принимаемых от крестьян в счет отработки подушной подати; учитывали выполненные ими работы на строительстве новых заводов, данные о добытой руды на рудниках и т. д. Именно ученики арифметических школ использовались временно и для помощи в письме в конторах, поскольку умели обращаться с цифрами, числами, в отличие от учащихся словесной. Учащиеся арифметических школ сыграли роль спасательного круга, обеспечив функционирование тех или иных учреждений и проведение горных и заводских работ.

В октябре 1723 г., за три недели до пуска Екатеринбургского завода в строй, Татищев завершил разработку Наказа заводскому комиссару Федору Неклюдову, утвержденного 15 октября новым главой заводов В.И. Генниным. В нем имелась особая глава 11 «О школах и учении детей», включавшая 22 развернутых пункта[11]. Наказом предполагалось действие словесных школ уже при четырех заводах — Уктусском, Алапаевском, Каменском, новом Екатеринбургском. Арифметическая школа переводилась в Екатеринбург с Уктуса, поскольку для параллельного действия двух близлежащих школ не хватало учащихся. По мере овладения грамотой учеников при других заводах и там должны были открываться свои арифметические школы, но центральный характер Екатеринбургской сохранялся: только в ней предусматривалось преподавание геометрии, тригонометрии, черчения, рисования.

В Наказе Татищев разработал программу обучения ремеслам учащихся Екатеринбургской арифметической школы. Эти положения явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. Татищев сформулировал четыре важнейших принципа этого обучения, используемых и поныне — введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки (после освоения наиболее способными учащимися геометрии, параллельно с изучением черчения и рисования), установление тесной связи между школьными и практическими занятиями, учет

[11] См. об этом: *Татищев В.Н.* Записки. Письма. С. 87–89.

склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам. Чтобы заинтересовать учеников в освоении профессии ввел плату — 7 руб. 20 коп. в год, что составляло примерно половину оклада токаря, слесаря, кузнеца, занятых полный рабочий день.

В обоих наказах заводским комиссарам 1721 и 1723 гг., в первой своей инструкции, сочиненной в сентябре 1721 г. для учителя Кунгурской школы, Татищев большое внимание уделил вопросам нравственности, воспитания в детях доброты, уважения, почитания старших. Вот как формулировал он правила поведения, которые следует прививать ученикам: «дабы они были в школе смирны и междо собою друг к другу почитательны с любовию, ... смотреть... дабы игры и гуляния их были в честном обхождении, любви и[з] предложения их науки... Наипаче того надзирать, дабы лжи и кражи надвсе удержаны были, которое паче всех жизни человеческой вредительны, и оных довольно наказывать и с родителем их накрепко заказывать, дабы над детьми своими под наказанием надсматривали и удерживали»[12]. Ни в одном законодательном акте и инструкциях для учителей Петровского времени мы не найдем ничего подобного.

Подводя итог, отметим, в кратчайшие сроки, всего за 4 года, первые школы Урала выполнили свою главную задачу — обеспечили горное ведомство молодыми людьми, овладевшими грамотой (более 160 человек), основами математики (около сотни), что позволило через заводское ученичество подготовить собственные квалифицированные кадры, укомплектовать должности копиистов заводских контор для трех первых заводов, основанных в начале XVIII в., и семи новых, построенных в 1722–1725 гг. т. е. для 10 казенных предприятий. И для горнозаводских школ В.Н. Татищев разработал передовые для того времени основы их организации и деятельности.

Цифирные школы по сравнению с горнозаводскими не были столь успешны. По данным Адмиралтейской коллегии, принявшей управление ими от Сената, в России было открыто 42 цифирные школы: в 1716 г. — 12, 1719 г. — 1, 1720 г. — 3, 1721 г. — 10, 1722 г. — 15, 1723 г. — 1[13].Согласно данным этой коллегии, сведенным в таблицу и представленным Верховному тайному совету в 1726 г.,

---

[12] *Сафронова А.М.* Инструкция В.Н. Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск. 1975. С. 95–98.

[13] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 29.

из 1916 детей, присланных в цифирные школы (в таблице неверно подсчитано — 2051 чел.) их окончило всего 304 юноши[14] или 15,8%. Из 1916 детей оказалось 23 больных и негодных к обучению; «писать и грамоте не умевших» — 131; было отпущено «за непонятием наук» 79; посадских и церковничьих, в связи с изданием законов о них, — 572; бежали, не явились из отпуска — 322. Кроме того, в архиерейские школы было взято 14 учеников, в канцелярии и солдаты — 75, в посад — 3, умерло 22[15]. Если воеводы при желании могли использовать выпускников школ в интересах провинции, то горнозаводские власти боролись за каждого человека, принятого к обучению, организовывали постоянные пополнения школ, и активно использовали их в интересах заводского ведомства.

Отметим и такую особенность горнозаводских школ — в них забирались все дети школьного возраста, проживавшие в заводских поселках, кроме больных. Хотя число учащихся в уральских школах уступало числу учеников в других видах начальных школ, удельный вес детей, охваченных обучением, на горнозаводском Урале был выше по отношению к общей массе заводского населения, чем в других ведомствах, например, Адмиралтейском. Указом Петра I 1717 г. повелевалось: «Боцманскому, артиллерийскому, навигации и солдатскому, плотничьих матросских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири»[16]. Подтверждалось Адмиралтейским регламентом 1722 г.: «Плотничьих и прочих мастеровых людей детей надлежит обучать граммате, цифири, и плат-геометрии, дабы потом могли добрыми мастеровыми быть»[17]. Эти школы по социальному составу были близки горнозаводским. Но в самой крупной школе в Санкт-Петербурге числилось 197 чел., а проживало при верфи около 9 тыс. работников[18]. В гарнизонных школах училось также гораздо меньше детей нижних военных чинов, чем оставалось за порогом школы.

Отметим, что подавляющее большинство детей духовенства Урала, проживавших на огромной территории, подконтрольной горному ведомству, в первой четверти XVIII в. получило образование в

---

[14] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. СПб., 1887. С. 316–321.

[15] Там же.

[16] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3122.

17 ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3937.

[18] *Буров А.А.* Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957. С. 11–12.

горнозаводских школах, а не в архиерейских, действовавших в Вятке с 1723 г. и Тобольске с 1703 г., где полагалось обучаться детям духовного сословия, проживавших на территориях западного и восточного Урала. При этом проучившиеся в заводских школах выпускники покинули свое сословие, приобрели статус приказных служащих горнозаводского ведомства, учителей, либо заводских специалистов. Некоторые из них стали горными офицерами, заняли видные должности в административном аппарате, а начинавшие писчиками — дослужились до канцеляристов и секретарей.

Светлана Ивановна Цеменкова
(Екатеринбург)

Доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

«Плоды своих наук России отдавать»: воспитанники отечественных военно-учебных заведений в системе уральского горнозаводского управления (1720-е – 1740-е гг.)

Svetlana I. Tsemenkova

«Applying Their Knowledge for the Benefit of Russia»: Cadets of Russian Military Schools in the Ural Mining Administration System (1720s–1740s).

Аннотация: На основе архивных данных исследуется вклад выпускников петровских военно-учебных заведений в развитие уральского горнозаводского комплекса в 1720–1740-х гг. Установлено, что они занимали ключевые административные посты, руководили строительством заводов, проводили картографические работы и возглавляли экспедиции, приведшие к открытию новых месторождений. Делается вывод, что привлечение таких специалистов стало фактором успешного развития Уральского региона в первой половине XVIII в.

Abstract: Based on archival data, the contribution of graduates of Petrovsky military educational institutions to the development of the Ural mining complex in the 1720s and 1740s is studied. It was established that they held key administrative positions, supervised the construction of factories, carried out cartographic work and led expeditions that led to the discovery of new deposits. It is concluded that the involvement of such specialists became a factor in the successful development of the Ural region in the first half of the 18th century.

Ключевые слова: XVIII век, военно-учебные заведения, Урал, горнозаводское управление, административная элита.
Keywords: XVIII century, military educational institutions, the Urals, mining management, administrative elite.

Важнейшей группой руководителей горнозаводской администрации Урала в 1720-х — 1740- х гг. выступали воспитанники столичных школ и академий, учрежденных по воле Петра I. Формирование уральской горной промышленности в этот период требовало притока квалифицированных кадров. Важнейшим ресурсом в деле решения этих задач стали воспитанники столичных военно-учебных заведений — Артиллерийской, Инженерной школ, Школы математических и навигацких наук и Морской академии. Получив качественную подготовку в области математики, геометрии, фортификации, геодезии и картографии, они направлялись на Урал, где применяли свои знания на практике.

История появления первых «школьников» в горнозаводской службе связана с приездом сюда в 1720 г. В.Н. Татищева, который привез с собой «в команде» пятерых воспитанников Артиллерийской школы, а спустя два года — еще девятерых. Последующее появление в штате уральской горнозаводской администрации новых воспитанников военно-учебных заведений связано с развитиev и расширением уральского промышленного кластера — освоение территорий, поиск полезных ископаемых, строительство заводов и пр. Обычно инициатива исходила от Главного горного командира, далее, через Берг-коллегию по ведомству, например, Адмиралтейства в школах подыскивались подходящие кандидатуры. Требования к ученикам хорошо сформулированs самим В.И. Генниным в 1728 г.: необходимо выбирать молодых людей из «небогатого шляхетства», которые знают геометрию и тригонометрию... «... и к делам годным, которые могли бы горные и заводские отправлять»[1].

Кроме того, часть приехавших на Урал уже опытных руководителей также имела за плечами военное образование. Среди них,

[1] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 182. Л. 322.

например, И.Н. Юдин и Ф.М. Старого-Милюков[2], получившие подготовку в Инженерной школе, А.Ф. Томилов — воспитанник Навигацкой школы[3].

Данные архивных документов и научных публикаций свидетельствует, что в системе уральского горнозаводского хозяйства в период с 1720 по 1734 г. оказалось не менее семидесяти трех человек, получивших образование в военно-учебных заведениях, учрежденных Петром I.

Таблица 1. Воспитанники Артиллерийской школы[4]

№	Фамилия, имя, отчество	Год прибытия на Урал
1.	Братцев Степан	1720
2.	Калачев Алексей Петрович	1720
3.	Карташов Афанасий	1720
4.	Одинцов Дмитрий	1720
5.	Сабанеев Сергей	1720
6.	Гордеев Константин Артемьевич	1722
7.	Клеопин Никифор Герасимович	1722
8.	Куроедов Тимофей	1722
9.	Метенев Афанасий Прохорович	1722
10.	Москвин Степан	1722
11.	Остафьев Андрей	1722
12.	Порошин Андрей Иванович	1722
13.	Родионов Петр	1722
14.	Рыбников Петр Константинович	1722
15.	Чернильщиков Сергей	1722
16.	Вострая Сабля Лука Петрович	1724
17.	Гордеев Алексей	1725
18.	Грачев Андрей	1725
19.	Дмитриев Петр	1725
20.	Иванов Антипа	1725
21.	Каргин Никита	1725
22.	Кутепов Иван	1725
23.	Северцов Филипп	1725
24.	Худорожков Степан	1725
25.	Рюмин Ермолай	1728

[2] *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 175; РГАДА. Ф. 248. Оп. 102. Д. 8122. Л. 393.

[3] *Клейтман А.Л.* Школа математических и навигацких наук в Москве (1701–1705 гг.). М., 2024. С. 199.

[4] Сост. по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1045. Л. 93; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 31. Л. 13–15; Д. 182. Л. 322; 1071. Л. 108, 109об., *Сафронова А.М.* Горнозаводские школы Урала как феномен начальной школы России Петровского времени. Екатеринбург, 2025. С. 114.

Таблица 2. Воспитанники военно-морских учебных заведений (Школы математических и навигацких наук, Морской академии)[5]

№	Фамилия, имя, отчество	Годы прибытия на Урал
1.	Арцыбашев Егор Михайлович	1725
2.	Бекетов Яков Алексеевич	1725
3.	Горчаков Василий Сергеевич	1725
4.	Зеленой Петр Прокопьевич	1725
5.	Кутузов Михаил Силыч	1725
6.	Лавров Алексей Васильевич	1725
7.	Уваров Александр Михайлович	1725
8.	Томилов Антон Федорович	1727
9.	Соловьев Александр Власович	1728
10.	Ильин Иван	1728
11.	Крымов Александр Пантелеймонович	1728
12.	Лопатин (Лопаткин) Иван Петрович	1728
13.	Хрущев Алексей Михайлович	1728
14.	Бурмакин Матвей Никеевич	1728
15.	Бахорев Никита Петрович	1729
16.	Бекетов Леонтий Иванович	1729
17.	Еремеев Сергей	1729
18.	Овцын Тихон	1729
19.	Завьялов Алексей	1729
20.	Яковлев Петр Яковлевич	1729
21.	Сатыков Михайло	1729
22.	Владычин Степан Гаврилович	1729
23.	Овцын Яков Федорович	1729
24.	Коркодинов Никита Иванович	1729
25.	Татищев Андрей Артамонович	1730
26.	Андреянов Алексей Иванович	1732
27.	Голенищев-Кутузов Илья Ильич	1732
28.	Макашов Филипп Лаврентьевич	1732
29.	Малотеин Леонтий Иванович	1732
30.	Хвалимов Михаил Федорович	1732
31.	Шулденков Петр Ларионович	1732
32.	Алексеев Панфил Кириллович взят из шк	1734
33.	Куроедов Иван Гаврилович	1734
34.	Бункеев Петр Васильевич	1734
35.	Взимков Харитон Данилович	1734
36.	Старой Василий Маркович	1734
37.	Миляев Петр Константинович	1734
38.	Козлов Михаил Иванович	1734
39.	Кривцов Никита Феофанович	1734

[5] Сост. по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 683. Л. 106; Д. 1010. Л. 383–383 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 73. Л. 434–436; Д. 562. Л. 160–160 об.; Д. 256. Л. 144–145; Д. 490. Л. 343; Д. 562. Л. 160; Д. 1071. Л. 13, 111 об., 125 об., 182, 183, 230 об., 249; Д. 1422.

Таблица 3. Воспитанники Инженерной школы[6]

№	Фамилия, имя, отчество	Год прибытия на Урал
1.	Юдин Игнатий Никитич	1721
2.	Титов Виссарион Григорьевич	1728
3.	Баннер Иоганн, фон	1734
4.	Пален Фабиан, фон	1734
5.	Траунберг Иоганн, фон	1734
6.	Траунберг Михель, фон	1734
7.	Карцев Федор Лукич	1734
8.	Раздеришин Василий Осипович	1734
9.	Старого-Милюков Федор Михайлович	1749

Отдельно стоит сказать о социальном составе выпускников военных школ, поскольку для 58 человек его удалось установить. Наибольшее число составляли дворяне — 34. За ними следовали 10 солдатских, 4 «из разночинцев», 3 пушкарских «детей». Насчитано по одному человеку из сыновей мастерских, поповских, майорских, детей дворянских, «штапских» и однодворцев. За некоторым исключением, они «показывали» владение «за собой» малым числом душ, либо полное отсутствие таковых[7].

Приехавших на Урал «школьников» экзаменовали еще раз и распределяли по различным видам работ, исходя из уровня подготовки и способностей каждого. Это было погружение в практику, и часто первым назначением была хлопотная должность управителя — заводских, лесных, угольных и иных дел. Самые «искусные в науках» могли назначаться на некоторое время учителями в школы[8].

Вчерашние «школьники» изучали не только заводское, но и пробирное, плавильное, маркшейдерское дело. Без этого в горнозаводской отрасли невозможно было претендовать на руководящие должности. Так, медеплавильные и маркшейдерские науки они

Л. 113–118; *Феофанов А.М.* Флотские линейные офицеры – воспитанники российских военно-морских учебных заведений второй трети XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 86. С. 81–96.

[6] Сост. по.: Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 42, 44, 46; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 562. Л. 160; Д. 671. Л. 55–57 об; Д. 1071. Л. 4–250; Д. 1283. Л. 409 об.; Д.1797. Л. 256–269.

[7] См. об этом: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 385–388; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 605. Л. 68–121.

[8] Так были назначены школьными учителями П. Рыбников, М. Кутузов и пр. См. об этом: *Сафронова А.М.* Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 13, 49.

постигали под руководством В.Ф. Штифта[9], который в 1720-е гг. подготовил целую плеяду специалистов и горных руководителей. Среди них И.Н. Юдин, А.И. Порошин, Д.Н. Одинцов, М.С. Кутузов, П.П. Зеленой и многие другие[10]. Именно им поручали руководство изыскательными экспедициями, эксплуатацию рудников, составление географической и горно-графической документации.

Эта политика дала свои плоды, и совершенно объективно можно утверждать, что уже к концу 1720-х гг. основу профессионального состава горнозаводских руководителей составляли воспитанники военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга.

Служба на Урале не была привлекательной: медленное, в отличие от военной, продвижение по карьере, удаленность от дома и родных[11]. Многие пытались избежать занятости в горнозаводской отрасли, искали возможность вернуться в военную службу. Удавалось это единицам. Те же, кто остался в рядах горных офицеров, принесли немалые «пользы» горно-металлургическому комплексу Урала.

Поле их служебной деятельности было разнообразным. Вчерашние кадеты и гардемарины были заняты на строительстве предприятий, руководили заводами, осуществляли поиск полезных ископаемых, отправляясь иногда на несколько лет в экспедиции в качестве командиров поисковых партий. Они же стали учителями, наставниками подрастающему уже на Урале поколению горных специалистов и администраторов. Горные офицеры, вышедшие из стен петровских военно-учебных заведений, стали частью той группы людей, каждодневным трудом которой «выстроился» горнозаводской Урал.

Административная деятельность

Довольно быстро существенную часть ключевых должностей в уральской горнозаводской администрации исследуемого периода заняли воспитанники военно-учебных заведений. Так, выпускник Навигацкой школы Антон Федорович Томилов (будущий президент Берг-коллегии) в 1729–1731 гг. возглавлял Сибирский обер-

[9] Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011. С. 90.

[10] См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 218. Л. 83.

[11] Например, в ситуации смерти отца или обоих родителей небольшие дворянские имения из-за удаленной службы наследника быстро приходили в упадок. Холостым дворянам, присланным на Урал, для поиска невесты и женитьбы приходилось уезжать на родину. Получить такой длительный отпуск в условиях интенсивного освоения региона было крайне сложно.

бергамт, исполнял обязанности Главного командира уральских горных заводов[12]. Эту же должность в разное время занимали: воспитанник Артиллерийской школы Н.Г. Клеопин (1745–1754, 1756–1758 гг.)[13], выпускник Морской академии Е.М. Арцыбашев (1758–1759 гг.), Инженерной школы — И.Н. Юдин (1759–1763 гг.)[14]. Трудились в разное время на должностях второго и третьего члена присутствия Канцелярии Главного заводов правления[15] К.А. Гордеев, А.И. Порошин, Е.М. Арцыбашев, П.П. Зеленой, Н.П. Бахорев и пр.[16]

Становились они в разное время главами региональных горных начальств[17]. Например, К.А. Гордеев дважды возглавлял Пермское горное начальство — в 1727, и в 1738 — 1739 г. гг.; Л.И. Бекетов с 1739 по 1745 гг. был главою Казанского горного начальства; Е.М. Арцыбашев в 1742–1744 гг. был командиром Красноярского, И.Н. Юдин с 1749 по 1752 г. — Нерчинского[18].

Строительство и освоение региона

Одной из важнейших задач, возложенных на «горных командиров и управителей», стало участие в строительстве горнозаводских предприятий. Эта деятельность носила многоплановый характер: от

---

[12] *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 182–183.

[13] *Корепанов Н.С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000. С. 111, 155, 172.

[14] *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 53, 175.

[15] Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских (с 1755 г. и Оренбургских) заводов (с 1723 по 1734 г. — Сибирский обер-бергамт) — региональный орган управления горнозаводскими предприятиями урало-сибирских территорий. Размещался в Екатеринбурге, действовал до 1781 г.

[16] *Цеменкова С.И., Черноухов А.В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 55–56, 65, 131.

[17] Горные начальства (в период с 1723 по 1734 г. – бергамты) — местные органы горнозаводского управления ведомства Берг-коллегии. В разной степени они были подотчетны горнозаводской администрации в Екатеринбурге – Канцелярии Главного заводов правления. В рассматриваемый период на территории Сибирской губернии было учреждено несколько горных начальств. См.: *Новиков И.А.* Региональная структура государственного управления горнозаводской промышленностью восточных регионов Российской империи в XVIII веке // Вестник ТПГУ. 2011, № 11 (113). С. 16.

[18] *Цеменкова С.И., Черноухов А.В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 37, 65, 129, 141.

подготовительных работ (поиск места под будущий завод) до непосредственного руководства стройками.

Приведем лишь несколько примеров. Ученики В.И. Геннина — Н.Г. Клеопин и К.А. Гордеев — руководили в 1723 г. строительством Екатеринбурга. И.Н. Юдин участвовал в возведении нового Пыскорского (1722–1723) и Сысертского (1732–1735) заводов. Е.М. Арцыбашев обследовал гору Благодать (1735 г.), а также предложил места для строительства будущих Гороблагодатских заводов. Позднее, в 1737–1740 гг. он был одним из руководил строительством Луказского и Ирбинского заводов в Енисейской провинции. А.А. Татищев в 1735–1737 г. строил Сылвенский завод[19].

Помимо заводского строительства, горные офицеры активно участвовали в создании инфраструктуры региона, без которой невозможно было функционирование промышленного комплекса.

Важной составляющей была оборонительная инфраструктура[20]. Так И.Н. Юдин и А.А. Татищев в 1730-х гг. проектировали и строили крепости вокруг казенных и частных заводов. И.П. Баннер в 1736–1737 гг. «посылан был для строения крепостей» по заводской границе — Верх-Яицкой, Чебаркульской и других.

Строили новые, спрямляли, обустраивали и измеряли старые дороги М.С. Кутузов, Е.М. Арцыбашев, А.А. Татищев, Н.П. Бахорев. Последний в 1731 г. наметил новую дорогу из Екатеринбурга до Чусовской пристани[21], а в 1735 г. — измерял протяженность дороги из Екатеринбурга в Тобольск, составив полевой журнал и описание пути.

Инженерная подготовка И.П. Баннера была использована при планировании перестройки Екатеринбурга в 1735–1737 гг.: он известен как архитектор каменного здания Канцелярии Главного завода правления и автор чертежей казенных и частных заводов[22].

Немаловажным было участие воспитанников «петровских академий» в процессах создания заводских и горных механизмов.

---

[19] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 219. Л. 36–36 об.

[20] Практически все казённые заводы и поселки были окружены крепостными стенами, что было обусловлено недовольством населяющих эти территории башкир действиями представителей коронной администрации и частных заводчиков.

[21] Отсюда каждую весну уходили в Санкт-Петербург и Москву караваны коломенок с продукцией уральских заводов.

[22] *Цеменкова С.И., Черноухов А.В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022. С. 132.

Н.П. Бахорев, главный механик уральских заводов, хорошо известен как проектировщик машин и оборудования для различных производств. Он же стал стал основоположником школы механики на Урале и в Сибири.

Картографическая деятельность

Помимо решения прямых производственных задач, часть специалистов выполняли поручения уральской горной администрации в деле составления ведомственной картографической документации. Это были ландкарты, планы, рисунки казенных и частных заводов, схемы рудников и рудничного хозяйства, чертежи механизмов, машин, оборудования[23]. Хорошо известны имена горных офицеров-геодезистов и картографов М.С. Кутузова, А.А. Татищева, И.П. Баннера, П.Я. Яковлева, И.Г. Куроедова, В. Шишкова и многих других. Так, выпускник Морской академии М.С. Кутузов в 1726 г. по поручению В.И. Геннина совершил поездку по Каменскому, Алапаевскому, Синячихинскому, Лялинскому, Пыскорскому и Егошихинскому заводам, составив их подробные планы. Им же был создан знаменитый план Екатеринбурга 1726 г., а в 1729 г. — первый рисунок общего вида города[24]. Именно эти документы стали иллюстративной основой для книги В.И. Геннина, известной как «Описание Уральских и Сибирских заводов»[25]. В 1735–1736 гг. Кутузов руководил картографическими работами для «Исторической книги» В.Н. Татищева — единого атласа горнозаводского хозяйства Урала и Сибири[26]. Он также автор ландкарт территорий Урала, Алтая, Башкирии[27].

Выпускник этой же академии А.А. Татищев в 1732 г. в составе команды К.А. Гордеева был командирован в Сибирь. Результатом стала ландкарта территорий от Екатеринбурга до Оби и детальный план Колывано-Воскресенского завода А. Демидова[28].

---

[23] См., например: РГАДА. Ф. 271: Берг-коллегия. Оп. 3: Планы, чертежи горных заводов, рудников, машин; ГАСО. Ф. 59: Чертежная Уральского горного управления и пр.

[24] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 7; РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5517.

[25] Часть иллюстраций, вошедших в книгу, были перерисованы с карт, планов и «прошпектов», составленных М.С. Кутузовым. Сюда же были включены его ландкарты территорий района оз. Байкал.

[26] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 583. Л. 6.

[27] См., например, чертеж Иркутской провинции, 1731–1733 гг. ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1771.

[28] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 385. Л. 11–55.

Выпускник геодезического класса Морской академии И.Г. Куроедов в 1737 г. участвовал в составлении ландкарт Верхотурского, Пелымского и Туринского уездов. В 1740-х гг., состоя в Оренбургской экспедиции, занимался географическим описанием Исетской провинции, а в 1752 году был повышен в чине за труды по «сочинению ландкарт» Сибирской губернии[29].

Поисковые и разведывательные экспедиции

Важнейшим направлением был поиск новых рудных месторождений. Почти каждый горный офицер так или иначе был занят в этих процессах. Использовался их опыт в данной сфере и за пределами Урала. Так, выпускник Артиллерийской школы А.И. Порошин в 1732 г. принимал участие в экспедиции в Архангельск для обследования территорий по Северной Двине и у Белого моря. Несмотря на трудности и неудачное время года, экспедиция собрала ценные «известия» о рудных местах[30].

Особенное значение имели поиски серебра и золота. В 1731 г. М.С. Кутузов был назначен руководителем экспедиции в Илимский уезд Иркутской провинции для поиска серебряных и свинцовых руд. За три года его команда обследовала обширные территории вдоль реки Лены, провела пробные плавки и составила уникальный комплект карт и отчетов[31].

«Школьники» играли ключевую роль в обеспечении крупных государственных проектов. Так, А.В. Соловьев в 1732 г. был направлен на реку Ангару в команду Т.М. Бурцова для поиска места под строительство завода, предназначенного для снабжения железом Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга. Он участвовал в строительстве и стал первым управителем Тамгинского завода в Якутии[32].

Заслуживает внимания деятельность А.П. Метенева. Являясь с 1738 г. (после смерти А.В. Соловьева) управителем вышеупомянутого Тамгинского завода, он организовал поиск полезных ископаемых. По его инициативе в 1743 г. был открыт Верх-Ленский серебряно-свинцовый рудник, а в 1748 году — Тыринский (Мете-

---

[29] ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1777. Л. 366; Д. 1778. Л. 41, 395–395 об.

[30] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 332. Л. 83–83 об.

[31] *Цеменкова С.И.* Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Силыч Кутузов // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 359–372.

[32] Тамгинский завод и камчатская экспедиция. Сб. документов. Екатеринбург, 1999. С. 24, 27, 30, 40, 46–47.

невский) рудник. Им же был составлен и отправлен в Берг-коллегию проект развития сереброплавильного производства в Якутском уезде[33].

Е.М. Арцыбашев. командированный в 1735 г на Алтай, руководил там несколько лет поисками полезных ископаемых в Енисейской провинции[34].

Знаковым событием стало открытие на Урале золота. Когда в 1745 г. Е. Марков указал на места с признаками золота, именно Е. Рюмин, воспитанник Артиллерийской школы и один из лучших пробирных мастеров Урала доказал в 1747 г. наличие коренного золота в доставленных ему образцах[35], что послужило основанием для начала промышленной добычи драгоценного металла на Урале.

Таким образом, деятельность воспитанников военно-учебных заведений в горнозаводской службе Урала в XVIII в. оказала значительное влияние на модернизацию промышленности, освоение ресурсов и распространение научно-технических знаний. Они оставили прочный след в истории уральского горнозаводского управления, продемонстрировав продуктивное сочетание военной подготовки и гражданского служения.

---

[33] Тамгинский завод и якутское серебро. Сб. документов. Екатеринбург, 2002. С. 9–10, 14, 16–17, 24–26, 39–40, 109; *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 80.

[34] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 588. Л. 863–865.

[35] *Данилевский В.В.* Русское золото. М., 1959. С. 47–48.

Надежда Николаевна Аурова
(Москва)
Старший научный сотрудник
Центра по изучению отечественной культуры ФГБУН
Институт российской истории РАН

Воплощение Петровских идей в военно-учебных заведениях в XVIII – начале XIX века: Сухопутный Шляхетный корпус – «рассадник новой породы людей»

Nadezhda N. Aurova

A realization the ideas of Peter I in the military educational institutions in the XVIIIth – early XIX centuries.: The Land Cadet Corps – «the breeding-ground of the new type of people»

Аннотация: В статье рассказывается о реализации петровских идей в области образования, создание учебных заведений, готовивших хорошо образованного людей. Такими учебными заведениями в XVIII веке становятся кадетские корпуса, занимавшие важное место в истории отечественной культуры.
Abstract: In this article is described of the realization ideas of Peter I in education, creation institutions, prepared a welleducated person. These institutions in the XVIIIth were becoming the cadet corps, which took the important place in the Russian culture.

Ключевые слова: образование, идеи Петра I, кадетские корпуса, русская культура.
Keyswords: education, ideas of Peter I, Cadet Corps, Russian culture.

Сухопутный Шляхетный корпус в Петербурге по праву можно назвать одним из важнейших центров отечественной культуры во второй половине XVIII — начале XIX в. Учрежденный в 1731 г., (указ о корпусе от 29 июля 1731 г.; открыт 17 февраля 1732 г.) корпус был размещен в одном из красивейших зданий Петербурга — Меншиковском дворце и стал одной из достопримечательностей столицы. Об устройстве этого учебного заведения оставили свои впечатления иностранцы, посещавшие Петербург в XVIII в. Выпускниками корпуса были известные литераторы А.П. Сумароков, М.М. Херасков, В.А. Озеров. Поскольку наряду с сугубо военными дисциплинами и естественными науками в значительном объеме преподавались гуманитарные предметы, среди кадет встречалось увлечение словесностью. Так, на любительской сцене корпуса в 1749 г. была поставлена трагедия А.П. Сумарокова «Хорев», получившая одобрение императрицы Елизаветы Петровны. Театральная труппа корпуса оставила яркий след в истории русского сценического искусства. На обучение в корпус Елизавета Петровна определила актеров ярославской театральной труппы, в числе которых был основатель русского профессионального театра Ф.Г. Волков. В 1757 г. при корпусе была открыта типография, сыгравшая важную роль в развитии издательского дела в России.

В организации учебного процесса практически во всех учебных заведениях Петербурга с момента основания принимала участие Академия наук. Не осталась она в стороне от организационных процессов в военно-учебных заведениях. К вопросу о необходимости создания военных школ как подготовительной ступени перед поступлением в кадетские корпуса обращается академик Г.Ф. Миллер в «Проекте об учреждении школ в России».

Академики Г.В. Крафт, Х. Гольдбах, Л. Эйлер составляли программы экзаменов для Сухопутного шляхетного корпуса и принимали их. Многие члены Академии занимались непосредственно педагогической деятельностью. Академики и сотрудники Академии обеспечивали высокий уровень преподавания физико-математических и естественных наук, читая лекции и проводя занятия в Сухопутном шляхетном и Морском корпусах, Артиллерийском и инженерном и Горном корпусах, в Училище корабельной архитектуры при Морском корпусе и Греческой гимназии единоверцев при Артиллерийском и инженерном корпусе. Так, в Сухопутном и Морском корпусах долгие годы трудились академики Ф.У.Т. Эпинус. Г.Ф. Миллер, С.Е. Гурьев, С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский, которые помимо преподавательской деятельности являлись и авто-

рами школьных учебников. Привлечение к педагогической деятельности академиков и сотрудников академии позволяет говорить о достаточно высоком уровне подготовки выпускников военно-учебных заведений.

Еще в момент формирования Сухопутного шляхетного корпуса, в Указе о его создании от 29 июля 1731 г. предполагалось взять преподавателей из Академии наук: «есть ли в той Академии к тому способные, прислать к тому ведомость»[1]. В 1734 г. брат Х.-Б. Миниха Х.-В. Миних вел успешные переговоры о возможности преподавания в корпусе Л. Эйлера и Г. Юнкера: «...якоже профессор Юнкер гистории и оратории, и профессор Эйлер географии математической и физических экспериментов в кадецкой академии обучать себя уже изъяснили»[2]. Х.-В. Миних также ввел должность обер-профессора, контролирующего весь процесс обучения наукам и собирающего ежемесячные отчеты учителей и табели успеваемости учеников. Но в первые годы существования корпуса сложная структуры обучения, проблемы с преподавательским составом и повышенная занятость оттолкнула от преподавания в корпусе академических профессоров. Такая обстановка сохранялась несколько лет. В 1737–38 гг. в корпусе преподавали адъюнкты Академии наук: математику преподавал Карл Фридрих Веднер, должность «профессора гуманорум» занимал адъюнкт Генрих Яков Беэр. Вместе с тем академик Леонард Эйлер в 1738 г. читал публичные лекции по логике и высшей математике, на которые приглашались кроме студентов университета слушатели Морской академии и Сухопутного шляхетного корпуса.

К вопросу военного образования обращается академик Г.Ф. Миллер в «Проекте об учреждении школ в России», который представляет собой продуманный вариант школьной реформы[3]. Академик предлагает учредить школы четырех типов: для подготовки ученых, военных, государственных и купеческих служащих. Так, он говорит о необходимости создания военных школ как подготовительной ступени перед поступлением в кадетские корпуса. Воинские школы Миллер предлагал открыть там, где много дворян и первую такую школу открыть в Ярославле. Основное предназначение военных школ Миллер видит в подготовке юношества для поступления в ка-

[1] *Петрухинцев Н.Н.* Становление кадетского корпуса при Анне Иоанновне // Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова СПб., 2007. С. 134.

[2] *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С. 134.

[3] *Смагина Г.И.* «Служение на пользу Отечества». Петербургская Академия наук в XVIII веке. СПб., 2021. С. 200–204.

детские корпуса в Петербурге. Исходя из этого, программа военных школ должна была соответствовать первым четырем годам обучения в кадетском корпусе. В военных школах предполагалось обучать детей российскому и французскому языкам, начальным основаниям арифметики, геометрии и истории, нравоучению, преподавали письмо, рисование и танцы, латинский язык — «сколько к этому времени и охоты иметь будут», и строевые команды. Поскольку Морской кадетский корпус получал основное пополнение из новгородской губернии, Миллер предложил открыть еще одну военную школу в Новгороде. Сам Миллер долгие годы преподавал в Морском и Сухопутном шляхетном кадетских корпусах. В течение четырех лет в Морском кадетском корпусе Миллер заведовал учебной частью, был привлечен к составлению программ и учебных планов Пажеского корпуса[4]. И.Г. Георги в 1793 г. в «Описании российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» писал, что среди учителей Императорского Сухопутного Шляхетного корпуса «некоторые суть профессора Императорской Академии наук»[5].

Среди преподавателей Сухопутного шляхетного корпуса яркий след оставил академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827), известный ученый, обладавший энциклопедическими знаниями, естествоиспытатель, путешественник, переводчик, сочетавший научную деятельность с педагогической. Он преподавал естественную историю в Академической гимназии, а после смерти Я.Б. Княжнина — русский язык и словесность в старших классах Сухопутного шляхетного корпуса. По отзыву современников, Озерецковский излагал материал ясно, четко, понятно, хотя был порой резок в своих оценках. Ученым был собран обширный естественнонаучный, этнографический и статистический материал, опубликованы труды по медицине, ботанике, зоологии, географии, русскому языку и словесности, переводы, дневник: «Путешествие по России, 1782–1783». В 1792 г. одним из первых русских ученых он был пожалован государственной наградой — орденом Святого Владимира IV степени.

Известный журналист Н.И. Греч, будучи кадетом Сухопутного Шляхетного корпуса так отзывается об Озерецковском. «Ревностно

---

[4] *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII века. СПб., 1996. С.4–75; *Она же*: Герард Фридрих Миллер и его образовательные проекты в России в XVIII веке. СПб. 2024. С. 285–290; С. 331–375.

[5] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с картами. СПб., 1996. С. 291.

следил я за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирая выражений, но умно, ясно и увлекательно»[6].

Своеобразным памятником культуры XVIII в. стала библиотека Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса, создание которой в исторической литературе связывается с именем барона Иоанна Людвига Любераса фон Потта, занимавшего пост директора корпуса с конца 1731 по начало 1734 г..: «Для учебных пособий кадет учреждена Люберасом небольшая библиотека, предпочтительно из латинских книг».[7] В 1909 г. было издано описание музея Первого кадетского корпуса. В конце его говорилось, что в библиотеке при музее корпуса находятся книги из библиотеки сподвижника Петра I фон Любераса. Позднее книги по различным отраслям знаний на разных языках заказывались для библиотеки за границей. Некоторые партии насчитывали сотни томов. Известно, что в феврале 1735 г. берлинский купец Иоганн Штегелин поставил в корпусную библиотеку 440 книг на разных европейских языках.[8] Для корпуса выписывались «Санкт-Петебургские ведомости на русском и немецком языках, а также зарубежные «куранты»: «амстердамские на французском, лейпцигские на немецком языке, гамбургские почталионы и итальянские из Вены».[9] В 1744 г. в ней было около тысячи томов, и она состояла из трех разделов: русских, иностранных книг и военного отдела. К середине XVIII в. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе сложилось значительное по объему книжное собрание, о составе которого мы можем судить по каталогу, озаглавленному «Ведомость, сочиненная о находящихся ныне в библиотеке шляхетного кадетского корпуса по приходу в наличие разного звания печатных книг со изъявлением оных и числа», находящемуся в Российском государственном военно-историческом архиве.[10] Каталог был составлен в конце февраля — начале марта 1750 г. одним из офицеров корпуса, Фридрихом Нидерштеттером и помогавшим ему писарем. Книги были сгруппированы по разделам: «инженерные», «архитектурные», «першпективные», «артиллерийские», «геометрические», «арифметические», «лексиконы»,

---

[6] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 178.

[7] *Висковатов А.В.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 120.

[8] *Лузанов П.Ф.* Сухопутный шляхетный корпус (ныне I-й кадетский корпус): Исторический очерк. СПб., 1907. Вып. 1. С. 37.

[9] Там же. С. 37.

[10] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2303. Л. 1 — 11 Об.

«политические», «географические», «исторические», «французские разного содержания», «немецкие разного содержания», «латинские», «италианские разного содержания», «российские разного содержания», «Библии неметские», «катехизмусы и заветы», «атласы», «рисовальные», «граматики французские», «немецкие граматики», «италианские граматики», «азбуки». Книги распределены как по тематическому, так и по языковому принципу. Тематически книги были систематизированы по военному делу, военной и гражданской архитектуре, точным наукам, рисовальному искусству, издания по истории и политике, духовная литература, а также литература универсального содержания (под рубрикой «лексиконы» в каталоге перечислены разнообразные справочники). Все остальные книги объединены в каталоге по языковому принципу. В соответствии с каталогом в начале 1750 г. библиотека Сухопутного шляхетного корпуса насчитывала 495 печатных изданий и 2 рукописи, в общей сложности 2355 томов.[11] В корпусной библиотеке историческая литература была представлена оригинальными и переводными текстами произведений античных историографов — Евтропия, Гесиода, Квинта Курция, Тацита, Саллюстия, Светония, сочинения немецких и французских авторов XVII — первой половины XVIII в. Поскольку учебные программы корпуса предусматривали изучение кадетами латинского языка, в корпусной библиотеке имелся достаточно широкий выбор произведений римских поэтов и писателей — Вергилия, Горация, Овидия, Цицерона, Ювенала. Согласно каталогу, образцы античной словесности составляли основную часть подборки художественной литературы. Новая европейская литература была представлена сочинениями Буало, Вольтера, Корнеля, Мольера. К концу XVIII в. среди исторических сочинений в библиотеке были представлены многотомные обзоры Анкетиля, Роллена, Милло, истории революций: “История революции в Португалии”, “История революции в Швеции”, “Американская революция” Рейналя, сочинение о революциях в Англии и Испании, речи Мирабо. На полках стояли “Mercure de France” за 1787–1791 гг. и “Journal encyclopedie” за 1780–1792 гг. Воспитанники могли познакомиться с “Путешествием в Грецию” Пуквиля, с сочинениями Корнеля, Расина, Бомарше, Мольера, Руссо, Вольтера.

Библиотека пополнялась книгами по математике, истории, географии, литературе, философии. Екатерина II купила для библиотеки Шляхетного корпуса 7 тысяч томов скончавшегося комендан-

[11] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2303. Л. 4 Об.

та г. Данцига Эггерса, где был прекрасный подбор лучшей военной литературы на русском, немецком и французском языках. К 1787 г. библиотека, значительно умноженная, была «представлена на пользу» петербургской публике. В конце 80-х–90-х гг. библиотека была открыта 3 раза в неделю «для чтения всех ученых и любителей наук. Всякому позволялось требовать от библиотекаря книги, какие пожелает, и делать из оных выписки в особливо на то учрежденной комнате, но с собою брать не позволяется»[12]. По указанию директора корпуса графа Ф.Е. Ангальта библиотека была открыта по понедельникам, средам и субботам от 8 до 12 часов пополудни. Брать книги на дом разрешалось только находящимся при корпусе. «Всем кадетам военных возрастов, учителям и прочим особам корпусным позволялось для чтения на расписки книги».

В 1765 г. директором Сухопутного шляхетного корпуса был назначен генерал-поручик Иван Иванович Бецкой, человек из ближайшего окружения Екатерины, создавший в 1766 г. Устав военно-учебных заведений. Будучи широко образованным человеком, он руководствовался идеями французских философов, в частности М. Монтеня и, особенно, Ж.-Ж. Руссо. В основу обучения, по мнению Бецкого, должен быть положен русский, а не французский язык. В целом система преподаваемых предметов была достаточно пёстрой и хаотичной (всего 19 общеобразовательных, 3 специальных и 9 видов внеклассных занятий). Устав Бецкого просуществовал до 1784 г., но не оправдал себя по причине многопредметности. В 1784 г. Екатерина II поручила графу П.В. Завадовскому вместе с академиком Ф. Эпинусом обследовать состояние Сухопутного Шляхетного, Артиллерийского и инженерного и Пажеского корпусов. В итоге было рекомендовано отказаться от многопредметности и сосредоточиться на подготовке офицеров. Завадовский предлагал «проходить в кадетских корпусах гражданские науки в сокращенном виде, насколько их нужно и полезно знать военному человеку, а обучение вести на французском языке.» Но реальный учебный план, составленный Комиссией, не включал военных предметов, а на первое место ставил гуманитарные и математические науки, что приближало учебный план кадетского корпуса к учебному плану Главных народных училищ. Тесная связь военных и общеобразовательных предметов в XVIII в. объяснялась тем, что военные науки еще начинали обретать самостоятельность, отделяясь от естествен-

[12] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного с планом. СПб. 1796. С. 292.

ных и математических. Императрица утвердила план комиссии Завадовского, но одобрив план, признавала необходимым «добавить в Пажеский корпус преподавание греческого и латинского языков»[13].

Семилетнее управление корпусом графа Федора Евстафьевича Ангальта (1786–1794) по праву считается «золотым веком» в истории корпуса и внутренней жизни этого учебного заведения. Известно, что, посетив корпус, Екатерина II назвала его «рассадником новой породы людей». Так, при графе Ангальте в корпусе установился следующий обычай. В зале стояло несколько досок, на которые кадеты должны были заносить по очереди мысли писателей и ученых, обратившие на себя их внимание. Мысли эти извлекали из книг, которые в изобилии были представлены кадетам для пользования[14]. По воскресеньям кадеты собирались в Рекреационной зале, и здесь, в присутствии графа Ангальта, происходило чтение всего накопившегося за неделю материала. Результатом установленного графом Ангальтом обычая беседовать с кадетами явилось собрание изречений, которыми покрывались стены Рекреационной залы и особой стены в саду корпуса.

По воспоминаниям М.Ф. Каменской, дочери директора Императорской Академии художеств графа Ф.П. Толстого : «...родственник Императрицы Екатерины II, известный умница граф Ангальт для облегчения маленьким кадетам будущего их учения придумал расписать каменную стену вокруг их сада фресками и изобразить на них известные исторические события, страны света, географические карты, светила, планеты небесные и все, что впоследствии должно было войти в их уроки. Стену эту расписали тогдашние мастера прекрасно, и граф назвал ее “La muraille parlante” (“Говорящая стена” — *Н. А.*). И точно, стена эта наглядно говорила о многом, так что мальчуганы, еще не учась серьезно, бегая и играя в саду, невольно заглядывались на картинки и приходили в классы уже приготовленными»[15]. На «Говорящей стене» изложены собственные мысли графа Ангальта, по сути, его педагогической система[16]. Таким образом, сами стены корпуса стали для кадет своеобразным учебным пособием, служащим для закрепления пройденного

---

[13] *Листовой С.* Граф Петр Васильевич Завадовский // Русский Архив. 1883. №.3. Кн. 2. С. 105

[14] Рекреационный зал Императорского Сухопутного Шляхетского корпуса в исходе прошлого столетия // Педагогический сборник. 1883. №4. С. 244.

[15] *Каменская М.Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 47–48.

[16] Говорящая стена // Педагогический сборник. 1883. №6. С. 462–465.

в учебных классах материала. «Говорящая стена» Ангальта стала легендой и вошла в предания корпуса, рассказы о ней передавались из поколения в поколение.

В 1790 г. граф Ангальт издал собрание изречений «La muraille parlante», в котором содержались афоризмы, пословицы, хронология важнейших исторических событий, астрономические таблицы и эмблематические рисунки. В предисловии, написанном им, объяснялось значение и цель этой книги. В 1791 г. было издано продолжение — «La salle de recreation». По окончании корпуса каждый кадет получал в подарок эту книгу, перед титульным листом которой был рисунок, изображавший две руки, стягивающие узел, с надписью: «Настанет день, мои милые дети, когда вы оставите этот дом; но я льщу себя надеждою, что ваше удаление отсюда еще более укрепит ту связь, ту любовь и ту признательность, которой вы обязаны этому заведению». Эти два сборника можно назвать своеобразным сводом педагогических идей, зародышем педагогической энциклопедии.[17]

В 1829 г. в Москве известный писатель и общественный деятель выпускник Сухопутного Шляхетного корпуса Сергей Николаевич Глинка издал в переработанном виде оба сборника в одной книге под названием «Искусство учиться прогуливаясь, или Ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом».

Формирование круга чтения тесно связано с ведением рукописных журналов. Инициатива ведения журналов принадлежала графу Ангальту и была дополнением к другим установленным им обычаям. В ф. 1057 Отдела рукописей Государственной национальной библиотеки находятся рукописные журналы Сухопутного Шляхетного корпуса, представляющие собой читательские дневники кадет. Немаловажен тот факт, что журналы велись в 1789–1794 гг. и заполнялись воспитанниками ежедневно в течение пяти лет.

Каждый кадет второго и третьего возраста (9–12 и 12–15) ежедневно делал свою запись. В одном из журналов «L'aurore de 1001 semaine» («Заря тысячи и одной недели»)[18] записи велись в течение недели одновременно на русском, французском и немецком языках. Это в большинстве своем пословицы, поговорки и афоризмы из разных учебных пособий. Журнал позволяет судить и об определенных литературных вкусах, и о нравственно-этических представ-

[17] *Хрусталев В.А.* Обзор русских педагогических энциклопедий и других справочников // Советская педагогика. 1949. №1. С. 123–128.

[18] РНБ ОР. Ф. 1057. «L'aurore de 1001 semaines». СПб. 1790-ые. Т.1, 2, 4.

лениях. Первая запись в этот журнал была сделана 21 октября 1790 г. кадетом Михаилом Калатинским: «Украшать мой разум, очищать мое сердце, удерживать язык, занимать мою руку, есть умеренно и мало спать — вот моя философия». Среди наиболее популярных записей: «Честность есть неоцененное сокровище» (Нейхардт); «Хорошие законы суть подпорою государства»[19].

Журнал «Плоды счения (сокр. от "сочинения" или "чтения" — Н.А.) господ кадетов» также вели кадеты второго и третьего возрастов с 1790 по 1794 г. Наиболее часто воспроизводятся отрывки из Вольтера, Руссо, из русских просветителей, писателей и поэтов: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Княжнина.

1 октября 1792 г. кадет П.Н. Лунин по собственному почину начал тетрадь под названием «Cahier surnumeraire», («Тетрадь сверхкомплектная»), в которой записывали стихи Я.Б. Княжнина, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и воспитанники, и учителя. В журнале «Плоды счения господ кадетов» (1790–1794) записи отражают представления о государстве, законе, обязанностях человека перед обществом, добродетели, пороке, добре, счастье, благополучии, бедности. Так, 19 января 1790 г. кадет Данненберг сделал запись: «Порок есть такое чудовище, что дабы его возненавидеть, надобно только его увидеть». 15 февраля кадет Константинович записал: «К благоразумию и мудрости восходят по трем ступеням: первая — познать добродетель, вторая — любить добродетель, третья — быть добродетельным». Журналы велись во время Великой Французской революции, и, вероятно, не случайно в них преобладают мысли о государстве, о гражданском долге, о предназначении человека. Запись от 22 июля 1790 г.: «Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам» (Шватер) Эта запись была наиболее популярна у кадет. В целом ряде записей отражается отношение к гражданскому долгу. 7 января 1790 г.: «Послушание и повиновение суть первые должности человека, хотящего исправить свою должность. Тот, кто хочет повелевать, должен сам быть первым» (Маловиневский). 17 февраля 1790 г.: «Сделаться полезным обществу есть самое приятное удовольствие, которое одаренное разумом творение в свете сил достичь может» (Смирнов). 18 января 1790 г.: «Всякий должен избирать такой род жизни, в котором может оказать добрые и полезные людям и отечеству услуги» (Петров). 25 марта 1792 г.: «Первейшая должность человека есть служить своему Отечеству» (Шубников). 8 июля 1792 г.: «Законы столь нужны в обще-

[19] Там же. 1790. Т. 1. Л. 6,12,13,14.

стве, сколь необходимо в знаниях основание, а в часах пружина» (Мармолев). 25 августа 1794 г.: «Все сочлены гражданского общества должны о состоянии оного усердно стараться» (Грабб)[20].

Рукописные журналы являются бесценным источником по изучению литературных вкусов, философских, нравственно-этических и политических представлений эпохи Просвещения и свидетельствуют о формировании мировоззрения русского дворянства конца XVIII в. Журналы использовались в качестве учебной литературы кадетами последующих поколений и доносили до них идеи эпохи Просвещения.

Процессы, происходившие в Сухопутном Шляхетном корпусе в XVIII в., тесно связаны с одним из важнейших преобразований Петра I: созданием в России светского, в том числе военного образования, которому была отведена особая роль в подготовке профессиональных кадров: артиллерийских, инженерных, морских и формировании гражданской элиты. Сухопутный Шляхетный корпус в полной мере становится воплощением петровских идей.

[20] РНБ ОР. Ф. 1057. «Плоды счения господ кадетов. 1790–1794 гг.»

Ирина Александровна Серова
(Ярославль)
Старший научный сотрудник
Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова

«Славная полотняная фабрика Затрапезнова начало свое возымела при Петре Великом, а в цветущее состояние пришла при Анне Иоанновне…»: к вопросу о продолжении промышленной политики Петра I его ближайшими преемниками

Irina A. Serova

«The glorious Zatrapeznov linen factory had its beginning under Peter the Great, and came to a flourishing state under Anna Ioannovna…»: on the question of the continuation of Peter I's industrial policy by his immediate successors

Аннотация: В статье на примере Ярославской Большой мануфактуры рассматривается реализация усилий Петра I по заведению в России фабрик и мануфактур по образцу западноевропейских компаний с привлечением частных торговых капиталов. Заложенные им основы промышленной политики нашли свое дальнейшее развитие при ближайших преемниках. Вплоть до начала царствования Екатерины II остаются те же формы покровительства, поощрения, предоставления исключительных привилегий владельцам крупных предприятий, какие применялись и в петровское время.

Abstract: Using the Yaroslavl Large Manufactory as an example, the article examines the implementation of Peter the Great's efforts to establish factories and manufactories in Russia modeled on Western European companies with the involvement of private trading capital. The foundations of industrial policy laid by him were further developed under his immediate successors. Up to the beginning of the reign of Catherine II, the same forms of patronage, encouragement, and granting exclusive privileges to owners of large enterprises remained, which were used in Peter's time.

Ключевые слова: Петр I, Анна Иоанновна, Тамес, Затрапезновы, Ярославская Большая мануфактура.
Keywords: Peter I, Anna Ioannovna, Tames, Zatrapeznov, Yaroslavl Large Manufactory.

В первой четверти XVIII в. в России стараниями Петра I выросла мощная мануфактурная промышленность. Ее развитие после окончания Северной войны было преимущественно связано с привлечением частных капиталов, накопленных на торговых операциях. В этой связи Ярославлю суждено было стать одним из крупнейших центров текстильного производства.

Это не было случайным, так как еще в XVII в. характерной особенностью города являлось наличие в нем местных производств, питавших «ярославскую торговлю своими фабрикатами». Как точно подметил известный историк С.В. Бахрушин: «В этом отношении Ярославль резко отличается от большинства русских торговых городов того времени, благосостояние которых основывалось главным образом на иностранном и сибирском ввозе»[1]. При этом значительную роль среди «ярославских товаров» играло домашнее текстильное производство, «прежде всего «хамовное дело» — выделка холстов толстых и тонких (в частности, «хрящ двойной») и полотен, над каковыми работали многочисленные в Ярославле холщевники и прядильщики»[2].

Приступив к реформированию промышленности, Петр I делал особенный упор на устройство крупных предприятий по образцу западноевропейских компаний и заботился о том, чтобы они были прочно обеспечены достаточным капиталом компаньонов-учредителей. «Нетрудно доказать, — отмечал М.И. Туган-Барановский, — что промышленная политика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономической необходимостью»[3]. Тех, кто на свой

[1] *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 141–142,

[2] *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 143–144.

[3] *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. СПб., 1907. С. 16–17.

страх и риск устраивал предприятия, на которых выделывались товары, требуемые казной, государь поощрял всеми силами, предоставляя владельцам разные привилегии, денежные ссуды (нередко беспроцентные), приписывая к фабрикам казенных крестьян и мастеровых.

Кроме того, фабриканты освобождались с детьми и мастерами от службы, а их дома — от военного постоя, они были подсудны только суду Мануфактур-коллегии, избавлялись от податей и внутренних пошлин, могли беспошлинно же привозить нужные им инструменты и материалы из-за границы...

В 1717 г. по приглашению Петра I в Россию прибыл голландец Жан Тамес. Деловитому, активному иностранцу государь передал в управление на 30 лет казенную полотняную мануфактуру в Москве, но с одним условием, чтобы он занимался ею не единолично, а как глава обширной компании русских купцов. Целью Петра I было не просто освободить казну от издержек, но и побудить торговых людей изучать мануфактурное дело и способствовать его распространению в России.

По указу государя одним из компанейщиков Тамеса стал гостиной сотни ярославец Максим Семенович Затрапезнов, представитель крупного торгового капитала. Он владел несколькими домами и лавками в Ярославском гостином дворе, вел торговлю самую широкую. И хотя доля Затрапезнова в производстве тогда составила всего 250 рублей на 46 тысяч вложенных остальными одиннадцатью участниками, он с сыновьями получил бесценные навыки в организации текстильного дела. Буквально через несколько лет московская мануфактура Тамеса с «компанейщиками» мало чем уступала европейским производствам. Поскольку эксперимент оказался удачным, подобное предприятие решено было организовать и в Ярославле.

После празднований победоносного окончания Северной войны Петр I из Москвы отправился на Олонецкие минеральные воды. Путь его 8 февраля 1722 г. пролегал через Ярославль, в котором он провел весь день. Не исключено, что именно тогда и было принято окончательное решение об устройстве здесь полотняной мануфактуры. Компаньонами Петр I определил Ивана Тамеса и Максима Затрапезнова. То, что именно государь настойчиво подталкивал ярославского купца к новому виду деятельности, подтверждается самим Максимом Затрапезновым: «... мы к тому определены именным Его императорского величества указом, а не по нашему челобитью»[4], далее продолжает «не своею волею, но по именному <...>

[4] *Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910. С. 61.

указу употребляли и трудились неусыпно в произведение фабрики...»[5].

Сразу вслед за отъездом государя из Ярославля компаньоны подали совместное прошение в Мануфактур-коллегию о передаче им в бесплатное пользование бывшего Оружейного двора, построенного в 1710 г. Одно время на нем пленные шведские ткачи изготавливали широкие полотна. Ныне пустующий двор располагался неподалеку от дома Затрапезнова в приходе церкви Николы Мокрого. Кроме этого, шла речь и о выделении дополнительного места на окраине города за рекой Которослью на Кавардаковском ручье, удобного для промывки полотен во время отбелки. Указ от 28 июня 1722 г. это прошение полностью удовлетворил, положив, тем самым, начало основанию ярославской полотняной мануфактуры.

Вскоре выпускаемая на ней продукция была востребована не только на российском, но и на зарубежном рынке. О блестящем ходе дел Тамес 4 ноября 1724 г. поведал Ф.В. Берхгольцу, камер-юнкеру при герцоге Голштинском, женихе царевны Анны Петровны: «Старший Тамсен уверял, что он в настоящее время от своих полотняных фабрик в Москве и Ярославле получает тридцать процентов прибыли, когда посылает полотна в Гамбург, и что скоро надеется получать еще больше»[6].

Однако сотрудничество Тамеса и Затрапезнова продолжалось недолго. В 1725 г., вскоре после смерти Петра I, мануфактура была разделена между ними «полюбовно, по равным частям...»[7]. Тамес, получив свою долю деньгами, отошел от дел. С этого момента ярославская мануфактура формально становится семейным бизнесом Затрапезновых, но с чертами условной собственности. Владение ею осуществлялось в форме пожалования. По указу 1731 г. Затрапезновы именовались «содержателями»[8]. Все, что вырабатывалось на их фабрике, вопросы сбыта, а также условия работы, размеры заработной платы находилось под контролем и регулировалось правительством.

При ближайших преемниках Петра I заложенные им основы промышленной политики нашли свое дальнейшее развитие. К этому времени реальное управление ярославской мануфактурой перешло в руки второго сына Максима Затрапезнова — Ивана. Он всерьез

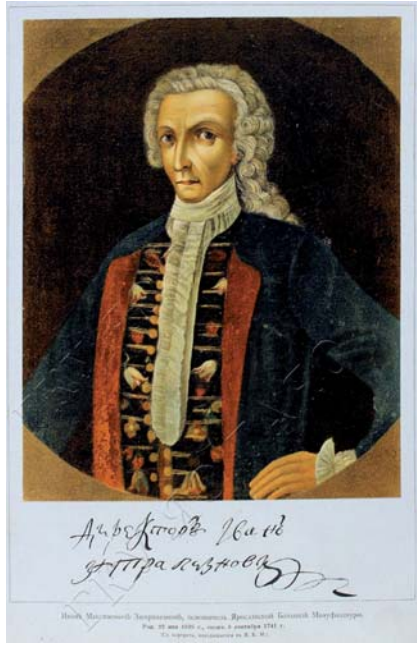
---

[5] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 61.

[6] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725. Ч. 4. М., 1902. С. 72.

[7] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 35.

[8] Там же. С. 402.

Илл. 1. Портрет И.М. Затрапезнова. Из кн.:.*Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910.

занялся расширением отцовского бизнеса, вложив семейный капитал одновременно в разные отрасли производства, что должно было служить определенной защитой от колебаний спроса и конъюнктуры. Это удачно согласовывалось с государственной политикой передачи убыточных казенных фабрик в содержание частным лицам, с обязательством ставить в казну определенное количество товаров. Правительство, таким образом, рассчитывало на реанимацию производств за счет вложения собственных средств предпринимателей. (илл. 1).

В 1727 г. Затрапезновы Указами Петра II получили две казенные фабрики — Екатерингофскую полотняную[9] и Санкт-Петербургскую каламенковую[10] — с правом содержать их в Ярославле или ином месте, где они захотят. Уплата за переданное имущество была рассрочена на пять лет, а весь инструментарий им отдали безвозмездно. Для обустройства этих новых производств ярославский магистрат дополнительно отвел Затрапезновым поблизости от их фабрики «градской пустой земли длинною двести пятьдесят, шириною двести сажень»[11].

Наряду с полотняным производством Иван Затрапезнов решил заняться еще и изготовлением бумаги. В Петербурге на берегу Невы за Галерным мостом[12] находилась единственная в России казенная

[9] ПСЗ. Т. VII. № 5168. С. 870–871.

[10] ПСЗ. Т. VII. № 5120. С. 825–826.

[11] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 36.

[12] *Вревская Н.А.* История производства бумаги в России // Военно-исторический журнал.2021. №6. С. 68–73.

бумажная ветряная мельница, построенная в 1722 г. по распоряжению Петра I. Оборудование для нее было поставлено из Голландии. Работала мельница только летом. Содержать ее казне было невыгодно. В 1727 г. часть ее оборудования и людей передали Дудерговской мельнице вблизи Красного Села, а то, что осталось — в распоряжение Затрапезновых[13].

Очень дальновидно Иван вложился также в строительство кирпичного завода. Это вспомогательное предприятие помогло ему буквально за четыре года создать на берегу Которосли нечто вроде собственного городка, воплотившего в миниатюре мечты Петра I о городе нового типа — символе разумного порядка и благополучия. На его территории разместился усадебный дом с великолепным регулярным парком в голландском стиле с фонтанами и скульптурой, а также весь промышленный комплекс, включавший полотняную, шелковую, суконную и бумажную мануфактуры и дома для рабочих. По течению Кавардаковского ручья был выкопан каскад прудов. Они стали основой сложной гидротехнической системы для более эффективной работы фабрик. Нижний водоем соединялся каналом с рекой Которослью. В прудах поддерживался высокий уровень воды. На плотинах со шлюзами были установлены мельничные колеса, приводившие в действие через вереницу валов и шкивов фабричные станки[14] (илл. 2).

В августе 1731 г., то есть вскоре после того как Петра II сменила на престоле Анна Иоанновна, Иван Затрапезнов подал в Мануфактур-коллегию новое прошение «дать особливый указ с прочетом», который бы не только подтверждал петровские привилегии относительно первой полотняной мануфактуры, но и распространял их на производства, переданные ему позднее.

Просьба была удовлетворена. Указ Ея Императорского величества от 7 сентября 1731 г. предписывал: «Быть тем всем мануфактурам и фабрикам за ними [Затрапезновыми] вечно, <...> в вышеозначенные новые, также и на прежние мануфактуры <> сочинить немедленно привилегию, <...> дабы они с надеждою могли те мануфактуры и фабрики распространять и деньги употреблять без опасения...»[15]. По данным привилегиям Затрапезновы получили право «выписывать из-за моря мастеров и учеников, и туда для совершенного искусства посылать с пашпортами свободно»[16], беспошлинно

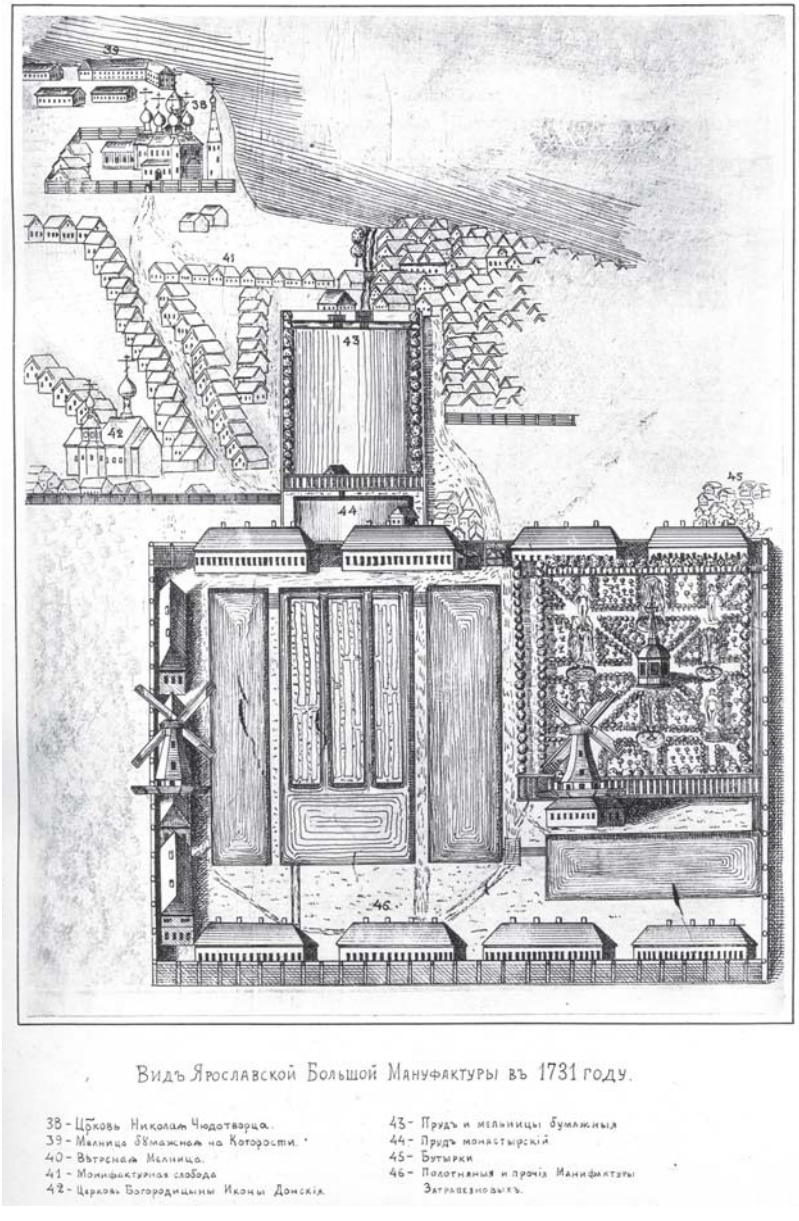
---

[13] *Вревская Н.А.* Указ. соч. С. 72.

[14] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. Т. VI, кн. III. М., 1786. С. 241.

[15] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 401.

[16] Там же. С . 401.

Илл. 2. А.И. Ростовцев. Вид Ярославля. 1731. Фрагмент гравюры.

«ныне и впредь» покупать за границей инструменты, а также освобождение от пошлин с продажи товаров с бумажной, масляной и полотняной фабрик на пять лет, а с каламенковой — на десять.

Завершался Указ распоряжением для местных властей, по которому Затрапезновым должно было оказываться всяческое содействие: «Генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам и воеводам и прочим начальствующим, кому о сем ведать надлежит, вышеписанным Максиму, Ивану, Дмитрию, Гавриле Затрапезновым чинить всякое вспоможение, а обид и налогов не токмо самим чинить, но от других по всякой возможности охранять, под опасением Ея Императорского величества гнева и пени и платежа им убытка, от кого такой учинится ...»[17]. Лучшего и желать было нельзя.

Благодарный Иван Затрапезнов 21 ноября 1731 г. преподнес императрице большую гравюру с видом Ярославля и подробным планом мануфактуры, которую выполнил известный гравер Алексей Иванович Ростовцев[18]. При фабриках существовала рисовальная и печатная мастерская для изготовления оригинальных «сорочек» (т.е. упаковки для вырабатываемой бумаги и других товаров) с товарными ярлыками Ярославской Большой мануфактуры. Вот разработкой эскизов и изготовлением досок для печати как раз и занимался приглашенный из Москвы А.И. Ростовцев (илл. 3).

Видимо, Анна Иоанновна по достоинству оценила и саму гравюру, и качество бумаги, на которой она была напечатана. Ее указом от 31 марта 1734 г. Затрапезновым было обеспечено исключительное право поставки бумаги для Московской типографии. Теперь «на печатание книжное, бумага, покупаема была с заводов фабриканта Затрапезнаго»[19].

Только этим покровительство не ограничилось. На дальнейшее развитие своих фабрик Иван Затрапезнов в 1734 г. выхлопотал у правительства беспроцентную денежную ссуду в 20000 руб. с тем, чтобы возвратить ее через пять лет фабрикатами. Но эта ссуда не была погашена им в указанный срок и по истечении его была «просрочена» еще на шесть лет. В 1736 г. он добивается новой льготы — беспошлинной работы его полотняной и бумажной фабрик на ближайшие пять лет[20]. Всеми этими указами Затрапезновы

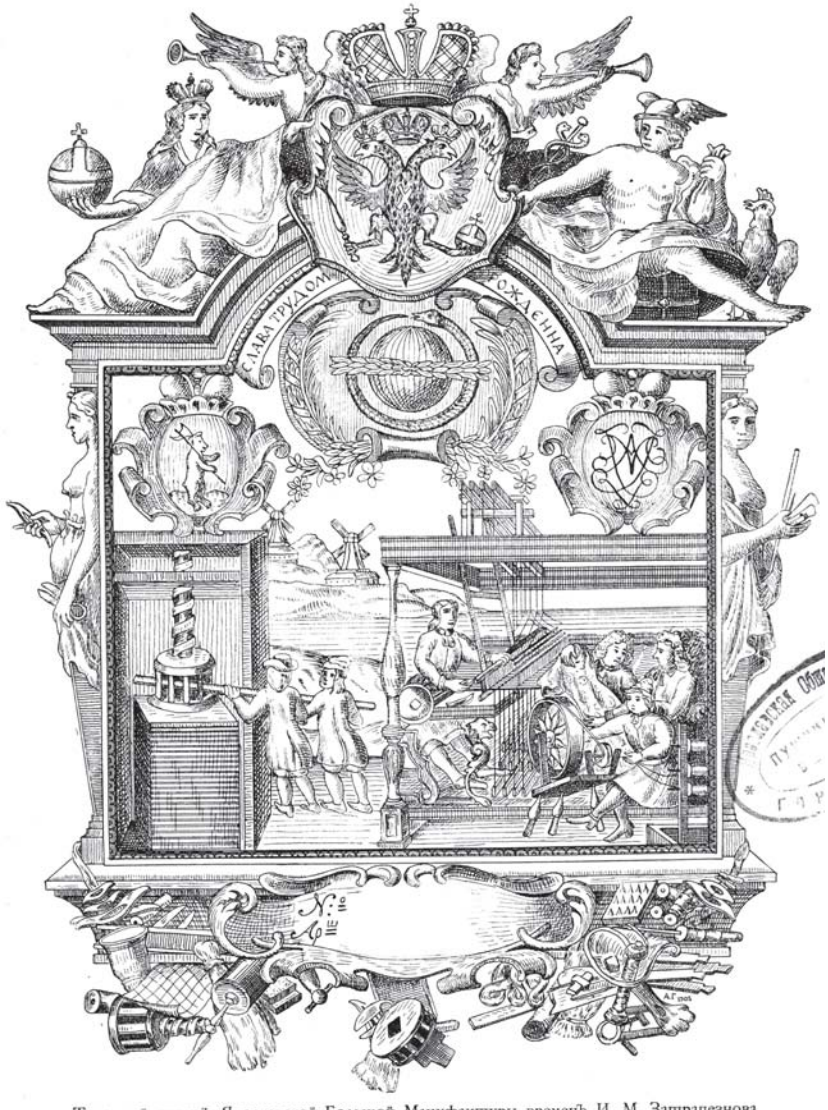
---

[17] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 40.

[18] Один из экземпляров гравюры находится в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

[19] ПСЗ. Т. XI. №8545. С.597.

[20] *Власов И.И.* Полотняной фабрики директор Иван Тамес. Историко-бытовой очерк. Иваново-Вознесенск, 1928. С. 57; Сб. РИО. Т. 126. СПб., 1907. С. 204.

Товарный ярлыкъ Ярославской Большой Мануфактуры временъ И. М. Затрапезнова употреблявшійся при упаковкѣ писчей бумаги.

Илл. 3. Товарный ярлык времен И.М. Затрапезнова.
Из кн.:.*Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910.

по сути ограждались от конкуренции, поскольку большая часть сбыта их продукции обеспечивалась приобретением казной. Но и это еще не все.

Главная трудность, с которой сталкивались все «содержатели» мануфактур в I пол. XVIII в., — острая нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной. Владельцы должны были сами искать себе рабочих путем найма, обучать их, «платя им за труды достойную плату». Спрос на искусных работников был велик, и фабриканты переманивали их друг у друга. Поэтому владельцы выговаривали себе право в течение определенного времени пользоваться трудом обученных ими мастеровых. Так, при основании ярославской мануфактуры Тамесу и Максиму Затрапезнову указывалось, чтобы поступающие на фабрику ученики на ней оставались не менее 10 лет (7 лет в качестве учеников, а затем еще на 3 года определялись подмастерьями). Если они убегали раньше десяти лет, владельцы имели право их ловить, а держатели за укрывательство платили по 100 руб. штрафу за каждого рабочего. За «подзывание» рабочих людей с одной фабрики на другую до истечения урочного срока работы также был назначен большой штраф с виноватого фабриканта. Переманенный рабочий возвращался к прежнему хозяину и подвергался телесному наказанию.

Эти ограничения перехода людей с одной фабрики на другую подтверждают трудности, которые испытывали фабриканты при наборе и сохранении рабочей силы. Чтобы как-то решить этот вопрос, был принят знаменитый петровский указ от 18 января 1721 г. о покупке к заводам деревень, распространивший на купцов — содержателей фабрик право покупать населенные деревни, «дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»[21]. Так появились особые крепостные, принадлежавшие именно фабрикам.

При преемниках Петра I наряду с прежними категориями рабочих (вольнонаемных и купленных к фабрикам крепостных), появляется еще одна в виде казенных мастеровых, переданных новым владельцам вместе с заводами, к которым они ранее были приписаны. В 1728 г. Иван Затрапезнов на свои вновь устраиваемые фабрики в Ярославле вместе с пособием от казны получил с упраздненных в Петербурге полотняной и каламенковой мануфактур 60 опытных мастеров и рабочих[22]. Он должен был содержать их «на своем коште»

[21] ПСЗ. Т. VI. № 3711. С. 311.

[22] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. Т. VI, кн. III. М., 1786. С. 241.

и довольствовать, «смотря по их трудам»[23]. Однако с таким принудительным переводом далеко не все рабочие были согласны. Сохранилось известие, что прибывшие на место в июле 1728 г. «Афиноген Крылов с женою Авдотьею, да Гавриил Плеснин с женою и сыном Алексеем да с матерью»[24] в тот же год бежали по «воровским» паспортам по Волге в купленной лодке с намерением вернуться в Петербург. Их поймали в Угличе, возвратили Затрапезнову и подвергли наказанию. Фактически Мануфактур-коллегия рассматривала казенных мастеровых «равно яко крепостных» и никаких особых прав за ними не признавала.

При Анне Иоанновне происходит окончательное закрепощение оставшихся свободных рабочих. По прошению крупнейших фабрикантов того времени — Ивана Затрапезнова (его фамилия значится первой), Щеголина с товарищами, Микляевой, Гончарова и др. — был издан Высочайший указ от 7 января 1736 г. Теперь все те мастеровые, которые во время издания этого указа находились на фабриках и были обучены мастерству, должны «для пользы государственной и, чтоб те фабрики от разобрания мастеровых и работных людей в упадок и разорение не пришли», оставаться при них «вечно» со всеми своими семействами[25]. Вследствие этого указа «более тысячи человек рабочих одного лишь мужского пола, не считая женщин и девочек», людей прежде свободных, внезапно лишились своей свободы и оказались навсегда прикрепленными к Ярославской Большой мануфактуре[26].

Благодаря столь внушительной и разнообразной поддержке, оказываемой Затрапезновым при преемниках Петра I и особенно при Анне Иоанновне, мануфактура пришла «в цветущее состояние» и стала одной из крупнейших в России как по своим размерам, так и по разнообразию производившейся на ней продукции. Если при основании фабрики в петровское время на ней работало 180 человек на 172 станах[27], то при Петре II в 1727 г. производство разрастается до 700 станов, на которых трудилось «три тысячи человек, окромя женска полу, которого множество сирот обучается прядению на

---

[23] *Грязнов А.Ф.* Указ соч. С. 36.

[24] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С.184 — Дело о побеге от 29 июля 1728 г.

[25] ПСЗ. Т. IX. № 6858. С. 707–712.

[26] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С. 30. А.Ф. Грязнов приводит данные со ссылкой на именной список рабочих, прикрепленных к мануфактуре в 1736 г. согласно «Переписной книги 2-й ревизии Шаховской волости 1744 года».

[27] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. Т. VI, кн. III. М., 1786. С. 221.

самопрялках»[28]. К концу же царствования Анны Иоанновны на этой фабрике уже «более двух тысяч станов и слишком шесть тысяч человек мастеров и работников <...> делают шелковые и шерстяные материи и самые тонкие полотны, скатерти и салфетки, которые добротою голландским не уступают»[29].

Труды Ивана Максимовича Затрапезнова не остались незамеченными. В петровское время устройство фабрик фактически рассматривалось как служение к пользе государства, поэтому «содержатели» крупных предприятий получали чины по Табели о рангах. Анна Иоанновна эту традицию продолжила. 3 мая 1738 г. И.М. Затрапезнов «за труды его не в пример прочим, показанные к пользе российского государства во умножении Ярославской полотняной его фабрики», был пожалован чином «директора над тою его фабрикою, в ранге коллежского асессора, что соответствовало 8-му классу Табели о рангах, а еще через два года 15 февраля 1740 г. — в коллежские советники, гражданский чин VI класса[30].

В 1736 г. для рабочих и служащих Ярославской Большой мануфактуры на месте деревянной часовни И.М. Затрапезнов начал возведение храма во имя Петра и Павла, прообразом для которого послужил Петропавловский собор в Петербурге. Строительство было завершено уже после смерти храмоздателя. В 1742 г. теплый храм на первом этаже освятили во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что, без сомнения, было связано с выражением верноподданических чувств императрице Анне Иоанновне. В 1744 г. холодный храм на втором этаже — в честь апостолов Петра и Павла, как «вечное напоминание о Великом Преобразователе России». Позднее Затрапезновы благодарность Анне Иоанновне, покровительству которой они обязаны были своим процветанием, распространили на ее любимца, герцога Бирона, который во время правления Елизаветы Петровны находился в двадцатилетней ссылке в Ярославле[31].

---

[28] *Грязнов А.Ф.* Указ. соч. С.58.

[29] Там же. С. 56.

[30] *Фурсенко В.* Затрапезный Иван Максимович // РБС. СПб.-М., 1896–1918. Т. VII. С. 276.

[31] *Серова И.А.* Пошехонские лейб-компанцы, ссыльный герцог и «отец русского театра»: ярославские страницы в истории царствования дочери Петра Великого // «Великая Елисавет дела Петровы совершает...»: материалы XIV Международного петровского конгресса, 18–19 июня 2021 г. СПб., 2022. С. 427–445.

Екатерина II, исходившая из того, что «торг есть дело вольное», с самого начала своего царствования отменила большинство монополий и привилегий в торговле и промышленности. Ее политика, направленная на усиление заботы о дворянском предпринимательстве, вызвала перемены в составе владельцев мануфактур. В 1764 г. Ярославская Большая мануфактура была продана коллежскому асессору Савве Яковлевичу Яковлеву. При нем и его наследниках фабрика постепенно пришла в упадок. Но это уже другая история.

Основанная по указу Петра I в 1722 г. Ярославская полотняная мануфактура, сменяя владельцев, просуществовала вплоть до ее национализации в 1918 г. С 1922 г. и по настоящее время — это «Ярославский комбинат технических тканей «Красный Перекоп». Славная история фабрики не была предана забвению. В бывшем зале паровых машин в 2019 г. культурным центром TEXTIL совместно с предприятием была создана экспозиция «Музей-фабрика», рассказывающая о зарождении и развитии текстильного производства в Ярославле.

Андрей Алексеевич Курапов
(Астрахань)

Заместитель директора по науке и экспозициям
Астраханского музея-заповедника

Реформы и преобразования рыбодобычи в Астраханском крае в первой четверти XVIII в.*

Andrey A. Kurapov

Fishing and fishprocessing in the Astrakhan region in the early 18th century

Аннотация: Рыбодобыча (морская, речная) и рыбообработка традиционно являлись одной из основ экономики Астраханского края на протяжении столетий. В Нижневолжском регионе в конце XVII–начале XVIII в. активно функционировали и эволюционировали значительные промысловые предприятия, разных форм собственности, купечество региона являлось крупнейшим экспортером рыбы в России. Регулирование добычи рыбы в Низовьях Волги государством систематизировалось только в начале XVIII в., после основания Астраханской рыбной конторы и передачи Астраханскому городскому обществу «Астраханских рыбных ловлей», к которым относились северо-западные участки волжских протоков, морские участки Каспия. По указу Петра I от 6 января 1704 г. оброчные и безоброчные рыбные промыслы, ранее отданные помещикам и вотчинникам, передавались в государственную монополию и отходили в ведение Семеновской (Ижорской) канцелярии, которая определяла участки на оброк откупщикам. Указ предписывал строгий учет добытой рыбы и орудий лова

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

в статистических отчетах, отправляемых в государственные органы власти. Именной указ Петра I астраханскому губернатору А.П. Волынскому от 26 октября 1720 г. регламентировал и переработку рыбы: засолку осетров и сельди.

Abstract: Fishing (both sea and river) and fish processing have traditionally been one of the foundations of the Astrakhan region's economy for centuries. In the Lower Volga region, significant fishing enterprises of various ownership types flourished and developed in the late 17th and early 18th century, and the region's merchant class was the largest fish exporter in Russia. State regulation of fishing in the Lower Volga region was not formalized until the early 18th century, following the founding of the Astrakhan Fishing Office and the transfer of the «Astrakhan Fishing Grounds» to the Astrakhan City Society, which included the northwestern sections of the Volga tributaries and the offshore sections of the Caspian Sea. By decree of Peter I of January 6, 1704, the quitrent and non-quitrent fishing industries, previously leased to landowners and patrimonial landowners, were transferred to a state monopoly and placed under the jurisdiction of the Semenovsky (Izhora) Chancellery, which assigned plots to tax farmers. The decree mandated strict accounting of fish caught and fishing gear in statistical reports sent to state authorities. A decree issued by Peter I to Astrakhan Governor A.P. Volynsky on October 26, 1720, also regulated fish processing: the salting of sturgeon and herring.

Ключевые слова: Рыбодобыча, рыбообработка, Астраханский край, Астраханская губерния, государственное регулирование

Keywords: Fishing, fish processing, Astrakhan region, Astrakhan province, government regulation

Рыбный промысел традиционно был важнейшей отраслью экономики Нижнего Поволжья. Рыбодобыча обеспечивала население Астраханского края и была одним из направлений экспорта из региона. Рыбохозяйственное значение низовьев Волги на протяжении столетий привлекало в регион представителей кочевых и оседлых народов, которые с разной степенью интенсивности эксплуатировали промысловые богатства рукавов Волги и Каспийского моря.

В ходе источниковедческого исследования темы материалы по истории рыбодобычи и рыбообработки в Астраханском крае в XVII–XVIII вв. выявлены в фондах: 1010 «Астраханская приказная палата (изба)» (1623–1720 гг.), «Канцелярия астраханского гражданского губернатора» (1721–1919 гг.), «Астраханская губернская канцелярия» (1714–1796 гг.), 476 «Кавказское наместническое правление» (1780–1806 гг.), 614 «Астраханская рыбная контора» Государственного архива Астраханской области. Они еще ждут своего исследователя.

Рыбные промыслы как государственная собственность традиционно составляли отдельный от земельных угодий предмет собствен-

ности и использования, они жаловались на вотчинном, поместном и тягловом праве

Основной формой организованного использования рыбных ресурсов Нижней Волги и Яика в XVII в. было формирование различный рыбодобывающих предприятий, отличавшихся друг от друга формой собственности, товарностью, особенностями организации рыбодобычи и рыбообработки, спецификой привлечения рабочей силы[1].

Региональным способом рыбодобычи в Низовьях Волги с XIII в. стал учужный лов — возведение сооружений из бревен, параллельно урезу воды, в середине которых помещались ловушки-избы, пространства, в которых скапливались крупные особи осетровой рыбы, добываемые ловцами баграми[2].

Кроме того, учуг являлся и инфраструктурным комплексом, включая одну или несколько забоек (крупнейшие из них имели протяженность от 300 до 600 м.), городок ловцов, неводные и самоловные промыслы[3].

Городок ловцов, эксплуатировавший несколько забоек, был основной частью сложного комплекса учужного промысла. Такой инфраструктурный центр включал оборонительные сооружения, производственные помещения (амбары, чуланы, ледники, «водолазные бани»), избы, в которых проживали люди, занятые на промысле: администрация, ловцы, рыбообработчики, охрана и др.[4]

В региональный учужный промысел входила и инфраструктура в г. Астрахани (дворы, помещения для хранения рыбной продукции, материалов для рыбообработки и ремонта орудий лова, слободы рыбаков). Астраханскому митрополиту Иосифу в 1666 г. было выделено «порожнее место» г. Астрахани на Косе напротив Кабацких ворот под домовую учужную пристань, под двор и амбары, позднее епархии было выделено другое — более удобное место у на берегу р. Кутум выше рыбных исад[5].

---

[1] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 75.

[2] *Струбалина Н.К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 6–8.

[3] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 75.

[4] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 81.

[5] С*аввинский И.И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 77.

Численность работных людей отдельного учуга определялась И.В. Степановым в 25 человек, в сезон их число могло увеличиться на 60 чел.[6]

В XVII в. отдельный астраханский рыбопромысловый комплекс возглавляли промышленники, приказчик, служебник, учужный атаман, который контролировал все учужные работы, принимая в них непосредственное участие[7].

Основная часть купцов, занимавшихся рыбным промыслом в Астраханском крае, были русскими. Первыми купцами, взявшими учуги в начале XVII в. на Яике и в Низовьях Волги на откуп, были ярославцы Н. Светешников, Г. Никитников, Д. Назарьев, В. Шорин[8].

В XVI–начале XVIII в. крупнейшим собственником рыбопромысловых угодий в Низовьях Волги являлась Астраханская епархия Русской православной церкви. В начале XVII в. архиепископ Феодосий взял на откуп учуг Коклуй, с 1592 г. отданный в оброк Троицкому монастырю[9]. В 1616 г. архиепископ Онуфрий получил «неводные рыбные ловли от Караузинского острова от нижней изголовли Усть-Царевы протоки и вверх по Волге — по крымчкой и ногайской стороне, по ильменям и протокам до Большие и Малые Болды...»[10].

Со второй половины XVII в., на фоне экономического кризиса в стране в целом, отмечался кризис и промыслового предпринимательства в Низовьях Волги, проявившийся в запустении промысловых угодий, в отказе купцов от откупов учугов[11].

---

[6] *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ленинградский государственный университет. Ученые записки. Серия исторических наук. 1939. № 48. Вып. 5. С. 116–132.

[7] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 88, 89.

[8] *Дубман Э.Л.* Русское привилегированное купечество в Понизовом Поволжье в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, Издательство КГУ, 2009. С. 102.

[9] *Саввинский И.И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 73.

[10] *Саввинский И.И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 75.

[11] *Дубман Э.Л.* Русское привилегированное купечество в Понизовом Поволжье в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, Издательство КГУ, 2009. С. 103.

Учуги в XVII в. принадлежали и астраханским стрельцам. Указом от 29 февраля 1684 г. астраханским стрельцам «за их службу и частые посылки» был отведен безоброчно промысел для рыбной ловли всякими снастями по Волге от р. Болды по обе стороны 5 верст[12].

Наряду с русскими рыбным промыслом в XVII в. занимались астраханские татары, ногайцы и калмыки. В 70-е гг. XVII в. астраханские татары владели учугами в Низовьях Волги[13].

В дельте Волге, в низовьях Яика во второй половине XVI–XVII в. сформировался комплекс учугов, на основе которых и развивалось региональное промысловое рыболовство. В начале XVII в. в Астраханском крае были известны учуги Иванчуг, Бурунтай, Коклуй, Колкомановский, Урустоба, Уварy, Чурка, Басарга, Бирюль, Камызяк, Чеган, Бузан[14]. Информация, относящаяся к началу XVIII в., уточняет принадлежность нижневолжских учугов. Так, к дворцовому ведомству относились учуги Уварy, Урустоба, Бирюль, к Патриаршему дому — Бельский, Камызяк, Чаган, к Астраханской епархии — Талуч, Басарга, к Троице-Сергиевскому монастырю г. Астрахани — Таныч, Большой и Малый Иванчуг, к Спасо-Преображенскому монастырю г. Астрахани — учуг Чурка[15].

В Астраханском крае в конце XVII–начале XVIII в. функционировало несколько значительных промысловых предприятий: казенное (на промыслах работало 78 чел.), патриаршее (на промыслах работало 70 чел.), епархиальное (на промыслах работало более 80 чел., в сезон нанимали до 100 чел.), астраханского Троице-Сергиевского монастыря (на промыслах работало 63 чел., в сезон нанимали до 40 чел.)[16].

Нижневолжский регион в рассматриваемый период являлся крупнейшим поставщиком рыбы, составлявшей значительную часть рыботорговли на ярмарках Москвы и Нижнего Новгорода. Черная икра на внешний рынок отправлялась из Нижнего Новгорода в Ар-

---

[12] *Лебедев К.Н.* О Каспийском рыболовстве. СПб., 1863. С. 17.

[13] *Дубман Э.Л.* Рыболовецкие промыслы юго-востока Европейской России в конце XVI–начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 130.

[14] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 75–76.

[15] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 76.

[16] *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 94.

хангельск через Ярославль и Вологду. Только в 1651–1653 гг. из Архангельска было вывезено в 20 000 пудов икры за 30 000 руб.[17].

С 90-х гг. XVII в. по первое десятилетие XVIII в. астраханские рыбные ловли были переданы в управление канцелярии А.В. Кикина. Однако и в это время часть рыбных угодий передавалась в пользование монастырей.

Отметим, что регулирование добычи рыбы в Низовьях Волги Российским государством систематизировалось после объявления рыбных промыслов казенной монополией с 1704 г., после основания Астраханской рыбной конторы и передачи Астраханскому городскому обществу «Астраханских рыбных ловлей», к которым относились северо-западные участки волжских протоков, морские участки Каспия[18].

По указу Петра I от 6 января 1704 г. «Об отдаче рыбных ловель на откупы и о ведении оных в Ижорской канцелярии» оброчные и безоброчные рыбные промыслы, ранее отданные помещикам и вотчинникам, передавались в государственную монополию и отходили в ведение Семеновской (Ижорской) канцелярии («....все что ни есть взять на Себя Великого Государя и отдавать из Ижорской канцелярии дел рыбных ловель, откупщикам на оброк с торгу из паддачи, людям добрым и пожиточным и с добрыми поруками, тому кто больше даст»), которая определяла участки на оброк откупщикам[19].

При отсутствии откупщиков система рыбодобычи сохранялась в соответствии с дореформеннным положением. Указ предписывал строгий учет добытой рыбы и орудий лова в статистических отчетах, отправляемых в государственные органы власти («а ...откупщиков не будет и в тех рыбных ловлях рыбу ловить по прежнему, тем же промышленникам и работным людям, которые у тех ловель были», «... в городах воеводам и приказным людям взять в Приказных избах с переписных книг перечневые списки...на скольких верстах или десятинах длиннику или поперичнику написано, и сколько в полую воду где запоров бывает и те запоры сколь велики...и какая где рыба, и в которых местах ловят неводами двадцатными или сороковыми или сотными или иными какими, и в которое время

---

[17] *Торопицын И.В.* Роль Нижнего Поволжья в торговле России со странами Европы в XVII в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион Гуманитарные науки. История. 2010. № 1 (13). С. 17.

[18] *Струбалина Н.К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 8–9.

[19] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. СПб., 1830. С. 232.

какими снастями где ловят, и в каких судах, и по чему какой невод, или какая снасть ценою ставится, и помногу ль человек промышленников и работников на тех рыбных ловлях у какого невода или у какой снасти, и рыбы в улов по скольку бывает, и на себя лровят или в наем отдают? А которую рыбу где на рыбных ловлях доведется солить и тое рыбу солить и рыбыне всякие припасы строить с великим радением неоплошно, чтобы рыба была самая добрая, не мягкая и не толокняная и складывать турыбу в пристойных местах, что б той рыбе никакие порухи и истраты отнюдь не было. А которые откупщики за которые воды с торгу станут давать по 10 рублей: и те воды отдавать на годи и на два, а за которые 100 и 200 и 300 рублей: и такие воды отдавать года на два и на три, а за которые воды станут давать по 500 рублев и больше: и такие воды отдавать на пять лет, а больше тех вышеописанных лет таких вод на оброк за такие вышеписанные цены отнюдь никому не отдавать...

А для отдачи на оброк рыбных ловель, дать книги в дестевых тетрадях за закрепою приказных людей, кому дела рыбных ловель приказаны, и который откупщик за какую рыбную ловлю станет что оброку давать: и то записывать в те книги именно и к тем запискам тем откупщикам велеть руки прикладывать.

А на откупных рыбных ловлях кроме Государевых рыбных промыслов, в которых ловят на Великого Государя, самоловами рыбку отнюдь ловить не велеть, и сказать о том у описи с запискою Великого Государя указ с великим прикрепление, чтоб впредь самоловами рыбы нигде никто отнюдь не ловили, для того, что за такими снастями рыбы мелкой, а не только что великой, вверх пройтить невозможно, и за тем в верховые рыбе бывает оскудение, а в Низовых городах мелкая рыба всегда пропадает даром, а будет кто станет ловить, и тем людям быть в жестоком наказание безо всякой пощады и в ссылке на каторгу»[20].

Указ 1704 г. устанавливал регальное право на рыбные промыслы в большом объеме и без изъятий. Указы 1702 г., 1704 г., 1716 г. устанавливали регальное право и на экспорт рыбьего клея.

Уже в 1707 г. митрополит Сампсон вступил в арендаторы казенных рыболовных вод в урочищах Киндерлицких, от Караузицкого острова вниз по Волге, воды Вознесенского монастыря, выплачивая торговые оброки в казну[21].

---

[20] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. СПб., 1830. С. 233, 236–239.

[21] *Саввинский И.И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 84.

Именной указ Петра I астраханскому губернатору А.П. Волынскому от 26 октября 1720 г. регламентировал и переработку рыбы: засолку осетров и сельди: «Опробовать рыбу для отпуска за море; таким образом солить свежих осетров, изрезав в звенья и закупоривать в небольшие бочки; другую варить в тузлуке и наливать уксусом, также опробовать наливать рыбьим жиром и в таких же бочках закупоривать. Оные пробы делать как из осетров, так и из севрюг. Опробовать же солить сельди, которые в Каспийском море»[22].

Посетив Астраханскую губернию в ходе Персидского похода, Петр I лично познакомился с рыбодобычей края, побывав 19 июля 1722 г. на Троицких и Дворцовых учугах, 24–25 октября 1722 г. — на Иванчугском, Уваринском, Камызякском учугах, собственноручно добывая белуг[23].

С 20-х гг. XVIII в. астраханское купечество на новых условиях активно интегрируется в региональную рыбодобычу, беря на откуп рыбные места в дельте Волги и острова на северном Прикаспии для добычи тюленей[24].

Указом Екатерины I от 31 марта 1727 г. рыбные ловли в дворцовых, архиерейских, монастырских волостях и помещичьих волостях, отданные на откуп, передавались владельцам. Началась так называемая окладная система сборов[25].

Рыбный промысел Астраханского края традиционно являлся одним из значимых экономической деятельности в регионе, одной из причин интеграции края в Московское государство в XVI в. В XVII в., кроме экономической значимости, рыбный промысел в Астраханском крае способствует заселению и освоению его территорий, формируя городскую и региональную отраслевую инфраструктуру. Реформы Петра I в области рыбодобычи и рыбообработки затронули и Астраханскую губернию, способствовали активизации отрасли и освоения рыбных запасов региона.

---

[22] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. СПб., 1830. С. 251.

[23] Походный журнал 1722 г. СПб., 1785. С. 49, 91.

[24] *Комиссаренко А.И.* Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII веке // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. 2009. С. 31.

[25] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VII. СПб., 1830. С. 775.

ПЕТРОВСКИЙ СЛЕД В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

Екатерина Александровна Тюхменева
(Москва)

Заведующая отделом русского искусства
НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ

Петр I и триумфальная культура России Нового времени

Ekaterina A. Tyukhmeneva

Peter the Great and the Triumphant Culture of the New Time Russia

Аннотация: В статье анализируется роль эпохи Петра I в формировании отечественной триумфальной культуры Нового времени. Именно в его правление были выработаны основные принципы организации триумфов, коронационных празднеств и торжественных встреч монарха, сопровождавшихся постановкой триумфальных ворот. Судьба петровских традиций прослеживается вплоть до конца императорского периода в истории России.

Abstract: The article analyzes the role of the era of Peter the Great in the formation of the Russian triumphant culture of the subsequent time. It was during his reign that the basic principles of organizing triumphs, coronation celebrations and festive greetings of the monarch were developed, accompanied by the installation of triumphal arches (gates). The existence of Peter the Great's traditions has been traced until the end of the imperial period in the history of Russia.

Ключевые слова: триумфальная культура, триумфальная арка, триумфальные ворота, праздничное убранство города, императорский церемониал
Keywords: triumphal culture, triumphal arch, triumphal gate, festive decoration of the city, imperial ceremonial

Понятие «триумфальная культура», положенное в название статьи, используется нами в своем конкретно-историческом значении и подразумевает под собой культуру триумфа (от лат. triumphus), уходящую корнями в древнеримскую эпоху. Как показывают многочисленные исследования[1], традиция античного триумфа возродилась в Европе на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени и постепенно стала распространяться не только на военные, но и на значимые мирные события. Среди последних коронация, свадьба высокопоставленного, прежде всего правящего, лица, его визит в тот или иной город, в том числе во время поездок по стране. В истоках развития «мирной ветви» этой традиции специалисты также видят влияние адвентусов (от лат. adventus — пришествие) — принятых как в Римской империи, так и в Византии церемоний торжественной встречи императора, главы региона или другой влиятельной особы. Причем, по имеющейся статистике адвентусы устраивались в Древнем Риме гораздо чаще, чем триумфы. В Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени программа таких встреч символизировала, в первую очередь, преданность и верность правителю. В ряде стран торжественное вступление высокопоставленного лица в город получило название «радостный вход» (на французском — Joyeuse entré, на голландском — Blijde intrede). В обоих случаях, при наличии и военного, и мирного поводов, церемониал встречи предполагал организацию торжественного шествия, проходившего по определенному маршруту, который нередко акцентировался триумфальными арками и иными видами праздничной декорации.

Сложением в России светской праздничной культуры европейского типа мы, как известно, обязаны Петру I. Именно в его правление сформировалась традиция проведения как собственно триумфов, так и торжеств, посвященных иным, не военным событиям государственной важности. Учитывая широту заявленной проблематики, сосредоточимся на тех празднествах, которые сопровожда-

[1] См., например: *Versnel H.S.* Triumphus: An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph. Leiden, 1970; *Strong R.* Art and Power. Renaissance festivals, 1450–1650. Berkeley; Los Angeles, 1984; *Watanabe-O'Kelly H., Simon A.* Festivals and Ceremonies. A Bibliography of Works Relating to Court, Civic and Religious Festivals in Europe, 1500–1800. London, 2000.

лись созданием триумфальных арок — знаков наивысшей славы и почета. В данной статье предполагается охватить триумфы и другие торжественные церемонии, проведенные на территории России. Заграничные празднества в честь Российского государства обладают своей спецификой и требуют отдельного внимания[2]. Стоит также отметить, что в отечественной культуре первой четверти XVIII в. за триумфальными арками закрепилось наименование триумфальные врата/ворота[3], которое используется до сих пор, его мы будем придерживаться и в настоящей статье.

Закономерно, что первостепенная роль в процессе сложения новой праздничной культуры в нашей стране досталась Москве как столичному городу. Именно здесь было проведено подавляющее большинство триумфов Петровской эпохи. Первым в России стал триумф 30 сентября 1696 г., отмечавший взятие Азова. Образная программа созданных к этому событию на Всехсвятском мосту триумфальных ворот восходила одновременно и к античной, и к византийской истории и, как полагает Д.Д. Зелов, активно развивала идею «Москва — Третий Рим»[4]. В целом, такое совмещение античной и византийской традиции было характерно для отечественного церемониального пространства всего Нового времени. Однако, по общему мнению исследователей, в XVIII — начале XIX в. доминировала апелляция к древнеримскому наследию, а со второй четверти XIX столетия — к византийскому как предтече национальной русской культуры, что отразилось в стилевом решении праздничных комплексов.

Событиям Северной войны было посвящено восемь петровских триумфов. Наиболее насыщенным в этом отношении оказалось первое десятилетие XVIII в.: с 1702 по 1705 г. в Москве триумфы устраивали ежегодно в ноябре или декабре месяцах. Апогеем чере-

---

[2] О таких празднествах конца XVII – первой четверти XVIII в. см., например: *Тюхменева Е.А.* Художественное оформление торжеств в честь Российского государства за границей: к вопросу о репрезентации России в Европе при Петре I // *Тюхменева Е.А., Быкова Ю.И.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М., 2022. С. 139–165.

[3] Подробнее о вопросах терминологии см.: *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в. Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 17–22.

[4] *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 162–163.

ды торжественных мероприятий стало празднование зимой 1709–1710 гг. Полтавской виктории, переломившей ход войны. После этого два морских триумфа, Гангутский (1714) и Гренгамский (1720), прошли в Санкт-Петербурге, роль которого с первой половины 1710-х гг. начала заметно возрастать.

Москва как первопрестольный город вновь выдвинулась на передний план в начале 1720-х гг., ознаменованных тремя важными для России событиями — заключением Ништадтского мира (1721), возвращением Петра из Персидского похода (1722) и коронацией Екатерины Алексеевны (1724). При проведении последнего торжества зародилась традиция ставить триумфальные ворота по случаю коронационных празднеств. Правда, от торжественного въезда супруги Петра I в Москву тогда отказались, и триумфальные ворота были задействованы только в церемониальных проездах императрицы из Головинского дворца в Кремль или в обратном направлении[5]. Между тем, Екатерине была отведена важная роль в организованном полутора годами ранее Дербентском триумфе, в то время как Петр шествовал по обыкновению в составе войск[6].

Наконец, в Петровскую эпоху состоялось несколько торжественных встреч, посвященных городским визитам монарха. Так, например, 13 декабря 1711 г. прошла церемония встречи Петра I в Ревеле (Таллине). К этому событию было сооружено двое триумфальных ворот. Эскиз первых из них, ратушных, сохранился в таллинском архиве[7].

Итак, на протяжении конца XVII — первой четверти XVIII в. при активном участии Петра I и его сподвижников были выработаны ключевые принципы организации триумфов, их церемониал и особенности художественного оформления. Кроме того, закрепилась роль Москвы и Санкт-Петербурга в проведении таких торжеств, сложились основные маршруты праздничных шествий и места постановки триумфальных ворот в пространстве обеих столиц. Все приведенные выше позиции, в целом, достаточно хорошо изучены и представлены в научной и исто-

---

[5] О развитии головинского ансамбля в Петровскую эпоху и его дальнейшей судьбе см.: *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 21–83.

[6] Сборник Русскаго Историческаго общества. Т. 3. СПб., 1868. С 353–354; Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 499–500.

[7] *Погосян Е.А., Сморжевских-Смирнова М.А.* Православный Ревель Петра I. Таллин, 2019. С. 82–87.

рической литературе[8]. Стоит только отметить, что праздничная декорация города стала в России одним из важных проводников искусства Нового времени. Теперь проследим, как сложилась судьба петровских традиций в годы правления последующих императоров.

Вполне логично, что наиболее устойчивой в постпетровский период оказалась традиция торжественного входа (въезда, вступления), или, по принятой тогда терминологии, «вшествия», монаршей особы в Москву на коронацию. Первое в России событие такого рода состоялось в древней столице в царствование Петра II, последнее — при Николае II. В основе программы торжественных «вшествий» в Москву на коронацию лежал церемониал, опробованный во время триумфов Петра I и коронационных проездов его супруги. Изменения, происходившие в организации этих «вшествий» на протяжении второй четверти XVIII — конца XIX в., соответствовали официальным установкам своей эпохи и касались, прежде всего, художественного оформления празднеств и состава участников церемонии.

Маршрут коронационных въездов повторял путь, которого придерживались триумфы 1702–1705 и 1721 гг., когда войска подходили к Москве с северо-запада и двигались к Кремлю по Тверской улице[9]. Закрепление этого пути произошло, очевидно, со строительством и переносом столицы в Санкт-Петербург. От Кремля, не являвшегося в первой четверти XVIII в. финальной точкой триумфального маршрута, Петр с рядом военных подразделений направлялся по Никольской и Мясницкой улицам в Лефортово. Остальные виновники торжеств могли следовать в другие районы города, к местам своей дислокации. Напомним, что Кремль не участвовал тогда в программе триумфов: войска не заходили на его террито-

[8] Подробную историографию и библиографию, посвященные данной проблематике, см., например, в работах: *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII в. С. 12–38, 283–303; *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в. С. 8–16, 315–324.

[9] Согласно журналу барона Г. фон Гюйссена, в ноябре 1703 г. войска вступали в столицу не через Тверские, а через Дмитровские ворота Земляного города и далее должны были шествовать по трассе улицы Малой Дмитровки, сворачивавшей в тот период к Тверским воротам Белого города. — Журнал государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизеном. Половина перьвая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Изданное трудами и иждивением Феодора Туманскаго. Ч. 3. СПб., 1787. С. 372.

рию. С проведением коронационных празднеств он вернул себе историческое значение. Кроме того, три монарха — Елизавета Петровна, Павел I и Александр I — при совершении «вшествия» в Москву на коронацию повторили полный маршрут петровских триумфов — от Тверской заставы в Лефортово[10]. Тем самым подчеркивалась связь с первым российским императором, подкрепленная наличием прямых родственных уз (дочь, правнук и праправнук). В царствование Екатерины II Мясницкая улица и Красные триумфальные ворота (1753–1757; архитектор Д.В. Ухтомский; снесены на рубеже 1920–1930-х гг.), увековечившие ворота петровских триумфов, были активно задействованы в маскараде «Торжествующая Минерва», приуроченном к коронационным событиям. В организации этого необычного празднества прослеживаются определенные аналогии с маскарадными проездами Петра I 1722 и 1723 гг. в честь Ништадтского мира, что требует дальнейшего исследования. После коронации Александра I Лефортово, а также трассы Никольской и Мясницкой улиц утратили свою актуальность. Однако резко обрывать вековую традицию не стали. Во время коронаций Николая I и Александра II на территории бывшей головинской резиденции (Екатерининского дворца; ныне — здание Общевойсковой академии Вооруженных Сил Российской Федерации), в которой тогда размещался Кадетский корпус, были устроены роскошные фейерверки, завершавшие официальный период праздничных мероприятий.

От постановки триумфальных ворот к коронации отказались в царствование Николая I, хотя разработка их проектов велась архитекторами. С тех пор вместо ворот в «узловых точках» коронационного маршрута начали возводить галереи-палатки, предназначенные для встречавших императорский поезд групп граждан. На рубеже 20–30-х гг. XIX в. на площади Тверской заставы были построены Триумфальные ворота в память победы в войне с Наполеоном (1829–1834; архитектор О.И. Бове; разобраны в 1936 г.; восстановлены в 1966–1967 гг. на Кутузовском проспекте, ныне — площадь Победы), которые стали постоянно участвовать в церемонии торжественной встречи монарха[11].

---

[10] Елизавета Петровна остановилась в головинском (аннегофском) Зимнем дворце, а Павел I и Александр I — в расположенном на противоположном берегу Яузы Слободском дворце (ныне — здание МГТУ им. Н.Э. Баумана).

[11] Подробнее об организации коронаций российских императоров в XIX столетии см.: *Слюнькова И.Н.* Проекты оформления коронационных торжеств в России XIX в. М., 2013.

В Петровскую эпоху существовал второй маршрут торжественного входа в Москву — с юга, через Серпуховские ворота Земляного города. В тот период он был задействован три раза — при Азовском, Полтавском и Дербентском триумфах. Летом 1787 г. им воспользовалась Екатерина II во время своего возвращения из путешествия в Крым.

Триумфальная культура XVIII в. нашла отражение в топонимах Москвы. Площади, появившиеся на тех местах, где традиционно возводили праздничную декорацию, получили соответствующие названия — Триумфальная, Красных ворот. Причем, Триумфальными на рубеже XVIII–XIX столетий являлись две площади: одна из них возникла при сломе Тверских ворот Земляного города, другая — Серпуховских ворот. Однако со временем последняя утеряла праздничное наименование и известна сейчас как Серпуховская[12]. Площадь Тверской заставы с 1830-х по 1930-е гг. называлась площадью Новых триумфальных ворот.

В качестве альтернативы московскому коронационному «вшествию» в Санкт-Петербурге начали устраивать торжественный вход монарха, посвященный его возвращению после коронации. Как известно, постановкой триумфальных ворот ознаменовалось прибытие в северную столицу Анны Иоанновны (1732) и Елизаветы Петровны (1742). В последнем случае программа убранства триумфальных ворот прославляла не только состоявшуюся коронацию, но и текущие победы в русско-шведской войне, а также присоединение Финляндии. Триумфальные ворота планировали построить и к приезду Екатерины II в Санкт-Петербург после коронации, однако данный проект так и не был осуществлен.

Особое развитие в постпетровское время получила традиция проведения триумфов. Так, Елизавета Петровна по примеру отца праздновала в Москве заключение мира со Швецией (1744), а Екатерина II — с Турцией (1775). К торжественной встрече императриц были сделаны триумфальные ворота, украшенные соответствовавшей случаю декорацией[13]. С определенными оговорками можно

[12] Памятники архитектуры Москвы: Замоскворечье. М., 1994. С. 29.

[13] *Тюхменева Е.А.* Программа убранства триумфальных ворот в Москве по случаю заключения мирного договора со Швецией 1743 г. Основные особенности // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы: сб. ст. Вып. 13: По итогам Всероссийской научной конференции «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII – начале XX в. / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М., 2010. С. 40–61; *Она же.* О триумфальных воротах 1743 г. в Москве // М.В. Ломоносов и елизаветинское время: сб. науч. ст. по материалам конференции «М.В. Ломоносов и елизаветинское время», Санкт-Петербург,

сказать, что эволюция триумфальной культуры в России XVIII в. напоминала ситуацию, сложившуюся в древнеримской истории, где триумф сначала являлся высшей наградой победоносного полководца и его войска, а потом — стал достоянием императора. Главными героями триумфов эпохи Петра I, по его воле, являлись военачальники (монарх шествовал среди участников процессии в соответствии с его воинским рангом), а Елизаветы Петровны и Екатерины II — сами императрицы. Ради полноты картины стоит добавить, что в состав церемониальной процессии Елизаветы Петровны были включены участвовавшие в военной кампании подразделения, возглавляемые генералом П. Ласси[14]. В свою очередь, Екатерина II пошла еще дальше. Она пыталась устроить торжественную встречу на Серпуховской дороге при подъезде к Москве главнокомандующему действующей армией в Русско-турецкой войне (1768–1774) Петру Александровичу Румянцеву, от которой тот сумел тактично отказаться и к общему разочарованию собравшихся зрителей промчался мимо триумфальных ворот[15].

Новый этап в развитии культуры триумфа пришелся на начало XIX в. и был связан с событиями Отечественной войны 1812 г. К торжественной встрече возвращавшейся из Парижа армии во главе с Александром I было поставлено двое триумфальных ворот — близ Нарвы и при въезде в Санкт-Петербург[16]. Первые ворота остались не востребованными в торжествах, поскольку войска прибыли морем в Ораниенбаум. Вторые ворота были перестроены в камне и сохранились до сих пор — это Нарвские ворота в Санкт-Петербурге

14–16 апреля 2011 г. / отв. ред. Т.В. Ильина. СПб., 2011. С. 59–69; *Она же.* Триумфальные ворота в Москве 1743 г. История строительства и мастера // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 14: По итогам Всероссийской научной конференции с участием иностранных специалистов «Отечественное искусство XVIII – начала XX в.: стилевые предпочтения, персоналии, обучение, взаимоотношения с государством и обществом» / сост. И.В. Рязанцев. М., 2012. С. 23–49; *Махотина А.А.* Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II. Дис. на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. М., 2011. Т. I. С. 60–108.

[14] *Аронова А.А.* «Императрица Елизавета Петровна Янусов храм заключила». Абоский триумф: идея и образ торжества // Искусствознание. 2020. № 4. С. 98–99.

[15] *Болотов Т.А.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 3: 1771–1795. М., 1993. С. 205–208.

[16] *Кириченко Е.И.* Запечатленная история России. Кн. 1: [Архитектурный памятник]. М., 2001. С. 114–115.

(1827–1834; архитектор В.П. Стасов). Триумф победы над Наполеоном, как известно, отразился в создании многочисленных мемориальных сооружений, в том числе в виде триумфальных арок, однако эта тема выходит за рамки данной статьи.

Необычайно жизнеспособной в России оказалась традиция торжественной встречи монарха по случаю его приезда в город, усадьбу или какое-либо другое место. В эпоху Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны известны единичные случаи проведения таких встреч, как правило, локализованных в близких к обеим столицам регионах или на пути между ними. В царствование Екатерины II, совершившей несколько длительных поездок по России, количество и географические границы организации торжественных встреч с возведением триумфальных ворот значительно расширяются, что достаточно хорошо освещено в работе А.А. Махотиной[17]. В качестве наглядных примеров можно привести триумфальные ворота в Могилеве (1780; пролет заложен в 1950-х гг.), Новгороде-Северском (1786–1787; автор проекта — Дж. Кваренги(?)), Твери (1787) и подмосковной усадьбе Кусково (1787). Первые двое ворот сохранились до сих пор, а от третьих и четвертых чудом уцелели украшавшие их живописные полотна[18].

В XIX столетии традиция постановки триумфальных ворот к встрече императора и членов его семьи продолжала активно развиваться в провинции. Как и в предшествующий период, такие ворота могли сооружать не только из недолговечных, но и из прочных материалов. Среди праздничных комплексов обозначенного времени назовем триумфальные ворота в Новочеркасске (1817), Курске (1823), Саратове и Астрахани (1871), Екатеринодаре (Краснодаре; 1888), а также ворота, построенные в дальневосточных и сибирских городах (Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Верхнеудинске (Улан-Удэ) и др.) в честь приезда цесаревича Николая Александровича в ходе его путешествия на Восток 1890–1891 гг.[19]

---

[17] *Махотина А.А.* Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II. Т. I. С. 139–169.

[18] *Горбунова А.В.* Триумфальные ворота Тверской губернии во второй половине XVIII в. // Русская культура. XVII–XX вв. Материалы, исследования, публикации. Вып. 3. Тверь, 2005. С. 39–46; Екатерина Великая и Москва: Каталог выставки, июль–сентябрь 1997 / Государственная Третьяковская галерея. М., 1997. С. 169–170 (№ 515).

[19] Автор благодарит Игоря Валерьевича Глазова за предоставленную информацию о триумфальных воротах XIX в.

Триумфальные ворота, возведенные «в камне», в дальнейшем становились одной из местных достопримечательностей — памятным знаком визита монарха в город. В начале советской эпохи многие из них были разобраны. Однако в последние годы прослеживается общая тенденция к восстановлению утраченных ворот, в нескольких городах (Владивостоке, Благовещенске, Улан-Удэ, Канске) это уже произошло. Согласно сохранившимся изображениям, во второй половине XIX в. триумфальные ворота «к случаю» решались либо в «русском стиле», либо в классицистическом, каноничном для данного типа архитектуры.

Разумеется, традиция, заложенная триумфами Петра I, не пресеклась с падением Российской империи. Она перешла в советское время и востребована до сих пор, что является темой для отдельного исследования.

Ольга Анатольевна Лазебник
(Санкт-Петербург)
Доцент,
главный библиотекарь Отдела картографии
Российской национальной библиотеки
Ольга Сергеевна Романова
(Москва)
Главный специалист Отдела наук о Земле
Российской академии наук

Преобразования Петра Великого в области картографии: путь на Северо-Восток

Olga A. Lazebnik
Olga S. Romanova

Peter the Great's Transformations in the field of cartography: the Way to the Northeast

Аннотация: В статье освещено начало формирования российской государственной системы картографирования по инициативе Петра I, основанной на западноевропейских научных знаниях и практическом опыте к началу XVIII в. Характеризуется уникальная карта, созданная во исполнение дальновидных замыслов Петра I по познанию северо-востока Евразии и омывающих морей. Она составлена в 1746 г. по результатам многолетних Камчатских экспедиций выпускниками первых российских учебных заведений, основанных петровскими указами. В основе карты лежат первые инструментальные съёмки и наблюдения малоизвестных и неизвестных территорий и акваторий, а также научные приёмы картографирования. Карта, отразившая многие географические открытия, является памятником картографического наследия России XVIII в.

Abstract: The article shows the beginning of the formation of the Russian state mapping system on the initiative of Peter the Great, based on Western European scientific knowledge and practical experience at the beginning of the XVIII century. It is characterized by a unique map created in fulfillment of Peter the Great's visionary plans to explore the northeast of Eurasia and the surrounding seas. It was compiled in 1746 based on the results of long-term Kamchatka expeditions by graduates of the first Russian educational institutions founded by Peter the Great's decrees. The map is based on the first instrumental surveys and observations of little-known and unknown territories and waters, as well as scientific mapping techniques. The map, which reflected many geographical discoveries, is a monument of the cartographic heritage of Russia of the XVIII century.

Ключевые слова: наследие Петра Великого, картографические памятники, XVIII век, история картографии, экспедиции.
Keywords: the legacy Peter the Great's, cartographic heritage, XVIII century, unique map, the history of cartography, expeditions.

Влияние Петра Первого на формирование картографирования Российского государства с опорой на сложившиеся в XVII в. в Западной Европе научные и технические приёмы было определяющим. Именно решительные шаги с первых месяцев его самостоятельного правления в 1696 г. и до кончины определили революционный переход от малых знаний пространства государства, от русского традиционного чертежа земель к собранной пространственной картине страны, к математически обоснованным картам и атласам. За короткий, в историческом понимании, период в 50–70 лет произошёл этот коренной перелом, ознаменовавшийся принципиальным принятием западноевропейской картографической науки, практики, образования, издания. Данные о деяниях Петра I, в том числе в географической и картографической областях, имеют высокий уровень разработанности и научной освещенности[1]. Тем не менее, выявля-

[1] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1 Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / Исследование П. Пекарского. Удостоено от Академии наук полной демидовской премии. Санкт-Петербург: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1862. https://www.prlib.ru/item/428727; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры Собрания Петра I / Академия наук СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961; *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий / Изд-е 2-е. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949; *Гольденберг Л.А.* С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII начала XVIII в. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. Москва: Недра, 1967; *Постников А.В.* Развитие крупномасштабного картографирования в России / отв. Ред. И.А. Федосеев. Москва: Наука, 1989.

ются основания по-новому взглянуть на исторический процесс сквозь призму времени, благодаря как осмыслению расширяющегося объёма знаний, так и выявлению новых ранее не освещенных документов и сведений.

В данной статье, во-первых, мы обращаем внимание на факторы, оказавшие влияние на замыслы молодого царя и первые шаги их реализации, имевшие абсолютно новаторский характер и заложившие прочный фундамент всего последующего развития географического познания и картографирования страны в целом. Во-вторых, мы подчёркиваем устремленность взоров Петра I на восток как направления не только и не столько ради географического познания, сколько с позиций его экономических, внешнеэкономических и политических замыслов. Ведь Сибирь того времени с её мало изведанными просторами и пределами, трудноуправляемой жизнью и населением — это пушно-меховая основа казны, потенциал в добыче металлов и ценных камней, торговый путь в Китай и Индию, а также в Японию и Америку, это буфер с воинственными соседями и т.д. В-третьих, мы детально характеризуем мало освещённую, но мощную картографическую работу, ставшую показателем прогресса как в научно-технических приёмах и методах картографирования, так и в познании территорий и акваторий и в закреплении российской государственности в азиатско-тихоокеанском макрорегионе.

В управлении Московским государством пространственные знания и изображения в виде чертежей, безусловно, были важны и применялись правящей элитой издавна. Сведения о наиболее ранних, дошедших до нашего времени чертежах находим в работах А.И. Андреева[2], Б.П. Полевого[3] В.С. Кусова[4], А.В Постникова[5], Л.С. Гольденберга[6] и др. Авторы подчёркивали самобытность,

---

[2] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. / Второе изд., испр. и доп. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960.

[3] *Полевой Б.П.* Географические чертежи посольства Спафария // Известия АН СССР. Серия географическая. 1969, № 1. С. 115–124.

[4] *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. Москва: Русский мир, 2007.

[5] *Постников А.В.* Картографирование Сибири в XVII – начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. II. Исследование. Переводы. Комментарии. Указатели. Москва: ФГУП «ПКО «Картография», 2003. С. 1–19.

[6] *Гольденберг Л.С.* Изограф Земли Сибирской: жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1990.

информационную наполненность, географическое соответствие, художественность и практическую направленность чертежей. Также отмечалось стремление иностранцев завладеть такими материалами для использования их при создании своих карт.

О знакомстве правящей и состоятельной русской элиты с европейскими географическими и картографическими трудами и практиками можно судить по сведениям о наличии, например, географических атласов XVI и XVII вв. в Московском государстве. П.П. Пекарский отмечал, что «ученость» в Московии, в том числе географическая, к петровскому времени слагалась двумя путями — от Польши через Киев и от Голландии, Германии, отчасти Англии, Франции и Италии[7]. Так, царь Михаил Фёдорович располагал атласом с географическим описанием нидерландского картографа Г. Меркатора: Atlas sive cosmographicæ meditationes de fabrica mundi et Fabricati Figura (1595) издания Й. Хондия в Амстердаме в первые десятилетия XVII в. В 1637 г. по указу царя в Посольском приказе перевели текстовую часть атласа на русский язык, назвав её: «Книга глаголемая Космография сиречь описание сего света и государств великих»[8]. В 1655–1657 гг. также перевели географическую часть одного из семи томов атласа И. Блау на латинском языке (1645), приобретенных патриархом Никоном[9].

Вероятно, Петр с раннего детства имел возможность видеть и даже обращаться с европейскими географическими картами. Так, исследование Е.Д. Маркиной показывает, что Н.М. Зотов, входивший в ближайшее окружение царя Федора Алексеевича, а затем и царевича Петра, к обучению которого с пятилетнего возраста он был допущен, располагал атласом амстердамского картографа и издателя Ф. де Витта «Atlas. Tot Amsterdam bij Frederick de Wit in de Calverstact...» [168?][10]. Надо полагать, что Н.М. Зотов использовал

---

[7] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 5.

[8] *Глускина С.М.* «Космография» 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. Т. III. История географических знаний и географических открытий / АН СССР; Географическое общество СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. С. 79–99.

[9] *Шибанов Ф.А.* О некоторых аспектах картографии России допетровского времени (XVI – XVII вв.) и роли С.У. Ремезова в истории русской картографии // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова. № 18. Геология и география. Вып. 3. 1968. С. 127–130.

[10] *Маркина Е.Д.* О так называемом «Атласе Зотова» // Картография XX века: теория, методы, практика: Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии, посвященной памяти А. А. Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.) Москва: Ин-т географии РАН, 2001. С. 647–654.

данный атлас, как и другие книги, в образовании царевича и далее в наставлениях юного царя. При Алексее Михайловиче в Оружейной палате имелось несколько глобусов[11], к которым юный Петр также имел доступ.

Повзрослевший Петр перенял многие знания, в том числе географические и картографические, у Ф. Лефорта, других жителей Немецкой слободы. Так, голландец Ф. Тиммерман познакомил Петра с азами астрономии, геодезии и навигации, некоторыми измерительными инструментами, приёмами черчения карт. В 1691 г. царям Иоанну и Петру Алексеевичам была поднесена печатаная карта голландского высокопоставленного предпринимателя Н. Витсена (Nicolaas Witsen) «Nieuwe lantkaarte Van het Noorder en Oofter deel van Asia en Europa strekkende van Nova Zemla tot China...» («Новая географическая карта Северной и Восточной части Азии и Европы, простирающаяся от Новой Земли до Китая») 1687 — [1690] гг. В ответ цари благодарили голландца «особой грамотой»[12], а позже Петр много лет поддерживал связь с Н. Витсеном. Именно эта карта и предложение предпринимателя наладить через Московское государство торговлю с Персией, Индией и Китаем, вероятно, побудили царей Иоанна и Петра обратить пристальный взор на восток — на Сибирь, омывающие её моря и наличие границы с Америкой. 10 января 1696 г. принят первый правовой акт — боярский приговор, ставящий картографическую цель: «О снятии чертежа Сибири на холсте с показанием на оном городов, селений, народов и расстояний между урочищами»[13].

Первое заграничное путешествие Петра I (Великое посольство 1696–1698 гг.) кардинально его изменило, в том числе, в понимании наук, технологий, просвещения и необходимости перестройки государства в целом. Петр не только изучал судостроение, но и встреча-

---

[11] *Фоменко И.К.* Глобус Блау: итоги и перспективы изучения // Вопросы истории естествознания и техники. 2004, № 1. С. 92–106.

[12] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. / Второе изд., испр. и доп. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. С. 89-90; *Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии. Ленинград: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1971. С. 34; *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716 / отв. ред. В.Н. Захаров. Москва: Наука, 2007. С. 390–391; Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. В 3 т. Т. III. Научные материалы / ред., науч. руков. Н.П. Копанева; Б. Наарден. Амстердам: Pegasu, 2010.

[13] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. III. 1689–1699. [Санкт-Петербург]: Тип. II Отд. Собственной Е. и. вел. Канцелярии, 1830. (ПСЗ РИ). С. 217, № 1532. https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=14&regim=3

лся с учеными (в т.ч. с астрономами, математиками и др.), знакомился с мастерами (в т.ч. с гравёрами, печатниками и др.), военными, коллекционерами; покупал книги (в т.ч., вероятно, атласы) и «диковинные вещицы», инструменты; совершал познавательные поездки, вел деловые переговоры и многое другое.

Хотя посольство было прервано, но Петр в части географии и картографии успел лично познакомился с европейскими землеведческими практиками — основами измерений на местности, азами астрономии и навигации, общими географическими представлениями и картографическими изображениями уровня конца XVII в. Он осознал активный интерес европейцев к сведениям об Азиатской России, её населении, ресурсах, транзитных возможностях, устойчивости власти и понял необходимость знаний об азиатской части страны в целом и Сибири, в частности, для пополнения казны, развития торговли, укрепления государственной власти и, возможно, расширения границ. Однако, вместе с тем, он осознал невозможность изменений на европейский «манер» без привлечения иностранцев в Россию, организации обучения как за рубежом, так и в России, покупки инструментов и материалов, строительства, отправки экспедиций, ведения научных работ, начала издательского дела. И все это могло быть осуществлено только на основе жёсткого управления.

Анализируя деятельность Петра в последующие годы, в т.ч. с учётом знакомства с зарубежьем во Втором Великом посольстве в 1716–1717 гг., можно обозначить круг задач, решение которых самодержец устанавливал и пошагово, не всегда системно и последовательно, но всё же решал. Они таковы:

— приглашение иностранцев — специалистов в разных областях: в навигации, астрономии, съёмках, гравировании и издании карт; причем специалисты должны были не только непосредственно исполнять работы, но и обучать россиян (с 1696 г);

— переводы зарубежной географической, технической, справочной, энциклопедической литературы и издание переводов (с 1696 г.);

— организация учебных заведений по подготовке специальных кадров: Математико-навигацкой школы (1701 г.), Морской академии (1715 г.) и других;

— законодательное закрепление обязательности картографических работ во всех коллегиях (министерствах) Государственным регламентом 1720 г.: статья «О ландкартах или чертежах государевых»;

— организация и профессиональное выполнение геодезистами съёмок и составление карт по Адмиралтейству (морских и

речных карт с 1699 г.), Сенату (ландкарт), а также другим ведомствам (с 1715 г.);

— отправка экспедиций для проведывания и съёмки восточных окраин и побережий (с 1717 г.);

— организация гравирования и издания карт и пособий: Печатная мастерская А. Шхонебека (с 1696 г.) и Гражданская типография В. Киприянова (с 1705 г.);

— учреждение Академии наук и художеств с университетом для решения в т.ч. географических и картографических задач, включая создание Генеральной карты Российской империи (1724 г.).

Планы в познании азиатской части государства, особенно её северо-восточных пределов, у Петра, очевидно, складывались постепенно. Определённую роль сыграло неудовлетворение чертежами Сибири, полученными во исполнение боярского приговора 1696 г. Чертежи (общий и региональные — «чертежи земель городов») тобольского сына боярского С. Ремезова, написанные в традиционном графическом стиле, без строгого ориентирования на север, без метрической основы, явно не оправдали ожиданий царя, знакомого с европейскими изображениями Московии и Сибири (Тартарии) из заграничных атласов и с картой, подаренной голландцем Н. Витсеном еще в 1690 г. Однако занятость созданием флота и военными кампаниями на северо-западе с Швецией и юге с Турцией, истощение казны, недостаток надёжных исполнителей, вероятно, отодвигали принятие мер по государственному продвижению на восток, по созданию ещё одних морских ворот для выхода в юго-восточную Азию, Японию и в Америку. Этим царь завершил бы морское оконтуривание страны по направлениям: *север — юг — запад — восток*.

Экспедиции, направленные на восток с конкретными целями, должны были поэтапно проводить познание и нанесение на карты земель и морей с применением наблюдений, измерений и съёмок. Далее должны были строиться порты, заводы, дороги, города... Первая разведывательная и секретная экспедиция была направлена Петром I в 1719 г.[14] Официально обученным в Морской академии геодезистам И. Евреинову и Ф. Лужину поручалось проверить наличие пролива между Азией и Америкой. Однако фактически они должны были испытать возможность достижения окраин государе-

[14] *Евтеев О.А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане: [Экспедиция И. Евреинова и Ф. Лужина на Камчатку и Курильские острова. 1719–1722 гг.] / Москва: Гос. изд-во геогр. лит. 1950.

выми людьми для ведения съёмок. Молодые геодезисты, хотя и отклонились от намеченного маршрута, но достигли Камчатки, выполнили первые инструментальные определения широт ряда мест по маршруту от Тобольска через Якутск, Охотск, Камчатск до Курильских островов, провели с судна глазомерные съёмки берегов, составили карту региона. На ней с применением картографической проекции были показаны побережья Охотского моря, Камчатка и Курильские острова. Только после знакомства в 1722 г. с картой и отчётом геодезистов Петр I признал возможность снаряжения масштабной экспедиции. Она, учреждённая лично императором, вошла в историю как Первая Камчатская экспедиция В. Беринга 1725–1730 гг.

Последующие крупные государственные морские экспедиции на восток в XVIII в. (Вторая Камчатская экспедиция В. Беринга 1733–1742 гг., Секретная экспедиция П.К. Креницына и М.Д. Левашова 1764–1771 гг., Астрономическая экспедиция И. Исленьева 1768–1769 гг., Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция под командованием И. Биллингса и Г. Сарычева 1785–1793 гг.) по сути продолжали воплощение стратегического замысла Петра I.

Картографическое наследие экспедиций велико — несколько сотен карт, планов, черновых, копийных, чистовых-аккуратных. Они отложилось в архивах РГАВМФ, СПФ АРАН, РГИА, РГАДА. Часть карт была использована для составления итоговых карт, часть была издана, часть вовлечена в научный оборот — описана, репродуцирована, включена в атласы, монографии и статейные публикации. Значительное число карт ещё ожидает своих исследователей для глубокого анализа.

Для детального картографического анализа и для демонстрации большой геодезической, съёмочной и картографической работы пионерного этапа картографирования восточной части страны мы выбрали одну оригинальную рукописную карту, хранящуюся в фонде РГАВМФ (Санкт-Петербург). Она выполнена строго по регламентам и техническим возможностями первой половины XVIII в. (илл. 1).

«*Карта генеральная Российской империи северных и восточных сибирских берегов, прилегающих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частию вновь найденных через морское плавание западных Американских берегов и острова Япона*» 1746 г.[15] Хотя карта и является одной из 62 рукописных карт, составленных в ходе Первой

[15] РГАВМФ. Ф. 1331сч. Оп. 4. Ед. хр. 82.

Илл.1. «Карта генеральная Российской империи северных
и восточных сибирских берегов, прилегающих
к Северному Ледовитому и Восточному океанам...». 1746.
https://rgavmf.ru/ob-arkhive/novosti-rgavmf/arktike-posvyaschaetsya

и Второй Камчатских экспедиций и представленных в Адмиралтейств-коллегию, она имеет статус итоговой, поскольку была составлена с особой тщательностью в 1746 г. в Морской академии по отчетным документам экспедиций. В государственных интересах карта имела секретный характер и со времени её создания не покидала ведомственного места хранения (в Адмиралтейств-коллегии, Депо карт Гидрографического департамента Морского министерства, Управлении начальника Гидрографической службы ВМФ, Архиве Центрального картографического производства ВМФ (г. Ленинград), с 1958 г. в Центральном государственном архива Военно-Морского Флота СССР (с 1992 г. — РГАВМФ, г. Санкт-Петербург)). Она не обойдена вниманием в ряде работ по истории военно-морского флота[16].

Время, место создания и создатели карты указаны в тексте: «Сочиняли При Морской академии Геодезии учитель [Василий] Красильников Геодезии подмастерья Петр Расторгуев»; дата окончания работы над картой: «1746 году 10 мая». Карту удостоверили личными подписями морские офицеры, специально вызванные в Санкт-Петербург для работы над картой, руководители и члены отрядов: флота капитаны Алексей Чириков, Степан Малыгин и Дмитрий Лаптев, лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитрово, флота лейтенант Иван Елагин. Карта, как явствует из текста в картуше в виде свитка, составлена «из описаниев», которые начаты по именному указу императора Петра Великого и продолжались морскими офицерами и геодезистами с 1725 года, далее при императрице Елизавете Петровне до 1742 г. Здесь же приведён развернутый перечень берегов и водных путей, пройденных морскими отрядами экспедиций, охвативших съёмками побережье северной и восточной Азии, достигших островов и берегов Северной Америки, а также иных источников сведений. Например: «От Якуцка до устья реки Лены и от устья ея к востоку севернаго моря берег до устья реки Ковымы и за ковыму до стоячих льдов и река ковыма и река же Анадырь до устья ея впадающего в восточное море флота капитаном дмитрием лаптевым...».

---

[16] *Магидович В.И., Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий, т. III М.: Просвещение, 1984; *Дивин В.А.* Великий русский мореплаватель А.И. Чириков. М.: Географгиз, 1953; *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1. М.: Морской транспорт, 1956; *Белов М.И.* О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. // Географический сборник. Т. III. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С 131–145. и др.

Картографическое изображение построено в полярной азимутальной равновеликой проекции; имеет обширный территориальный охват: с севера на юг от 80°с.ш. (крайняя точка суши 77° 40′ — Северо-Восточный мыс, совр. мыс Челюскина) до 35°с.ш. (крайняя точка суши 33°с.ш. — южная оконечность п-ова Корея), нанесён и выделен «Круг Арктический» (Северный полярный круг); при счёте долгот от о-ва Ферро (что соответствовало правилам картографирования того времени), крайняя точка суши на западе 50°д. (н.п. Кола, Кольский п-ов), крайняя точка суши на востоке 255°д. («берег лежащий Хиолифорний», совр. побережье Калифорнии Сев. Америки). Построение картографического изображения в полярной азимутальной проекции, потребовало перерасчета результатов угловых и линейных измерений в ходе съёмок и наблюдений. Установлено, что карта в этой проекции единственная.

Главным элементом географического содержания является северная и восточная береговая линия Евразии от Белого моря на северо-западе до Жёлтого моря на юго-востоке, а также частично проведанные острова и берега Сев. Америки, Японии. Вдоль берегов показаны впадающие реки (как правило с названиями), приведены названия мысов, губ, заливов, островов, полуостровов. Географическое наполнение внутренних территорий составлено, вероятно, по доступным военным морякам картам и документам. Так, довольно подробно отображена речная сеть Азиатской России, крупные озёра («море Байкал», Телецкое, Косогор, Долай и др.). Административное деление Российской империи дано знаками границ и подписями названий регионов: Архангельская губерния, провинции Тобольская, Енисейская, Якуцкая и др. Также показана и подписана «Граница Китайская». Расселение населения на карте представлено детально: помимо значимых городов Архангельск, Тобольск, Нарым, Красноярск, Кузнецк, Енисейск, Томск, Турухта, Якуцк, Иркуцк, видим остроги Охоцк, Удской, Анадырской, Баргузинской, Брацкой, Кяхта и более мелкие поселения. При многих знаках и названиях поселений находим указания на их тип — слобода («сл»), зимовье («з»), деревня («д»), монастырь («м»), братства («брта»), церковь («ц»). В некоторых местах встречаются знаки юрт или даны подписи «юрты». На карте приведены сведения о местном населении: «Чекоцкая земля а народ оный чукчи противятся подданству державе российской», «Коряки кочуют», «Самоеды... ясашны», «Екагиры качуют» и др. Уделено внимание особым объектам, например, показаны на Камчатке «Горелая сопка»,

в среднем течении р. Лена «соляные заводы», а в Китае — Великая Китайская стена и г. Пекин.

Особый интерес представляют знаки и пояснительные подписи вдоль берегов: «магазейны», «маяк для бота Иркуцк», «берег сей положен по ведомостям и с прежних карт», «на сем месте осталась шлюпка Надежда 738 года», «на сем месте встретили 39 судов», «...з берегу июня 22 числа 739 го 79 лоток японцев с числом около тысяча человек...», «... часть Америки» и др.

Художественным дополнением географического содержания карты являются изящно прописанные цветные рисунки «Американец в нерпечей коженой лотке», «Морская корова», «Кот морской», «Лев морской или сивуч». Они размещены слева внизу от картографического изображения.

Подводя итог исследования и анализа архивного документа «Карта генеральная Российской империи северных и восточных сибирских берегов, прилегающих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частию вновь найденных через морское плавание западных Американских берегов и острова Япона», созданной в 1746 г., отметим:

— картографическое изображение отражает результаты первых масштабных по территориальному охвату инструментальных съёмок и обследований северного и северо-восточного побережий Азии, лежащих восточнее островов, а также западных окраин Сев. Америки;

— картографическое изображение является подлинным, что подтверждается рукописным характером исполнения, наличием личных подписей создателей, структурой изображения, знаковой и текстовой стилистикой, техникой оформления элементов картографического изображения, включая пояснительные тексты и рисунки, а также их полным соответствием документам середины XVIII в.;

— картографическое изображение является единственным, наиболее полно и верно для своего времени показывающим географическую ситуацию, административное устройство, расселение населения, топонимию обширного восточного региона Российской империи;

— картографическое изображение является свидетельством роста государственного внимания к азиатской части России, к укреплению восточных рубежей государства и к международному признанию деятельного присутствия Российской империи в Азиатского-Тихоокеанском регионе;

— картографическое изображение как документ, зафиксировавший приоритет российских мореплавателей в открытиях островов на севере Тихого океана и западного побережья Сев. Америки, имеет наивысшее историческое, политическое и научное значение;

— картографическое изображение рекомендовано к включению в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Стоит подчеркнуть, что рассмотренная карта является результатом труда не только непосредственных составителей, но и сотен храбрых, сильных духом военных моряков и других участников экспедиций, которые в тяжелейших условиях, изучали и впервые фиксировали то, что мы сегодня привычно видим на карте. Многие из них не вернулись, имена многих затерялись в истории... Но нам надо с благодарностью помнить участников дальних экспедиций на Восток по завету Петра Великого, за их преданное и самоотверженное служение Родине!

Татьяна Кановна Виноградова
(Санкт-Петербург)

Доцент кафедры алгоритмической математики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

О Петербургской астрономической школе

Tatiana K. Vinogradova

About the Petersburg Astronomical School

Аннотация: С момента своего основания Петербургская Академия наук стала центром астрономических исследований. И в этом плане мы должны отдать дань уважения деятельности Петра I и его сподвижников. Начало серьёзным астрономическим работам положил приглашённый в Россию Петром I Ж.-Н. Делиль. Деятельности Делиля и его учеников и посвящается статья.

Abstract: Since its founding, the Petersburg Academy of Sciences has become a center of astronomical research. In this regard, we must pay tribute to the work of Peter the Great and his associates. Serious astronomical work began with Joseph-Nicolas Delisle, invited to Russia by Peter the Great. This article is dedicated to Delisle's work and his disciples.

Ключевые слова: Петр I, Петербургская Академия наук, Ж.-Н. Делиль, астрономия.

Keywords: Peter the Great, Petersburg Academy of Sciences, Joseph-Nicolas Délisle, astronomy.

Общеизвестно, что первая математическая школа в России зародилась в Петербурге, в Академии наук, благодаря блестящим математикам Д. Бернулли, Я. Герману, Л. Эйлеру и их последователям и ученикам. Менее известно, что в недрах Академии наук в те же годы появилась и другая, а именно — астрономическая школа, главой и

создателем которой явился Жозеф-Николя Делиль (1688–1768), выдающийся французский ученый XVIII в., более 20 лет проработавший в Петербурге. Некогда имя его было широко известно. Оказался в Петербурге он по приглашению Петра I. Многие его идеи и начинания получили развитие в трудах нескольких поколений ученых и считаются общепринятыми, хотя и не всегда связываются с его именем. Хотелось бы остановиться подробнее на рассказе об этом удивительном, одаренном различными талантами человеке.[1]

Ж.-Н. Делиль происходил из известной французской семьи, давшей на протяжении нескольких поколений врачей, юристов, географов и астрономов.

Наиболее выдающимися представителями этой семьи, помимо самого Ж.-Н. Делиля, были его отец — историк и географ Клод Делиль (1644–1720) и старший брат — королевский географ Гийом Делиль (1675–1726). В 1706 г., заканчивая Коллеж Мазарини, Делиль наблюдал полное солнечное затмение и решил стать астрономом, чтобы понять физическую природу хромосферного кольца и научиться предсказывать затмения. Он с увлечением занялся астрономией и математикой, стал посещать Парижскую обсерваторию, где познакомился с ее основателем Дж.-Д. Кассини (1625–1712) и принял участие в составлении его астрономических таблиц. С 1712 г. Делиль начал систематические наблюдения, которые не прекращал до самой смерти. 20 марта 1714 г. он был избран членом Парижской Академии наук.

Делиль с детства отличался удивительной любознательностью и трудолюбием. Эти качества помогли ему стать энциклопедически образованным человеком, проявлявшим необыкновенную широту научных интересов. Науку он считал главным делом своей жизни. Он был исключительно работоспособен, чрезвычайно требователен к себе и другим, был великолепным организатором.

Глубина и разносторонность познаний принесли Делилю известность в научном мире. Он был членом всех крупнейших академий Европы, переписывался со всеми астрономами. Однако научное признание не принесло Делилю, представителю 3-го сословия, материальной обеспеченности. К тому же, как ньютонианец, он не мог рассчитывать на успех у себя на родине, где господствующее положение занимали тогда сторонники учения Р. Декарта. Поэтому

[1] *Виноградова Т.К.* О Делиле, Эйлере, Ломоносове и астрономии // Метроном Аптекарского острова 2(80) / 2022. С. 71–93.

он с радостью принял приглашение Петра I, с которым неоднократно встречался в Париже летом 1717 г., работать в России. В России Делиль получил полную свободу действий и средства для проведения всех этих исследований, надолго определивших направление работ петербургских астрономов.

Уже в середине XVIII в. астрономия в России достигла заметных результатов. Приняв предложение Петра I об основании в России астрономической школы и обсерватории, Делиль обещал Петру обучить астрономическим наблюдениям русских астрономов, геодезистов и штурманов, которые в то время не владели точными методами определения координат с помощью астрономических наблюдений. Обещал Делиль подготовить и соответствующие руководства для них, включающие практическую и теоретическую астрономию и историю астрономии стран и народов мира. Кроме того, Делиль мечтал о создании теории движения Солнца, Луны и планет. Следует подчеркнуть, что интересы астронома и основателя Петербургской Академии наук, стремившегося создать морской флот России и оснастить его всем необходимым для работы, вполне совпадали. И Делиль взялся за создание астрономической школы в России. Прежде чем ехать в Россию, Делиль составил детальную программу работ по астрономии в России и даже успел получить одобрение ее Петром I. Вспоминая о своем письме Петру I, где излагалась эта программа, Делиль писал Блюментросту 8 сентября 1721 г.: «... астрономические наблюдения, выполненные в Петербурге и сопоставленные с наблюдениями, сделанными в других странах, могли бы дать много полезных для астрономии открытий ... и стать вполне достаточной базой для точного определения расстояний всех небесных тел от Земли и, главным образом, Луны, что значительно продвинуло бы знание ее истинной теории, которое ... имело бы, как известно, столь большое применение при нахождении долгот...»[2]. И далее: «Я запасся солидными основами геометрии и алгебры, будучи убежден в том, что астрономия, обогатившись в наши дни большим числом открытий, почерпнутых из этих двух наук, может продвигаться дальше только благодаря соединению этих абстрактных наук с доскональным пониманием астрономических наблюдений, которые и являются ее истинной основой».[3] Делиль хорошо понимал, что для этого необходима «большая работа,

[2] *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. А.И. Андреева. М.; Л. Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 104.

[3] Там же. С. 107.

бесконечные вычисления, постоянная игра геометрии, которая по мере продвижения вперед становится все более сложной и трудной и которая, следовательно, требует солидной математической базы»[4].

В Петербурге Делиль нашел самые благоприятные условия для создания новой астрономии и Петербургской астрономической школы. Здесь оказалась целая группа математиков – от студентов и вчерашних выпускников университетов до начинающих и маститых ученых. Например, в лице Якоба Германа – убежденного ньютонианца. Все они были полны энтузиазма, хорошо знали труды Лейбница, Ньютона и Декарта и мечтали о создании нового естествознания, основанного на учении Коперника–Кеплера–Ньютона и математики Лейбница. Оставалось лишь приобщить их к астрономическим наблюдениям. В 1727 г. в соответствии с проектом, составленным по велению Петра I, понимавшего большую значимость астрономии в морском деле и картографии, в здании Кунсткамеры была размещена Академическая астрономическая обсерватория. Этому способствовала не только заинтересованность монарха, но и развитие астрономической науки.

Делиль с энтузиазмом принялся за дело. С 9 марта 1726 г. он организовал в Петербурге систематические метеорологические наблюдения, положившие начало метеослужбе России. К этим наблюдениям он сразу привлек добровольных помощников — студентов Х.В. Майера и Г.В. Крафта.

Крафт Георг Вольфганг (1701–1754) – физик и математик, родился в Вюртемберге (Германия), учился в Тюбингенском университете. По предложению Г.Б. Бюльфингера приехал в Петербург, где вначале преподавал в академической гимназии. С 1727 г. стал адъюнктом, а в 1731 г. назначен академиком по кафедре математики, в 1733 г. получил кафедру физики. В 1744 г. был по собственной просьбе уволен из Академии и вернулся в Тюбинген, оставаясь иностранным членом Петербургской академии наук. Михаил Васильевич Ломоносов, в 1736 г. появившись в Академии наук, именно у Крафта обучался физике, и Крафту посылал отзывы Христиан Вольф об успехах русских студентов. По возвращении Ломоносова из Германии между ним и Крафтом сложились добрые отношения.

Осенью 1741 г. Крафт не только дал благоприятные отзывы о первых научных работах Ломоносова, но и прочитал эти сочинения на нескольких заседаниях Академического собрания.

В 1741–1742 гг. Ломоносов перевел на русский язык для публикации в «Примечаниях» к «Ведомостям» 4 статьи Крафта: «О сохра-

[4] Там же. С. 105.

нении здоровья», «Продолжение описания разных машин», «О варении селитры», «Продолжение о твердости разных тел». В 1746 г. Ломоносов рецензировал переведенное на русский язык «Краткое руководство к теоретической геометрии» Крафта.

С 11 марта 1726 г. начались и астрономические наблюдения, перенесенные 12 июня 1727 г. в еще недостроенное здание Кунсткамеры, в башне которой по проекту Делиля была построена обсерватория. Ее двери Делиль открыл для всех желающих. Можно было просто зайти посмотреть, как работают астрономы, либо самому провести какие-либо наблюдения. Но для этого следовало почитать книги по списку, рекомендованному Делилем, и пройти специализированную подготовку: сначала под руководством Делиля, а затем самостоятельно. Интересующимся предлагалось познакомиться с литературой по специальному списку (этот список был обнаружен среди неразобранных бумаг сотрудника Петербургской обсерватории Х.Н. Винсгейма в архиве ЛО Архива АН). Винсгейм фон Христиан Николай (1694–1751) — академик, астроном. Родился в г. Анклам (Германия), в Петербурге с 1718 г. До поступления в Академию наук служил при Сенате. В 1731 г. был назначен адъюнктом, с 1735 по 1742 г. — экстраординарный профессор астрономии Академии наук. С 1742 по 1746 г. и с 1749 по 1751 г. был конференц-секретарем АН. После отъезда Л. Эйлера в 1741 г. за границу Винсгейм вместе с Г. Гейнзиусом стали фактическими руководителями Географического департамента, под их руководством в 1745 г. был издан Атлас Российской империи. Отношения между Ломоносовым и Винсгеймом были неприязненными в силу произошедших конфликтов.

В список Делиля входили труды классиков науки, работы по истории астрономии и по специальным знаниям, отвечающим интересам читающего. При этом широко использовались не только фонды богатой академической библиотеки, но также книги и рукописи из личной коллекции Делиля. Начинающие ученые знакомились с иностранными языками. Сам Делиль владел многими европейскими языками. Молодым людям, проходившим стажировку в обсерватории, предлагалось переписать те или иные книги или астрономические таблицы, по-разному излагавшие один и тот же вопрос. При этом переписчик должен был четко изложить точку зрения разных авторов, сравнить их и изложить свое аргументированное мнение по обсуждавшемуся вопросу. Тот, кто успешно справлялся с этим, становился хорошим референтом, рецензентом, обучался четкому изложению своих и чужих мыслей, самостоятельности

мышления, а заодно снабжал Делиля копиями необходимых ему сочинений, рукописей и т. п. Делиль беседовал с молодыми людьми, и все это создавало творческую атмосферу свободного научного обмена идеями и мнениями, что отмечали многие его ученики. Бывшие сотрудники Делиля, став уже самостоятельными учеными, в то же время никогда не забывали о высокой требовательности своего учителя. Опираясь на добровольных помощников, число которых росло день ото дня, Делиль с июня 1727 г. сумел наладить работу обсерватории, а годом раньше — другого учреждения, созданного также по его инициативе, а именно Географического бюро (позднее его стали называть Географическим департаментом). Географический департамент предназначался для решения важной государственной задачи — разработки основ отечественной картографии и создания генеральной карты страны[5].

С 1741 г. в обсерватории начал работать Г.В. Рихман, взявший на себя «гистометрические измерения» (измерения количества выпавших осадков). В 1742 г. на основе работ в обсерватории и Географическом департаменте он подготовил статьи по картографии и выполнил ряд исследований по испарению жидкостей. Все они были опубликованы лишь в 1751 г. Это были его первые печатные работы. После отъезда Крафта его сменил в физической лаборатории Рихман и продолжил начатые им метеонаблюдения, к которым с 1741 г. подключился и Ломоносов. Георг Вильгельм Рихман (1711–1753) — профессор физики Санкт-Петербургской Академии наук. Родился в г. Пярну, учился в гимназии города Ревеля (Таллина), затем в Галльском и Иенском университетах. В начале 1732 г. приехал в Петербург и стал домашним учителем у детей графа А.И. Остермана. В 1735 г. по рекомендации графа был зачислен студентом физического класса, помогал профессору Г.В. Крафту, заведовал физическим кабинетом. В 1740 г. произведен в адъюнкты, в 1741 г. стал экстраординарным, а в 1747 г. — ординарным профессором физики. В 1750 г. опубликовал работу, в которой привел «калориметрическую формулу», позволяющую вычислять температуру смеси жидкостей, имевших различную температуру. С 1745 г. по инициативе Делиля Рихман начал исследования по электричеству и магнетизму, которые принесли ему впоследствии мировую извест-

[5] *Булатов В.Э.* Академия наук и русская картография: тактические успехи — оперативное поражение — стратегическая победа // Академия, или социетет художеств и наук: материалы XVII Междунар. петровского конгресса, Санкт-Петербург, 31 мая — 1 июня 2024 г. СПб.: Европейский Дом, 2025. С. 169.

ность. Первые из этих работ, опубликованные также в 1751 г., особенно изучение атмосферного электричества и исследование закона испарения воды, имели важное значение для уточнения модели планетной атмосферы. В начале 1753 г. Рихман вместе с Ломоносовым проводил опыты по определению теплоемкости воды, а несколько позднее в Петропавловской крепости – опыты по электризации атмосферы. 26 июня 1753 г. одновременно с Ломоносовым Рихман наблюдал дома во время грозы степень электризации атмосферы и был убит молнией. Рихмана и Ломоносова связывали дружеские отношения.

Первые сведения по астрономии Ломоносов получил еще в юности, у себя на родине, из учебника Леонтия Филипповича Магницкого «Арифметика сиречь наука числительная...», изданного в 1703 г. по повелению Петра I. «Арифметика» Магницкого была своего рода энциклопедией основных знаний в области точных наук. В ней, наряду с «нумерацией и счислением», сведениями по геометрии и физике, в третьей части, озаглавленной «Обще о земном размерении и яже к мореплаванию надлежит», давались сведения о географических координатах различных мест на Земле, о том, как «познается расстояние мест и путь кораблеплавания в простых и сферических линиях», о вычислении новолуний в связи с морскими приливами, о рефракции и преломлении солнечных лучей и т.п. Кстати сказать, эта книга явилась первым русским астрономическим календарем[6], в ней помещены таблицы склонений солнца на 1701–1728 гг., величины рефракции и параллаксы.

Ломоносов освоил латинский язык, на котором печаталась серьезная научная литература того времени, и читал все философские, математические и другие книги из библиотеки Академии. Обратимся к началу его пути в науку.

В 1735 г. по указу Сената Славяно-греко-латинская академия (Высшая духовная школа России) должна была отобрать группу лучших своих учеников для пополнения Университета, созданного при Петербургской Академии наук. Ломоносов попал в число отобранных, соответствующих требованиям сенатского указа. В январе 1736 г. их привезли в Петербург и зачислили студентами без жалования. В течение 8 месяцев со вновь принятыми студентами пытались организовать более или менее систематические занятия.

В это время было решено послать за границу трех студентов для обучения горному делу. Российской горной промышленности не

[6] *Куликовский П.Г.* М.В. Ломоносов — астроном и астрофизик. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 1986.

хватало собственных хорошо обученных специалистов. В числе студентов, которые отправлялись за границу, в Германию, оказались Г.У. Райзер — сын советника Берг-коллегии, Д. Виноградов — попович и М. Ломоносов – крестьянский сын. В сентябре 1736 г. они отправились в Марбург. Этот город был знаменит тем, что в здешнем университете преподавал Христиан Вольф (1679–1754), механик и оптик, математик и философ — человек энциклопедических знаний, последователь Лейбница. По рекомендации последнего Вольф в 28 лет занял кафедру математики и естествознания в Галльском университете. За философские воззрения, излагавшиеся им в публичных выступлениях, Вольф был изгнан прусским королем Фридрихом Вильгельмом I из Галле, куда под страхом смертной казни ему было запрещено возвращаться, вследствие чего Вольф и поселился в Марбурге. Вольф был хорошо известен в России, так как с его именем связан начальный период организации Академии наук, и он значился первым в списке ее почетных членов.

Именно к нему, под его руководство как к почетному члену Академии наук (без дополнительной платы), были направлены Райзер, Виноградов и Ломоносов. Зачисленные в университет в начале ноября 1736 г. русские студенты начали изучать немецкий язык и одновременно занимались арифметикой, геометрией, тригонометрией. Освоив язык, они стали слушать лекции Вольфа по механике, теоретической и экспериментальной физике, математике, философии и логике. Одновременно они наняли учителей для обучения французскому языку, танцам, рисованию и фехтованию. По требованию академической канцелярии студенты должны были отчитываться, как они овладевали науками в Марбургском университете. Ломоносов в качестве такого отчета послал, в частности, диссертацию по физике «о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул».

С первых десятилетий после своего основания Санкт-Петербургская Академия наук вошла в число ведущих научных центров Европы. Академик Г.Б. Бюльфингер, выступая в Тюбингене с публичной речью «О Петербургских примечательностях» и касаясь деятельности Академии наук, заявил: «Бесполезно говорить, чем там занимаются. Наши печатные труды обнаруживают это ясно. Кто хочет основательно научиться естественным и математическим наукам, тот отправляйся в Париж, Лондон и Петербург. Там ученые мужи по всякой части и запас инструментов». В Петербургской Академии наук с самого начала вменялось в обязанность наряду с научными изысканиями вести и педагогическую работу, что суще-

ственно отличало нашу Академию от подобных научных корпораций в западных странах, где уже в течение многих столетий существовали высшие учебные заведения — университеты, история которых восходит к XII в.

Самой сильной стороной деятельности Петербургской Академии наук были, несомненно, математические исследования. После смерти Ньютона математический центр мира явно переместился из Лондона в Петербург, где кафедрой математики в Академии заведовал вначале Н. Бернулли, затем Д. Бернулли, а после него Л. Эйлер. На протяжении столетий Петербургская математическая школа признавалась одним из передовых отрядов в истории мировой науки. После математики важнейшее место в работе Петербургской Академии наук в XVIII в. занимала география. Академия организовывала многочисленные экспедиции для всестороннего изучения близких и отдаленных областей государства. Достигнутыми результатами восхищались во всем мире.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Академией наук, было составление географических карт как всего государства, так и отдельных его районов. В XVIII в., да и в более поздние времена, картографией занимались главным образом астрономы.

Одним из добровольных помощников Делиля был Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769), постоянно предлагавший свои услуги в качестве переводчика, участвовавший в разработке русской научной терминологии и лишь в 1736 г. решившийся начать самостоятельную работу по истории астрономии. Следует отметить, что оказавшись в Париже в 1727 г., Тредиаковский обучался в университете математическим и философским наукам, а богословию — в Сорбонне. В 1745 г. указом сената он одновременно с Ломоносовым был назначен профессором элоквенции (красноречия) Петербургской Академии наук. Отношения Ломоносова и Тредиаковского, вначале вполне доброжелательные, вылились в откровенную вражду. Всех добровольных помощников Делиля невозможно перечислить. Он умел находить их повсюду. Это были преподаватели и студенты академических гимназий и Университета, слушатели публичных лекций и, наконец, члены Академической конференции. Человек огромной эрудиции, широких и разнообразных и научных интересов, знавший благодаря своей переписке обо всех научных новинках, Делиль вскоре стал душой академических заседаний. Его доклады, содержащие сообщения о его собственных исследованиях или информацию о работах ученых других стран, были очень интересны. По инициативе Делиля академичес-

кие конференции нередко становились ареной своеобразных конкурсов. Время от времени он предлагал различные задачи, решение которых было необходимо для успешной работы обсерватории или Географического департамента. Один из таких импровизированных конкурсов состоялся 18 февраля 1732 г. В этот день Делиль предложил задачу: «Определить высоту полюса по наблюдению трех полярных углов какой-либо звезды таким образом, чтобы при наблюдении среднего из них звезда находилась в первой вертикали, на равном расстоянии от двух других». На следующем же заседании Академической конференции, 22 февраля, постоянные помощники Делиля: Бернулли, Эйлер, Крафт и Майер предложили свои варианты решения поставленной задачи. Их решения были опубликованы в 1735 г. в IV томе «Комментариев» ПАН вместе с двумя другими вариантами, предложенными Я. Германом.

Большое значение для общения академической молодежи и общественности Петербурга имели и публичные собрания, особенно то, что состоялось 2 марта 1728 г. На нем обсуждался вопрос: «Можно ли доказать одними только астрономическими фактами какова истинная система мира? И вертится Земля или нет?» Построенное, как тогда было принято, в виде диспута собрание состояло из выступлений Ж.-И. Делиля и Д. Бернулли. Делиль приводил астрономические доказательства в пользу гелиоцентрического учения, а Бернулли – физические. Тексты докладов, сделанных на французском языке, были напечатаны в 1728 г. Эти материалы сыграли важную роль в распространении учения Коперника, Кеплера и Ньютона и нашли своего читателя. По существу, это была первая в нашей стране научно-популярная лекция в защиту учения Коперника. Но на русском языке материалы диспута издать не решились.

Построение модели планетной атмосферы было невозможно без выяснения атомного строения различных сред и особенностей прохождения через них света. Для решения всех этих задач, как полагал Делиль, необходимо было разработать начала химии. Делиль, Бернулли и Эйлер занимались такими исследованиями сами и привлекали к ним студентов, среди которых был М.В. Ломоносов, успешно продолжавший начатые работы. В результате петербургскими учеными были заложены основы кинетической теории газов, а на ее базе с помощью предложенного Делилем метода Ломоносов в 1761 г. открыл существование атмосферы на Венере.

Результаты Ломоносова явились величайшим астрофизическим открытием XVIII столетия. Предварительные исследования, связанные с подготовкой этих наблюдений, показывают, что открытие

Ломоносова не было случайным. Фундаментом для такого результата были известные ему достижения и разработки петербургских ученых, группировавшихся вокруг Делиля.

Открытие М.В. Ломоносовым атмосферы на Венере подробно проанализировано и исследовано видным советским ученым В.В. Шароновым[7].

Характерна судьба открытия Ломоносовым атмосферы на планете Венера. Несмотря на то, что сочинение русского ученого было опубликовано как на русском, так и на немецком языках, за рубежом оно осталось незамеченным. Петербургская Академия наук не стремилась сделать открытие Ломоносова достоянием всего ученого мира. Слишком сложной и напряженной была обстановка в ее стенах.

Прошло 30 лет, и открытие атмосферы на Венере было приписано немецкому наблюдателю И.И. Шретеру и английскому астроному В. Гершелю. В 90-х гг. XVIII в. они обнаружили явление удлинения рогов серпа Венеры, что также служит одним из доказательств существования на ней газовой оболочки. С течением времени все разъяснилось, и честь первого открытия атмосферы на Венере, безусловно, принадлежит нашему великому соотечественнику.

[7] *Шаронов В.В.* Ломоносов: сб. статей и материалов. Т. IV. М.-Л., 1960.

Юрий Петрович Зарецкий
(Москва)

Профессор Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»

Об авторстве книжных переводов петровского времени

Yury P. Zaretskiy

On the authorship of book translations from the time of Peter the Great

Аннотация: В петровскую эпоху массовое издание трудов европейских авторов потребовало привлечения значительного числа переводчиков. Однако имена большинства из них остаются неизвестными: лишь в отдельных случаях они фигурируют в предисловиях к переводам или упоминаются в письменных источниках. В данной статье на основе анализа архивных и опубликованных источников, а также текстов изданных книг исследуются причины этой анонимности. Делается заключение о том, что ключевой причиной отсутствия имен переводчиков на печатных изданиях стал установившийся порядок подготовки переводов к публикации.

Abstract: During the Peter the Great era, the mass publication of works by European authors required the involvement of a significant number of translators. However, the names of most of them remain unknown: only in a few cases are they mentioned in prefaces to translations or in written sources. This article, based on an analysis of archival and published materials together with texts of published books, examines the reasons for this anonymity. It concludes that the key reason for the absence of translators' names in printed editions was the established procedure for preparing translations for publication.

Ключевые слова: Петр I, книгоиздание, книжные переводы, переводчики, авторство
Keywords: Peter the Great, publishing, book translations, translators, authorship

Установление имен переводчиков петровских изданий относится к задаче, решением которой исследователи занимаются уже не одно десятилетие[1]. Их трудности в этой работе в первую очередь связаны с тем, что в самих книгах эти имена встречаются только в немногих случаях, когда переводчики называют себя сами в предисловиях. К хорошо известным примерам такого рода можно отнести предисловия к трем книгам, о которых пойдет речь дальше: «Географии» Варения (Федор Поликарпов), «Мифологической библиотеки» Аполлодора (Алексей Барсов) и трактата о естественном праве Пуфендофа (Гавриил Бужинский)[2]. В большинстве же других случаев имена переводчиков устанавливаются по переписке Петра и его приближенных. Эту анонимность в самом общем виде можно объяснить отсутствием в петровское время теперешних представлений об авторстве и авторском праве. Однако такой ответ вряд ли может удовлетворить наше любопытство: кто все-таки переводил книги, изданные в России с 1708 по 1725 г., и какой путь проходили переводы от рабочих столов этих людей до типографии?

От рукописного перевода до печатного станка

К концу первого десятилетия XVIII в. в России сложился определенный порядок подготовки печатных переводов, основные этапы которого можно реконструировать, по источникам, опубликованным П.П. Пекарским, документам «Рукописного отдела библиотеки Московской Синодальной типографии» РГАДА и текстам изданных книг.

На первом Петр поручал перевести то или иное сочинение кому-то из людей, основательно владеющих иностранными языками (чаще всего из его ближайшего окружения или из служащих Посольского

[1] См. например: *Николаев С.И.* Об атрибуции переводных памятников // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172; *Бабаева Е.Э.* Еще раз об авторстве первого перевода Корана (1716 г.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. Выпуск 2. М. 2021. С. 7–14.

[2] *Варениус Б.* Географиа генералная. [Москва]: [Синодальная тип.], июнь 1718; Аполлодор Афинский. Аполлодора грамматика аффинеискаго библиотеки или о богах. [Москва], [Янв. 1725]; *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному. [Санктпетербург]: Санктпетерб. тип., 1726.

приказа). На втором этапе этот человек исполнял царское поручение, изготавливал беловую копию перевода и отправлял эту рукопись ему. Дальше были возможны три варианта развития событий: 1) Петр одобрял перевод и приказывал отправить рукопись в типографию; 2) высказывал критические замечания и возвращал рукопись переводчику на доработку вместе со своими замечаниями (иногда и со своей правкой); 3) если он считал перевод совсем негодным, то адресовал его для переработки («переписывания») какому-то другому переводчику. Во втором и третьем случаях перед принятием окончательного решения Петр обычно знакомился с «переписанным» текстом повторно. Наконец, на третьем этапе, перевод, часто после внесения многочисленных исправлений и существенной переработки, поступал в типографию, где правщики готовили по нему наборную рукопись – вносили изменения (преимущественно технического характера) и разметку по печатным листам. По этой наборной рукописи обычно и печаталась книга. Однако в некоторых случаях этот процесс включал и четвертый этап: в типографии сначала печатался «корректурный экземпляр» перевода, потом в него еще раз вносилась правка, и только после нее издавался основной тираж книги[3].

Очевидно, что такой порядок в целом следовал регламенту, давно установившемуся на Московском печатном дворе при издании церковных книг[4]. Однако теперь в нем появились по крайней мере два важных отличия. Во-первых, последнее слово при принятии всех решений принадлежало не патриарху или Собору, а царю. Если использовать сегодняшние понятия, то он был одновременно заказчиком, рецензентом и редактором нового репертуара печатной продукции. Другое важное отличие – разнообразие исходных языков и содержания новых книг, потребовавшее участия огромного числа переводчиков и значительно усложнившее все этапы книгоиздательского процесса.

---

[3] Исследования по истории петровской книги показывают, что случаи внесения исправлений в корректурные экземпляры были далеко не единичными. См.: *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725 г. М.-Л., 1955. С. 113–114 (№ 43); С. 92. (№23) и др.

[4] См. содержательные статьи «Печатный двор» и «Книжная справа», рассматривающие порядок издания церковных книг в Православной энциклопедии: https://www.pravenc.ru/text/2580520.html; https://www.pravenc.ru/text/1841566.html

Ad fontes!

Документы, по которым устанавливаются переводчики петровских книг, можно условно разделить на три группы. К первой, как уже было сказано, относятся упоминания их имен в предисловиях. Ко второй – переписка Петра и его приближенных в связи с назначением переводчиков, содержанием их работы и сроками ее исполнения. Эта переписка, хорошо известная еще со времен П.П. Пекарского, и сегодня является важным источником для историков книги. Наконец, третью, меньше всего изученную, составляют рукописные автографы и их копии, сделанные в ходе подготовки книг к печати. Идеальный вариант – когда все три доступны и указывают на одного человека. Однако такое бывает крайне редко, и в большинстве случаев прийти к заключению об авторстве перевода бывает или очень непросто или вообще невозможно.

Из этих трех групп рукописные автографы являются наиболее ценным источником, однако они встречаются редко и не всегда содержат имя переводчика. К тому же выяснить, была ли напечатана книга по автографу, можно только при тщательном сопоставлении его текста с печатным. Ко вполне надежным источникам относятся также предисловия, хотя сегодня, как мы увидим дальше, имеются основания для сомнений и в этом случае. Наконец, исключительно богатый материал для поиска имен переводчиков дает переписка в связи с подготовкой их рукописей к печати. Однако и здесь есть проблемы: она часто носит фрагментарный характер и охватывает далеко не все издания. Помня обо всем сказанном об этих источниках, попытаемся дальше разобраться с авторством переводов трех книг петровского времени.

«Библиотека» Аполлодора

Наиболее простым случаем здесь будет «Мифологическая библиотека» Аполлодора, вышедшая в последний год правления Петра. Начну его рассмотрение со вступления, которое в книге помещено после предисловия Феофана Прокоповича и имеет заголовок «Любопытному читателю предувещание от переводника книги сея»[5].

Начинается оно с рассказа о распоряжении Петра издать труд Аполлодора, о последовавшем затем поручении Синода переложить его на русский язык «недостойна сицевому дела сущу» переводчику, и о том, что тот охотно принялся за порученное дело («со

[5] *Аполлодор Афинский*. Аполлодора грамматика аффинеискаго библиотеки или о богах. [Москва], [Янв. 1725].

всяким усердием совершити потщахся»)[6]. Затем автор вступления ссылается на введение Феофана, в котором разъясняются причины, по которым Петр решил издать сочинение древнего автора на русском языке («сию книгу своему народу яко чадолюбивый отец изъявити»), и представляет читателю два приложения. Первое – это сравнительный перечень греческих и лучше знакомых русским людям римских имен богов («Каталог собственных имен греческих, со значением употребления их Российскаго»)[7]. Второе – словарь, в котором русскому читателю представляются древнегреческие географические названия, исторические персонажи, древние народы и др. («Екстракт из аполлодоровой книги сумненных речей»)[8]. В заключительной части вступления его автор просит снисхождения у «благоразумных читателей» из-за непоследовательности рассказа в книге, объясняя ее «зело сокращенным» текстом Аполлодора и собственным «скудоумием»[9]. После этого он еще раз обращается к читателям, прося их о снисхождении к результатам своей работы («...прошу, да благоприятным сердцем сие труда моего в свет произведение прияти благоволиши»)[10]. И, наконец, заканчивает это «предувещание» традиционным наставлением читателям «о Христе радоватися», после которого следует его подпись: «Московския типографии справщик Алексий Барсов»[11].

То, что именно Алексей Барсов был автором перевода «Мифологической библиотеки» Аполлодора, подтверждает и рукопись (скорее всего, автограф), сохранившаяся в бумагах Московской Синодальной типографии. Здесь формула его авторства полностью идентична подписи в печатном издании: «Московской типографии справщик Алексей Барсов»[12].

Кроме подтверждения имени переводчика в этой рукописи содержатся и сведения, связанные с ее подготовкой к печати. На том же листе, где Барсов оставил свою подпись, имеется пометка о том,

---

[6] Там же. С. [19].

[7] Там же. С. [20]. Список – с. 405–414.

[8] Там же. Словарь – с. 415–430.

[9] Там же. С. [20], [21].

[10] Там же. С. [21].

[11] Там же.

[12] РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1015. Л. 9. О Барсове и его переводе Аполлодора см.: *Сазонова Л.И.* Барсов Алексей Кириллович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 62–64; *Запольская Н.Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М. 2002. С. 442–443.

что 24 сентября 1724 г. ее «начали править Кречетовский и Максимович» (справщики Иосиф Кречетовский и Иван Петрович Максимович)[13]. Что касается их редактуры, внесенной красными и черными чернилами, то она несущественна и в основном направлена на «упрощение» высокого стиля переводчика[14]. Причем десятки страниц справщики вообще оставили без каких-либо помет.

Сравнение текста рукописи с печатным изданием Аполлодора не оставляет сомнений в том, что оно было сделано именно с нее. Таким образом, с уверенностью можно заключить, что «переводником» «Мифологической библиотеки» вне всяких сомнений следует считать объявившего об этом в начале книги Алексея Кирилловича Барсова.

«География» Варения

Более сложный случай – перевод «Географии» Бернхарда Варена, порученный Петром начальнику Приказа книг Печатного двора Федору Поликарпову[15]. Рассказ о нем нужно начать с разъяснения одной из трудностей, с которой встречались переводчики сочинений европейцев, раньше имевшие дело исключительно с церковной литературой.

Еще в конце XVII в. Генрих Лудольф писал о существовании в России двух языков и утверждал, что для русских людей выбор одного из них часто составляет проблему[16]. Суть этой проблемы он разъяснял следующим образом: «Для русских... знание славянского (церковнославянского — *Ю.З.*) языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком»[17]. И дальше не без иронии рассказывал об употреблении этого языка на письме

[13] На первом листе рукописи имеется также пометка о том, что рукопись прислана из типографской канцелярии «ради печати» с «копеистом Матфием Антенарским» 1 июля 1724 г.

[14] *Запольская Н.Н.* Указ. соч. С. 442–443.

[15] *Вареницус Б.* Географиа генералная. [Москва]: [Синодальная тип.], июнь 1718. См. об этом: *Лукичева Э.В.* Федор Поликарпов — переводчик «Географии Генеральной» Бернарда Варения // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л. 1974. С. 289–296.

[16] *Ларин Б.А.* Русская грамматика Лудольфа: Оксфорд 1696. Ленинград, 1937. С. 47.

[17] Там же. С. 113.

и в разговоре: «Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи»[18]. Подводя итог этим наблюдениям, Лудольф заключал: «Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски. И большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам Славянской грамматики»[19].

В петровское время эта языковая ситуация, более-менее правдиво описанная Лудольфом, начала быстро меняться. В период петровских реформ, по словам В.М. Живова, церковнославянский уже «оказывается атрибутом старой культуры... Новая культура должна была создать для себя новый язык, отличный от традиционного»[20].

За складыванием этого нового языка в печатных изданиях пристально следил Петр, не устававший требовать от переводчиков ясности и простоты слога. Впрочем, по каким-то причинам «Географию» Варена он все же поручил перевести Ф. Поликарпову, известному поборнику высокого стиля. Это поручение Поликарпов через несколько месяцев исполнил и отправил свой перевод Петру, который остался им недоволен и вернул ему рукопись на доработку вместе со своими критическими замечаниями.

Эти замечания, исключительно связанные с языком перевода, Поликарпову передал И.А. Мусин-Пушкин в письме от 2 июня 1717 года.: «...При сем же посылаю к тебе и географию перевода твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо. Того ради исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком»[21]. Дальше следовала собственноручная приписка Мусина-Пушкина, в которой государева воля формулировалась еще более прямолинейно: «Со всем усердием трудися и высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова»[22].

---

[18] Там же.

[19] Там же. С. 114.

[20] *Живов В.М.* История языка русской письменности. Т. II. М., 2017. С. 936.

[21] Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа гр. И.А. Мусиным-Пушкиным (1715–1717) // Русский архив. 1868. № 7–8. С. 1054–1055.

[22] Там же. С. 1055.

Очевидно, что Поликарпов изначально имел иное представление о своей задаче. Он считал, что ученый труд Варена следует переводить с латыни не «низким» разговорным, а именно церковнославянским языком («не общенародным диалектом российским переводити... дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторова»)[23]. Хотя и заявлял в предисловии к своему переводу, что для лучшего понимания сочинения учениками он пошел на уступки высокому слогу: «снисходя немощи юновозрастных студентов науки сея (да не скрывается сенс от их понятия) того ради употребих наречия и сочинения общенароднаго российскаго паче, нежели славенскаго»[24]. Несмотря на эти заверения, царь, как мы видели, остался работой Поликарпова недоволен именно из-за «высоких славенских слов».

Что произошло с этим отвергнутым Петром переводом дальше? Историки выяснили, что переписывать его «простым русским языком» Поликарпов по каким-то причинам не стал, перепоручив сделать это учителю Типографской школы Софронию Лихуду[25]. Через какое-то время «переписанный» Софронием перевод был одобрен Петром, и в июне 1718 г. тираж «Географии» вышел из Московской типографии.

Посмотрим теперь, что пишет об этом переводе сам Поликарпов в предисловии, само заглавие которого недвусмысленно указывает на его автора («К любомудрому читателю. Переводник настоящия книги»[26]). С традиционным для православной книжной традиции смирением он признается здесь в недостатке у него знаний для исполнения государева наказа («...не моея было скудоумия в сих науках силы дело переводити»), и своей вынужденной решимости («малым и худым кораблецем смысла моего с прочими, на широкий сей океан толкования пуститися дерзнух»)[27]. Дальше, как и в отвергнутой Петром первой редакции перевода, он объявляет читателям, что следовал нормам церковнославянского языка не строго им часто использовал «гражданское наречие». Не забывая при этом заявить о своем стремлении точно передавать смысл исходного текста: «Моя

---

[23] Предисловие к рукописи перевода 1716 г., цит. по: *Лукичева Э.В.* Указ. соч. С. 292.

[24] Там же. Примечательно, что Поликарпов даже в этом объяснении не может обойтись без высокого стиля церковнославянского языка.

[25] *Живов В.М.* Указ. соч. С. 952.

[26] *Вариниус Б.* Указ. соч. Страница не нумерована.

[27] Там же.

же должность объявити, яко преводих сию не на самый славенский высокий диалект против авторова сочинения, и хранения правил грамматических, но множае гражданскаго посредственнаго употреблях наречия, охраняя сенс и речи оригинала иноязычнаго»[28].

В этих самооправданиях Поликарпова, подчеркивающих его усердие в исполнении государевой воли, обращает на себя внимание одна важная для нашей темы деталь: его признание в том, что работал он над переводом не один, а «с прочими». В другом месте он еще раз свидетельствует об этом, говоря о завершении перевода — «достигох (с трудившимися при мне) до пристанища»[29]. Наконец, в конце предисловия, подписываясь своим именем, он снова упоминает каких-то своих безымянных помощников: «Вашей любви услужнейшии типографский справщик Федор Поликарпов с трудившимися в деле сем клевретами»[30].

Эти признания и то, что было сказано раньше об истории перевода «Географии», не могут не вызвать вопросы. Справедливо ли считать переводчиком этой книги одного Федора Поликарпова? Может быть, точнее было бы назвать двух: его и Софрония Лихуда? Или их обоих плюс еще команду каких-то безвестных «клевретов»?

«О должности человека и гражданина» Пуфендорфа

Один из многочисленных случаев «переписывания» начальной версии перевода после отрицательного заключения Петра произошел и при подготовке издания трактата по естественному праву Самуэля Пуфендорфа[31]. Поскольку эта история подробно описана в литературе, перескажу здесь только ход ее основных событий[32].

---

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] *Пуфендорф С.* Указ. соч.

[32] *Бугров К.Д., Киселев М.А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 93–95; *Киселев М.А.* Сочинения западноевропейских авторов по естественному праву в книжных собраниях российских государственных и церковных деятелей первой четверти XVIII в. // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. Вып. 5. СПб. 2019. С. 170-–173; *Польской С.В.* Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России. 1700–1760-е // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Под ред. С. Польского и В. Ржеуцкого. М., 2022. С. 268–271; *Киселев М.А.* Петр I и законознатель Пуфендорф // Диалог со временем. 2023. Вып. 85. С. 140–157.

Согласно наиболее распространенной версии произошедшего, в 1721 г. Петр отдал распоряжение о переводе сочинения Пуфендорфа Синоду, который поручил выполнить его справщику Московского печатного двора Иосифу Кречетовскому – тому самому, который вместе с Иваном Максимовичем редактировал перевод Аполлодора. Перевод Кречетовского Петра не удовлетворил и был передан на исправление гораздо более искушенному переводчику – троицкому архимандриту и протектору Московской типографии Гавриилу Бужинскому. Гавриил стал вносить свою правку в рукопись Кречетовского, однако, когда она начала занимать слишком много места на страницах рукописи, от такого порядка работы отказался и со второй книги начал переводить сочинение заново в отдельных тетрадях. Не вызывает сомнений, что, зная о нраве царя, он стремился закончить свою работу как можно скорее. К тому же Петр его торопил, требуя, чтобы Гавриил присылал свой перевод по частям. Однако работа все равно продвигалась медленнее, чем хотелось Петру, и дождаться его завершения ему в итоге было не суждено.

Из первого предисловия в книге, подписанного Гавриилом Бужинским и обращенного к Екатерине Алексеевне следует, что над переводом трудился именно он («в переводе потрудивыйся»)[33]. Здесь же сказано, что, хотя Петр и внес в него правку («во многих местах собственноручно исправи»), первые десять глав им были благосклонно приняты[34].

Никаких упоминаний имени Кречетовского в книге нет, однако под заголовком «Правдолюбивому российскому читателю» в ней имеется второе, неподписанное предисловие. Здесь кратко рассказывается о содержании книги и ее образовательной пользе, а затем гораздо подробнее – о трудностях перевода философских рассуждений Пуфендорфа «на российский с латинскаго языка»[35]. Причина этих трудностей в специальном «предувещании» объясняется здесь читателю сложностью исходного текста: «...Егда чтыи увидиши что неудобопоятное, или речение кое примрачное, веждь, яко сему в переводе потрудивыйся невиновен есть: но трудности оныя сия суть вины, яко в малую сию книгу Автор толико вещей собрал, яже в превеличайших волюминах [книгах] едва вместитися могут»[36].

---

[33] *Пуфендорф С.* Указ. соч. С. 12.

[34] Там же. С. 9. О характере правки перевода Петром см.: *Киселев М.А.* Петр I и законознатель Пуфендорф. С. 152–154.

[35] *Пуфендорф С.* Указ. соч. С. 13.

[36] Там же. С. 16.

Совершенно очевидно, что это анонимное предисловие, как и первое, написано от имени переводчика. На эту роль прямо указывает его автор, называя публикуемый перевод «своим» и используя ту же формулу, что и Гавриил в первом предисловии — «потрудивыйся в переводе сем». Не был ли автором этого второго предисловия Иосиф Кречетовский, скромный статус которого делал упоминание его имени в книге неуместным?

Что касается конкретного участия обоих переводчиков в подготовке ее текста, то о ней можно судить по рукописи, сохранившейся в ГИМ37. Согласно сведениям С.В. Польского, полный перевод трактата Иосифом Кречетовским переплетен в ней с переводом второй его части, заново выполненным Гавриилом Бужинским[38]. Русские версии одного из фрагментов исходного текста Пуфендорфа, приведенные историком, свидетельствуют о существенной разнице в понимании обоими своей задачи[39]. В итоге мы видим, что с установлением личности переводчика книги Пуфендорфа, как и в случае с «Географией» Варения, есть вопросы. Кто все-таки им был? Монах Гавриил, отредактировавший сделанный Кречетовским перевод первой части трактата и заново переведший вторую? Или все же Иосиф Кречетовский, которому эту работу поручил Синод и имя которого традиционно значится в библиографических описаниях?[40]

Заключение

В поиске переводчиков петровских книг рассмотренные случаи являются далеко не самыми сложными. В большинстве других имена этих людей вообще не упоминаются — ни в предисловиях, ни в переписке, ни даже в рукописях их переводов. Примером этому могут служить материалы, относящиеся к изданиею «Истории Алек-

---

[37] ОР ГИМ. Син. 1013.

[38] О рукописи перевода см.: *Польской С.В.* Указ. соч. С. 268–271.

[39] «Последний [Кречетовский] сохранял в переводе латинскую структуру оригинала, почти не меняя порядок слов, а Бужинский, стремясь к большей ясности, на уровне структуры перестраивал предложения, вводил дополнения, которые отсутствовали в оригинале, или опускал то, что ему казалось лишним...». — *Польской С.В.* Указ. соч. С. 269. Здесь нужно, правда, добавить, что автор сравнивает перевод Кречетовского не с рукописью Бужинского, а с печатным текстом книги.

[40] Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. М., 1964. С. 489 (№ 5769).

сандра» Квинта Курция[41]. Из них следует, что в письме И.А. Мусина-Пушкина Федору Поликарпову от 10 октября 1708 г. в числе разных поручений Петра содержалось и такое: «Курциуша вели, не мешкав, исправлять и печатать. Сие дело есть угодно»[42]. По этим словам можно заключить, что осенью 1708 г. Петр ознакомился с чьим-то переводом Курция и приказал незамедлительно его печатать после внесения необходимой правки[43]. Помимо этого письма сохранился также документ Московского печатного двора, согласно которому рукопись этого перевода, после ее редактирования справщиком типографии Николаем Семеновым, 25 марта 1709 г. была передана в набор[44]. Наконец, никаких следов имени автора перевода нет и в небрежно переписанной несколькими почерками наборной рукописи, отданной в печать после «справы» Семенова[45].

Единичность случаев упоминания переводчиков в печатных изданиях петровского времени объясняются разными причинами. Одной из них могли быть многочисленные изменения, которые вносились в авторскую рукопись перевода на разных этапах ее подготовки к печати. Это были более-менее существенные исправления, сделанные по распоряжению Петра самим автором, редакторская правка или принципиальная переработка его рукописи другим переводчиком, наконец, более-менее существенная типографская «справа».

К этому можно прибавить, что цепочка до/переработки начальных рукописей переводов, помимо внесения разнообразных исправлений, включала и их многократное копирование переписчиками. Нетрудно предположить, что в ходе него имена переводчиков вполне могли потеряться. Тем более, что в порядке книгоиздания тех лет они не имели особого значения.

Еще одна причина трудностей с поисками авторов переводов состоит в том, что в некоторых случаях над ними трудился не один

---

[41] *Курций Руф, Квинт.* Книга Квинта Курциа о делах содеяных Александра Великаго царя Македонскаго. В Москве: [Московский Печатный двор], [окт. 1709].

[42] Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого. Л., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 938.

[43] См. об этом также: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Т. 4. М., 1838. С. 299 (2-е изд.).

[44] *Брашловский С.Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 295. С. 255.

45 РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1220.

человек, а целая команда. Поручение Петра Федору Поликарпову, Гавриилу Бужинскому или кому-то другому переложить на русский язык иностранное сочинение отнюдь не исключало привлечения ими помощников: исполнители воли царя отвечали только за конечный результат проделанной работы.

Наконец, отсутствие упоминаний переводчиков в большинстве петровских изданий имеет и социально-политическое объяснение: рядовые служащие Посольского приказа или справщики Московской типографии на такую публичность, скорее всего, не претендовали, довольствуясь полагавшимся им скромным жалованьем.

Елена Фёдоровна Королькова
(Санкт-Петербург)
Заведующая сектором Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

«Петр I — русский энциклопедист на троне»

Elena F. Korolkova

«Peter the Great — the Russian encyclopedist on the throne»

Аннотация: Пётр I совмещал в своём лице монарха, полководца и учёного-энциклопедиста, способного видеть и анализировать суть геополитических интересов и перспектив страны, осмысливать международные и политические проблемы, а также наметить генеральную линию развития России. Можно утверждать, что его личные способности, трудолюбие и любознательность позволили ему, достигнув высокого уровня научного знания в самых разных областях, стать единственным для своей эпохи монархом, которого можно причислить к когорте учёных-энциклопедистов

Abstract: Peter the Great combined in his person a monarch, a commander and an encyclopedic scientist who was able to see and analyze the essence of the country's geopolitical interests and prospects, comprehend international and political problems, and outline the general line of Russia's development. It can be argued that his personal abilities, diligence and curiosity allowed him, having achieved a high level of scientific knowledge in various fields, to become the only monarch of his era who can be ranked among the cohort of scientists-encyclopedists.

Ключевые слова: музей, наука, коллекция Петра I, древности, Кунсткамера
Keywords: museum, science, collection of Peter the Great, antiquities, Kunstkammer

Личности Петра Великого как правителя, строившего дерзновенные и грандиозные планы относительно развития России и, главное, жёстко и последовательно осуществлявшего их на практике, посвящено множество книг и научных изысканий. Однако масштаб его личности и её многогранность столь впечатляющи, что обращаться к ней будут ещё многие поколения исследователей. Несмотря на неоднозначность оценок его личных качеств и поступков, невозможно отрицать то значение, которое имело его царствование и реформы для развития страны в целом, для её государственного устройства и практически всех сфер общественной и политической жизни. Именно он определил основные направления эволюции страны и отдельных отраслей в сфере производства, науки и культуры, военного дела и мореплавания. Благодаря его директивам были осуществлены обширные географические исследования и освоение новых земель, в кратчайший срок, практически с нуля было проведено глубокое и всестороннее научное изучение вошедших в состав России территорий как на Западе, так и на Востоке. Им был заложен фундамент для изучения ресурсов страны и созданы условия для оценки потенциальных возможностей обеспечения отечественного производства. Развитию образования и книгоиздательства придавалось огромное значение: они рассматривались тоже как потенциальный государственный ресурс. Российский государь совмещал в своём лице монарха, полководца и учёного-энциклопедиста, способного видеть и анализировать суть геополитических интересов и перспектив страны, осмысливать международные и политические проблемы, а также наметить генеральную линию развития России, не упуская ни одной сферы общественной жизни. Его видение места и роли России в мире стало основой и залогом установления новых торговых путей и дипломатических связей, обеспечивающих российскому государству совершенно новую позицию на мировой арене. Можно утверждать, что его личные способности, трудолюбие и любознательность позволили ему, достигнув высокого уровня научного знания в самых разных областях, стать единственным для своей эпохи монархом, которого можно причислить к когорте учёных-энциклопедистов. Он не писал научных трудов, но его организаторская деятельность, направленная на становление в России наук, демонстрирует яркий пример энциклопедического мировоззрения и компетенций широкого профиля. Создание им первого российского музея — Кунсткамеры и приобретение первоклассных научных коллекций разного профиля — это только один срез его государственной деятельности, позволяющий

оценить с точки зрения именно энциклопедического характера его воззрений и подготовки.

Библейское изречение из Нагорной проповеди «По плодам их узнаете их» (Матф.7: 16) может быть отнесено с полным правом к деятельности Петра Великого как энциклопедиста. Петровские цели и задачи, достигнутые и реализованные, свидетельствуют о невероятно широком кругозоре русского царя и его высоком профессионализме в самых различных областях.

В Петровскую эпоху программа развития науки в России, неоспоримая важность которой для государства Петру I казалась очевидной и представлялась одной из самых первостепенных задач, была не только задумана, но и во многом реализована. Следует отметить несколько важных моментов. У Петра I, несомненно, в голове была сложившаяся чёткая концепция, согласно которой наука и музей рассматривались не как две различные линии развития двух близких сфер культуры в широком смысле этого понятия, идущие параллельно и призванные поддерживать друг друга, а как единое целое[1]. Здесь следует подчеркнуть, что для Петра I эта концепция, без сомнения, была плодом его размышлений и индивидуального понимания проблемы. А собственное видение перспективы развития страны во всех его аспектах было характерной чертой личности государя. Он отличался редким стремлением к знаниям в разных областях и к широкому самообразованию. Пётр, несомненно, любил учиться, расширяя свой кругозор, и не прекращал это делать на протяжении всей своей жизни. Он умело выбирал для себя учителей в разных областях знания, пользуясь рекомендациями сведущих людей и привлекая иностранных учёных и специалистов для работы в России или пользуясь их консультациями, причём, как правило, эти контакты были продолжительными и многолетними.

Николаас Корнелизсон Витсен (1641–1717), голландский учёный и государственный деятель, собрав коллекцию сибирских древностей, проложил путь Петру I для изучения археологических древностей и формирования первой в России археологической коллекции[2]. Коллекционирование древностей первоначально но-

---

[1] *Королькова Е.Ф.* Наука и музей: концепция Петра I и её роль в развитии музейного дела в России //Академия, или социетет художеств и наук. Материалы XVII Международного петровского конгресса. СПб., 2025. С. 331–340.

[2] *Завитухина М.П.* Пётр I и Сибирская коллекция Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций. Сборник научных трудов. Памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С.14–26.

сило характер личного увлечения любознательного царя, но очень скоро оно приобрело системный характер и стало планомерной деятельностью, последовательно осуществляемой Петром с научными и просветительскими целями самого разного плана.[3] Научное коллекционирование не было краткосрочным увлечением Петра, приобретая опыт и знания в разных областях науки, он продолжал целенаправленную деятельность, используя все возможности для создания базы для отечественной науки и формирования музейных коллекций как научного источника, не оставляя этой идеи долгие годы. Так, после смерти Н. Витсена в 1717 г. Пётр, имея к этому времени собственную коллекцию сибирских древностей, уже превосходящую витсеновскую, всё же предпринял не увенчавшуюся успехом попытку выкупить у вдовы Витсена его собрание, о чём свидетельствует письмо Хр. Бранта Петру, сообщающее об отказе вдовы продать собрание[4]. Подобные действия служат подтверждением чрезвычайно высокой компетентности государя в самых разных областях: он был сведущ в математике и судостроении, географии, медицине и многих других направлениях естественных и гуманитарных наук.

В 1716 г. Пётр купил собрание Альберта Себы (1665–1736), включавшее зоологические коллекции и предметы быта народов Дальнего Востока, в том числе Японии и Китая. Тем самым была заложена основа развития российского востоковедения. Лучшая на то время анатомическая коллекция доктора Фредерика Рюйша (1638–1731) была приобретена Петром для петербургской кунсткамеры за 30000 золотых гульденов в 1717 г. Русский царь обучался естественным наукам у профессора анатомии Ф. Рюйша и посещал его ещё в 1697 г.[5] Царь безошибочно выбирал лучшие европейские достижения в разных областях науки. Он пригласил художницу-натуралиста и энтомолога Марию Сибиллу Мериан

---

[3] *Неверов О.Я.* Памятники античного искусства в России петровского времени // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 40–41 (37–53).

[4] *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 32.

[5] *Радзюн А.Б.* Фредерик Рюйш и его анатомическая коллекция в Музее антропологии и этнографии // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XIV. С. 263–305.; *Радзюн А.Б.* Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // Пётр I и Голландия: Русско-голландские связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1997. С. 90–113; *Радзюн А.Б.* Новый взгляд на старую коллекцию // Кунсткамера. 2024. 4 (26). С. 80–95.

(1647–1717) и приобрёл её рисунки. В 1717 г. для работы в Академии наук Петр лично пригласил художников Марию Дороте Гзелль (дочь М.С. Мериан) и её мужа Георга Гзелля, которым предстояло развивать в России новое для неё направление — искусство научного рисунка[6]. Исторический корпус изобразительных материалов, подробно и точно фиксирующих предметы из собрания петровской кунсткамеры, свидетельствует об определённых особенностях жанра научного рисунка в России: во-первых, для России этот жанр был совершенно новым и до осуществления собственно художественных работ (рисования и выполнения гравюр) необходимо было создать всю необходимую инфраструктуру, причём в очень короткий срок. Во-вторых, сразу же была поставлена задача тотальной фиксации всех экспонатов художественными средствами, а также публикации всех материалов.[7] Все эти действия, безусловно, требовали существования особой государственной программы и системного подхода, которые исходили непосредственно от Петра.

Активный поиск нужных людей и освоение той или иной области знания и практики были обеспечены собственными познаниями государя и его широчайшим кругозором. Это приносило свои результаты. Русский царь, очевидно, в юности получил в процессе обучения и образования знания и умения, недостаточные в его представлении для продвижения и осуществления его планов и собственных идей и на протяжении всей жизни успешно компенсировал лакуны в своём образовании. Об этом мы можем судить по результатам его правления.

Мы привыкли рассматривать Петровскую эпоху как время выхода России на европейскую арену и вхождения её в европейское пространство, благодаря увлечению Петра I всеми благами и новшествами просвещённой Европы. Пётр I умел и хотел учиться и стремился ориентироваться на западные образцы, однако он не был просто подражателем, как и просто усердным и целеустремлённым учеником, хотя именно европейские образцы, в том числе и популярные в Европе частные кунсткамеры, послужили для него примером при создании не только первого в России музея, но и Академии наук. Переосмысление западного опыта привело к выдающимся

---

[6] *Стецкевич Е.С.* Художественные палаты Петербургской Академии наук и создание рисунков экспонатов Кунсткамеры // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. Т. I. СПб., 2003. С. 45.

[7] *Мейерс Дебора Й.* «Нарисованный музей» как жанр. Петербургский корпус рисунков в европейском контексте // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. Т. I. СПб., 2003. С. 37.

результатам: созданная Петром I в 1714 г. Кунсткамера не только не была копией европейских собраний, но представляла собой первый и долгое время единственный в Европе, да собственно, и в мире, музей такого рода, изначально организованный по научным принципам коллекционирования и систематизации и призванный служить базой источников для научных исследований. Коллекции Кунсткамеры охватывали чрезвычайно широкий спектр источников для исследований в области этнографии, археологии, нумизматики, истории, языкознания, химии, физики, медицины, минералогии и т.д. Поистине это был музей энциклопедического типа. Достаточно сказать, что имеющий мировую известность и научную репутацию европейский музей, изначально близкий по профилю коллекций и исследовательских задач к петербургской Кунсткамере — Британский музей в Лондоне — был основан лишь в 1753 г., почти на 40 лет позже.

Причём, если Британский музей, как и многие другие известные ныне великие музеи мира, был создан по инициативе богатых, высокообразованных коллекционеров-энтузиастов, то только в России этим высокообразованным энтузиастом-коллекционером выступил сам монарх, видевший перспективу Кунсткамеры как государственного научного центра. Поэтому неудивителен и ещё один, связанный с этим, исторический факт: в Санкт-Петербурге родилась Академия наук и художеств как единый организм (в 1724 г. появился Проект Положения об учреждении Академии, а в 1726 г., т. е. уже после смерти Петра I — Указ о создании Академии), причём на целое десятилетие позже создания музея Кунсткамеры, а не наоборот. Таким образом, именно музей можно рассматривать как символический краеугольный камень, заложенный в фундамент науки. Именно так понимал его значение сам Пётр I. И это обстоятельство нужно рассматривать как принципиальную новаторскую петровскую концепцию.

Важнейшей характеристикой первого российского музея было его научное значение как центра развития разных наук и базы для формирования школ исследовательской деятельности и научного познания мира. И эта изначальная научная направленность музея была его неотъемлемой функцией. Учитывая разнообразие научных коллекций петровской Кунсткамеры, невозможно осветить всё собрание уникального музея, но следует отдельно упомянуть историю лишь одной, а именно — первой в России археологической коллекции, представленной древним золотом Сибири. Здесь важно подчеркнуть, что Пётр I сумел оценить эти раритеты именно с научной

точки зрения, рассматривая их как исторический источник и художественное достояние, а не как собрание драгоценностей. Европейские кунсткамеры, модные в ту пору и распространённые среди высшего сословия и правителей, формировались именно по принципу редкости экспонатов и изощрённой роскоши раритетов и расценивались как демонстрация особого богатства и привилегия обладания драгоценными предметами. Известно, что коллекционирование, помимо увлечения и страстного желания обладать той или иной вещью, подчас пренебрегая затратами и денежным ущербом, требует очень серьёзной теоретической и образовательной подготовки собирателя и погружения его в тему состава коллекции. И это оказывается едва ли не самой трудной задачей для человека, решившего стать коллекционером и обладающего денежным ресурсом. История художественного коллекционирования в XIX в. полна свидетельств того, что появившиеся в стране очень богатые люди начинали свою коллекционерскую деятельность с ошибок, приобретая случайные понравившиеся произведения, которые в результате так и не превращались в полноценную, культурно значимую коллекцию, обязанную иметь некоторую идейную направленность, смысл и задачу как своего рода несущий скелет. У многих так ничего и не получалось, другие же, постепенно приобретая необходимые знания и чутьё подлинного коллекционера, вырастали в редких знатоков с безошибочной интуицией и пониманием материала.

Надо отдать должное Петру I: во всех сферах научного знания того времени и разделах кунсткамерных коллекций он был абсолютно профессионально сведущ и прекрасно ориентировался. Он покупал разного рода известные европейские коллекции, включая анатомические и биологические, не скупился приглашать к сотрудничеству профессионалов экстракласса из-за границы, имевших к тому времени самую высокую репутацию в научном сообществе. Всё это требовало от государя поистине энциклопедической подготовки, которой он обладал в полной мере. Кажется, нет такой области знания и производственной сферы, в которых Пётр Великий не был бы профессионалом или не мог бы квалифицированно оценивать значение и перспективы развития того или иного вектора в стране. Например, он издал несколько указов с целью прекращения варварского разграбления сибирских курганов бугровщиками и одновременно инициировал первые в России научные по своим целям, задачам и методам раскопки древних погребальных памятников, пригласив в 1719 г. для исследовательской работы и направив Д.Г. Мессершмидта в Сибирь в длительную многопро-

фильную научную экспедицию с целью всестороннего изучения этого богатого и неизведанного края. Первые археологические раскопки были проведены в январе 1722 г. близ Абакана. Тем самым было положено начало развитию археологии как науки в России. Первая археологическая коллекция в России, именуемая ныне Сибирской коллекцией Петра I, собрание исключительного научного значения, не потерявшее его до сих пор, своим появлением обязана глубокому интересу царя к истории и культуре древних обществ. Отметим, что петровские коллекции сравнительно недолго оставались в статусе исключительно личного собрания и планировались монархом как общественное достояние со свободным доступом к обозрению. Не занимаясь непосредственно научными исследованиями, Пётр обладал энциклопедическими знаниями и компетенциями, которые были использованы им в системной государственной политике развития наук и организации научной деятельности в России

Все эти обстоятельства позволяют считать Петра Великого по сути энциклопедистом на троне, и ни один из современных ему европейских государей не может сравниться с русским царём по широте и масштабу познаний и видения мира.

Анна Дмитриевна Акилова
(Москва)
Преподаватель кафедры реставрации
Российского государственного гуманитарного университета

Свадебные традиции петровского времени в провинциальном изобразительном искусстве России XVIII – XIX вв.

Anna D. Akilova

Wedding traditions of the Petrine era in the Russian provincial fine arts of 18th – 19th centuries

Аннотация: Гравюрные изображения свадебных торжеств времен Петра I оказали значительное воздействие на возникновение традиции свадебного портрета, а также на изображение этапов свадебного цикла в русской провинции начиная со второй половины XVIII в. Появляется особая форма группового провинциального портрета, на котором изображались участники важнейших обрядовых событий: смотрин, девичника и этапов праздничного застолья. Композиционные особенности таких произведений восходят к гравюрным образцам петровского времени, а архаичный рисунок объясняется иконописным обучением художника и живописными методами, восходящими к парсунным традициям мастерской Оружейной палаты.

Abstract: The engravings of wedding celebrations from the time of Peter the Great had a significant impact on the emergence of the tradition of wedding portraits, as well as on the depiction of the stages of the wedding cycle in the Russian province since the second half of the XVIII century. A special form of provincial group portrait appeared, which depicted participants in the most

important ceremonial events: screenings, bachelorette parties and stages of the festive feast. The compositional features of such works go back precisely to the etchings of Peter the Great's time, and the archaic drawing is explained by the artist's iconographic training and painting methods, which go back to the parsune traditions of the workshop of the Moscow Armory Chamber.

Ключевые слова: провинциальный портрет, гравюра, Петр I, свадебные традиции, XVIII в.
Keywords: provincial portrait, engraving, Peter The Great, wedding traditions, 18th century

В последней трети XVIII в. в искусстве русской провинции появляется традиция создания групповых портретных изображений этапов свадебных торжеств — смотрин и праздничного застолья. Эта традиция уходит своими корнями в петровскую эпоху, когда появляются гравюры с изображениями свадеб. Примечательно, что среди гравюр петровского времени лишь пять изображают интерьер [2; с. 186], при этом четыре из них — офорты А. Шхонебека и А.Ф. Зубова — фиксируют сцены свадебного застолья. Именно они оказали влияние на развитие свадебного портрета в русской провинции. С конца XVIII в. этот тип группового портрета получает широкое распространение, среди подобных произведений — «Свадьба в купеческом доме» (н. х., первая четверть XIX в., ГЭ. Инв. № ЭРЖ-1587), «Крестьянская свадьба» (н.х., конец XVIII — начало XIX в. ГИМ. Инв. № 91849 I 3273), «Девичник в купеческом доме» (первая пол. XIX в. ГЭ. Инв. № ЭРЖ-1588) и др. А в XIX в. провинциальный портрет оказывает влияние на народное искусство, найдя отражение в лубочных жанровых сценах, а также в росписях донцев прялок.

Наиболее известны два провинциальных групповых свадебных портрета — «Свадьба в Торопце» (конец XVIII в. ГИМ. Инв. № И I 5260) и «Смотрины в XVIII веке в городе Торопце» (конец XVIII в. ГИМ. Инв. № И I 2035), переданные в Исторический музей М.А. Веневитиновым (1844–1901). Эти произведения привлекали внимание исследователей еще в 1860-е гг. Об одной из этих картин сохранилось свидетельство историка М.И. Семевского, приведенное в статье Веневитинова:

«В одном из купеческих домов в Торопце, — пишет г. Семевский в своей книге "Торопец уездный город Псковской губернии", СПб., 1864, стр. 90, примечание, — есть картина, рисованная масляными красками: девичник в городе Торопце в 18-м веке. Громадный стол покрыт тарелками с десертом, тут же возвышается сахарная голова, вынутая из бумаги, стоят высокие подсвечники, пирожное, салфетки за-

мысловато сложены рогульками. За столом на высоком стуле невеста с полузакрытым лицом, подле нее сваха с открытым лицом; далее, подружки на скамье в высоких венцах, лица их закрыты махальцами, т.е. веерами, на колени ниспадает богато вышитый платок; далее, женщины, как и все присутствующие, разряжены, лица полузакрыты фатами. В комнате гость, в немецких башмаках, кафтане, с шляпой и тростью в руке»[4].

Веневитинов также записал со слов прежнего владельца Г.Т. Лебедева особенности изображенной сцены:

«При входе жениха в комнату все девушки веерами закрылись, а невесте позволялось в этот вечер взглянуть одним глазком на жениха, равно как и гостьям жениха, женщинам, позволялось одним глазком взглянуть на невесту» [4].

Тот же значимый жест мы обнаруживаем на портрете конца XVIII в. «Торопецкая девушка, прикрывающая лицо фатой» (ГИМ. Инв. № И I 5614). Этот жест находит свое подтверждение и в свидетельствах современников, в числе которых Петр Иродинов (1777), сообщавший, что в Торопце: *«Девицы, когда из дома выходят, закрывают лицо покрывалом»* [5].

Сегодня предметный мир и этнографические особенности народного костюма, изображенного на этих произведениях, хорошо изучены и отражены в публикациях к недавним выставкам ГИМ [6]. Однако художественные особенности этих групповых портретов и происхождение традиции свадебного портрета в провинции до сих пор не становились предметом исследования.

Первое изображение свадебного застолья в гравюре петровского времени относится к 1702 г., это офорт «Свадьба шута Филата (Феофилакта) Шанского», состоящий из двух листов с изображением мужской и женской половины. Их автор, голландский гравёр Адриан Шхонебек (1661–1705), оказал значительное влияние на русский офорт, познакомив русских учеников с принципами построения композиции в европейской гравюре. Его многофигурные изображения различных торжеств, фейерверков и морских сражений восходят к многочисленным барочным образцам начала XVII в. Изображения интерьеров свадьбы шута Ф. Шанского, с их нарочитой перспективой, можно сравнить с офортами Ж. Калло «Выход герцога Лотарингского. 1627 г.» (ГЭ. Инв. № ОГ-92789) и «Битва у барьера на празднике в Нанси. 1627 г.» (ГЭ. Инв. № ОГ-92790), где вид на интерьер показан с высокой точки, а резкая линейная перспектива усиливает ощущение пространства. Кроме того, укрупненные элементы декора интерьера значительно доминируют над ми-

ниатюрными человеческими фигурами. Эти же черты отличают рассматриваемую гравюру Шхонебека.

Примечательно, что свадьба шута-стольника Феофилакта Пименовича Шанского является одной из последних придворных свадеб, сыгранных на старорусский манер. На этой свадьбе по приглашению Петра I присутствовал известный путешественник Корнелис де Брюйн (1652–1727) включивший воспоминания об этом событии в книгу «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1711). Будучи художником, он выполнил для своей книги несколько видов Москвы и её обитателей, в том числе портрет женщины в традиционном русском костюме и другие народные типажи. Корнелис де Брюйн пишет, что на свадьбе присутствовало около 500 человек, празднование продолжалось три дня, первые два — в старых русских костюмах, по старинным обычаям *«князь этот пригласил на свадебный пиршество своё всех главных Бояр и Боярынь придворных, Иностранных Посланников и большую часть наших и иноземных купцов с их жёнами. Всем приглашённым гостям дан был приказ быть на свадьбе в старинной одежде этой страны»* [3]. Однако на листе, приклеенном к гравюре с изображением мужской половины из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, имеется надпись о причинах намерений Петра I устроить торжество в старой традиции. Становится известно, что на свадьбу *«званы были все знатные обоего пола персоны и велено им приезжать в самом старинном российском платье. Кушанье изготовлено было по русски, да и напитки были только горячее вино, да мед, чем оные и подчиваны. Трактамент сей и убор, в коем находились, гостям очень не мил был, чему Государь весьма радовался, и смеючись им сказал: Предки наши едали и пивали сие: и старинные обычаи, как многие говорят, лучшие. Свадьба сия много вспомоществовала к истреблению дурацкого мнения тех, кои прошлые времена предпочитали настоящим»* [14]. Однако можно предположить, что истинный смысл происходящего не был известен широкому кругу зрителей, видевших эту гравюру в XVIII в., по этой причине происходящее на ней празднество воспринималось очевидно со всей серьезностью.

Ещё одна свадьба петровского времени нашла своё отражение в гравюре. Это свадьба карлика Якима Волкова, состоявшаяся 14 ноября 1710 г. во дворце князя А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге. На гравюре 1711 г. Алексея Зубова, ученика Шхонебека, расположение столов и их убранство напоминает композицию гравюры с изображением свадьбы шута Филарета Шанского. Кроме того, сравнительный анализ вариантов картины «Смотрины в Торопце» кон-

ца XVIII в. с этой гравюрой А. Зубова обнаруживает схожие приемы рисунка и композиции. Если сравнить фрагмент дальнего плана гравюры с изображением стола и участниками пира, можно обнаружить сходство построения перспективы — плоскость стола развёрнута к зрителю, а блюда на нем изображены словно сверху. «Кроме того, ощущается стремление провинциального живописца поместить портретную группу в большой просторный зал, как на упомянутой гравюре. Неслучайно, полноростовые фигуры на картине «Смотрины в Торопце» словно уменьшены по отношению к реальному пространству, напоминая большие «панорамные» гравированные листы.

Помимо гравюры петровского времени в композиции провинциального свадебного портрета может прослеживаться влияние произведений XVII столетия, прежде всего «Описание в лицах» [11] бракосочетания Михаила Федоровича Романова. На листах с изображением свадебного пира использована фронтальная композиция византийского типа, напоминающая сцены евхаристии, где стол со священными дарами оказывается развернут к зрителю. Подобный тип перспективы, совмещающей несколько точек обзора, прослеживается и в двух вариантах картины «Свадьба в Торопце».

Кроме того, в рисунках А. Олеария к главе «О браках русских и о том, как они справляют свадьбу» [10] изображен интерьер, выступающий фоном барочной многофигурной композиции, точно фиксирующий этапы древнерусского свадебного обряда. Этот интерьер представлен с высокой точки обзора, с резким раскрытием линейной перспективы пола, так, что фигуры гостей почти не заслоняют друг друга, но оказываются словно уменьшенными по сравнению с оконными и дверными проемами. Дальний план этой композиции соответствуют литературным наставлениям свадебного чина XVI в.:

«Священник благословит одного новобрачного на свадебное место, и тысяцкий сядет и поезжане по своим местам, а священники, местный и приезжий, повелят возжигать свечи у свадебного места. ...тут начнут обручать, и после обрученья жених невесту целует. И потом свахи, встав обе и не сходя с мест, кланяются на четыре стороны и говорят тестю и теще: «Имярек, благословите детям своим, новобрачному и новобрачной, голову расчесать», и потом их закроют, а сваха головы расчесывает, и косу расплетает, и кику накладывает» [13].

Особенностью провинциального портрета, появившегося во второй половине XVIII столетия, можно считать сплавление иконописных, а также парсунных традиций мастеров московской мастерской Оружейной палаты с языком столичной живописи. Кроме

того, на возникновение портрета в провинции оказал влияние непосредственно сам Петр I, по указу которого Оружейная палата была расформирована в 1711 г. с целью переселения художников в Петербург, однако в силу трудных условий переезда, часть московских мастеров рассеялись по провинции [9], оказавшись востребованной в северных и центральных губерниях, где экономическое развитие шло торгово-промышленным путем. Кроме того, появлению портретной живописи в провинции способствовало сложение третьей культуры во второй половине XVIII в., а также особенности сословного мировоззрения заказчика из неаристократических сословий (дворянства, мещанства, зажиточного крестьянства, купечества и духовенства). Вкусы этих заказчиков оказали значительное влияние на сложение особого пути развития портретирования в провинции.

Петровское время создало ярчайшие образцы парадного портрета, благодаря которым в провинции вошли в обиход профильные изображения и даже традиция посмертного портрета. Проводником новейших портретных тенденций в русской провинции становится гравюра. Особую роль сыграли также репродукционные гравюры с портретов императора и императрицы, числившиеся в Санкт-Петербургской типографии как «персоны их царских величеств тушеванные»[1]. Известно, что эти репродукции отличались от оригиналов тем, что «граверы создавали собственную интерпретацию изображенного» [2]. Так, широко известный благодаря гравюрным копиям портрет Петра I кисти Таннауэра (1710) мог послужить художественным образцом для профильных парных портретов И.Г. Черевина и его супруги Н.С. Черевиной 1741 г. (Солигаличский краеведческий музей имени Г.И. Невельского. Инв. № СКМ/Д- 596, Инв. № СКМ/Д- 597). Гравюры с таннауэровского портрета Петра I «сильно разнились с оригиналом» — об этом сообщал еще Д.А. Ровинский [12]. По сравнению с живописным оригиналом гравированные портреты отличаются упрощением детализации, стремятся к обобщению образа: тон изображения существенно высветлен, объемные элементы уплощены. Те же тенденции показывает и портрет Черевина, что, на наш взгляд, позволяет предположить, что гравюра оказала влияние на сложение художественного языка провинциального портрета.

[1] Алексеева М.А. цит. по *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т 2. С. 681, 693, 694; Алексей Федорович Зубов. 1682–1751. Каталог выставки. Л. 1988. С. 49. № 146, 147.

Ещё одним примером, когда гравюра становится образцом для портретной живописи, являются парные парадные портреты графа и графини Северных (1780-е гг.), поступившие в собрание Государственного Эрмитажа в 2024 г. — портреты Павла Петровича и Марии Фёдоровны кисти неизвестного европейского художника. Эти портреты были созданы по гравюрным образцам, а не с натуры [8], что привело к специфическому упрощению деталей рисунка. Гравюрными образцами могли служить погрудные и ростовые изображения, известные в Европе, как например, ныне хранящиеся в собрании Австрийской национальной библиотеке портретные гравюры Павла Петровича[2, 3]. Подобные процессы происходили и в русской провинции, когда мастера переносили в живопись язык гравюр, в том числе опираясь на изображения свадебных торжеств петровского времени, этим можно объяснить своеобразие рисунка и композиции провинциальных портретов этого типа.

Петровская эпоха оказала влияние не только на появление группового свадебного портрета в провинции. Вокруг этой традиции возникает ряд связанных между собой персональных, двойных и парных предсвадебных и матримониальных портретов. Уже с 1770-х гг. появляется устойчивая традиция портретирования невесты. Такие изображения участвовали в цикле смотрин и затем оставались на память у родителей [7]. После свадьбы создавался новый портрет, который был парным к изображению супруга. Эти изображения образуют значительный пласт наследия провинциальной живописи, несмотря на то, что многие парные портреты со временем утратили комплектность. Об этой традиции портретирования свидетельствуют два изображения одной и той же модели из собрания Исторического музея (Н. х. «Портрет крестьянской девушки с цветком в руке». 1770-е. ГИМ. Инв. № 80624 и I 4658) и музея Строгановского университета (Н. х. «Портрет женщины

---

[2] Гравюра с ростовым изображением Павла Петровича. Австрийская национальная библиотека. № 00509267 Электронный ресурс URL https://onb.wg.picturemaxx.com/?16756386081222671803&EVENT=WEBSHOP_SEARCH&SEARCHMODE=NEW&SEARCHTXT1=%22%232%3A20%3D0x2232be19%22+%7C%7C+0x2232be19 (Дата обращения 10.09.2025)

[3] Гравюра с погрудным изображением Павла Петровича. Австрийская национальная библиотека. № 00508787 Электронный ресурс URL https://onb.wg.picturemaxx.com/?16756386081222671803&EVENT=WEBSHOP_SEARCH&SEARCHMODE=NEW&SEARCHTXT1=%22%232%3A20%3D0x2232be19%22+%7C%7C+0x2232be19 (Дата обращения 10.09.2025)

в высоком кокошнике с цветком граната в руке». Конец XVIII в. Инв. № КП-8680). Анализ костюмного комплекса показывает, что портрет из Исторического музея представляет просватанную девушку в открытом головном уборе — девичьей повязке [1]. На наш взгляд, он был написан первым и послужил художественным образцом для более позднего портрета, на котором модель изображена в замужестве, одетой в золотистый сарафан и во владимирском кокошнике, а цветок яблони ее в руках символизирует ожидание первенца. По случаю сватовства портрет создавался и в миниатюре, при этом он был стилистически идентичен полноразмерным произведениям из семейных галерей. Например, на «Портрете семьи горного начальника Колывано-Воскресенских заводов М.А. Злобина» 1839 г. (Томский областной художественный музей. Инв. № Ж-2318) изображена сцена подписания свадебного договора, где в руках девушки находится подобная миниатюра.

В качестве заключения отметим, что петровское время и его культурные преобразования оказали значительное воздействие на появление нескольких типов провинциальной портретной живописи — цикла полотен, связанных с обрядами сватовства и свадьбы. Несмотря на то, что в XIX в. провинциальный портрет впитывает в себя тенденции столичной школы, он вплоть до своего исчезновения в годы Великих реформ сохранял стилистическое единство и связь с традициями петровского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Акилова А.Д.* К вопросу об атрибуции двух портретов «неизвестной» из собрания Музея декоративно-прикладного и промышленного искусства МГХПА им. С.Г. Строганова и собрания Государственного исторического музея // Вестник МГХПА. 2020. №. 4. С. 169–179.
2. *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 186.
3. *Бруин К.* Путешествие через Московию. М. Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1873. С. 47–48
4. *Веневитинов М.А.* Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце. М. Тип. А.И. Мамонтова и К°, ценз. 1888. С. 4.
5. *Иродинов П.* Исторические, географические и политические известия до города Торопца и его округа касающиеся. Санкт-Петербург, 1777. С. 36.
6. *Колганова Е.В.* Сватовство, сговор, девичник. // Русская свадьба: издание к выставке «Русская свадьба. Традиция и обряды». М., 2019. С. 186–189.
7. *Мерцалова М.Н.* Поэзия народного костюма. М., 1988. С. 46.
8. Новости Государственного Эрмитажа от 29 февраля 2024 г. Электронный ресурс: URL https://www.hermitagemuseum.org/news/news_45_24?lng=vu (Дата обращения: 31.10.2025).

9. *Овчинникова Е.С.* Портрет в русском искусстве XVII века. Материалы и исследования. М., 1955. С. 113.
10. *Олеарий Адам* (1603–1671). Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Санкт-Петербург, 1906. С. 213.
11. Описание в лицах торжества, происходившаго в 1626 год февраля 5, при бракосочетании государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною, из рода Стрешневых. М. Печатано в типографии Платона Бекетова. 1810. С. 29, 49, 65.
12. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 1888. Т. 3. 2 с.
13. Чин свадебный. XVI в. РГБ. Ф. 205. №?340. Л. 145–171.
14. Электронный каталог ГМИИ им. А.С. Пушкина. Электронный ресурс: URL https://russianprints.pushkinmuseum.art/printmakers/sh/schoonebeck_adrian/svadba_shanskogo_muzhskaya_polovina.shtml (Дата обращения: 31.10.2025)

Андрей Юрьевич Епатко
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник Государственного Русского музея

К вопросу истории сюжета картины И.К. Айвазовского «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала судам своим»

A.Y. Epatko

«Peter I at Krasnaya Gorka, lighting a bonfire on the shore to signal his ships»

Аннотация: В собрании Национального художественного музея Республики Беларусь хранится картина знаменитого российского мариниста И.К. Айвазовского, носящая довольно пространное название: «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим» (1846). По общему мнению искусствоведов, на картине представлен исторический эпизод, имевший место в 1714 г., когда во время бури корабли русской эскадры сели на мель, и Петр I с группой матросов, рискуя жизнью, на шлюпке добрался до форта Красная Горка. На берегу царь развел костер, указывавший, подобно маяку, путь кораблям в безопасную бухту. Автор рассматривает историю сюжета этой знаковой работы И.К. Айвазовского.
Abstract: The collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus contains a painting by the famous Russian marine artist I.K.Aivazovsky, which bears a rather lengthy title: «Peter I at Krasnaya Gorka, lighting a bonfire on the shore to signal his ships to perish» (1846). According to the general opinion of art historians, the painting shows a historical episode that took place in 1714, when

during a storm the ships of the Russian squadron ran aground, and Peter the Great and a group of sailors risked their lives to reach Fort Krasnaya Gorka by boat. On the shore, the king built a bonfire, which, like a lighthouse, showed the way to the ships in a safe bay. The author examines the history of the plot of this landmark work by I.K. Aivazovsky

Ключевые слова: Петр I, Красная Горка, Ирландия, Деляп, шторм, корабль.
Keywords: Peter the Great, Krasnaya Gorka, Ireland, Delap, storm, ship.

В собрании Национального художественного музея Республики Беларусь хранится картина знаменитого российского мариниста И.К. Айвазовского, носящая довольно пространное название: «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим» (1846)[1]. Как нам сообщила заведующая отделом зарубежного искусства Национального художественного музея Республики Беларусь С.И. Прокопьева, ранее шедевр входил в собрание живописи знаменитой певицы Лидии Руслановой, у которой был приобретен музеем в 1960 г.

По общему мнению искусствоведов, на картине представлен исторический эпизод, имевший место 1 сентября 1714 г., когда во время бури в Финском заливе корабли русской эскадры сели на мель, и Петр I с группой матросов, рискуя жизнью, на шлюпке добрался до форта Красная Горка. Нередко добавляется важная подробность: монарх сам управлял шлюпкой. На берегу царь развел костер, указывавший, подобно маяку, путь кораблям в безопасную бухту[2] (илл. 1).

Большую часть полотна занимает штормовое море, в котором вблизи скалистого берега терпит бедствие российская эскадра. Крупные военные парусники кажутся беспомощными на фоне разбушевавшейся стихии; ветер неумолимо гонит их на скалистое побережье. Один из кораблей, по-видимому, уже потерпел крушение: к берегу прибило обломок мачты и бочку. Особый трагизм картине придает почерневшее море; часть его подсвечена лунным светом, льющимся из разорванных облаков. Ключевая фигура полотна И.К. Айвазовского — Петр I. Русский царь, стоящий под взрывами ветра на скалистом утесе, указывает руками на сигнальный костер,

[1] «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала судам своим». Х., м. 86х129,8 см. Справа внизу: Айвазовский. 1846. Национальный художественный музей Республики Беларусь (Минск).

[2] *Прилипенко В.Н.* Вступ. статья в кн. «Иван Константинович Айвазовский». Л., 1983. С. 19.

Илл. 1. И.К. Айвазовский. «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала судам своим». 1846 г. Х., м., 86х129,8. Национальный художественный музей республики Беларусь. Фрагмент.

который развели его спутники. Один из них поднял над головой горящую ветку, подобно факелу...

Что же заставило И.К. Айвазовского обратиться к подобному сюжету?

«Красная Горка» была создана в 1846 г. в Крыму, где маринист написал более двадцати полотен, среди которых выделяется ряд батальных картин, представляющих морские бои при Чесме, Ревеле, Выборге и форте Красная Горка. Все эти произведения, как свидетельствует сам И.К. Айвазовский, были созданы «по желанию Государя Императора»[3]. Таким образом, именно Николай I подсказал художнику идею создания исторического полотна, на котором Петр представлен как спаситель гибнущего флота.

Слава И.К. Айвазовского как выдающегося мариниста началась после академической выставки 1847 г., где среди батальных холстов

[3] *Петров П.И.* Иван Константинович Айвазовский и его пятидесяти двухлетняя художественная деятельность. 1836–1878 // Русская Старина. СПб., 1878. Т. 23. С. 64.

экспонировалась и «Красная Горка». «Финский вестник», в частности, писал: «Нынешним летом в Академии Художеств были выставлены морские виды г. Айвазовского,.. и всякий, верно, помнит огромную картину бури, где Петр Великий развел костер для предостережения погибающих кораблей»[4].

Как уже упоминалось, идею «Красной Горки» И.К. Айвазовскому подал сам император. Трудно сказать, почему Николай I связал это событие со старым петровским фортом, расположенным на южном побережье Финского залива недалеко от Ораниенбаума. Рассказ о героическом поступке царя, ободрившего береговым огнем моряков, неоднократно публиковался в российской печати конца XVIII — середины XIX в.[5]

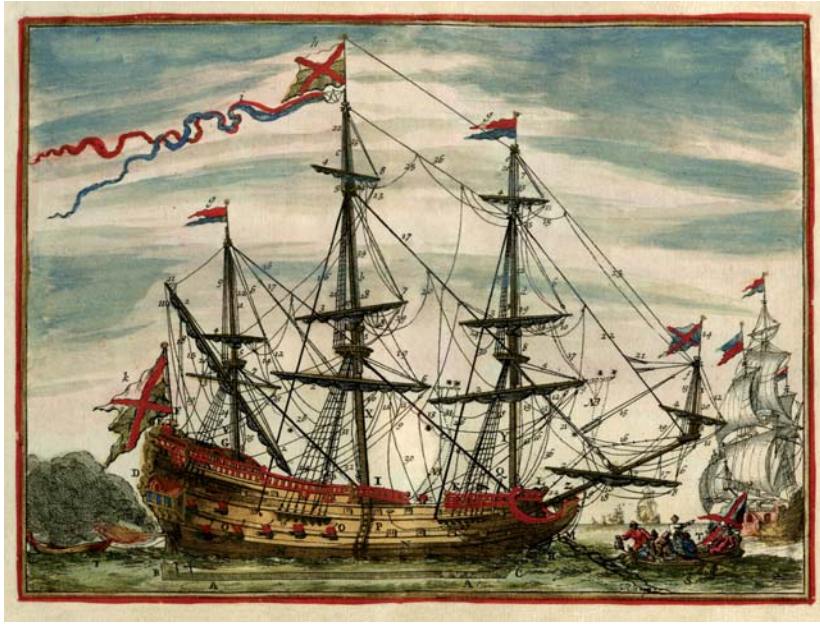
Практически все источники — от мемуаров иностранцев до «Походных журналов» Петра I — связывают это событие с Березовыми островами, расположенными сорока километрами южнее Выборга. Само же событие имело место вскоре после Гангутского сражения, когда часть русского флота, направляясь из Гельсингфорса в Кронштадт, попала в жестокий шторм.

Знаменитый механик и токарь Петра I А.К. Нартов в своих «Рассказах» упоминает, что русский флот в ночь на 1 сентября находился в очень опасном положении. Заметив робость своих матросов, царь решил добраться на шлюпке до берега и развести там огонь, чтобы тем самым «дать знать близость онаго». Бывшие с ним на корабле офицеры пали к ногам царя, умоляя последнего отказаться от опасного замысла. Однако Петр не послушал их: сел с несколькими гребцами в шлюпку и, управляя рулем, направил лодку к берегу. Когда же гребцы ослабли и уже ожидали потопления, царь неожиданно встал и, ободряя команду, закричал: «Чего боитесь! Царя везете!.. Бог с нами!» Слова монарха вернули гребцам мужество, и шлюпка благополучно достигла земли. Царь тут же развел огонь, давая знак флоту, что он добрался до берега и что земля близко.

---

[4] Художественная выставка в С.-Петербурге // Финский вестник. СПб., 1847. №10. С. 64.

[5] См. например: *Орфелин З.* Житие и славныя дела императора Петра Великаго самодержца Всероссийскаго. СПб., 1772. С. 61, 62; *Глотов Н.* Гангоудское сражение, увенчавшее российской флот первой победой на море // Отечественные записки. СПб., 1821. Ч. VII. С. 43–45; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1838. Т. VI. С. 252, 253; *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 86, 87.

Илл. 2. Фрегат петровской эпохи.
Из книги Карла Алларда «Новое галланское карабельное строение...». М., 1709 г.

Далее А.К. Нартов приводит любопытные подробности пребывания Петра на берегу, которые мы не находим в других источниках; надо полагать, токарь слышал рассказ об этом событии от одного из непосредственных участников высадки на берег: «Государь, весь измоченный водою, обогревался у огня с гребцами и спросил: «Есть ли на шлюпке морской сбитень и сухари?». И когда сие к нему [было] принесено, то разогрев сбитень, [Петр] выпил стакан [вина], съел сухарь... и потом близ огня под деревом, покрывшись парусиной, заснул»[6].

Отметим, что, несмотря на столь подробный рассказ, А.К. Нартов не упоминает название местности, где высадился царь. Не знал он и фамилию морского офицера, вызвавшегося доставить Петра на берег. (Биографию этого офицера мы рассмотрим ниже) (илл. 2).

В 1764 г. российский навигатор и гидрограф Ф.И. Соймонов, лично знавший Петра I, опубликовал правила штурманского искусства. В главе «При якорной стоянке» он поясняет насколько опасно

[6] Там же.

потерять якорь в шторм и для примера приводит случай со «Св. Екатериной» — флагманским кораблем Петра I, терпевшим бедствие при Березовых островах. Навигатор отмечает, что наибольшую опасность для судна представляло то обстоятельство, что с наветренной стороны от него стояли несколько парусников. И если бы «хоть один [из них] с якоря сорвало, — рассуждает Ф.И. Соймонов, — тогда б [это] неминуемую Его Величества кораблю вредность причинил[о]»[7]. Последующие слова автора очень важны: он сообщает, что царь, желая избежать возможного кораблекрушения, «с великим страхом... в шлюпке на Березовые острова съехать отважиться изволил»[8]. Позднее в своем капитальном труде «История Петра Великого» Ф.И. Соймонов снова вернулся к случаю у Березовых островов. Описание этого драматического происшествия изобилует у него любопытными подробностями, которые навигатор мог получить от морских офицеров, находившихся с Петром I на «Св. Екатерине».

Автор «Истории Петра...» отмечает, что положение на флагмане было настолько опасным, что вероятность грядущей катастрофы привела в страх всех спутников Петра. Как только ветер немного ослаб, царь решился съехать на шлюпке на берег. Однако из-за сильного волнения ее невозможно было подвести к борту, и тогда лодку подали с кормы. Навигатор пишет, что монарх спустился в нее по штормовому трапу — специальной лестнице, сделанной из толстых канатов и деревянных брусков-ступеней. «[И хотя] великое опровержение шлюпке грозило, — продолжает свой рассказ Ф.И. Соймонов, — однако Его Величество в шлюпке до берегу доехал, и коль скоро из шлюпки на берег взошли, тогда тотчас подымая шлюпку волнами о землю разбило. По выходе на берег, [царь] учиненным болшим огнем флоту дал знать о благополучном вступлении на берег, отчего на корабле Его Величества все великую радость получили»[9].

Обращает внимание тот факт, что рассказы А.К. Нартова и Ф.И. Соймонова не содержат сведений о том, что царь высадился около какой-то бухты и оттуда подавал кораблям сигнал, приглашая их следовать в безопасную гавань. Напомним, что этой версии придерживались российские историки XVIII–XIX вв.; по-

[7] *Соймонов Ф.И.* Письмо Российскаго навигатора молодому Российскаму Зейману // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764. Февраль. С. 136.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 291.

зднее ее приняли и советские искусствоведы, описывавшие картину «Петр I при Красной Горке...» и представляющие царя чуть ли не спасителем эскадры. Однако эта романтическая версия не находит подтверждения в более ранних источниках. Тот же Ф.И. Соймонов пишет, что царь съехал на берег «*с великим страхом*» (курсив мой. — *А. Е.*), а костер развел лишь с целью извещения о своем благополучном прибытии на матерую землю.

Не верил в версию Петра I как спасителя флота и А.С. Пушкин. Работая над «Историей Петра Великого», поэт коснулся эпизода у Березовых островов, ссылаясь на труд венецианского историка Антония Катифоро[10], который сообщал, что царь ночью на шлюпке доплыл до Березовых островов, чтобы, дав оттуда сигнал, ободрить своих людей. «*Невероятно* [!]»[11] (курсив А.С. Пушкина), — восклицает поэт.

Действительно, можно ли во время шторма съезжать с кораблей, чтобы «освещать им опасность»[12]? Таким вопросом задавался еще в 1850 г. известный историк русского флота А.П. Соколов. Упоминая недавно созданную картину И.К. Айвазовского, он отметил техническую невероятность сюжета «Красной Горки». «Флот [Петра I] был не под парусами как изобразил его Г[осподин] Айвазовский.., но на якорях»[13], — справедливо заключает исследователь. (илл. 3)

«Записки» ганноверского резидента Ф.-Х. Вебера также подтверждают тот факт, что Петр I не собирался (да и не мог!) спасать флот, а пытался лишь выжить в условиях надвигающейся катастрофы. Кстати, Ф.-Х. Вебер является единственным автором, сообщившим о расстоянии в две мили (3,7 километра), отделявшими «Св. Екатерину» от берега. Этими сведениями дипломат обязан непосредственным участникам событий: 15 сентября 1714 г. Ф.-Х. Вебер присутствовал на большом праздновании в честь победы русского флота при Гангуте. «На упомянутом выше пиршестве, — отмечает резидент, — офицеры, бывшие на море с царем, рассказывали, что его Величество во время страшной бури... находился с кораблем в большой опасности и, по мнению всех понимавших морское дело людей, считал себя уже погибшим, вследствие чего из двух зол он выбрал будто бы меньшее и, не взирая на скалы (скорее, камни

---

[10] *Катифор А.* Житие Петра Великаго императора и самодержца Всероссийскаго, отца Отечества. СПб., 1772.

[11] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1954. С. 191.

[12] *Соколов А.П.* Гангутская битва 1714 года // Морской сборник. СПб., 1850. Декабрь. Т. IV. С. 497.

[13] Там же.

Илл. 3. Немецкая гравюра 1841 г. по картине Карла Штейбена «Петр Великий в бурю на Ладожском озере» (1812 г.).

у побережья — *А.Е.*) и на отговоры Русских, умолявших его на коленях, сел в крепкую шлюпку, сказав только: «Вы, братцы, не верите судьбе» и, в не унимавшуюся бурю, в темную ночь, пустился в море, сча́стливо достигнул берега, находившего в двух милях и, по условию, развел тотчас же на берегу огонь, чтобы известить флот о своем спасении»[14].

Принимая во внимание силу шторма, вызывает удивление, что Петр I решился пуститься в море на небольшой шлюпке, учитывая, что до ближайшей земли было почти 4 километра, а побережье Березовых островов очень каменисто. По всей видимости, на решимость Петра покинуть «Св. Екатерину» и выйти в бушующий залив повлиял большой опыт царя в морском деле... Уже упомянутый Ф.-Х. Вебер, сопровождавший однажды монарха в прогулке по Финскому заливу, вспоминал, что когда поднялась буря, «царь, забыв все шутки, сам принялся за руль, и в этой опасности [Петр] обнаружил не только большие знания в маневрах, но и необыкновенную физическую силу и непоколебимость»[15]. Также не исключе-

[14] *Вебер Ф.-Х.* Декабрь. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейского резидента Вебера // Русский Архив. М., 1872. № 6. С. 1102, 1103.

[15] *Вебер Ф.-Х.* Указ. соч. С. 1161.

но, что царь надеялся на свою счастливую звезду. А.К. Нартов в своих «Рассказах» приводит случай, имевший место с Петром в Голландии в 1698 г., где судно монарха попало в шторм близ города Гардевик. Когда ужасная буря привела спутников царя в крайнее отчаяние, монарх посмеялся над «корабельщиками», ободряя их словами: «Слыхали вы когда-нибудь, чтоб какой царь утонул в море? Не бойтесь, кормило в моей руке»[16].

Однако, в случае с Березовыми островами все обстояло значительно серьезнее: в распоряжении царя была открытая шлюпка, которую предстояло провести на веслах к малознакомому берегу, усеянному камнями. И Петр решил воспользоваться услугами кого-нибудь из опытных офицеров. Можно предположить, что таковых поначалу найти не могли: никто не решался брать на себя ответственность за судьбу царя. Но все же один человек вызвался доставить монарха на берег; имя этого морского офицера стало известно благодаря графу Е.В. Путятину.

Просматривая каталог 1-й Лондонской антикварной книжной торговли, граф наткнулся на английскую рукопись о русском флоте. Е.В. Путятин перевел ее на русский язык и в 1895 г. издал под названием «История Российского флота в царствование Петра Великого»[17]. Последующее изучение этого уникального документа дало возможность установить его авторство. Им был уроженец Англии Дж. Ден, прослуживший в петровском флоте около десяти лет.

Дж. Ден сообщает, что 1 сентября 1714 г. Петр I встретил свой флот на галере у острова Бьёрке (шведское название Березовых островов), где перешел на свой флагман «Св. Екатерина». Здесь царя и застал внезапно налетевший с запада шторм, причинивший немалые неприятности кораблям, стоящим на якорях, в результате чего они потеряли бóльшую часть шлюпок, находившихся у кормы. «И тогда царь, желая покинуть бурную стихию, — пишет Дж. Ден, — осведомился у своих офицеров, не отважится ли кто из них доставить его на берег. Сделать это взялся поручик Джон Деляп (John Delapp), уроженец Ирландии; по данному сигналу была подана шлюпка, в нее сел царь, Деляп направил ее к острову Бьёрке и благополучно достиг берега, за что получил 100 рублей награды, из которых должен был раздать команде 30 [рублей]»[18].

---

[16] *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 11

[17] *Путятин Е.Е.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1895.

[18] *Путятин Е.Е.* Указ. соч. С. 31

Илл. 4. Западное побережье острова Большой Березовый. 2013 г. Фото автора.

Это сообщение представляется особенно ценным. Помимо того, что Дж. Ден называет по имени рулевого шлюпки, он также упоминает остров, на который высадился царь. Речь идет о Бьёрке — самом крупном из Березовых островов.

Дж. Ден в отличие от Ф.И. Соймонова не сообщает, что лодка, войдя в полосу прибоя, разбилась о камни. Впрочем, не доверять последнему нет оснований: в 2013 г. мы посетили западное побережье Большого Березового острова и убедились, что оно лишено каких-либо бухт и песчаных пляжей, где можно было бы причалить без особого риска. Напротив, подходы к берегу буквально усыпаны внушительными валунами, и то, что царь и его спутники благополучно достигли острова и не погибли при высадке (даже если и потеряли шлюпку), можно считать чудом. Хотя, скорее, своей жизнью Петр обязан мореходному искусству ирландского поручика, отважившегося вывезти царя на берег. Известно, что Джон Деляп был родом из графства Керри — крайнего выступа на западе Ирландии, которое всегда славилось своими искусными рыбаками, ходившими по Атлантике на каррах — легких весельных лодках, обтянутых бычьими шкурами. Не исключено, что именно мореходный опыт, полученный в молодости на родине, позволил ирландцу в условиях шторма благополучно достигнуть земли (илл. 4).

Однако почему никто кроме ирландца не вызвался доставить царя на берег? Ответ на этот вопрос надо искать в комплектации матросов для российского флота, которая шла на очень низком уровне. В матросы набирали крестьянских детей, пехотинцев и даже рудокопов. В этом отношении характерно свидетельство датского посланника при русском дворе Юста Юля, который отмечал, что накануне осады Выборга в 1710 г. во всем флоте не было ни одного человека, знакомого с фарватером, а управление карбасами было поручено простым крестьянам, едва умевшим грести одним веслом[19].

Отчаявшись укомплектовать свой флот соотечественниками, Петр пошел на крайнюю меру. По сообщению Дж. Дена, приближенные царя «хитростью» склоняли британских офицеров к подписанию договора о пожизненной службе в российском флоте. Это лишний раз подчеркивает, какую большую надежду возлагал Петр I на подданных короля Георга, одним из которых был Дж. Деляп.

Увы, сведения об этом уроженце Ирландии крайне скудны; практически ничего неизвестно о допетровском периоде жизни Дж. Деляпа. Также нам остается только догадываться, как сложилась его судьба после увольнения с российской службы в 1729 г.

Дж. Деляп начал свою службу на купеческих и военных британских судах в 1690 г., а первый офицерский чин лейтенанта флота был присвоен ему британским Адмиралтейством 2 июня 1712 г. Эти сведения дают нам возможность узнать приблизительный возраст будущего спасителя Петра Великого. Если предположить, что ирландец стал моряком или юнгой в 17-летнем возрасте, то в 1713 г., — когда он поступил на российскую службу, — ему было около сорока лет.

В 1729 г., после 16-летней службы в петровском флоте Дж. Деляп решил покинуть нашу страну[20]. В чем же кроются причины этого решения?

В донесениях английских дипломатов приводятся сведения о том, что после смерти Петра I русский флот сократился, и «все сколько-нибудь влиятельные и благородные люди его оставили»[21]. Упадок флота, начавшийся при преемниках Петра, отмечает и ан-

---

[19] *Юст Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом. М., 2001. С. 173.

[20] При увольнении Дж. Деляп дал Морской коллегии «реверс», что «ежели он из службы Е.И.В. отпущен будет, то он против Российской Империи... служить не будет» (Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Ч. 5. С. 778).

[21] *Дэвуш Ф.* Дневник пребывания в Санкт-Петербурге в 1733 г. // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 58, 59.

глийский посланник К. Рондо. Дипломат сообщает, что многие хорошие иностранные офицеры чуть ли не ежедневно просятся в отставку, после чего возвращаются «по домам».

Дж. Деляп также покинул Россию и, скорее всего, вернулся в Англию, где мог восстановиться в Британском Королевском флоте.

Чтобы узнать о его дальнейшей судьбе, мы обратились в ирландские и британские архивы и библиотеки. Трудно передать, какое воодушевление и энтузиазм вызвал среди ирландских исследователей наш запрос о судьбе их соотечественника, служившего у Петра Великого. Без их советов и помощи наши изыскания о Дж. Деляпе были бы далеко не полными.

Библиотекарь Национального Морского музея в Гринвиче (Лондон) Гарет Беллис по нашей просьбе просмотрел списки офицеров Королевских Военно-морских сил Великобритании за период с 1660 по 1815 г. К сожалению, он не обнаружил в них имени Дж. Деляпа, хотя, по его мнению, если бы последний был лейтенантом, то его имя должно было быть отражено в послужных списках. Вместе с тем г-н Беллис отметил, что флотские списки начала XVIII в., хранящиеся в архивах Ирландии и Великобритании, не всегда полны.

Какие-либо сведения о спасителе Петра Великого также отсутствуют и в Национальной библиотеке Ирландии. Однако ее библиотекарь Фрэнк Кларк прислал нам ссылку на статью о Дж. Деляпе, вышедшей в Журнале военно-исторического общества Ирландии в 1954 г. Благодаря любезности историка из Дублина Эдварда Бурке нам удалось получить копию этой работы, которая называется «Джон Деляп: ирландский матрос в России»[22]. Впрочем, этот материал не добавляет ничего нового для российских исследователей, так как автор статьи Джон Йордан опирался, в основном, на «Общий морской список», изданный в 1855 г. в Санкт-Петербурге.

В свою очередь, Э. Бурке обратил наше внимание на работу выдающегося ирландского историка Джона де Курси «Ирландия и ирландцы в морской истории»[23]. На одной из страниц своего капитального труда исследователь упоминает Дж. Деляпа, служившего в 1714 г. на флагмане Петра I «Св. Екатерина». При этом де Курси отмечает, что ирландец был родом из графства Керри. К сожалению, автор не сообщает, откуда он почерпнул это известие.

---

[22] *Jordan J.* John Delap: an Irish seaman in Russian // Journal of the Military History Society of Ireland. 1954. Vol. II. № 5. P. 54–56.

[23] *Courcey De J.* Ireland and the Irish in Maritime history. Dublin, 1986. P. 209.

Илл. 5. Ирландский историк Ричард МакКормик. Фото А.Ю. Епатко. 2013 г.

Э. Бурке с сожалением констатирует, что кроме туманного упоминания, что Дж. Деляп был родом из Керри, остальная часть его биографии пока остается неизвестной. «Все, что мы знаем о Дж. Деляпе, — пишет историк, — основано на записях русского флота»[24] (илл. 5).

Живейшее участие в поисках следов Дж. Деляпа в Ирландии и Великобритании принял Ричард МакКормик, президент Национального Морского музея Ирландии (Дублин) и специалист по генеалогии.

Он признался, что ранее не слышал об этом офицере и его службе в России. «Мне было интересно узнать, что Деляп родился в Керри — графстве на юго-западе Ирландии, — пишет исследователь, — но там много городов и деревень, поэтому с генеалогической точки зрения очень важно знать, откуда именно они происходят... Благодаря нашим колониальным правителям, Ирландия понесла тяжелые потери в документах, и теперь исследование физических лиц здесь крайне затруднено»[25]. В процессе нашей переписки Р. МакКормик сообщил, что, согласно данным генеалогического сайта Ирландии, на период 1847–1864 гг. среди жителей Керри не было никого с именем Деляп. «Правда, эта информация касается более позднего времени»[26], — констатирует исследователь, вместе с тем отмечая, что Деляп — достаточно редкая фамилия для Ирландии; впрочем, она встречается на северо-востоке острова, то есть далеко от Керри.

Но отвлечемся от места рождения спасителя Петра Великого и обратимся к его периоду жизни, связанному с увольнением из российской службы. По всей видимости, в 1729 г. Дж. Деляп вернулся в Англию, скорее всего, в Лондон, где поступил на службу, связан-

[24] Письмо Э. Бурке — автору от 09.01.2012.

[25] Письмо Р. МакКормика — автору от 20.02.2011.

[26] Там же.

ную с флотом. На эту мысль нас натолкнуло письмо некоего Тимоти Катлера, адресованное «капитану Джону Деляпу»[27].

Это письмо мы обнаружили в библиотеке Дворца Ламберта в Лондоне, где, в основном, хранятся документы английской протестантской церкви. Письмо отправлено из Бостона (США) в Англию в мае 1731 г., то есть почти через два года после того, как ирландец покинул Санкт-Петербург. На наш запрос о капитане Дж. Деляпе и Т. Катлере сотрудник библиотеки Даниэль Албон любезно ответил, что они располагают информацией только о последнем адресате[28].

Т. Катлер — уроженец американского города Чарлстоун. В 1722 г. он посетил Англию, где был рукоположен в сан священника англиканской церкви. Затем вернулся в США, стал священником церкви Христа (ныне известной как Старая северная церковь) и жил в Бостоне до самой своей смерти, наступившей в 1764 г. (илл. 6).

Письмо Т. Катлера, составленное на староанглийском языке, носит, в основном, религиозный характер. Последний жалуется своему приятелю «капитану Джону Деляпу» на недостаток епископов и гонения на Церковь в Новой Англии (северо-восточная часть США), что, по мнению священника, «ведет к недостаточной вере»[29]. Т. Катлер также упоминает, что нашел кампанию Дж. Деляпа и его кузены Эллис «приятной». «Трудно сказать, — справедливо замечает Р. МакКормик, — был ли этот Джон Деляп той самой фигурой, следы которой мы ищем? Возможно, это прояснилось бы, если бы сохранилось ответное письмо»[30].

Остается согласиться с ирландским специалистом: за неимением более точных данных пока нельзя утверждать, что письмо американского священника адресовано именно тому самому Деляпу. Хотя дата — 1731 год — и обращение к «капитану Джону Деляпу» склоняет нас к мысли, что речь все же идет о спасителе Петра Великого. Письмо вполне логично ложится в биографию ирландца: после своей отставки в 1729 г. и возвращения в Великобританию он мог в должности капитана совершить рейс в Бостон, ставший в XVIII в. центром английской коммерции в Америке. Там он мог встретиться с Т. Катлером.

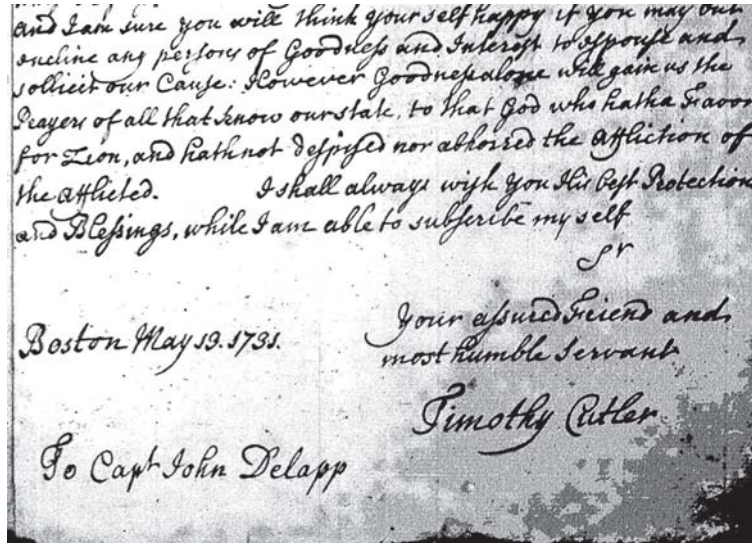
---

[27] Letter Timothy Culter to Captain John Delapp. Boston, May 13, 1731. Vol. V FP 1730–1750 (Fulmal Papers Colonial FP/1-40. 1626–1822) // Lamberth Palace Library. London.

[28] Письмо Д. Албона — автору от 13.10.2011.

[29] Перевод со староанглийского Р. МакКормика.

[30] Письмо Р. МакКормика — автору от 23.03.2011.

and I am sure you will think your self happy if you may be
ancline any persons of Goodness and Interest to espouse and
solicit our Cause: However Goodness alone will gain us the
Prayers of all that know our state, to that God who hath Favor
for Zion, and hath not despised nor abhorred the affliction of
the afflicted. I shall always wish you His best Protections
and Blessings, while I am able to subscribe my self
Sr
Boston May 13. 1731.
Your assured Friend and
most humble Servant
Timothy Cutler
To Capt. John Delapp

Илл. 6. Фрагмент письма, адресованного капитаном Джон Деляпом Тимоти Катлеру. 13 мая 1731 г. Библиотека дворца Ламберта. Великобритания.

В любом случае, более поздние сведения о нашем герое отсутствуют: мы не знаем, где и как прошли его последние годы. Впрочем, нельзя исключать, что в будущем в западных архивах обнаружатся документы, проливающие свет на послепетровскую биографию Дж. Деляпа, британского морского офицера, служившего в российском флоте и принявшего однажды непосредственное участие в судьбе Петра Великого[31].

[31] Автор выражает искреннюю признательность хранителю коллекции живописи Национального художественного музея Республики Беларусь С.И. Прокопьевой за предоставление фотографии картины И.А. Айвазовского и консультацию. Также я очень благодарен за помощь и консультации европейским коллегам: Хью Бекетту (Hugh Beckett), Марин Голь (Maureen Gaule), Фрэнсису Кларку (France Clarce), Эндрю О'Брайну (Andrew O'Brain), (Ирландия), Гарету Беллису (Gareth Bellis), Даниэлю Албону (Daniel Albon) (Великобритания). Особая благодарность специалисту по морской истории — Эдварду Бурке (E. Burke) и Ричарду МакКормику (Richard Mc Cormick) (Ирландия).

Борис Михайлович Соколов
(Москва)
Профессор Российского государственного гуманитарного университета

«Петр I» Ивана Билибина (1937): исторические иллюстрации и исторические размышления

Boris. M. Sokolov

Ivan Bilibin's «Peter the Great» (1937): Historical Illustrations and Historical Reflections

Аннотация: Статья посвящена анализу иллюстраций Ивана Яковлевича Билибина к роману Алексея Толстого «Петр I», выполненных в 1934–37 гг. (первое издание — 1937, полное издание — 2023). Работа проходила в период возвращения художника из Франции на родину и на фоне смены стилистических черт в его графике. Рассмотрены типичные для Билибина и новые графические приёмы, сквозные темы иллюстративного цикла. Среди них — меняющаяся народная жизнь, становление личности Петра I, образы его политических противников. Иллюстрации к роману «Петр I» сопоставлены со следующей работой Билибина, оформлением поэмы М.Ю. Лермонтова «Песнь про купца Калашникова» (1938–39), в которой образ царя производит не героическое, а устрашающее впечатление. В качестве гипотезы высказывается мысль о том, что эта смена образов отражала размышления художника о национальной истории.
Abstract: The article analyzes Ivan Yakovlevich Bilibin's illustrations for Alexei Tolstoy's novel «Peter the Great», completed between 1934 and 1937 (first published in 1937, complete edition in 2023). The work developed during the artist's return from France to his homeland and amidst a shift in the stylistic features of his graphic work. The article examines Bilibin's old and new graphic techniques, as well as the recurring themes of the illustration cycle. These include

the changing life of the people, the development of Peter the Great's personality, and the images of his political opponents. The illustrations for the novel «Peter the Great» are compared with Bilibin's next work, the illustrations for Mikhail Lermontov's poem «The Song of the Merchant Kalashnikov» (1938–39), in which the image of the Tsar is not heroic, but rather terrifying. It is hypothesized that this shift in imagery reflected the artist's reflections on national history.

Ключевые слова: Билибин, Петровская эпоха, русская графика XX века, историческая иллюстрация
Keywords: Bilibin, Peter the Great era, 20th-century Russian graphic art, historical illustration

Серия иллюстраций Ивана Яковлевича Билибина к роману А.Н. Толстого «Петр I» (1934–37) относится к переходному периоду его творчества. И роман, и иллюстративный цикл были начаты в эмиграции, а закончены и изданы в Советском Союзе. Не только для Толстого, но и для Билибина эта работа стала этапом вхождения в новую жизнь. Сюжеты, манера исполнения и перспективные разработки художника приоткрывают круг его размышлений о прежней и современной исторической ситуации.

Роман А.Н. Толстого «Петр I» задуман и частично написан в эмиграции. Его замысел относится к 1922 г., когда была издана трилогия «Хождение по мукам». В 1923 г. Толстой возвращается на родину, однако первая книга романа впервые опубликована в Германии (Берлин: Петрополис, 1930), и лишь в 1934 г. состоялось первое издание первых двух книг под одним переплетом (М: Советский писатель). Вскоре появились иллюстрированные издания этого варианта.

Начиная с первой публикации, роман Толстого воспринимался как важное общественное явление. История становления императора и государства стала художественным аргументом в пользу сильной власти и неизбежных народных жертв на пути прогресса. В 1930–36 гг. появилось шесть изданий книги, а в 1937 и 1939 гг. вышли две серии фильма Владимира Петрова «Петр I». Как и работа С.М. Эйзенштейна над трехсерийным фильмом «Иван Грозный» (1944–45), создание романа было продолжающейся и не завершившейся эпопеей. Публикация неоконченной третьей книги романа осуществлена только в 1944 г., через два года после смерти Билибина и за несколько месяцев до конца жизни писателя. В сценарии фильма А. Толстой успел довести сюжет до окончания Северной войны. Однако текст его романа обрывается сценой взятия Нарвы и многоточием после монолога Петра I.

Работа Билибина над иллюстрациями к эпопее Толстого началось задолго до их публикации. В 1934 г. Иван Яковлевич начал подготовку к своему возвращению на Родину. Он оформлял интерьеры советского посольства, поддерживал связи с его культурным отделом и, по всей видимости, обратил внимание на новый исторический роман благодаря своим новым связям и интересам. Первые иллюстрации к «Петру I» датированы 1934 и 1935 гг. В 1936 г. художник с семьей переехал из Парижа в Ленинград, а в 1937 г. состоялась публикация романа (7-е издание) с его иллюстрациями (Л.: Государственное издательство «Художественная литература»). В этом же году выходит на экраны первая часть фильма режиссера В. Петрова «Петр I».

Результатом работы художника, проходившей без договоренности с конкретным издательством, стало множество сцен, заставок и концовок, выполненных в разной манере и технике. В издании 1937 г. были использованы далеко не все из этих иллюстраций. Полный цикл, включающий 65 иллюстраций в тексте, 18 буквиц и 18 концовок, опубликован лишь в 2023 г.[1]

Иллюстративный цикл выполнен в период обновления графической манеры художника. Эта перемена не была для Билибина первой. После выхода в свет шести книг «Русских сказок» (1902) эталоном его стиля стали четкий линейный контур, крупные декоративные цветовые заливки, лаконичная композиция с диагональными построениями, а также широкие рамки иллюстраций, заполненные символическими орнаментами. Именно такие качества отличали многочисленные декоративные работы Билибина, от открыток до афиш. Однако уже в двух циклах иллюстраций 1905 г. художник демонстрирует отход от привычного стандарта. В «Сказке о царе Салтане» он укрупняет формы, смягчает контуры, упрощает заполнение рамок. Изображение бочки, плывущей в море, почти буквально повторяет композицию гравюры Хокусаи «Большая волна в Канагаве». «Сказка о золотом петушке» оформлена в новой манере: Билибин имитирует стиль старинного лубка, гравированного на меди, с его условными очертаниями фигур, неуклюжестью движений и локальной раскраской сцены.

В 1910-е гг. и в период эмиграции Билибин дополняет свой узнаваемый декоративный стиль двумя графическими манерами.

[1] *Толстой А.Н.* Петр I. Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. Ссылки на иллюстрации И.Я. Билибина приводятся в скобках с указанием страниц этого издания.

Одна — многоцветное панно, похожее на витраж[2], другая — сухие линейные контуры и жесткая, минималистская композиция пейзажа[3]. К середине 1930-х гг. к этому добавляются реалистические детали и заимствования у традиции европейской книжной графики. Причудливое соединение разнородных черт хорошо видно в иллюстрациях к «Русалочке» Андерсена, вышедших в Париже в 1937 г., уже после отъезда художника[4]. В подводной сцене графически стилизованная фигура героини соседствует с натуралистически точными изображениями рыб и омара, сцена с кораблем напоминает графику С. Чехонина, а черно-белая иллюстрация с панорамой гор выполнена в сдержанной манере Билибина 1910-х гг.

На этом фоне начиналась работа над большим циклом иллюстраций к роману А.Н. Толстого. Вначале Билибин пробовал применить здесь цветную технику с оттушевкой — все подобные рисунки датированы 1934 г. (с. 49, 125, 431, 436, 447). Контуры фигур при одноцветном воспроизведении получались невыразительными и размытыми, поэтому художник от этого варианта отказался. Он возвращается к приёмам, выработанным им еще на рубеже веков. Среди них — силуэт (с. 112), гротескные и комические фигуры (с. 133), стилизованные массы морских волн и зимних сугробов (с. 273, 312). Два рисунка с зимними пейзажами подписаны на французском «I. Bilibin» и не датированы (с. 439, 441). Возможно, это первые иллюстрации цикла.

В традициях «Русских сказок» решены буквицы с помещенными в них сюжетными изображениями (с. 5, 39, 196). Билибин вводит в иллюстративный ряд книги несколько символических изображений, типичных для его фольклорных циклов. В рассказе о потешном войске Петра Алексеевича помещен натюрморт с игрушками на военную тему — стрельцы, всадник, пушка и ядра (с. 65). Глава о Гавриле Бровкине, мчащимся на коне с письмом в Петербург, открывается буквицей с дымковским глиняным всадником (с. 479). Видимо, художник почувствовал чужеродность подобных метафор среди иллюстраций к историческому роману — в книге их совсем немного.

---

[2] Сказка о рыбаке и рыбке. 1933 Русские сказки в иллюстрациях И.Я. Билибина. СПб.: СЗКЭО, 2023. С. 150–151.

[3] Женитьба Святогора. 1913. Русские сказки в иллюстрациях И.Я. Билибина. С. 250.

[4] Волшебные сказки в иллюстрациях И.Я. Билибина. СПб.: СЗКЭО, 2024. С. 172–198.

Дополнением к привычной манере билибинских иллюстраций стали стилизованные лица и фигуры исторических персонажей. С парсунных портретов взяты лица боярина Артамона Матвеева, царевны Софьи, Франца Лефорта, царя Алексея Михайловича (с. 30, 118, 168, 199). В ряде случаев художник вступает в диалог со знаменитыми произведениями искусства. Петр I на коне выглядит как оживший памятник Фальконе (с. 525). Допрос царевича Алексея изображен по композиции картины Ге, однако она здесь дана зеркально, а фигуры отличает от прототипа реалистическая конкретность (с. 523).

Очень интересен прием, которым Билибин подчеркивает встречу европейского и русского миров, старой и новой эпох. Он сопоставляет персонажей, изображая одних в стилизованной «сказочной» манере, а других — реалистично и в свободных позах. Юный царевич Петр стоит перед фигурой отца, которая застыла как на портрете XVII в. (с. 16). Такими же сопоставлениями эпох являются встреча крестьянского мальчика с нарядно одетым иностранцем в слободе Кукуй (с. 47), новобранцы потешного войска перед кричащим офицером (с. 253), вычурный шутовской наряд и простое лицо Никиты Зотова на Всешутейшем соборе (с. 81).

В ряде случаев Билибин ведет сквозное повествование, развивая историческую тему. Его иллюстрации с народными сценами отражают ход времени. В начале книги конные рейтары в стеганых доспехах изображены как чуждые, зловещие иноземцы (с. 12). Толпа стрельцов, слушающих новости и затем поднимающих бунт, показана как стихийная масса (с. 33). Карета Анны Монс выглядит среди церковных куполов и возмущенных москвичей как знак беды, угроза традиционной жизни (с. 233). Встреча трех видов войск — витязей в шлемах, бородатых ополченцев и регулярных полков в новой форме — говорит о рождении нового порядка и военного строя (с. 369). В дальнейшем Билибин изображает только новые войска с их выправкой, мундирами и боевым порядком.

Наиболее ценной частью графического повествования стала тема взросления и деяний Петра. Его юношеские изображения с отцом и Никитой Зотовым сменяются военными сценами. В них фигура стоящего, отдающего команды, бегущего в атаку царя направлена в левую сторону, она останавливает ход чтения и перелистывания книги (с. 186, 199, 447). Три изображения царя-строителя, задумчиво смотрящего вдаль, ориентированы направо, в сторону развития повествования (с. 211, 265, 436). Интересно совпадение экспрессивной позы Петра, ведущего войска (с. 407), с фигурой на вышед-

шей одновременно с книгой афишей фильма «Петр Первый»[5]. Широко расставленные ноги, искаженное криком лицо, поднятая шпага — эти черты сближают образ Билибина с современной, кинематографической манерой рассказа об истории.

Особые приемы Билибин применяет для изображения персонажей, чуждых либо враждебных Петру. Используя сохранившиеся портреты царевича Алексея, художник воссоздает его детский облик. Это неуклюжий мальчик в мешковатом кафтане с большой головой, откинутой набок. Его лицо — такое же испуганное и напряженное, как и у взрослого Алексея на допросе у Петра и в тюрьме (с. 325, 524).

Два других исторических персонажа изображены Билибиным вне существующего текста книги. Раненый, согнувшийся на носилках, угрюмый Карл XII должен был появиться в следующих частях романа, которые Толстой так и не написал (с. 520). Необычно решена сцена встречи Петра с малолетним Людовиком XV. Момент, когда русский император взял на руки французского короля и произнес многозначительную фразу «Держу в руках всю Францию», показан здесь с иронией. Билибин, скорее всего, знал скульптурную композицию Леопольда Бернштама на эту тему, установленную в Нижнем саду Петергофа в 1902 г. Скульптор изобразил заботливого, задумчивого царя и доверчивого ребенка. Билибин показывает небрежную позу смеющегося Петра, безвольную фигуру и оторопевшее лицо Людовика, которого тот держит за подмышки (с. 522). Художник подчеркивает превосходство Петра, его энергичность и политическую хитрость. Возможно, на трактовку европейских персонажей романа повлияло разочарование Билибина во французском периоде его жизни, которое в конечном счете привело художника к переезду из Парижа в Ленинград.

Исторические размышления, которые сопровождали Билибина во время работы над «Петром I», продолжились в его следующем большом цикле — поэме Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». К 100-летию со дня смерти поэта планировались новые издания его книг. Билибин выбрал историю об опричнине, гневном царе и неправедной казни героя. Цикл был выполнен в 1938–39, и впервые издан в военном 1943 г.

Угрожающий образ опричника Кирибеевича, сцена казни и в особенности фигура царя, сидящего над раскрытой книгой, прямо

[5] https://www.prlib.ru/item/436887. Дата обращения: 08.11.25.

говорят о симпатиях и антипатиях художника. Иван Грозный, как и в скульптурной композиции М.М. Антокольского, читает списки своих жертв. Его обращенное к зрителю лицо с широко раскрытыми глазами и оскаленным ртом производит зловещее впечатление[6].

Можно предположить, что раздумья над природой власти, которые Билибин начал в 1934 г. циклом, посвященным деяниям Петра I, завершились в 1939-м трагическими образами эпохи Ивана IV. К историческим темам Билибин более не обращался. Последняя, незаконченная и неизданная, его работа 1940 г. посвящена былинным богатырям[7].

Илл. 1. И.Я. Билибин. Царевич Петр Алексеевич и царь Михаил Федорович. Иллюстрация к роману А.Н. Толстого «Петр I». 1935.

[6] Волшебные сказки в иллюстрациях И.Я. Билибина. С. 275.

[7] Иллюстрации И.Я. Билибина к книге Н.В. Водовозова «Слово о стольном Киеве и о русских богатырях» (1940) хранятся в Государственном Русском музее.

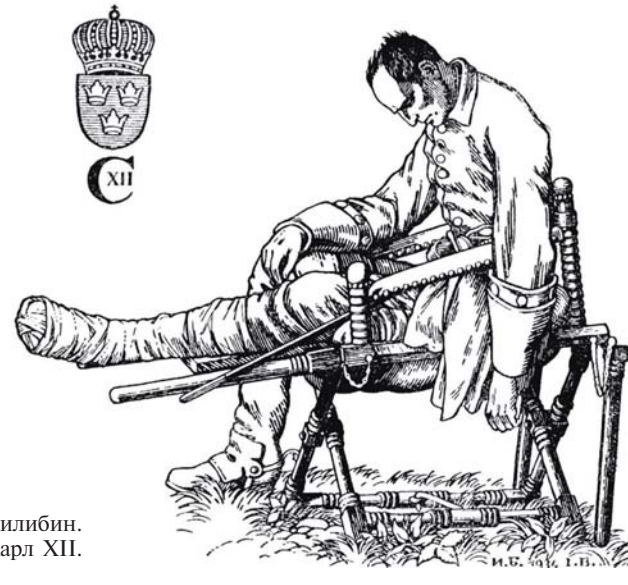
Илл. 2. И.Я. Билибин. Петр I, ведущий войска в атаку. Иллюстрация к роману А.Н. Толстого «Петр I». 1937.

Илл. 3. И.Я. Билибин. Петр I — кораблестроитель. Иллюстрация к роману А.Н. Толстого «Петр I». 1935.

Илл. 4. И.Я. Билибин. Петр I допрашивает царевича Алексея. Иллюстрация к роману А.Н. Толстого «Петр I». 1935.

Илл. 5. И.Я. Билибин. Раненый Карл XII.

Илл. 6. Л.А. Бернштам. Петр I с малолетним Людовиком XV на руках. 1902. Нижний парк Петегофа. Фото Б.М. Соколова, 2025.

Илл. 7. И.Я. Билибин. Петр I с малолетним Людовиком XV на руках. Иллюстрация к роману А.Н. Толстого «Петр I». Без даты.

Алексей Юрьевич Емелин
(Санкт-Петербург)
Заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ)

Александр Иванович Лебедев (1881–1947) и обнаружение стихотворных строк Петра I

Aleksey Y. Emelin

Alexander Ivanovich Lebedev (1881–1947) and the discovery of Peter the Great's poetic lines

Аннотация: В 1914 г. морской министр И.К. Григорович доложил императору Николаю II об обнаружении стихотворения, написанного Петром I. Находка была сделана начальником архива Морского министерства А.И. Лебедевым в процессе подготовки сборника документов к 200-летию Гангутского сражения. Вскоре Лебедев соотнес текст стихотворения со словами, размещенными на фронтисписе Морского устава 1720 г. Как известно, он не был первым, обратившим внимание на стихотворение Петра I. В то же время А.И. Лебедев самостоятельно пришел к правильным выводам.

Abstract: In 1914, Minister of the Navy I.K. Grigorovich reported to Emperor Nicholas II about the discovery of a poem written by Peter the Great. The discovery was made by A.I. Lebedev, the head of the Naval Ministry's archives, while preparing a collection of documents for the 200th anniversary of the Battle of Gangut. Lebedev soon identified the poem's text with the words found on the frontispiece of the 1720 Naval Regulations. As is well known, he was not the first to draw attention to Peter the Great's poem. At the same time, A.I. Lebedev independently reached the correct conclusions.

Ключевые слова: автограф, стихотворение Петра I, силлабическое стихосложение, Морской устав

Keywords: autograph, poem by Peter the Great, syllabic versification, Naval Regulations

В 300-летней истории Российского государственного архива Военно-Морского Флота заметную роль сыграл капитан 2 ранга Александр Иванович Лебедев (1881–1947), возглавлявший архив с 1912 по 1924 г.[1]

Александр Иванович родился в Петербурге 10 июля 1881 г. в семье врача, в тот момент действительного статского советника, позднее — тайного советника. Александр пошёл по стопам старшего, рано умершего брата Василия, поступив в Морской кадетский корпус, который окончил в 1901 г. Службу он начал на Чёрном море, однако после революционных событий 1905 г. вынужден был оставить службу. Он приехал в столицу к матери, где в 1906 г. поступил на службу в Государственный банк. В марте 1908 г. он вернулся на службу с прикомандированием для занятий к Морскому Генеральному штабу (МГШ).

МГШ был создан на основании печального опыта Русско-японской войны в апреле 1906 г. Среди задач нового учреждения стала всесторонняя подготовка к потенциальным военным конфликтам на море — изучение возможных театров военных действий, формирование судостроительных программ, выработка тактико-технических данных кораблей, разработка планов операций на случай войны. В составе МГШ действовало чрезвычайно интересное структурное подразделение — Историческое отделение.

В это отделение, возглавляемое Евгением Николаевичем Квашниным-Самариным, собрались бывшие черноморцы: А.И. Лебедев, Н.В. Новиков, Н.Д. Каллистов, некоторое время в нем состоял будущий «первый красный адмирал» А.В. Немитц. Они вели самую разную деятельность, в т.ч. написали главы о флоте для 15-томной «Истории русской армии и флота», вышедшей в Москве в 1911–1913 гг. Конечно, они работали с материалами Архива Морского министерства, но вскоре разочаровались в его начальнике В.Н. Сипягине, не считавшем архив научным учреждением. После длительной борьбы, в которую было вовлечено руководство МГШ, им

[1] Подробнее об А.И. Лебедеве см.: *Соболев В.С.* А.И. Лебедев — начальник Архива Морского министерства // КОРТИК: Флот. История. Люди: сб. ст. СПб., 2004. Вып. 3. С. 53–56; *Емелин А.Ю.* Выставка документов к 250-летию со дня рождения Петра Великого — первая в Военно-морском архиве (1922 г.) // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 17–24; Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории / отв. сост. А.Ю. Емелин; авторы-составители Л.И. Буслова, Ю.Т. Вартанян, О.А. Зотова, А.Ю. Емелин и др. М.: Фонд «Русские Витязи», 2023. С. 56–89.

удалось сменить начальника архива — в октябре 1912 г. и.о. начальника был назначен Александр Иванович Лебедев[2].

В марте 1913 г. высочайшим повелением была учреждена Комиссия по подготовке празднования 200-летнего юбилея Гангутской победы (27 июля 1714 г.). В ее состав был включен и А.И. Лебедев. Было поставлено несколько целей, в частности — составление и издание сборника документов «Материалы для истории Гангутской операции»[3].

Для публикации отбирались материалы из разных архивов. С 1914 по 1918 г. вышли четыре выпуска. Выявляя материалы для публикации, А.И. Лебедев как раз и обратил внимание на интересный автограф Петра I.

17 марта 1914 г. морской министр Иван Константинович Григорович представил императору Николаю II всеподданнейший доклад, подготовленный Исторической частью МГШ. В нем говорилось, что и.д. начальника архива старший лейтенант Лебедев выявил стихотворение, «дающее новое доказательство многогранности гения императора Петра Великого, в области доселе совершенно не исследованной и не отмеченной историками»[4]. Оно было обнаружено в одном из дел Кабинета Петра Великого, в то время хранившегося в Государственном архиве — ныне этот фонд находится в Российском государственном архиве древних актов. Автор доклада увидел в этом наброске «глубокое религиозное чувство и покорность Божьему промыслу Венценосного Автора»[5]. К докладу прилагался машинописный текст стихотворения[6]. Помета И.К. Григоровича на докладе («Доложено Е[го] И[мператорскому] Величеству. В Царском Селе, марта 17 дня 1914 г. Морской министр Генерал-Адъютант Григорович») не зафиксировала какой-либо реакции Николая II.

Кто был автором доклада? Вариантов два. Или сам А.И. Лебедев, или начальник исторической части МГШ Е.Н. Квашнин-Самарин. Более вероятным представляется второй вариант.

---

[2] Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М.: Фонд «Русские Витязи», 2023. С. 56–65.

[3] *Спиридонова Л.И.* Деятельность комиссии по подготовке празднования 200-летнего юбилея Гангутского боя // Гангут. 1714: Документы и материалы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота. СПб., 2014. Т. 1. С. 38–47.

[4] РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 195. Л. 113.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 114.

Видимо, А.И. Лебедев не сразу осознал, какое место занимали эти строки. Но к лету того же 1914 г. он уже точно знал это.

Раскроем «Устав морской» 1720-го года. На фронтисписе мы видим аллегорическую картину. Считается, что рисунок для фронтисписа выполнен Бартоломео Растрелли, а гравировал Петр Пикарт. Внизу листа помещены те самые петровские строки.

В июльском номере журнала «Морской сборник» за 1914 г. были опубликованы несколько статей историков, посвящённых 200-летию Гангутского сражения[7]. В качестве иллюстрации на мелованной бумаге было воспроизведено то самое стихотворение, со ссылками на дело из Кабинета Петра Великого, а также на Морской устав 1720 года.

Постоянный участник Петровского конгресса, сотрудник РГАДА Наталья Юрьевна Болотина по нашей просьбе выявила это стихотворение, теперь мы можем посмотреть на него и сравнить с факсимильным воспроизведением его в 1914 году.

Текст стихотворения, написанного в силлабическом стиле, следующий:

Предведение божие [нам] открывает
Еже время поволи его исполняет
Ни ким, чаенное, бывает
Еже промысл божий содевает
Понеже мысли и пути его так от нас отдаленны
Яко разстоянием отземли донебес суть сравненны.

Сделал ли Александр Иванович Лебедев какое-то открытие? И да, и нет. Дело в том, что за 62 года до него об этом стихотворении, пусть кратко и мимоходом, но достаточно точно написал Петр Петрович Пекарский. Описывая Морской устав 1720 года во втором томе исследования «Наука и литература в России при Петре Великом»[8], он воспроизвел текст с фронтисписа, а также указал на хранящийся в архиве листок с карандашной записью императора, при этом воспроизведя поисковые данные документа. Можно, однако, утверждать, что Лебедев, обнаружив листок в архиве, с рабо-

[7] *Стогов П.* Гангут — морская победа или победа на море? // Морской сборник. 1914. № 7. С. 1–5; *Лебедев А.* К вопросу о месте Гангутского боя // Морской сборник. 1914. № 7. Неоф. отд. С. 7–29; Князев Г. К истории Гангутского боя (По архивным материалам) // Морской сборник. 1914. № 7. Неоф. отд. С. 31–50.

[8] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Том II. СПб., 1862. С. 482–483.

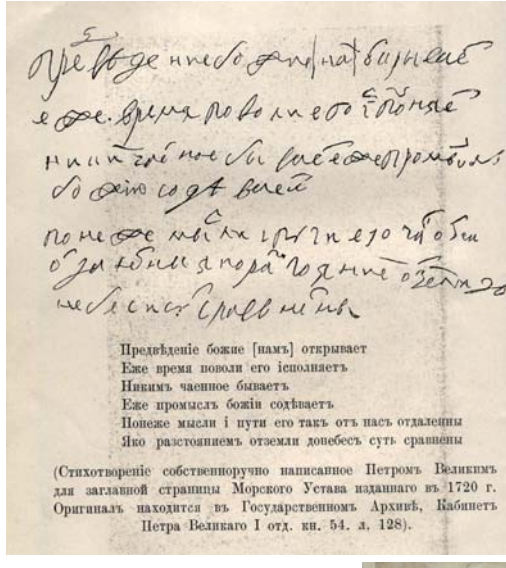
той Пекарского знаком не был. Это следует из того, что в докладе Николаю II в марте 1914 г. о Морском уставе не упомянуто, и разбивка текста на строки выполнена немного не так, как на фронтисписе Морского устава. Можно уверенно сказать, что Лебедев верно интерпретировал листок как стихотворение, записанное рукой Петра, и верно разобрал петровский почерк. Затем либо он, либо Е.Н. Квашнин-Самарин попытались в выгодном свете представить императору работу исторической части Морского Генерального штаба и Архива Морского министерства.

Илл. 1. Мичман Александр Иванович Лебедев на палубе мореходной канонерской лодки «Запорожец». 1903–1904 гг.
РГАВМФ. Ф. Р-2258. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 (Фото 13).

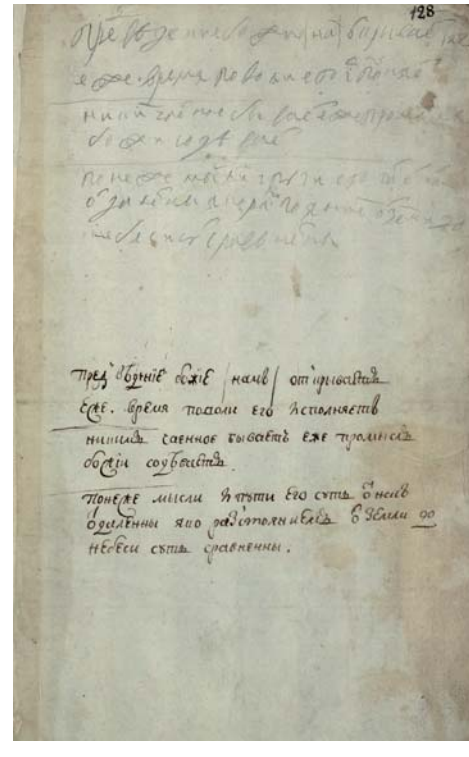
Илл. 2. Фронтиспис и титульный лист Морского устава (данный тираж отпечатан в 1785 г.). В нижней части фронтисписа приведены стихотворные сроки. Научно-справочная библиотека РГАВМФ.

Предвѣдѣніе божіе [намъ] открывает
Еже время поволи его іспълняетъ
Никимъ чаенное бываетъ
Еже промыслъ божій содѣваетъ
Понеже мысли і пути его такъ отъ насъ отдаленны
Яко разстояніемъ отземли донебесъ суть сравнены

(Стихотвореніе собственноручно написанное Петромъ Великимъ для заглавной страницы Морского Устава изданнаго въ 1720 г. Оригиналъ находится въ Государственномъ Архивѣ, Кабинетъ Петра Великаго I отд. кн. 54. л. 128).

Илл. 3. Факсимильное воспроизведение стихотворения Петра I и его расшифровка, опубликованные А.И. Лебедевым в журнале «Морской сборник» (1914. № 7).

Илл. 4. Автограф стихотворения Петра I (вверху, и его расшифровка, сделанная неизвестным лицом. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 54. Л. 128.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ – ЧЕЛОВЕК И СИМВОЛ

Олег Николаевич Мухин
(Томск)
Заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета

А всадник-то бронзовый! К проблеме «деконструкции» образа Петра I

Oleg N. Mukhin

But the rider is bronze!.. On the problem of "deconstructing" the image of Peter I

Аннотация: Выделяются основные истоки формирования мифологизированного образа Петра I: его саморепрезентация; слухи, бытовавшие в его время; историческая память. Предлагается междисциплинарный подход к изучению этого образа, предполагающий использование теорий и концепций, соответствующих по своей исследовательской направленности составляющим петровского мифа: определение М. Фуко дискурсивных практик; социологические и психологические концепции, трактующие зарождение и бытование слухов; теоретические выкладки мемори стадиз.
Abstract: The article highlights the main sources of the formation of the mythologized image of Peter I: his self-representation; rumors circulating during his time; and historical memory. An interdisciplinary approach to the study of this image is proposed, involving the use of theories and concepts that correspond in their research focus to the components of the Petrine myth: M. Foucault's definition of discursive practices; sociological and psychological concepts

interpreting the origin and existence of rumors; and theoretical considerations of memory studies.

Ключевые слова: Пётр I, междисциплинарный подход, деконструкция, дискурс, мемори стадиз.
Keywords: Peter I, interdisciplinary approach, deconstruction, discourse, memory studies.

Констатация мифологизированности образа Петра I является общим местом в литературе, посвященной личности и деятельности царя-реформатора. И если для общественного сознания это может быть признано «нормальным», то отсутствие серьезных попыток демифологизации этого образа в историографии вызывает озабоченность и ставит вопрос о необходимости выявления истоков его формирования, то есть, по сути, «деконструкции».

Это понятие из арсенала постмодернистской теоретической мысли может стать стартовым для критического пересмотра наших представлений о Петре-человеке, конечно, после его «форматирования» в интересах исторической науки. Как пишет Е.В. Саничева, «с точки зрения философской науки деконструкция в методологии постструктурализма говорит о том, что любое высказывание для его адекватного и правильного понимания должно быть приведено к тому контексту, откуда оно было взято изначально, где оно зародилось, проанализировано применительно к той среде, где оно возникло и сложилось, а также в связи с другими высказываниями, наряду с которыми оно было совершено, и должен быть уточнен его полемический смысл и цель»[1]. По сути, речь идет, на ином дисциплинарном языке, о принципе историзма.

Зададимся вопросом: каковы основные истоки ставшего каноническим образа Петра, помимо, собственно, достоверных исторических источников? Необходимость отходить от как таковой источниковой базы, которая, казалось бы, должна являться если не единственным, то точно самым главным, прошу прощения за тавтологию, источником информации, возникает потому, что этот образ включает в себя ряд положений, не имеющих на сегодняшний день серьезного документального обоснования.

[1] *Саничева Е.В. Ж.* Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли // Художественная культура. 2017. № 1(19) [Электронный ресурс] // Сайт «Art & Culture Studies». Режим доступа: http://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/teoriyahudozhestvennoy-kultury/5211.html (дата обращения: 10.09.2025).

Можно выделить следующие варианты зарождения и «подпитки» петровского мифа, требующие в каждом случае того ли иного инструментария, в основном, междисциплинарного по своей комплектации, для поверки и понимания.

1. Саморепрезентация Петра

Как и полагается государю-реформатору, претендовавшему на статус Демиурга, создателя новой России, Пётр был фактически первым мифологизатором собственного образа. Приведу пару примеров.

ПРИМЕР 1. Собственную гипертрофированную как по объему, так и по разнонаправленности трудовую деятельность Пётр, догадываясь, что она выглядит необычной в глазах подданных, объяснял (согласно сообщению И. Неплюева) стремлением показать пример своим подданным[2]. Интересно, что современные историки, в отличие от самого Петра, вообще не видят необходимости искать объяснения его феноменальной трудоспособности, считая ее либо нормальной чертой человека раннего Нового времени, либо просто следствием личных, не требующих изучения, пристрастий первого императора, что идет вразрез с тем самым принципом историзма, ибо поведение Петра с очевидностью (для его современников) не соответствовало по целому ряду параметров нормам, принятым как в российской, так и в европейкой культуре.

Привлечение психологических теорий позволяет найти вполне приемлемое объяснение петровского трудоголизма: речь может идти о проявлениях базового недоверия, в терминологии Э. Эриксона, или базальной тревожности, в понимании К. Хорни, заставлявших Петра, которому, как невротику, были присущи эти качества[3], постоянно доказывать окружающим и даже в большей мере себе самому собственную состоятельность во всех аспектах его деятельности[4].

Однако остается вопрос — почему же Пётр выбрал именно такую версию объяснения, которую зафиксировал И. Неплюев?

---

[2] «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству» (*Неплюев И.И.* Записки // Империя после Петра. 1725-1765. М., 1998. С. 418–419).

[3] Следствие детских травмирующих переживаний, связанных со Стрелецким бунтом 1682 г. и периодом регентства царевны Софьи.

[4] См. об этом подробно: *Мухин О.Н.* Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск, 2014. Гл. 2.

Уж конечно, не из-за отсутствия в то время психологии! Подсказку дает М. Фуко в своей трактовке дискурса и дискурсивных практик, изложенной в труде «Археология знания», и вполне согласующейся с приведенным выше определением деконструкции. Фуко понимает дискурсивные практики как «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания»[5]. Проще говоря, в определенное историческое время люди выражают свои мысли по тому или иному поводу определенным, «предустановленным» образом. В речи, обращенной к вернувшимся из-за границы волонтерам, в числе которых и был И. Неплюев, Пётр говорит именно как русский царь, важнейшей составляющей образа которого являлась ипостась Учителя своих подданных[6].

ПРИМЕР 2. Хорошо известно, что Пётр любил подчеркивать новизну своих деяний, даже если уже его современникам была видна натянутость таких претензий. Хрестоматийный пример — история с захватом в 1703 г. двух шведских кораблей в устье Невы, по поводу которого была выбита медаль с надписью «Небываемое бывает». На самом деле, как отмечает Е.В. Анисимов, казаки и ранее часто захватывали турецкие суда на своих «чайках». При этом исследователь точно подмечает компенсаторный характер такой переоценки, которая нужна была Петру «для воодушевления людей, да и себя самого, и служила известной компенсацией не особенно блестящих успехов на воде, особенно если вспомнить прилагаемые Петром усилия и его сердечное пристрастие к морю и кораблям»[7]. То есть с точки зрения психологии речь вновь идет о компенсации невротической неуверенности в себе.

Однако стоит помнить, что человеческая психика «ищет» способы компенсации среди вариантов, входящих в определенный социокультурный «набор». И в данном случае Пётр находился «в плену» другого дискурса — барочного, в котором новизна и необычность — базовые понятия.

---

[5] *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 227–228.

[6] См. об этом: *Мухин О.Н.* Пётр I — Царь-Учитель (истоки и смысл образа) // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Дни науки — 2012». 27 февраля — 5 марта 2012. Прага, 2012. С. 75–77.

[7] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 166–167.

2. Слухи, порожденные и передаваемые в эпоху правления Петра

Информация, первоначально появившаяся в качестве слуха, очень часто становится со временем частью исторической памяти об этой личности, и далее — научной традиции.

Как подчеркивают исследователи, слухи появляются в ситуации недостатка достоверной информации[8], при этом могут быть вызваны разными причинами и передаваться с разными целями. Существует типология слухов, правда, созданная в результате наблюдения за обществом новейшего времени и в значительной мере «заточенная» под политическую психологию, то есть трактующая слухи как средство манипуляции. Согласно этой типологии выделяются «слухи-желания», «слухи-пугала», «агрессивные слухи», а также нелепые слухи[9].

Но историческая реальность сложнее. Если, допустим, слухи о подменности Петра можно отнести к разряду «слухов-пугал» («слух, несущий и вызывающий выраженные негативные, пугающие настроения и эмоциональные состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются»[10]), то можно ли считать нелепыми слухи о том, что Пётр — антихрист или о том, что «Петербургу пусту быть» с точки зрения людей рубежа XVII–XVIII вв., которые совсем недавно ложились в гробы в ожидании конца света?[11]

---

[8] «...Слухи — всегда искаженная, не вполне достоверная или вполне недостоверная, по крайней мере, не проверенная информация. Если информация достоверна, ее так и определяют: как “информацию”. Если недостоверна или в достоверности есть сомнения, это слухи. С течением времени, разумеется, слухи могут подтверждаться фактами. Однако тогда они перестают быть “слухами’ и превращаются в знание, в достоверную информацию» (*Ольшанский Д.В.* Политическая психология. М., 2002. С. 457).

[9] *Ольшанский Д.В.* Указ. соч. С. 458-461.

[10] Там же. С. 458.

[11] При этом, помимо констатации, собственно, нелепости описываемого, другие черты этого рода слухов вполне применимы к указанному примеру: «Слухи такого рода часто появляются самопроизвольно, как результат путаницы, свойственной обыденному сознанию. Особенно часто они появляются на переломах массового сознания, когда люди находятся в растерянности в связи с тотальной сменой систем ценностей, представлений, картин мира. Их основная функция заключается в попытках построения нового, более адекватного образа мира из обломков предыдущих и зачатков новых представлений. Тогда появляются слухи, в которых соединяется несопоставимое» (*Ольшанский Д.В.* Указ. соч. С. 460). То есть нелепой передаваемая в таких случаях информация кажется лишь стороннему наблюдателю.

Ввиду определенных недостатков приведенной классификации (не отменяющих полезности ее использования в некоторых случаях), здесь больше подходит в качестве объяснительного инструмента психологическая теория, представляющая в качестве основного источника слухов когнитивный диссонанс. Автор теории когнитивного диссонанса Л. Фестингер понимает под последним несогласованность, несоответствие между убеждениями и актуальным поведением или, иначе, «между тем, что человек знает и чему он верит, и тем, что он делает»[12]. Такая несогласованность может возникать, когда человек становится очевидцем непредсказуемых событий или когда ему становится известна какая-либо новая информация, противоречащая его знаниям, убеждениям[13]. При этом, как подчеркивает Л. Фестингер, человек стремится к согласованности его взглядов и установок[14]. Слухи, согласно мнению исследователя, являются как раз попыткой уменьшить диссонанс. В свете сказанного представления о Петре как о царе подменном или антихристе были порождены несоответствием информации о его поведении принятым в российском обществе представлениям о царском статусе. При этом легко заметить, что эти слухи формулируются в понятиях привычного для «среднестатистических россиян» того времени дискурса — религиозного и в значительной мере эсхатологического.

Конечно, в тех случаях, когда речь идет о слухах, которые признаны таковыми исторической общественностью, казалось бы, можно обойтись без дополнительного объяснительного инструментария[15]. Однако в случае Петра есть более серьезная проблема, которая историками как проблема вовсе не воспринимается — по большей части именно на слухах базируется наше представление об особенностях личной, а, точнее, интимной жизни Петра, каковая, якобы, отличалась крайней неупорядоченностью и обилием связей с различными женщинами. В нашем распоряжении фактически нет вызывающих доверие источников, подтверждающих эту версию. Анализ же имеющейся информации рисует следующую картину. Старт этой части петровского мифа был дан, видимо, отношениями царя-реформатора с Анной Монс, жительницей Немецкой слободы, в которой бытовали культурные установки, в том числе, в области отношения полов, весьма отличные от отечественных (совместное

[12] *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М., 2018. С. 15–16.

[13] Там же. С. 19.

[14] Там же. С. 15.

[15] И тем не менее, такой инструментарий важен, когда ставится задача понять причину появления того или иного, пусть и очевидного, слуха.

проведение времени мужчин и женщин, вызывающие, с точки зрения русского человека, дамские наряды и т.п.). Далее эти увеселения стали переосмысляться простыми россиянами вполне в согласии с принципами существования слухов. Как справедливо отмечает Д.В. Ольшанский, «слухи никогда не бывают достоверными, поскольку в процессе циркуляции фабула слуха претерпевает психологически закономерные трансформации. В процессе устной передачи любая самая достоверная информация теряет степень "достоверности" (тождественности оригиналу) и, рано или поздно, превращается в слух»[16]. Характерно, что в тех считанных случаях, когда в Преображенском приказе оказывались люди, рассуждавшие на тему царской любвеобильности, чаще всего фигурировала именно Анна Монс, и после того, как Петр с ней расстался, и даже после ее смерти. То есть мы вновь наблюдаем картину «втискивания» наблюдаемых непривычных явлений в рамки фиксированных социокультурных объяснительных моделей[17].

3. Историческая память о Петре

Важнейший пласт конструирования образа Петра — память о нем, формировавшаяся после его смерти. Вопрос, над которым стоит задуматься на сегодняшнем этапе развития петроведения — почему мы помним о Петре именно то, что и стало комплектующими его канонического образа, причем зачастую вопреки достоверности информации? В гуманитарии существует весьма развитая традиция исследования исторической памяти, или мемори стадиз (memory studies). Одним из центральных аспектов в работах этого направления является осознание того, что память, как индивидуальная, так и коллективная — избирательна, и выбор осуществляется под влиянием целого ряда факторов как бессознательного, так и вполне осознанного происхождения.

Ж. Ле Гофф приводит понятие, употребленное Бернаром Гене — «историческая культура», включающее «профессиональный багаж историков, собрания трудов по истории, а с другой — публику и аудиторию историков». Со своей стороны Ж. Ле Гофф дополняет это определение теми отношениями, «которые в сфере коллектив-

---

[16] *Ольшанский Д.В.* Указ. соч. С. 457.

[17] Точно так же двор сестры царя Натальи Алексеевны, при котором первое время обреталась новая возлюбленная Петра Екатерина «Василевская», а также будущая невеста А.Д. Меншикова, мог восприниматься в народе как «публичный дом».

ной психологии общество поддерживает с собственным прошлым», в связи с чем предлагает свое понятие — историческая ментальность[18]. Опираясь на это понятие можно выделить следующие базовые пласты формирования исторической памяти о Петре.

Прежде всего, это, так сказать, память «народная», в широком смысле, имевшая различные «изводы» — в буквальном смысле «народный» («простонародный»), оформленный в рамках легенд, в которых Пётр изображался (как и Иван Грозный) «антибоярским» царем, а также фактически мифологическим персонажем, способным укрощать стихии и давать именования рекам и т.п. (то есть ему присваиваются функции культурного героя) и «элитарный», зафиксированный в серии исторических анекдотов, где Пётр, прежде всего, мудрый и просвещенный монарх. При этом оба «извода» имели «черную» и «белую» версии.

Очевидно, что в любом случае проглядывается яркая эмоциональная окрашенность петровского образа, что вполне согласуется с мнением Ж. Ле Гоффа о важной роли коллективной психологии в «работе» исторической памяти.

Далее, опять же вполне в согласии с определением «исторической культуры» или «исторической ментальности», огромную и, даже, видимо, решающую роль в оформлении разрозненных элементов петровского мифа сыграли классики отечественной исторической науки, в первую очередь, XIX в.[19] При этом историографическая традиция была, как и «народная», социокультурно и эмоционально «окрашена». Вот основные элементы мифа, выведенные именно нашими «мэтрами» (С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и иже с ними), которые являются частью образа Петра и поныне, не соответствуя при этом принципу историзма в отношении петровской эпохи[20]:

---

[18] *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013. С. 161.

[19] Ж. Ле Гофф подчеркивает, что при всей значимости художественного осмысления именно историки являются важнейшими «интерпретаторами» коллективного мнения о прошлом (*Ле Гофф Ж.* Указ соч. С. 162 и далее).

20 Соответствуя, однако, представлениям классиков мемори стадиз о специфике памяти. Как отмечает Ю.А. Сафронова, разъясняя концепцию М. Хальбвакса, «отца-основателя» данного направления, «нет воспоминаний, не обусловленных социальными рамками. Каждый раз, обращаясь к своему прошлому, человек смотрит на него из дня сегодняшнего и пользуется ориентирами, которые предлагает ему его социальная группа. Прошлое доступно нам не таким, каким оно было, но только как “реконструкция”, правила которой заданы днем сегодняшним» (*Сафронова Ю.А.* Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 18–19). И это

а) непонимание и брезгливость по отношению к шутовским и игровым сторонам царствования Петра (каковые серьезного осуждения среди простых его подданных не вызывали, если не считать старообрядцев, этих православных «фундаменталистов», так как вполне согласовывались с особенностями народной праздничной («карнавальной», в терминологии М. Бахтина) культуры);

б) осуждение пресловутой жестокости Петра, каковая, на самом деле, практически не выходила за рамки норм того времени (при этом представления о ней, напротив, муссировались современниками, которые не были способны смотреть на определенные действия царя-реформатора в сравнительной перспективе);

в) представления о якобы тотальном недовольстве подданных политикой и поведением Петра, а также о широкомасштабной кампании доносительства.

И здесь вновь мы наблюдаем влияние господствующих в данный исторический период культурных и идеологических установок в данном случае на научный дискурс. И если, как отмечают исследователи, связь исторической памяти как таковой с мифом фактически обязательна[21], представители научного сообщества должны, во-первых, отслеживать мифологические составляющие исторической памяти, и, во-вторых, отсеивать их, в свою очередь, влияя на ее демифологизацию. Однако здесь мы вступаем на поле проблемы отбора и сохранения тех или иных элементов образа исторической личности, что требует скрупулезного анализа всей существующей традиции как памяти, так и истории, что является актуальной задачей. При этом на сегодняшний момент едва ли не основную роль в поддержании мифологизированной версии образа Петра играет так называемая корпоративная (или групповая) солидарность (в данном случае — исторического сообщества), являющаяся проявлением социальной или групповой идентичность, каковая определяется как «психологическое соотношение себя

при том, что исследователи подчеркивают различия между памятью и историей. Как пишет П. Нора, «память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу» (*Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 20).

[21] См. об этом, например: *Иванов А.Г.* Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти // Tempus et Memoria. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 25-30.

с социальной группой, с членами которой индивид разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки»[22]. Это корпоративное мировоззрение, свойственное не только петроведам, но и представителям иных исторических направлений, мешает вносить коррективы в имеющиеся представления, так как «инаковые» аналитические построения и трактовки в лучшем случае оспариваются без выдвижения адекватных контраргументов, в худшем же — просто игнорируются как «чужие». (Это предмет для отдельных рассуждений, в которых, в свою очередь, пригодились бы психологические наработки, например, концепция защитных механизмов психики, восходящая к З. Фрейду, или теория психологической установки школы Дм. Узнадзе.)

Итак, важнейшей задачей в современном петроведении, учитывая объем, почти тотальный, фактических сведений о его жизни и деятельности, становится, как представляется, критический анализ наших представлений о царе-реформаторе, опирающийся на сложносоставной междисциплинарный методологический аппарат, могущий поспособствовать «деконструкции» образа Петра. Выявляя причины появления, отбора и сохранения тех или иных сведений о Петре Великом с опорой на понимание того, что информация, которой мы оперируем, достается нам в опосредованном виде, прежде всего, в форме высказываний, каковые оформляются в соответствии с принятыми в определенной социокультурной обстановке дискурсивные практиками, мы сможем верифицировать его исторический образ, снизив степень его мифологичности. Причем начать надо с того аспекта, который в данной статье затрагивается в ее завершении — историческому сообществу следует осознать саму необходимость такой деконструкции, а также «смириться» с тем, что традиционного методологического инструментария для этой работы недостаточно. Далее же следует двигаться по колее, предлагаемой традицией мемори стадиз в различных ее инвариантах.

[22] *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М., 2001. С. 189.

Михаил Григорьевич Талалай
(Италия)
Член Совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова

«Завещание Петра Великого»: итальянская версия французской фальшивки

Michail G. Talalay

«Testament of Peter the Great»: the Italian version of the French fake

Аннотация: Текст ложного «Завещания Петра Великого» начал формироваться еще при жизни монарха, но окончательную форму обрел после его публикации во Франции в 1812 г., в рамках агрессии Наполеона против России. Русофобская фальшивка демонстрировала якобы план действий для преемников Петра I на многие века, с целью установления Российской империей мирового господства. Вне внимания исследователей остался итальянский вариант фальшивки, опубликованный в Милане в 1877 г. офицером-гарибальдийцем Филиппо Эрба (1834-1905), сообщником польских инсургентов.

Abstract: The text of the fake 'Testament of Peter the Great' began to take shape during the monarch's lifetime, but it got its final shape after it was published in France in 1812, during Napoleon's invasion of Russia. This Russophobic forgery purported to reveal a strategic plan for Peter I's successors, with the aim of establishing the Russian Empire's world domination. Researchers have missed the Italian version of the forgery, published in Milan in 1877 by officer Filippo Erba (1834-1905), an accomplice of the Polish insurgents.

Ключевые слова: Завещание Петра Великого, фальшивка, итальянский перевод, русофобия
Keywords: Testament of Peter the Great, forgery, Italian translation, Russophobia

В разные напряженные моменты мировой истории выплывало — на разных языках, в полных переводах и в обильных цитатах — так называемое «Завещание Петра Великого», в котором была развернута, в 14 пунктах, программа покорения Европы Российской империей.

Интерес к тексту был изначально подогрет отсутствием реального завещания монарха и убежденностью, что такой выдающийся правитель, как Петр, не мог уйти в мир иной, не начертав соответствующих указаний своим потомкам. Русофобская фальшивка уже давно и неоднократно разоблачена, при этом точное ее происхождение вряд ли будет установлено: по всей вероятности, ее сфабриковали французы, скорей всего — не без помощи поляков[1].

Впервые «Завещание» стало широко циркулировать в рамках агрессии против России Наполеона, и поэтому часто приписывалось именно ему. Расширенный текст вышел всё так же в Париже в 1836 г., при этом его публикаторы весьма невнятно объясняли происхождение якобы секретного документа. Его особенно настойчиво продвигали в Европе накануне и во время Крымской (Восточной) войны, так как он чудесным образом подтверждал европейцам необходимость дать решительный отпор преемникам российского императора в их стремлении на Восток[2].

Широкая публика к тому же не интересовалась достоверностью «Завещания» — ей было достаточно, что оно исполнялось по многим пунктам: Романовы, в самом деле, продолжали воевать против турок и персов, притесняли поляков и женились исключительно на немецких принцессах. А значит дело может дойти и до последнего его пункта — покорения Европы.

В нужных руках «Завещание» варьировалось: к концу XIX в., к примеру, Петр уже «завещал» русским покорять Японию. А недавно британский писатель, генерал в отставке Джон Хеккетт обильно процитировал «Завещание» в своей популярной антиутопии «Третья мировая война: нерассказанная история», заявив о «бесспорной

[1] См. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 169–183; *Он же.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27.

[2] Первый академический разбор фальшивки см. в: *Шубинский С.Н.* Мнимое завещание Петра I. СПб., 1877 (оттиск из ж. Древняя и Новая Россия. 1877. № 1).

преемственности основных целей русской внешней политики», даже у «диалектико-материалистических узурпаторов в Кремле»[3].

Вне поля зрения исследователей остался итальянский перевод «Завещания», который вышел в 1877 г., позднее других европейских переводов. Прежде заинтересованная итальянская публика могла, при желании, ознакомиться с текстом на французском, то есть на языке оригинала, однако подошел момент и для Италии.

Илл. 1. Майор Филиппо Эрба. Милан, 1870-е гг.

Пропагандой «Завещания» увлекся участник движения за объединение Италии, майор Филиппо Эрба (1834–1905). К чему же было бравому гарибальдийцу заниматься фальшивкой — причем, в ту эпоху, когда в Европе ее уже подвергли серьезному сомнению?

Причиной были политические пристрастия и военная карьера Филиппо Эрбы.

Уже в 14-летнем возрасте он бежал из своей миланской гимназии, чтобы принять участие в «Пяти днях» — пятидневных уличных боях горожан против австрийских оккупантов (18–22 марта 1848 г.). За проявленную самоотверженность позднее ему было присвоена государственная памятная медаль «Пяти дней». Затем Эрба участвовал в освободительной кампании Гарибальди, присоединившись в 1860 г. к т.н. Экспедиции Тысячи — корпуса волонтеров, высадившихся на Сицилии и сокрушивших Бурбонское королевство: в официальном списке участников похода Тысячи имя Филиппо Эрбы стоит под номером 411. После легендарного южноитальянского похода он принимал участие во всех последующих предприятиях Гарибальди.

[3] *Winthrop Hackett J.* The Third World War: The Untold Story. London, 1982.

Итальянский патриот скончался в своем родном городе Горгондзола, близ Милана, в 1905 г. Его именем тут названа одна из улиц. На его могиле высечена следующая эпитафия: «Майор Филиппо Эрба, кавалер Почетного легиона, в яркой эпопее Гарибальди воскресивший мощную поэзию освобождаемой Италии».

В русле подвигов ради объединения родины пассионарный итальянец в 1863 г. пошел на подмогу восставшим полякам. Следует заметить, что итальянцы-патриоты воспринимали польское дело близким к собственному: в расчлененную Польшу, в особенности в ее «русскую зону», с Апеннин отправилось немало волонтеров. Именно в тех кругах активно читали и комментировали французский текст «Завещания», где существовал особый польский пункт.

После поражения восстания Филиппо Эрба стал осмысливать горький опыт, вспоминая репрессии против польских инсургентов и их итальянских соратников — с «Завещанием» в руках. В итоге он взялся за его перевод и публикацию, и в 1877 г. на свет появился небольшой трактат с названием «Il testamento di Pietro il Grande e le origini della guerra d'Oriente» («Завещание Петра Великого и истоки Восточной войны»).

Самому трактату предшествовал в качестве предисловия небольшой мемуарный очерк Эрбы, где он подробно рассказывает об участии итальянцев в польском восстании.

Автор вместе с группой других итальянцев прибыл в Краков (в «австрийской зоне» Польши), в начале мая 1863 г., ровно три года после высадки на Сицилии легендарной гарибальдийской Тысячи.

В Кракове волонтеров застигла весть о гибели в «русской Польше» их компатриота и единомышленника Франческо Нулло: он отправился первым на подмогу польским инсургентам, собрав отряд в тридцать итальянских офицеров и солдат, но пал в битве у Кшикавки в окрестностях Олькуша, когда польское ополчение Юзефа Миневского было разбито — как пишет Эрба, «донскими казаками» под командованием Алексея Шаховского, которого он называет «татарским генералом»[4]. В целом мотив о русских казаках, союзниках австрийских оккупантов, стал в эпоху объединения Италии необыкновенно распространенным — настолько, что даже нашел отражение в национальном гимне страны (1847), где есть следующие строки: «Австрийский орел / Уже потерял оперение. / Кровь Италии / Кровь поляков / Он пил вместе с казаками».

[4] *Erba F.* Il testamento di Pietro il grande e le origini della guerra d'Oriente. Milano, 1877. P. 11.

Итальянские волонтеры, пребывавшие в Кракове и не знавшие, как им действовать дальше после известия о гибели Франческо Нулло, в итоге были высланы обратно на родину австрийскими властями.

В этой мемуарной части Эрба, вспоминая тот май 1863 г., клеймит царское правительство, приводя примеры его смелого обличения, в первую очередь, со стороны миланца Баччо Майнери (1831–1899), автора памфлета "L"ultimo boja: leggenda polacca" («Последний палач: польская легенда»; 1867)[5].

Описав репрессии со стороны России[6] и задав риторический вопрос — «можно ли верить русским, что они хотят защитить христиан Востока от репрессий?», автор подводит читателя к главной своей цели — обличению российской экспансии и выявлению ее истоков, относящихся к петровской эпохе.

Эрба тут приводит свою версию возникновения «Завещания» — его якобы набросал Петр после победы над шведами при Полтаве, затем он его дооформил в 1722 г. после «битвы при Ништатде» (в действительности, это было место подписания мира), а в 1780 г. его отшлифовал Остерман (без указания какой именно).

В своем историческом очерке о наступлении на Европу «молодого и сильного колосса» автор обратил первоочередное внимание на эпоху Петра. Отдавая должное гению монарха, он достаточно адекватно пересказал ее главные события, постоянно припоминая жестокость Петра, даже в семейных отношениях — казнь собственного сына Алексея и мифическую «публичную порку» сестры, царевны Марии Алексеевны. Этот фрагмент итальянский автор снабдил иронической ремаркой: «Странные отношения в семье Романовых», хотя его соотечественники могли бы привести намного более зловещие примеры из жизни их собственных правителей.

Немало уничижительных строк посвящено русскому «народу варваров и рабов», который мог повиноваться лишь петровскому «кнуту» (это слово, транслитерированное на французский лад, *knout*, в ту эпоху прочно входило в русофобский лексикон).

---

[5] Имелся в виду граф Михаил Николаевич Муравьев, гродненский, минский и виленский генерал-губернатор, известный своим суровым подавлением восстания 1863 г.

[6] В списке репрессированных поляков у Ф. Эрбы – ряд странных упоминаний, в т.ч. «публициста Чернышевского [без указания национальности], редактора краковского "Голоса" и автора известной социальной работы "Что делать?"» (с. 14); «татарина Михайлова, польского литератора», похороненного в Сибири ссыльными итальянцами (с. 15–16) и т.п.

IL TESTAMENTO
DI
PIETRO IL GRANDE
E LE
ORIGINI DELLA GUERRA D'ORIENTE
PER
FILIPPO ERBA
MILANO
NATALE BATTEZZATI, Editore
Via S. Giovanni in Conca, 7.
1877

Илл. 2. Титульный лист книги Ф. Эрбы.

При описании следующих правлений, вплоть до 1877 г., года публикации, Эрба дал тенденциозную картину развития русского государства, с его точки зрения — той агрессивной экспансии, которой Запад должен противостоять. Его историографический очерк заканчивался следующими словами: «Там, где царствует кнут, солнце свободы не может светить своими благими лучами; <...> в стране, которая развивается только за счет военных захватов, будут процветать лишь пороки, а не достоинства: несмотря на ее мощь, она будет пребывать в состоянии сервилизма и упадка»[7].

В приложении к трактату Филиппо Эрба и привел знаменитый текст — теперь на итальянском, дав слегка подправленный заголовок: «Политическое завещание Петра Великого».

Текст итальянского публикатора представляет собой вольный и сокращенный пересказ французского оригинала[8] и поэтому мы предприняли его перевод на русский.

***

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, мы, Петр I, Император и Самодержец Всея Руси, и т. д., всем нашим потомкам и преемникам на престоле и в правлении русского народа:

Великий Бог, от Которого мы получаем наше существование, постоянно озаряющий нас своим светом и поддерживающий нас своей Божественной помощью, позволяет мне призревать русский народ, призванный в будущем к господству над всей Европой. Сия мысль приходит мне от того, что европейские народы в большин-

[7] *Erba F.* Il testamento... P. 77.

[8] Современный перевод французского текста (с комментариями) см. в: *Мезин С.А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность... С. 21–24.

стве своем достигли состояния старости, близкого к увяданию, или же быстро движутся к нему, — отсюда следует, что они должны быть легко и несомненно покорены нашим молодым и новым народом, когда он достигнет всей своей силы и всей своей мощи.

Рассматриваю будущее вторжение в страны Запада и Востока из Севера как периодическое движение, предначертанное в планах Провидения, которое таким образом возродило римский народ посредством вторжения варваров. Такое переселение полярных народов подобно течению Нила, который в определенные периоды наполняет своим илом истощенные земли Египта.

Я обрел Россию на берегу, а оставляю ее рекой: мои преемники сделают ее большим морем, предназначенным для оплодотворения оскудевшей Европы, и его волны будут туда переливаться, несмотря на все дамбы, которые смогут возвести ослабевшие руки, — если мои потомки сумеют направить его течение. Поэтому оставляю им следующие наставления, поручая их вниманию и постоянному соблюдению:

I.

Держать Россию в состоянии постоянной войны, дабы воин был закален и всегда наготове; никогда не давать ему покоя, кроме как для улучшения финансов государства, восстановления армии, выбора подходящего момента для нападения; таким образом, пусть мир следует за войной, а война за миром — ради расширения и растущего благоденствия России.

II.

Привлекать всеми возможными средствами у образованных народов Европы во время войны военачальников, а в мирное время — ученых, дабы Россия могла воспользоваться преимуществами других стран, не теряя своих собственных.

III.

Участвовать при любой возможности в делах и обсуждениях в Европе, особенно — в Германии, так как она нам ближе и затрагивает нас более непосредственно.

IV.

Разделять Польшу, поддерживая там постоянный беспорядок и вечную зависть; покупать их власти за золото; влиять на сеймы,

подкупать их, дабы иметь влияние на выборы королей; добиваться назначения своих сторонников, защищать их; вводить туда московские войска и держать их там до дня, когда можно будет окончательно закрепить их пребывание. Если соседние державы станут чинить препятствия, временно их успокаивать, расчленяя страну, пока не удастся отобрать обратно всё, что было им дано.

V.

Забрать у Швеции как можно больше и добиться, чтобы она первой напала на нас, чтобы появился предлог ее захватить. Для этого изолировать ее от Дании, а Данию от Швеции и тщательно поддерживать их соперничество.

VI.

Брать всегда невест для русских князей из числа германских принцесс, дабы множить родственные союзы, объединять интересы и привязывать Германию к нашему делу, расширяя наше влияние.

VII.

Стремиться прежде всего к союзу с Англией ради торговли, поскольку эта держава сильно нуждается в нас для своего флота и может быть наиболее полезной для развития нашего. Обменивать наш лес и другие продукты на ее золото, устанавливать постоянные связи между ее купцами, моряками и нашими, для развития нашей навигации и торговли.

VIII.

Неустанно продвигаться на север вдоль Балтики и на юг вдоль Черного моря.

IX.

Приблизиться как можно ближе к Константинополю и к Индии. Кто будет править там, станет истинным владыкой мира. Поэтому вызывать постоянные войны как против турок, так и против Персии; строить верфи на Черном море; постепенно овладевать этим морем и также Балтийским — оба они необходимы для успеха плана; способствовать упадку Персии; проникнуть до Персидского залива; если возможно, восстановить через Сирию древнюю тор-

говлю с Левантом и продвинуться до Индии, которая является сокровищницей мира. Достигнув этого, нам уже не понадобится золото Англии.

X.

Искать и тщательно поддерживать союз с Австрией; внешне поддерживать ее идеи будущего господства над Германией, а втайне возбуждать ревность германских князей против нее. Стремиться к тому, чтобы обе стороны взывали к помощи России и чтобы мы могли оказывать на страны такого рода защиту, которая подготовит к их будущему подчинению.

XI.

Вовлечь Австрийский дом в изгнание турок из Европы и ослабить его ревность в момент завоевания Константинополя — либо устроив для него войну со старыми государствами Европы, либо дав ему часть завоеваний, которую мы позже отнимем.

XII.

Постараться объединить вокруг себя всех отпавших греков (раскольников)[9], рассеянных в Венгрии, Турции и южной Польше, стать для них центром и опорой, заранее установить всеобщее господство через нечто вроде автократии или духовного главенства; это будут друзья, которых мы будем иметь при каждом враге.

XIII.

Разделив Швецию, победив Персию, поработив Польшу, завоевав Турцию, объединив наши армии, охраняя Черное и Балтийское моря нашими судами, нужно будет тогда предложить — раздельно и в глубокой тайне — сначала Версальскому двору, а затем Венскому, разделить с ними господство над миром. Если один из них согласится, что неизбежно, то, потакая их амбициям и самолюбию, использовать его для сокрушения другого; затем сокрушить и того, кто останется, начав борьбу, которая не может быть опасной, ведь Россия уже будет владеть всем Востоком и большой частью Европы.

[9] Это явный «прокол» авторов фальшивки: Петр не мог называть единоверных православных греков отпавшими (от Западной Церкви) раскольниками.

Если же, что маловероятно, обе эти державы откажутся от сотрудничества с Россией, нужно будет вызвать у них взаимные раздоры и ослабить их друг об друга. Тогда, воспользовавшись решающим моментом, Россия двинет свои уже собранные войска на Германию, в то время как два значительных флота — один из Азовского моря, другой из Архангельска — погрузив азиатские войска и при поддержке вооруженных флотов Черного и Балтийского морей, выйдут в Средиземное море и Атлантику. Они возьмут Францию с одной стороны, в то время как на Германию нападут с другой; после покорения этих двух стран остальная Европа легко и без сопротивления падет под иго.

Так можно и должно покорить Европу.

***

Публикация Эрбы не имела резонанса в Италии, в отличие от прежних публикаций фальшивки во Франции, Англии и других странах. В тот момент, да и прежде, страна не имела геополитических и прочих столкновений с Россией и, соответственно, опасений перед ее экспансией. В 1870-е гг., к тому же, Италия переживала культурно-политический подъем в результате ее объединения и полноценного вхождения в число ведущих европейских держав, чему благоприятствовала и Российская империя, а польский вопрос утратил свою остроту и перестал будоражить общественность.

В 2010 г. книга Эрбы о «Завещании» была факсимильно воспроизведена в составе монографии, написанной его родственницей, Марией-Грацией Коломбо — «Il Maggiore Filippo Erba dei Mille di Marsala» («Майор Филиппо Эрба из Тысячи Марсалы[10]»).

М.-Г. Коломбо дотошно реконструировала биографию Эрбы, действительно, героя борьбы за объединение Италии. Она обильно привела разного рода сведения, включая генеалогические. Удивительно, что старая фальсификация ею никак не прокомментирована и перевод и публикация (теперь републикация) «Завещания» представлены как важный результат историографического исследования славного гарибальдийского офицера.

[10] Марсала — порт в Сицилии, где в 1860 г. произошла высадка «Тысячи Гарибальди» и ее первая победа над бурбонским войском.

Евгений Викторович Ермасов
(Москва)
Заместитель директора
Департамента Министерства юстиции Российской Федерации

Петр Великий как символ «Преображенной России» в немецкой публицистике 1725 года

Evgeny V. Ermasov

Peter the Great as a symbol of «Transformed Russia» in German Publicism in 1725

Аннотация: Известие о смерти Петра I произвело сильное впечатление на современников, в том числе на немецких публицистов, которые откликнулись на нее изданием серии сочинений. В них не только содержались сообщения об этом печальном событии, но и первые попытки подведения итогов деятельности российского императора. Особую известность получили изданные в 1725 г. сочинения немецких публицистов Ю.Г. Рабенера и Д. Фасмана. Содержащиеся в них оценки личности и деятельности Петра I свидетельствуют об осознании ими значения реформ, проведенных Петром Великим, ставшим символом «Преображенной России».
Absract: The news of Peter the Great's death made a strong impression on his contemporaries, including German publicists, who responded by publishing a series of essays. They not only contained reports about this sad event, but also the first attempts to summarize the activities of the Russian emperor. The works of the German publicists J.G. Rabener and D. Fasman, published in 1725, became particularly famous. Their assessments of Peter the Great's personality and work attest to their awareness of the importance of the reforms carried out by Peter the Great, who became a symbol of «Transformed Russia».

Ключевые слова: Петр I, реформы, периодические издания, немецкая публицистика, «Преображенная Россия».
Keywords: Peter the Great, reforms, periodicals, German Publicism, «Transformed Russia».

Представления о Петре I как великом реформаторе нашли отражение в немецкой публицистике еще при его жизни. В первой немецкоязычной биографии, опубликованной анонимно в 1710 г. под названием «Жизнь и деяния Великого Государя, Царя и Великого князя Московского, Петра Алексеевича...», российский монарх именуется «Отцом Отечества», приобщавшим своих подданных к достижениям европейской науки и культуры[1].

Смерть Петра I 28 января[2] 1725 г. произвела сильное впечатление на немецких авторов, откликнувшихся на нее серией публикаций, в которых содержались не только сообщения об этом печальном событии, но и первые попытки подведения итогов жизни и деятельности российского императора[3].

Как известно, манифест о смерти Петра I и восшествии на престол Екатерины Алексеевны от 28 января 1725 г. был незамедлительно переведен на немецкий язык и получил распространение при европейских дворах, в связи с чем он содержится практически во всех публицистических изданиях о России 1725 г., в том числе в одном из наиболее популярном немецком журнале «Европейская молва»[4].

---

[1] Des Grossen Herrens, Czaars und Gross-F(rstens von Moscau, Petri Alexiewiz, Des ganzen grossen, kleinen und weissen Reußlandes Selbsthalters etc. etc. etc. Leben und Thaten..., in Zwey Theilen von J. H. von L. Franckfurt und Leipzig, 1710. T. I. S. 29, 75, 361, 364; *Ермасов Е.В.* Первая биография Петра I, изданная в Европе (1710) // Россия и Европа: пересекая границы. Научные и культурные контакты в XVI-XXI вв.: Коллективная монография / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина. СПб., 2018. С. 189–206.

[2] По юлианскому календарю, или старому стилю, 8 февраля — по григорианскому календарю, или новому стилю.

[3] *Минцлов Р.И.* Библиографические отрывки: Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века // Отечественные записки. 1856. Т. CIV. № 2. Отд. II. [Статья] V. С. 382–387; *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 10, 39–40, 445–453, 466–467; *Гольдберг А.Л.* Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1966. Вып. 2. С. 11, 30–31.

[4] Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. 1725. T. 281. S. 406–407. См. также: *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. Leipzig, Anno 1725. S. 777–778.

В 281 томе этого журнала за 1725 г. помещена большая статья «О Российской империи», в которой подробно сообщалось о деятельности Петра I в последний год жизни, его внезапной болезни и смерти, о воцарении Екатерины I.

Автор статьи передает общее опасение за судьбу петровских преобразований после смерти великого реформатора — «великих дел», которыми «восхищались вот уже тридцать лет».

Как сообщается в журнале, непосредственно после смерти царя Сенат, Священный Синод и высший генералитет собрались на совет, во время которого приняли решение признать своей государыней императрицу Екатерину. Этим решением обеспечивалась преемственность власти. Провозглашение Екатерины государыней было положительно воспринято гвардейцами, оплакивавшими смерть своего кумира и провозгласившими: «Если теперь отец наш умер, но все-таки мать наша еще жива». Для сторонников петровских преобразований было важно транслировать представления о Петре I как «Отце Отечества» на его супругу, наследовавшую его власть в качестве «Матери Отечества»[5]. Уделяя большое внимание переходу власти к Екатерине I, в ряде изданий воспроизводился текст присяги, форма которого была утверждена в Указе Сената от 2 февраля 1725 г.[6]

Занятие российского престола женщиной между тем воспринималось как нечто небывалое в истории России, что также не могло не волновать европейцев, опасавшихся за судьбу петровских реформ: «Много причин удивляться тому, что русские до сих пор относились к этому событию с таким безразличием и не предприняли ни малейших шагов против него. Вряд ли следовало бы доверять народу, и меньше всего русским, которые представляют собой совершенно особый тип людей... Их беспокойный, непостоянный,

---

[5] Europäische Fama. 1725. T. 281. S. 405–406. См. также: *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 776–777.

[6] Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Том VII. 1723–1727. № 4646. С. 412. См.: Europäische Fama. 1725. T. 281. S. 407–408; Remarquable CURIOSA Jeziger Zeit / aus denen vornehmsten Reichen und Staaten der Welt / Mit beigefügten nüzlichen Reflexionen, auch Historischen, Genealogischen, Geografischen und andern merckwürdigen Anmerckungen. Achtzehende Lieferung des X. Volum. Im Jahr 1725. S. 563–565; Historie des Jahrs 1725 oder zur Kirchen-Politisch- und Gelehrten-Historie dieses Jahrs gehörige Haupt Anmerckungen. Coburgischer Zeitungs-Extract aufs Jahr 1725 mit gehörigen Anmerckungen Monath APRILIS. Zu finden im Pfotenhauerischen Buchladen. S. 79–80; *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 779–780.

злой дух известен во всем мире, и история жизни последнего Царя наполнена самыми чрезвычайными последствиями этого. То, что какое-то время они были почти спокойны и, по крайней мере, не прибегали к насилию, объясняется не изменением их нравов и обычаев или благодарностью, которую они проявляют в отношении заслуг царя, а рабским страхом, который не позволял им при жизни страшного царя что-нибудь предпринимать вопреки его воле...»[7].

Эти опасения усиливались из-за того, что на российский трон после смерти Петра I мог претендовать и его внук Петр — сын царевича Алексея Петровича, который ассоциировался с оппозицией реформам Петра I: «Принц, оставшийся после покойного царевича, все еще жив... Как можно не опасаться, что недовольные русские воспользуются этой возможностью, вцепятся в него и под видом того, что они пытаются вернуть ему его царство, будут стремиться удовлетворить свои желания, которые им до сих пор приходилось скрывать не иначе, как с величайшим сожалением».

В связи со смертью Петра I немецкими поэтами был написан ряд стихотворений и од в панегирическом стиле:

- стихотворение «Смерть и погребение Его Величества Императора Всероссийского Петра Первого и Великого»[8];
- ода «Памяти о Петре I» Авроры фон Кенигсмарк[9];

---

[7] Europäische Fama. 1725. T. 281. S. 418–422.

[8] Tod und Grab Sr. Kayserlichen Majt. von Russland Petri Des Ersten und Grossen, без указания автора, года и места издания. Автор этого стихотворения Либман Филипп Цайзольд был духовником принцессы Софии Кристины Шарлотты Вольфенбюттельской, супруги царевича Алексея Петровича. См.: *Минцлов Р.И.* Библиографические отрывки. С. 382; *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 451.

[9] Аврора фон Кенигсмарк — фаворитка саксонского курфюрста Августа Сильного. В преклонном возрасте, будучи аббатисой Кведлинбурга, она написала в 1721 г. оду по случаю именин Екатерины Алексеевны, а в 1725 г. — стихотворение в память о царе Петре I: *Weichmann C.F.* Poesie der Nieder-Sachsen. Hamburg, 1721. S. 221; *Königsmarck M.A. von.* Grabschrift auf Ihro Majestät, Petrum der Grossen / Ersten Rußischen Käyser/ Als derselbe am 8. Febr. 1725. Todes verblichen war // *Märtens H.R.* Auserlesene Früchte Der Deutschen Poesie einiger Ober- und Nieder-Sachse, mit Fleiß zusammen getragen von Heinrich Richard Märtens. Erste Sammlung von 1731. Halberstadt. S. 182–183. См.: *Шиппан М.* Петр I в Германии: 1697–1717 / пер. с немецкого И.Ю. Тарасовой. СПб., 2021. С. 88, 221–222. Ода о Петре I Авроры фон Кенигсмарк впервые была опубликована без указания автора в сочинении Ю.Г. Рабенера: *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 787.

◆ изданное анонимно без заглавия стихотворение «Петру, Величайшему Императору России»[10];

«Вечная память о ныне живущем в лучшем мире самом достойнейшем и никогда не почитаемом чрезмерно императоре и государе Петре Первом и Великом, оформленная в нескольких лаконичных поэтических выражениях»[11];

«Вечная память Петру Первому Великому, Императору Российскому, вечному триумфатору, непобедимому, благочестивому, удачливому» Мельхиора Любека[12];

«Его Императорское Величество в России, Петр Алексеевич, символ или девиз, управляемый его жизнью, для всеобщего поощрения, чтобы следовать славному примеру этого великого Императора, переведенный на немецкий язык в стихах, вместе с некоторыми поэтическими размышлениями о Его Императорского Величества жизни и смерти»[13].

Среди поэтических произведений о Петре I, опубликованных в год его смерти, наиболее известным является сочинение немецкого поэта Иоганна Христофора Готтшеда (1700–1766) «Ода похвалы и плача, в которой прославляется и оплакивается бессмертный герой Петр Алексеевич, имя которого известно всему миру, когда в 1725 году, 8 февраля, он был вырван из Европы, в разгар своего великого подвига, неожиданной смертью»[14]. В журнале «Европей-

---

[10] In S. Petrum, Maximum Russiae Imperatorem. A. 1725. См.: *Минцлов Р.И.* Библиографические отрывки. С. 383–384; *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 452. Авторство этого стихотворения приписывается Генриху Барчу (Bartsch): Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung von Friederich Konrad Gadebusch Justizbürgemeister der kaiserlichen Stadt Dörpat. Riga, 1777. Erster Theil. S. 29–30.

[11] Das ewig währende Andencken des nunmehro in der höchst-vergnügten Ewigkeit lebenden Allerglorwürdigsten, und nie genug zu preisenden Kaysern und Souverains Petri des Ersten und Grossen in einigen kurtzgefassten Poetischen Gedanken entworffen von J. D. K. P. P. O. Berlin. (1725). См.: *Минцлов Р.И.* Библиографические отрывки. С. 384; *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 452.

[12] Aeternæ memoriæ Petri primi Magni Russorum Imperatoris, triumphatoris perpetui, invicti, pii, felicis. (Auctore Melch. Lübeck.) Regiomonti litteris Reusnerianis d. 12 Mart. 1725. См.: *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 451.

[13] Ihro Kayserlichen Majestät in Russland, Petri Alexiewiz, in Dero Leben geführtes Symbolum oder Wahl-Spruch, zu allgemeiner Auffmunterung, dieses grossen Käysers glorieusen Exempel zu folgen, in teutsche Verse übersetzet, nebst einigen Poetischen Gedancken über Ihr. Käyserlichen Majestät glorwürdigstes Leben und Tod. S. l. 1725. См.: *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 452–453.

ская молва», а также в известном научном журнале «Новые известия о научных предметах» сообщалось, что эта ода написана «выразительно и живо, и может претендовать на славу настоящей и зрелой поэзии»[15]. Авторитетный историк немецкой литературы XVIII в. Хельмут Грасхоф считал, что И.Х. Готшеда побудили к написанию этой Оды стихотворения М. Любека, Л.Ф. Цайзольда, Г. Барча и других авторов[16].

Пользовались популярностью также некоторые анонимные издания, кратко излагавшие жизнь и деяния Петра I[17]. Кроме того, в разных вариантах в немецких землях получили распространение переводы знаменитой проповеди епископа Феофана Прокоповича «Слово на погребение Петра»[18]: «Слово на погребение Петра Великого...», «Слезы России, или краткое сообщение о смерти Петра Великого и две хвалебные речи, произнесенные о покойном Императоре Феофаном, архиепископом Новгородским...», «Слезы Роксоланы или смерть Петра Великого» и др.[19]

Известие о смерти Петра I побудило также известного немецкого публициста и издателя Юстуса Готфрида Рабенера опубликовать в 1725 г. вторую немецкоязычную биографию Петра под названием «Жизнь Петра Первого и Великого, Российского царя», воплотившую в себе обобщенные представления о Петре Великом в немецком обществе того времени.

---

[14] Lob- und Klage-Ode, womit der nunmehro unsterbliche Held Petrus Alexowitz, den die Nochwelt an seinem blossen Nahmen kennen wird, als Derselbe im Jahre 1725. den 8. Februarii dem gantzen Europa, mitten in dem Lauffe seiner grossen Thaten, durch einen unverhofften Todt, entrissen ward, verehret und bedauret worden // Europäische Fama. 1725. T. 281. S. 428–436.

[15] Europäische Fama. 1725. T. 281. S. 427; Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen auf das Jahr 1725. №. XXVI. Leipzig, den 29 Merz. S. 256.

[16] *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publiziste. Berlin, 1973. S. 104.

[17] *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 10, 40, 449–450; *Гольдберг А.Л.* Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 11, 30.

[18] Слово на погребение Всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, император и самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества, проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви Святых перво-верховных апостолов Петра и Павла, Святейшаго Правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // *Прокопович Ф.* Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 126–129.

[19] *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. С. 447–449.

П.П. Пекарским, Е.Ф. Шмурло и вслед за ними М.О. Акишиным отмечалось, что Ю.Г. Рабенера связывали давние отношения с Г. Гюйссеном, активно сотрудничавшим с немецкими издателями и писателями в целях распространения положительного образа России в Европе[20]. Это сочинение отличается своей информативностью, увлекательным описанием событий, хорошим стилем и пониманием политической ситуации в Европе, содержит большое количество выдержек из официальных документов, опубликованных европейскими издателями и касающихся деятельности Петра I.

В нем использованы различные сочинения о России первой четверти XVIII в., прежде всего «Преобразованная Россия» Ф.Х. Вебера и сочинение Ж. Руссе де Мисси[21].

Как и другие авторы, Ю.Г. Рабенер был склонен противопоставлять личность Петра русскому народу, что оправдывало жестокость Петра по отношению к своим подданным: «Царю много раз советовали упразднить рабство, ввести свободу, и поощрить тем самым своих подданных, но он один не находил это предложение достойным, так как ему ведомы дикие качества русских, и он прекрасно знает, что их без принуждения не присмирить»[22]. Подчеркивая трудности Петра в деле реформирования России, автор стремился вызвать сочувствие к российскому императору, возвеличить его деяния.

«Царь Петр — великий человек, о котором мы сейчас должны говорить, у которого нет равных среди русских царей, но, возможно, ему мало равных и среди остальных европейских принцев. Собственно, он сам в каком-то смысле сравним с Ноем, это сравнение, по нашему мнению, чрезвычайно правильно, поскольку он смотрел на старый русский мир с огорчением и своим просвещенным умом и неустанными занятиями сделал его как бы совершенно новым миром».

«Поскольку он лучше всех знает своих подчиненных и их характер, мы можем верить, что он не поступил с ними несправедливо,

---

[20] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 94–98, 106–107; *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I (XVIII век). СПб., 1912. С. 50–51; *Акишин М.О.* Генрих фон Гюйссен: немецкий юрист на службе Петра Великого // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов / Глав ред. проф. А.С. Смыкалин. Екатеринбург, 2021. Вып. 12. С. 224, 227.

[21] *[Weber F.-Ch.].* Das veränderte Rußand. Franckfurth, 1721; *Rousset de Missy J.* Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, père de la patrie. Par le B. Iwan Nestesuranoi, [pseud.]. La Haye; Amsterdam, 1725–1726. Vol. 1–4.

[22] *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 287.

назвав их стадом неразумных животных, которых он превратил в людей».

«Между тем несомненно, что там, где русские в этом случае могут похвастаться счастливой переменой, они должны искренне благодарить своего царя, который не жалел усилий, чтобы осветить своему народу тьму, в которой он пребывал, изгнать невежество, и чтобы пороки, проистекающие из того же невежества, иссякли».

В личности императора Ю.Г. Рабенер отмечает необычные для монархов того времени качества:

«его разум просвещен и необычайно деятелен»;

«в размышлениях... дальновиден и проницателен, в поведении неутомим...»;

он одновременно и «храбрый солдат», и «умный полководец»;

«не любил великолепия в одежде, не переносил никакого излишества...», «происхождение... не рассматривал как богатство»;

за все время его царствования «не было ни одной угрозы, которая бы ослабила его мужество или могла бы нагнать на него боязнь или страх»[23].

Но самое главное, что подчеркивали все современники, пытавшиеся изобразить заслуги русского императора перед отечеством, — Петр рассматривал науки и искусства «в качестве сильнейшего средства, которым можно было бы искоренить варварство его страны». В этом отношении, по мнению Ю.Г. Рабенера, Петр сделал то, что запрещалось прежними русскими царями. Он позволил русским учиться, приобщаться к европейским духовным ценностям. Просвещение русского народа виделось немецкому публицисту главной заслугой Петра, определившей его роль и значение не только в русской, но и европейской истории.

В конце сочинения о Петре Ю.Г. Рабенер помещает эпитафию на могилу российского императора, сочиненную Г. Гюйсеном[24].

Сочинение Ю.Г. Рабенера по своей значимости, известности и популярности можно поставить в один ряд с наиболее известными иностранными сочинениями о России первой половины XVIII в. Многие характеристики Петра Великого нашли свое отражение в сочинениях Вольтера, Г.Ф. Миллера, Я. Штелина и других авторов, писавших о Петре I.

В том же 1725 г. известным немецким журналистом Давидом Фасманом были изданы «Разговоры в царстве мертвых... между...

---

[23] *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 5–13.

[24] *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. S. 788–794.

московитским царем Петром Великим и Иваном Васильевичем»[25], в которых отразились представления о «Древней» и «Новой» России. «Разговоры в царстве мертвых» Д. Фасмана пользовались большой популярностью у европейского читателя. Каждое сочинение этого жанра имело общие закономерности и приемы. Чаще всего исторические и современные события освещались в форме беседы между двумя или более лицами, встречающихся в «царстве мертвых». Собеседники подбирались как антиподы друг другу. Их спор заканчивался приходом «секретариуса», передающего сведения из «империи живых».

Использованный автором литературный прием позволял осознать произошедшие в России изменения. Россия, модернизированная Петром I путем приобщения к достижениям европейской цивилизации, противопоставлялась «Московии», ассоциировавшейся с личностью Ивана Грозного. В описании деяний Ивана IV использовались выдержки из сочинения П. Одерборна, в которых рассказывалось о жестокости царя и рабском состоянии русского народа, что оживляло негативные представления о русском государстве в то время, когда в Германии уже предпринимались попытки их изменить[26].

Д. Фасман характеризует Петра I как идеального правителя, который еще в детстве демонстрировал «хорошую и прекрасную натуру», «бойкий и смышленый дух», «способность все постигать и всем заниматься». Как государь он демонстрировал «глубокий рассудок, одновременно мужество и смелость заниматься великими делами». Петр предстает у Д. Фасмана образцом просвещенного государя. Как и в сочинениях других авторов, изменения в России

---

[25] Gespräche in dem Reiche derer Todten, Drey und Achzigste Entrevuü, zwischen dem vortrefflichen Moscowitischen Czaar, Petro Magno, und Ivan Basilowiz II. Ebenfalls einem grossen Czaaren von Moscau. Worinnen die Historie des Letztern, so nicht ohne Erstaunen kann gelesen werden, ingleichen viele Erzehlungen, von des ersten grossen und berühmten Thaten, nebst ausführlichen Nachrichten von der Religion derer Moscoviter enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merckwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. Franckfurt und Leipzig, 1725. В том же году опубликованы продолжения этого сочинения: 84-86 интервью.

[26] *Ермасов Е.В.* Изучение истории России в трудах Готлиба Самуила Тройера (1683–1743) // Чертковские чтения: Материалы первой научной конференции, 26–27 сент. 2011 г.: [сборник] / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2012. С. 294–345; *Эйльбарт Н.В.* «Апология» царя Ивана Грозного Г. Самуэля Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 376–383.

ставились в заслугу лично Петру I, стремившемуся по европейскому образцу «заново сформировать нацию, которой управляет, и привести ее в лучшее состояние», искоренить дикие нравы и обычаи, укоренившиеся в них, «вырвать их из незнания, в котором они больше других европейских народов пребывали», а для того распространить науки и «прекрасные искусства». Автор наделяет Петра I титулом «Отец Отечества» за то, что он «защищал свое государство, был милостив к своему народу и его мудрым советником»[27].

В диалогах двух государей Д. Фасман воспроизводил также критические замечания в адрес Петра I. В одном из диалогов Иван IV упрекает Петра в том, что тот в своих реформах «желал упразднить все разом, и при этом действовал с чересчур большой строгостью». Кроме того, желая сделать русских подданными, Петр своими мерами способствовал сохранению в них рабства. Положение простого народа не изменилось, русские продолжают пребывать под жесточайшим гнетом, как это было и раньше. Вместе с тем необходимость суровых мер при проведении реформ объяснялось характером народа[28].

В форме диалога написано и другое аналогичное сочинение: «Разговоры в царстве мертвых у любопытной Евы, в которых Петр Алексеевич, Царь Московитский и Император Российский, умерший 8 февраля 1725 года в Петербурге, подробно рассказывает о своей прославленной жизни, великих делах, удивительных фактах и неожиданной смерти, а также о других достойных славы вещах. Одновременно с этим сообщается о современном Российском государстве и состоянии Московитской империи»[29].

Оценки личности Петра I и его деятельности, содержащиеся в немецких публицистических изданиях, опубликованных под впечатлением сообщений о его смерти, свидетельствуют об осознании ими значения реформ, проведенных Петром Великим, ставшим символом «Преображенной России».

---

[27] Gespräche in dem Reiche derer Todten. S. 286, 303–304, 376.

[28] Gespräche in dem Reiche derer Todten. S. 294–296, 309.

[29] Der neubegierigen Eva historisches Gespräche in dem Reiche derer Todten, darinnen Peter Alexiewicz Mascovitischer Czaar oder Russischer Kayser, welcher den 8. Febr. 1725 in Petersburg gestorben, sein merckwürdiges Leben, grosse Thaten, erstaunende Facta und unvermutheten Todt, nebst andern Merckwürdigkeiten ausführlich erzehlet. Wobey zugleich eine kurtze Nachricht von dem itzigen Staat von Russland und der Beschaffenheit des Moscovitischen Reiches gegeben wird. Leipzig im Monat April 1725.

Наталья Юрьевна Бахарева
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник, хранитель фонда живописи XVIII века Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

Прадед и правнук. Образ Петра Великого в программе воспитания великого князя Павла Петровича

Natalia Yu. Bakhareva

Great-grandfather and great-great-grandson. The image of Peter the Great in the education program of Grand Duke Pavel Petrovich

Аннотация: В концепции воспитания великого князя Павла Петровича главный акцент был сделан на его предназначении продолжить дело Петра Великого, стать достойным его наследником. Эта тема акцентировалась в учебных программах, выборе книг для чтения, беседах. Павел Петрович очень внимательно относился ко всему, что связано с его великим предком, действительно служившим ему примером для подражания.
Abstract: In the concept of the education of Grand Duke Pavel Petrovich, the main emphasis was placed on his destiny to continue the work of Peter the Great and become a worthy successor. This theme was emphasized in the educational programs, the selection of books for reading, and the discussions. Pavel Petrovich was very attentive to everything related to his great ancestor, who truly served as an example for him to follow.

Ключевые слова: великий князь Павел Петрович; Петр Великий; воспитание наследника престола; продолжатель дел Петра; Семен Андреевич Порошин
Keywords: Grand Duke Pavel Petrovich; Peter the Great; education of the heir to the throne; successor of Peter's work; Semyon Andreyevich Poroshin

Рождение в 1754 г. великого князя Павла Петровича стало особо важным событием. Он был прямым потомком Петра I, его появление на свет давало надежду на укрепление власти правящей династии, а потому его воспитание полностью находилось под контролем правящего монарха. Сначала это было прерогативой императрицы Елизаветы Петровны, и только после ее смерти забота о цесаревиче перешла в руки его матери Екатерины II.

Исторические обстоятельства прихода к власти обеих правительниц в результате дворцовых переворотов, необходимость подчеркивать связь с Петром Великим, объявляя себя продолжателями его деяний, указывая на кровную связь, не могли не сказаться на воспитании правнука первого российского императора, на подчеркивании этой связи в документах, литературных сочинениях, художественных произведениях, программах праздников и фейерверков.

Важно отметить, что в последующем в воспитании наследников престола такого акцента делаться уже не будет. Но в середине XVIII столетия, в период постоянной борьбы за трон, тема «прадед — правнук, продолжатель династии, продолжатель дел Петра Великого» была чрезвычайно актуальна.

Эта идея отчетливо проявилась уже во время торжеств по случаю рождения Павла. Например, в Оде, написанной М.В. Ломоносовым и обращенной к Елизавете Петровне:

«Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает,
Что в правнуке своем дыхает
И род в нем восставляет свой.
[...]
Расти, расти, расти, крепися,
С великим прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались напреди»[1].

[1] *Ломоносов М.В.* Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне самодержице всероссийской и наследнику ея величества внуку Петра Великаго пресветлейшему государю великому

Это был ключевой тезис в программе воспитания Павла – он не просто правнук, но продолжатель деяний царя-реформатора[2]. Уже с первых уроков великому князю внушают, что он наследник дел великих предков, будущий государь, на которого возложена ответственность за судьбу державы. И он должен прилежно учиться, воспитывать в себе добрые качества, необходимые для будущего правителя. Примером ему служил, в первую очередь, Петр.

Интересный источник представляют «Ведомости» о великом князе, которые специально составляли для него, уверяя, что это настоящая газета, которую читают в России и в Европе. В них были не только похвалы за прилежание в занятиях, но и порицания за неподобающее поведение правнука Петра Великого. «Письмо г-на Правомыслова, отставного капитана, из С.-Петербурга к г-ну Люборусову, отставному капитану в Москве. [...] Конечно, друг мой, опечалились вы прежним моим письмом о Государе Великом Князе Павле Петровиче. И подлинно было чему нам тогда печалиться, слыша, что правнук Петра Великого ведет себя не ..... Ах! не токмо язык мой не может выговорить, но и мыслить ужасаюсь, столько то было для нас печально»[3]. Но и в похвалах Павла сравнивают с Петром. В этом же выпуске ведомостей сообщалось, что один крестьянин, узнал, что Павел «уже по толкам читает и пишет» и говорят, что он будет разумен, как Петр I[4].

Уже первый учебник «Краткое понятие о физике», подготовленный Ф.Д. Бехтеевым для Павла в 1760 г., ставил наследнику в пример его великого предка. В предисловии учитель, рассуждая о пользе «знания натуры», отмечал: «Все художества, способ-

---

князю Петру Феодоровичу и супруге его пресветлейшей государыне великой княгине Екатерине Алексеевне на всевожделенное рождение пресветлейшаго государя великаго князя Павла Петровича сентября 20 дня 1754 года / С искренним усердием и ревностию принесенная от всеподданейшаго раба Михайла Ломоносова. СПб, [1754].

[2] О воспитании Павла см.: *Бахарева Н.Ю.* Правнук Петра Великого. О воспитании великого князя Павла Петровича // Стать Романовы. Воспитание и образование в императорской семье. Каталог выставки / ГМЗ «Царицыно». М. 2023. С. 310–317.

[3] Воспоминания Великого Князя Павла Петровича о жизни его с 1755 по 1761 год, записанные с его слов С.А. Порошиным в 1764–1765 гг. // *С.А. Порошин.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент., именной указ. Н.Ю. Бахаревой, В.А. Семёнова. М., 2015. С. 491.

[4] Воспоминания Великого Князя... С. 492..

ствующия к нашим нуждам, покою и увеселению, основаны на познании натуры. Петр Великий, узнав их преимущества, сам обучился оным, и подданных своих обучил»[5].

В 1760 г. надзор за воспитанием Павла поручили Никите Ивановичу Панину. Видный государственный деятель, дипломат оказал сильнейшее влияние на формирование личности августейшего воспитанника. Поддержав в перевороте 1762 г. Екатерину II, он выступал сторонником передачи власти её сыну по достижении им совершеннолетия. Панин смотрел на Павла как на наследника дел Петра Великого и законного наследника престола. С этих позиций строилась и его педагогическая концепция. Панин подает Елизавете Петровне «Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича», которое императрица одобрила и в ответ составила (скорее всего не без участия самого Панина) «Инструкцию»[6]. В ней, в частности, говорилось: «надлежит предпочтительно пред другими науками подать его высочеству совершенное знание об России, показать ему с одной стороны из дел прошедших и нынешних, особливо родителя нашего времян, изящныя качества Российскаго народа, неустрашимое его мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству...»[7]. Для Елизаветы крайне важно было воспитание Павла на славных примерах ее отца. Стоит отметить при этом, что на тот период великие свершения Петра были не только актуальными, жившими в памяти многих современников, но и самыми значительными событиями новой российской истории. А потому безусловно служили примером для подражания. Одним из главных методов воспитания были беседы. Учителя рассказывали юному принцу эпизоды славных дел Петра, ко двору наследника приглашались люди разного звания, среди них были и участники тех событий.

Особенно актуальной тема связи Павла с Петром Великим стала при восшествии на престол Екатерины II, в отличие от предшественников не имевшей возможности оправдать захват власти сво-

---

[5] *[Бехтеев Ф.Д.].* Краткое понятие о физике для употребления его императорского высочества благоверного государя великого князя Павла Петровича. СПб., 1760. С. 4.

[6] «Инструкция обергофмейстеру при Его Императорском Высочестве Государе Великом Князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину» // *С.А. Порошин*. Записки. С. 507–509.

[7] Там же. С. 508.

им родством с первым императором. Воспитывая сына как будущего продолжателя дел Петра, она тем самым подчеркивала стремление укрепить династию и подготовить сына к наследованию трона великого царя-преобразователя.

В 1762 г. в жизни Павла появляется Семен Андреевич Порошин, назначенный одним из кавалеров при великом князе, а также его преподавателем математики. Он стал преданным другом царственному отроку, который доверял любимому учителю душевные переживания, детские мечты и тайны. Повседневная жизнь юного Павла отражена в «Записках, служащих к истории Его Императорского Высочества Благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича» – дневнике, который вёл Порошин с сентября 1764 по январь 1766 г., занося в него основные события в жизни цесаревича, заметки о его воспитании и обучении[8]. Очень часто в этом источнике встречаются упоминания Петра Великого.

В 1764 г. почти ежедневно Павлу читают главы из «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Книга вышла в Женеве в 1759–1763 гг. и, следовательно, была новейшим изданием. Слушая рассказы о великом правителе, Павел делал и свои рассуждения об услышанном[9]. Воспитатели тщательно готовились к этим занятиям и излагали наследнику далеко не все эпизоды. Ведь целью было не познакомить Павла с трудами Вольтера, а, в первую очередь, создать достойный подражания образ царя и его эпохи. Порошин, например, полностью исключает из чтения эпизод о деле царевича Алексея[10]. Вот еще один показательный фрагмент дневника учителя: «Читано было о персидском походе и о смерти блаженной памяти Государя, где я и пропускал многое, а что пропускал, кто читать будет, сам увидит»[11]. Обычно чтение «Вольтеровой истории» завершается разговорами о событиях славных времен, о характере царя-преобразователя. Беседы о крепостях, кораблях, городах, войнах, орденах, праздниках используются для рассказов о Петре.

Павлу неустанно внушают почтение к Петру, подчёркивают, что он его потомок и продолжатель его деяний. «Наконец пришло мне кстати и то Его Высочеству весьма сильно выговорить, что ему об имени блаженной памяти Государя Петра Великого всегда с почтением вспоминать надобно, потому что сие имя во всём свете, а особ-

[8] *Порошин С.А.* Записки.

[9] Там же. С. 147.

[10] Там же. С. 173.

[11] Там же. С. 184.

ливо в российском народе любезно, славно, и почтенно, и что, вспоминая о нём с почтением, может Его Высочество к себе возбудить тем почтение и любовь; что сверх того Государь Петр Великий родной ему прадед. Сими словами, кои я нарочно говорил твердо и важно, весьма Государь Великий Князь был тронут»[12].

Павел, как позволяют судить записки Порошина, очень внимательно относился ко всему, что связано с его великим предком, действительно служившим для маленького цесаревича идеалом. Это иллюстрируют и портреты работы А.П. Антропова 1761 г.[13], А.П. Лосенко 1763 г.[14], на которых великий князь представлен держащим в руке гравюру с изображением Петра Великого. Копия такого портрета, датированная концом XVIII в., имеется и в коллекции Эрмитажа[15]. Думается, что это не просто официальный заказ, а картина, отражающая действительное отношение правнука к прадеду. Павел стремился подражать ему. Например, узнав, что Петр всегда рано садился за стол, великий князь сказал: «В этом мог бы и я легко блаженной памяти Государю последовать, и весьма бы рад был, если б дозволили. Желаю только, чтоб мог последовать и в прочем, почему он великим назван»[16].

Здесь хотелось бы отметить еще одно упоминание в литературе рассуждений маленького Павла о своем стремлении быть достойным последователем Петра. В 1765 г. митрополит Платон написал для цесаревича книгу «Православное учение, или сокращенная христианская богословия». Во вступительном слове он с похвалой указывал на случай, когда во время рассуждений, о том, что «напрасно Иудеи величались именем великаго ... своего Праотца, не подражая вере и делам его», Павел Петрович сделал свое замечание: «Так, как, де, я напрасно бы хвалился, что от Великого Петра произошел, ежели бы не хотел подражать делам его»[17]. В своей книге Платон также подчеркивает связь Павла с первым российским императором.

История Петра неоднократно становится темой застольных бесед, которые ведут дежурные кавалеры и приглашенные к столу

---

[12] Там же. С. 94.

[13] ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 12-ж.

[14] ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-112-III.

[15] Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-2687.

[16] *Порошин С.А.* Записки. С. 163.

[17] *Иеромонах Платон (Левшин).* Православное учение, или сокращенная христианская богословия, сочиненная имеромонахом Платоном. Изд.2-е. М., 1800.

гости и придворные. Порошин не упускает возможность во время уроков, игр, бесед упомянуть в назидательных целях имя Петра Великого: «После стола прочел я Его Высочеству в летописце г. Ломоносова краткое изображение, каких свойств был государь Петр Великий, его прадед. Приметя, что изволил слушать охотно, прочел я тоже еще два раза»[18]. Порой такие разговоры ведутся даже не с самим Павлом, а с другими людьми в его присутствии[19].

Знакомство с личностью Петра и его деяниями так же, как и при чтении книги Вольтера, было тщательно продумано. Не все сведения о жизни царя могли служить примером для подражания, а потому и не сообщались его потомку. Порошин пишет, что однажды за столом один из приглашенных заговорил о пьянстве Петра, о том, что он бил подданных палкой и прочие неподходящие для бесед в присутствии великого князя рассуждения. Порошин, осуждая поведение гостя, записал в своем дневнике (приведем фрагменты его рассуждений): «Не необходимо ли нужно представлять его Высочеству хвальные дела именитых героев, дабы разжечь в нем охоту и благородное рвение к последованию оным? [...] Но чьи дела большее в нем возбудить внимание, сильнейшее в нем произвести действие, и для сведения его нужнее быть могут, как дела блаженной памяти Государя Петра Великого? [...] Государь Великий Князь родной блаженной памяти Его Величеству правнук, рожден в том же народе и того ж народа Божиими судьбами будет в свое время обладателем. Если бы не было никогда на российском престоле такого несравненного мужа, каков был Его Высочества великий прадед, то б полезно было и вымыслить такого, Его Высочеству для подражания. [...] Я не говорю, чтоб Государь Петр Великий совсем никаких не имел недостатков. Но кто из смертных не имел их? Сколько ни известно великих мужей по Истории, все подвержены были некоторым слабостям. Но представляя их в пример, не о пороках их проповедовать должно; надобно об их добродетели. Пороки могут или совсем быть умолчаны, или и открыты, но мимоходом, с таким напоминанием, что представляемый в образец государь всеми силами старался от них избавиться, и побеждал их»[20].

Время великого князя было тщательно расписано между уроками, беседами и полезными играми. Как и его великий предок, Павел изучал множество наук, получал навыки обращения с раз-

---

[18] *Порошин С.А.* Записки. С. 137.

[19] Там же. С. 169.

[20] Там же. С. 111–112.

личными приборами и инструментами. В 1764 г. к прочим дисциплинам прибавилось обучение работе на токарном станке. Это необычное занятие являлось отражением пришедших в систему воспитания европейских традиций. Вряд ли введение уроков токарного художества в программу обучения Павла было связано с Петром, который также перенял эту традицию у европейских монархов. Но Павел, несомненно, видел станки и изделия Петра, его приборы и инструменты, и это тоже служило примером для подражания.

Следуя по стопам своего великого предка, Павел осваивал и военные науки. Цесаревич являлся генерал-адмиралом флота и шефом кирасирского полка. И в этих науках, а также в военных играх, Петр был для него примером.

Великий князь Павел Петрович, благодаря мудрым наставникам, был воспитан с сознанием своего высокого предназначения будущего государя. Он стремился подражать своему прадеду Петру Великому, имел склонность к наукам и художествам, отличался рассудительностью и остроумием. Как знать, если бы, достигнув совершеннолетия, он занял престол или хотя бы допускался царственной матерью к управлению государством, возможно, он оправдал бы надежды своих воспитателей. Но наступили долгие годы томительного ожидания престола, наполненные обидами, предательством, разочарованиями. Несмотря ни на что, он сохранил многое, что было заложено в нём в детские годы.

Всю жизнь Павел будет ощущать связь со своим великим предшественником, помнить о высокой миссии продолжателя дел легендарного прадеда. Даже обстоятельства их биографий будут в какой-то мере схожи. Отдаленный от власти, он, как и Петр в юности, проводил время в своих загородных резиденциях, создавал свои потешные войска и флот, продумывал будущие реформы, которые начал решительно осуществлять сразу после восшествия на престол.

Став императором, Павел постоянно подчеркивал свою связь с Петром Великим. Это находило зримое воплощение в оформлении монарших резиденций. Так, в Нижней Тронной Гатчинского дворца трон императора был установлен на фоне большого конного портрета Петра работы Франсуа Жувене. А одним из символов царствования Павла I стал новый императорский дворец – Михайловский замок. Перед этим великолепным зданием по воле монарха установили памятник Петру Великому, над которым скульптор Бартоломео Растрелли начал работу еще при жизни царя-реформатора. На постаменте монумента и сегодня можно прочитать надпись, появившуюся по воле Павла I: «Прадеду – Правнук. 1800».

Валерий Валерьевич Двойников
(Бельгия)
Председатель Международного фонда им. Петра Великого

Льежский Петр: посещение Петром льежских земель и история установления памятников российскому императору в Валлонии (франкоязычной Бельгии)

Valery V. Dvoinikov

Peter the Great of Liège: the visit of the first Russian emperor to the Province of Liège and the inauguration of the monuments dedicated to him in Wallonia (French-speaking Belgium)

Аннотация: 27 июня 1717 г. по пути из Французского королевства российская делегация во главе с Петром Первым прибыла в Льежское епископство, где она была принята «с блеском и великолепием» («avec éclat et magnificence»), несмотря на то, что изначально местные власти не желали устраивать русскому царю прием, в надежде на то, что он проплывет мимо... В 2017 г., триста лет спустя после посещения Петром льежских земель, в Льеже и Спа были воздвигнуты памятники в честь русского царя, которые до сих пор украшают бельгийский ландшафт.
Abstract: On June 27, 1717, on its way from the Kingdom of France, the Russian delegation headed by Peter the Great arrived in the Prince-Bishopric of Liège, where it was received «with splendor and magnificence» («avec éclat et magnificence»), despite the fact that the local authorities initially did not want to arrange a reception for the Russian Tsar, hoping that he would just pass by... In 2017, three hundred years after Peter's visit to the Liège region, monuments

to the Russian Tsar were erected in Li?ge and Spa, which still adorn the Belgian landscape.

Ключевые слова: Льежское епископство, Намюрское герцогство, второе путешествие Петра по Европе, памятник Петру в Льеже и в Спа, памятная доска в Маастрихте.
Keywords: Prince-Bishopric of Liège, Duchy of Namur, Peter's second journey through Europe, monument to Peter in Liège and Spa, memorial plaque in Maastricht.

Люблю тебя, полнощный град!
С какой возлюбленной сравнится
Твоих соборов стройный ряд,
С дворцов нарядных вереницей?!

На Невском города ль душа
Иль в сфинксах каменноостровских?
Как всем нам, по делам спеша,
Не вспомнить славных дел петровских?!

Жорж Иреваль "L'âme de Saint-Pétersbourg",
перевод Виктора Коллегорского

27 июня 1717 г. около 11 часов утра российская делегация из 32-х человек во главе с Петром Алексеевичем Романовым прибыла на нескольких кораблях в Льежское епископство, возвращаясь из Французского Королевства, где Петр основательно ознакомился с Парижем и его окрестностями, а также встретился с несовершеннолетним наследником престола Людовиком XV и с регентом французской короны Филиппом II Орлеанским. Несмотря на то, что изначальная цель этого визита — поддержка Российской Империи Францией для ускорения подписания мирного договора со Швецией — достигнута не была, вся российская делегация пребывала в прекрасном настроении. 23 июня во французском городе Шарлевиле (Charleville), где Пётр посетил все оружейные мануфактуры и даже нанял несколько мастеров на работу в России, на корабли, кроме почтенных особ, погрузили:

— 85 кг разных сортов мяса
— 1 лося
— 35 кур и 6 крупных индюков
— 40 кг немецкого окорока
— 200 раков
— 200 яиц

— 1 семгу
— 2 крупные форели
— 2 щуки
— 3 бочки пива
— один говяжий и два свиных языка
— 6 пар голубей
— 10 кг масла.[1]

При этом единственным человеком, который волновался за здоровье русского царя, был личный лейб-медик Петра шотландец Роберт Арескин (Robert Erskin), так описывающий состояние Петра: истощение желудка, опухоль в ногах, резкие боли в брюшной части и многочисленные колики. На это Его Величество чётко и ясно ответил: «Никакой диеты до приезда в Спа!»[2]

Цель визита в Льежское (Люттихское) епископство[3] была не только гастрономической и туристической: Пётр желал увидеть собственными глазами изобретение, известное как «пылающее зеркало», проживавшего в Льеже французского инженера Николя Франсуа Виллеты (Nicolas-François Vilette), а также его коллекцию так называемых «любопытств». Задача данного путешествия была прежде всего политической, так как уже в те времена этот город считался родиной инженерной промышленности, в нем работало много мастеров, таких как Арнольд дё Вилль (Arnold de Ville) и Суалем Рэнкин[4] (Sualem Rennequin) (илл. 1), авторов систем версальских фонтанов и гидравлического колеса в замке Марли (илл. 2). С многими из них Пётр уже успел познакомиться в Париже. Но главная задача поездки все же оставалась профилактической: Льеж находился в полусотне километров от целительных минеральных источников городка Спа, одного из старейших лечебных курортов Европы, который все больше привлекал российского императора в связи с его нездоровой пищеварительной системой. Печень русского царя всё трудней справлялась с многочисленными официальными приемами, с пищевыми и алкогольными излишествами, с которыми постоянно приходилось мириться великанскому организму Петра на протяжении всего его западноевропейского путешествия. По-мнению Арескина, царю требовалось незамедлительное лечение,

[1] *Troyat H.* Pierre le Grand. Paris: Flammarion, 1979. P. 199.

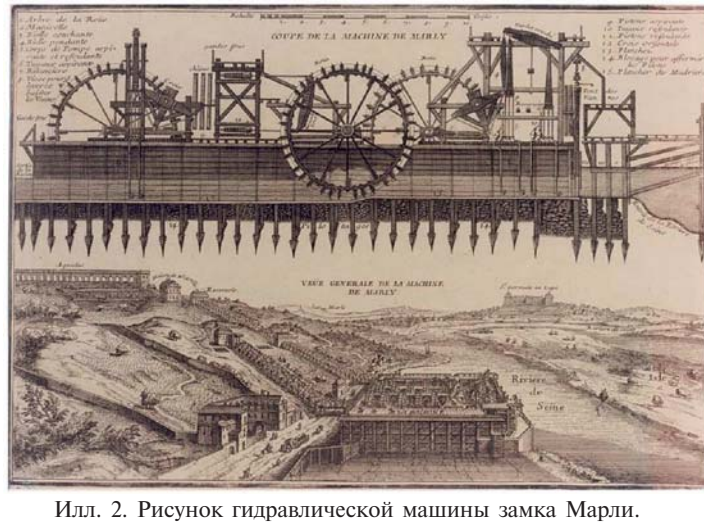
[2] *Troyat H.* Pierre le Grand. Paris: Flammarion, 1979. С. 199.

[3] Льежское епископство — средневековое государство в составе Священной Римской империи (территория современной Бельгии).

[4] https://fr.wikipedia.org/wiki/Rennequin_Sualem

Илл. 1. Портрет Ренкина Суалема. Фр. худ. Шарль Лебрен.

Илл. 2. Рисунок гидравлической машины замка Марли.

включавшее в себя поглощение большого количества минеральных вод, ради полного очищения истощенного приступами организма, один из которых случился всего за несколько дней до его приезда в Льеж, на территории соседнего Намюрского герцогства, где он был принят «со всеми знаками почета, соответствующими достоинству его личности»[5] («avec les marques d'honneur deues à la dignité de sa personne»). Пётр гулял до самого утра, «пел и танцевал под звуки гобоя»[6], наслаждаясь устроенными для него торжествами, танцами на ходулях и реконструкциями навальных битв, которыми сам и управлял, демонстративно возложив свою "легкую" руку на голову намюрского генералиссимуса, командующего парадом. «Царская особа была так счастлива, что мы даже не можем это выразить словами».[7] («Elle fut si contente que l'on ne saurait assez l'exprimer»)

С Льежем же дела обстояли кардинально иначе. В своих многочисленных депешах состоявший из 60 епископов государственный совет Льежского государства, предчувствуя скорый визит российского императора, в ответ на ходатайство князя-епископа Иосифа Клеменса Баварского (илл. 3)[8], возглавлявшего Льежское Епископство и проживавшего в то время в Бонне, отвечал: «К сожалению, мы вынуждены предупредить Ваше сиятельство, что принять на своей территории российского императора мы не сможем и настойчиво рекомендуем ему проплывать мимо!»[9] Истинная причина такого ответа — финансовое состояние города, которое не выдержало бы приема столь значительного и почитаемого гостя. К тому же, по мнению совета, из-за той репутации, которую уже приобрел царь, регион мог бы понести значительный ущерб, который было бы трудно впоследствии возместить.[10] Что касается поездки в Спа, то льежские власти были крайне обеспокоены тем, что в городе не было ни одной гостиницы, способной принять такую многочисленную делегацию (илл. 4), а ее бесплатное содержание было бы не под

---

[5] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles: Vaderauwera, 1872. С. 11

[6] Там же. С. 15.

[7] Там же. С. 17.

[8] Иосиф Клеменс Баварский (Joseph Clément de Bavière, 1671–1723), князь-епископ Льежский и Кельнский, курфюрст из династии Виттельсбахов, младший брат Максимилиана II Эммануила, курфюрста Баварии и губернатора Нидерландов. Он также приходился дядей герцогу Анжуйскому, будущему королю Филиппу V Испанскому и двоюродным дедушкой королю Франции, Людовику XV.

[9] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. — Bruxelles: Ed. Vaderauwera, 1872. С. 20-21.

10 Там же. С. 22.

Илл. 3. Портрет Иосифа Клеменса Баварского.

Илл. 4. Набросок Брейгеля Старшего — Вид Спа.

силу для довольно скромного города, торговцы в котором и так имели огромные долги (cette communauté était chargée de dettes au dessus de leurs forces) и очень рассчитывали их погасить прибылью от сезонных туристов.[11]

Ответ Иосифа Клеменса Баварского из Бонна поразил: «Приказываю не только принять русского царя со всеми необходимым для этого почестями, но ещё и направляю в город Льеж пять кораблей со всей необходимой для такого события утварью, т.е. серебряной посудой, праздничной одеждой, обслуживающим персоналом, поварами, каретами и кучерами, оруженосцами, интендантами, гайдуками и даже красной дорожкой...» И это несмотря на то, что из Парижа его предупредили, что русский государь «полон причуд и склонен к варварским обычаям, а многочисленная его свита ведет себя довольно причудливо, что радикально отличается от поведения жителей западноевропейских стран»[11] («plein de fantaisie avec un reste des moeurs barbares et une nombreuse suite des gens d'une conduite fort différente de celle des gens de ce pays, plein de caprices et de façons étranges»). К этому добавим, что французскому королевству прием петровской делегации обошелся в 600 экю в день, и это несмотря на прославленную скромность царя (по словам льежского историка Лили Португальс, в свободное от протоколов время он питался за границей практически только «хлебом, редиской, пивом и вином»).[12]

Однако льежский князь-епископ счел, что выгода от такого предприятия превзойдет все сделанные инвестиции, и ради этого, по словам льежского историка Альбина Боди, «он вынес даже часть убранств из своего личного гардероба, в том числе медальон со своим портретом, украшенным алмазами» («il s'empressa d'envoyer á Liège une grande partie de sa maison»).[13] Доставить столь дорогой подарок князь-епископ поручил личному секретарю, уполномоченному по вопросам «гостеприимства» и большому знатоку французских бургундских и нижнерейнских вин, графу дё Верита (comte de Verita).

Дружественная встреча двух делегаций состоялась на реке Маас под руководством бывшего льежского бургомистра Энгельберта дё ля Ней (Engelbert de la Naye), в регионе Шокье (Chokier), неподале-

[11] Льежкие архивы. Etat primaire, k. 36, p.107.

[12] *Lily Portugaels.* Le miroir ardent de la future cité ardente. La Libre Belgique, le 21.05.2007.https://www.lalibre.be/regions/liege/2007/05/21/le-miroir-ardent-de-la-future-cite-ardente-DDGWHXZYKRCP5DMPM7F3S2W3OU/

[13] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles: Vaderauwera, 1872. C. 23.

ку от города Уй[14] (Huy). Но Пётр по неизвестной причине решил там не останавливаться и не ночевать, хотя его и ждали... Кстати, в 2017 г. несколько «уевских», или «юивских», меценатов проявили интерес к установке памятника Петру в городе Уй (он же Юи), в чём мы им тоже отказали по до сих пор непонятным им причинам, хотя идея установки мемориальный доски «Тут не было Петра» до сих пор присутствует в наших сердцах.

Тем временем льежские управляющие города, бургомистры дё Стьер (de Stier) и Дюшато (Duchateau) — в Льеже их всегда было двое — тоже тщательно подготовились к приёму русского царя: украсили все свои кораблики многими гирляндами и огоньками, снабдили их капитанов музыкальными инструментами. Так что навстречу Петру двигался настоящий оркестр, исполняя написанные местными композиторами хвалы, в том числе на латинском языке, на котором и приветствовал царя бывший льежский бургомистр.[15]

Желание показать свой регион более могущественным и процветающим заставило местные власти, по словам профессора истории льежского университета, Франсиса Баласа (Francis Balace), разжечь вдоль льежских холмов множество костров, возле которых посадили по солдату (эта тактика будет успешно использована Михаилом Илларионовичем Кутузовым)

Как бы там ни было, в Льеже царя встречало огромное число жителей, скопившееся у причала, ныне бульвара Авруа. Первым на льежской земле приветствовал Петра представитель известной льежской семьи дё ля Ней, епископ льежский и настоятель церкви Св. Креста (неподалеку от нее триста лет спустя ему будет установлен памятник). Именно Анри дё ля Ней около монастыря Августинцев вручит Петру письмо с горячими приветствиями от местных властей.

Действующий бургомистр Жиль Бернард дё Стье произнес речь не на французском, характерным для этого региона, языке, а на, чтобы лучше быть понятым русскими, и принц Куракин отблагодарил на нидерландском же. Хотя, по словам французского философа Сен-Симона, русский царь понимал французский и мог на нем

---

[14] Уй, или Юи (Huy) — город в валлонском регионе Бельгии. Расположен между Намюром и Льежем, то есть Намюрским герцогством и Льежским епископством в эпоху Петра, общая история которых до сих пор славится своей пятилетней войной в конце XIII века, случившейся из-за кражи одной коровы на местном приграничном рынке («Коровья война» — “Guerre de la vache”, 1275–1280).

[15] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles: Vaderauwera, 1872. C. 24.

разговаривать, но, следуя этикету, всегда на официальных приемах предпочитал общаться через переводчика.[16] После встречи, в карете, запряженной шестеркой и окруженной княжеской гвардией под командованием графа д'Аржанто и д'Еснё (comte d'Argenteau et d'Esneux), а также оберфюрера Доббельштейнского дё Винь (de Vigne), русский царь под гром канонады отправился во дворец князей-епископов для вкушения пищи.

Петр проведет в Льеже полтора дня и ночь и посетит главный кафедральный собор города и собор Святого Иакова с уникальной на то время двусторонней каменной лестницей, тщательно осмотрит пылающее зеркало оптика Николя Франсуа Виллеты и насладится грандиозным фейрверком в честь российского монарха. На следующий день после проведенной ночи в скромной гостинице дё Лоррэн (Hôtel de Lorraine), которую едва успели подготовить к приезду столь высокого гостя (как и в Париже, по отношению к Лувру, царь откажется от подготовленных специально для него покоев в замке князей-епископов), Петр посетит ещё несколько угольных шахт Сен-Жермо в пригороде Льежа (ныне квартал Sainte Marguerite). Заинтересовавшись работой шахтеров, он спустится вместе с ними в шахты, а после отправится по суше к Арден и лечебному курорту в Спа в сопровождении льежской кавалерии и личных пехотинцев епископа дё ля Ней. Они будут рядом до конца пребывания Петра в южной Бельгии. Для ее жителей такой визит станет настолько необыкновенным, что некоторые даже не осмелятся в это поверить.[17] Это станет причиной, по которой бельгийский литератор Жан Жанэн (Jean Janin) назвал приезд российского монарха в Спа «Великим чудом».[18] Другим фактом будет выздоровление Петра, после приезда которого город начнет активно развиваться и уже в XIX веке станет настоящим местом встречи всей европейской знати.

Триста лет спустя, 21 июня 2017 г., этому знаменательному событию по моей инициативе и при содействии почетного и действующего губернатора льежской Провинции г-на Мишеля Форэ (Michel Foret) и г-на Эрве Жамара (Hervé Jamar), посла РФ в Бельгии Его Превосходительства г-на Александра Аврельевича Токовинина, президента торгово-промышленной палаты РФ в Бельгии и Люксембурге г-на Аркадия Арианоффа (Arkady Arianoff)

---

[16] *Saint-Simon.* Mémoires, 1717, ch. III.

[17] *Bouille.* Histoire de Liège, t. III, C. 557.

[18] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles: Vaderauwera, 1872. C. 1.

Илл. 5. Памятник Петру Великому в Льеже. Фото А. Мельник.

в Льеже на площади Св. Петра будет установлен памятник Петру (илл. 5) работы известного российского скульптора Александра Таратынова. Проект льежского Петра одобрен мэрией города Льеж и льежской провинции. Памятник сделан по росту Петра (2 м 2 см), дополнен массивным головным убором, лицо императора слеплено по надгробной маске, привезенной из Санкт-Петербурга. Русский царь обращается к льежцам с жестом благодарности за тёплый приём, придерживая в левой руке ключи от знаний, символ апостола Петра, на площади которого стоит памятник.

Несколько месяцев спустя по проекту того же Фонда им. Петра Великого и при содействии почетного консула Российской Федерации в провинциях Северный Брабант и Лимбург Константина ван Влотена (Constantijn van Vloten), посла РФ в Нидерландах Его Превосходительства Александра Васильевича Шульгина, а также Его Высокоблагородия Королевского комиссара и губернатора Т.Й.Ф.М. Бовенса в городе Маастрихте, куда отправился Петр после лечения в г. Спа, будет установлена памятная доска того же автора близ двери с надписью «Здесь проходил Пётр». Надпись сделал один голландский торго-

Илл. 6. Памятник Петру Великому в Спа —
Валерий Двойников с дочкой (слева), Александр Таратынов (справа).

вец, чтобы увеличить свою прибыль. Ещё один памятник Петру Великому будет установлен и в г. Спа на площади Петра Великого (илл. 6), где он дополнит уже имеющийся бюст, подарок принца Демидова. Установлена также мраморная доска из карельского камня, подаренная самим Петром в честь его выздоровления, на которой фигурирует поэма, написанная Петром на латинском языке.

Детали установки памятников Петру в Льеже и в Спа (Бельгия)

Установка памятников и почетных знаков Петру Великому в Бельгии и Нидерландах в 2017 году складывалась словно пазл. Все происходило настолько непринужденно, что постоянно присутствовало впечатление, что так оно и должно было быть. Как будто Пётр Великий и был автором этих проектов... Сама идея установки памятника в Бельгии возникла у меня практически случайно. Я давно испытывал самые тёплые чувства по отношению к российскому императору и его преобразованиям, но, признаюсь, даже не знал, что он заезжал в Льеж по пути в Спа, «остров своего спасения», как

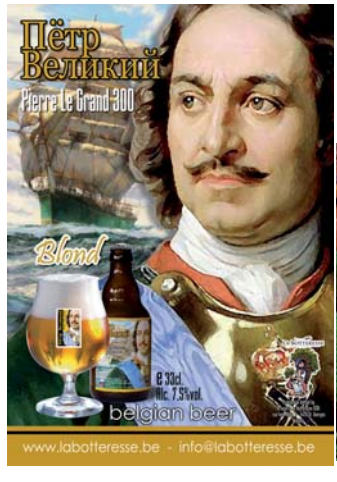
его иногда называют местные историки[19]. Открытием для меня стал очерк бельгийского историка Альбена Боди «Отдых на минеральных водах в г. Спа российского императора Петра Великого»». Оригинал этой замечательной книги был выставлен в мэрии г. Спа накануне столетия со дня кончины бельгийского историографа в 2016 году, где я с большим интересом ознакомился с ней, а также со всеми многочисленными примечаниями, собственноручно добавленными автором. Эта книга послужила для меня открытием темы «Второго европейского путешествия Петра» , которое я стал изучать более подробно. Самим же российским императором я интересовался уже с детства, в частности благодаря художественному фильму Александра Прошкина «Михайло Ломоносов». Но весьма трудно мне было представить в те далекие годы, что несколько лет спустя судьба приведет моих родителей именно в Бельгию и что мы обоснуемся недалеко от границы с Нидерландами, где я часто буду прогуливаться по застывшим во времени верфям Заандама, возле домика-музея Петра или удивленно пересекаться с его взглядом в Амстердаме, где портрет российского императора будет вывешен на одном из небоскребов самими голландцами во время празднования 300-летия со дня его первого приезда в столицу Нидерландов. Столь необычный подход к делу и столь глубокое преклонение местного населения перед Петром, по всей видимости, и подтолкнет меня к установлению памятников в честь Петра Первого в Льеже, а затем в Спа и памятной доски в Маастрихте. Все эти мероприятия будут, конечно, приурочены к 300-летию посещения Петром франкоязычных земель Бельгии. Первым, с кем я поделился этим проектом, был бельгийский бизнесмен Паскаль Ноэль (Pascal Noel), который, к моему удивлению, сразу поддержал проект. «Петру Великому памятник поставим» — сказал мне он уверенным голосом, практически сразу, добавив: «а кто это?..» Энтузиазм бельгийского друга-пивовара (создавшего позже новую марку бельгийского пива в честь Петра Великого, «Pierre le Grand») (илл. 7) меня настолько обрадовал, что я решил немедля обратиться к официальным властям, начав с почетного губернатора льежской области г-на Мишеля Форэ (Michel Foret), которого знал лично, будучи советником президента Сената Бельгии и мэра г. Льежа Вилли Демейера (Willy Demeyer).

К моей огромной радости, почётный губернатор настолько загорелся этим проектом, что даже предложил проводить ежемесячные

[19] *Body A.* Pierre le Grand aux eaux de Spa. Bruxelles: Vaderauwera, 1872. C. 34.

Илл. 7. Александр Токовинин, посол РФ в Бельгии(слева),
Валерий Двойников (в центре), Паскаль Ноэль (справа).

Бельгийское пиво «Петр Великий» в честь
300-летия со дня приезда Петра в Бельгию.

Илл. 8. Пресс-конференция ассоциации Grand Liege — Валерий Двойников (слева), Мишель Форе (в центре), Даниэль Стевенс (справа).

собрания по вопросам установления памятника в кабинете его новой ассоциации Великий Льеж (Grand Liège) (илл.8) вместе со своим сотрудником по финансовым вопросам Рене Готфридом (René Gotfryd). Он также послужил связующим звеном с действующим губернатором Эрве Жамаром (Hervé Jamar) и с королевской семьей Бельгии (назначающей губернаторов). Он связал меня и с мэром города Спа Софией Дёлетр (Sofie Delettre) для дальнейшего сотрудничества. Год спустя в Спа будет воздвигнут второй памятник Петру. Оставалось самое важное: отыскать достойного скульптора. Им оказался Александр Таратынов, работа которого меня потрясла во время прогулки по площади Рембрандта в Амстердаме. Речь о «Ночном дозоре», монументальной композиции, оживившей всех персонажей этой непростой картины. Александр, проживающий в соседней Голландии, согласился принять участие в проекте при первой же нашей встрече. Следующим этапом стало обращение к послу РФ Бельгии г-ну Александру Аврельевичу Токовинину, который моментально отреагировал и твердо поддержал проект, направив на нашу ежемесячную ассамблею свою атташе по вопросам культуры г-жу Эллу Нестеренко и директора российского центра Науки и Культуры в Брюсселе г-на Александра Разумова, чей совместный вклад был также огромен. К миссии присоединился президент

торгово-промышленной палаты Бельгии и Люксембурга по России и Белоруссии г-н Аркадий Арианофф (Arkady Arianoff), большой ценитель петровского дела (его мать, российская художница, эмигрировавшая в Бельгию после революции, была автором многочисленных портретов Петра Великого). Я также подключил к проекту «Европейский Фонд охраны русского наследия в Европе» во главе с его президентом г-жой Мариной Толстой и генеральным секретарем которого была г-жа Марселина Голицына, обе — наследницы «птенцов гнезда петрова».

От мэрии Льежа вместе со мной был делегирован Ален Лёкок (Alain Lecoq), специалист по вопросам безопасности города. Чтобы официализировать столь важную ежемесячную ассамблею и продолжать работать над будущими проектами во имя улучшения европейско-российских отношений (а их будет немало, в том числе многочисленные художественные выставки, международные конференции, публикации книг и сборников), было предложено создать международный Фонд поддержки развития научных и культурных связей им. Петра Великого — Fondation Pierre le Grand.

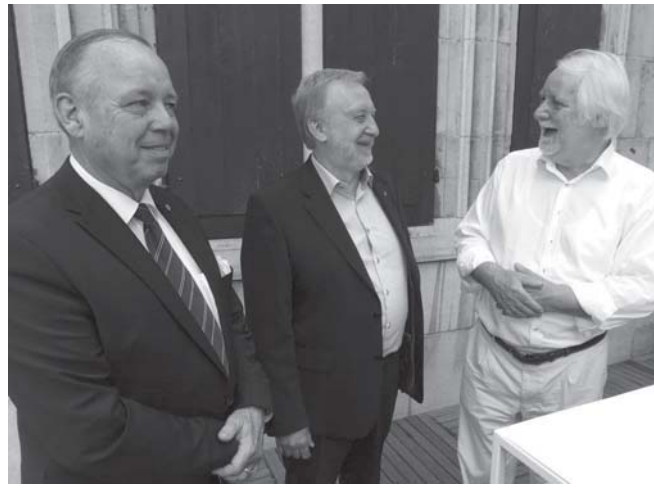
Инаугурация памятника пройдет также в символическом месте (илл. 8-1, 8-2, 8-3) близ церкви Святого Креста, одной из самых древних в городе (Анри дё ля Ней, одним из первых приветствоваший Петра на льежской земле, был настоятелем именно этой церкви), да и ещё на площади Святого Петра, где и будет установлен монумент, под звуки военного оркестра под управлением г-на Шмелика (Чехия) и в присутствии посла РФ Его Превосходительства Александра Токовинина, а также наследника дома Романовых, Его Высочества Георгия Романова, губернатора льежской провинции, г-на Жамара, почётного губернатора льежской провинции, г-на Форэ, президента депутатского корпуса Бельгии, г-жи Кэти Фирке (Katty Firquet), заместителя бургомистра г. Льежа г-на Пьера Стассара (Pierre Stassart), председателя Совета Института Петра Великого Александра Кобака и его научных сотрудников Дмитрия и Ирины Гузевичей, а также профессора лёвенского Университета Эммануэля Вагеманса (Emmanuel Waegemans) (илл. 9), после чего вся российская делегация будет приглашена на официальный обед во дворец князей-епископов, где обедал сам Петр во время своего пребывания в Льеже и где он «споткнулся, но не упал», как любят об этом шутить жители Льежа, на одной из многочисленных узких ступенек замка. Вечером российская делегация отправится в г. Спа, где в Пуоне, названном в честь Петра Великого (Pouhon Pierre le Grand), будут выданы пред-

Илл. 8-1, 8-2, 8-3. Инаугурация памятника Петру Великому в Льеже

Илл. 9. Константин ван Влоттен, Александр Кобак и Эммануэль Вагеманс Фото Джима Сюмке.

ставителям Фонда почётные грамоты перед официальным ужином в казино города Спа. Там ему будет также воздвигнут памятник на площади Петра Великого (места, где петровская делегация провела около двух месяцев). После реставрационных работ 2022-го года она стала площадью Пьера Леграна (Pierre Legrand — французская фамилия, омоним словосочетания Pierre le Grand, означающего «Пётр Великий» в переводе на французский язык)

ПЕТР I И ПЕТЕРБУРГ

Петр Егорович Сорокин
Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник
Института истории материальной культуры РАН, директор
АНО НИИ культурного и природного наследия

«Здесь будет город заложен» — выбор Петра Великого и археология Городового острова

Petr E. Sorokin

«The City will be founded here» — the choice of Peter the Great and the archeology of the Gorodovoy Island

Аннотация: Выбор Петром Великим места для основания Петербурга определялся не только удобством для размещения крепости, но и преимуществами Петроградского острова для городской застройки. Территория его юго-восточной части, ставшая первым центром Петербурга, уже в допетровское время была наиболее освоенной в дельте Невы. Исторические сведения о развитии города дополняются данными археологии о его ландшафте, культуре, быте и о реализации плана Петра Великого по городскому строительству в устье Невы.

Abstract: Peter the Great's choice of a place to found St. Petersburg was determined not only by the convenience of hosting fortresses, but also by the advantages of Petrogradsky Island for urban development. The territory of its southeastern part, which became the first center of St. Petersburg, was already the most developed in the Neva Delta befor Petr I. Historical information about

the development of the town is supplemented by archaeological data on its landscape, culture, way of life, and on the implementation of Peter the Great's plan for urban construction at the mouth of the Neva River.

Ключевые слова: Археология Петербурга, Петр I, исторический ландшафт.
Keywords: Archeology of St. Petersburg, Peter I, historical landscape.

Петроградский остров, носивший в XVII в. название Койвусаари, в переводе с финского Березовый, был наиболее освоенным из островов дельты Невы до основания Петербурга. Русское название острова — Фомин, упоминается в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. Здесь в Великокняжеской волости Лахта, «что живет за наместники Ореховскими из старины», располагалось крупнейшее в дельте Невы село на Фомине острову на Неве у моря, с 38 дворами.[1] Оно занимало удобное положение на Большой Невке, известной на картах XVII в. как старый вход в Неву.

Село состояло из отдельных дворов, рассредоточенных по острову, в соответствии с существовавшей здесь системой расселения. Во время шведских вторжений 1570–1583 г.г., фиксируемых в Обыскных книгах, оно было разорено: «крестьяне побиты, а деревни сожжены». К 1585 г. на острове остаются всего две деревни с тремя дворами. После перехода Ижорской земли к Швеции, по Столбовскому миру 1617 г., площадь возделываемых земель, здесь вновь стала расти, а русское население было заменено финскими переселенцами.

К началу Северной войны на острове было 10 однодворных деревень селений Койвосари и Енисари, отмеченных в шведских документах, которые размещались на освоенных участках побережья с пашнями, сенокосами и пастбищами, шириной около 1 км в юго-восточной части острова и около 0,5 км на юге и севере. Центральная усадьба находилась на Большой Невке в 500 м от ее истока, пять дворов располагались у южного берега острова: один вблизи домика Петра, четыре — на Кронверкской протоке, два двора в 2,5 км ниже по течению Малой Невы и два на р. Карповке. Центральная и западная части острова оставались покрыты заболоченным лесом[2].

[1] Временник общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. М., 1851. С. 117–118.

[2] *Сорокин П.Е.* Освоение Нижнего Приневья в допетровское время // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 17–33.

Илл. 1. Фрагмент плана Петербурга. 1706 г.

Именно эти деревни, как рыбацкие, называются в описаниях 1710–20-х гг. предшественниками Петербурга. Выбор юго-восточной части Петербургского острова царем и его окружением в мае 1703 г. для городской застройки определялся не только защитой крепости, но и наличием здесь большого массива свободных от леса окультуренных земель. Ранняя уличная застройка юго-восточной части Городового острова на плане Петербурга 1706 г. (илл. 1), не совпадающая с ее более поздней планировкой, указывает на ее временный характер.

Основное внимание Петра Великого на первом этапе строительства города уделялось оборонительным сооружениям, а сопутствовавшее этому градообразование проходило во многом стихийно, без единого плана. До решающих побед в Северной войне ему не уделялось должного внимания, так как не было уверенности, что

земли в устье Невы удастся удержать. После Полтавской победы 1709 г. царь писал: «Ныне уже совершенный камень в основание Петербурга положен»[3]. Опасность городу миновала только после взятия Выборга и Нарвы в 1710 г. и Гангутской победы в 1714 г., что отразилось и на градостроительстве — с 1711 г. здесь строятся мазанковые — фахверковые дома, а с 1714 г. — каменные. По оценкам С.П. Луппова, население города в 1710 г. составляло уже свыше 8 тыс. жителей, а количество дворов в 1711–1717 гг. выросло с 750–800 до 4,5 тыс. Около половины из них находилось на Городовом острове, так как основная застройка тогда велась на этом и Адмиралтейском островах.[4]

Судя по ранним планам, застраивалась территория к востоку и к западу от крепости, разделясь на две части кронверком с незастроенной эспланадой с северной стороны, перед которой открывалось свободное пространство. Территории вблизи крепости и заложенного в 1705 г. кронверка, по-видимому, изначально отводились под лагеря строителей города, численность которых примерно в 5–6 раз превышала количество жителей острова.

Городской центр формируется между домиком Петра и крепостью, вокруг Троицкой площади, которую окружали: Посольские палаты Меншикова (1703–10 гг.), Австерия, «Троицкая пристань... первый порт купецким кораблям» на Неве, а также главные торговые ряды, которые «за гостиный двор почитались»[5]. В 1713 г. севернее сгоревших торговых рядов построен мазанковый двухэтажный гостиный двор в форме каре, по типу европейских торговых дворов с биржей и весовым амбаром. Для прохода в него судов с грузами в этой части острова планировалась система каналов, связанных с Невой и Кронверкской протокой.

Важным признаком столичного центра стало размещение в 1714 г. на площади в новом мазанковом здании Коллегий и Сената, до этого находившегося в крепости, а у Иоанновского моста — типографии.[6] На площади проходили государственные мероприятия,

---

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9 (январь–декабрь 1709 года), вып. 1. Ин-т истории АН СССР; Ред. Б.Б. Кафенгауз. М-Л., 1950. С. 15, 231.

[4] *Луппов С.П.* История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М. -Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1957. С. 22, 30.

[5] *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 170, 172, 178, 199, 253. Коллегии и порт остаются в этой части города до 1733 г., а Гостиный двор до 1737 г.

[6] *Богданов А.И.* 1997. С. 125, 169.

воздвигались триумфальные памятники, совершались публичные казни. К 1713–14 гг. относится, в основном, и парадная застройка домами знати берегов Невы и Большой Невки от Троицкой церкви до Карповки, где размещались 20 больших усадеб, и еще 25 домов по Дворянской улице, согласно подворной описи Городового острова 1713 г.[7]

Первые храмы Петербурга — в 1703 г. Петропавловский собор, а с 1704 г. лютеранская церковь Св. Анны, как и административные учреждения, строились в крепости. Строительство приходских церквей на Городовом острове происходит только спустя 7–9 лет после основания города. В 1710–1711 гг. на главной площади строится Троицкая церковь. В 1710 г. сюда же — к гостиному двору переносится и церковь Св. Анны. В 1712 г. в Посадской слободе строится деревянная церковь Рождества Богородицы, в 1713 г. в юго-западной части острова — мазанковый Собор Успения Богородицы[8]. Построенные на Городовом острове храмы были деревянные и относительно небольшие. Размеры увеличенного в 1714 г. крестообразного Троицкого собора достигали 37 м в длину и 26 м, с приделами, в ширину. Раскопки показали, что храм строился на ленточных и столбовых фундаментах из известняка и кирпича, высотой менее 1 м, не отличавшихся особой прочностью. В слоях его строительства и разрушения с прослойками древесного тлена и угля найдены: кирпичи, черепица, печные изразцы, фрагменты колокольной бронзы, оплавленные в пожаре, строительные инструменты и церковная утварь.[9]

Учитывая, что к тому времени население острова составляло уже около 4 тысяч человек, православные храмы существовали здесь и ранее. О их развитии на примере ц. Рождества Богородицы в Посадской слободе узнаем из описания А.И. Богданова: «...в Посадской Большой улице, с приходу от Старого Гостиного двора. Сперва сия церковь построена была часовней, в небольшой светличке, потом народным тщанием сделали в ней полотняную церковь и мало поразпространили строением весма простым и ниским зданием, где воздвигнули престол и освятили во имя того же Богородичного образа — Богородицы Казанской в 1712 г.».[10] Вполне вероятно су-

---

[7] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 77–78.

[8] *Богданов А.И.* 1997. С. 301, 296.

[9] *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Троицкого Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Вып.1. С. 25–74.

[10] *Богданов А.И.* 1997. С. 301.

ществование здесь в первые годы и других часовен, часто предшествовавших церквам, или «полотняных» — переносных храмов, обычно использовавшихся в военных лагерях.

Преимущественное внимание к застройке Городового острова в сравнении с другими частями города продолжалось до 1715 г., когда у Петра Великого созрел план создания нового городского центра на Стрелке Васильевского острова.

Кладбища первой четверти XVIII в. на Городовом острове в документах не упоминаются. Однако случайные находки и результаты археологических исследований в южной части острова показывают, что они совершались здесь во многих местах, о чем писал А.И. Богданов: «Кладбище при Санкт-Петербурге с первоначальных лет было повсеместное, то есть всюду, где не прилучилось... и кто где по Воли Божией умре, тут того и хоронили. И такими умершими телами все берега всех островов изнаполнены были».[11]

Восемь местонахождений с захоронениями петровского времени обнаружены в разные годы вокруг Петропавловской крепости по окружности Кронверкского проспекта, преимущественно в районе Сытного рынка. Часть их была выявлена при строительных работах в начале XX в., другая в ходе последних археологических исследований 2003–13 гг. В 1911 г. на углу Кронверкского пр. и Церковной (Блохина) ул. «....обнаружено около 20 человеческих скелетов, при них — медные кресты и монеты». В 2003 г. на пересечении Введенской ул. и Кронверкского пр. при рытье строительного котлована изучены останки пяти человек, среди которых два мужчины в возрасте 18–35 и 35–55 лет, женщина 18–35 лет и два подростка. Они лежали головами на запад и сверху были перекрыты несколькими слоями рогожи и деревянным настилом. Произвести их полные раскопки не удалось, так как они уходили под застройку.[12]

В 1908 г. при строительных работах на Каменноостровском пр. д. 8 также нашли: «...целую груду человеческих костей». Три наиболее многочисленных скопления человеческих останков в разное время обнаружены в радиусе около 100 м у Сытного рынка. В 1909г. на рынке были найдены «несколько десятков человеческих скелетов... и скелеты лошадей». В 1913 г. поблизости (Кронверкский пр. д. 47) был вскрыт: «...целый склад истлевших человеческих скелетов и черепов» — около 28 погребенных.[13]

---

[11] *Богданов А.И.* 1997. С. 320–321.

[12] *Сорокин П.Е., Андреева О.В.* Мониторинговые археологические исследования Санкт-Петербургской археологической экспедиции 2003 г. Ч. 1. Архив КГИОП С.Петербурга. Антропологическое определение И. Г. Широбокова.

[13] *Сорокин П.Е.* 2005. С. 204.

Наиболее многочисленные захоронения открыты в 2013 г. северо-восточнее рынка — на пересечении ул. Сытнинская и Кронверская. В раскопе изучены три большие ямы — две размером около 8х4,5 м, третья — 4х3 м, с коллективными погребениями, уложенными в два ряда по 3 яруса в каждом, в вытянутом на спине положении головами на запад, со скрещенными на груди руками. Общее количество скелетов в них было около 230, а с индивидуальными могилами — не менее 255. Помимо крестов и деталей одежды в них найдены серебряные монеты петровского времени.[14] Все определимые останки принадлежали мужчинам, средний возраст которых определяется в 36 лет, при этом выделяются юноши 15–18 лет (15%) и зрелые мужчины 40–44 лет (16%)[15].

Четырех погребенных (мужчины 18–20 лет) обнаружили во время раскопок в Кронверке Петропавловской крепости на дне землянки, использованной в качестве могильной ямы. Ориентировка погребенных была северо-западная. С ними обнаружены: бронзовые нательные кресты, железный нож с деревянной рукояткой, куски кожи, сукна, рогожа. Предположительно, погребенные были солдатами из лагеря петровской армии.[16]

Часть кладбища петровского времени изучена в 2011 г. на ул. Большая Посадская д. 12. Около 30 индивидуальных и 4 коллективных (2–3 костяка) захоронений располагались рядами, группами и обособлено, головой на северо-запад. Размеры могильных ям были около 1,8–2,0х0,5 м, глубина 0,60–0,70 м. Погребения совершались без гробов, в части найдены следы рогожи. Судя по находкам и стратиграфии, кладбище существовало до 1710-х гг., когда по нему прокладывают дорогу (ул. Большая Посадская) и размещаются домовладения.[17] В составе погребенных: 24 мужчины, средний

---

[14] Л*апшин В.А.* Первые строители Петербурга // Земля наша велика и обильна: Сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб., 2019. С. 258–266.

[15] *Широбоков И.Г., Учанева Е.Н.* Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской / И.Г. Широбоков // Бюллетень ИИМК РАН. Том 5. СПб., 2015. С. 239–248.

[16] *Кузьмин С.Л., Шмелев К.В.* Некоторые итоги раскопок в Кронверке Петропавловской крепости в 1998 и 2000–2002 гг. / Пространство Санкт-Петербурга. СПб., 2003, С.172–175.

[17] *Лапшин В.А., Городилов А.Ю.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1)Бюллетень ИИМК РАН. № 3. СПб., 2011. С. 25–34.

возраст 34 года и 8 женщин — 26 лет[18].

Кладбище на Большой Посадской улице выделяется в сравнении с другими захоронениями определенной регулярностью, рядностью и разряженностью захоронений, большинство из которых индивидуальные. Как нам удалось установить, его местоположение совпадает с местом расположения церкви Рождества Богородицы в Большой Посадской слободе, при которой оно существовало, видимо, уже со времени появления здесь часовни — на начальном этапе заселения этой территории. Кладбища могли существовать в это же время и при других приходских храмах острова, таких как церковь Успения на Мокруше.

Погребения найдены без видимых намогильных памятников, на глубине от 1,5–2,5 арш. (1,05–1,70 м), в 1 случае — 1 саж. (2,11 м), от древней поверхности она составляла всего около 0,6–0,8 м. Захоронения совершались без гробов, но на многих из них зафиксированы остатки рогожи. Кроме остатков ткани, пуговиц, кожаной и лыковой обуви, нательных крестов, встречены редкие петровские монеты. Прослеженный обряд соответствует описанию анонимного автора, что при погребении в Петербурге «завертывали тело в рогожу, завязывали его кругом веревками...» и в таком виде хоронили[19].

Большая часть захоронений обнаружена на участке между двумя массивами застройки перед эспланадой кронверка, не занятой в первые годы городского строительства. Помимо военной необходимости прострела подступов к крепости это объяснялось еще и заболоченностью местности, где до середины XVIII в. протекали ручьи, впадавшие в Кронверкскую протоку. Они показаны на плане Санкт-Петербурга К.Ф. Койета 1722 г., где также изображены: место казней с виселицами и столбами с колесами для колесования (илл. 2). Рынок, названный Сытным, был переведен сюда с Троицкой площади в 1711 г.,[20] и устройство рядом с ним места казней, возможно, объясняется наличием здесь более ранних массовых захоронений.

Помимо изученных в 2013 г. на Сытнинской ул. больших коллективных могил, к ним может относиться, судя по описаниям, и часть других захоронений, найденных в тех местах. Такие погребе-

---

[18] *Казарницкий А.А., Широбоков И.Г.* Результаты антропологических исследований скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской улице // Бюллетень ИИМК РАН. Т. 4. СПб., 2015. С. 387–396.

[19] *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 62.

[20] *Богданов А.И.* 1997. С. 178.

Илл. 2. Фрагмент плана Петербурга. 1722 г. К.Ф. Койета.

ния производились единовременно или с подзахоронениями в течение непродолжительного времени в открытую братскую могилу. В русских средневековых городах они устраивались во времена каких-то бедствий — эпидемий и военных действий, приводивших к массовой гибели людей, и назывались скудельницами. Поскольку значительных эпидемий и военных потерь в первое десятилетие строительства города в документах не отмечалось, массовые погребения могли совершаться здесь в первые годы при возведении крепости, в окрестностях которой и размещались лагеря ее строителей. Это хорошо согласуется с описанием Ф.В. Берхгольца 1725 г., что сооружение Петропавловской крепости «...стоило множества народа, что при тогдашней необыкновенной дороговизне съестных припасов и недостатке в одежде люди как мухи умирали от голода и холода и там же хоронились».[21] Не случайно именно первые годы, когда еще формировалась система организации строительных работ

[21] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгелма Берхгольца 1721–1725 // Неистовый реформатор. СПб., 2000. С.193.

и медицинского обеспечения, отмечаются как годы наибольших потерь среди рабочих[22]. Выявленные захоронения, судя по всему, относятся к первому десятилетию существования города, когда он находился на военном положении и развивался стихийно, а постоянные места погребения еще не были определены. Только в 1709 г. на Выборгской стороне открывается официальное Сампсониевское кладбище. С началом планирования городской застройки в 1711–1714 гг. места первоначальных захоронений попадают в зону освоения и постепенно застраиваются. Свободным долгое время остается пространство у Сытного рынка, занятое, судя по планам, временными строениями.

В петровское время, по описаниям иностранных дипломатов при русском дворе и путешественников, складывается представление о том, что Петербург воздвигнут на костях его строителей. Причем цифры потерь в сообщениях значительно разнятся — от 80 до 300 тысяч, из них от 30 до 100 тысяч — в первые два года. В анонимном описании Петербурга, у Геркенса, П.Г. Брюса и П. фон Хавена называется более 100 тысяч погибших только за лето 1703 г. Датский посланник Ю. Юль в 1709 г. сообщает о гибели 60 тысяч человек при сооружении Петербургской крепости, а секретарь прусского посольства И.Г. Фоккеродт — о 200 тысячах погибших только при возведении дерево-земляной крепости (до середины сентября 1703 г.). По мнению Ю.Н. Беспятых, приводимые сведения легендарны и проверке не поддаются.[23] По оценке Е.В. Анисимова, в первый период строительства Петербурга людские потери были особенно высоки, и смерть ста тысяч человек за первые 15 лет «не кажется невероятной»[24]. Опираясь на доступные архивные сведения, Е.А. Андреева пришла к выводу, что в первое десятилетие строительства Петербурга в 1703–1712 гг. смертность составляла 6–8% и, исходя из установленной ей численности работников за этот период — 227 тысяч, общее количество погибших достигало всего 13,5–18 тысяч человек.[25] Признавая, что численность их, приводимая в иностранных описаниях, завышена, следует учитывать, что

---

[22] *Андреева Е.А.* Петербург — «город на костях»? (О мифологизировании истории) // Вопросы философии. 2013, №6. С. 29–39.

[23] *Беспятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории Росси первой четверти XVIII в.: Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм. СПб., 1998. Примеч. 5 к гл. 2. С. 397–398.

[24] *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 94–95, 108–109

[25] *Андреева Е.А.* 2013. С. 29–39.

выводы основаны на отрывочных свидетельствах о временных рабочих и солдатах, участвовавших в строительстве и не учитывают постоянных жителей острова.

Количество умерших здесь в первое десятилетие было особенно велико, что находит подтверждение в значительной концентрации мест захоронений вокруг крепости. Учитывая случайные обстоятельства обнаружения и нахождение их в городской среде, они были вскрыты частично, выходя за пределы раскопанных котлованов. При этом сведения о подобных находках не всегда сохранялись, поэтому мы располагаем ограниченной информацией об их распространении и реальных масштабах.

Регулярные археологические исследования на Петроградском острове начинаются только в преддверии 300-летия Петербурга с изучения в 1996–99 гг. остатков Троицкого Петровского собора, что было связано с планами его воссоздания. В 2001–2003 гг. наблюдения за земляными работами и разведочные исследования велись на ул. Куйбышева (Б. Дворянская), в Александровском саду, Троицком и Матвеевском скверах, в Кронверке, у Иоанновского моста, в 2007, 2015 г. у домика Петра I. В 2011 и 2013 г. раскапывались участки на ул. Сытнинская и Большая Посадская.

Изучение культурных отложений выявило изменения ландшафта в юго-восточной части Петроградского острова за годы существования города. Его береговая линия в результате подсыпок и берегоукреплений сместилась на 60–80 м в русло Невы. Первая свайная набережная у домика Петра изучена всего в 10 м от его южного фасада, а портовые сооружения начала XVIII в. располагались в южной части Троицкого сквера.

Древняя почва — темно-серый гумусный слой, мощностью до 20 см, не содержавший, как правило, культурных включений, залегает в районе Троицкой площади и ул. Большая Дворянская на глубине 1–1,2 м, плавно понижаясь в сторону Невы. К началу строительства Петербурга уровень поверхности достигал здесь 1,5–2,4 БС.[26] Домик Петра I строился на отметках всего 1,3 БС на высоте около 1 м от уровня Невы, на небольшой песчаной подсыпке. В южной части Троицкого сквера, где наблюдается понижение в сторону реки, в слое бурой супеси с древесной щепой обнаружены настилы из деревянных плах у ее берега. Ниже на глубине 1,9–2,5 м, на уровне Невы, залегают торфянистые отложения.

[26] БС — Балтийская система высот. Современный уровень — 2,80–3,15.

У Троицкой церкви раскопки выявили в материковом песке борозды распашки в виде параллельных полос гумуса шириной 15–20 см с интервалами около 30 см. Споро-пыльцевой анализ почвы определил процентный состав растительности допетровского времени в этих местах. Преобладание травянистых растений (47,9%), в том числе злаков (25%), подтверждает наличие погребенного пахотного слоя. Большой процент споровых растений (36,7%). На долю древесных пород приходилось лишь 15,4% спектров, что указывает на открытый ландшафт этой территории в древности. В их составе: сосна — 40,4%, ель — 17,2%, ольха — 25,6%, береза — 13,9%, лещина, дуб и липа представлены единичными зернами. Наличие влаголюбивых растений и диатомовых водорослей свидетельствуют об увлажненности и затопляемости этой территории.[27]

В начале XVIII в., с началом строительстве Петербурга, древняя почва здесь оказалась перекрыта насыпными песчаными слоями мощностью от 0,2 до 0,4 м. Они разделяются прослойками древесной щепы и угля, маркирующими деревянное строительство и пожары в первые десятилетия города. В них встречаются: разные виды кирпича, черепицы, печных изразцов, железных гвоздей, слюда и оконное стекло, связанные с домостроением, бытовые предметы, включая керамическую и стеклянную посуду, голландские курительные трубки и петровские монеты.

Важным итогом проведенных археологических работ можно считать получение новой информации, расширяющей представление о начальном периоде Петербурга.

[27] *Дзюба О.Ф., Сорокин П. Е.* Результаты палинологического исследования исторических территорий нижнего Приневья. Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Вып.1. С. 186–199.

Ирина Николаевна Баринова
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа

«Канторка» Петра I в Зимнем дворце Санкт-Петербурга

Irina N. Barinova

The «Kantorka» of Peter I in the Winter Palace of St. Petersburg

Аннотация: Во Втором Зимнем дворце Петра I в Санкт-Петербурге, построенном архитектором Г.-И. Маттарнови в 1716–1719 гг., был особый, уединенный кабинет для работы и отдыха, который царь называл «Канторкой». Он же стал тем священным местом, где Петр Великий умер. В год его смерти дворец являлся уже частью комплекса зданий императорской резиденции, располагавшейся вдоль Невы и Зимней канавки. Императрица Екатерина II в 1784 г. приказала возвести на ее месте придворный театр, при строительстве которого архитектор Д. Кваренги сохранил фрагменты построек петровского времени, использовав их как фундамент для нового здания. Предлагаемая статья — попытка локализовать мемориальную палату в архитектурном объеме Эрмитажного театра.
Abstract: In the Second Winter Palace of Peter I in St. Petersburg, built by the architect G.-I. Mattarnovi between 1716 and 1719, there was a special, secluded study for work and relaxation, which the tsar called the «Kantorka.» It also became the sacred place where Peter the Great died. In the year of his death, the palace was already part of the complex of buildings of the imperial residence, located along the Neva and the Winter Canal. In 1784, Empress Catherine II ordered the construction of a court theater on its site. During its construction, the architect G. Quarenghi preserved fragments of buildings from Peter the Great's time, using them as the foundation for the new building. This article

attempts to locate the memorial chamber within the architectural space of the Hermitage Theater.

Ключевые слова: Дворец, антресоль, театр, винтовая лестница, кукольный домик.
Keywords: Palace, mezzanine, theater, spiral staircase, dollhouse.

Во Втором Зимнем дворце Петра I в Санкт-Петербурге (илл. 1), построенном архитектором Г.-И. Маттарнови в 1716–1719 г. г., был особый, уединенный кабинет для работы и отдыха, который царь называл «Канторкой». Он же стал «тем священным местом, где Петр Великий умер, «расставшись с созданным им градом и возвеличенной им Россией...»[1].

В год его смерти дворец, называвшийся также Набережными палатами, являлся уже частью комплекса зданий императорской резиденции, располагавшейся вдоль Невы и Зимней канавки (илл. 2). Дочь Петра — Елизавета передала дворец отца, расширенный пристройкой трех флигелей, для проживания гвардейцам Преображенского полка, а императрица Екатерина II в 1784 г. приказала возвести на месте Лейб-кампанского дома придворный театр (илл. 3–4). При его строительстве архитектор Д. Кваренги сохранил фрагменты построек петровского времени, использовав их как фундамент для нового здания.

Первая попытка локализовать мемориальную палату в архитектурном объеме Эрмитажного театра была сделана в начале 1830-х гг.в начальником архива Инженерного департамента А.Л. Майером. Он основал свои выводы на следующих фактах:

1. Император умер в Зимнем своём доме в верхнем апартаменте, что зафиксировано в Походном журнале 1725 г.[2];

2. Комната называлась «Канторкой» и находилась над поварней[3];

3. По фамильному преданию Майера, семья которого некогда квартировала в Лейб-кампанском корпусе, его мать родилась в той именно комнате, где скончался Петр Великий, а эта комната была вторая по Неве от Зимней канавки во втором этаже[4].

---

[1] *Майер А.Л.* О Старом Зимнем дворце и палате в коей скончался Государь Император Пётр Великий. СПб.: Вестник Европы, 1872. С. 7.

[2] Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 3.

[3] *Литвинов Ф.Н.* К вопросу в какой палате скончался император Пётр Великий// Сборник музея по антропологии и этнографии при императорской Академии наук. СПб., 1913. С. 3.

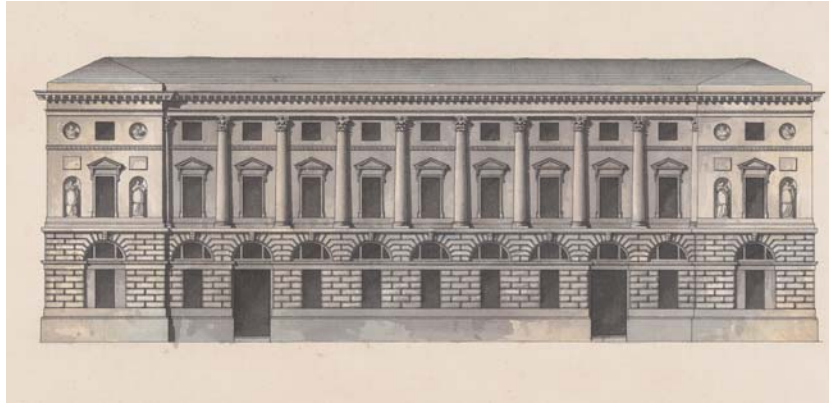
[4] *Майер А.Л.* Указ. соч. С. 14.

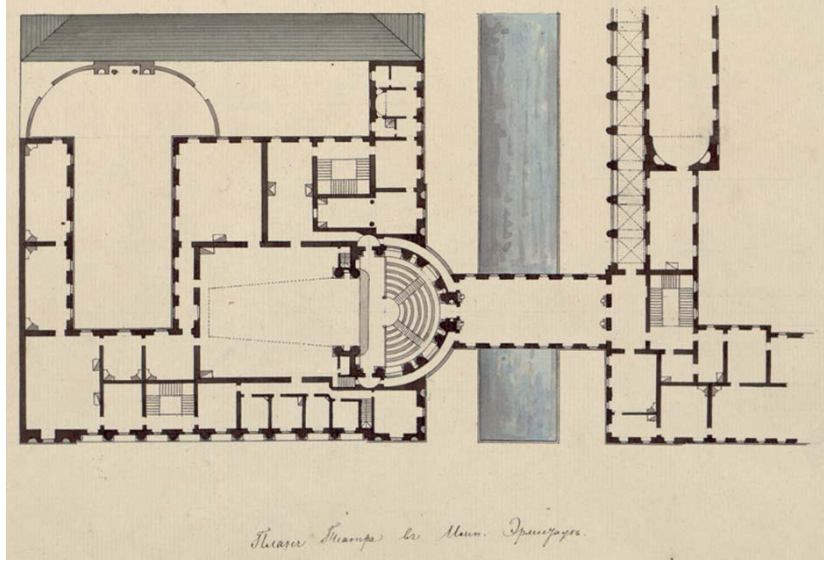
Илл. 1. Маттарнови Г.-И. Второй Зимний дворец. Фасад со стороны Невы. Проект. Россия. 1716-1719 г. г. Бумага, перо, акварель. Инв. №. ОР - 3734.

Илл. 2. Вид Зимнего дворца Петра I. Неизв. итальянский худ. (?) Россия. 1755-1760 г. г. Холст, масло. Инв. № ЭРЖ – 2591.

Илл. 3. Кваренги Д. Эрмитажный театр. Фасад. Италия. 1783.
Бумага, перо, кисть, тушь, акварель. Инв. № ОР-9626.

Илл. 4. Кваренги Д. План Эрмитажного театра. Италия. 1784–1787.
Бумага, тушь. ОР- 9625.

Поскольку угловую комнату дворца Кваренги сломал, Майер предположил, что «Канторка» была на том месте, где ныне (1834), подле самого округления галереи в Эрмитаж, находится первая ... на Неву комната нижнего этажа театрального здания»[5].

В 1872 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Петра Великого, и было решено увековечить память императора сооружением памятника на месте его кончины. Коллежский советник Ф.Н. Литвинов обследовал цокольную часть театра и нашел под зрительным залом стены Зимнего дворца. Совместив планы зданий, он получил результаты, которые позволили ему сделать следующие предположения:

«Сохранившаяся часть петровского дворца заключается в той части Театрального здания, которая по Неве имеет 6 окон, а по канавке одно и в вышину лишь в объеме первого и антресольного этажей»[6];

«...наружная стена от угла Невы и Зимней канавки до закругления Эрмитажного театра, принадлежала к той комнате, в которой скончался Петр Великий»[7];

«...пол конторки отстоит от мостовой по набережной Невы на 16 футов (4,9 м), а потолок совпадает с потолком нынешнего антресольного над первым этажом помещения»[8].

В середине 1980-х гг. сотрудники Эрмитажа, под руководством главного архитектора В.П. Лукина, раскрыли в подвале Эрмитажного театра архитектурные фрагменты царской резиденции: они были музеефицированы, сейчас там открыта постоянная экспозиция. По итогам реставрационных работ в 2002 г. вышла книга Григория Михайлова «Зимние дворцы Петра I», одна из глав которой названа «Канторка». Основанием для выводов автора стала записка, обнаруженная еще Майером в главном архиве Министерства иностранных дел: «У большой палаты перегородить стену по самой погребной свод и в той перегородке зделать Конторку в половине окна к свету или выше, а чтоб чрез ее был в узенькой палате свет, и наверху конторки зделатьрешотку и под решоткой на стене круглое окошечко, а дверь в конторку зделать из маленькой палатки, также сделать проходную лестницу в погреб, откуды пристойно»[9].

---

[5] *Майер А.Л.* Указ. соч. С. 9.

[6] *Литвинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 14.

[7] Там же. С. 18.

[8] Там же. С. 19.

[9] *Майер А.Л.* Указ. соч. С. 15.

По мнению Г. Михайлова, царь требовал сделать в конторке низкий потолок. Для такой конструкции подходил только Большой зал Набережных палат, поскольку «его высота приближалась к 5 м, а поперечный брус окон, отделявший полуциркульную фрамугу от нижних переплетов, находясь на высоте 3 м, соответствовал отметке потолков в соседних покоях»[10]. На уровне бруса и можно было встроить новую решетчатую конструкцию. Отметив, что на плане дворца 1763 г. зал уже разделен продольной стеной на две комнаты, архитектор предположил, что это и есть та самая стенка, с помощью которой царь вычленил место для конторки[11], но, в таком случае, отмечает он, площадь кабинета должна была бы равняться 50 кв. м, а это противоречит свидетельству Феофана Прокоповича, присутствовавшего при кончине царя и назвавшего «комнатку малой»[12].

Мы предлагаем свою трактовку архивного документа. Полагаем, что ключевой в царской записке является фраза «зделать конторку **в половине окна к свету**» — то есть, на новом перекрытии, разделившим высокое окно Большого зала **пополам**. О том, что часто Петр не только изменял уже существовавшую планировку дворцов, но даже предполагал такую возможность в будущем, свидетельствуют его собственноручные пометы в экспликации плана Новых палат в Летнем саду (1721) — под литерой «К»: «Сии перегородки камор делать деревянные, а не каменные дабы мочно более или менее делать»[13]; «Фундамент назначенной тропочками [на подлиннике — точками] АВ иной не выводить выше как земля для того ежели впред захочем делать стены чтоб готово было»[14].

Большой зал царь упразднил почти сразу же после постройки, получив взамен несколько комнат[15]. Поэтому, если бы он пожелал, конторку можно было просто выгородить и, понизив потолок, сделать небольшой. Но в записке речь идет о возведении стены, которая должна перегородить большую палату до погребного свода. Такая стена, опирающаяся на фундамент и несущая нагрузку

---

[10] *Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 141.

[11] Там же.

[12] *Прокопович Ф, архиеп.* Краткая повесть о смерти Петра Великаго, Императора и самодержца Всероссийскаго. СПб., 1831. С. 12.

[13] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Научный каталог. Собрание Государственного Эрмитажа. Л., 1981. С. 119.

[14] Там же. С. 18.

[15] *Михайлов Г.В.* С. 113.

от собственного веса по всей высоте, но не воспринимающая нагрузки от других частей здания, называется самонесущей. Именно на ней и можно было устроить антресоль — верхний полуэтаж с низким потолком, встроенный в основной объем помещения. Вероятно, в связи с этими работами прусский дипломат И.Г. Фоккеродт записал: «Просторные и высокие апартаменты смущали царя, и поскольку при строительстве Зимнего дворца ему пришлось дозволить ярусы выше против своей привычки, чтобы сохранить равенство с соседними домами, он велел сделать на чердаке тех комнат, где собирался жить сам, *фальшпол* (то есть сделать еще один пол между существовавшим полом и потолком — *И.Б.*), чтобы они не были слишком высокими»[16].

Согласно архивным документам, к началу лета 1717 г.[17] стены дворца были подняты до окон первого этажа: на чертеже фасада этот уровень отмечен Маттарнови пунктирной линией с подписью: «Так ис фундаменту» (см. илл. 1). По мнению Г. Михайлова, чертеж является фиксационным, отправленным князем Меншиковым в письмах-отчетах царю за границу[18]. Логично предположить, что именно в это время Петр мог указать место под новую стену, иначе позднее пришлось бы вскрывать уже существовавшие перекрытия. Поскольку в 1718 г. уже начались отделочные работы[19], время появления конторки, предположительно, — период с 1717 по 1718 г.

Для того чтобы понять, как мог располагаться и выглядеть царский кабинет, следует, на наш взгляд, обратиться к традиции устройства таких комнат в столь любимой им Голландии. Поскольку в средневековых городах налоги платились в зависимости от ширины фасада, дома строили узкими, высокими, в 3-4 этажа: они состояли из двух частей — переднего дома и заднего, связанных между собой коридором или внутренним двориком. Передний дом, где располагались мастерские, магазины и конторы, выходил на улицу, был выше заднего и часто имел подвал[20]. Его помещения, включая чердак, использовались под склад товаров. Комнаты тоже делились

---

[16] Russland unter Piter dem Grossen. Nach den handschriftlichen Berichten Iohann Gotthliff Vockerodt und Otto Pleyer's. Leipzig, 1872. C. 90.

[17] *Михайлов Г.В.* Указ. соч. С. 73.

[18] Там же. С. 74.

[19] Там же. С. 83.

[20] https://www.reddit.com/r/travel/comments/9eg0g7/the_dancing_houses_along_the_damrak_canal_in/?tl=ru

на «передние» (ближе к фасаду) и «задние» (выходившие к саду). Перегородки между ними были условны — иногда делили окно пополам, ибо шли по его оси[21]. Комнаты располагались на разных уровнях: на первом этаже, между первым и вторым, чуть выше половины этажа, часто у потолка — «подвешенные», на втором этаже и на чердаке[22] (илл. 5).

Такой купеческий дом, построенный в 1624 г. и расположенный на мысу между двумя историческими гаванями, стоит в городе Хорн[23]. В нем сохранились планировка, часть внутренней отделки, а также прикрепленный к кирпичным стенам деревянный каркас со стеновыми столбами, кронштейнами и анкерными балками. Для жилья предназначался только первый этаж парадного дома высотой почти 5 м с фасадом из широких оконных рам разной конфигурации. На плане его первого этажа (илл. 6) — передняя комната с идущей на чердак винтовой лестницей, задняя комната за перегородкой, образующей со стеной дома коридор, который ведет к задней двери. Здесь — гостиная, кухня с камином и спальня с кроватью-ящиком.

На уровне антресольного этажа в передней комнате Г-образный коридор-галерея, выход винтовой лестницы и комната у фасадного окна. Она буквально подвешена к чердачной балке и представляет собой изолированное помещение малого размера с дверью на галерею и «напоминает корабль: деревянные панели вокруг, низкий потолок и вид на воду»[24].

Здесь, уединившись, купец вел свои дела и расчеты, но вырезанное в стене смотровое окошко с задвигающейся створкой позволяло ему отслеживать входящих. У окна, с видом на оживленную гавань с кораблями, стол, собственно, конторка (от франц. — кассовый ящик, прилавок), у которой передняя плоскость скошена для того, чтобы свет проникал через нижнюю часть фасадного окна и для удобства сидящего за ней.

---

[21] *Зюмтор П.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М., 2001. С. 67.

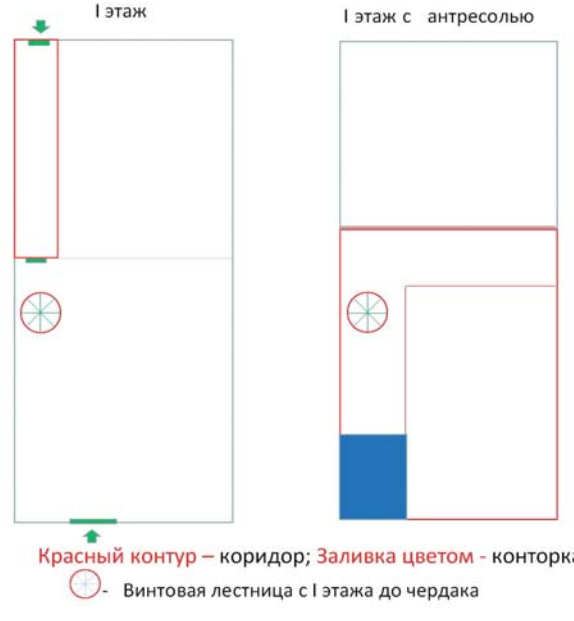
[22] Там же. С. 66.

[23] Автор выражает глубокую благодарность Фариде Гусейновой, хранителю Домика ПетраI в Заандаме, за консультации по устройству «подвешенных комнат» в голландских домах XVII в. и за ссылку на фильм о доме купца Бонка в городе Хорне: Huis Bonck Hoorn Binnenste Buiten (kro-ncrv.nl)

[24] *Dorhout P.* Net eenschip.Интернетресурс: https://www.hendrickdekeyser.nl/museumbezoek/huis-bonck-Hoorn

Илл. 5. Влит, Ян Гиллис ван. Жанровая сцена на кухне. Голландия, кон. 1650-х гг. Дерево, масло. Инв. №. ГЭ-10333.

Илл. 6. План первого и антресольного этажей дома купца Бонка в г. Хорне. Рисунок автора.

В начале августа 1717 г. Петр I побывал на рейде Ост-Индской компании у острова Тексел и в городе Хорн: здесь «суда компании останавливались по пути в Азию за пряностями, хлопком, шелком и фарфором и обратно»[25]. Как всегда, вокруг царя собралось много любопытствующих, и хочется предположить, что среди них мог оказаться купец Бонк или уже иной владелец дома, пригласивший его в гости. По крайней мере, два архитектурных приема, использованные в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, — устройство «подвесной комнаты» в зале высотой 5 м и Г-образный коридор между Набережными палатами и Малыми палатками — наводят на эту мысль.

Отметим еще один эпизод второго европейского путешествия Петра I, описанный у Я. Схелтемы: «в конце декабря 1716 г. Петр I прибыл в Амстердам и остановился в доме своего резидента Кристоффеля Брандта. Но вскоре (перед приездом царицы) между ними возникли «некоторые неудовольствия». Царь заказал, несколько лет назад, через Брандта в подарок Екатерине, миниатюрную модель амстердамского дома со всеми принадлежностями, нужными в домохозяйстве, которая должна была дать ей полное представление о чистоте, удобствах и роскоши домашней голландской жизни. По поводу этой модели между царем и Брандтом произошли недоразумения — и модель осталась в Голландии»[26].

В контексте нашей темы важен сам факт знакомства Петра с традицией создания кукольных домиков, являвшейся выражением любви голландцев к своим домам и быту. Они представляли собой кабинеты, по примеру коллекционного шкафа искусств, в которых вместо собрания редкостей размещалась миниатюрная модель жилого бюргерского дома, демонстрируя порядок размещения комнат в зависимости от их назначения и особенности декора интерьеров[27]. Сейчас два кукольных домика конца XVII в[28] — Петронеллы Ортман (1687–1690) и Петронеллы Дюнуа (1676) хранятся в Рейхсмузеуме

---

[25] *Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). СПб., 2013. С. 175.

[26] *Схелтема Я.* Петр Великий, император России, в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 г. / Пер. с нидерл. А.С. Лацинского // Русская Старина. 1916. Т. 166. Июнь. С. 327–328.

[27] *Павлова Ю.Б.* Мир в миниатюре: голландские кукольные домики XVII века. Интернет-ресурс: file:///C:/Users/user/Downloads/mir-v-miniatyure-gollandskie-kukolnye-domiki-xvii-veka%20(7).pdf

[28] См.: *Hallman E.* Seventeenth-Century Dutch Dollhouses: The Curation of Domesticity during the Dutch Golden Age/ Интернет-ресурс: https://

Амстердама; один — Петронеллы де ла Курт (1674–1690) — в Городском музее Утрехта. Последний особенно интересен, поскольку в нем можно увидеть «подвесную комнату, расположенную между залом для гостей и кунсткамерой, над маленьким проходным помещением-вестибюлем, «voorthuis»[29]. Из него в конторку ведет винтовая лестница[30], скрытая за деревянной конструкцией в виде двустворчатого шкафа, богато украшенного: в центре — консольные часы, на карнизе — мелкая пластика, чуть выше, в стенных нишах, — скульптурные бюсты[31].

С таким оформлением входа на лестницу Петр мог познакомиться еще в свой первый приезд в Голландию, и он, вероятно, ему понравился, поскольку в мае 1714 г., оставляя наказ, что делать на летнем дворе, царь писал: «...лестница, которая в сенях зделать столярною работою дубом как шаф (шкаф), круглую лестницу, (что из переход) сделать галланским маниром с перилами из дубуж»[32]. Обе эти лестницы сохранились: парадная (илл. 7), на второй этаж, за деревянной панелью с двумя дверями, вторая — винтовая (илл. 8), расположенная во внутреннем Г-образном переходе, имеющая входом на обоих этажах — двустворчатый шкаф.

В кабинете кукольного домика[33] его хозяин, вероятно, купец, сидит за обтянутым зеленым сукном столом-конторкой, на котором видны письменный прибор, его личная печать, письма. У входа в комнату, очень тесную, — книжный шкаф, на стенах разного вида полки для книг, бумаг, расписок. На полу — сундук со стеклянными запечатанными бутылками, плетеный короб и снятые сапоги. Через дверной проем видна комната с кушеткой для отдыха и сна. Сохранившиеся сведения о реальном доме XVII в. на

---

[29] См.: *Шредер К.* Кукольный домик. Интернет-ресурс:https://static-kunstelo-nl.translate.goog/ckv2/cultuurwijs/cultuurwijs/www/cultuurwijs.nl/cultuurwijs.nl/i000733.html?_x_tr_sl=nl&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc

[30] *Koldeweij E.* 'Wat er op de vloeromme-gaet': poppenhuisvloerenen de realiteit. P. 138. Интернет-ресурс:https://www.dbnl.org/tekst/kold006over01_01/kold006over01_01_0011.php

[31] Кукольные домики XVII в.Интернет-ресурс: https://interior.ru-best.com/interer-dlya-doma/v-xvii-veke-kukolnye-domiki-byli-ochen-populyarny-sredi-bogatyh-gorozhan

[32] Общий архив Министерства Императорского двора. Списки и выписки из архивных бумаг. Вып 1. Царствование императора Петра Великого, 1701-1724. СПб., 1888. С. 48.

[33] *Piccoli C.* Pieter de Graeff (1638–1707) and His treffelykebibliotheek Exploring and Reconstructing an Early Modern Private Library as a Book Collection and as a Physical Space. Leiden, The Netherlands. 2025. P. 129.

Herengracht, 573 в Амстердаме подтверждают точность воспроизведения особенностей интерьера: конторка, названная еще комнатой под чердаком, располагалась вблизи вестибюля, имела размеры 2,5 х 2,5 м, была разделена надвое и обставлена так же.

Учитывая сказанное, обратимся к плану Второго Зимнего дворца Петра I в Санкт-Петербурге, выдержанному в голландской традиции (илл. 9). Набережные палаты — это передний высокий парадный дом, выходящий фасадом на Неву, главную магистраль города. Он связан с задним домом — Малыми палатками, изначально одноэтажными[34] — жилым царским флигелем; внутри — Г-образным коридором, извне — небольшим внутренним двориком.

Судя по сохранившемуся эскизу Петра I[35], в Набережных палатах им планировались узкие проходные сени; Маттарнови расширил их, добавив еще одну ось по невскому фасаду. Но на фиксационных чертежах — плане I этажа дворца 1749 г.[36] и плане II этажа 1763 г.[37] — видно, что был реализован все же царский вариант. Полагаем, именно здесь и возвели стену, на которой устроили антресольный этаж. Тогда в маленькой комнате I этажа между ней и перегородкой старых сеней могли сделать винтовую лестницу (илл.10а), а со стороны кухни — лестницу в подвал. Конторка, скорее всего деревянная конструкция на консолях и столбах, закрепленная на кирпичной стене, по традиции должна была бы состоять из двух комнат: собственно кабинета с конторкой, книжными шкафами, полками, кушеткой, и второй комнаты (или галереи) — над поварней (илл. 10б), со шкафами, возможно, встроенными (илл. 11), как в Летнем дворце, для книг и домашней кунсткамеры. О том, что все это хранилось там, свидетельствуют архивные документы, собранные Г. Михайловым[38].

Поскольку царь был человеком высокого роста, особую важность приобретает вопрос о размерах комнаты. Учитывая расчеты Г. Михайлова, ее ширина могла быть 2,6 м; если пол антресоли доходил до соседнего окна — то около 3-х м, длина — 4,6 м. Пло-

---

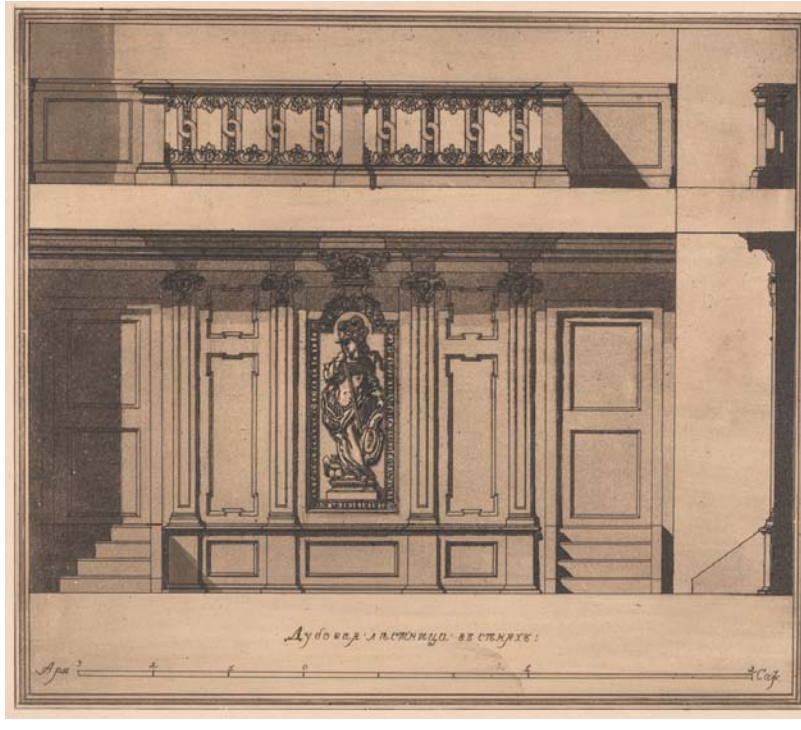
[34] *Михайлов Г.В.* Указ. соч. С. 85.

[35] См.: Архитектурные планы, чертежи, рисунки. [Б.м.: б.и., 1690–1750]: альбом. План I этажа «Нового Зимнего дома. НИОР БАН. Ф. 266/1. С. 32. Интернет-ресурс: https://www.prlib.ru/item/1333536 Аналогичный чертеж был выявлен в фондах Музея истории города и атрибутирован как эскиз Петра I (1715 ?) сотрудниками Эрмитажа С. Мишиным и С. Весниным.

[36] *Михайлов Г.В.* Указ. соч. С. 84.

[37] Там же. С. 141.

[38] *Михайлов Г.В.* Указ. соч. С. 142.

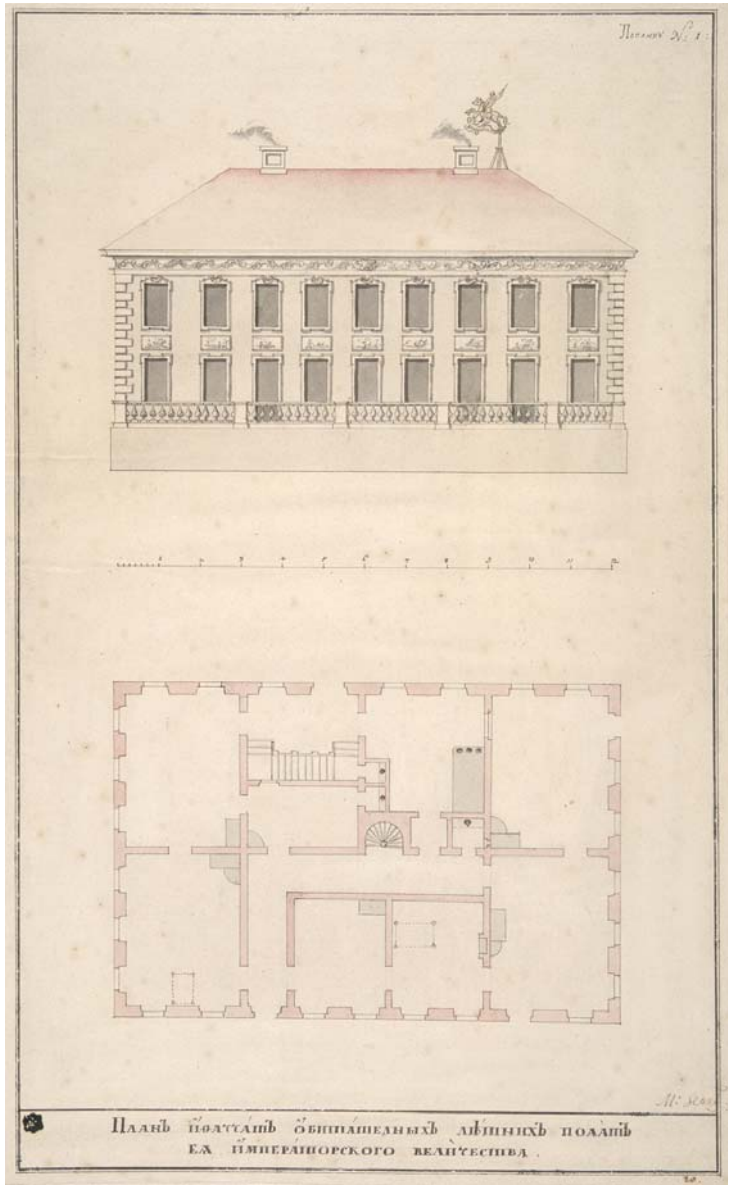

Илл. 7. Талепоровский В.Н. Разрез дубовой лестницы в сенях Летнего домика (дворца) Петра I. Россия. 1915. Бумага, офорт. Инв. № ЭРГ – 33922.

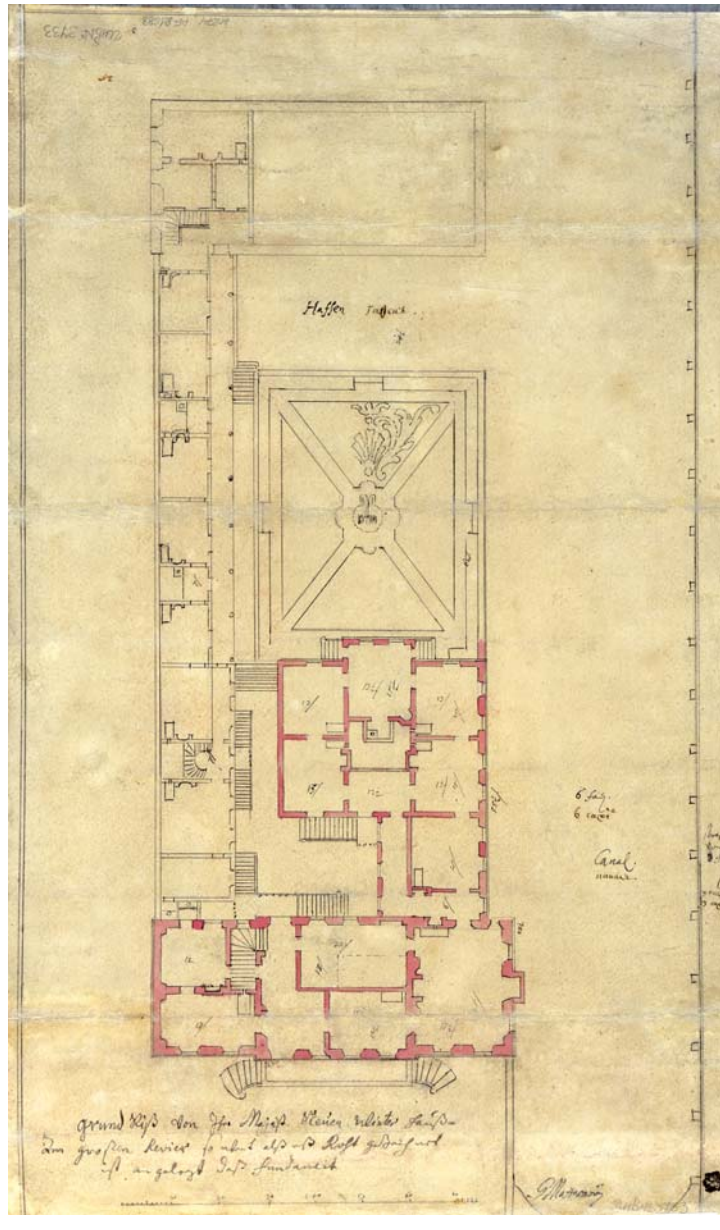
щадь — 12-13 кв. м. Примерные расчеты высоты таковы (илл. 12): высота зала — 5 м, поперечный брус окон, отделявший полуциркульную фрамугу от нижних переплетов, находился на высоте 3 м, следовательно расстояние от него до потолка — 2 м. Конторка была устроена в половину окна, следовательно к 2 м следует прибавить еще примерно 0,7 м. При росте царя 2 м 4 см высота конторки могла быть 2,2 м, а высота решетки над ее кирпичной стеной для освещения смежной узенькой палаты — 0,5 м: так над стеной коридора дома Бонка поставлена деревянная конструкция галереи[39]. Деревянные решетки видны в интерьерах кукольных домов[40], а их

[39] См.: Huis Bonck. Интернет-ресурс: https://nl.wikipedia.org/wiki/Huis_Bonck

[40] См.: Кукольный домик Петронеллы Ортман. Интернет-ресурс: https://www.livemaster.ru/topic/401529-kukolnyj-domik-petronelly-ortman ; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dollhouse_of_Petronella_Oortman_(1).jpg

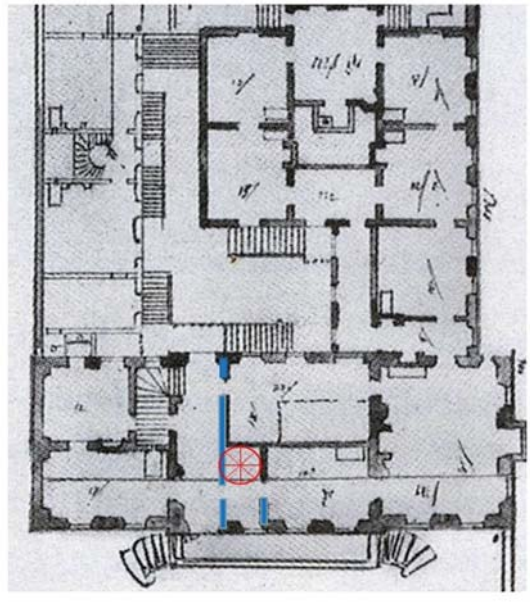

Илл. 8. Земцов М.Г. Дворец Петра I в Летнем саду. Фасад и план.
Фиксационный чертеж. 1725-1727. Россия.
Бумага, перо, кисть, тушь, акварель. Инв. № ОР- 6496.

Илл. 9. Маттарнови Г.-И. Новый (Второй) Зимний дворец Петра I. План I этажа. Проект. 1716-1719. Перо, акварель. Инв. № ОР - 3733.

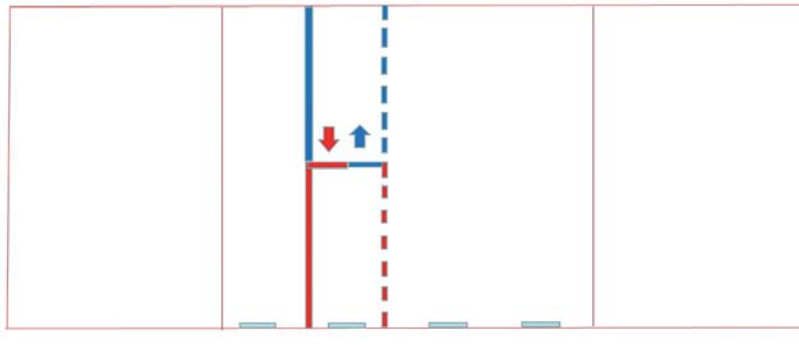
Илл. 10. Конторка в Зимнем дворце Петра I (схема).

I этаж. Винтовая лестница

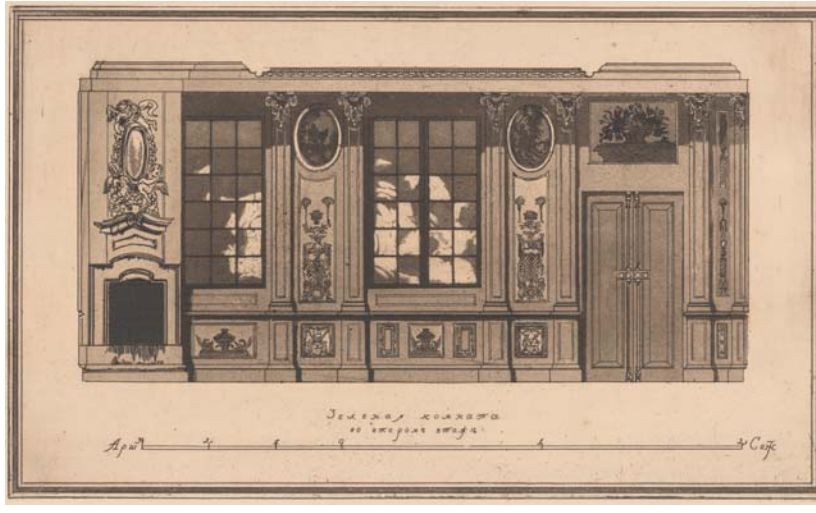
в Конторку Петра I

а)

б)

а) I этаж; б) II— антресольный этаж. Реконструкция автора.

Илл. 11. Талепоровский В.Н. Продольный разрез Зеленой комнаты (кабинета) Летнего дворца Петра I. Россия. 1915. Бумага, офорт. Инв. № ЭРГ - 33921.

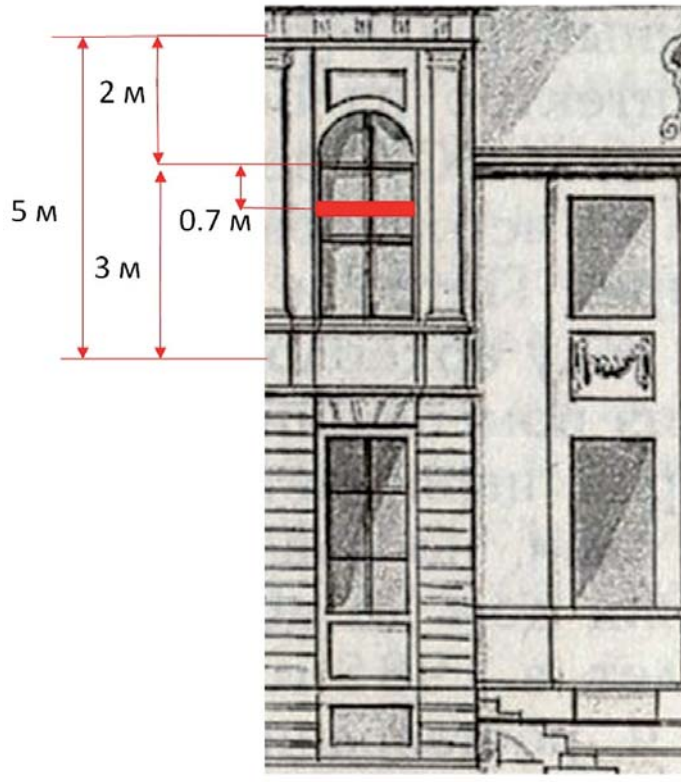
устройство на антресольном этаже практикуется по сей день[41]. Под решеткой на стене конторке имелось традиционное смотровое окошечко, только круглое.

В докладе на конгрессе нами сопоставлялись предполагаемые параметры антресольного помещения с размерами предмета мебели, хранящегося в Государственном Эрмитаже и атрибутированного как конторка Петра I, сделанная по собственным чертежам царя именно для него: высота — 1,78 м, ширина — 1,57 м, глубина — 0,86 м, с откидной плоскостью — 1,52 м (илл. 13). Но позднее в доступности оказались материалы, позволившие автору уточнить атрибуцию. В РГАДА хранятся письма Петра I от 15 марта 1717 г. из Амстердама: первое — к Александру Петровичу Апраксину, племяннику Ф.М. Апраксина, «о заказе в Англии **шкафа**, согласно приложенного рисунка»[42] (в Описи Фонда 9 Кабинета Петра I — **шкафа-бюро**[43]); «о деньгах на это у <английского

[41] См.: Внутренняя отделка каркасного дома фанерой. Интернет-ресурс: https://design.pibig.info/33931-vnutrennjaja-otdelka-karkasnogo-doma-faneroj.html

[42] РГАДА Ф. 9. Оп. 1. Кн. 11. Л. 58 об

[43] Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение — (объединение фондов) Государственного архива Российской империи. Оп. 1. Тетрадь записная именным указам

Илл. 12. Расчеты высоты потолка конторки. Рисунок автора.

купца> Гутфеля»[44]; второе — к Гутфелю, «чтоб выдал «на наш щот» поручику А. Апраксину денег, сколько он спросит»[45]. Следовательно, сам Петр I не называл этот образец мебели, легко узнаваемый на чертеже, конторкой, и он никогда не стоял в уединенном царском кабинете. Вероятно, изящной работы шкаф, выполненный по последней европейской моде, предназначался для интерьера одного из кабинетов Зимней резиденции с открытым доступом, где

государевым № 11, 1717 и 1718 гг. Интернет-ресурс:http://rgada.info/poisk/index.php?fund_number=0&fund_name=&list_name=&list_number=0&Sk=6239&page=1

[44] РГАДА Ф. 9. Оп. 1. Кн. 11. Л. 58 об

[45] Там же.

Илл. 13. Конторка Петра I с откидной крышкой. Великобритания. Около 1720 г. Дуб (основа), орех, металл, фанеровка, набор. Инв. №. ЭРМб-183.

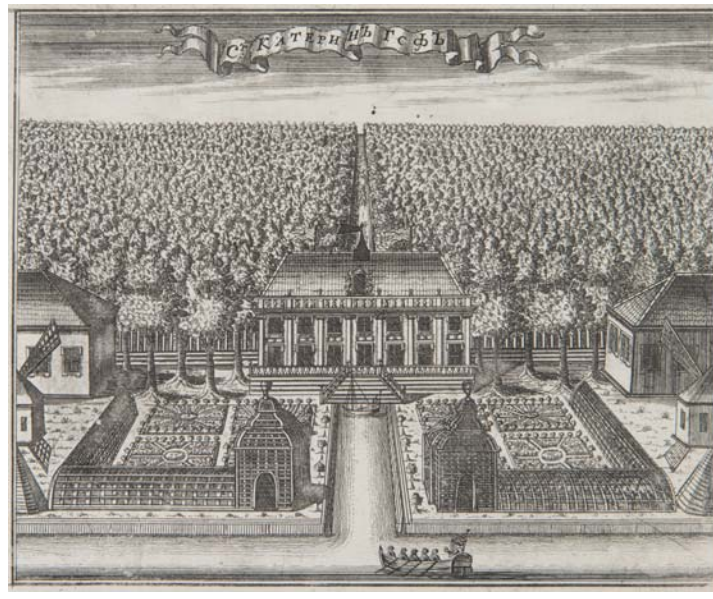
призван был демонстрировать посетителям тонкий вкус и высокий статус его владельца.

В кабинете на антресолях мог стоять «высокий письменный столик, разного устройства, с косою подъемную столечницею, налоем, и с ящиками»[46] для работы стоя или сидя на высоком стуле, который и дал ему название. Причем сам царь произносил слово не на немецкий манер «Kontor» — «Конторка», а на голландский: «Kantoor» — «Канторка».

В Зимней резиденции, как и в Летнем дворце царя и в Екатерингофском дворце царицы (илл. 14), был ветровой прибор: его флюгер над центральным ризалитом Набережных палат виден на гравюре Оттомара Эллигера (Илл. 15). Однако при жизни Петра, о чем свидетельствует изображение здания на «Перспективном виде Санкт-Петербурга вверх к Финскому заливу с частью реки Невы» (между 1721–1724), хранящееся в Библиотеке Стерлинга (Йельский университет, США), на его обнесенной балюстрадой кровле возвышался бельведер, а над ним — небольшая башенка с окнами и флюгером. Сюда царь мог подниматься по винтовой лестнице из конторки, чтобы обозревать свой город с высоты птичьего полета.

P.S. Планируя лестницу Эрмитажного театра, Джакомо Кваренги, предпочтя, подобно царю Петру, нестандартное архитектурное решение, расположил ее площадки так (илл. 16), что одна из них стала полом антресоли, разделив при этом два больших окна третьего этажа невского фасада почти «в половину к свету» (илл. 17). А потому из них открывается тот же вид, что некогда открывался из царской конторки: хорошо знакомый государю, как из корабельного окна (илл. 18) — только на водную гладь.

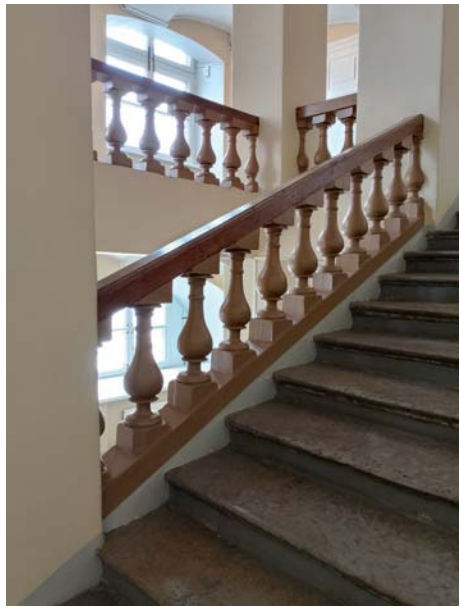
[46] *Даль В.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. II. И-О СПб.-М., 1881. С. 154.

Илл. 14. Ростовцев А.И. Екатерингоф. Россия. 1716-1717 г. г.
Бумага, офорт, гравюра резцом. Инв. № ЭРГ – 17090.

Илл.15. Эллигер III; Оттомар; Марселиус Христофор. Панорама набережной Невы в Петербурге от Летнего сада до Исаакиевской церкви (3 лист). Россия, Санкт-Петербург. Гравировальная палата Академии наук, 1728–1729 гг.
Бумага, офорт, гравюра резцом 51,8х210 см

Илл. 16. Вид лестничного проема в здании Эрмитажного театра. Фото автора.

Илл. 17. Внутренний вид окна третьего этажа невского фасада Эрмитажного театра. Фото автора.

Илл. 18. Окно антресольного этажа невского фасада Эрмитажного театра. Фото автора.

Наталия Дмитриевна Кареева
(Санкт-Петербург)

Заведующая сектором «Летний сад-Летний дворец-Домик Петра I» Государственного Русского музея

Память о Петре I в Летнем саду

Natalya D. Kareeva

Memory of Peter the Great in the Summer Garden

Аннотация: Статья посвящена возвращению во второй половине XX — начале XXI в. Летнему саду утраченных черт петровской эпохи: возрождению фонтанов, расстановке и аллегориям декоративной садово-парковой скульптуры, наиболее интересным археологическим находкам — переменам, которые в сочетании с сохранившимися подлинными произведениями начала XVIII в. возвратили Летнему саду парадные черты царской резиденции и возродили память о Петре I в Летнем саду в результате комплексной реставрации 2009–2011 гг.

Abstract: The article is devoted to the return in the second half of the XX — beginning of the XXI century the Summer Garden lost features of the Petrine era: the revival of fountains, the arrangement and allegories of decorative garden and park sculpture, the most interesting archaeological finds — changes that, combined with the preserved genuine works of the beginning of the XVIII century. returned to the Summer Garden the ceremonial features of the royal residence and revived the memory of Peter I in the Summer Garden as a result of a comprehensive restoration of 2009–2011.

Ключевые слова: Фонтаны, мраморные скульптуры, барельефы, аллегории, археологические находки.

Keywords: Fountains, marble sculptures, bas-reliefs, allegories, archaeological finds.

«Весь Летний сад — Онегина глава;
.....
...А там еще живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою»...

С.Я. Маршак

С.Я. Маршак удивительно точно передал в нескольких словах послевоенное состояние Летнего сада (стихотворение написано в 1946 г.).

Летний дворец Петра I подлинностью своей архитектуры хранил память о петровском времени. Но Летний сад был далек от образа петровского регулярного сада: разросшиеся кроны деревьев, неподстриженный кустарник, цветочный орнамент на откосе Карпиева пруда, противоречивший своим существованием историческому образу сада, зеленый массив, искалеченный снарядами во время Великой Отечественной войны, необходимость ремонта газонов. Северо-западная часть сада использовалась под спортивную площадку. Когда в 1946 г. встал вопрос о реставрации Летнего сада, ландшафтный архитектор (в те годы эта профессия именовалась «инженер зеленого строительства»), исследователь истории русских садов Татьяна Борисовна Дубяго,[1] которая еще до войны работала над проектом реставрации Летнего сада, создала два варианта проекта: возвращение саду черт регулярного сада петровского времени, и второй — восстановление сада пушкинских времен. Впрочем, исследователь памятников Летнего сада А.Е. Ухналев считает, что «разработку этого варианта автор рассматривала, по-видимому, как формальную необходимость дать альтернативу главному проекту».[2]

24 ноября 1949 г. состоялся научно-экспертный Совет в Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. «Пушкинский» вариант был отклонен: «Большинством голосов — 12 против 9 — Совет постановил принять первый вариант проекта реставрации Летнего сада, приняв за оптимальную дату реставрации XVIII век, учитывая современные требования и состояние сада»[3].

---

[1] Т.Б. Дубяго с 1947 г. возглавляла кафедру садово-паркового искусства и строительства в Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова

[2] *Ухналев А.Е.* Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I., СПб. 2015. С. 220.

[3] *Сементовская А.К.* Ремонт и реставрация зеленого массива и цветочного оформления Летнего сада. Историческая справка. // Дирекция Летнего сада и Дворца-музея Петра I. Сборник научных работ за 1955–1956 гг. Бюллетень № 5. Л. 113. Хранится в секторе «Летний сад–Летний дворец и Домик Петра I».

Тем не менее, путь к возвращению Летнему саду черт петровской эпохи и зримого воплощения памяти о Петре I оказался непростым. Администрация Летнего сада придерживалась точки зрения Т.Б. Дубяго, которая считала, что «трудно в нынешнем тенистом зеленом массиве со свободно разросшимися кронами деревьев увидеть черты старинного сада, украшенного причудливой зеленой архитектурой стриженых боскетов», поэтому, не нарушая облика сада, возможно **частично** (выделено мной — *Н.К.*) создать петровские уголки (например, на четырех центральных боскетах восстановить стриженые шпалеры, на фоне которых выделится мраморная скульптура).[4] Известно, что в Летнем саду расцвело большое количество роз: за 1954–1955 гг. было высажено 1800 кустов.[5] Без сомнения, это очень красиво, и аромат роз придавал еще больше очарования этому месту (вспомним: «Я к розам хочу в тот единственный сад»... А.А. Ахматовой, 1959 г.), но это не соответствовало ассортименту цветов петровского времени. Все же, по сообщению А.К. Сементовской, « с 1951 года в Летнем саду начали высаживать луковичные цветы: тюльпаны, нарциссы и лилии-регале — ассортимент, соответствующий характеру цветочного оформления начала XVIII в.»[6]

С осени 1949 г. под руководством садовника М.А. Петровой все работы по Летнему саду проводились согласно проекту Т.Б. Дубяго[7], но в тот период в жизнь претворили небольшую часть планов.

В 1975 г. возобновились усилия, направленные на реставрацию Летнего сада петровской эпохи. На этот раз автором эскизного проекта стала Наталья Евгеньевна Туманова. Она предлагала воссоздать четыре центральных боскета Летнего сада, однако с современным наполнением, поскольку возражала против буквального повторения уже утраченных объектов. Ее предложения также не претворены в жизнь.

Таким образом, к началу XXI в. Летний сад сделался тенистым парком для прогулок и отдыха, сохранявшим отдельные черты музейного сада (илл. 1).

В 2004 г. Летний сад, Летний дворец и Домик Петра I вошли в состав Государственного Русского музея, после чего был предпринят важный шаг в истории Летнего сада: в 2009–2011 гг. состоялся первый этап комплексной реставрации летней резиденции Петра

[4] Там же. Л.114

[5] Там же. Л. 118

[6] Там же. Л. 117.

[7] Бюллетень №5. Л.115.

Илл. 1. Летний сад до реставрации 2009-2011 гг.
Фотография С.В. Шапошниковой.

Великого в Санкт-Петербурге — Летнего сада. (Реставрация Летнего дворца состоялась вторым этапом в 2014–2016 гг.).

Основной приметой «музейности» сада до реставрации считалась коллекция мраморной декоративной садово-парковой скульптуры петровского времени. (О скульптуре мы поговорим ниже). Ныне ситуация изменилась.

Воссоздание боскетов и их различного наполнения, безусловно, приближает нас к образу регулярного Летнего сада, но все предложения Т.Б. Дубяго и Н.Е. Тумановой кажутся скромными по сравнению с тем объемом и кардинальностью преобразований, которые мы увидели в начале XXI века. Саду «тенистых аллей» были возвращены черты регулярного сада петровского времени: регулярная стрижка деревьев и кустарников, трельяжные решетки, восемь фонтанов, четыре боскета, каждый со своим наполнением, Малая Оранжерея с цитрусовыми растениями, Менажерийный пруд, Красный сад. В ходе работ понижена территория Гаванца перед южным фасадом дворца, произведено музеефицирование археологического раскопа фонтана «Лакоста».

При создании Летнего сада неусыпное внимание Петра I отдавалось созданию фонтанов. Не касаясь сложностей их устройства в Летнем саду, скажем лишь, что к 1721 г., когда камер-юнкер из свиты герцога голштинского Ф.-В. Берхгольц осматривал сад, фонтаны били «довольно высоко», что было отмечено в дневнике камер-юнкера[8]. Таким образом, хлопоты по устройству фонтанов в Летнем саду в петровскую эпоху увенчались успехом, хотя настоящая фонтанная феерия состоялась в Петергофе.

Вопрос воссоздания фонтанов рассматривался уже в 1950-е гг.: «В настоящее время восстановление всех фонтанов в Летнем саду невозможно, т.к. ряд мест, на которых они находились, совершенно утратили свой первоначальный характер. (Так, исчезли липовая и дубовая рощи, лабиринт и др.), и нецелесообразно потому, что при сложившемся облике сада такие фонтаны выглядели бы механически внедренными инородными элементами. Но восстановление фонтанов на 1-й и 3-й площадке по Главной аллее, в центре партера и на Карпиевом пруде вполне целесообразно и возможно», — подводит черту О.Н. Кузнецова, главный хранитель музея тех лет[9]. Напомним, что исчезновение большинства сооружений Летнего сада было связано не столько с разрушительным действием стихии, сколько с указами Екатерины II конца 1770-х–1780-х гг.[10] разобрать сооружения петровского времени в Летнем саду, поскольку ее предпочтение было отдано английским паркам. Фундаменты петровских построек остались лишь в почве Летнего сада. Поэтому безусловным успехом реставрации можно считать воссоздание восьми фонтанов при сохранении в целости археологии, которая находится законсервированной под действующими фонтанами, что не представлялось достижимым в 1950-е гг. (илл. 2).

Сохранение подлинных фрагментов фонтанной системы петровского времени свидетельствует об истинном уважении к памяти Петра I. Возвращаясь к высоте фонтанных струй: в настоящее время

---

[8] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 161.

[9] *Кузнецова О.Н.* Фонтаны Летнего сада. Историческая справка. // Бюллетень № 3. Сборник научных работ за 1950–1951 гг. Дирекция Летнего сада и Дворца-музея Петра I. 1951. Л. 54. Хранится в секторе «Летний сад–Летний дворец и Домик Петра I» ГРМ.

[10] Регулярную стрижку деревьев прекратили в 1776 г., галереи у Невы разобрали в 1783, а фонтан «Коронный» и каскад «Амфитеатр» разобрали в 1786 г.

Илл. 2. Фонтан на Главной аллее после реставрации Летнего сада в 2009-2011 гг. Фотография С.В. Шапошниковой.

их высота колеблется от 2 м до 3,5-4 м. Опираясь на расчеты, можно предположить, что в XVIII в. их высота была такой же[11] (илл. 2).

Одна из важных формирующих образ Летнего сада особенностей — коллекция декоративной мраморной скульптуры работы венецианских мастеров, собранная в петровское время. Подлинники сейчас находятся на экспозиции ГРМ в Михайловском замке, а на аллеях помещены их копии, выполненные из искусственного мрамора (мраморная крошка на полимерной основе) по современным технологиям.

Не все скульптурные произведения дошли до наших дней, как не сохранились и такие уникальные сооружения петровского времени, как замечательный Грот и зеленый лабиринт с фонтанными скульптурами на темы басен Эзопа.

Ядро петровской коллекции скульптуры сохранилось: отдельные персонажи из серии портретов императоров и их жен, часть серии сивилл, три статуи муз, нимфы, сюжетно значимые статуи «Аврора», «Полдень», «Закат», «Ночь», «Рок», «Немезида», «Слава», «Истина», «Искренность», «Вертумн» и «Помона». Но все-таки ее состав сократился. Удивительно, что в Летнем саду не осталось

[11] *Коренцвит В.А.* Какой высоты были фонтаны в Летнем саду // Реликвия. № 20/ 2009. С. 58–60; *Кравцова И.В., Ловецкая Н.В.* Из опыта воссоздания фонтанов и устройства водоподводящей системы в историческом парке. // Летний сад. Возрождение. СПб., 2012. С. 97.

аллегорических скульптур, связанных с водой: ни Нептуна (статуи и скульптурного бюста), ни Венеры (или Афродиты), ни Наяды, ни Нимфы воды, ни Нарцисса, который смотрится в воду, а они здесь были по документам петровской эпохи[12]. Эти скульптуры указывали на значение выхода России к морю, создания флота, любовь Петра I к морской стихии. Поэтому в процессе реставрации 2009–2011 гг. на воссозданном фонтане в Крестовом гульбище была установлена копия статуи «Нереида» скульптора А. Коррадини, из-под ног которой струится вода. (Подлинник находится в Михайловском замке ГРМ).

Это можно считать удачным решением, поскольку ранее «Нереида» стояла без соответствующей ей пары на Школьной аллее. Отныне скульптуре найдено достойное место, а фонтан получил тот образ, который был задуман в петровское время. Статуи, находившиеся здесь в XVIII в. («Вера», смененная затем «Венерой с амуром»), в Летнем саду не сохранились.

В саду экспонируется скульптурная группа, посвященная победоносному окончанию Северной войны и заключению Ништадтского мира — «Мир и Победа (Ништадтский мир)» П. Баратта — единственный мраморный памятник деяниям Петра I в Летнем саду, который представлен в подлиннике. (Ряд лет эту скульптурную группу называли «Мир и Изобилие»). Это произведение с множеством аллегорических подробностей и вместе с тем цельное и выразительное. «По совершенству композиции, пластическому решению, по глубине проникновения в идейно-эмоциональную сущность аллегорических образов скульптурная группа «Ништадтский мир» принадлежит, пожалуй, к лучшим образцам садово-парковой скульптуры XVIII века»[13]. Известно, что Петр I не успел его увидеть — скульптурная группа прибыла в 1726 г. Тем не менее, Петр I знал ее символику из «сигнификации», составленной С. Рагузинским[14]. В XVIII в. скульптурная группа стояла напротив Коронного фонтана, у мостика через Лебяжью канавку, вместе со статуями, сюжетно объединенными победной тематикой: Доблесть, Беллона, Правосудие, Слава, Милосердие.[15]

---

[12] *Кареева Н.Д.* К вопросу о расстановке скульптуры Летнего сада // Реликвия № 23/2010. С.30–31.

[13] *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. С. 55.

[14] *Андросов С.О.* Античные мифы в камне и бронзе. Петербургская городская скульптура. Справочник-путеводитель. СПб., 2003. С. 36.

[15] *Кареева Н.Д.* Указ. соч. С. 31.

Илл. 3. Летний дворец Петра I с территорией Гаванца перед ним после реставрации 2009-2011 гг. Фотография С.В. Шапошниковой.

Особого внимания достоин Летний дворец Петра I с его барельефами на мифологические сюжеты, которые символизируют выход России к морю (илл. 3). Архитектор-реставратор А.Э. Гессен установил в 1960-е гг., что барельефы Летнего дворца — намазные, а не отформованные, как думали прежде, и что вся серия — произведение единовременное[16]. Реставрационные расчистки показали, что и наслоения окрасок, и материал лепки самых непохожих по характеру и манере выполнения барельефов на северном фасаде — совершенно аналогичны и различие их можно объяснить только разницей рук художников. Расчистки позволили уточнить принадлежность всей серии (29 барельефов), как минимум, трем авторам, хотя в каждой группе также есть отличия[17]. Хотя имена этих исполнителей до сих пор неизвестны или, точнее, дискуссионны, этот пластический комплекс на фасадах Летнего дворца является уникальным. Ведь барельефы не подверглись серьезным повреждениями во время Великой Отечественной войны и еще хранят следы авторской лепки. Это подлинные произведения петровского времени, аллегорически прославляющие победы России в Северной войне.

[16] Отчет о реставрационных работах, производившихся по памятнику архитектуры Летний дворец Петра I в 1962–1964 гг. / Специальные Научно-Реставрационные Производственные мастерские Архитектурно-Планировочного Управления Ленгорисполкома. 1966. Л. 47.

[17] Там же

Любопытно, что относительно ранний памятник с аллегориями на темы петровских побед (Летний дворец 1711–1712 гг.) и самый поздний (скульптурная группа «Мир и Победа» 1725 г.), которая была водружена напротив северного фасада Летнего дворца в 1946 г., оказались рядом.[18] Временная разница между их созданием около 10 лет. Точная дата создания барельефов не установлена, но указ Петра I делать фигуры между окнами первого и второго этажа «как боудиректор даст» относится к 1714 г.[19] Как за это время изменилось освещение событий! Если в ранних аллегорических композициях на фасадах Летнего дворца Швеция (или шведская армия, или даже сам Карл XII) — это морское чудовище, или козлоногий пан, или Актеон, которого разорвали собственные собаки, или Медуза Горгона, которой Персей отрубает голову (толкование аллегорического значения барельефов произвела М.А. Тихомирова, опираясь на аналоги изображений в картинах Триумфальных врат петровского времени)[20], то в памятнике, который создан уже после окончания Северной войны, ирония в отношении бывшего противника уже не в ходу. Швецию олицетворяет лев, который хотя и побежден, но латинская надпись в картуше провозглашает «Велик и тот, кто дает, и тот, кто принимает, но самый великий тот, кто то и другое свершить может».[21] Считается, что здесь подчеркивается равенство того, кто предлагает условия мира, и того, кто их принимает, т.е. и победителя, и побежденного. Конечно, не все так однозначно. Ведь льва (аллегория Швеции) попирает женская ножка (аллегория Победы), а орел (аллегория России) стремится взлететь.

В петровское время скульптурные произведения приобретались сериями, их появление в саду не было случайностью[22]. Аллегори-

---

[18] *Хвостова Г.А.* За кулисами петровского парадиза, или История скульптуры Летнего сада в XVIII–начале XXI века. СПб., 2017. С. 153.

[19] Общий архив Министерства Императорского Двора. Списки и выписки из архивных бумаг.СПб. [Б.и.] С. 48 (№9).

[20] *Тихомирова М.А.* Тематика барельефов Летнего дворца Петра I и Большого Петергофского каскада // Научные работы Летнего сада–Летнего дворца и Домика Петра I. Бюллетень № 1. (Сборник научных работ за 1948 год). Л.л. 41–77. Находится в секторе «Летний сад–Летний дворец и Домик Петра I» ГРМ.

[21] *Тихомирова М.А.* Тематика барельефов Летнего дворца Петра I и Большого Петергофского каскада // Научные работы Летнего сада–Летнего дворца и Домика Петра I. Бюллетень № 1. (Сборник научных работ за 1948 год). Л.л. 41–77. Находится в секторе «Летний сад–Летний дворец и Домик Петра I» ГРМ.

[22] *Неверов О.Я.* Новые материалы к истории скульптурного убранства Летнего сада // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 297–311; *Он же*:

ческое значение статуй и скульптурных бюстов так или иначе было связано с победами в Северной войне, основанием Санкт-Петербурга, наказанием врагов, которые получили русские земли в 1617 г. по Столбовскому миру, а также с расцветом государства в результате этих побед.

В наше время подчеркнуть значимость коллекции Петра I могла продуманная расстановка мраморных изваяний. Речь не шла о дословном восстановлении петровской расстановки коллекции. При общей схожести современной планировки и планировки сада XVIII в. они все-таки отличаются в деталях. Не все скульптурные произведения Летнего сада начала XVIII в. до нас дошли. Кроме того, хотя и в небольшом количестве, добавились новые. Возможность логичной расстановки коллекции начали обсуждать еще до Великой Отечественной войны, работа продолжилась и в мирное время. «В 1956 году был составлен совмещенный топографический план по описям 1728, 1736, 1771, 1794 гг. и более поздних годов, и на основе полученных данных произведена перестановка всей пластики, которая в какой-то мере приблизила ее к топографии петровского времени»[23]. К моменту реставрационных работ 2009–2011 гг. расстановка скульптурных произведений по саду представляла стройную систему. Изменения, которые внесла реставрация, потребовали и изменений в расположении скульптур.

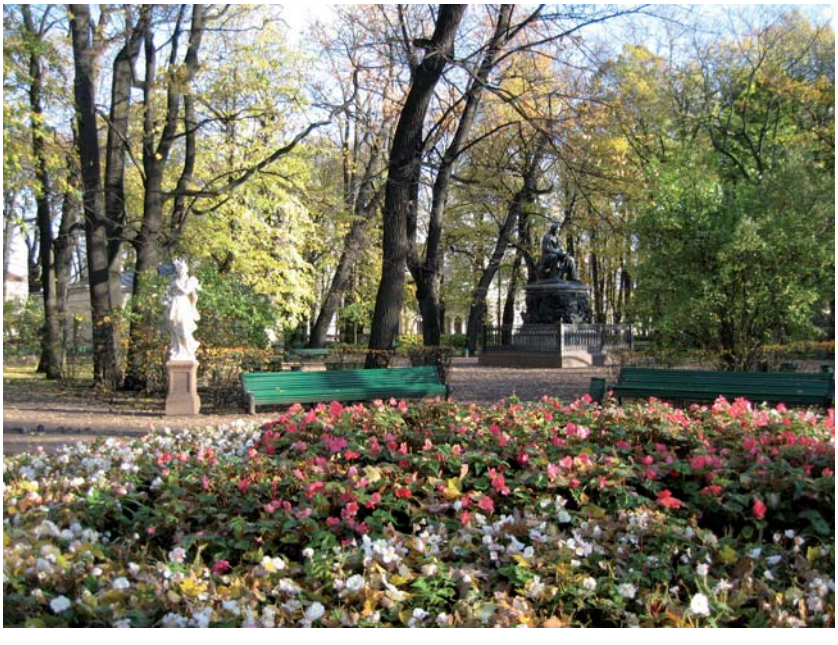
Например, «Старики» или «Философы» до реставрационных работ группировались вокруг скульптурного бюста «Двуликий Янус» на круглой площадке в северо-западном углу сада, но данная площадка больше не существует. «Философы» были перенесены к воссозданному Коронному фонтану, Двуликий Янус, к сожалению, остался без окружения. Поменялись скульптурные бюсты на аллее Росси перед Кофейным домиком. Огибная дорога (зеленый коридор, образованный сплетенными ветвями деревьев, закрепленными на деревянном каркасе), устроенная по центру Школьной аллеи, зрительно изменила восприятие пространства сада (илл. 4). Тем не менее, общая логика расстановки скульптуры сохранилась, и посетители, переходя от одного произведения к другому, видят мраморные изваяния, посвященные военным победам и плодам мира, расцвету государства, плодородию, изобилию, расцвету искусств.

Скульптурные циклы в декоре Летнего сада // Страницы истории западноевропейской скульптуры. Сб. науч. ст. Памяти Ж.А. Мацулевич. (1890-1973) / Гос. Эрмитаж СПб., 1993. С. 136–163.

[23] *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988. С. 56.

Илл. 4. Партер Летнего сада после реставрации 2009-2011 гг.
Огибная дорога. Фотография С.В. Шапошниковой

Илл. 5. Памятник И.А. Крылову в Летнем саду до реставрации 2009-2011 гг.
Фотография С.В. Шапошниковой.

Нельзя не сказать о наполнении боскетов, поскольку эта художественно важная часть образа сада вызывала дискуссии и в 50-е годы XX в., и позже. В одном из четырех боскетов находится памятник И.А. Крылову, сооруженный в 1855 г. (илл. 5). В этом боскете в петровское время находился каскад дельфиновый. Тем не менее, памятник баснописцу, помещенный в Летний сад по указанию Николая I, не случайная черта сада. В отсутствие зеленого лабиринта с фонтанами, украшенными фигурками на темы басен Эзопа, одной из последних затей Петра I в Летнем саду, этот памятник напоминает о том, что Петр I любил и знал басни Эзопа и что морализаторство свойственно символике петровского времени.

В боскете напротив воссоздано здание Голубятни, в которой расположен небольшой музей археологических находок, сделанных в процессе подготовки к предстоящей реставрации сада. Самым интересным экспонатом, безусловно, являются «свинцовые грамоты» петровского времени — пластины с процарапанными на них надписями, маркировочные бирки водопроводящих труб[24]. Это живое свидетельство петровской эпохи.

Музеефикация археологического раскопа фонтана «Лакоста» в зеленом кабинете рядом с нынешним Кофейным домиком, а в петровское время Гротом, стала также еще одним зримым свидетельством петровской эпохи и усилий по устройству фонтанной системы в Летнем саду.

Удачей реставрации Летнего сада является воссоздание Красного сада с овощными грядками и одноструйным фонтаном в центре. Плодоносящие цитрусовые деревца, которые выставляются летом из оранжереи, фигурная стрижка растений, стены стриженого кустарника, на фоне которых выделяются беломраморные изваяния — все это работает на создание образа петровской эпохи.

Тот Летний сад, который мы видим сегодня, — это не сад петровского времени. Он отчасти воспроизводит его облик, но это лишь вариация на тему петровского «огорода». Тем не менее, па-

[24] *Новоселов Н.В.* «Свинцовые грамоты» из Летнего сада / Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXIX. Сборник статей по материалам научной конференции, посвященной истории дворцов Русского музея. (Русский музей, 2016). СПб. 2017. С. 14–22.; *Он же:* Производственные надписи фонтанных мастеров XVIII в. (по материалам археологических раскопок на территории Летнего сада в Санкт-Петербурге в 2009–2011 гг.) // Петровское время в лицах — 2016. Материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа. Выпуск LXXXIII. СПб., 2016. С. 251–262.

Илл. 6. Уголок Летнего сада после реставрации 2009-2011 гг.
Фотография С.В. Шапошниковой.

мять о Петре I живет в обновленном Летнем саду в многообразных формах — в планировочных решениях сада, подлинных памятниках петровской эпохи, в воссозданных строениях и фонтанах, в зеленых декорациях (илл.6).

Екатерина Александровна Шишкина
(Санкт-Петербург)

Начальник отдела памятников и мемориальных досок, хранитель Государственного музея городской скульптуры»

Император у «Домика». К юбилею открытия памятника-бюста Петру I на Петровской набережной

Ekaterina A. Shishkina

The Emperor at the «Little House». On the anniversary of the opening of the monument-bust to Peter I on Petrovskaya Embankment

Аннотация: Памятник Петру I, установленный в 1875 г. на Петровской набережной, неподалеку от Первоначального дворца царя, любовно называемого «Домиком Петра», занимает довольно скромное место среди петровских монументов, но имеет свои особенности. Главное — памятник подчеркивает неразрывную связь с исторической реликвией, Домиком Петра I, постройкой, появившейся в первые дни основания города. История создания памятника, история его бытования до сих пор таят некоторую неясность, можно сказать, недосказанность. Автор попытался разобраться в некоторых спорных вопросах, касающихся авторства бюста и поделиться сведениями о памятнике, которые публикуются впервые.

Abstract: The monument to Peter I, erected in 1875 on Petrovskaya embankment, not far from the Tsar's Original Palace, lovingly called the «Peter's House,» occupies a rather modest place among the Peter's monuments, but it has its own characteristics, but the main thing is that the monument emphasizes the inextricable connection with the historical relic - the House of Peter I - buildings that appeared in the early days of the founding of the city. The history of the creation of the monument, the history of its existence is still fraught with some ambiguity, one might say understatement. The author of the article, in his museum research, tried to understand some controversial issues regarding the authorship of the bust and share information about the monument, which are published for the first time.

Ключевые слова: Петр I, памятник, «Домик Петра», реставрация, подпись.
Keywords: Peter I, monument, «Peter's Little House», restoration, signature.

Памятник Петру I, установленный в 1875 г. на Петровской набережной, неподалеку от Первоначального дворца царя, любовно называемого «Домиком Петра», занимает довольно скромное место среди петровских монументов, но имеет при этом свои особенности, Главное — памятник подчеркивает неразрывную связь с исторической реликвией, Домиком Петра I, постройкой, появившейся в первые дни основания города — «срублен из бревен за три дня 24–26 мая 1703 г.»)[1] (илл. 1-2). История создания памятника и его бытования до сих пор таит некоторую неясность, можно сказать, недосказанность...

Совершенно точно удалось узнать из архивных документов, что бюст императора появился на Петербургской стороне благодаря инициативе благотворителей — коллежского советника Ильи Федуловича Громова[2] и статских советников Сергея Дмитриевича Башмакова[3] и Петра Ионовича Губонина[4], принявших на себя расходы

[1] Петровские памятники России. СПб. 2010. С. 30.

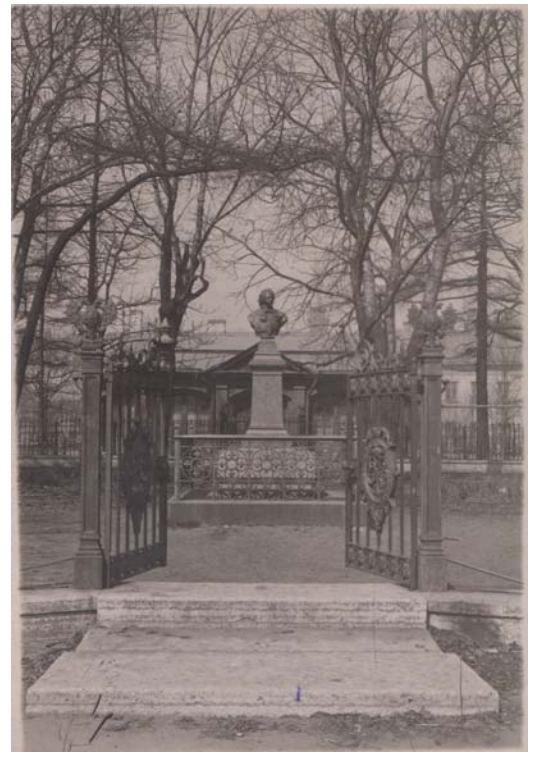
[2] Громов Илья Федулович (1819/21(?)–1882) — промышленник, благотворитель, купец, меценат, коллекционер, потомственный почетный гражданин городов Петрозаводска и Вытегры, почетный член Олонецкого губернского статистического комитета. Продолжил семейное дело и благотворительную деятельность династии Громовых после своего отца Федула Григорьевича Громова и старшего брата Василия Федуловича Громова.

[3] Башмаков Сергей Дмитриевич (1831–1877) — потомственный дворянин, сын предводителя дворянства и губернатора Тамбовской губернии Д.Е. Башмакова. В 1850 г. занимал должность статского советника по особым поручениям при губернаторе Петербурга, занимался железнодорожным строительством и благотворительством.

4 Губонин Петр Ионович (1825–1894) — русский купец 1-й гильдии, промышленник, предприниматель, благотворитель. «Железнодорожный король, крупнейший игрок на рынке нефтепереработки, металлургии, общественного

Илл. 1. Памятник Петру I у Домика на Петровской наб. Общий вид. Фото автора. 2025 г.

Илл. 2. Памятник Петру I на Петровской набережной. Фото К. Буллы. До 1902 г. Открытый интернет-источник.

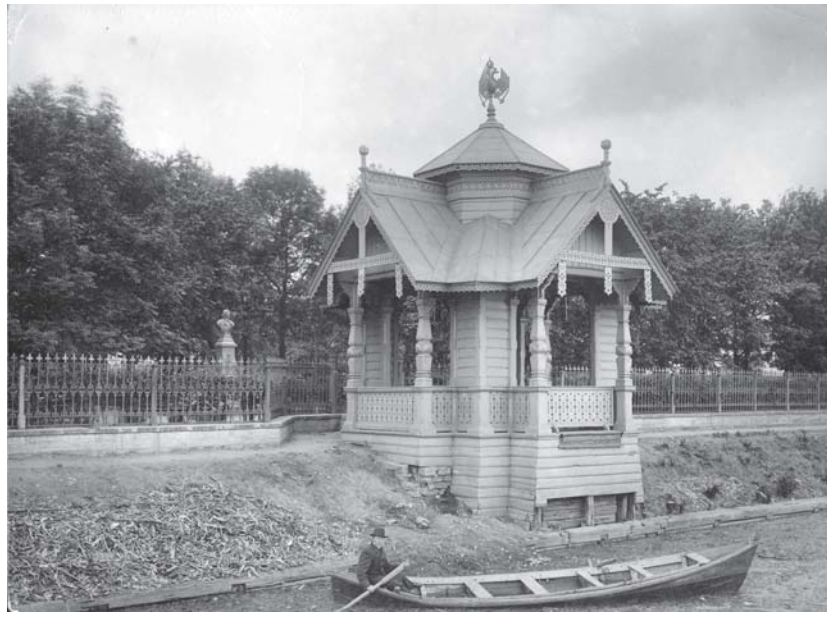
по сооружению нового сквера, ограды с украшениями и памятника Петру I, о чем согласно рапорту в придворную ЕИВ канцелярию заведующего Первоначальным дворцом Императора Петра I Дегтярева отмечалось: «...жертвователи: коммерции советник Громов взял на свои средства устроить сад, павильон с пристанью и бюст Петра I, бронзовый и мраморный пьедестал с гранитным фундаментом; с таковою же площадкой, на которой будет чугунная решетка с орлами и др. украшениями. Статские советники Башмаков и Губонин приняли на себя устроить кругом нового сада решетку с позолотою орлов, вензелей и пик с окраской и бронзировкой оной. По собранным мною сведениям, расходы первого будут простираться до 28000руб., последних двух до 1400 руб.; а цоколь под решетку разными жертвователями до 7500 руб.»[5]

Кроме того, жертвователям было разрешено установить памятную доску на ограде сада с их именами. Об этом упоминается в записке придворной ЕВ конторы к заведующему Первоначальным Дворцом Императора Петра I коллежскому асессору Дегтяреву 19.08.1875 о том, что «...Государь император... Высочайше разрешил устроить при Первоначальном Дворце императора Петра I (на Петербургской стороне): а) сад на обращенном в Придворном ведомстве месте между рекой Невой и прежним садом у Дворца; б) чугунную решетку вокруг нового сада, ниже которого будет пристань для причала лодок; в) бронзовый бюст Императора Петра I в саду; г) беседку на берегу р. Невы. При этом Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить ходатайствовать о том, чтобы новый сад, пристань для лодок, бюст Петра I с решёткой и беседка устроены были согласно Высочайше одобренным планам на средства коллежского советника Громова, а чугунная решетка вокруг нового сада на средства статских советников Губонина и Башмакова, затем на пожертвования других лиц устроить фундамент из цоколя под решетку, в которую вделать медную доску с надписью имен главных жертвователей, но с тем чтобы проект таковой доски и надпись на ней предварительно были представлены для рассмотрения...»[6] (илл. 3).

транспорта — рожден был крепостным, потомственным каменотесом». Из статьи Ф. Косарева «Тайный советник в синей чуйке», сайт «Русская вера», 12.10.2019.

[5] ЦГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1333 «Об устройстве на свободном месте позади Первоначального дворца Императора Петра Великого на реке Неве сада, беседки и проч.» Л. 11.

[6] ЦГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1333. Л. 15, 15 об.

Илл. 3. Памятник Петру I на Петровской набережной.
Фото К. Буллы. До 1902 г. Открытый интернет-источник.

Если были определены суммы расходов, значит, были определены сметы и проекты, в т.ч. памятника, но архивные документы, сохранив для нас имена жертвователей, не донесли сведений — кто является автором проекта памятника, кем отливалась скульптура, изготавливался постамент и т.д. Как правило, такие сведения оседают в архивах в связи с выплатами за ту или иную работу, особенно, если средства государственные, но в данном случае весь расчет шел через частных лиц. Это чрезвычайно сокращало сроки. Благотворители спешили завершить работы по благоустройству пространства у Домика Петра I к 150-й годовщине со дня смерти Императора. И вот, 9 сентября 1875 г. газета «Петербургский листок» №153 сообщала: «что сквер перед Домиком Петра уже устроен, обнесен красивою бронзированной решеткой с золотыми орлами... На площадке сада, лицом к Неве, поставлен бюст Петра I, изящно сделанный под античную бронзу».[7]

На цоколе памятника вырублена дата «1875 год /30 августа», дата особенная: в этот день в 1721 г. был заключен «вечный мир со

[7] «Петербургский листок» от 09.09.1875. №153.

Швецией по окончании Северной войны»[8], 30 августа 1724 г. в Петербург были перенесены мощи Святого благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя города.[9] Этот день до сих пор празднуется ежегодно как день обретения мощей Святого бл. Князя Александра Невского (илл. 4). Вполне вероятно, что 30 августа 1875 г. происходило освящение памятника-бюста Петра I, но ни одна петербургская газета об этом не сообщала.

Памятник представляет собой бронзовый портретный бюст императора, это портрет молодого Петра I — основателя города. Бюст на четырехгранной профилированной ножке водружен на высокий четырехгранный пьедестал, который окружен чугунной оградой (илл. 5). Композиционное решение бюста лаконично: изображение погрудное, постановка торса фронтальная, голова несколько повернута влево. Петр I изображен с непокрытой головой, в латах, с Андреевской лентой через плечо, на шее кружевной шарф. Рельефы на латах посвящены деяниям императора. На правом нагрудном щитке кирасы в аллегорической форме представлена роль Петра как преобразователя России: император в короне и мантии высекает из глыбы камня фигуру молодой женщины со скипетром и державой в руках; на левом нагрудном щитке изображен эпизод Полтавской битвы; на панцире — батальная сцена. На обрезе левого плеча, на латах — изображение львиной маски, символа храбрости (илл. 6). «Резчик, выделывающий статую России» — это девиз Петра I, пластическое выражение которого изображено на латах с правой стороны.

Впервые его использует скульптор Б. Растрелли при создании бюста Петра I в 1723 г. В дальнейшем декоративные символические

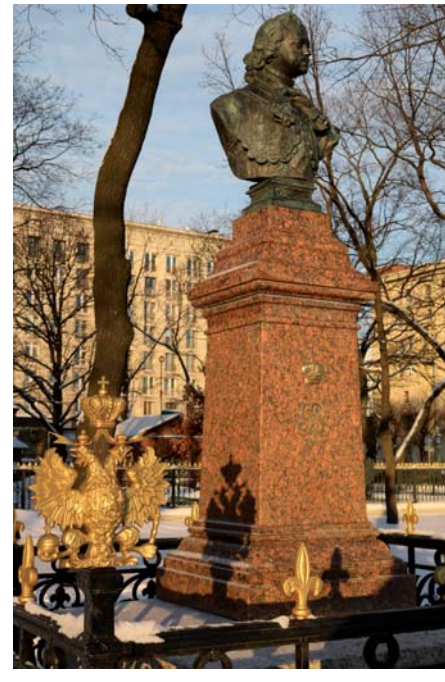
---

[8] 30 августа 1721 г. между Россией и Швецией был заключен «Ништадтский мирный договор», который завершил Северную войну 1700–1721 гг. «...22. И хотя впредь между обоими государствами и подданными какие ссоры и несогласия произошли, то, однако ж, имеет сие заключение вечного мира в совершенной силе и действии пребыть. А ссоры и несогласия чрез назначенных к тому с обеих сторон комиссаров немедленно разысканы и по справедливости окончены и успокоены быть». Цит. по: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., Русская книга. 1992; Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией [Электронный ресурс} // Исторический факультет Московского государственного университета. 1997–2009; Копии Ништадтского мирного договора хранятся в коллекции Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Источник электронной копии — РГБ. Место хранения оригинала — РГБ.

[9] 30 августа (12 сентября по н.с.) 1724 г. по указу Петра I мощи Святого благоверного князя Александра Невского были перенесены из Рождественского монастыря во Владимире в Санкт-Петербург.

Илл. 4. Надпись на тыльной стороне постамента памятника Петру I. Фото автора. 2025 г.

Илл. 5. Общий вид памятника Петру I после реставрации. Фото автора. 2023 г.

Илл. 6. Фрагмент памятника Петру I на Петровской наб. Обрез левого плеча бронзового бюста в виде львиной морды. Фото автора. 2025 г.

детали этой скульптуры использовались в работах целого ряда мастеров, в которых данный сюжет не был обойдён вниманием, в частности, и скульптором Н.-Ф. Жилле (илл. 7).

Одним из первых на это обратил внимание Л.А. Бубнов, автор научного паспорта на памятник Петру I Э.-М. Фальконе, составленного в 1941–1942 гг.: «При торжественной процессии несения останков Великого преобразователя России — Петра I «полковник Козодавлев нес белое знамя с изображением золотом шитого девиза Петра I — «Резчик, выделывающий статую России».[10] Иван Бакмейстер в своем «Историческом известии о изваянном конном изображении Петра Великого» свидетельствует, что «Петр имел печать с таким же изображением и в образе «каменосечца» изображен он сам»[11]

И.И. Голиков в «Деяниях Петра Великого» пишет: «Петр изобразил себя стоящим на коленях с молотом и долотом в руках, в качестве скульптора перед мраморной статуей России, которую от отделывал (Статуя отделана только до колен)».[12]

Итак, в дополнение к символическим деталям, изображенным на бюсте Петра и исполненным Б. Растрелли, а затем скульптором Н.-Ф. Жилле, можно сказать, что на бронзовых латах с правой стороны помещено пластическое воплощение девиза Петра I — «Резчик, выделывающий статую России».[13]

Кстати, на первой выставке работ К.Б. Растрелли в ГРМ были представлены «круглые барельефы неизвестного назначения, сделанные под влиянием рельефов Растрелли. Среди них под №13 экспонировался рельеф «Петр I-скульптор, высекающий статую, символизирующую новую Россию».[14]

Возвращаясь к описанию памятника-бюста, обращаем внимание, что с тыльной стороны обрез бюста начинается чуть ниже

---

[10] *Бубнов Л.А.* Паспорт на памятник Петра I Э.-М. Фальконе. Л. 1942. С 1. Бубнов Л.А. ссылается на издание «Ядро истории императора Петра Великого». 1795. С. 361-362.

[11] *И. Бакмейстер.* «Историческое известие об изваянном конном изображении Петра Великого. СПб. 1786. С.24.

[12] Иван Иванович Голиков (1735–1801) — автор 15-томного издания «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников». 1788.

[13] Этот девиз Петра и стал определяющей идеей, вложенной в памятник, созданный Растрелли, а затем и в конный монумент Э.-М. Фальконе — Медный всадник.

[14] Каталог произведений выставки «К.Б. Растрелли старший (1670–1744)». Л. 1939. С. 17. ГРМ, барельеф, диаметр 35 см, бронза, надпись «Adiuvant» (от лат. «В помощь»).

Илл. 7. Рельеф «Петр I-скульптор, высекающий статую, символизирующую новую Россию» / название дано по кат. ГРМ /Изображение на латах с правой стороны мраморного бюста Петра I (ск. Н.-Ф. Жилле). Из собрания Государственной Третьяковской галереи. Рельеф на мраморном бюсте идентичен изображению на латах с правой стороны бронзового бюста Петра I на Петровской набережной из собрания Государственного музея городской скульптуры. Фото автора. 2024 г.

линии плеч. И — редкая деталь(!)– срез закрыт листом меди, закрепленным специальными заклепками (илл. 8).

На плинте бюста с тыльной стороны во время реставрации в 2021–2022 гг. была обнаружена полустершаяся, а точнее, пострадавшая от последствий бронзовой «болезни» плохо различимая надпись: «ОТЛИТО БЕЗЪ /далее неразборчиво/15 НА ЗАВОДЪ М / далее буква У или О/ РАНДЪ. 1875» (Фото надписи публикуется впервые). Обнаруженная надпись подтверждает, что бюст был отлит на бронзолитейном заводе Адольфа Морана[16] в 1875 г. (илл. 9–12).

[15] На основании сравнительного анализа вариантов клейм, которыми отмечались изделия завода А. Моранда, утраченный фрагмент — «безъ чеканки». Этим подчёркивалось высокое качество выполненной отливки.

[16] Моран Адольф Петрович — француз, владелец фабрики бронзовых, гальванических и медных изделий, основанной в 1849 г. на базе завода герцога Лейхтенбергского. Фабрика располагалась на Обводном канале, 165. На французском фамилия Морана — Morand. В клеймах фабрики встречаются варианты с написанием характерной буквы «д» — «А. Моранд СПб.» и через букву «у» — «Мурандъ». «Фабрика Морана известна специалистам по бронзе и коллекционерам главным образом благодаря тем имеющимся клеймам, отливкам камерной реалистической скульптуры, которые выполнялись здесь в конце XIX —

Илл. 8. Тыльная сторона бюста Петра I на Петровской набережной. Фото автора. 2025 г.

Илл. 9. Плинт основания бюста Петра I с тыльной стороны. Место расположения гравировки-подписи, обнаруженной начальником отдела памятников и мемориальных досок ГМГС Е.А. Шишкиной в 2022 г. Фото В.И. Васюкова. 2025 г.

Илл. 10-12. Фрагменты подписи на тыльной стороне плинта основания бюста Петра I. Фото автора. 2022 г.

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Бюст установлен на квадратном в плане пьедестале из красного полированного гранита и имеет удлиненные пропорции, сложно профилированную верхнюю часть с выносным карнизом и профилированный плинт.

На зеркале лицевой стороны пьедестала укреплены бронзовые декоративные детали: накладной вензель (личная монограмма императора в виде двух перекрещенных латинских литер «Р», зеркально отражающих друг друга и цифрой I — Petro Primo) и короной над ним[17] (илл. 13).

К сожалению, бронзовый вензель и корона были утрачены в начале XX в. По найденным архивным фотографиям и выполненным в музее моделям они были восстановлены в ходе реставрации 2021–2022 гг.

В основании памятника — цоколь из красного кованого гранита. На тыльной стороне цоколя надпись вырубленными знаками «1875 год 30 августа». Памятник окружен квадратной в плане чугунной решеткой, состоящей из четырех звеньев. Чугунные столбики по углам ограды имеют завершения в виде вызолоченных двуглавых орлов, наверший-пик, оформленных в форме лилий, одним из символов королевской власти. Цоколь самой решетки одновременно является подножием памятника.

В 1987 г. памятник вошел в коллекцию Государственного музея городской скульптуры, и встал вопрос о его атрибуции.

В путеводителях и справочниках 1950–70-х г.[18] упоминается имя скульптора П.П. Забелло[19], но без должной аргументации и ар-

---

начале XX в.», т.е. времени создания нашего бюста. Особенностью фабрики Морана с середины XIX в. и до последних лет существование — качественное монументальное литье, традиции производства которого были использованы и в советское время». Величественная бронза А. Морана. Антикварная площадка онлайн. Lermontovgallery.ru

[17] Вензель — это усложненная монограмма, которая отличается сложным узором, витиеватостью переплетений букв, украшениями в виде веточек, росчерков и цифр. Петр I — первый из русских царей, который стал использовать личную монограмму (вензель) — две перекрещенные отраженные латинские буквы Р с цифрой I.

[18] Музей «Домик Петра I». Лениздат. 1979. С. 3; Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. КГИОП. СПб. 2005. С. 461, п. 1798.

[19] Забелло Пармен Петрович (1830–1917) — скульптор, академик Императорской Академии художеств. Ученик П.К. Клодта. Автор бюста М.В. Ломоносову на пл. Ломоносова.

Илл. 13. Накладные декоративные детали — вензель и корона— на лицевой стороне постамента памятника Петру I на Петровской набережной. Вензель и корона. Фото автора. 2023 г.

хивных документов. В списках работ скульптора Забелло нет упоминаний о выполненном им бюсте Петра 1. Кроме того, работы Забелло полностью соответствуют художественной манере выполнения скульптур во 2-й половине XIX в., а перед нами парадный репрезентативный портрет Петра, более характерный для искусства XVIII в. К тому же работы Забелло имеют авторскую подпись, например, на тыльной стороне бюста М.В. Ломоносова, установленного в 1892 г. на площади Ломоносова. Это послужило основой для поиска аналогов изображений Петра I, созданных в XVIII в.

Чтобы уточнить авторство бронзового бюста Петру I, нами была проанализирована имеющаяся иконографиями и было отмечено чрезвычайное сходство бронзового бюста Петра I с его мраморным

портретом работы скульптора Н.-Ф. Жилле[20], который и по выразительным качествам, и по своему масштабу как нельзя лучше подходит к месту установки перед Домиком Петра. Кстати отметим, что на примечательное сходство бронзового бюста с мраморным портретом Петра I работы Н.- Ф. Жилле еще в 1972 г. обратил внимание Г.Б. Ильин в своей публикации «Кто же автор?» в газете «Ленинградская правда» от 07.04.1972 г.

Это безусловно парадное изображение императора, сообразное великому уважению к памяти о Петре. Тенденция обращения к репрезентативным скульптурным портретам императора, созданным в XVIII столетии, становится распространенной в конце XIX — нач. XX в., хотя появляются и черты жанровости в трактовке образа.

Н.-Ф. Жилле выполнил императора в 1760-х гг., используя широко известный парадный прижизненный портрет Петра работы знаменитого Бартоломео Растрелли (1723), создав некую вольную интерпретацию и совместив первоначальный источник с собственными представлениями о значении личности Петра. Первоначально мраморный бюст находился в собрании князя А.Б. Лобанова-Ростовского[21], затем в коллекции Николая II, после в ГЭ, откуда в 1931 г. передан в собрание Государственной Третьяковской галереи, где находится в экспозиции до сих пор (илл.7).

Сравнение мраморного бюста Петра I работы Жилле и бронзового бюста, установленного на Петровской набережной, убеждает нас в сходстве этих произведений: постановка, выразительные детали, в т.ч. аналогичные изображения львиной головы, размеры, несмотря на то, что сохранённый размер мраморного бюста для памятника даже маловат — бронзовый бюст воспринимается как станковое произведение. Проработка декоративных деталей, портрета, имеют некоторые расхождения в нюансах, но их следует отнести за счет смены материала. Явных отличий, каких-либо новых авторских переработок в бронзовом бюсте не выявлено.

---

[20] Жилле Николя-Франсуа (1709–1791) — французский скульптор, профессор скульптуры Императорской Академии художеств. В основном работал как портретист. Наиболее известные работы — бюст великого князя Павла Петровича (1765, ГРМ), бюст Президента Академии Художеств И.И. Шувалова (1760 гг.), бюст Екатерины II (1764). Среди его учеников — скульпторы Ф.И. Шубин, Ф.Г. Гордеев, М.И. Козловский, И.П. Мартос, И.П. Прокофьев.

[21] Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) — князь, русский дипломат, генеалог, действительный тайный советник, коллекционер, меценат.

Все отмеченное позволяет считать, что главным источником при создании памятника является, несомненно, мраморный бюст Петра I Жилле, и можно говорить о копии, о повторении его в новом материале (илл. 14,15). Чтобы выполнить перевод мраморного бюста в бронзу, необходимо снятие технической модели с первоисточника и подготовка формы для отливки в бронзе.

При создании и установке памятника перед Домиком Петра кто-то должен был помочь заказчикам перевести мраморный бюст Жилле в бронзу, т.е. подготовить техническую модель для отливки в бронзе. Скульптор Забелло — ученик П.П. Клодта, не только скульптора, но и литейщика — вполне мог быть хорошо подготовленным в вопросах отливок, созданий восковых моделей и производстве литья в бронзе. Кроме того, Забелло — выдающийся мастер, создавший целый ряд портретов, вряд ли бы стал так «дословно» повторять работу Жилле, не пытаясь внести индивидуальность, свой творческий почерк в это изображение.

Наша версия подтвердилась мнением специалистов Государственной Третьяковской галереи, которые называют П.П. Забелло мастером, выполнившим модель и бронзовый отлив, установленный перед Домиком Петра I.[22]

Исходя из этих аргументов, но не получив документальных подтверждений причастности Забелло к созданию бронзового бюста, не имея достаточных оснований для снятия его имени из числа авторов, представляется возможным оставить имя Забелло как предположительного участника создания памятника Петру I, но не автора.

Вывод: бюст Петра I у Домика, выполненный из бронзы, является повторением мраморного бюста работы скульптора Н.-Ф. Жилле. Отлит из бронзы на заводе Адольфа Морана в Петербурге.

Удачны пропорции постамента, его соотношение с бюстом, пьедестал не перегружен деталями, выразительны вензель Петра I и корона над ним. Надпись с тыльной стороны не мешает целостности восприятия памятника, он тактично вписывается в камерный ансамбль Домика и его окружения.

В истории бытования памятника имеется еще один факт, который требует пояснений. По воспоминаниям, на памятнике была «табличка», но никаких следов ее присутствия на памятнике не было выявлено ни сейчас, ни ранее. Известно, что в одном из

[22] Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи. Скульптура XVIII– XX веков. Москва. 2000. Т. 1. С. 153.

Илл. 14. Бюст Петра I. Мрамор.
Из собрания Государственной
Третьяковской галереи.
Фото из электронного каталога ГТГ.

Илл. 15. Бюст Петра I. Бронза.
Из собрания Государственного музея
городской скульптуры.
Фото автора. 2025 г.

документов — в рапорте заведующего Первоначальным Дворцом Петра Дегтярева — есть сведения о том, что «жертвователи испрашивают разрешение вделать в решетку медную доску с их именами». Листа относительно реализации прошения жертвователей в архивных документах не обнаружено.[23] Об этой доске остались лишь воспоминания, иконография доски отсутствует.

Реставрация, проводимая музеем в 2021–2022 гг., являлась по сути первой реставрацией памятника с воссозданием утраченных деталей и использованием новых технологий реставрации и консервации бронзы и камня, из которых изготовлен памятник. В ходе реставрации были проведены исследования по составу бронзы и определены участки, пораженные коррозией, «бронзовой болезнью». Проведен анализ патины, покрывающий поверхность бронзы, отличительной особенностью которой является яркий изумрудный цвет, но опасных хлоридов в ее составе не было обнаружено. Это не может не радовать. Небольшие участки были перепатинированы с применением метода холодного газодинамического напыления (ХГН), сохранена и уплотнена здоровая патина, имеющая зеленоватый оттенок. Приняты меры к консервации бронзовой поверхности. Воссозданы утраченные детали — петровская монограмма, корона. Произведена расчистка камня, биоцидная обработка, утраченные связующие составы восполнены, восстановлена полировка гранита.

Ограда из чугуна расчищена от поздних лакокрасочных наслоений, утраченные декоративные детали — навершия в виде двуглавых орлов и лилий — были воссозданы, ограда окрашена графитом.

И вот уже 150 лет как этот небольшой, привлекательный, чуть загадочный памятник установлен в историческом месте у Домика императора. Он чрезвычайно гармоничен Домику, укрытому кирпичным защитным кожухом — цвет кирпича и цвет гранитного постамента близки по тональности, «золотые» детали ограды памятника идентичны «золоту» декора большой ограды, достаточно яркая зелень патины на поверхности бюста словно отсвет листвы деревьев сквера.

150 лет памятник-бюст сохраняет память о дерзновенном времени строительства нового города, о высоких замыслах его державного основателя и скромной повседневной жизни императора, но главное — напоминает нам о трудах Петра на благо России.

---

[23] ЦГИА. Ф. 469. Оп. 12. Д. 1333. Л.11.

ГОРОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Александр Михайлович Пашков
(Петрозаводск)
Профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Петр I в Карелии: особенности исторической памяти в дореволюционный период

Alexander M. Pashkov

Peter the Great in Karelia: Features of Historical Memory in the Pre-Revolutionary Period

Аннотация: Доклад посвящен восприятию Петра I и его эпохи населением Карелии в дореволюционный период. В первую очередь необходимо отметить развитую фольклорную традицию, посвященную Петру. Второй формой сохранения исторической памяти о царе Петре стали историописания краеведов. Сохранение памяти о Петре и петровской эпохе Карелии проявилось в ее мемориализации. Сохранению исторической памяти о Петре и петровской эпохе способствовали юбилейные кампании начала XX века.
Abstract: The report is devoted to the perception of Peter I and his era by the population of Karelia in the pre-revolutionary period. First of all, it is necessary to note the developed folklore tradition dedicated to Peter. The second form of preserving the historical memory of Tsar Peter was the historiography of local historians. The preservation of the memory of Peter and the Petrine era in Karelia was manifested in its memorialization. The anniversary campaigns of the

early 20th century contributed to the preservation of the historical memory of Peter and the Petrine era.

Ключевые слова: Петр I, Карелия, историческая память, краеведческая историография, мемориализация, юбилейные кампании.
Keywords: Peter I, Karelia, historical memory, local history studies, memorialization, anniversary campaigns.

Петр I был на территории Карелии и в Посвирье восемь раз. В 1702 г. он совершил поход по «Осударевой дороге» по маршруту Нюхча — Повенец — Онежское озеро — река Свирь. Трижды царь в 1703 и 1704 гг. побывал на Олонецкой (Лодейнопольской) верфи и, наконец, четыре раза (в 1719, 1720, 1722 и 1724 гг.) ездил из Петербурга лечиться на Марциальные воды. В этих поездках Петр исколесил всю Карелию, а по времени в них не менее 180 дней. Эти обстоятельство не могли не сформировать устойчивую, разнообразную по своим проявлениям историческую память о царе Петре.

В первую очередь необходимо отметить развитую фольклорную традицию, посвященную Петру. Царя видели и слышали тысячи людей, многие разговаривали с ним. Поэтому еще при жизни монарха о нем сформировался комплекс устной истории. Постепенно уже к середине XVIII в. возник комплекс петровских исторических преданий. Их было так много, что можно даже говорить о своего рода петровском эпосе — «Петриаде».

Сразу после смерти Петра около Крестовоздвиженской церкви на Зареке был установлен поклонный крест с надписью: «1725-го генваря 29 дня построил сей честный крест Господень по вере своей Петровских заводов житель Иулианъ Иоановъ Сараевъ на поклонение всемъ православнымъ христианомъ». Считается, что этот крест был воздвигнут в память о пребывании на заводах императора Петра Великого в год его смерти. По имеющимся сведениям, первоначальный крест разрушился от времени, а взамен его в середине XIX в. был поставлен новый.

Еще одной формой сохранения исторической памяти о Петре стали сочинения краеведов. Они стали появляться уже в эпоху Просвещения, постепенно приобретая со временем все более научный характер. Основателем краеведческой традиции изучения петровской эпохи в Карелии был Тихон Васильевич Баландин (ок. 1748–1830)[1]. Он был уроженцем Петровской слободы (с 1777 г. — город

[1] Подробнее о нем см.: *Пашков А.М., Пигин А.В.* Предисловие // *Баландин Т.В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб., 2016. С. 3–34.

Петрозаводск). Его дед был «один из первых петрозаводских поселенцев и поставщиком к императорскому двору дичи и других съестных припасов»[2]. В одном из документов упоминается о переизбрании Петра Тимофеева Баланды в феврале 1745 г. с должности церковного старосты Петропавловской церкви Петровской слободы[3]. Вероятно, это и был дед краеведа. В детские годы Тихона Баландина память об основании в 1703 г. Петровского завода и о приездах в Петровскую слободу Петра I, последний из которых состоялся в 1724 г., еще была жива среди местных жителей. Рассказы первых жителей Петровской слободы, соседей и друзей семьи Баландиных произвели огромное впечатление на юного Тихона и пробудили в нем интерес к истории родного края. В 1762 г. родители решили отправить Тихона в Петербург прислуживать «мальчиком» в лавке. К тому времени подросток уже знал грамоту и перед отъездом в Петербург записал в «тетрадки» рассказы «старцев». Затем потянулись годы пребывания в Петербурге, странствования по российским монастырям, жизнь в Рязанской губернии приказчиком у купца П.А. Мальшина, знакомство со многими архиереями и чиновниками. Наконец, завершив многолетние странствования, Т.В. Баландин окончательно обосновался в Петрозаводске и в 1808 г. был принят на службу в канцелярию Олонецких заводов.

С 1804 г. начинается период активной краеведческой деятельности Т.В. Баландина. В 1810 г. он изготовил «Примерный план, снятый в 1810 году в Петрозаводске, где малозначущих развалин оставшихся, как земляной крепости, домны, равно и по положению и обложению на земле вида бывшего дворца, пруда, палисада и существующего в остатке березового сада». Это был один из этапов подготовки наиболее известного сочинения Т.В. Баландина с полным названием «Петрозаводские вечерние северные беседы повествовавших старцев о первоначальном открытии, местоположении и на оном о построении, существовании, продолжении и уничтожении вододействуемых Петровских пушечных заводов и оружейных фабрик и с населением из разных мест крестьян, выведенные со следующими к тому дополнениями о построенных вновь Александровских пушечных заводах и о прочем с принадлежащими примечаниями» (обычно этот труд называют «Петрозаводские северные вечерние беседы»[4]). Этот труд, посвященный истории основания и первых десятилетий существования Петровских заводов, был соз-

[2] Журнал губернского статистического комитета // ОГВ. 1866. № 6.

[3] НАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 148. Л. 44.

[4] См.: *Баландин Т.В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. С. 35–137.

дан в 1814 г. и переработан в 1818 г. С середины XIX в. это было практически единственное краеведческое сочинение об основании и первых десятилетиях существования Петровских заводов и о пребывании здесь Петра I.

Сохранение памяти о Петре и петровской эпохе Карелии проявилось в ее мемориализации. В 1819 г. в Петрозаводск приехал император Александр I. Во время поездки по городу ему показали заброшенный Петровский сад. Царь захотел туда попасть и «принужден был сам с довольным трудом открыть ворота». Сад был заброшен, зарос кустарником, на земле везде валялись поваленные бурей деревья. После отъезда Александра I губернатор А.И. Рыхлевский[5] и горный начальник А.А. Фуллон[6], увидев, что отсутствие каких-либо мемориальных мест, посвященных основателю Петрозаводска Петру I, бросается в глаза любому высокопоставленному визитеру, приняли решение привести в порядок Петровский сад и установить там бюст Петра I. На Петербургском чугунолитейном заводе, входившем до 1827 г. в систему Олонецких горных заводов, бюст был отлит. Он оказался весом в 5 пудов 31 фунт и обошелся в 68 руб. 90 коп. В апреле 1824 г. губернатор А.И. Рыхлевский приказал установить бюст основателя города в Петровском саду, на том камне, где, по преданиям, находился алтарь походной церкви Петра I[7]. В том же году над этим памятником была построена деревянная готическая беседка (уничтожена в 1850 г.). Позднее бюст Петра I был перенесен на другое место, в верхнюю часть парка[8], а после 1918 г. был снят и передан в музей.

---

[5] Рыхлевский Андрей Иванович (1783–1830) — губернатор Олонецкой губернии в 1821–1825 гг., в 1825–1829 гг. — губернатор Вятской губернии. Начинал чиновничью карьеру как начальник канцелярии по гражданским делам при наместнике Кавказа генерале А.П. Ермолове. В «Записках» А.П. Ермолова о нем говорится: «Имевши прежде сведение, что в Грузии отправление дел по службе не в надлежащем идет порядке, наслышавшись даже о многих злоупотреблениях, почел я необходимым иметь с собою нескольких чиновников, известных мне службою и на честность коих и правила мог бы я положиться... По части гражданской был при мне коллежский советник Рыхлевский, чиновник, рекомендованный мне с наилучшей стороны и знающий хорошо порядок дел" (*Ермолов А.П.* Записки. М., 1991 С. 271). В Олонецкой губернии А.И. Рыхлевский также оставил по себе добрую память.

[6] Фуллон Александр Андреевич (1764–1844) — российский горный инженер, горный начальник Олонецких заводов в 1818–1833 гг.

[7] Этот камень сохранился до наших дней, сейчас на нем установлена статуя обнаженной девицы. Пользуясь случаем, приношу свою искреннюю благодарность архитектору Н.В. Куспаку за сообщение дополнительных сведений по этому вопросу.

[8] Памятники Петру Великому // ОГВ. 1879. № 67.

В 1830 г. в связи с массовым посещением путешественниками Петровской церкви и заброшенного петровского курорта Марциальные воды туда был назначен постоянный смотритель, для которого был построен дом. В 1852 г. вышла книга Николая Самойлова «Петр Великий на Марциальных водах»[9].

В 1841 г. епископ петрозаводский и олонецкий Игнатий (Семенов) опубликовал свою работу «Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец». Второе расширенное и дополненное издание этого труда вышло отдельным изданием в 1849 г.[10]

В 1850 г. губернатор Н.Э. Писарев вышел с ходатайством на имя министра внутренних дел Л.А. Перовского об установке в Петрозаводске памятника Петру I, но из-за личности Н.Э. Писарева, известного взяточника, ходатайство не было поддержано.

Новый подъем интереса краеведов Карелии к личности Петра I и его эпохе связан с празднованием 200-летнего юбилея со дня рождения Петра. В рамках подготовки к этому юбилею известный историк Е.В. Барсов опубликовал статью «Петр Великий в народных преданиях Северного края»[11].

В 1873 г. в Петрозаводске был открыт памятник Петру I работы скульптора Ивана Николаевича Шредера (1835–1908). В день открытия памятника собравшемуся народу раздавали брошюру краеведа А.И. Иванова «Император Петр Великий и его деятельность на Олонце»[12].

В 1877–1879 гг. был построен Повенецко-Сумской почтовый тракт, связавший побережье Онежского озера с побережьем Белого моря. Часть его трассы проходила по местам, где в 1702 г. состоялся поход Петра I по Осударевой дороге. На самом пустынном отрезке этой дороги, где по преданию Петр и его спутники отдыхали, была построена почтовая станция, названная Петровский ям. «В память о пребывании здесь императора Петра Великого для отдыха во время похода 1702 года» было решено воздвигнуть часовню. В августе 1879 г.

---

[9] *Самойлов Н.* Петр Великий на Марциальных водах. СПб., 1852.

[10] *Игнатий (Семенов).* Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. СПб., 1849.

[11] *Барсов Е.В.* Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5. С. 295–309.

[12] *Иванов А.И.* Император Петр Великий и его деятельность на Олонце. Петрозаводск, 1873.

[13] Сооружение Петровской часовни на Повенецко-Сумской дороге в селе Ям // ОГВ. 1881. № 2.

Александр II утвердил ее проект. Часовню сооружали на средства казны, купчихи Матвеевой, губернского земства и частных жертвователей[13]. Часовня была построена в сентябре 1880 г.[14]

В 1882 г. недалеко от Повенца на бывшем острове Воротной арендатор Повенецкого лесопильного завода крестьянин Новоселов построил за свой счет «в память о пребывании в Повенце императора Петра Великого и ...мученической кончины... императора Александра II»[15] часовню во имя апостолов Петра и Павла и святого благоверного великого князя Александра Невского (уничтожена во время войны).

В августе 1902 г. в связи с 200-летним юбилеем Осударевой дороги и в память о пребывании Петра I в Повенце местным купцом Я.П.Беловым была построена часовня во имя апостолов Петра и Павла[16]. Вероятно, тогда же был возведен деревянный навес над остатками домн петровского Повенецкого завода (не сохранился).

Сохранению исторической памяти о Петре и петровской эпохе способствовали и юбилейные кампании начала XX в.: 200-летие похода по Осударевой дороге в 1702 г., 200-летие основания Петрозаводска в 1903 г. и другие.

В начале XX в. появился ряд профессионально написанных работ по истории Карелии в петровскую эпоху краеведом Василием Петровичем Мегорским (1872–1940). Он родился в семье сельского священника и провел детство в селе Кончезеро, где вплоть до начала XX в. существовал завод, основанный в петровские времена, а в нескольких километрах от него находится первый в России курорт, на котором неоднократно бывал царь Петр. Василий рос окруженный петровскими артефактами и слушал множество преданий о Петре. В 1891–1894 гг. юноша учился в Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске — городе, в котором и артефакты, и фольклор, и само название напоминали о Петре.

После окончания семинарии В.П. Мегорский решил отказаться от церковной карьеры и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Варшавского университета. В 1899 г. он защитил в качестве выпускной кандидатской диссерта-

---

[14] *Пашков А.М.* Петровский ям: деревня, названная в честь Петра Великого // Осмысляя региональное: российский регион XVI–XXI веков в свете межрегиональных исследований. Череповец, 2022. С. 181–188.

[15] О постройке часовни на острове Воротном в Повенецком заливе // ОГВ. 1882. № 38.

[16] Повенец <чествование Петра Великого в Повенце по случаю 200-летия дня посещения его Великим преобразователем> // ОГВ. 1902. № 107.

ции исследование «Из истории Олонецкого края в первую четверть XVIII столетия». Таким образом, к тому времени он уже определил сферой своих научных интересов историю петровской эпохи на территории Карелии.

В 1902 г. В.П. Мегорский перебрался в Петербург и поступил на службу чиновником в финансовое учреждение, где прослужил до 1918 г. Все свободное время он посвящал сбору материалов по истории Олонецкого края в архивах и библиотеках Петербурга. Тогда же он начинает сотрудничать с газетой «Олонецкие губернские ведомости». В 1902–1903 гг. там была опубликована, а затем вышла отдельным изданием работа «Осударева дорога».

Чтобы повысить свою квалификацию как историка-исследователя в 1903–1905 гг. В.П. Мегорский окончил Петербургский археологический институт — учебное заведение, которое готовило «специалистов по русской старине». Всего в дореволюционный период он опубликовал не менее 11 больших работ по истории Карелии в петровскую эпоху. В советский период он долгое время работал и перед кончиной успел завершить большой труд «Петрозаводск при Петре Великом».

Глубина и разнообразие форм сохранения на территории исторической памяти о Петре I в дореволюционный период обусловлена неоднократными визитами и длительным пребывание царя в этом регионе и проявлялась в фольклоре, историописаниях краеведов, народной и официальной мемориализации и юбилейными кампаниями 1872 г. и начала XX в..

Николай Анатольевич Комолов
(Воронеж)
Директор Музейного комплекса «Петровский остров»

Города Петра Великого в среднем Придонье и Прихоперье: основание, тенденции развития, память

Nikolay A. Komolov

The cities of Peter the Great in the Middle Pridonye and the Prikhopierye: foundation, development trends, memory

Аннотация: Статья посвящена истории четырех городов-крепостей, появившихся в Воронежском крае в царствование Петра I: Борисоглебска, Павловска, Новохоперска, а также Таврова, который стал селом в екатерининское правление. Рассмотрены дискуссионные вопросы, затрагивающие даты их основания (Борисоглебск), непосредственная роль Петра I в их появлении, петровские легенды, материальные памятники и памятные знаки.

Abstract: The article is devoted to the history of four fortress cities that appeared in the Voronezh Region during the reign of Peter the Great: Borisoglebsk, Pavlovsk, Novokhopersk, and Tavrov, which became a village during Catherine's reign. The debatable issues concerning the dates of their foundation (Borisoglebsk), the direct role of Peter the Great in their appearance, Peter the Great legends, material monuments and commemorative signs are considered.

Ключевые слова: Петр I, Воронежская губерния, Придонье, Прихоперье, город-крепость

Keywords: Peter I, Voronezh province, Pridonye, Prikhopierye, fortress city

В конце XVII — первой четверти XVIII в. на территории современной Воронежской области были основаны четыре города-крепости: Павловск (Новопавловск) (1698 г., с 1704 г. — Борисоглебск), Тавров (1705), Осеред (1709, с 1715 г. — Павловск), Хоперская крепость (1716, с 1779 г. — Новохоперск)[1]. В настоящее время все эти города, кроме исчезнувшего Таврова, являются центрами одноименных районов или городских округов Воронежской области. Начальная история каждого из них по-своему уникальна.

Для отечественных географов XVIII в. Борисоглебск был terra incognita. Так, в первом «Географическом лексиконе Российского государства» 1773 г. лишь отмечалось, что это «город Воронежской губернии, Танбовской провинции при реке Хопре, впадающей в реку Дон»[2]. Но даже в это предложение вкралась географическая ошибка и следует говорить о расположении города на левом берегу реки Вороны, вблизи ее впадения в р. Хопер. Скупость справки можно объяснить тем, что Борисоглебск оказался в стороне от путей ученых из экспедиций Академии наук и в отличие от соседней Хоперской крепости вообще не был описан в конце 1760-х гг.

Первоначальное название Борисоглебска связано с активной пропагандой Петром I культа широко почитаемых на Руси первоверховных апостолов Петра и Павла. Их имена запечатлялись парно и одновременно: в первых многопушечных кораблях Азовской военной флотилии 1696 г., заложенных в 1697 г. в Приазовье городе

---

[1] См. подробнее: *Комолов Н.А.* Город Борисоглебск в XVIII в.: вехи социально-политической истории // Из истории Воронежского края: сборник статей / Отв. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж, 2022. Вып. 27. С. 3–14; *Он же.* Очерк истории административно-территориального деления и органов власти города Борисоглебска в XVIII в. // Голововановские чтения 2021: материалы региональной краеведческой конференции «Земля Борисоглебская — цепь времён», Воронеж, 11 ноября 2021 г. / Ред.-сост. Д.Г. Протасов. Воронеж, 2021. С. 57–65; *Он же*. Тавровская крепость в первой половине 1740-х гг. // Из истории Воронежского края: сборник статей / Отв. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 82–92; *Он же*. Павловская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень / Главный редактор И.Г. Росляков. Воронеж, 2008. Вып. 6. С. 129–134; *Он же.* Как Осеред стал Павловском: переименование города: новые документы и факты // Подъём. 2022. № 4. С. 126–131; *Он же.* Хопёрская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень / Главный редактор И.Г. Росляков. Воронеж, 2007. Вып. 5. С. 111–115; ***Он же.*** Основание Новохопёрска: правда и вымысел // У истоков Воронежа и Новохопёрска: крепости, церкви, верфи. Воронеж, 2011. С. 15–23.

[2] *Полунин Ф.А.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 35.

Петровском и Павловской крепости, построенных в 1698 г. на р. Медведице Петровском (ныне в Саратовской области) и почти на месте слияния рек Ворона и Хопер Павловском. Именно так изначально назывался Борисоглебск.

Досконально изучивший эту тему местный краевед В.В. Самошкин насчитал в литературе аж 12 дат основания крепости. До 1960-х гг. официально считалось, что Борисоглебск основан в 1645 г. и в победоносном 1945 г. даже отпраздновали его 300-летие[3]. Ныне принятая дата основания города — 1698 г. вполне обоснована и опирается на исследования еще тамбовских дореволюционных краеведов.

Как правильно изначально называлась крепость — Павловск или Ново-Павловск? В 7207 (1698/1699) г. думному дворянину С.Б. Ловчикову была послана грамота с предписанием «в новопостроенный город Павловской» перевести служилых людей и отвести им земли. Из документа 1702 г. видно, что название города еще не устоялось. Ново-Павловском он именуется четыре раза, а Павловском — три[4]. Первый воевода стольник Лука Панкратьевич Нечаев по данным на 1703 г. числился в «Павловском, что на Хопре»[5]. Таким образом, на наш взгляд, употреблять более правильно название «Павловск», а не «Ново-Павловск».

Но когда Павловск стал Борисоглебском? В энциклопедических изданиях и краеведческой литературе закрепилась дата 1704 г.[6] Между тем, уже упомянутый краевед В.В. Самошкин обнаружил в РГАДА документ, который свидетельствовал, что «...в прошлом, 1703 году, по указу великого государя послана...грамота из приказа Казанского Дворца в новопостроенный город Борисоглебск к Луке Нечаеву. Велено ему в том городе построить соборную церковь во имя св. страстотерпцев Бориса да Глеба...»[7]. К началу следующего года храм был

---

[3] *Апальков Ю.А., Голованов В.М.* Крепость на Хопре. Борисоглебск, 1997. С. 12.

[4] Спорное дело Савина Сторожевского монастыря о земельных угодьях. Сообщ. Л.Б. Вейнберг // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1888. Вып. XVIII. С. 58–60.

[5] *Захаров В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» // Электронный ресурс: https://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1151. Дата обращения 1 июня 2025 г.

[6] *Акиньшин А.Н.* Борисоглебск //Воронежская энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж, 2024. Т. 1. С. 147; *Иориш Ю.Л.* Борисоглебск // Города Воронежской области / Сост. В.А. Прохоров. Воронеж, 1978. С. 47–48; *Апальков Ю.А., Голованов В.*М. Крепость на Хопре. С. 18, 47.

[7] Цит. по: Борисоглебский край. Историко-краеведческий сборник / Сост. В.В. Самошкин. Борисоглебск, 1998. Вып. I. С. 53.

построен, и указом от 18 января 1704 г. митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану (Яворскому) следовало обеспечить его церковной утварью.

Думается, что официального переименования города не было. Произошло оно естественным путем. Упоминание названия «Борисоглебск» в 1703 г. было привязано к намеченному к возведению собору и не могло вытеснить изначального наименования «Павловск». После постройки и, главное, освящения кафедрального храма в 1704 г. новое название закрепилось окончательно.

Округа зажила насыщенной церковной жизнью. В 1702–1703 гг. в городе и его уже сложившемся уезде возникло пять церквей, а в 1705 г. существовало до 9 церквей и часовен[8]. В 1709 г. во время проведения губернской реформы Борисоглебск вошел в состав Азовской губернии и также именовался с приставкой «на Хопре»[9].

В 1713 г. Тамбовский край пережил «великое разорение» в результате опустошительного набега крымских и кубанских татар[10]. Несомненно, пострадал и Борисоглебск. Последняя масштабная перестройка крепости (в документе указано «построен вновь») ввиду возможного неприятельского набега состоялась в 1738 г. Об этом факте сообщил воевода Борисоглебска в ответе на анкету Академии наук 1761 г. Отмечалось, что город был построен на устье р. Вороны от набега кубанских татар и калмыков в 1700 г. и потом сожжен. Из документа, помимо этой неточной даты, можно узнать, что каменных казенных и обывательских домов, торгов, ярмарок, фабрик и заводов в Борисоглебске не имелось. Промыслом и ремеслами жители не занимались, а только земледелием[11]. В разные периоды XVIII в. Борисоглебск входил и в Воронежскую и в Тамбовскую провинции Воронежской губернии. В 1779 г. он был включен в Тамбовское наместничество, потом в Тамбовскую губернию и следующие полтора века относился к этому региону.

---

[8] *Попов М.* О церквах г. Борисоглебска и его уезда в начале 18-го столетия // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1893. Вып. 35. С. 48–56; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1894. Кн. 9. С. 86, 145.

[9] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 37.

[10] Там же. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 1. С. 299.

[11] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 125. Географические известия по г. Борисоглебску и его уезду при доношении из Борисоглебской воеводской канцелярии. 1761 г.; Ф. 3. Оп. 10б. Д. 122. Географические известия по г. Борисоглебску и его уезду. 1761 г.

Борисоглебск, появившийся в петровскую эпоху, не остался в стороне от легенд, связанных с царскими визитами. Так, в праздничном номере местной газеты от 30 декабря 1945 г. краевед М.А. Постоев сообщил, что Петр I, будучи в городе, подарил Успенской церкви икону святых князей Бориса и Глеба, которую жители потом почитали своей главной святыней[12]. Следы иконы, по словам В.В. Самошкина, не нашлись, а факт визита монарха в Борисоглебск, добавим от себя, является вымыслом. Легендой выступает и факт якобы дарения царемсоборной церкви богато украшенного Евангелия[13]. Никаких намеков на планы посещения Петром I Борисоглебска не имеется. Другое дело — Хоперская крепость, которая находилась на Астраханском тракте.

На ее месте во второй половине XVII в. находился Пристанский казачий городок. Он стал одним из центров восстания К.А. Булавина, поэтому после его подавления по указу Петра I от 14 мая 1711 г. был разорен вместе с соседними городками Беляевским и Григорьевским. В 1712 г. царь распорядился основать на месте бывшего Пристанского городка крепость. Чертеж ее, составленный по преданию самим монархом, был послан азовскому генерал-губернатору Ф.М. Апраксину. В пояснениях к чертежу указывалось, что крепость «зело для охранения от набегов воровских людей будет способна». Непосредственное строительство осуществлялось под руководством азовского вице-губернатора С.А. Колычева. Генерал-адмирал рекомендовал делать крепость «не гораздо великую», в расчете на гарнизон в 1000–1500 человек, «понеже тамо великого опасения ожидать не от кого, разве татар или воровских казаков»[14]. Строительство земляной крепости велось с 1 октября по 3 ноября 1716 г. Затем в Хоперскую (Новую Хоперскую) крепость были накликаны посадские люди и черкасы из слободских полков. Черкасы составили Хоперский казачий полк.

Появление крепости вызвало закономерное недовольство донских казаков-соседей, враз лишившихся всех угодий. 15 апреля 1722 г. атаман Михайловской станицы Устин Иванов с казаками подал прошение войсковому атаману В. Фролову. По царскому указу бывшие на Хопре три городка были сведены, а их жители поселены по разным станицам. В помянутом Пристанском юрту

---

[12] Борисоглебский край. Историко-краеведческий сборник. С. 26–27.

[13] *Апальков Ю.А., Голованов В.М.* Крепость на Хопре. С. 29.

[14] *Литвинов В.В.* К 200-летию г. Новохоперска (1716–1916 гг.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. III. С. 113–115.

«в прошлом 716 году сочинился быть городок Новая крепость». Комендант майор Шанский по указу из Воронежской губернской канцелярии принял во владение к той крепости Григорьевский и Беляевский юрты со всеми угодьями вниз по Хопру по земли Михайловского городка. В итоге территория их, Михайловского юрта, значительно уменьшилась, и казаки были вынуждены за деньги арендовать у комендантов сенные покосы и пашню в Григорьевском юрте. Михайловцы просили отдать этот небольшой по площади юрт им. Вследствие обычной волокиты, только спустя полтора года, 13 ноября 1723 г. Военная коллегия вынесла решение потребовать разъяснений и копий всех необходимыхуказов от генерал-адмирала Ф.М. Апраксина: «Новохоперская крепость по какому указу построена и на каких землях...». Ответ последовал 4 января 1724 г.: «Оная крепость построена по указу Его Императорского Величества для того, что бывшие по Хопру Пристанского, Беляевского и Григорьевского городков казаки во время бунту Буловина...принят ими был паки в те станицы для учинения бунту. И были оные с ним в сообществе и за такое их воровство те их городки разорены. И объявленная крепость Хоперская зделана на тех их жилищах ради осторожности от приходу кубанцов [понеже во оном месте прежде сего имели они чрез реку Хопер первой перелаз и для показания всем хоперским казакам, чтоб впредь бунтов не заводили и бунтовщиков у себя не держали и не принимали]. И велено оную крепость содержать от Павловского гарнизону одною ротою солдат...и землю, которая прилежала к помянутым разоренным городкам обретающимся во оной крепости жителям для своего пропитания пахать позволено». Ф.М. Апраксин посчитал недостоверными утверждения казаков Михайловской станицы о том, что они за деньги арендуют землю у комендантов, ибо такого определения, «[как мы Азовскую губернию в ведомстве своем содержали], никогда от нас не бывало», как и подобных жалоб. Президент Адмиралтейств-коллегии рекомендовал копии указов запросить у воронежского губернатора бригадира П.В. Измайлова, поскольку губерния «от ведомства нашего отошла уже давно»[15].

В 1722 г. через Хоперскую крепость должен был проехать Петр I, возвращавшийся из Царицына в Москву. Чтобы его лично встретить, в крепость прибыл губернатор П.В. Измайлов. Но царь изменил маршрут и проехал через Павловск на Воронеж.

В 1769 г. крепость описал Иоганн Георг Гюльденштедт. Сохранялся земляной вал, окруженный неглубоким рвом. Ученый отме-

[15] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 220. Л. 137–139.

тил выгодность местоположения крепости, с которой в южном и восточном направлениях хорошо просматривалась обширная равнина. С востока она была защищена крутым берегом р. Хопер. Каменными постройками были только архив и соборная церковь[16]. В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на Новохоперской верфи строились фрегаты и боты. Эта верфь в Воронежской губернии закрылась последней. Суда для флотилии черноморских казаков строились здесь еще в начале царствования Александра I.

В 1779 г. Новохоперск, как и Борисоглебск, вошел в состав Тамбовского наместничества, в 1782 г. был присоединен к Саратовскому наместничеству и, наконец, в 1802 г. окончательно включен в Воронежскую губернию.

Современный Новохоперск получил свое название и статус города в 1779 г. А вот город-крепость Тавров, наоборот, тогда же официально стал селом. Ныне об этом утраченном под малоэтажной застройкой, огородами, кладбищем и водохранилищем месте напоминает разве что топонимия местных улиц (Доковая, Корабельная, Петровская, Якорная, переулок Петра Великого), остатки рва, который все раньше считали уцелевшим доком, и с трудом угадываемые в насыпи остатки бастиона галерного двора.

Тавровская крепость и верфь были заложены в 1705 г. вследствие сложности проводки кораблей по реке из города Воронежа и стремлением строить многопушечные корабли ближе к Дону. Крепость предполагалась небольшой, на берегу следовало устроить сухие доки. Будущее показало, что место было выбрано неудачно, в чем самодержец обвинял Ф.М. Апраксина, ответственного за стройку. Петр впервые побывал в новой крепости в 1709 г. и весной приказал даже перенести Адмиралтейство из Воронежа в Тавров. Однако в плавании к Азову царь, посовещавшись с английскими и русскими мастерами, приказал заложить новую верфь и крепость при ней в устье реки Осередь. Перенос Адмиралтейства в Тавров был остановлен. В декабре 1722 г. император проездом побывал в Таврове и успел запомниться местным жителям, как следует из дела Тайной канцелярии, употреблением мяса в пост. Тавровская верфь еще трижды становилась ареной судостроения, но, конечно, не 60-80-пушечных кораблей, а более скромных. В 1723–1724 гг. под руководством вице-адмирала М.Х. Змаевича здесь было построено 89 судов: 30 прамов и галер и 59 каек, шлюпок, итальянских

[16] Гюльденштедт о Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 год. Воронеж, 1914. С. 116–117.

ботов. В 1724 г. суда так и не спустили на воду из-за подписания между Россией и Турцией мирного договора. Впоследствии в составе Донской военной флотилии они сыграли важную роль во взятии Азова в 1736 г.

В 1744 г. в Таврове случился масштабный пожар, который уничтожил всю инфраструктуру бывшего Адмиралтейства[17]. Это стало началом конца крепости. В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. судостроение в Воронежском крае возобновилось, но Тавровский порт конфирмацией от 22 декабря 1769 г. как «ненадобный» было приказано оставить.

В 1779 г. Тавров стал селом Воронежского уезда. А чуть ранее, в 1778 г. воронежский губернатор И.А. Потапов представил в Адмиралтейств-коллегию просьбу священника и прихожан деревянной соборной церкви Петра и Павла в Таврове. Челобитчикисообщали о том, что их храм, построенный в 1746 г. вместо сгоревшего в 1744 г., пришел в совершенную ветхость, они имеют желание воздвигнуть каменную церковь, но средств нет. Прихожане просили отдать им состоящие без употребления «остатки» бывшего в крепости Адмиралтейства, а именно каменные погреба и сгоревшие мастерские, построенные в 1727–1733 гг. В 1779 г. интендантская экспедиция подтвердила, что оставшиеся после пожара от каменных строений остатки там ненадобны и, дабы их не растащили, можно отдать на постройку церкви. В их поддержку воронежский епископ Тихон III просил графа И.Г. Чернышева 22 января 1780 г. выделить железо и кирпич, оставшиеся в бывшей крепости, на постройку соборной церкви. Архиерей свидетельствовал, что «требующие оной милости, подлинно суть люди беднейшие» и выражал надежду, что «место, где были труды великого Петра, не будет пусто и сохранит память его неусыпного попечения о благоденствии подданных своих». Тихон III брал на себя контроль за расходованием кирпича. Решение было принято положительное[18].

В 1817 г. краевед М.И. Славинский отмечал сохранившиеся в Таврове доки прежней верфи и шлюзы, построенные английским инженером Джоном Перри. Термин «шлюз» сохранился в топонимии, так эта местность именовалась в начале XX в. Бывшие доки видны на фотографиях конца 1960-х гг., но затем они ушли на дно водохранилища. В 1969 г. Таврово вошло в состав Левобережного района города Воронежа.

---

[17] *Комолов Н.А.* Тавровская крепость в первой половине 1740-х гг. С. 86–89.

[18] РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–2.

В 2022 г. в юбилей Петра Великого в Таврове был установлен памятный знак, изображающий очертания города-крепости. В том же году археологи нашли три участка бывшей крепости, сохранившиеся в относительно хорошем состоянии. В ходе разведки было заложено 16 шурфов, обнаружены фрагмент керамики XVIII–XIX вв., кованые гвозди, кости животных. Выявленный объект культурного наследия «Крепость Тавров» был поставлен на государственную охрану.

Современный город Павловск появился вследствие плавания Петра к Азову в 1709 г., о чем уже говорилось выше. Решение основать верфь при впадении реки Осереди в Дон сразу умалило в глазах царя значение Таврова. До закладки крепости 20 мая 1709 г. здесь уже многие годы жили слободой черкасы. Крепость получила название по реке — Осеред. Сюда перенесли из Воронежа двое «хором» Петра I, дворы Ф.М. Апраксина и ряда других «министров». Крепость начали строить слишком большой, не соответствующей военной опасности этого места, поэтому стройка шла с перебоями. В 1715 г. она стала именоваться Павловской[19] в честь св. апостола Павла. Об этом прямо говорится в архивном документе. Таким образом, в Воронежском крае в петровскую эпоху было два города, носивших это название: один изначально (Борисоглебск), а второй — после переименования. Иногда крепость в Придонье называлась Павловской на Осереде, чтобы отличать ее от Павловской крепости в Приазовье, разрушенной в 1711 г.

В 1722 г. царь на обратном пути из Персидского похода проехал через Павловск и, по свидетельству местного краеведа XIX в. В. Кашина, останавливался в доме купца Гавриила Панкратова. Его правнук Иван Одинцов был городским головой.

Строительство военно-морских кораблей и транспортных судов здесь велось трижды в период с 1709 по 1770-е гг. Сформировалась серьезная для того времени военно-промышленная инфраструктура. Здесь находились инженерный, пушечный дворы, пороховой и канатный заводы.

В 1747 г. был поставлен вопрос о необходимости содержания крепости. Канцелярия главной артиллерии и фортификации приняла во внимание мнение Петра I, который при строительстве Павловска предлагал возводить малую цитадель, а не крепость. Кроме того, крепость св. Анны делала излишним существование Павловска. Военная коллегия согласилась с этим и указом от 23 фев-

[9] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 174 об.

раля 1747 г. предписала «оную крепость содержать с малою починкою по-прежнему и то преимущественно замок, а вновь укреплений не строить»[20]. Пушки, ядра, якоря и прочее вооружение, лежавшее в крепости «великими кучами», было вывезено по Дону в начале русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

В 1785 г. в Павловске «ради Адмиралтейства» еще сохранялись крепостные укрепления. Адмиралтейство было окружено земляным валом с бастионами и рвом. Все это еще существовало в конце XVIII в.

В настоящее время город Павловск отмечен великолепным бюстом Петра I работы известного скульптора Л.Е. Кербеля и недавно установленным памятником св. апостолу Павлу работы семьи скульпторов Дикуновых.

Рассмотренные города-крепости, за исключением Таврова, поддерживая устойчивую динамику своего развития, сохранили статус уездных центров в дореволюционное время и в начале советской эпохи, а в XX в. стали и районными центрами. Связь со своим основателем — Петром Великим во многих из них продолжает ощущаться и выражаться в памятниках и памятных знаках, топонимах и легендах.

[20] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3. С. 243–244.

Мария Васильевна Марина
(Воронеж)
Директор музея инженерного дела ФГБУО Воронежской области «Воронежский государственный технический университет»

«Великий Петр, твой каждый след для сердца русского есть памятник священный…» (память о Петре Великом в Воронежском крае)

Maria V. Marina

The memorial sites of the Voronezh region associated with the activities of Peter I

Аннотация: Статья посвящена памятникам, связанным с деятельность Петра I и его сподвижников, а также строительству флота. В Воронеже и Воронежской области большое количество мест, так или иначе связанных с именем царя Петра I. Памятные места Воронежского края условно можно разделить на несколько категорий: Населенные пункты, связанные с именем Петра I; Музеи и музейные коллекции, связанные с Петром I, а также строительством флота; Памятники Петру I и его сподвижникам, мемориальные объекты, различные учреждения имени Петра I.
Abstract: The article is devoted to monuments associated with the activities of Peter I and his associates, as well as the construction of the fleet. In Voronezh and the Voronezh region, there are many places that are somehow connected with the name of Tsar Peter I. The memorial sites of the Voronezh region can be divided into several categories: Settlements associated with the name of Peter I; Museums and museum collections related to Peter I and the construction of the fleet; Monuments to Peter I and his associates, memorial sites, and various institutions named after Peter I.

Ключевые слова: Памятник, Воронеж, Петр I, флот, музей.
Keywords: Monument, Voronezh, Peter the Great, Navy, Museum.

Имя Петра Великого на протяжении почти 330 лет является одним из почитаемых в Воронежском крае. Ведь благодаря Петру Великому Воронеж и его пригороды из далекой провинции превратились в центр не только страны, но и мира, где происходили важные события мировой истории: Россия из Московии превращалась в Российскую империю. Здесь, в Воронеже принимались стратегические решения, определившие судьбу страны. Как в колыбели росла и взрослела новая страна. Не удивительно, что помимо исторических фактов, очень много мифов, которые прочно укоренились в народной традиции. В последние годы благодаря плодотворной работе историков, краеведов, общественности появились новые объекты показа. А существующие прежде обретают новое звучание.

В Воронеже и Воронежской области много мест, так или иначе связанных с именем Петра I. Памятные места Воронежского края условно можно разделить на несколько категорий:

I. Населенные пункты, связанные с именем Петра I.

II. Музеи и музейные коллекции, связанные с Петром I и строительством флота.

III. Памятники Петру I и его сподвижникам, мемориальные объекты, учреждения имени Петра I.

1. Населенные пункты:

— г. Воронеж — царь посетил город с 1696 г. по 1722-1723 г. 14 раз. Благодаря Петру I здесь развернулась большая стройка. Воронеж на время визитов становился временной столицей: здесь бывали дипломаты, ученые, строители; это был центр принятия важных решений. Зачастую многие новшества впервые были применены именно здесь.[1]

— г. Богучар — царь посещал город (по одной из версий, во время подготовки 2-го Азовского похода), по решению Петра I было разрушено первое незаконное здесь поселение казаков (по просьбе игумена Дивногорского монастыря). Аналогичные решения были приняты в отношении владений Боршевского, Покровского и др. монастырей. При участии царя здесь возникло новое поселение, состоящее из казаков Ост-

[1] *Комолов Н.А.* Петр Великий. Воронежские страницы. Воронеж, 2022.

рогожского полка.[2] Богучар входит в число малых исторических городов.

— с. Аношкино — легенда связывает это незаконное поселение на землях Покровского девичьего монастыря с именем Петра I, который якобы посетил это место, встретил там казака Онуфрия (Аношка) Голобокова. Казак рассказал, что поселились они на землях Покровского монастыря незаконно, но уж очень они хотят жить здесь и служить царю. Петр I разрешил оставить поселение и наименовать его велел Аношкино.[3] Подобных легендарных оснований населенных пунктов сохранилось достаточно много, но исторического подтверждения не нашло.

— г. Борисоглебск по одной из версий возник в 1698 г. как результат деятельности Петра I. При подготовке Азовских походов здесь заготавливался лес, что поспособствовало привлечению сюда населения и хозяйственному освоению местности. В результате возникла Павловская крепость, а вокруг нее слободы работных людей.[4]

— г. Павловск — еще один город, основанный при участии царя в 1709 г. как верфь-крепость Осеред. Она стала одной из крупнейших верфей на территории Воронежского края.[5] В настоящее время Павловск входит в список исторических городов России.

— с. Таврово (в настоящее время микрорайон г. Воронежа) — здесь располагалась одна из верфей, созданная при участии царя Петра в начале XVIII в. Населенный пункт как крепость-верфь также появилась при участии Петра I. Царь неоднократно бывал в Таврове. Здесь было построено Адмиралтейство и даже царский дворец.[6]

— п. Рамонь — местонахождение еще одной верфи, созданной в 1696 г. по указу царя.[7]

---

[2] *Романов Е.П., Романова З.М.* Богучар. Научно-популярный очерк истории Богучарского края с древнейших времен до начала XIX века. Книга 1. Воронеж, 2010. С. 40–51, 57–59.

[3] *Томилин М.* Село Аношкино // Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть — 1883. № 14. С 535–536.

[4] *Апальков Ю.А., Голованов В.М.* Крепость на Хопре. Борисоглебск, 1997.

[5] *Расторгуев В.И.* Судостроение на верфях Воронежского края в 1768–1800 гг. Воронеж, 2003.

[6] Паруса Таврово. История Петровской верфи / сост. В.Л. Елецких. Воронеж, 2012.

[7] *Образцова Л.А.* Рамонь: четыре века истории. Воронеж, 2013.

— село Нижний Икорец — местонахождение верфи, основанной по указу Петра I в начале XVIII в.[8]
— Дивногорский Успенский монастырь — о первом визите в монастырь царя известно по дневнику К. Крюйса, в 1699 г. царь посетил его во время плаванию по Дону, второй визит, исследователи предполагают, был совершен в 1699 г. в сопровождении архиепископа Арсения.[9] В народной традиции сохранились исторические анекдоты о посещении монастыря.
— г. Острогожск — здесь произошла встреча царя Петра с гетманом И. Мазепой и запорожскими казаками. Об этом писал в своем стихотворении К.Ф. Рылеев «Петр I в Острогожске».[10]

2. Музеи и музейные коллекции, связанные с Петром I и строительством флота.

— г. Воронеж, Музейный комплекс «Петровский остров». Изначально создан как подразделение Воронежского областного краеведческого музея, в 2025 г. на базе подразделения был создан Музейный комплекс «Петровский остров». Подразделение музея: «История создания российского флота» («Гото Предестинация»), открыто в 2014 г. — это музей-корабль, копия первого линейного корабля Российского военно-морского флота. Судно было заложено 19 (29) ноября 1698 г. на верфи Воронежа. Строительством корабля руководил царь Петр Алексеевич. В экспозиции представлено более 700 предметов по истории флота в петровскую эпоху, а также макеты, диорамы. Все это размещено на верхней и нижней палубах корабля.[11]
— г. Воронеж, Воронежский областной краеведческий музей. Два зала постоянной экспозиции рассказывают о деятельности царя Петра на Воронежской земле, строительстве флота на Воронежских верфях.[12]
— г. Воронеж, Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского. В постоянной экспозиции музея пред-

[8] *Беззубцев А.П.* Икорецкая верфь. Где же границы? // Петровская слобода. Лиски, 2015. № 8.

[9] *Амелькин А.О.* Древнейший монастырь Воронежского края // Тр. преп. и выпускников ВПДС. 2012. Вып. 6.

[10] *Пилипенко М.И.* Острогожск. Путеводитель по городу. Воронеж, 2015.

[11] *Комолов Н.А.* Калейдоскоп воронежской истории в портретах и зарисовках. Воронеж, 2022. С. 84–93.

[12] Воронеж. История края в его музеях. Воронеж, 2007.

ставлены портреты Алексея Михайловича, 2 портрета Петра I, Евдокии Федоровны Лопухиной, Екатерины I, Елизаветы Петровны. В фондах музея хранится коллекция «Петровской гравюры XVIII в.». Коллекция передана в Воронеж еще в 1830-е гг. в ходе создания губернского музея, а также несколько живописных и графических портретов членов семьи Петра I, самого царя Петра Алексеевича, редкий портрет Святителя Митрофана (начало XIX в.) а также работы воронежских художников на тему петровских преобразований.[13]

— г. Воронеж, музей «Петровские корабли». Это частный тематический музей, интерактивная экспозиция которого посвящена зарождению в Воронеже русского военно-морского флота, а также последующим этапам становления и развития кораблестроения в России.[14]

— г. Воронеж, Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина. В постоянной экспозиции подразделения «Мещанская управа» один из залов, «Петровский», рассказывает о строительстве флота в Воронеже и деятельности Петра I через призму литературного наследия.[15]

— Рамонский район с. Ново-Животинное, Музей-усадьба Д. Веневитинова. Часть экспозиции рассказывает о воронежских сподвижниках Петра I Антоне и Фаддее Веневитиновых. Антон Веневитинов был назначен Петром I лесничим «для сбережения воронежских лесов», участвовал в их размежевании, составил первое описание лесов пригодных для строительства судов. Так же руководитель 3-х государственных кумпанств (1696–1699) Ступинской, Рамонской и Чертовицкой. Веневитинов Фаддей участвовал в подготовке нескольких визитов Петра I в Воронеж, комендант Верхососенска (1711-1712), комиссар в Воронежской провинции (1712), в Усерде (1713). По легенде в с. Новоживотинное в усадьбе Веневитиновых царь Петр I гостил в деревянном доме и якобы подарил серебряную церковную утварь в храм села. Сосватал за Фаддея Веневитинова дочь Игнатия Маторина, в чьем доме царь Петр останавливался в первые свои визиты.[16]

---

[13] Петровская гравюра. Из собрания Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского: альбом-каталог /автор-сост. М.А. Кривцова. Воронеж, 2010; Воронеж. История края в его музеях. Воронеж, 2007.

[14] *Попрыгин Р.* Ключи от городов и стихи Петра I // Моё! 2021. 23 марта.

[15] Воронеж. История края в его музеях. Воронеж, 2007.

[16] ГАВО, ф. И-29, Оп. 125, Д. 30; *Кригер Л.В.* Усадьбы Воронежской области. Воронеж, 2018.

— г. Павловск, Павловский районный краеведческий музей. Одна из постоянных экспозиций посвящена Павловской судоверфи, здесь представлены находки, обнаруженные в ходе раскопок, а также макет Павловской верфи.[17]
— г. Павловск, Военно-морской музей. Музей создан при станции юных техников в 1996 г. руками увлеченных педагогов и детей, с помощью ветеранов морского и речного флота и просто неравнодушных людей. Представлены модели судов, построенных на местной верфи, а также находки петровской эпохи: корабельные гвозди, якорь, пушечные ядра, пила долевая и др., а также фото, документы, корабельные приборы, штурманское оборудование, «рында», штурвал и т.п.[18]
— г. Лиски, Лискинский историко-краеведческий музей. Один из залов музея рассказывает о строительстве судов на Икорецкой верфи, в постоянной экспозиции представлены предметы, обнаруженные на территории верфи.[19]
— Лискинский район, с. Нижний Икорец, сельский музей «Военно-морского флота». Часть экспозиции рассказывает о строительстве судов на Икорецкой верфи, представлены предметы, обнаруженные на территории верфи: кованые корабельные гвозди, крепежные детали, тесак для рубки канатов и подкову обозной лошади и др. В создании принимали участие местные краеведы.

3. Памятники Петру I и его сподвижникам, мемориальные объекты, различные учреждения имени Петра I

— г. Воронеж, Успенская Адмиралтейская церковь (Храм Успенья Пресвятой Богородицы) — единственный сохранившийся памятник, связанный с кораблестроением в Воронеже. В 1700 г. после того как Успенский и Акатов монастыри были объединены, Успенский храм стал Адмиралтейским. Здесь проходила торжественная церемония спуска на воду построенных судов. Службу здесь проводил Воронежский епископ

[17] *Елецких В.Л., Кригер Л.В.* Павловск. Визитная карточка. В., 2009.

[18] Там же.

[19] Лискинский историко-краеведческий музей. Путеводитель/ Автор-сост. М.В. Медведева. Лиски, 2014.

Митрофан, а одна из легенд рассказывает, что на клире пел царь Петр. На стенах размещены мемориальные доски, свидетельствующие о строительстве флота в Воронеже.[20]

— г. Воронеж, Адмиралтейская площадь. Это мемориальная площадь торжественно открыта 7 сентября 1996 г., в День города, когда Воронеж праздновал 300-летие российского военного флота. Она расположена на Петровской набережной, возле Успенской церковки. В память о строительстве флота здесь установлена ростральная колонна. Оформление площади выполнено по проекту, разработанному архитектором А.И. Ан в творческой мастерской главного художника города Л.М. Яновского.[21]

— г. Воронеж, Петровская набережная на правом берегу Воронежского водохранилища, между Чернавским и ВОГРЭсовским мостами. Именно здесь в конце XVII — начале XVIII в. под руководством Петра I возводился русский военный флот. С начала 1696 г. здесь существовала корабельная верфь, на которой строились корабли для второго Азовского похода. В 1697–1698 гг. здесь был сооружен Адмиралтейский двор. Расположенные на берегу реки Воронеж объекты, связанные с кораблестроением, а также дома Петра I и его сподвижников можно увидеть на рисунке голландца К. де Бруина 1703 г.[22] К сожалению, все постройки конца XVII — начала XVIII в. не сохранились. В настоящее время разрабатывается проект благоустройства Петровского острова и реконструкции здания Петровского цейхгауза, в котором будет размещена постоянная экспозиция Музейного комплекса «Петровский остров».

— г. Воронеж, памятник Петру I (Пр. Революции). Первоначально открыт на народные средства в 1860 г. (скульптор А.Е. Шварц, архитекторы Д.И. Гримм, А.А. Кюи) — это один из первых памятников Петру I в России. Авторы памятника тщательно проработали детали лица и костюма; при работе была использована посмертная маска Петра. В 1942 г. во время оккупации Воронежа бронзовая статуя была вывезена немецкими войсками. В 1956 г. открыт реконструированный

---

[20] *Комолов Н.А.* Успенская Адмиралтейская церковь — духовный причал военно-морского флота России. Воронеж, 2016.

[21] *Попов П.А.* История города в названиях улиц. 2-е изд. Воронеж, 2003. С. 48–49.

[22] *Попов П.А.* История города в названиях улиц. 2-е изд. Воронеж, 2003. С. 238–239.

памятник Петру I (скульптор Н.П. Гаврилов). Новый монумент повторял композицию прежнего, но скульпторами в облик фигуры было внесено два изменения. Во-первых, полы кафтана были подняты так, словно их развевает ветер. Во-вторых, Пётр I изображён молодым, как и приезжал в Воронеж, чтобы руководить строительством военно-морского флота. Это один из символов Воронежа.[23]

— г. Воронеж, Петровский сквер (Проспект Революции). Сквер разбит в 1830 г. В центре сквера в 1860 г. был установлен памятник Петру I.[24]

— г. Воронеж, Памятник первому епископу Воронежскому святителю Митрофану (Пр. Революции). Открыт в 2003 г. (скульпторы В. Шевелев, И. Дикунов, М. Дикунов, А. Дикунов, Э. Пак). Бронзовая скульптура, изображающая Митрофана Воронежского, выдающегося духовного просветителя России и первого епископа Воронежского, установлена напротив Благовещенского кафедрального собора. Митрофан Воронежский был сподвижником Петра I при создании российского военного флота. Он благословил Петра I на строительство Санкт-Петербурга. Поэтому в руках одного из ангелов этого памятника — макет Петропавловской крепости. В руках у другого ангела — корабль как напоминание о том, что Митрофан поддерживал кораблестроительные амбиции Петра I.[25]

— г. Воронеж, Памятник царю Петру I и первому епископу Воронежскому Митрофану (Адмиралтейская площадь). Памятник установлен в 2024 г. к юбилейной дате — 400-летию со дня рождения первого Воронежского Архипастыря (скульптор И. Макарова, М. Батаев). Скульптурная композиция представляет собой сцену беседы святителя Митрофана и Петра Первого. Царь держит в руках макет парусника и чертежи кораблей, символизирующие участие Митрофана в деяниях по созданию русского военного флота. Святитель изображен в момент благословения кораблестроения на земле воронежской.

---

[23] *Шулепова Э.А.* Памятник Петру I // Историко-культурное наследие Воронежа: материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2000. С. 353–354.

[24] Там же.

[25] *Кононов В.И.* История города в памятниках и мемориальных досках: Историко-краеведческое издание. Воронеж, 2005. С. 17–19.

— г. Воронеж, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I. 9 июня 1912 г. император Николай II подписал закон об учреждении сельскохозяйственного института. Имя Петра I сельскохозяйственному институту было присвоено не случайно. Об этом просила городская Дума Воронежа, указывая, что «имя Петра Великого тесно связано с Воронежским краем, послужившим для гениального творца новой России своего рода опытным полем...». 23 июня 1913 г. в фундамент будущего главного корпуса был торжественно заложен первый камень. В связи с тем, что институту присвоили имя императора Петра I, при проектировании было принято решение придать постройкам стиль Петровского барокко, а также изготовить бюст царя и установить его над входом в главный корпус. Бюст сделан из железобетона. Выражение лица несколько напоминало известную скульптуру Э.М. Фальконе в Петербурге. В настоящее время функционирует, имя Петра I возвращено в 2011 г.[26]
— г. Воронеж, Среднее механико-техническое училище им. Петра Великого. Основано в 1908 г., в 1909 г. в честь 200-летия Полтавской битвы было присвоено имя Петра Великого. Училище механического профиля было создано по инициативе Воронежской городской думы для пополнения квалифицированных технических руководителей на промышленных предприятиях города и губернии. Здание было спроектировано при участии архитекторов Д.Н. Васильева, С.Л. Мысловского, А.М. Баранова, В.И. Гайна. В архитектурном убранстве фасадов использованы мотивы средневековой архитектуры. Строительство завершилось в 1913 г. В 1920 г. училище было реорганизовано в Практический институт, в конце 1920-х индустриальный техникум, с 1930 г. Воронежский учебно-строительный комбинат (будущий Воронежский инженерно-строительный институт) и Воронежский авиационный техникум. Учебные заведения продолжают существовать и в настоящее время. Здание техникума сохранилось, с 1940-х гг. используется военным ведомством.[27]
— г. Воронеж, Макет корабля «Меркурий» (Воронежское водохранилище). Установлен в 1972 г. на бетонной опоре посреди

[26] Первый вуз Центрального Черноземья: первые 100 лет. Воронеж, 2012.

[27] 90 строительному образованию Воронежской области. ВИСИ-ВГАСА-ВГАСУ-ВГТУ. Воронеж, 2020.

Воронежского водохранилища. Автором композиции «Фрегат над морем» выступил В. Неберкутин. Прототип памятника — парусно-гребной военный корабль «Меркуриус», построенный на Рамонской верфи в 1698-1699 гг., участвовавший в Керченском походе Петра I.[28] В 2018 г. «Меркурий» был демонтирован. В ходе обследования оказалось, что корабль сильно разрушен ржавчиной. Сотрудники «Воронежстальмост» создали копию макета корабля с помощью 3D-сканера из стали. Новый памятник был установлен в 2018 г. в сквере «Ильича» (ул. Брусилова).

— г. Воронеж, Памятный знак первой государственной школе в России (ул. Кардашова). Открыт в мае 2003 г. к 300-летию появления первой государственной школы (скульптор А. Кожевников). Школа была открыта в 1703 г. и стала первой школой в истории Воронежского края.[29] Учителя математических и навигационных наук были приглашены из Москвы, а преподавателем словесности стал местный духовник. Обучение проходило за казенный счет: и учителя, и ученики получали жалованье. Открытие школы в Воронеже стало знаковым событием не только для города, но и для всей страны.

— г. Воронеж, Арт-объекты, посвященные петровской эпохе: Скульптурные композиции «Сапоги Петра I», «Подпись Петра I», «Устав морской» и «Бородовой знак «Деньги взяты». Открытие скульптур состоялось в ноябре и декабре 2023 г. Авторы арт-объектов — победители открытого всероссийского конкурса, проведенного по инициативе мэра Воронежа В. Кстенина — В. Мишов, В. Локотков и Г. Молчановский. Скульптурные композиции отсылают как к самому Петру I, так и к значимым нововведениям правителя: «Устав морской» — к документу 1720 г., который регламентировал широкий спектр вопросов организации российского флота, а «Бородовой знак «Деньги взяты» — особому жетону, выдававшемуся при уплате пошлины за ношение бороды. Все арт-объекты расположены в центральной части города.

— п. Рамонь, Памятный знак в честь 300-летия Российского Военного флота в виде макета боевого корабля «Меркурий» (центральная площадь). Открыт в 1996 г. Монумент пред-

---

[28] *Кононов В.И.* Памятники Воронежа и Воронежской области. Воронеж, 1979.

[29] *Кононов В.* Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках. Воронеж, 2005. С.116–117.

ставляет собой белый парусник на постаменте. С четырех сторон на постаменте высечены надписи: «1996 год — 300 лет Российскому флоту»; «Судоверфь в с. Ступино — XVII век»; «Судоверфь в п. Рамонь — XVII век»; «Река Воронеж — родина Русского флота». Рамонская верфь была основана по указу Петра I в 1696 г. на левом берегу реки Воронеж в селе Рамонь, в 37 км к северу от города Воронежа.[30]

— с. Таврово (Микрорайон г. Воронежа), Памятный знак на месте Тавровской верфи. В 2022 г. в Таврово установили памятный знак, посвящённый истории города-крепости Тавров. На памятном знаке написано: «Город-крепость Тавров основан адмиралтейцем Ф.М. Апраксиным в 1705 г. на левом берегу реки Тавровка при её впадении в реку Воронеж». В 1709 и 1722 гг. в Таврове побывал Петр I. Кораблестроение на местной верфи велось в 1705–1711, 1723–1724, 1736–1740, 1768–1769 гг. В Таврове находились деревянный царский «дворец», Адмиралтейство, школа, госпиталь, аптека.

— с. Нижний Икорец, Памятный знак на месте Икорецкой верфи. Открыт в 2007 г.[31] С 1709 г. на Икорецкой верфи строились суда для Донской флотилии и Азовского флота. Верфь изначально просуществовала всего два года, до 1711. Строительство судов возобновлялось в 1736–1740 гг., 1768–1769 гг.

— г. Павловск, Памятник Петру I. Открыт в 1988 г. (скульптор Е. Кербель). Бюст из гранита установлен на бетонном постаменте с надписью: «Петру Великому, основателю г. Павловска в 1709 г.». Памятник находится в Петровском парке.[32]

— г. Острогожск, Памятный знак в честь встречи Мазепы с Петром I. Открыт в 1997 г. в честь встречи Царя Петра I после Азовского похода с гетманом И. Мазепой и казаками, оказавшими помощь в осаде крепости Азов. На знаке была установлена надпись, которая рассказывала о встрече Петра I и гетмана Ивана Мазепы в августе 1696 г.[33] В 2023 г. был заменен на Памятный знак в честь пребывания Петра I в Воронежском крае. Установлен к 350-летию со дня рождения Петра I.

---

[30] *Кригер Л.В.* Рамонский край. Жемчужина туризма. Воронеж, 2008.

[31] *Кардашов Н.* Якорь памяти // Коммуна. 2007. 4 мая; Памятники истории и культуры Лискинского района: путеводитель / сост. Н.И. Кибальченко и др. Воронеж, 2011.

[32] *Кононов В.И.* Памятник императору Петру Великому. Воронеж, 2007.

[33] *Пилипенко М.И.* Острогожск. Путеводитель по городу. Воронеж, 2015.

— Воронежская область. Воронежские верфи. Объект культурного наследия. В 2023 г. Управление по охране объектов культурного наследия утвердило границы воронежских верфей. Пока их пять. Это «Крепость Тавров» на окраине Воронежа, Икорецкая под Лисками, Ступинская в Рамонском районе, Хопёрская в Новохопёрске и Павловская верфь. На месте каждой планируется установить памятный знак.

Представленный перечень не является исчерпывающим на сегодняшний день. Как минимум еще 19 населенных пунктов могут претендовать на основание при участии Петра I. Здесь не указаны многочисленные мемориальные доски. Следует указать туристические маршруты, которые включают в себя природные объекты. Кроме того, в последние годы «Петр I и Воронежский край» становится брендом для привлечения туристов. На этот процесс реагируют местные музеи, создающие большое количество временных и постоянных экспозиций, посвященных Петру I, его сподвижникам, строительству флота и др. В 2026 г. планируется открытие постоянной экспозиции, посвященной Петру I и строительству флота в Воронежском крае в памятнике федерального значения «Дом Гарденины».

Памятник Петру I в Воронеже.
Открытка начала XX в.

Петровский сквер. Воронеж.
Открытка начала XX в.

Здание Среднего механико-технического училища имени Петра Великого. А. Митин. 2017 г.

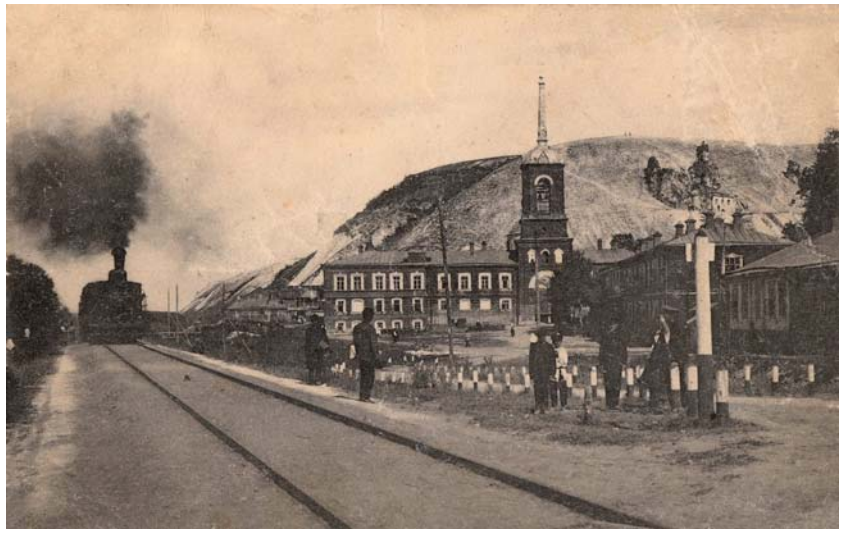
Здание Среднего механико-технического училища имени Петра Великого. Открытка. 1920-е гг.

Здание Воронежского сельскохозяйственного института.
Открытка. 1930-е гг.

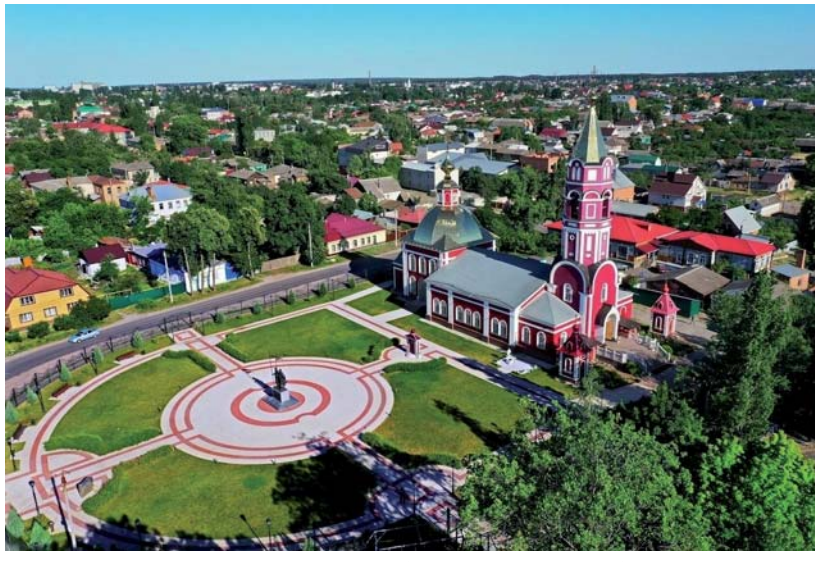
Здание Успенской церкви на берегу реки Воронеж.
Открытка начала XX в.

Дивногорский монастырь.
Открытка начала XX в.

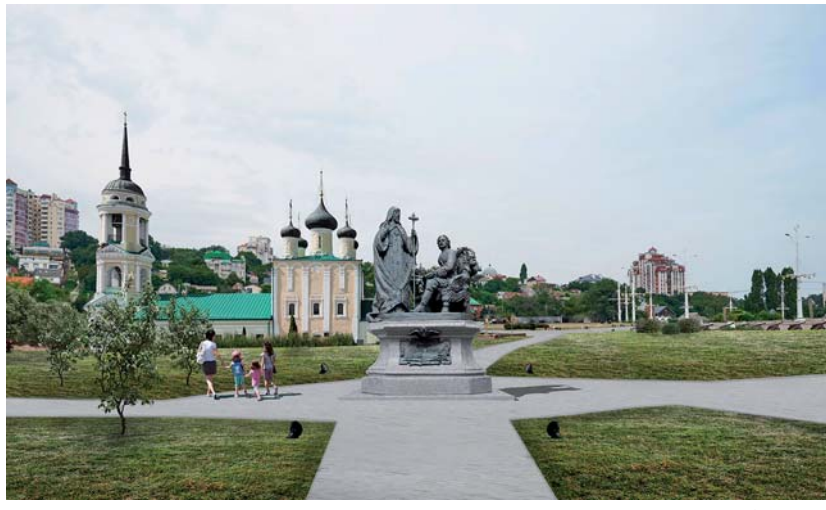
Макет корабля «Меркурий»
(Воронежское водохранилище).
Фото 1980-х гг.

Панорама г. Борисоглебска Воронежской области.
Современное фото.

Адмиралтейская площадь в Воронеже. Корабль «Гото Предестинация».
Современное фото.

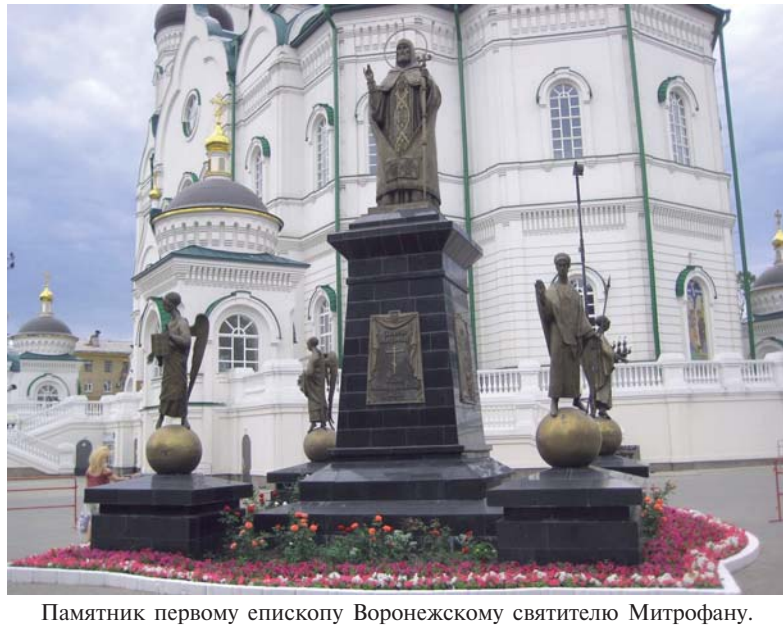
Памятник царю Петру I и первому епископу Воронежскому Митрофану (Адмиралтейская площадь). Современное фото.

Памятный знак первой государственной школе в России. Воронеж. Современное фото.

Памятный знак на месте Икорецкой верфи.
Современное фото.

Памятник первому епископу Воронежскому святителю Митрофану.
Современное фото.

Арт-объект, посвященный петровской эпохе: Бородовой знак «Деньги взяты». Современное фото.

Арт-объект, посвященный петровской эпохе: «Устав морской». Современное фото.

Гузель Вазыховна Ибнеева
(Казань)
Профессор
Казанского федерального университета

Петр I и памятные места губернского города Казани и Казанского края

Guzel V. Ibneyeva

Peter I and memorable places of the provincial city of Kazan and the Kazan region

Аннотация: Статья посвящена исследованию и типологизации памятных мест, связанных с пребыванием императора Петра I в Казани и Казанском крае в 1722 г.: предприятий промышленного и мануфактурного типа, а также культовых памятников. В статье показано, что совокупность рассмотренных памятных мест, связанных с Петром I, транслирует идею «империи». Посещение императором промышленных, мануфактурных заведений и административных мест способствовало дальнейшему имперскому строительству.

Abstract: This article examines and classifies memorial places associated with Emperor Peter I's stay in Kazan and the Kazan region in 1722: industrial and manufacturing enterprises, as well as religious monuments. The article demonstrates that the memorial places associated with Peter I, as a whole, convey the idea of "empire". The emperor's visits to industrial, manufacturing, and administrative places contributed to further imperial construction.

Ключевые слова: Памятные места, адмиралтейство, адмиралтейская контора, мануфактура, Болгар.

Keywords: Memorials, Admiralty, Admiralty office, manufactory, Bulgar.

Статья посвящена рассмотрению памятных мест, связанных с пребыванием императора Петра I в Казани и Казанском крае в 1722 г. Представляется вполне актуальным следующее определение памятных мест: «Памятными местами являются территории, ландшафты, связанные с событиями, имеющими историческую, научную или иную культурную ценность[ГИ1]...»[1]. В объекте рассмотрения — как сохранившиеся целиком в своем первоначальном виде памятные места, так и находящиеся в руинированном состоянии, а также являющиеся частью более поздних объектов.

В 1722 г. Пётр Первый в статусе всероссийского императора посетил Казань. Это был не первый его приезд в город. Пребывание Петра в Казани в 1695 г. было связано с Азовским походом, в 1708 г.– с открытием новой Казанской губернии. Третий визит русского самодержца ознаменовал начало новой военной кампании на Востоке (1722–1723 гг.). Посещение Казани Петром I в 1722 г. произошло по пути следования в Персидский поход, куда император отправился водным путем, по Волге. В статье рассматриваются памятные места, связанные с его нахождением в Казани и Казанском крае именно в 1722 г.

Итак, 2 июня 1722 г. 36-весельная галера «Москворецкий» с императором на борту прибыла в Казань[2] и пришвартовалась в четыре утра в трех верстах от города на Казанке или у верфи Адмиралтейской слободы, или у Ягодинской пристани. Пристань находилась напротив Зилантова Монастыря за изгибом реки Казанки, неподалеку от Адмиралтейства.

3 июня 1722 г. Петр отправился в город, в крепость — Кремль. Как отмечалось в походном журнале: «Палили из пушек со всего города, и слушал литургию в соборной церкви — Благовещенской церкви». Первыми, с кем встретился Петр I, были митрополит Казанский и Свияжский Тихон (Воинов Тимофей Васильевич) (1655–1724) и казанский губернатор А.П. Салтыков. Отсюда он отправился в Богородицкий Девичий монастырь[3], где находился чудотворный образ явления Казанской Богородицы. В советские

[1] Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, Приказ Минкультуры СССР. от 13 мая 1986 г., N 203. URL: //http: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=141455&ysclid=mh4o18rsnw104719731 (дата обращения 24.10.2025).

[2] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 96.

[3] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 38; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. 2-е изд. М., 1838. Т. 9. С. 127.

времена монастырь не сохранился. В 1932 г. Собор Казанской Божьей Матери был взорван. Только в 2021 г. он был воссоздан на этом же месте (ул. Большая Красная, д. 5).

Затем император обследовал состояние адмиралтейской верфи. В Казани с начала XVIII в. строились суда для плавания по Волге и Каспийскому морю. С 1706 г. предпринимались попытки перевести часть построенных кораблей на Балтику. Туда же с 1710 г. отправляли корабельный лес, заготавливаемый в Поволжье. Петр, осознавая задачи России на Востоке, понимал, что русские успехи в прикаспийских и закаспийских краях, могут быть обеспечены только русским военным флотом. В силу этого Казань, как город, находящийся в центре богатой лесами губернии и пользующийся репутацией судостроительного центра, была избрана императором для устройства здесь адмиралтейства будущего каспийского флота. Поэтому 31 января 1718 г. был издан указ о строительстве верфи на землях Зилантова монастыря, у татарской деревни Бишбалта[4]. К моменту посещения Петром I Казани в 1722 г. это было уже крупное предприятие, с полным циклом постройки военных кораблей, пригодных для морского плавания. Император лично осмотрел Казанское адмиралтейство и остался им доволен[5].

Казанская адмиралтейская верфь просуществовала до 1829 г. За 111 лет с ее стапелей сошло около 400 судов (бомбардирские корабли, галеры, фрегаты, корветы, боты). К сожалению, от Адмиралтейской верфи ничего не осталось. В советское время эта территория входила в промышленную зону Кировского района г. Казани. В последние годы появляются масштабные планы по «возрождению» Адмиралтейской слободы.

В этот же день 3 июня Петр отправился к вице-губернатору Н.А. Кудрявцеву[6], в ведении которого находилось Адмиралтейство, контроль за состоянием лесов и подготовка деревьев для строительства кораблей. Встреча состоялась в адмиралтейской конторе в здании, купленном в 1719 г. у Казанского Богородицкого монастыря. Контора эта располагалась на улице Казанской Богородицы, чуть правее сегодняшнего входа в Собор Казанской иконы Божией Матери (ул. Большая Красная 5Б).

---

[4] Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 2005. С. 216.

[5] *Елдашев А.М.* Пребывание российского императора Петра I в Казани (2–6 июня 1722 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, №4. С. 155–156.

[6] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 38.

Предстоящая война с Персией побуждала Петра I «привести казанскую верфь в лучшее состояние», поскольку отсюда легче всего могли спускаться морские суда в Каспийское море. Находясь в адмиралтейской конторе[7], император осмотрел все приготовленные для С.-Петербургского адмиралтейства деревья, а также проверил ведомости «о числе отпущенных из конторы деревьев», отправив их к прокурору Адмиралтейств-коллегии. При этом он распорядился сверить их с полученными материалами для постройки кораблей. Копия этих ведомостей была отправлена и майору А.И. Ушакову для расчета с подрядчиками, поставлявших лес в Петербург. Император повелел также прорыть глубокий канал для засолки молодых деревьев между адмиралтейством и Ягодной слободой по изгибу Казанки от одного берега до другого. Далее деревья следовало просушить и вновь подвергнуть вымачиванию в соленой воде, поскольку они были годны для строительства кораблей лишь после двухлетней вымочки и сушки. В Казани же Петр распорядился основать такую же верфь и в Нижнем Новгороде. Созданные по старым образцам суда следовало уничтожить. Их было велено сооружать по новым чертежам с полной морской оснасткой, чтобы они прямо могли плавать по Каспию, не перегружаясь[8].

Находясь в Казани, Петр проявляет большой интерес к развитию стратегических промышленных заведений. Эта тема сопровождает все время пребывания императора в городе. Так, 4 июня он, согласно тому же «Походному журналу», «ездил в город, осматривал кожевных заводов»[9]. Здесь имеется в виду кожевенный пумповый завод, основанный Петром в 1719 г. для выделки толстых кож. Он выпускал пумповые кожи для корабельных помп (насосов для откачки воды). Технологически это было кожевенное производ-

---

[7] По мнению С.П. Саначина, первоначальное ее название — «Кантора-Канцелярия корабельных дел» // *Саначин С.П.* Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани: сборник статей. Казань, 2015. С. 243. Сам И. Голиков применяет название «адмиралтейская контора» — «тамошняя Адмиралтейская Контора». См. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1838. Т. 9. С. 127.

[8] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1838. Т. 9. С. 127–129; *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений с 8-ю видами города. Казань, 2005. С. 222–223.

[9] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 38.

ство — в больших чанах выделывались кожи до 300–400 штук в год. Кожи Пумпового завода поставлялись в Казанское адмиралтейство, Санкт-Петербург, Астрахань, Архангельск. В силу этого это предприятие было устроено рядом с казенным суконным заводом[10], о котором будет сказано ниже. Находился он на современной территории резиденции главы республики Татарстан.

5 июня император посетил губернатора А.П. Салтыкова в губернаторском доме в крепости. Ныне на этом месте в Кремле находится здание присутственных мест, где располагаются различные учреждения[11]. Вероятно, тогда же, согласно И.Голикову, он побывал в губернской канцелярии, которая находилась рядом, справа от губернаторского дома, и рассматривал «в оной дела». Ревизуя состояние ведения дел в ней, император потребовал книгу, в которой фиксировались посылаемые из канцелярии указы. Книга оказалась утерянной. Когда ее не нашли, император, предполагая сильные злоупотребления, сильно разгневался («пришел в великое огорчение»)[12]. Позже из Терка был выслан указ Петра I Салтыкову непременно ее отыскать: «Сие учини без всякой понаровки; ибо на вас то взыщется»[13].

В этот же день 5 июня император осматривал казенный суконный завод, основанный им в 1714 г. и находившийся под управлением Н.А. Кудрявцева. Располагался он в северной части территории Кремля. Это место обозначалось в источниках по-разному: в чертеже 1730 г. А. Сацыперова как «Государев дворец и сад»[14], в объяснениях же казанского губернатора А.П. Волынского (1730) как «Губернаторский Двор»[15].

---

[10] *Саначин С.П.* Казанская адмиралтейская контора: действительная история // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: материалы Всероссийской научной конференции (г. Казань, 25–26 октября 2018 г.). Казань, 2018. С. 308.

[11] А.П. Салтыков занимал должность казанского губернатора с 2 мая 1719 г. до 1724 г.

[12] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... С. 128.

[13] Там же.

[14] План Казанского кремля, составленному в 1730 году инженер поручиком Артемоном Соцыперовым // *Богдановский М.А.* Инженерно-исторический очерк осады Казани. Инженерный журнал. СПб., 1898. № 8–9.

[15] *Саначин С.П.* Две соседки в Казанском Кремле // Саначин С.П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани. Казань, 2022. Кн. 2. С. 119.

Петр также посетил частную суконную фабрику купца И.А. Михляева, которая действовала под Казанским кремлем. Сейчас здесь находится здание Института истории им. Ш. Марджани (ул. Батурина, 7а). Очевидно, в ходе визита император мог убедиться в эффективности частных предприятий. Он был впечатлен четкой организацией дела и выпускаемой продукцией на суконной мануфактуре Ивана Афанасьевича Михляева. Согласно И. Голикову, Петр побывал в доме И.А. Михляева и удостоил купца «подробностями фабричного разговора». Итогом этой встречи стала передача государственной суконной мануфактуры в ведение талантливого купца И.А. Михляева[16].

Этот дом, принимавший столь высоких гостей, сохранился в Казани до нынешних дней. Дом И.А. Михляева (Дряблова) — единственный сохранившийся памятник гражданской архитектуры конца XVII в. — находится во дворе швейной фабрики № 4 (ул.М. Джалиля, 19)[17]. Мемориальная доска на его стене гласит: «Дом Михляева (Дряблова). Памятник гражданской архитектуры конца XVII века. В 1722 году здесь останавливался Петр I. Памятник охраняется государством». В настоящий момент он находится в стадии консервации.

В тот же день для императора во дворе казанского дворянина Есипова устроили модную тогда потеху — травлю медведя собаками[18]. Дом его находился на месте угла улиц Баумана и М. Джалиля, где прежде располагался кинотеатр «Родина».

Пребывание Петра в городе имело итогом создание редкого памятного места — Петропавловского собора. Купец И.А. Михляев взялся соорудить за свой счет храм во имя святых апостолов Петра и Павла в память о пребывании Петра I в Казани. Строительство началось в том же году, однако в 1723 г. почти законченный храм рухнул. Узнав об этом, Петр прислал в Казань своих мастеров, которые к весне 1726 г. поставили великолепный храм. Примерно к 1899 г. собор Петра и Павла обрел вид, который имеет и поныне[19].

Ночью 6 июня 1722 г. Петр отправляется из Казани вниз по Волге. 8 июня он посещает руины древнего Болгара — уникального

---

[16] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... С. 128–129.

[17] Дом купца И.А. Михляева. URL: https://petersmonuments.ru/russia/memorials/dom-kuptsa-i-a-mikhlyaeva-kazan/ (дата обращения 01.10.2025)

[18] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 39.

[19] Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 2005. С. 224, 226–227.

исторического памятника, свидетельствующего о существовании некогда могучих государств — Волжской Булгарии и Золотой Орды. Болгар является единственным в своем роде образцом болгаро-татарской архитектуры VIII–XIV столетий. В Тетюшах на галере императора менялись гребцы и, чтобы скоротать время, государь и его спутники решили его посетить. Как отмечалось в походном журнале, «Его Величество ездил в Болгары, город старинной, где была столица князей болгарских и жили народ, называемые болгары»[20].

Петр не мог не знать о существовании Болгара. Еще в 1712 г. он повелел на его территории организовать Успенский мужской монастырь. Вследствие этого дьяк А. Михайлов в ходе создания описей для размежевания его территории описывал архитектурные памятники Болгара и даже уточнял их высоту и размер[21].

Император со свитой объехал всё поселение. В это время там находилось 70 каменных строений разной степени сохранности, включая крепостной вал, бани, «большой» и «малый» минареты и другие строения. Основные постройки пребывали в полуразрушенном состоянии. Город не был полностью заброшен — рядом было расположено село. В Болгаре также действовал монастырь, основанный Петром. Известно, что император поднимался на «Большой» и «Малый» минареты[22]. Малый минарет — единственный архитектурный памятник средневекового Булгара, дошедший до наших дней практически нетронутым. По преданию, здесь хоронили святых булгар. В 1970-е гг. минарет восстановили в первозданном виде.

На Большом минарете Петр отметил, что с такой высоты болгарам было удобно вести наблюдение за границами города и вовремя заметить нападающих[23]. Этот минарет рухнул в 1841 г. Восстановленный в 2000-х гг., он представляет собой одну из смотровых площадок, откуда открывается вид на окрестности Болгара и набережную Волги.

---

[20] Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 40.

[21] Выпись с межевых книг, письма и меры дьяка Андрея Михайлова, на землю новостроящагося Болгарского Успенского монастыря 1712 г. // *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Вятской. М., 1871. С. 6–8.

[22] *Персова С.Г.* Из истории изучения Болгарского городища (XVIII в.) // Вестник КазГУКИ. 2015. № 2, ч.2. С. 107.

[23] Там же. С. 108.

Затем император осмотрел все городище вокруг городского вала, но особое внимание уделил надгробным (в том числе армянским) эпитафиям «Греческой Палаты». Мусульманские и армянские надгробия он повелел скопировать и перевести содержание их надписей на русский язык[24].

Когда император достиг Астрахани, казанскому губернатору Алексею Петровичу Салтыкову пришел его указ 2 июля 1722 года о необходимости проведения описи комплекса археологического памятника и его реставрации: «Господин губернатор! В бытность нашу в Болгаре видели мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный подлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно много есть, также мост и старое по времени вели починить»[25].

В ходе реставрации Болгара был укреплен Большой минарет: его верхняя часть была окована железными обручами, затем по настоянию казанского вице-губернатора покрыта дощатой крышей. Ремонту подверглась болгарская баня, Белая палата и несколько других зданий. План города, обмеры зданий, описание строений были направлены императору, а работа была завершена 25 сентября 1723 года: «1723 году сентября в 25 день на Болгарах каменного древнего здание палата турецкая баня, починена и на старом фундаменте. К ней вновь пристроено и два столпа, на которых верхи наделаны, а о том значит опись и чертёж»[26].

До Эпохи Просвещения, в эру, когда иноверческие памятники во многих странах просто уничтожались, русский православный самодержавный царь повелел своим подданным сохранить мусульманский памятник и охранять его впредь. Как отмечают исследователи, Петр воспринимал мир в более научной картине мира, чем это было принято до него. Эти ремонтные мероприятия никак не сравнятся с современными методами реставрации. Однако следует учесть, что, не имея профессиональной подготовки и теоретическо-

---

[24] *Ардашев И.А.* Развалины Болгар и древние болгары по описанию Э.П. Турнерелли // Приложение к журналу «Деятель» за 1901 г. Казань, 1901. С. 21.

[25] Цит. по: *Долгов Е.Б.* Петр I и Казанская губернская администрация во время Персидского похода 1722–1723 гг. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2019. № 1. С. 113.

[26] *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Булгарской цивилизации. Т. 3. Открытие древнего Болгара. Казань, 2016.

го понимания концепции восстановления исторических памятников, А. П. Салтыков и его подчиненные с задачей справились[27].

Таким образом, совокупность памятных мест, связанных с посещением Петром Великим Казани и Казанского края в 1722 г., может быть типологизирована следующим образом: 1) это — сохранившиеся памятные места, к которым можно отнести Благовещенский собор, дом И.А. Михляева; 2) частично сохранившиеся памятные места (Болгар); 3) утраченные памятные места, связанные с посещением Петра I административных мест, предприятий промышленного и мануфактурного типа (Адмиралтейская верфь, Пумповый завод, казенная суконная и частная суконная мануфактура М.А. Михляева), частично культовых сооружений (Богородицкий Девичий монастырь).

Обращаясь к памятным местам, связанных с Петром I, становится очевидным, что они транслируют идею «империи». Посещение адмиралтейской верфи, суконных и кожевенных мануфактур, безусловно, способствовало развитию российского судостроения, а это наращивало промышленный и военный потенциал государства. Посещение объектов культурного наследия, культовых сооружений Болгара обратило внимание государя на разрушавшиеся, в том числе мусульманские религиозные, памятники. Русский православный самодержавный император повелел своим подданным отреставрировать мусульманский памятник не только потому, что он находил Болгар достойным памятником, свидетельством мастерства человеческих рук и человеческого гения. Возможно, он понимал, что этнокультурное многообразие является данностью, важной чертой российской империи и его нужно поддерживать.

Эта идея имперского строительства выразилась и в административном аспекте. Прибыв в Казань, Петр, очевидно, хотел убедиться в эффективности реформирования местного управления на примере такой крупной губернии, как Казанская. Посещение административных мест давало ему новое знание о практиках лиц, наделенных властью. В результате были приняты указы, направленные на развитие адмиралтейства, упорядочение работы губернских органов власти.

---

[27] *Валеев Р.М., Ситдиков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Петр I и начало охраны культурного наследия в России // Объекты культурного наследия Петровской эпохи: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: Сборник материалов. Волгоград, 2020. С. 224.

Людмила Николаевна Жданович
(Калининград)

Доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» ФГАОУ ВО «Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта».

Память о Петре Великом на калининградской земле

Liudmila N. Zhdanovich

The preservation of Peter the Great's memory in the Kaliningrad region

Аннотация: В статье предпринята попытка показать, как в Калининградской области сохраняется память о Петре Великом. Подчеркивается неразрывная связь царя-реформатора с самым западным регионом России. Охарактеризованы основные места памяти, связанные с пребыванием Петра I на калининградской земле, усилия местных властей, учреждений науки и культуры, а также общественности по сохранению объектов культурного наследия региона, связанных с петровской эпохой. Подчеркивается значимость личности Петра I для современных калининградцев.

Abstract: The article aims to showcase the preservation of Peter the Great's memory in the Kaliningrad region. It underscores the indissoluble link between the tsar-reformer and Russia's westernmost territory. The main sites of memory associated with Peter I's presence in Kaliningrad region are characterized by the efforts of local authorities, academic and cultural institutions, and the public to preserve the region's cultural heritage objects connected in one way or another to the Peter the Great era. The text highlights the significance of Peter I for modern Kaliningrad residents

Ключевые слова: Петр I, Великое посольство, Пруссия, Кенигсберг, Калининград
Keywords: Peter I, Grand Embassy, Prussia, Konigsberg, Kaliningrad

Более 300 лет назад на прусскую землю впервые ступил Петр I. В 2025 г. исполнилось 80 лет с тех пор, как эта земля стала российской. Точкой отсчета к увековечиванию памяти о Петре Великом в Калининградской области, которая совсем скоро отметит свой 80-летний юбилей, стал 1996 г. Тогда, в преддверии празднования 300-летия Великого посольства, была предпринята попытка показать тесную связь самой западной области России с личностью первого российского императора. В 1996 г. в Калининграде по инициативе Музея Мирового океана в торжественной обстановке была открыта набережная Петра Великого, ставшая главным местом проведения Балтийского международного фестиваля флотов «Паруса надежды», посвященного 300-летию российского флота[1].

Набережная Петра Великого расположена вдоль реки Преголя, главной водной артерии Калининграда и области. 7/17 мая 1697 г. корабль Петра I причалил к берегу реки, именовавшейся тогда Прегель, положив начало первому визиту русского царя в столицу Пруссии Кенигсберг — современный Калининград[2]. Путешествие Петра I было связано с дипломатической миссией Российского государства — Великим посольством, маршрут которого пролегал через прусские земли. Небольшое курфюршество Бранденбург-Пруссия на целых два месяца стало местом пребывания русского царя и посольства. Здесь Петр I имел возможность познакомиться с жизнью крупного европейского торгового города, изучить памятники архитектуры и фортификации, расширить свои познания в артиллерийской науке и совершить дебют на дипломатическом поприще. Память об этих событиях бережно хранится в Калининградской области. В 1997 г. в регионе при активном участии министерства иностранных дел России, местных властей, музея Мирового океана и командования Балтийского флота состоялось грандиозное празднование 300-летия Великого посольства. Был организован визит калининградской делегации по маршруту дипломатической миссии Петра I с посещением целого ряда европейских городов. 18 мая 1997 г. на набережной Петра Великого установлен гранитный камень и памятная доска с надписью «В память о пребывании

[1] *Кретинин Г.В.* Петр I: из Кенигсберга в Калининград. Калининград, 2024. С. 290.
[2] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. М., 1941. Т. 2. С. 54.

в Кёнигсберге в 1697 году Великого посольства Петра I». В июне 1997 г. состоялся очередной Балтийский международный фестиваль флотов «Паруса надежды». В ноябре того же года по инициативе Музея Мирового океана в поселке Низовье Калининградской области был установлен ещё один памятный камень с надписью: «В замке Валдау 27 мая 1697 г. останавливался Государь Петр I и Великие Московские Послы»[3].

6 июня 1998 г. состоялось торжественное открытие памятника Петру I в Балтийске – самом западном городе России, являющемся военно-морской базой Балтийского флота. В Пиллау, так назывался Балтийск на рубеже XVII–XVIII вв., Петр I бывал неоднократно, как во время своего первого заграничного путешествия, так и в разгар Северной войны. 26 июля 2003 г. в сквере у здания штаба Балтийского флота в Калининграде был установлен ещё один памятник Петру I — копия скульптуры Л.Е. Кербеля, установленной в Измайловском парке Москвы в 1998 г. Открытие памятника было приурочено к празднованию в регионе 300-летия Балтийского флота и дня военно-морского флота России.

Осенью 2003 г. в рамках программы «Прусские маршруты Петра Великого», инициированной И.А. Одинцовым (1937—2020) в Калининграде на стене Кафедрального собора XIV в. был установлен бронзовый памятный знак «Визит Петра Великого» с изображением монарха и надписью «Император Пётр Великий был здесь». Собор расположен на о. Канта в сердце Калининграда. Во времена Петра I остров носил название Кнайпхоф. Построенный на острове средневековый город с одноименным названием стал местом, в котором поселился русский царь в 1697 г. В 1724 г. вместе с Альштадтом и Лебенихтом он войдет во вновь образованный город Кенигсберг.

29 мая 2004 г. в городе Неман Калининградской области на стене средневекового замка Рагнит был установлен памятный знак, посвященный прибыванию здесь в 1709 г. российского императора. Третьим городом Калининградской области, в котором появился мемориальный знак, стал Черняховск. Он был установлен в честь пребывания Петра I в Инстербурге (Черняховске) в 1709 г. На памятном знаке надпись — «Император Пётр Великий был здесь».

В 2005 г. в регионе были организованы масштабные празднества по случаю 750-летия Кенигсберга-Калининграда. Символом юбилея стали Королевские ворота, возведенные в середине XIX в. При

[3] *Кретинин Г.В.* Указ. соч. С. 290.

поддержке Правительства Российской Федерации и Правительства Калининградской области, администрации города, многих производственных организаций, переданный музею Мирового океана памятник архитектуры федерального значения был восстановлен в кратчайшие сроки. 2 июля 2005 г. в Королевских воротах состоялось открытие историко-культурного центра «Великое посольство», ознаменовавшее начало праздничных торжеств с участием президента РФ В.В. Путина. К Королевским воротам с набережной Петра Великого был также перенесен памятный камень, установленный в честь 300-летия пребывания Великого посольства в Кенигсберге. Сегодня Королевские ворота — это музейное пространство с экспозицией и временными выставками, посвященными возникновению и развитию города-крепости, посещению Кенигсберга выдающимися людьми и Великим посольством Петра I, зарождению российской дипломатии. Также Королевские ворота являются центром и культурной площадкой для развития международных связей, торжественных церемоний, концертов и встреч[4].

17 июня 2011 г. на карте Калининграда появилось ещё одно памятное место, связанное с именем Петра Великого. Состоялось открытие памятного знака, посвященного пребыванию Петра I во Фридрихсбургской крепости Кенигсберга в 1697 г. На знаке, расположенном на стене Фридрихсбургских ворот, единственной сохранившейся до наших дней части крепостного комплекса, изображена фигура первого российского императора на фоне кораблей и надпись «Флоту быть!» В воротах, переданных музею Мирового океана в 2007 г. и отреставрированных к 2011 г., была открыта экспозиция «Корабельное воскресение», посвященная истории российского флота и Петру Великому. 10 октября 2012 г. на территории Фридрихсбургских ворот открыт музейный комплекс «Лодейный двор» с реставрационными мастерскими, где хранятся, реставрируются и экспонируются народные средства передвижения по воде. В 2017 г. организовано выставочное пространство «Кабинет Петра».[5] Центр посвящен истории российского кораблестроения, возрождению исторических судов и сегодня является одной из площадок проведения исторических реконструкций и праздничных мероприятий.

---

[4] Историко-культурный центр «Королевские ворота». URL https://www.world-ocean.ru/korolevskie-vorota (дата обращения: 30 октября 2025)

[5] Историко-культурный центр «Фридрихсбургские ворота». URL https://www.world-ocean.ru/fridrikhsburgskie-vorota (дата обращения: 30 октября 2025)

В 2012 г. в пос. Низовье Калининградской области на здании западного флигеля замка, в котором расположен музей «Вальдавский замок», была установлена мемориальная доска с надписью: «17 мая 1697 года под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова для встречи с Великим посольством в замок Вальдау прибыл царь российский Петр I».

В 2021 г. самый западный регион России присоединился к национальному туристическому проекту «Императорский маршрут», цель которого – охватить места памяти представителей дома Романовых, связанных с их официальными визитами и путешествиями. В центре внимания история пребывания на калининградской земле российских императоров Петра I и Александра I, а также членов императорского дома Романовых в начале XX в., в период Первой мировой войны. В маршрут вошли Калининград, Балтийск, Советск, Черняховск и Гусев – в прошлом соответственно города Кенигсберг, Пиллау, Тильзит, Инстербург и Гумбиннен[6].

В 2012 г. музей Балтийского флота в г. Балтийск стал филиалом Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого. Музею принадлежит один из самых значимых памятников фортификации Калининградской области, связанных с именем Петра I – цитадель «Пиллау». 18 февраля 2022 г. на главных воротах Балтийской крепости была открыта мемориальная доска из белого мрамора, посвященная Петру Великому, с надписью «Здесь в крепости Пиллау в 1697 году во время Великого посольства царь Петр Алексеевич обучался бомбардирскому делу»[7].

Это событие стало одним из первых в череде мероприятий, посвященных празднованию 350-летия со дня рождения первого российского императора. 12 мая 2022 г. в Калининградском областном историко-художественном музее состоялась презентация выставочного комплекта «Герой-преобразователь. К 350-летию со дня рождения Петра Великого»[8]. Сотрудники музея раздали более 450 выс-

---

[6] Пять городов Калининградской области вошли в «Императорский маршрут» URL https://rg.ru/2021/06/07/reg-szfo/piat-gorodov-kaliningradskoj-oblasti-voshli-v-imperatorskij-marshrut.html (дата обращения: 30 октября 2025)

[7] На стене крепости Пиллау в Балтийске появилась памятная табличка Петру Великому. URL https://vesti-kaliningrad.ru/na-stene-kreposti-pillau-v-baltijske-poyavilas-pamyatnaya-tablichka-petru-velikomu/ (дата обращения: 30 октября 2025)

[8] Презентация выставки «Герой-преобразователь. К 350-летию со дня рождения Петра Великого». URL https://koihm.ru/prezentacziya-vystavki-gerojpreobrazovatel-k-350-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-petra-velikogo/ (дата обращения: 30 октября 2025)

тавочных комплектов, в том числе 200 штук было выделено штабу Балтийского флота ВМФ Российской Федерации. Выставка состояла из 20 больших информационных планшетов, содержавших исторические документы, работы живописцев, фотографии экспонатов из архивов музея, другие свидетельства эпохи Петра Великого, важных событий, связанных с именем этого выдающегося государственного и военного деятеля России, великого реформатора. Значительное место на выставке уделено пребыванию первого российского императора на калининградской земле.

18 мая 2022 г. в Калининградской области одновременно открыты более 300 выставок, приуроченных к данному знаменательному событию. Масштабная акция проводилась в рамках Единого выставочного дня, организатором которого выступил Калининградский областной историко-художественный музей при поддержке Министерства по культуре и туризму области[9]. В акции участвовали учреждения образования, культуры и науки всех муниципальных образований региона. На их базе в области развернуты выставки «Герой-преобразователь», посвященные юбилею Петра Первого.

В июне 2022 г. в областном историко-художественном музее в рамках проекта «Царские дни в Калининграде» при поддержке Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» была открыта экспозиция «Когда Россия молодая мужала с гением Петра»[10].

К празднованию юбилея присоединился музей Мирового океана. В 2022 г. создан «Петровский центр», задуманный музеем как площадка просветительской работы и вклад в сохранение наследия первого российского императора и его роли в становлении России как великой морской державы. Также музеем был организован комплексный экскурсионный маршрут «По следам Петра I», включавший пешую экскурсию по набережной города с посещением историко-культурных центров во Фридрихсбургских и Королевских воротах, а также водное путешествие по руслам рек Преголя, Дейма с остановками в городах области Гвардейске, Полесске и прибыти-

[9] В Калининградской области открыли более 300 выставок к 350-летию со дня рождения Петра I. URL https://tass.ru/obschestvo/14655759 (дата обращения: 30 октября 2025)

[10] В Калининграде открылась выставка, посвящённая Петру I. URL https://gov39.ru/press/313020/ (дата обращения: 30 октября 2025)

ем к маяку в пос. Заливино. Этим водным маршрутом в 1712 и 1716 г. путешествовал и сам Петр I[11].

Музейные экспозиции, посвященные царю-реформатору и его эпохе, организованы не только в Калининграде, но и во многих городах области. В 2022 г. в Гвардейске в отреставрированном замке Тапиау, в котором в 1697 г. останавливалось Великое посольство открылся музей, часть экспонатов которого повествует о пребывании царя-реформатора в Пруссии.

В регионе продолжается традиция увековечивания памяти о Петре Великом в памятниках монументального искусства. 27 августа 2022 г. возле Фридрихсбургских ворот в день проведения традиционного музейного Морского фестиваля «Водная ассамблея» состоялось официальное открытие скульптурной композиции «Детство Петра», созданной народным художником СССР и РФ, Президентом Российской академии художеств З.К. Церетели. Скульптура была передана автором в дар городу. Петр I изображен в возрасте 10 лет бегущим вперед и призывающим следовать за ним[12]. К открытию в Калининграде филиала Государственной Третьяковской галереи, которое состоялось 12 июня 2025 г., в музей привезли бронзовую скульптуру «Петр I» работы известного скульптора Марка Антокольского (1872). Статуя изображает Петра I в полном обмундировании Преображенского полка.

В этой связи особый интерес представляет исследование, проведенное осенью 2023 г. социологами Балтийского федерального университета им. И. Канта. В качестве основных методов при проведении опроса использовались формализованное личное интервью с жителями региона в возрасте старше 36 лет, а также онлайн-анкетирование проживающей в Калининграде молодежи в возрасте 18–35 лет. При ответе на вопрос анкеты об исторических деятелях, которых можно считать символом России, большинство опрошенных (37%) назвали Петра I. Интересно, что на вопрос о том, каким деятелям прошлого следовало бы установить памятники на территории региона, жители области вновь назвали имя первого российского императора[13]. Таким образом, интерес к личности и деятель-

---

11 Петровские знаки на земле Калининградской: путеводитель по историческим местам, связанным с Петром I. Калининград, 2022. С. 41.

12 Историко-культурный центр «Фридрихсбургские ворота». URL https://www.world-ocean.ru/fridrikhsburgskie-vorota (дата обращения: 30 октября 2025)

13 *Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Щекотуров А.В.* Деятели отечественной и региональной истории в культурной памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 98.

ности Петра I, а также истории его пребывания на территории самого западного региона России не только не утихает, но по-прежнему привлекает внимание всех калининградцев. Работа по увековечиванию памяти Петра Великого в Калининградской области, безусловно, будет продолжена.

Наталья Александровна Сопова
(Таганрог)

Старший научный сотрудник
Таганрогского государственного литературного
и историко-архитектурного музея-заповедника

Увековечение памяти Петра Великого в Таганроге

Natalya A. Sopova

Perpetuation of the memory of Peter the Great in Taganrog

Аннотация: В статье рассматриваются различные формы увековечения памяти императора Петра Великого в Таганроге. Автор делает попытку восполнить лакуны, связанные с процессом коммеморации Петра I в городской среде, рассматривая нарративную, визуальную, церемониальную и монументальную практики.

Abstract: The article examines various forms of perpetuating the memory of Emperor Peter the Great in Taganrog. The author attempts to fill the gaps associated with the process of commemorating Peter I in the urban environment, examining the narrative, visual, ceremonial and monumental practices.

Ключевые слова: Петр Великий, Таганрог, памятник, коммеморация.
Keywords: Peter the Great, Taganrog, monument, commemoration.

Образ Петра Великого занимает важное место в исторической памяти России. Как отмечал в 1932 г. русский публицист Александр Кизеветтер, Петр I «закреплен в нашем сознании на веки и его не смогут выкорчевать из нашего сознания никакие, хотя бы самые зловещие вывихи в ходе нашего исторического существова-

ния ...»[1]. Более трех столетий личность Петра Великого не устает поражать своим масштабом и многообразием, являясь объектом внимания историков, вдохновением для литераторов, художников и скульпторов. Огромное материальное и культурное наследие царя-реформатора бережно хранят музеи, архивы, библиотеки. Города, основанные Петром I, являются зримым воплощением его деяний.

Таганрожцы всегда с особенной гордостью и почтением относились к памяти основателя города, храня о нем многочисленные предания, которые нашли отражение на карте города. Так, «Флагманский» спуск к морю считается местом, где Петр в 1696 г. впервые ступил на землю мыса Таганий Рог. Так же утверждают, что храм святителя Николая Чудотворца построен на месте, где была установлена царская палатка. С легкой руки императрицы Екатерины II появилась любимая среди горожан легенда «о несостоявшейся столице». В переписке с Вольтером она поведала о том, что Таганрог рассматривался Петром I как один из вероятных городов для основания новой столицы России. Однако обстоятельства сложились в пользу строительства Санкт-Петербурга. «В сем выборе не выиграли мы в рассуждении климата, — сетовала императрица, — ибо там зимы почти вовсе не бывает, а здесь она напротив очень продолжительна»[2].

Стараниями Екатерины II столетие со дня рождения Петра Великого Таганрог отметил своим возрождением. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Северо-Восточное Приазовье было возвращено в состав России. По указу императрицы, считавшей себя продолжательницей дела Петра I, в 1769 г. началось восстановление Таганрога. Крепость и гавань строились по чертежам и на фундаментах петровского времени. В письмах Вольтеру императрица называла вновь обретенные Таганрог и Азов «драгоценными сокровищами»[3]. Французский философ, отвечая государыне, отмечал: «...два Ваших сокровища Азов и Таганрог, отпадшие от державы Петра Великого, сделают наилучшее украшение Вашей короне...»[4].

---

[1] *Кизеветтер А.А.* Пушкин и Петр Великий: Речь, произнесенная в Праге 7 июня на собрании «Дня русской культуры» // Россия и славянство. Париж, 1932. № 187.

[2] Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. М., 1803. С. 157.

[3] Там же. С. 46.

[4] Там же. С. 51.

Восстановленный Таганрог должен был стать одним из символов новой эпохи и свидетельством того, что Россия прочно и навсегда вышла на берега Азовского и Черного морей. Но в 1784 г., вскоре после присоединения Крыма и основания Севастополя, Таганрог утратил свое стратегическое значение, следствием чего явился указ об упразднении крепости[5]. Азовская военная флотилия была перебазирована в Ахтиарскую бухту и стала основой Черноморского флота Российской империи.

Лишившись статуса военно-морской базы, Таганрог уже к началу XIX в. стал крупнейшим внешнеторговым портом Юга России. Император Александр I, уделявший значительное внимание небольшому городу на Азовском море, подписал десятки указов, направленных на совершенствование системы его управления, развитие экономики и благоустройство. Отдавая дань памяти первому русскому императору, в 1808 г. Александр I собственноручно утвердил герб Таганрога, на котором в пурпурном поле разместили «...вензеловое Его Величества блаженныя памяти и вечныя славы достойнаго Государя Императора Петра I-го имя и год основания Таганрога 1698...»[6]

Тридцатого мая 1872 г. Таганрог, вместе со всей Россией, праздновал двухсотлетие со дня рождения Петра I. Нельзя сказать, что городские мероприятия носили особенно торжественный характер. В честь юбилея были учреждены две петровские стипендии: в размере 250 и 60 рублей для обучения в женской и мужской гимназиях. Помимо этого, 130 рублей были переданы в одну из больниц города «за право помещения двух бедных больных в богоугодных заведениях»[7]. Предположительно в это же время центральная — Большая улица Таганрога была переименована в улицу Петровскую.

За десять лет до 200-летия города в Таганроге возникла идея установить памятник Петру I. В 1887 г. городской Голова Ахиллес Николаевич Алфераки выступил на заседании Думы с предложением — открыть к этой дате музей и установить памятник основателю Таганрога. Но только 5 июня 1893 г. было получено Высочайшее

---

[5] Полное собрание законов Российской империи. С 1784 по 1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 22.

[6] Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825. Т. 30. С. 180–181.

[7] Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А.П. Чехова / А.Г. Алферьева, Е.А. Кожевникова, Е.П. Коноплева [и др.]. Таганрог, 2003.С. 131.

разрешение на сооружение памятника. В городе начался сбор пожертвований на его изготовление и установку[8].

В 1897 г. на заседании комитета городской Думы по празднованию 200-летия Таганрога было высказано предложение обратиться к скульптору Марку Матвеевичу Антокольскому, автору великолепной скульптуры Петра I, изготовленной в 1872 г. и демонстрировавшейся на первой Всероссийской политехнической выставке в Москве.

Все заботы об изготовлении и установке памятника в Таганроге взял на себя член городской управы Павел Фёдорович Иорданов. Он обратился к своему соученику по таганрогской гимназии, к тому времени уже известному писателю Антону Павловичу Чехову, бывшему в это время в Париже, с просьбой встретиться с Марком Антокольским и получить согласие на использование модели его статуи Петра I. В письме к Чехову Павел Фёдорович писал: «... никакой конкурс не даст нам такой удивительной фигуры Петра I... Мне кажется, что если это дело нам удастся, мы будем иметь лучший памятник Петру»[9].

А.П. Чехов лично внёс пожертвование, а также привлёк к сбору средств на памятник уроженцев Таганрога, проживавших в Петербурге, Москве, Париже. Всего было собрано 17 тысяч рублей[10].

В апреле 1898 г. в Париже Чехов встретился с двумя скульпторами: Леопольдом Бернштамом и Марком Антокольским, вёл с ними переговоры и прислал в таганрогский комитет при городской управе фотографии их скульптур. Оба мастера дали согласие — бесплатно предоставить Таганрогу свои скульптурные работы,но сразу было понятно, что более всего подходит работа Антокольского.

Шестнадцатого апреля 1898 г. Антон Павлович писал П.Ф. Иорданову: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уж о том, что статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного...»[11]. М.М. Анто-

---

[8] Петр I-й основатель города Таганрога. Воспоминание открытия ему памятника в Таганроге 14 мая 1903 г./ Флоренсов Я.С., Филевский П.П. Таганрог, 1903. С. 9.

[9] Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А.П. Чехова / А.Г. Алферьева, Е.А. Кожевникова, Е.П. Коноплева [и др.]. Таганрог. 2003. С. 549.

[10] Там же. С. 591.

[11] *Чехов А.П.* Примечания к ПСС. Письма. Т. 7. М., 1979. С. 201–202.

кольский не только дал согласие и предоставил модель бесплатно, но и взял на себя хлопоты по отливке бронзовой скульптуры.

Пока велись работы по изготовлению статуи Петра Великого, Таганрог отметил двухсотлетие. Накануне празднеств в течение нескольких дней во всех храмах города шли заупокойные литургии и панихиды по первому русскому императору. В день юбилея — 12 сентября 1898 г. — по окончании праздничной службы в Успенском соборе состоялся крестный ход по улице Петровской к входу в городской сад, где по решению таганрогской Думы было определено место для установки памятника Петру I.

В торжественной обстановке на месте закладки монумента было совершено водоосвящение и установлена серебряная памятная доска. После провозглашения многолетия государю и вечной памяти Петру Великому, артиллерия, размещенная в аллеях городского сада, исполнила императорский салют в 101 залп.

По завершении церемонии в Таганрогском коммерческом собрании прошло торжественное заседание городской Думы, на котором было принято решение о наименовании двух городских училищ Петровскими.

В музыкально-драматическом обществе дали бесплатный спектакль по произведению Н.А. Полевого «Дедушка русского флота». Пьеса завершалась живой картиной, изображающей памятник Петру I, в честь которого хор пропел славу. Еще одной формой увековечения памяти первого русского императора в Таганроге стала организация городского музея, который в первые годы своего существования носил имя Петра Великого[12]. Празднования юбилея города продолжались три дня и сопровождались народными гуляниями[13].

В этом же году из Таганрога в Санкт-Петербург была направлена депутация от Думы во главе с городским головой Н.А. Лицыным. Ее представители поместили у гробницы императора в Петропавловском соборе серебряную доску с барельефным изображением памятника императору Петру I в Таганроге, герба города и надписью «Основателю города Таганрога — благодарное потомство.1698–1898 гг.»[14].

Тем временем бронзовую фигуру императора, предназначенную для Таганрога, отливали в Париже, в мастерской А. Грюэ, под

---

[12] Таганрогский музейон 1898–2023. Альбом. Юбилейное издание. Таганрог, 2023. С. 38.

[13] Приазовский край. № 243, 14 сентября 1898. С. 3.

[14] Задушевное слово: журнал для детей старшего возраста. № 19. СПб., 1889.

личным контролем Марка Антокольского. Первая отливка получилась неудачной. Вторая же оказалась так хороша, что скульптор пришёл в восторг и в письме к П.Ф. Иорданову писал: «Статуя вышла превосходной. В большем виде она лучше, чем в оригинале, по крайней мере, таковой она выглядит в мастерской. Отлита она также хорошо»[15]. Одновременно с изготовлением скульптуры Антокольский хлопотал и о постаменте для нее. По его рекомендации в 1900 г. в Одесской художественной мастерской скульптор Б.В. Эдуардс изготовил пьедестал, который был доставлен в Таганрог[16].

В 1901 г. статую из Парижа по железной дороге перевезли в Марсель. Оттуда пароходом «Деспина», принадлежавшем таганрогскому греческому негоцианту Д.А. Негропонте, переправили в Феодосию. Двадцать первого июля того же года пароход «Мариетта», принадлежавший ещё одному таганрожцу — И.К. Диамантиди, доставил бронзовую фигуру императора в Таганрог[17].

Монумент был установлен в 1903 г. Город тщательно готовился к его торжественному открытию. Епископом Екатеринославским и Таганрогским был утверждён церемониал освящения памятника. Приглашения были разосланы всем именитым таганрожцам во многие города России и за границу. А.П. Чехов из-за болезни участвовать в открытии не смог. Скульптор М.М. Антокольский к тому времени скончался.

Четырнадцатого мая 1903 г. колокола всех церквей известили о начале церемонии открытия памятника. После литургии в Успенском соборе огромная толпа двинулась к месту торжеств, где были оборудованы ложи для почётных гостей, стояли гимназисты и учащиеся таганрогских училищ. После освящения памятника с него спали покровы, и перед восторженными жителями города предстала фигура Петра Великого, в которой воплотились мощь и величие царя-реформатора и эпоха российской истории, когда «Россия молодая мужала с гением Петра». После гимна «Боже, Царя храни!» загрохотали залпы артиллерийских орудий, затем состоялся воен-

---

[15] Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник (далее — ТГЛИАМЗ). КП-9656/43 ФП1-191/30. Л. 4. Письма скульптора Антокольского на имя члена Таганрогской городской Управы П.Ф. Иорданова по вопросу изготовления статуи Петра I.

[16] Там же.

[17] *Цымбал А.А.* Памятник Петру I в Таганроге — символ истории города // Материалы VII Международного петровского конгресса. СПб., 2016. С. 593–594.

ный парад частей, расквартированных в Таганроге[18]. Новый памятник стал одной из главных достопримечательностей Таганрога и неоднократно воспроизводился на почтовых открытках с видами города.

У входа в городской парк памятник простоял 20 лет. В первые годы советской власти для творения Антокольского начались трудные времена. Памятник Петру Великому новая власть побоялась уничтожить, но по городу перемещала неоднократно. Краеведы спорят, называя цифры от 8 до 12 переездов. В этих блужданиях «бронзового гиганта» ярко отразились черты истории города и страны.

Наконец, накануне 250-летия Таганрога памятник основателю города окончательно обрел свое место — там, где его предлагал установить А.П. Чехов. Пётр Великий возвышается на южной оконечности мыса Таганий Рог, глядя вдаль — на место своего первого военного триумфа, бывшую турецкую крепость Азов и своё первое детище, гавань, где когда-то стояли корабли Азовской флотилии. Таганрожцы гордятся «своим Петром». Из всех памятников, выполненных по модели Антокольского, именно этот считается лучшим по исполнению. На сегодняшний день он является единственным сохранившимся монументом Петру I, в изготовлении которого принимал участие сам скульптор[19].

В 1998 г. в Таганроге прошли масштабные праздничные мероприятия, посвященные трехсотлетию города. Отдавая дань уважения основателю города, к этой дате было принято решение о начале реконструкции и реставрации фрагмента «общевойсковой ячейки», построенной на территории Троицкой крепости в начале XIX в. В настоящее время здесь работает Таганрогский музейный комплекс, получивший неофициальное название — «Петровские казармы». В это же время вернули прежнее, историческое название улице Петровской, которая к тому времени уже 75 лет носила имя В.И. Ленина. В юбилейный год на сцене Таганрогского драматического театра имени А.П. Чехова по пьесе Д.С. Мережковского был поставлен спектакль «Царевич Алексей», получивший высокую оценку зрителей. В акватории Таганрогского залива прошли международные соревнования радиоуправляемых яхт «Петровская регата». Почта России выпустила марку с изображением памятника Петру I в Таганроге.

---

[18] ТЛИАМЗ. КП-9656/57 ФП1-191/44. Церемониал торжественного освещения и открытия в Таганроге 14- го мая 1903 г. памятника императору Петру I.

[19] *Цымбал А.А.* Указ. соч. С. 595–599.

В 2008–2009 гг., когда город готовился к 150-летнему юбилею А.П. Чехова, были проведены работы по благоустройству территории вокруг памятника основателю Таганрога: площадь вымостили брусчаткой, разбили цветники, облицевали гранитом стилизованные бастионы, напоминающие о бастионах Троицкой крепости. Таганрожцы назвали сквер у памятника «Петровским» и он стал излюбленным местом отдыха горожан.

От подлинных укреплений петровского времени, к большому сожалению, до наших дней почти ничего не сохранилось. После утраты Таганрогом статуса военно-морской базы, территория крепости постепенно разбивалась на кварталы под частную застройку. К началу XX столетия большая часть фортификационных сооружений, затруднявших сообщение с центральной частью Таганрога, была срыта в связи с необходимостью развития города.

О начальном, военном этапе истории города хранят память уцелевшие очертания Павловского шанца в его окрестностях. В Азовском море в ясную погоду невооруженным глазом можно увидеть остров Черепаха — первый в России морской форт на искусственном основании, послуживший прообразом будущих морских оборонительных сооружений Кронштадта.

До наших дней сохранились исторические названия переулков в старой части города: Крепостной, Редутный, Полуротный. В 1994 г. улица на восточной оконечности мыса была названа в честь адмирала Корнелия Крюйса, первые шаги которого на русской службе были связаны с Таганрогом.

В память о первой в России военно-морской базе на Пушкинской набережной в 2011 г. был открыт монумент «Адмиралам, офицерам, морякам Азовской флотилии, создателям первой военно-морской базы России — Таганрога».

По инициативе городской общественности в 2017 г. были установлены памятные знаки на месте третьего бастиона крепости и территории разрушенной Троицкой церкви, на освящении которой в 1699 г. присутствовал Петр I.

В 2018 г. на территории, где некогда располагался шанец Черепаха, был установлен знак «Крепость Черепаха». В разных частях города можно видеть символы военно-морского прошлого Таганрога: якоря и корабельные пушки. В год празднования 350-летия со дня рождения Петра Великого в городе установили памятный знак «Троицкая крепость на Таган-роге».

О заботах Петра I для нужд кораблестроения напоминает дубовая роща, насаженная по его распоряжению на окраине

Таганрога[20]. Теперь эта роща представляет собою небольшой уютный парк «Дубки».

В Таганроге регулярно проходят научные, культурные и спортивные мероприятия, посвященные памяти первого русского императора. Ежегодное празднование Дня города начинается с традиционного возложения цветов к монументу его основателя — Петра I. Памятник, ставший символом города, подтверждает слова таганрогского историка П.П. Филевского: «Коротки были дни Таганрога под властью Петра Великого, но они наложили на чело его печать исторического величия, они создали ему имя в истории и осветили его блеском славы гениального человека»[21].

[20] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб., 1887. С. 442.

[21] *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. С. 72.

Михаил Владимирович Калинин
(Москва)

Младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Память о Петре Великом на Соловках

Mikhail V. Kalinin

The memory of Peter the Great on the Solovki Islands

Аннотация: Статья посвящена сложившейся на Соловках (прежде всего, в Соловецком монастыре) культуре памяти о Петре Великом. Она воплощается в ряде мест памяти: часовни во имя святых апостолов Петра и Павла, Андреевской церкви, пирамиде-городке возле острова Анзер; все эти мемориалы создают сугубо позитивный образ царя-преобразователя. Вместе с этим, частью культуры памяти о Петре на Соловках стоит назвать историю преподобного преподобного Иова Анзерского — московского священника, высланного на Соловки за отказ разглашать тайну исповеди. Почитание Иова вкупе с преданием о стремлении царя извиниться перед святым вносит критический оттенок в культуру памяти о Петре. В настоящее время культура памяти о Петре на Соловках продолжает развиваться. Пример тому — деятельность Товарищества северного мореходства, участники которого построили яхту «Святой Пётр», реплику государева судна, на котором Пётр пришёл на Соловки летом 1694 года.

Abstract: The article examines the culture of memory of Peter the Great that developed on the Solovki Islands, principally within the Solovetsky Monastery. This culture is embodied in a series of sites of memory: the chapel dedicated to the Holy Apostles Peter and Paul, the Church of St Andrew, and the pyramid-like structure ("piramida-gorodok") near Anzer Island. Taken together, these memorials construct an unequivocally positive image of the reforming tsar. At the

same time, an essential component of the Solovki memory of Peter is the story of St Job of Anzer, a Moscow priest exiled to Solovki for refusing to disclose the secret of confession. The veneration of Job, combined with the tradition that the tsar sought to apologize to the saint, introduces a critical dimension into the culture of memory surrounding Peter. At present, the memory of Peter on the Solovki Islands continues to evolve. One example is the activity of the Northern Seafaring Society, whose members built the yacht Saint Peter—a replica of the sovereign's vessel on which Peter arrived at Solovki in the summer of 1694.

Ключевые слова: память о Петре Великом, Соловецкий монастырь, Соловецкие острова, преподобный Иов Анзерский, Товарищество северного мореходства, яхта «Святой Пётр», Сергей Морозов.
Keywords: memory of Peter the Great; Solovetsky Monastery; Solovki Islands; St Job of Anzer; Northern Seafaring Society; Saint Peter yacht; Sergei Morozov.

Три века, отделяющие наше время от петровской эпохи, сформировали сложную и многогранную культуру памяти о царе-преобразователе. Особую роль в её сохранении играют места памяти, которые, как справедливо отмечают Е.В. Анисимов, А.В. Кобак и Н.Л. Корсакова, вплетены в «ковер исторической памяти множества городов и весей России», без которых он будет «зиять прорехами и дырами, а историческая память останется неполной и ущербной»[1]. Места памяти не случайны: как указывает Пьер Нора, они существует в «специальных, ревностно оберегаемых центрах» и, тем самым, являются продуктом идеологии той группы людей, которая хранит память о значимых для них явлениях[2].

Одним из центров, где сложилась, сохраняется и развивается культура памяти о Петре Великом, является Соловецкий монастырь. Несмотря на известную неприязнь царя-преобразователя к монастырскому укладу жизни, на Соловках сложилась преимущественно позитивная память о царе. Это неслучайно, поскольку Пётр был первым российским монархом, побывавшим на «крайсветных» Соловецких островах и единственным из двух (вторым был Александр II), кто побывал на Соловках дважды: 7–9 июня 1694 г.[3] и 10—

[1] Петровские памятники. Свод исторических и мемориальных памятников России петровского времени / ред. Е.В. Анисимов, А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 10.

[2] *Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Венок*. Франция — память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 26.

[3] *Анисимов Е.В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672-1725 гг. Запись от 7 июня 1694 года. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246489194. (Дата обращения: 26.11.2025).

15 августа 1702 г.[4] Отметим, за вторым приходом Петра на Соловки последовали чрезвычайно значимые события и в жизни царя, и в жизни страны: переход из Белого моря в Онежское озеро, осада и взятие Нотебурга (Шлиссельбурга).

Первые на Соловках места памяти о себе создал сам Пётр. Таким местом стал берег бухты Благополучия Большого Соловецкого острова — место высадки на остров царя; на этом месте по указу Петра архимандрит монастыря Фирс поставил сначала деревянный крест, потом деревянную часовню[5]. Отметим, что традиция установки деревянных крестов в память о значимых событиях относится к числу наиболее значимых коммеморативных практик, существовавших на Русском Севере и существующих там вплоть до настоящего времени. Часовня во имя святых апостолов Петра и Павла станет наиболее значимым местом памяти о Петре Великом на Большом Соловецком острове. Перестроенная в 1855 г. из деревянной в каменную, она сохранится вплоть до нашего времени. В поздние советские годы в ней разместятся экспозиции Соловецкого музея-заповедника. Его выдающийся сотрудник, историк Сергей Васильевич Морозов, разработает для размещения в часовне две выставки о Петре Великом: «Петр I на Севере. Соловецкий монастырь и морская практика Беломорья в конце XVII–начале XVIII в.» (1989), «Петр I на Севере» (1991). Любопытен невоплощенный тематико-экспозиционный план выставки «Век Петра» (1995), в котором Сергей Васильевич размышлял о смысле петровских преобразований, полагая, «что век Петра выработал новую политику и создал новые институты, которые должны были отвечать потребностям государства, но под влиянием сложной природы русской культуры они превратились в нечто непредсказуемое и в дальнейшей перспективе роковое для судьбы империи»[6].

Целая группа мест памяти о Петре возникнет после второго прихода царя на Соловки. Среди них — каменные пирамиды-городки вблизи Большого Соловецкого острова, а также островов

---

[4] *Анисимов Е.В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672-1725 гг. Запись от 10 августа 1702 года. [Электронный ресурс].URL:https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/231355067. (Дата обращения: 26.11.2025).

[5] *Анисимов Е.В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672-1725 гг. Запись от 7 июня 1694 года. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246489194. (Дата обращения: 26.11.2025).

[6] Сведения получены из архива Сергея Васильевича Морозова, хранящегося в Соловецком морском музее.

Большая Муксалма и Анзер[7]. Все они, как следует из описания архимандрита Досифея[8], сохранялись ещё в первой трети XIX в.; до нашего времени дошел только один из городков — тот, который находится возле острова Анзер. Тогда же, в августе 1702 г. Пётр распоряжается перестроить стоящую на Большом Заяцком острове часовню и освятить её как церковь во имя апостола Андрея Первозванного[9]. В монастыре сложится предание об освящении в этом храме Андреевского флага. В действительности Андреевский флаг будет поднят на российском флоте только в 1710-е гг.[10], а освящен, скорее всего, в церкви ап. Андрея Первозванного на острове Котлин в 1718 г.[11] Вместе с этим, устойчивое соловецкое предание об освящении Андреевского флага именно на Соловках показывает уважение монахов, трудников и паломников первого в России морского монастыря к Петру как отцу российского военно-морского флота. Явным подтверждением этого следует считать висевшие в Святых воротах Соловецкого монастыря модели кораблей, на которых царь приходил на Соловки 7 июня 1694 г. и 10 августа 1702 г. Время создания и установки моделей установить пока не удалось; в монастыре модели находились до закрытия обители; в числе наиболее ценных предметов модели были вывезены в 1923 г. на материк и в настоящее время находятся в собрании Архангельского областного краеведческого музея[12].

---

[7] *Анисимов Е.В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672-1725 гг. Запись от 10 августа 1702 года. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/231355144. (Дата обращения: 26.11.2025).

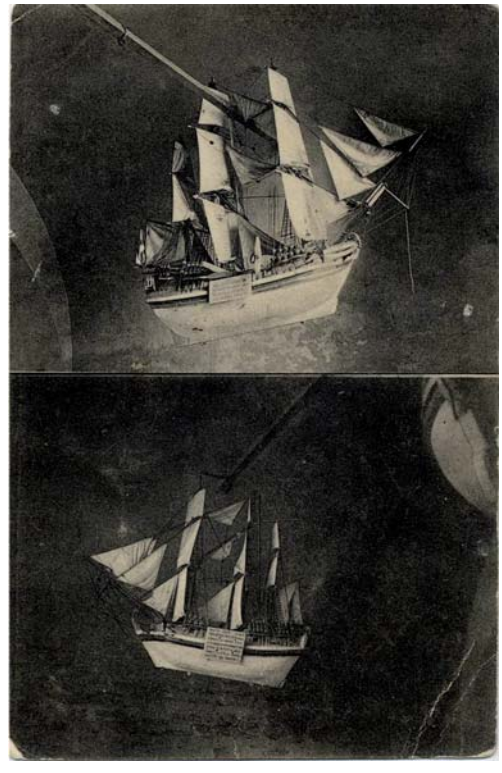
[8] *Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание <...> Соловецкого монастыря. М., 1836.

[9] *Анисимов Е.В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672-1725 гг. Запись от 15 августа 1702 года. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/231354140?ysclid=migv8nq5ii293995811. (Дата обращения: 26.11.2025).

[10] Андреевский флаг // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/andreevskii-flag-eb1d48?ysclid=migvatdsy8250906410. (Дата обращения: 27.11.2025).

[11] Церковь Андрея Первозванного в Соловецком монастыре (Архангельская область) // Свод петровских памятников России и Европы. [Электронный ресурс]. URL: https://petersmonuments.ru/russia/memorials/tserkov-andreya-pervozvannogo-v-solovetskom-monastyre-arkhangelskaya-obl-/ (Дата обращения: 27.11.2025).

[12] *Бронникова Е.П.* Исторические памятники (Описания предметов) // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. [Электронный ресурс]. URL: (Дата обращения: 27.11.2025). https://arc.solovky.ru/reserve/collections/nasledie/bronnik/21i.html?ysclid=migw5niy4w350198502.

Илл. 1. Почтовая карточка «Соловецкий монастырь. Модели кораблей, на которых император Петр I посетил монастырь 7 июня 1694 г. и 10 августа 1702 г.». Из собрания Соловецкого музея-заповедника, СГИАПМЗ КП-8426[13].

Вместе с этим, более внимательный взгляд на сложившиеся в Соловецком монастыре коммеморативные практики, связанные с памятью о Петре Великом, не позволяет сделать заключение о сугубо позитивной культуре его памяти. Подтверждение тому — история преподобного Иова Анзерского, монаха и подвижника, основателя Голгофо-Распятского скита на острове Анзер. Из его жития, в основу которого легли документы соловец-

[13] Каталог коллекции Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. [Электронный ресурс]. URL: https://solcollection.ru/catalog/fotografii-s-vidami-solovetskogo-monastyrya-i-ego-okrestnostey/otkrytki/pochtovaya-kartochka-solovetskiy-monastyr-modeli-korableyna-kotorykh-imperator-petr-i-posetil-monas/?ysclid=migvrb1dnu826704990 (Дата обращения: 27.11.2025).

кого монастырского архива, мы знаем, что в миру преподобный Иов (Иоанн) был московским священником, служившим в придворной Крестовоздвиженской (Распятской церкви)[14]. Узнав от Григория Талицкого, что тот считает царя Петра антихристом, отец Иоанн не сообщил об этом властям, и за это в 1701 г. был сослан на Соловки, где его постригли в монахи. Вскоре монах Иов переселился на остров Анзер, известный своей особенно строгой и сосредоточенной монашеской жизнью. Именно Иову, как сообщают Житие преподобного Иова и Повесть об основании Голгофо-Распятского скита, явятся Богородица и преподобный Елеазар Анзерский, повелят Иову основать на горе (её назовут Голгофой) Распятский скит и предрекут его местом будущего мученичества[15]. Монастырское предание сохранит память о том, что Пётр раскаивался в своём решении выслать из Москвы Иова, уговаривал того вернуться, но Иов ответил отказом[16]. Подтверждением внимания царя к далекому анзерскому скиту могут послужить указы Петра об отпуске для братии хлеба из архангельских государственных магазинов, а также вклады царицы Прасковьи Федоровны и царевны Марии Алексеевны[17]. История Иова Анзерского показывает, что монастырь, положительно оценивая труды Петра в создании военно-морского флота, негативно относится к церковной политике царя, считая поведение священника, не раскрывшего властям тайну исповеди, образцовым.

В начале XXI в. на Соловках появилось новое место памяти о Петре Великом, Соловецкий морской музей, созданный усилиями Товарищества северного мореходства (ТСМ), Архангельской региональной общественной организации, созданной в 1990-е гг. на Соловках С.В. Морозовым. На верфи Морского музея была построена яхта «Святой Пётр» — реплика государевой яхты, на которой Пётр Великий приходил на Соловки летом 1694 г.; отметим: именно на ней был поднят «Флаг царя Московского», старейший известный российский триколор. «Святой Пётр» был спущен на воду 30 июля 2013 г., в день памяти преподобного Иринарха Соловецкого, на который приходится день рождения Морского музея. Яхта

[14] *Севастьянова С.К.* Иов Анзерский // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/578146.html?ysclid=migwg3go61548178541(Дата обращения: 27.11.2025).

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же

«Святой Пётр» — научно-исследовательское судно Товарищества, участники которого совершили на её борту ряд историко-этнографических экспедиций по побережью Белого и Баренцева морей.

Подведем итоги. Уже в монастырский период на Соловках сложилась сложная культура памяти о Петре Великом. Её основной нарратив, однако история преподобного Иова Анзерского вносит более критическое звучание в память о Петре. В поздние советские годы, когда основой культурной жизни на островах был музей-заповедник, память о Петре развивалась, подтверждением стали выставки, задуманные Сергеем Васильевичем Морозовым. В постсоветский период культура памяти о Петре продолжила развиваться, нужно заметить, в позитивном ключе. Подтверждение тому — деятельность Товарищества северного мореходства .

Ольга Гениевна Агеева
(Москва)
Главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Новое придворное общество России XVIII в. и еженедельные увеселения двора: история их формирования, состав и численность участников

O.G. Ageeva

New court society of Russia 18th century and the weekly court fests: the history of there foudation, data of the composition and the size of the partici pants

Аннотация: Статья посвящена созданию системы еженедельных увеселений русского двора XVIII века и их роли в формировании нового придворного общества. В ней изучаются петровские ассамблеи, куртаги, еженедельные театральные представления, концерты, маскарады и балы. В статье исследуются формы приглашения участников придворных мероприятий и роль в них Табели о рангах 1722 года, состав и численность придворного общества.

Abstract: The article is devoted to the creation of the weekly fests system of the Russian Court of the 18th century and their role in the forming the new court society. It examines the Peter's assemblies, the kourtags, the weekly theatrical performances, the concerts, the masquerades and the balls. The paper studies the forms of the invitations of the participants of the courts events and the roly in this the Table of ranks 1722; data of the composition and the size of the court society.

Ключевые слова: XVIII век. Еженедельные придворные развлечения.
Keywords: 18th century. The weekly court fests.

Обязательной, значимой частью проевропейской придворной жизни императорского двора России XVIII — начала XX в. являлись еженедельные увеселения. Это несерьезное, приятное для посетителей времяпрепровождение выполняло различные культурные и социальные функции.

Востребованность регулярных увеселений ближайшего столичного окружения для правящей фамилии стала очевидна при Петре Великом в конце 1710-х — начале 1720-х гг. В эти годы при создании нового европеизированного двора стремительно формировалась в рамках культуры нового времени система светских государственных праздников.

Рядом с ними в конце 1718 г. появились первые еженедельные светские увеселения — знаменитые петровские ассамблеи, ориентированные на европейский политес, а не на грубые развлечения всешутейшего собора. Очевидно, что Петру требовалась «правильная», в европейском вкусе придворная среда для введения в русское общество второй супруги, царицы Екатерины Алексеевны и ее детей. Не последнюю роль играло и желание Петра I самому лучше знать свое окружение, видеть его в неформальной обстановке. Подтолкнуло к этому дело царевича Алексея Петровича, завершившееся как раз в дни первых ассамблейных собраний — 8 декабря 1718 г. Процесс царевича показал монарху, что в тяжелейший период реформ и войны общество живет своими настроениями, о которых он далеко не все знает.

Объявление о проведении ассамблей (от франц. — assemblée, собрание) датировано 26 ноября 1718 г.[1] Первоначально «вольные собрания» создавались для бесед и игр, с приходом и уходом без церемоний их участников, что в дальнейшем дополнили музыка и танцы до глубокой ночи со свободным общением дам и кавалеров. В источниках имеются данные о более чем 60 ассамблеях с 1718 по январь 1725 г., и они неполны, так как, предположительно, за зимне-весенний период ежегодно проводилось по 16-18 собраний. По определяемому властями списку хозяев, ассамблеи устраива-

[1] Объявление генерала-полицеймейстера Девиера. О порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в оных участвовать могут // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3246.

лись в домах знатных лиц и иногда во дворце самого монарха (известно четыре таких собрания)[2].

В новой форме проводилось и приглашение общества на ассамблеи. Ранее сбором на большие собрания всешутейшего собора, например, на шутовские святки зимы 1709/1710 гг., занимались государственные чины (комнатный стольник кн. Ю.Ф. Шаховской) и Разрядный приказ[3]. Однако с упразднением в 1711 г. Разряда начался поиск новых форм оповещения подданых. В результате, организатором объявлений и призыва на первые ассамблеи выступила только что учрежденная в столицах полиция. В 1718 г. публику оповестило объявление петербургского генерала-полицеймейстера А.М. Девиера в виде печатных листов, которые «выставлялись» для народа и зачитывались в городе с барабанным боем. В дальнейшем, по свидетельству современника, по городу объявлялось только о первой ассамблее в сезоне, а далее полицмейстер делал устное объявление на каждом собрании о дате и месте следующего. Наконец, еще одним видом оповещения о предстоящей ассамблее стало нанесение визитов чинами знатным лицам, в том числе высокопоставленным иностранцам — дипломатам и др.[4]

Объявление А.М. Девиера об ассамблеях, автором которого был царь, зафиксировало установленный социальный состав участников. На собрания приглашались только новые высшие чины и знатные лица, а именно: высшие чины до обер-офицеров и дворяне включительно, знатные купцы, «начальные мастеровые» люди, «знатные приказные», а также их жены и дочери. Столь необычный широкий состав соответствовал привычке Петра I свободно общаться в своих делах с лицами разного социального положения, и эту черту царь привнес в придворные собрания. Впрочем, следует отметить, что «мастеровые» начала XVIII в. могли иметь высокие воинские чины. К примеру, мастер-корабел Ф.М. Скляев уже с 1709 г. состоял в чине капитана флота, а в 1723 г. стал капитаном-командором 5 ранга[5].

---

[2] См. список ассамблей и их «хозяев»: *Агеева О.Г.* Петровские ассамблеи // Историк и гражданин: Сборник в честь 85-летию В.А. Артамонова. М., 2025. С. 272-274.

[3] См.: *Агеева О.Г.* О взаимоотношениях русского монарха и столичного дворянства начала XVIII в.: святочные увеселения шутовской компании Петра Великого // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013. С. 67-78.

[4] *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольц, 1721-1725. Ч. 2 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 338; То же. Ч. 3 // Юность державы. М., 2000. С. 15.

[5] См.: *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список от основания флота до 1917 г. СПб., 2013. Т. 1. С. 449-450.

Присутствие лиц «третьего» сословия, судя по объявлению, сочеталось в ассамблеях с ограничением круга участников-дворян. Выражение «от вышних чинов до обер-офицерских» означало, что приглашались только те новые чины, которые через три года, в 1722 г., войдут в Табель о рангах, а именно: воинские чины — генеральские от генерала-фельдмаршала (1-4 классы), штаб-офицерские (5-8), «до обер-офицерских», то есть чины от капитана до фендрика (9-14); Соответственно, лица статские тех же рангов — от чинов от канцлера (1-й класс), действительного статского советника (2-й класс) и ниже. Не совсем ясно указание в объявлении об ассамблеях на «дворянство». За этим словом, возможно, стояли лица, которые или не состояли в службе, но были знатными и богатыми, или служили, имея старые московские высокие чины.

Как тип собраний петровские ассамблеи не имели аналогов при дворах Европы. Там не было организованных для придворного общества собраний в частных домах, да еще и с приглашением купцов и мастеровых (пусть и в чинах!). В России же такого рода опыт собраний был, достаточно назвать святочные разъезды всешутейшего и всепьянейшего собора Петра I и поездки по домам андреевских кавалеров в орденский праздник, день св. Андрея Первозванного. Еще одной особенностью новых собраний Петра I было использование отдельных элементов деятельности всешутейшего собора. Так, первая и последняя ассамблеи могли проходить в доме князя-кесаря Ромодановского, а сам царь, будучи хозяином ассамблей в своих дворцах, выступал под именем вице-адмирала Петра Михайлова[6].

Но с другой стороны, ряд черт петровских ассамблей соответствовал нормам европейских дворов, где повсеместно устраивались увеселения по определенным дням недели. Что касается занятий гостей, то первоначально ассамблеи напоминали европейские куртаги, на которых время проходило в разговорах и играх, но потом с появлением танцев они превратились в балы. Таким образом, в становлении новой придворной культуры ассамблеи дали начало двум видам придворных собраний — еженедельным куртагам и балам.

После кончины Петра Великого переход к европейской системе еженедельных придворных увеселений занял несколько правлений. Начало им положили куртаги (день двора, придворный день, день

[6] *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 489, 374; То же. Ч. 3. С. 15; Объявление, каким образом ассамблеи отправлять надлежит // Библиографические записки. М., 1859. Т. 2. Стб. 272.

собрания при дворе). При Екатерине I ее именным указом от 11 января 1727 г. было повелено по четвергам в 5-м часу собираться в доме ее величества «на куртах, или съезд», и по времени быть, «кто сколько похочет»[7], лицам, состоящим в первых классах не ниже полковничьего ранга (не ниже 6-го класса), а также иностранным министрам (дипломатам). Таким образом, куртаги переместились в императорский дворец и устраивались исключительно для служащих дворян в высших чинах строго по Табели о рангах. Низшие чины и представители других сословий во дворец не допускались.

При Петре II 13 октября 1727 г. на улицах Петербурга в присутствии обер-полицмейстера И.Д. Позднякова читался указ о регулярных собраниях, походивших по форме на куртаги, но именуемых на манер Петра I ассамблеями. Устраивались собрания юного монарха только в императорском дворце и два раза в неделю — в четверг и воскресенье. Приезжать во дворец можно было с 4 часов дня и только дворянству, то есть вход был открыт «всем дворянам обоего пола без чинов»[8]. Затем после переезда двора в Москву придворную жизнь поглотило увлечение юного императора охотой, и, как писала в своих письмах леди Рондо о времени Петра II, «при его дворе не бывает собраний, он ничего не любит, кроме охоты»[9]. Однако начинание времени правления Екатерины I и Петра II имело продолжение. Куртаги стали одним из собраний русского двора вплоть до конца XVIII в., и как основные за ними закрепились установленные внуком Петра Великого дни — воскресенье и четверг.

При дворе Анны Иоанновны куртаги имели место как минимум с 1732 г. и сопровождались преимущественно итальянской музыкой. Как описывал собрания 1735-1736 гг. современник, «придворных дней два в неделю — воскресенье и четверг», «время проводят за «jeux de commerce» [игрой на деньги], но ставки порядочные. Сама императрица играет в пикет или на бильярде; иногда она лишь ходит вокруг карточного стола или развлекается с придворным шутом Педрилло»[10].

---

[7] Цит. по: *Павленко Н.И.* Екатерина I. М., 2004. С. 64.

[8] *Петров П.Н.* История города Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях, 1703-1782. СПб., 1885. С. 180.

[9] Рондо. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1874. С. 8.

[10] *Берк К.Р.* Путевые заметки о России // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 155.

Елизавета Петровна ввела при своем дворе куртаги через неделю после переворота. По ее указу Придворной конторе было повелено объявить «всем знатным особам и дамам», что со 2 декабря 1741 г. по воскресеньям и четвергам во дворце будут куртаги с музыкой[11]. Летом куртаги также устраивались в Петергофе. При малом дворе наследника Петра Федоровича они проходили во время постов, но только для придворных дам и кавалеров и без музыки[12].

В 1740-е гг. при дворе Елизаветы Петровны окончательно сложилась форма приглашения на куртаги и все другие мероприятия двора. Теперь ими занимались три учреждения: повестками Придворная контора оповещала придворных дам и кавалеров, Церемониальная часть Коллегии иностранных дел — дипломатический корпус, полиция — всех других чинов (по Табели о рангах) и знатных лиц, находящихся в столице. Оповещения могли делаться заранее или всего за несколько часов до мероприятия.

При этом, как и все другие еженедельные увеселения двора, куртаги в тот или иной день могли отменяться или заменяться другим придворным развлечением, например, театральными спектаклями при Анне Иоанновне или придворными балами-маскарадами при Елизавете Петровне. Иного рода замены последовали при дворе Екатерины II. Куртаги при ней были обязательны, но могли не только отменяться, но и менять дни проведения. Например, в 1775 г. после приезда 25 января в Москву куртаги проводились с пропусками по воскресеньям и средам[13]. Другим новшеством двора Екатерины II с 1770-х гг., когда начались Эрмитажные собрания, стало приглашение лиц на куртаги, а также на театральные спектакли и иные «случаи», не по чинам в рангах, а по персональным реестрам-спискам. Число приглашенных при этом составляло чуть более 100 человек. К примеру, в апреле 1776 г. их число таких придворных собраний составило 108 человек, включая 27 дам[14].

Отставил традицию проведения куртагов как самостоятельного придворного собрания Павел I. С июня 1797 г., сразу после возвращения в Петербург после коронационного вояжа, он стал отводить воскресные дни под другие увеселения, например, балы[15]. Куртаги

[11] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
[12] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2. Л. 114.
[13] КФЖ 1775 года. СПб., 1878. С. 85-86, 94, 102 и др.
[14] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 10. Л. 37-40об.
[15] КФЖ 1797 года: Апрель-июнь. СПб., 1896. С. 408-409, 444.

он же стал назначать на дни государственных праздников, то есть сделал их частью официальных торжеств.

Вторым постоянным видом еженедельных собраний двора со времени Анны Иоанновны, наподобие берлинского, версальского и иных дворов, стали театральные представления. Императрица пригласила в Россию итальянскую труппу комедии дель арте, с певцами и музыкантами, которые в Москве 26 февраля 1731 г. в большом зале Нового дворца в Кремле отправили «с великим всех удовольством» «первую комедию при пении», а далее давали представления каждую неделю по два раза, и, когда они шли «обычным порядком», давались «комедия и интермеццо попеременно». Так регулярные спектакли стали повседневным развлечением двора, хотя труппы и артисты менялись, появилась итальянская компания, ставившая оперы сериа, а в 1740 г. была приглашена немецкая драматическая труппа[16]. Судя по датам, спектакли могли идти в субботу или, заменив куртаги, по четвергам и воскресеньям.

Любительница театра Елизавета Петровна, державшая при своем дворе итальянскую, французскую и с 1759 г. русскую труппы, указами 1740-х гг. начала устраивать представления «в каждой неделе по вторникам и по пятницам»[17]. И хотя иногда к ним добавлялся третий спектакль в неделю, именно вторник и пятница с царствования «веселой Елисавет» и до конца века стали во дворце постоянными театральными днями.

В правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны в Зимних дворцах появились специальные театральные помещения с партером, ложами, а затем и ярусами, в которых места распределялись строго по статусу зрителей, то есть театр был рангового типа. С 1749 г. во дворцах в парадных покоях существовал и второй малый переносной театр. Но самым значимым для театральной публики стал елизаветинский «Оперный дом» с четырьмя ярусами лож, существовавший до 1780-х гг. в большом Зимнем каменном дворце и вмещавший до 500 человек. Среди зрителей были лица императорской фамилии, иностранные дипломаты, дворянство всех категорий, художественная интеллигенции того времени и богатое купечество[18].

---

[16] *Старикова Л.М.* Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. М., 1995. С. 20, 22, 26-32; Берк К.Р. Указ. соч. С.144.

[17] См.: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 71. Л. 71; Д. 81. Л.20; и др.

[18] Т*арановская М.З.* Архитектура театров Ленинграда (Историко-архитектурный очерк). Л., 1988. С. 25-32; *Комелова Г.Н., Побединская А.Г.* «Оперный дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. СПб., 2000. С. 115-131.

Традицию еженедельных спектаклей продолжила Екатерина II, содержавшая при дворе итальянскую, французскую и русскую труппы и оркестр. Сначала представления давались по вторникам и пятницам в зимнедворском «Оперном доме» и камерном малом театре. Но затем императрица устроила театральную жизнь на свой лад. Как отмечалось выше, в 1770-е гг. на комедии стали приглашать по списку-реестру чуть более 100 человек[19].

В середине 1780-х гг. после постройки для столичной публики общественного Каменного театра Петербурга (1783) и возведения на Зимней канавке Эрмитажного театра (1785), ограничившего число приглашаемых во дворец зрителей максимум до 260-270 человек[20], дворцовая театральная жизнь стала более элитарной, и в отдельные дни на спектаклях могли присутствивать только приближенные к императрице лица вплоть до двенадцати человек ее гостей[21].

К этому стоит добавить, что собственные театральные помещения в середине века получили загородные и московские резиденции императорской фамилии.

Заядлым театралом был сын Екатерины Великой Павел I. При нем действовали итальянская опера, балет, русский драматический театр и новая французская труппа, так как старая после прихода Павла к власти за старостью была распущена с пансионами и прочим[22]. Первые спектакли как самостоятельные развлечения Павел начал устраивать при дворе в последние месяцы траура летом 1797 г. в загородных резиденциях. Здесь, вне столицы, он мог дать волю своим увлечениям и не придерживаться правил двора. Сначала в Петергофе в июле прошло четыре спектакля, затем с конца августа до начала ноября в Гатчине в месяц до 20 и более, а всего с 22 августа по 4 ноября было дано 51 представление[23]. Однако с возвращением в Петербург и после окончания годичного траура 12 ноября выходит объявление об открытии обычных спектаклей в Эрмитажном театре по вторникам и пятницам, и уже 13 ноября были даны итальянская опера и балет[24]. В дальнейшем спектакли регулярно

[19] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 10. Л. 37-40об.

[20] См.: КФЖ 1801 года. С. 38, 47; и др

[21] Русский быт по воспоминаниям современников XVIII в. Ч. 2. Вып. 2. М., 1992. С. 164.

[22] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 192. Л. 240-240об.

[23] См.: КФЖ 1797 года: Апрель-июнь. СПб., 1897. С.563, 575, 580, 593; КФЖ 1797 года: Июль-сентябрь. СПб., 1897. С. 768-1000; КФЖ 1797 года: Октябрь - декабрь. СПб., 1897. С. 1011-1181.

[24] КФЖ 1797 года: Октябрь-декабрь. С. 1218, 1220.

проходили в Петербурге и в загородных резиденциях императора. В начале 1801 г. при возобновлении обычной придворной жизни после времени «затворничества» (конец 1799 — 1800 гг.) с января и до Великого поста при дворе было дано 13 спектаклей: сначала в Эрмитажном театре они шли по три раза в неделю (понедельник, среда, пятница), а затем 1 февраля сразу две оперы были представлены в театре Михайловского замка[25].

Более скромное место среди регулярных музыкальных мероприятий двора занимали концерты, собиравшие незначительное число слушателей. При Елизавете Петровне по указу от 10 сентября 1749 г. музыку исполняли в дневное время ученики капельмейстера Гибнера и итальянские музыканты: по понедельникам –танцевальную, по средам — «итальянскую». При малом дворе любившего музицировать великого князя Петра Федоровича проходили свои концерты[26]. Екатерина II в своих расписаниях развлечений двора отводила концертам один день, например, в 1776 г. это могли быть среда или четверг[27].

Особое значение придавал исполнению музыки Павел I. При его дворе регулярно устраивались концерты духовные (оратории) и светские итальянские, причем часто во время траура и постов, когда прекращались другие увеселения. После того, как 18 января 1797 г. в Эрмитаже был исполнен как самостоятельное развлечение «благородный» концерт, разного рода концерты стали устраиваться в феврале. В Эрмитаже концерт давали 1 и 12 числа великие княгини и княжны и играл на скрипке цесаревич Александр Павлович, 8 и 12 числа — итальянские актеры, 22 — «апробованный в первый раз концерт» пели придворные певчие. 5 и 15 февраля высочайшая фамилия со знатными персонами выезжала слушать концерты воспитанниц в Смольный монастырь[28]. После переезда в Михайловский замок во время Великого поста 1801 г. с 10 февраля по 10 марта в разные дни было исполнено французскими актерами и иногда вместе с хором придворных певчих 11 концертов. В это время круг слушателей был небольшим: 21-26 лиц первых классов и военных[29].

---

[25] КФЖ 1801 года: Январь -июнь. СПб., 1901. С. 8, 13, 29, 34, 39, 48, 55, 59, 67, 74, 81, 89, 101-102.

[26] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 81. Л. 50; Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 309.

[27] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 10. Л. 6, 10.

[28] КФЖ 1797 года: Январь-март. СПб., 1896. 129, 223, 259, 282, 311, 330, 366.

[29] КФЖ 1801 года: Январь-июнь. СПб., 1901. С. 140, 151, 163, 182, 187-188, 192, 197, 204, 208, 212, 218.

Наконец, еженедельными увеселениями двора в XVIII в. являлись балы и балы-маскарады. В начале столетия балы устраивались как одно из развлечений государственных праздников — коронаций, свадеб Романовых, ежегодных царских, военных и других праздников. Самостоятельными регулярным увеселениями танцевальные вечера стали только в середине века. При Елизавете Петровне получили распространение «придворные» балы, проходившие в назначенные дни недели, например, по пятницам. Еженедельно устраивались и «придворные» балы-маскарады. Участниками этих «придворных» развлечений, судя по повесткам, были лица 1-2 классов с супругами и придворные дамы (от обер-гофмейстерины до фрейлин) и кавалеры (высшие чины двора до камер-юнкеров), всего 50-60 человек. Устраивались маскарады с октября по декабрь и с января до начала великого поста в установленные дни недели: по вторникам (1751) или по воскресеньям и средам (1754)[30].

О двух видах еженедельных маскарадов Елизаветы Петровны писала в воспоминаниях Екатерина II. С ее слов, один устраивался «для тех, кого императрице было угодно допустить», то есть приглашались гости узкого круга; другой же, публичный, — для всего дворянства и купечества[31]. Однако, вероятно, мемуаристка допустила неточности. На еженедельные маскарады круга лиц, угодного Елизавете, приглашались лица по Табели о рангах и придворные чины. Что касается публичных дворянских и купеческих маскарадов (или только дворянских), то, по документам двора, они проводились несколько раз в году в произвольно назначаемые дни. Например, в 1751 г. дворянские маскарады при дворе прошли 2 и 18 января, 8, 12 и 15 февраля[32].

При Екатерине II сначала двор в развлечениях следовал традиции, устраивая ежегодно публичные маскарады для дворян и купечества (купцов, чиновников среднего звена, и иных разночинцев), на которые «всходило» до 9 тысяч масок и более. Однако вскоре среди дворцовых собраний в масках особое значение приобрели знаменитые «Эрмитажи» — маскарады по особым правилам, проходившие в здании Эрмитажа рядом с Зимним дворцом. Эти собрания, как и эрмитажные балы, концерты и обеды, были реестровыми — для них составлялся список-реестр гостей, включаший 50-90 знатных персон, в основном высших чинов империи, иногда с

[30] См., например: КФЖ 1750 года. СПб., б.г. С. 108, 110-111; РГИА. Ф. 466. Оп.1. Д. 84. Л.3; Ф. 473. Оп.1. Д.8. Л.5.

[31] Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 309.

[32] КФЖ 1751 года. СПб., б.г. С. 9, 15, 31,35-37.

супругами, а также придворных дам, всего более 100 человек. Екатерина своей рукой правила списки, вычеркивая 1-3 персоны и вписывая имена новых лиц[33], к которым она благоволила или с которыми желала познакомиться поближе.

Увлекался маскарадами и Павел I. К примеру, в январе 1801 г. он сделал регулярным еженедельным по вторникам увеселением не просто маскарад для определенных классов по Табели о рангах, а публичный маскарад для дворянства и купечества, собиравший от полутора тысяч до более 2800 масок. Трижды он прошел в январе с 15 числа в помещениях Эрмитажного театра, Рафаэлевой галереи и Эрмитажа, а затем 2 февраля в Михайловском замке[34].

Предствленный материал при всей его краткости и выборочности примеров позволяет проследить некоторые тенденции в регулярных развлечениях императорского двора XVIII в. Он показывает, что европейские увеселения оказались востребованы уже с конца правления Петра Великого, но были постепенно введены при его преемниках в обычной для европейских дворов форме, то есть появились еженедельные куртаги, театральные спектакли, балы-маскарады и балы, концерты. Это, в частности, показывает составленный в 1748 г. в Иностранной коллегии из реляций 1739, 1742 и 1748 гг.[35] экстракт о повседневном пребывании дипломатов при шести (семи с учетом единого монарха Польши и Саксонии) дворах Европы.

Экстракт показал, что куртаги устраивались при всех дворах, но в Вене они проходили по вторникам и пятницам; во Франции по вторникам специально с приглашением дипломатов, а в другие дни посещение было возможным, но по своей инициативе; в Дании имели место в неделю два утренних куртага у короля и два у королевы («апартаменты»); в Берлине — во вторник и среду у короля (для разговоров), в воскресенье у королевы, где велись беседы и шла игра в карты; в Англии куртаги устраивались по четвергам, но в виде куртагов-выходов к высшим чинам; в Польше и Саксонии куртаги имели место, но приглашались на них по повесткам накануне. Посещение театра имело место только при дворах Священной Римской империи, во Франции и Пруссии. В других странах придворных театральных трупп не было временно или их не держали вовсе. Например, в Англии театр был только общественным, город-

[33] См., например: РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 4. Л. 14-16, 19-20.

[34] КФЖ 1801 года: Январь — июнь. СПб., 1901. С. 50-52, 69-73, 91-95, 106-110.

[35] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20. Л. 1-11.

ским. Праздники и балы дипломаты посещали при всех дворах, но в Англии, Польше и Саксонии только по приглашениям. Таким образом, русский двор стихийно в целом воспроизвел европейские нормы, но со своими особенностями.

От сложившейся к середине века системе увеселений, при создании которой непроизвольно ориентировались на европейские нормы, петербургский двор стал уходить в последние десятилетия столетия. Тогда при Екатерине II получили распространение реестровые Эрмитажи — маскарады, концерты, обеды, а значит, в увеселениях принцип приглашения лиц в классах по Табели о рангах стал корретироваться личной склонностью императрицы. И другая важная черта — исчезновение при Павле I куртагов, что изменило круг ключевых увеселений двора.

В течение века также прослеживается динамика как в составе, так и в численности посетителей придворных еженедельных развлечений. Если в его первой половине двор стремился в некоторых увеселениях привлечь во дворец как можно большее число представителей верхних слоев русского общества, то в конце столетия началось уменьшение их числа. Это наглядно показывает придворный театр. Сначала в театральных помещениях численность мест постепенно увеличивается до 500 (елизаветинский «Оперный дом»), а затем в 1780-е гг. сокращается в Эрмитажном театре.

Также очевидно, что в области развлечений двор теряет былую общественную значимость в культуре и начинает менять вид и форму тех или иных увеселений под влиянием личных вкусов правящих особ и других членов дома Романовых.

Сергей Александрович Иванюк
(Санкт-Петербург)
Директор ФГБУ Центральный музей связи им. А.С. Попова

Оксана Николаевна Иванюк
(Санкт-Петербург)
Независимый исследователь

Память о Петре Великом и его эпохе в коллекции Центрального музея связи им. А.С. Попова

Sergey A. Ivanyuk, Oksana N. Ivanyuk

The memory of Peter the Great and his era in the collection of the Central Museum of Communications named after A.S. Popov

Аннотация: История создания Центрального музея связи им. А.С. Попова тесно связана с именем Петра Великого. Важное место в богатейшей коллекции музея занимают памятные реликвии, связанные с Петром I и его эпохой. Главными из них являются знаки почтовой оплаты, отражающие в своих изображениях как личность, так и ключевые события, связанные с его правлением. В музее хранятся оригиналы первых марок с изображением императора (1913 г.), марки советского периода, их эскизы, выполненные известными художниками, а также современные оттиски на почтовых документах. Данная статья содержит подробные сведения об уникальной, связанной с историей Петра I, коллекции, хранящейся в фондах одного из старейших научно-технических музеев нашей страны и мира.

Abstract: The history of the creation of the Central Museum of Communications named after A.S. Popov is closely connected with the name of Peter the Great.

An important place in the museum's rich collection is occupied by memorabilia associated with Peter the Great and his era. The main ones are the postage stamps, reflecting in their images both the personality and the key events related to his reign. The museum houses the originals of the first stamps depicting the emperor (1913), stamps of the Soviet period, their sketches made by famous artists, as well as modern prints on postal documents. This article contains detailed information about the unique collection related to the history of Peter the Great, kept in the collections of one of the oldest scientific and technical museums in our country and the world.

Ключевые слова: Петр I, XVIII век, музей, филателия, знаки почтовой оплаты.
Keywords: Peter I, XVIII century, museum, philately, postage stamps.

История создания Центрального музея связи им. А.С. Попова тесно связана с именем Петра Великого.

В 1872 г. в дни празднования 200-летнего юбилея первого русского императора в Москве проходила Политехническая выставка. Она освещала достижения Российской империи в промышленности, сельском хозяйстве, науке и технике, культуре и многом другом. Выставка имела колоссальный успех, и за время ее работы (3 месяца) на ней побывало около 750 тысяч человек. По окончании работы было принято решение о создании на основе ее экспонатов трех музеев. В Москве — Прикладных знаний (сейчас Политехнический музей) и Исторического (сейчас Государственный исторический музей), в Санкт-Петербурге — Телеграфного[1].

Последний сейчас носит имя Центральный музей связи и является одним из старейших научно-технических музеев нашей страны и мира, основным хранителем истории почтовой и телеграфной связи. Важное место в его уникальной коллекции занимают реликвии, связанные с Петром I и его эпохой.

Так, в документальный фонд Центрального музея связи входят копии указов Петра I, гравировальных портретов и малоизученное так называемое «Дело» почт-директора Петра Шафирова, содержащее до 85 листов рукописного текста[2]. Это уникальная коллекция документов, объединенных временным периодом 1722-1723 гг. Они связаны с отстранением П.П. Шафирова от должности руководителя почтовым ведомством и передачей служебных дел Алексею Даш-

[1] История Центрального музея связи имени А.С. Попова в документах и фотографиях (к 150-летию музея). СПб., 2022. С. 12.

[2] Фонды ФГБУ Центральный музей связи им. А.С. Попова (далее — Фонды ЦМС). ГКП-18268.

кову. Среди прочего содержится переписка с Сенатом по данному вопросу, оправдательные листы с автографом П.П. Шафирова, ведомости о расходах почт-директора за время его руководства, и многое другое. Данный пакет источников неизвестен широкому кругу исследователей и ждет своего введения в научный оборот.

Жемчужинами коллекции музея являются знаки почтовой оплаты (марки, конверты, почтовые карточки, материалы спецгашения, подготовительные эскизы марок (оригинал-макеты), выполненные известными художниками) Российской империи, СССР, Российской федерации и зарубежных стран. Их в фондах музея более 7 миллионов. Среди прочих имеются и отражающие в своих изображениях как личность Петра Великого, так и ключевые события, связанные с его правлением.

В 1913 г. торжественно отмечалось 300-летие правящей династии Романовых. От почтово-телеграфного ведомства начальник Главного управления почт и телеграфов действительный тайный советник Михаил Севастьянов вручил Николаю II памятный адрес и подарок: 4 альбома в сафьяновых переплетах. В них были представлены подготовленные материалы к изданию почтовых марок единственной российской коммеморативной серии, посвященной памятному событию, которые вышли в почтовое обращение в первые дни 1913 года[3].

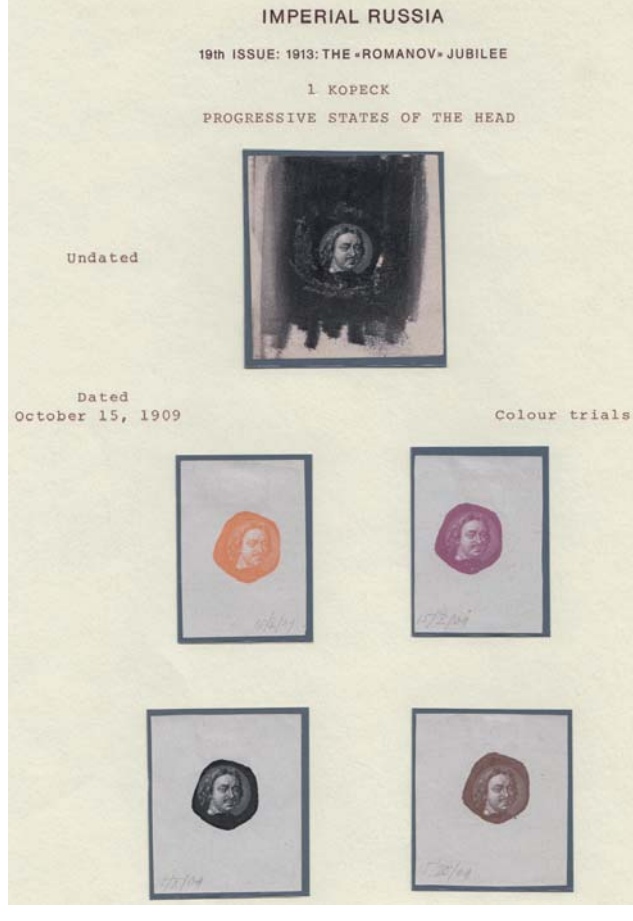
У данной коллекции была очень сложная судьба. Известно, что Николай II очень дорожил этим подарком, и он сопровождал его в числе прочих семейных реликвий на пути в Тобольскую ссылку. Здесь же она была оставлена после отъезда в Екатеринбург к месту его трагической смерти[4]. После гибели царской семьи она была разграблена, и отследить ее дальнейший путь было довольно сложно. Только в мае 1994 г. коллекция, пропутешествовав по разным странам, вернулась на Родину. Она была приобретена по решению Правительства Российской Федерации и передана в основной фонд Государственной коллекции знаков почтовой оплаты, хранящейся в фондах Центрального музея связи.

---

[3] Фонды ЦМС. ГКП-33699; *Рылькова Л.П.* Марки юбилейной Романовской серии — от замысла к воплощению // Коллекции представляют историю. К 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок. Материалы 3-го научно-практического семинара по истории почты и филателии. СПб., 2012. С. 23.

[4] *Рылькова Л.П.* Марки юбилейной Романовской серии — от замысла к воплощению // Коллекции представляют историю. К 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок. Материалы 3-го научно-практического семинара по истории почты и филателии. СПб., 2012. С. С. 24.

Уникальность данного выпуска заключалась в том, что до выхода в свет этой серии в России не было опыта выпуска коммеморативных марок. До 1913 г. марки с сюжетными рисунками и портретами персоналий российской почтой не издавались. В целом последовательность марочного портретного ряда в серии была продумана и предопределена. Создатели выпуска выстраивали определенную приоритетность представителей династии Романовых согласно их вкладу в историю Российского государства. Это хорошо видно на утвержденных проектах серии, которые начинаются с изображения портрета Петра I на марке достоинством в 1 копейку. (Илл. 1)

Илл. 1. Подготовительные материалы к марке номиналом 1 копейка, 1913 г. (худ. И.Я. Билибин, гравер Ф. Ширнбек)

На этой марке художник Иван Билибин использовал гравюру Якоба Хубракена (1718), выполненную по оригиналу портрета Петра I работы Карла Моора, голландского портретиста, который написал его в марте 1717 г. в Гааге. В коллекции музея сохранились подготовительные материалы к изданию марки в различных вариантах цвета рамки и портрета. Но окончательным цветом был выбран оранжевый. Портрет императора обрамлен в круглую рамку и усилен изображением двуглавого орла, выполненным в «билибинском» стиле и расположенным за портретом[5].

Петр I вошел в историю как первый российский император, царь-реформатор, коренным образом изменивший облик страны, основоположник российского флота, строитель города на Неве. Поэтому он был удостоен в юбилейной серии целых двух марок с разными портретами, в отличие от других представителей династии, отраженных только на одной марке.(Илл. 2)

При создании посвященной Петру I марки номиналом 4 копейки ее автор Евгений Лансере использовал гравюру Петера Гунста, выполненную с оригинала английского королевского живописца сэра Годфрида Неллера в Утрехте (Голландия) в сентябре 1697 г. Молодой Петр согласился позировать по просьбе Вильгельма III Оранского, правителя Нидерландов и короля Англии. Хотя стоит отметить, что среди подготовительных материалов сохранились эскизы марки с использованием портрета Петра I кисти Поля Деларош (1838), а также его изображение в профиль как собирательный образ на основе «восковой персоны Бартоломео Растрелли». Эта марка также отрабатывалась в нескольких цветовых гаммах, в итоге был выбран красный цвет[6].

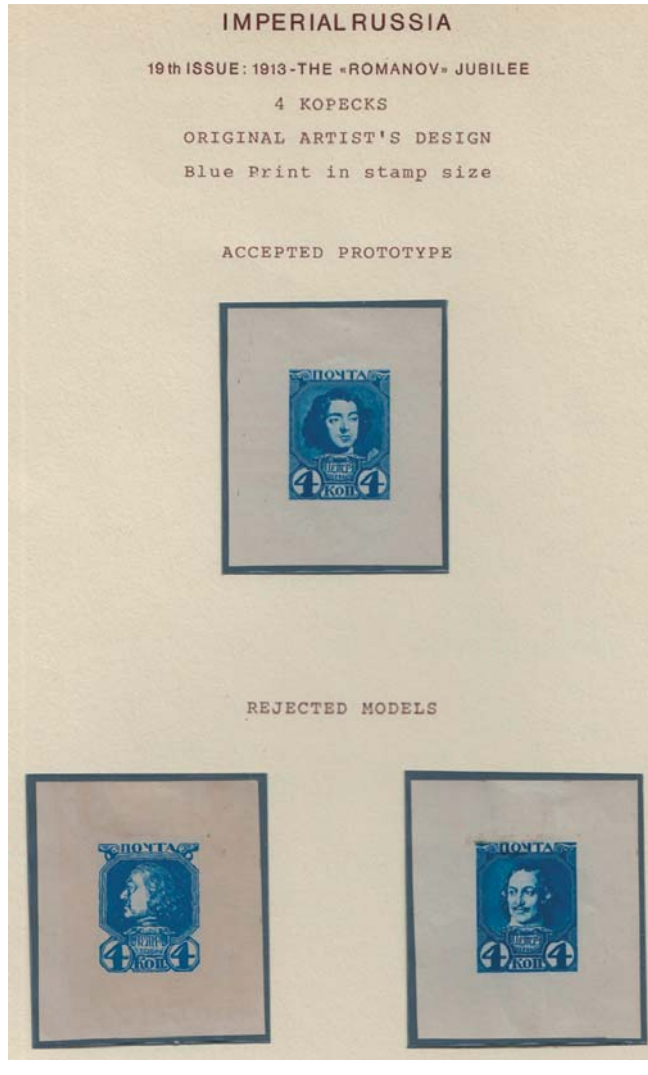
Дочь Петра I, императрица Елизавета Петровна, представлена на марке достоинством 50 копеек. Эскиз марки также выполнен Е. Лансере. На почтовой миниатюре воспроизведен фрагмент портрета с гравюры Е.П. Чемезова, выполненный с оригинала французского художника Луи Токе[7].

---

[5] Фонды ЦМС. ГКП-57834, ГКП-109069; *Рылькова Л.П.* Марки юбилейной Романовской серии — от замысла к воплощению // Коллекции представляют историю. К 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок. Материалы 3-го научно-практического семинара по истории почты и филателии. СПб., 2012. С. 30.

[6] Фонды ЦМС. ГКП-57930, ГКП-57943, ГКП-40123; *Рылькова Л.П.* Марки юбилейной Романовской серии — от замысла к воплощению // Коллекции представляют историю. К 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок. Материалы 3-го научно-практического семинара по истории почты и филателии. СПб., 2012. С. 30-31.

[7] Фонды ЦМС. ГКП-144244.

Илл. 2. Подготовительные материалы к марке номиналом 4 копейки, 1913 г. (худ. Е.Е. Лансере, гравер Ф. Ширнбек).

Императрице Екатерине II, титулованной «Великой», в равной степени с Петром I, посвящена марка достоинством 14 копеек. Тот же Е. Лансере использовал портреты разных художников и скульпторов. Из двух созданных им профильных портретов марочную

жизнь обрел один, в овальной рамке, выполненный в строгом элегантном дизайне серо-зеленого цвета[8].

Большой интерес вызывают так называемые благотворительные марки начала XX в., так как это были первые русские марки с изображением произведений искусства, в том числе запечатлевшие память о Петре Великом.

Благотворительные почтовые марки были выпущены в России в связи с Русско-японской войной (1904-1905). Выпуск был по заказу Императорского женского патриотического общества, действовавшего под «августейшим» покровительством императорского двора, и учредившего особый фонд в пользу сирот воинов действующей армии. Общество обратилось в Министерство внутренних дел за разрешением об изготовлении знаков почтовой оплаты, выпуск которых предусматривал бы дополнительный сбор в пользу воинов действующей армии, находящихся под покровительством Общества. Цена марок должна была состоять из двух частей: почтового сбора и дополнительного, который поступал в фонд Общества[9].

Для рисунков на благотворительных марках были отобраны памятники, отражающие патриотические настроения в русском обществе. Так, на марке достоинства в 3 копейки изображен памятник В.А. Корнилову, на пятикопеечной марке помещен памятник Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому, на 10-копеечной марке изображен общий вид московского Кремля как главного символа России. На марке номиналом в 7 копеек воспроизведен памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге, всемирно известный «Медный всадник». Эскизы благотворительных марок были созданы художниками Экспедиции заготовления государственных бумаг Рихардом Зарриным и Густавом Франком.

18 ноября 1904 г. министр внутренних дел утвердил представленные образцы, а 29 декабря 1904 г. началась продажа марок. В апреле 1905 г. в журнале «Нива» писали: «На днях поступили в обращение наряду с обыкновенными почтовыми марками особые — большого формата марки, художественно исполненные Экспедицией заготовления государственных бумаг. В продаже каждая такая марка стоит на три копейки дороже... излишние три копейки идут на

[8] Фонды ЦМС. ГКП-144239.

[9] *Дьяченко А.П* Эстетика милосердия // Коллекции представляют историю. К 100-летию юбилейного Романовского выпуска почтовых марок. Материалы 3-го научно-практического семинара по истории почты и филателии. СПб., 2012. С. 53.

усиление средств особого фонда в пользу сирот воинов действующей армии... Несомненно, что марки эти получат у нас большое распространение в виду той благой цели, которую они преследуют»[10].

Марка с профильным изображением «Медного всадника» номиналом 7+3 копейки хранится в фондах музея[11]. В советской России этот монументальный памятник неоднократно изображался на знаках почтовой оплаты. Например, почтовая марка СССР номиналом 50 копеек с изображением памятника была выпущена в 1948 г. в серии, посвященной 4-й годовщине освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В серии «Виды Ленинграда» в 1953 г. на марке номиналом в 1 рубль также изображался памятник, выполненный художником Сергеем Поманским. Эта серия условно была посвящена 250-летнему юбилею города на Неве, который не отмечался в 1953 г. из-за смерти И.В. Сталина. Марки этой коллекции были продублированы в 1957 г., в том числе и марка с изображением «Медного всадника». На этот раз на ней появилась надпись, выполненная в красном цвете: «250 лет Ленинграда». В 1974 г. на марке, посвященной 30-летию снятия блокады Ленинграда, кроме силуэтов воинов-защитников города изображен и силуэт «Медного всадника». На марке 1989 г. номиналом 15 копеек из серии «Архитектурные памятники» вновь было выбрано изображение этого памятника Петру[12]. В коллекции музея хранятся, кроме самих этих марок, еще и подготовительные материалы (оригинал-макеты) с эскизами «Медного всадника» на марках 1947, 1953, 1974 и 1989 гг.

Особое место в знаках почтовой оплаты нашла тематика, связанная с детищем Петра I — морским флотом. Так, в конце 1971 г. почта СССР выпустила серию из пяти марок «История отечественного флота. Парусные военно-морские суда». Ее открывала марка номиналом в 1 копейку, на которой изображен «Ботик Петра I», вдохновивший молодого царя на создание регулярного парусного флота. На других марках серии изображены одни из любимых кораблей Петра I. Марка «Линейный корабль «Полтава» номинальной стоимостью 10 копеек с изображением спущенного на воду в 1712 г. первого линейного корабля Балтийского флота, в строительстве которого личное участие принимал Петр I. Марка «Линейный

[10] Нива. № 14. 9 апреля 1905 г. С. 280.

[11] Фонды ЦМС. ГКП-144214.

[12] Фонды ЦМС. ГКП-154749, ГКП-107429, ГКП-107366, ГКП-107385, ГКП-92221.

парусник «Ингерманланд» достоинством в 12 копеек содержит изображение флагмана русского флота в период Северной войны. Марки серии выполнены в многоцветной палитре и подготовлены художником Василием Завьяловым[13].

Среди знаков почтовой оплаты есть марки с изображением не только кораблей современников Петра I, но и военно-морского судна, носившего его имя. В 1972 г. в серии «История отечественного флота: военно-морские суда» выпущена марка «Эскадренный броненосец «Петр Великий». 1872» номиналом 2 копейки. На марке художник В. Завьялов изобразил первый полноценный эскадренный броненосец русского флота. В своей работе, выполненной в сочетании с металлографией, он использовал гравюру В. Смирнова[14]. (Илл. 3)

Выше отмечалось, что в коллекции музея связи кроме самих марок хранятся подготовительные материалы (оригинал-макеты) к ним. Это эскизы художников, более крупные, с отметками об их утверждении ответственными лицами. Таким материалом к впоследствии напечатанной марке является оригинал-макет «Петр Первый. Корабль «Гото Предестинация»; марка номиналом в 100 рублей готовилась в 1993 г. к выпуску в серии «Русские кораблестроители. К 300-летию Российского флота» На эскизе художника Г.А. Комлева изображен Петр I и парусник «Гото Предестинация» («Божье предвидение»), спущенный на воду в 1700 г. 58-пушечный корабль, отстроенный в Воронеже по проекту царя. На оригинал-макете, кроме рисунка и отметок художника, сохранилась запись согласования эскиза со старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института ВМФ А. Комаровым и штамп согласования с первым заместителем министра связи РФ Б.П. Бутенко[15].

Почтой СССР и Почтой России выпускались и марки, отражающие памятные юбилеи славных побед русского военно-морского флота в период Северной войны. Например, Почтой СССР в 1989 г. в честь 275-летнего юбилея первой в военной истории России морской победы русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса Гангут (27 июля 1714 г.) был выпущен почтовый блок номиналом 50 копеек. На нем волгоградский художник Владислав Коваль изобразил портрет царя и сцену Гангутского сражения. Кроме юбилейного блока 1989 г. в фондах музея хранится и его ориги-

[13] Фонды ЦМС. ГКП-154750, ГКП-154751, ГКП-154752.
[14] Фонды ЦМС. ГКП-154753.
[15] Фонды ЦМС. ГКП-111396.

Илл. 3. Оригинал-макет (эскиз) марки «Петр Первый. Корабль «Гото Предестинация», из серии «Русские кораблестроители. К 300-летию Российского флота», номиналом в 100 рублей, 1993 г. (худ. Г.А. Комлев).

нал-макет с рядом утверждающих и поясняющих надписей. На обороте оригинал-макета рукописные пометы с подписями: «Оригинал достоверен. Начальник ЦВММ А.М. Алешин. 6.10.88 г.» и «Согласовано с ЦК КПСС Стрекаловым Б.Г. 18.12.88», а также пояснения к изображению: «За основу. Материалы: Л.Л. Каменев «Гангутский бой» 1857. Масло, холст 75х50 см. ВВМОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского, инв. № 22. (Убранство русских кораблей) Т.М. Матвеева. Петр I — Портрет А. Матвеева и портрет Моора 1717»[16].

В 2014 г. в год 300-летия этого морского сражения был выпущен еще один почтовый блок номиналом в 50 рублей. Иллюстрацией к нему стала цветная гравюра Маврикия Бакуа «Баталия при Гангуте 27 июля 1714 г.» из собрания Государственного Эрмитажа, в обрамлении канатов, якорей и лавровых венков серебряного цвета[17].

Еще одна марка и почтовый блок посвящены не менее выдающемуся морскому сражению Северной войны — Гренгамскому

[16] Фонды ЦМС. ГКП-91223, ГКП-108793.

[17] Фонды ЦМС. ГКП-72442-2.

(27 июля 1720 г.). Марка «Бой при Гренгаме» 1995 г., номиналом в 250 рублей, выпущена в серии «300-лет Российскому флоту. Флот в произведениях живописи». На марке изображен фрагмент картины Фердинанда Перро «Бой при Гренгаме 27 июля 1720 г.» (1841) из коллекции Центрального военно-морского музея. На почтовом блоке, выпущенном в 2020 г. к 300-летию этого сражения, номиналом в 100 рублей, изображен фрагмент еще одной известной картины Алексея Боголюбова «Гренгамское сражение 27 июля 1720 года» из собрания Государственного Русского музея[18].

На марках отражались не только морские победы Петровской эпохи, но и сухопутные сражения. Так, в 2009 г. в ознаменование 300-летия Полтавской победы выпущен почтовый блок номиналом в 30 рублей. На нем в золотой раме, под декоративным картушем такого же цвета, изображен фрагмент знаменитой картины Иоганна Таннауера «Петр I в Полтавской битве» из коллекции Государственного Русского музея. В Центральном музее связи помимо самого почтового блока хранится еще и заключение Комиссии по Государственным знакам почтовой оплаты от 6 февраля 2009 г., заверенное ее председателем В.Н. Бугаенко[19].

Рамки доклада не позволяют в полной мере охватить хранящиеся в фондах музея марки и почтовые блоки, отражающие память о Петре I, его эпохе и преобразованиях. Отметим некоторые, на которых изображен сам царь-реформатор. Например, серия из 5 марок с почтовым блоком 1997 г. «История Российского государства. Реформы Петровского времени». В обрамлении красивых картушей художник Л. Зайцев запечатлел «Строительство Санкт-Петербурга», «Военные реформы. Создание регулярной армии и флота», «Северную войну. Борьбу за выход к Балтийскому морю», «Административные реформы» и «Реформы в области культуры и просвещения», а на почтовом блоке — портрет Петра I с императорским штандартом и Андреевским флагом, строй боевых кораблей на фоне Петропавловской крепости[20].

Большая часть марок и почтовых блоков посвящена юбилеям, связанным с периодом царствования Петра Великого. Например, почтовый блок «300 лет почте Санкт-Петербурга» (2003 г., номинал в 12 рублей). На марке блока изображена сцена получения Петром I депеши, пришедшей по почте от графа Ф.М. Апраксина из Воронежа в Санкт-Петербург в июне 1703 г., а на полях блока помещен

[18] Фонды ЦМС. ГКП-82454, ГКП-123902.

[19] Фонды ЦМС. ГКП-45855-2, ГКП-52421.

[20] Фонды ЦМС. ГКП-142870.

текст депеши с пометкой о доставке: «Принята с почты в ново застроенной крепости, июня 28 день 1703 года». Почтовый блок «300 лет российской полиции» (2018 г., номинал в 95 рублей). На марке блока изображена картина А.А. Шумейко «Оглашение указа Петра I о назначении А.М. Девиера на должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга» (2015 г.), которая хранится в студии художников имени В.В. Верещагина МВД России. Почтовый блок «300 лет Тульскому оружейному заводу» (2012 г., номиналом в 50 рублей). На поле блока изображен памятник Петру I в Туле, на фоне здания Тульского оружейного завода. Марка «300 лет первому российскому курорту «Марциальные Воды» (2019 г., номиналом в 50 рублей). На ней изображена многофигурная композиция, иллюстрирующая визит Петра I в Марциальные Воды, действующий бальнеологический и грязевой курорт, который был основан и получил данный статус указом царя в 1719 г.[21]

В 2022 г. широко отмечался 350-летний юбилей Петра Великого. Не могла остаться в стороне и филателия. Специально к этой памятной дате 9 июня 2022 г. был выпущен почтовый блок «350 лет со дня рождения Петра I» номиналом в 100 рублей, на котором дизайнер А. Поварихин поместил изображение картины В.А. Серова «Петр I» (1907) из коллекции Государственной Третьяковской галереи[22].

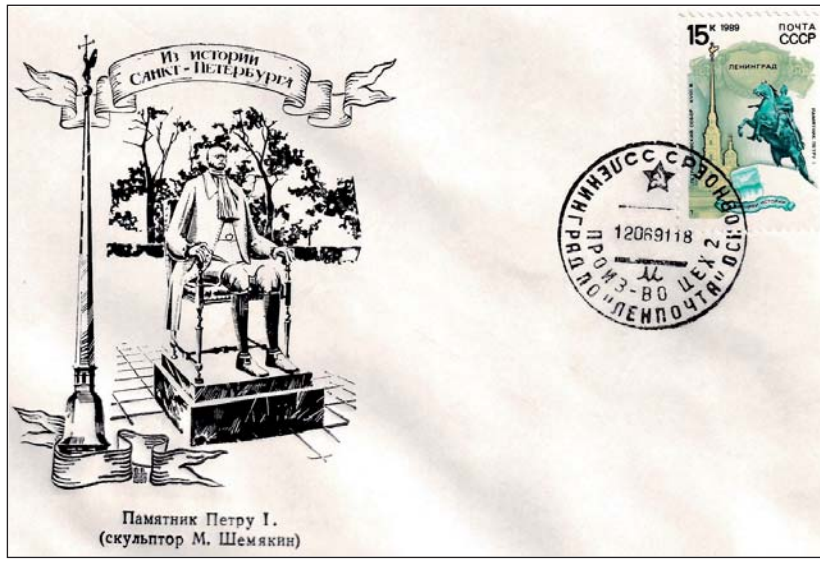
Еще одним видом знаков почтовой оплаты, хранящимся в фондах музея являются почтовые конверты. На ряде конвертов, имеющих художественные изображения, представлены сюжеты, связанные с Петром Великим и его эпохой. Например, конверт «300-летие первой в России государственной судостроительной верфи в Архангельске» (1993), конверт «300 лет государственной почтовой связи между Москвой и Архангельском» (1993г.), конверт «300-летие взятия русскими войсками крепости Азов (1696)» (1996), конверт маркированный художественный «300-летие взятия войсками Петра I крепости Нотебург» (2002), конверт «300 лет первой русской печатной газете «Ведомости» (2003) и многие другие[23].

Кроме не прошедших почту конвертов в музее хранятся так называемые целые вещи — обобщающее филателистическое наименование почтовых отправлений, прошедших почту, с наклеенными почтовыми марками. В частности, это конверты первого дня —

[21] Фонды ЦМС. ГКП-83216-2, ГКП-60627-2, ГКП-113649, ГКП-114729.

[22] Фонды ЦМС. ГКП-151957.

[23] Фонды ЦМС. ГКП-70536, ГКП-70535, ГКП-71239, ГКП-73214, ГКП-73347.

Илл. 4. Конверт специального гашения к годовщине рождения Петра Великого, 12 июня 1991 г.

специальные немаркированные конверты, на которых наклеенные почтовые марки, либо почтовые блоки, погашенные штемпелем в первый день их выпуска. (Илл. 4)

В частности, в коллекции музея представлены следующие конверты со спецгашением, отражающие памятные события эпохи Петра Великого: конверт первого дня «250 лет Петродворцу», погашенный в 1964 г., коллекция из 4-х конвертов со спецгашением «Из истории Санкт-Петербурга» 12 июня 1991 г., приуроченных ко дню рождения Петра I (1672 г.), дню провозглашения суверенитета РФ (1990) и дню референдума о возвращении городу имени Санкт-Петербург (1991), а также конверт со спецгашением в день филателистической выставки «МорФил–91» в Санкт-Петербурге 12-20 октября 1991 г., и многие другие[24].

В коллекции Центрального музея связи им. А.С. Попова хранятся и сами почтовые штемпели — устройства для получения ручным или механическим способом оттисков, служащих для гашения зна-

[24] Фонды ЦМС. ГКП-154738, ГКП-154739, ГКП-154740, ГКП-154741, ГКП-154742, ГКП-154743.

ков почтовой оплаты, с целью подтверждения приема почтового отправления и контроля над его маршрутом. Среди многочисленных штемпелей, подготовленных для специального гашения и приуроченных к юбилейным и памятным датам, есть и связанные с памятью о Петре Великом. В том числе и к датам, уже упоминаемым нами выше, в контексте знаков почтовой оплаты. Например, 300 лет российскому флоту (26.07.1996), 300 лет первому российскому курорту Марциальные воды (05.04.2019), к 300-летию победы русского флота в Гренгамском сражении (7.08.2020), 300 лет регулярному освещению в Санкт-Петербурге (29.04.2021), 350 лет со дня рождения Петра I (9.06.2022) и многие другие.

Фонды музея хранят не только отечественные марки. Уже более 150 лет Россия, стоявшая у истоков создания, входит во Всемирный почтовый союз — межгосударственную организацию, образованную для обеспечения и совершенствования почтовых связей на образуемой союзом единой почтовой территории. Согласно с установленными договоренностями с ВПС музей регулярно получает в свою коллекцию марочную продукцию, выпускаемую зарубежными странами — членами союза[25].

Среди этой коллекции есть марки и почтовые блоки, отражающие личность и деятельность Петра Великого. Так, например, в 2003 г. в Сан-Марино в серии «300 лет создания Санкт-Петербурга» была выпущена марка с изображением портрета Петра I[26]. Сюжетно образ первого русского императора не раз использовался в зарубежных марках. Например, в 2013 г. Соломоновы острова выпустили два почтовых блока, посвященных 400-летию династии Романовых, на которых изображен Петр I. В 2018 г. Бенин в серии «Известные персоны мировой истории» выпустил почтовый блок «Петр I (1672-1725) — царь всея Руси, первый император Всероссийский». В 2019 г. Камерун выпустил почтовый блок в серии «Правители Российской империи» с названием «Петр I — основатель Санкт-Петербурга» и с шестью изображениями царя-реформатора на ней. К юбилею Петра Великого в 2022 г. в Сербии были выпущены две марки с его живописными портретами.

---

[25] *Лосич Н.И.* Возобновление работы Российского государства во Всемирном почтовом союзе. К 150-летию Всемирного почтового союза // Юбилейные и памятные даты 2024 года сквозь призму филателии и филокартии / Сборник методических материалов XV научно-практического семинара по истории почты, филателии и филокартии. СПб., 2024. С. 178-179.

[26] Фонды ЦМС. ГКП-154748.

Марки и конверты являются своеобразными историческими памятниками, отражающими значимость личности Петра Великого для мировой истории и культуры. Его изображения на почтовых марках подчеркивают уважение и восхищение выдающимся правителем России, чье имя стало символом модернизации и прогресса. Знаки почтовой оплаты, посвященные Петру I, служат важным элементом культурного наследия, сохраняя память об этом видном деятеле и поддерживая интерес общества к изучению отечественной истории.

Алексей Владимирович Морохин
(Москва)

доцент Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, научный сотрудник Института Российской Истории РАН, Москва

Смерть Петра Великого в восприятии правящей элиты России во второй половине 1720-х — начале 1740-х гг.

Morokhin A.V.

The death of Peter the Great in the perception of Russia's ruling elite in the second half of the 1720s and early 1740s.

Аннотация: Работа посвящена изучению реакции современников — представителей правящей элиты на смерть Петра Великого. Анализируются источники личного происхождения — воспоминания, письма, значительная часть которых в научный оборот вводится впервые. В ходе проведенного исследования делается вывод о том, что, несмотря на официальный траур и «всегосударственную печаль», многие соратники Петра Великого и неофициально совершенно искренне оплакивали его уход из жизни.

Abstract: The work is devoted to the study of the reaction of contemporaries, representatives of the ruling elite, to the death of Peter the Great. The sources of personal origin, such as memoirs and letters, are analyzed, and a significant portion of them is introduced into scientific circulation for the first time. The study concludes that despite the official mourning and «national sorrow,» many of Peter the Great's associates also expressed their sorrow.

Ключевые слова: Петр Великий, траур, реакция, элита
Keywords: Peter the Great, mourning, reaction, elite

Сюжеты, связанные с реакцией российского общества на смерть Петра I, уже затрагивались в работах отечественных историков XVIII — начала XXI в. Большинство из них, отмечая противоречивость личности государя и весьма неоднозначную реакцию общества на его нововведения, приходило к заключению, что подобные двойственные оценки сохранялись и при получении россиянами известий об уходе из жизни первого российского императора[1]. Между тем ряд источников, в том числе и тех, которые вводятся в научный оборот впервые, позволяет более детально осветить реакцию на уход из жизни царя-реформатора правящей элиты России, включая ближайшее окружение Петра I.

Современники печальных событий начала 1725 г. прямо писали о том, что известие о кончине первого российского императора вызвало у населения горе, скорбь и «всегосударственную печаль». Если верить свидетельству Феофана Прокоповича, сразу после смерти Петра I «тотчас вопль, которые ни были, подняли; сама Государыня от сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когда б не поддержана была, упала бы: тогда же и все комнаты плачевный голос издали, и весь дом будто реветь казался, и ни кого не было, кто бы от плача мог удержаться...»[2] Подобную реакцию россиян отметили и другие очевидцы. По словам Ф.И. Соймонова, печальная новость вызвала «во всей империи вопль, плач, рыдание и слезы на многия времена»[3]. Адмирал С.И. Мордвинов отметил, что смерть царя «оставила в великой печали Россию»[4]. Схожим образом описал настроение населения в Петербурге в начале 1725 г. еще один моряк — вице-адмирал Я.С. Барш, который «увидел всей России нечаянную печаль»[5]. Другой мемуарист, офицер В.А. Нащокин,

---

[1] См. например: *Голиков И.И.* Дополнение к деяниям Петра Великаго. Т. 17. М., 1796. С. 456–459.; *Пекарский П.П.* Современное известие о кончине Петра Великого // Записки императорской Академии Наук. Т. 4. 1864. С. 64–67.; *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в оценках современников и потомства. Выпуск I (XVIII век). СПб., 1912. С. 13–14, 19, 31–32.; *Елеонская А.С.* Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-Греко-Латинской Академии. // XVIII век. Сб. 9. 1974. С. 259–269.; *Долгова С.Р. Подъяпольская Е.П.* Неизвестные стихи на смерть Петра I // *Там же.* С. 296–299.; *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 288–308.

[2] *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского. СПб., 1831. С. 11.

[3] *Соймонов Ф.И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014. С. 432.

[4] Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 21.

[5] «Юрнал» вице-адмирала Я.С. Барша // Сборник ГПБ имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выпуск 2. Л., 1954. С. 54.

свидетельствовал: «Я не могу, от неискуства пера моего, описать, как при толиком общенародном неблагополучии, видим был общий плач: старые сетуют по что Петра Великого пережили; молодые говорили: блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великого, а мы только Его видели, чтоб о Нем плакать! Домашние Его рыдали день и нощь. По погребении Его приходили великим множеством на гроб Его: всяк хотел образ Его помнить. Везде неутешная печаль в России на лицах всех изобразует»[6]. Прибывший в Россию в ноябре 1725 г. историк Г.Ф. Миллер также отметил, что в стране все «были исполнены величайшего, какое только мыслимо, благоговения к почившему императору»[7].

Многие соратники скончавшегося государя в связи с его смертью демонстрировали печаль и уныние, что явствует из сохранившегося эпистолярного наследия «птенцов гнезда Петрова». Кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров писал о смерти государя генералу М.А. Матюшкину: «Никогда б я думал такой великой перемене быть, какая ныне чрезвычайно учинилась...». В схожих выражениях он поведал о случившемся князю С.Д. Голицыну, находившемуся в Испании, добавив, что происшедшее «нам зело всем чувственно»[8]. Более эмоционально кабинет-секретарь написал в послании к графу А.А. Матвееву в Москву: «Ах, Боже мой! Как сие чувствительно нам, бедным, и о том уже не распространяю, ибо сами со временем еще более рассудите, нежели я теперь в такой нечаянной горести пишу...»[9]. Престарелый граф П.А. Толстой, годившийся Петру I в отцы, судя по его посланию к сыну, воспринял кончину государя как «всемогущаго Бога гнев», сетовал на сиротство, но в итоге был оптимистичен, заметив, что вместо скончавшегося отца страна получила мать — Екатерину I[10]. Генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский, получив накануне смерти царя музыкантов из Нежина от П.П. Толстого, в письме к графу от 1 февраля благодарил его о присылке, но был вынужден отправить их обратно, «ибо уже музыка и забавы не придут нам на ум в год и болше»[11]. Вице-канцлер А.И. Остерман в связи со

---

[6] Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 20.

[7] *Миллер Г.Ф.* Избранные труды. М., 2006. С. 493.

[8] Письмо тайного кабинет-секретаря А.В. Макарова к генералу М.А. Матюшкину // Русский Архив. 1890. № 5. С. 5.; Письма А.И. Остермана, графа Г.И. Головкина и других лиц в Испанию к князю С.Д. Голицыну // Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 3. М., 1869. С. 145.

[9] Цит. по: *Есипов Г.В.* Люди старого века. СПб., 1880. С. 272.

[10] Архив СПб ИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 129. Д. 11. Л. 44.

[11] Там же. Д. 32. Л. 1.

смертью Петра I отреагировал на случившееся в письме от 27 февраля 1725 г. царевне Анне Иоанновне следующими словами: «Могу я лехко разсуждать, как чувственно преставление Его Императорскаго Величества...Ваше Высочество опечалить имело и все верные Ваши рабы, и все государство сей ненаградимой урон чувствуют, но всевышний Бог да подаст силу и крепость Вашему Высочеству и нам всем, дабы оной снести с совершенным подвержением ево Божеской воли»[12].

Реакция знати за пределами Петербурга на печальное известие была схожей. В Москву сенатский курьер привез из северной столицы печальные новости уже 3 февраля. По словам графа А.А. Матвеева, «когда при безчисленном множестве собрания всякаго чину людей здесь в соборной великой церкви публично о той трагедии было прочтено, такой учинился от народу всего наипаче же при понахиде вой, крик, вопль слезной, что нельзя женам больши того выть и горестно плакать, и во истину такова ужаса народнаго от рождения моего я николи не видал и не слыхал, что как слышно и по всем приходам и улицам по той же публикации чинилося». Сам А.А. Матвеев, по собственным словам, новость воспринял с «неописанною горестию и сокрушением всею моею душею и сердцем, отчего едва мой много страдальный дух от лишения живота спасся. Ох горе! Ох увы! Как то есть не токмо мне, беднику, но и всем верным его высокопомянутаго величества подданным рабом свыше естества человеческаго зело чувственно и во истину сострадательно есть без всякаго утешения и полезнаго разсуждения»[13]. Находившийся в Дербенте генерал М.А. Матюшкин, услышав новость, «залился слезами, завыл страшно и упал без чувств; вмиг печальная весть разнеслась по всему городу, и наполнился бывшими тогда в Дербенте россиянами двор и дом начальничий. Не можно себе представить без ужаса...тех рыданий, вою и воплю, каковые испускали пораженные кончиною возлюбленнейшего своего государя все россияне; в каковом ужасном состоянии все они, забыв все прочее на свете, пробыли более суток без сна и без пищи; особливо же сцена сия ужаснейшею показалась в церкви, при пении панихиды и при восклицании ему вечной памяти». В схожих выражениях, но не столь эмоционально, генерал описал случившееся при получении манифеста о кончине государя и в послании вступившей на престол Екатерине I. Царице он сообщал, что «великою горестию и

[12] РГАДА. Ф.11.Оп.1.Д.390. Л. 2.

[13] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 65, 66.

жалостию сердечною наполнился, слезами и рыданием, тако ж и в команде моей». При чтении же манифеста «как вятчшие так и нижние служители...с великою жалостию сердечною плакали и рыдание великое было»14. Нижегородский губернатор Ю.А. Ржевский, получив печальные новости 4 марта 1725 г., отреагировал на них в письме к А.В. Макарову следующими словами: «О котором печальном случае от горести иного вам и разпространить не доумеваю»[15]. Генерал-аншеф И.Ю. Трубецкой, узнав о кончине монарха в Киеве, 29 марта 1725 г. писал в Петербург о своей «нечаенной и несносной печали...не могу и описат[ь] горести своей»[16]. Генерал В.Я. Левашов из Гиляни также в одном из посланий в северную столицу фиксировал «приключившуюся всей империи злосчастную печаль»[17]. Денщика Петра 1, капитан-командора Ипата Калиновича Муханова (1677–1729), если верить некоторым сведениям, новость о смерти царя настолько расстроила, что с ним случился апоплексический удар[18].

Схожим образом реагировали на печальное известие и дипломаты. Русский резидент в Константинополе И.И. Неплюев (1693–1773), получив письменное известие о смерти Петра I, по собственным словам, «омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей, не лгу, был более суток в безпамятстве...»[19]. Позднее один из первых биографов Петра I И.И. Голиков, общавшийся с Неплюевым на закате его жизни, отмечал, что «всегда разговоры его (Неплюева — *А.М.*) о нем (Петре I — *А.М.*) сопровождались слезами»[20]. Российский посол в Париже князь Б.И. Куракин письмо с известием о смерти монарха получил утром 6 марта 1725 г. и в тот же день сообщил о случившемся и о «безмерной нашей и всей России неизреченной печали» в Испанию своему коллеге И.А. Щербатову, добавив, что «мы здесь по 8 днях глубокой траур примем»[21].

Демонстрация печали в связи с уходом из жизни царя-реформатора его окружением во многом была связана с объявленным в

---

[14] *Голиков И.И.* Указ. соч. С. 456–457; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 72. Л. 673.

[15] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 72. Л. 1466.

[16] Там же. Кн. 74. Л. 1.

[17] Там же. Кн. 72. Л. 356.

[18] Из записок Марьи Сергеевны Мухановой // Русский Архив. 1878.№1-4. С. 216.

[19] Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893. С. 122.

[20] *Голиков И.И.* Указ. соч. С. 458.

[21] ОР РНБ. Ф. 772. Оп. 1. № 4784. Л. 133.

стране трауром[22], который неукоснительно соблюдался. По свидетельству того же В.А.Нащокина, в 1725 г. «все ходили в глубоком трауре, знатные по классам носили плюрезы на обшлагах, а их домы были убраны трауром и люди, и одним словом, такой был глубокий траур, что генерально ходили, как дворянство, офицерство, приказные чины, до последнего члена, так и купечество»[23]. Однако, помимо официальной скорби на государственном уровне думается, что многие лица из окружения Петра I сожалели о его кончине искренне. Наиболее ярко продемонстрировал свое горе в мае 1725 г. П.И. Ягужинский, который после очередного конфликта с А.Д. Меншиковым, будучи пьяным, отправился в Петропавловский собор, где «пал как ополоумевший с ревом и криком перед гробом царя, сорвал с него покров и изо всех сил пытался зубами и ногтями открыть крышку. При этом он громко кричал, что пусть уже покойный монарх, дабы за него отомстить, восстанет из могилы и посмотрит, как после его смерти Россией управляют; как те, которым он велел бы головы поотрубать, теперь высокое положение занимают, а тех, кого он как самого себя любил, стараются всячески преследовать. Так как среди людей в церкви возникла сумятица, то кто-то из его слуг, который смог уразуметь, что это добром не кончится, заставил его уйти домой»[24]. Подобными же словами поведение Ягужинского описал и Ж. Кампредон. Он отметил, что генерал-прокурор «отправился в церковь к телу покойного Царя и принялся вслух умолять его встать из гроба и взглянуть, как попирают все его заветы и оскорбляют его вернейших слуг»[25].

Ягужинский был не единственным, кто искренне оплакивал первого российского императора. Похожим образом отреагировал на уход из жизни Петра I и другой его давний соратник — генерал-адмирал Ф.М. Апраксин (1661–1728). В декабре 1725 г., в день святой Екатерины, на приеме по случаю дня ангела императрицы, Апраксин и П.А. Толстой «уселись поговорить в уголку. Герцог Голштинский подошел к ним с бокалом в руках и, обращаясь к адмиралу, сказал, что царица провозглашает тост за их здоровье и за успех их дел. Адмирал отвечал, что дела идут так плохо, что должны

[22] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

[23] Записки Василия Александровича Нащокина. С. 22.

[24] *Ефимов С.В.* Начало «дворских бурь». Россия середины 1720-х годов в докладе австрийского дипломата // Бомбардир. 2005. №18. С. 19.

[25] Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, за 1725 г. // Дипломатическая переписка французских посланников и агентов при русском дворе. Сб. ИРИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 238.

бы вызывать скорее слезы, чем радость, и с этими словами принялся плакать. Несмотря на знаки Толстого, он не смог сдержаться. Довольно громко, так что многие слышали его, сказал: «Петра Великого нет более», — и не захотел выпить предложенного герцогом Голштинским стакана, чем очень смутил последнего»[26]. Этот же эпизод привел в своей депеше в Копенгаген и датский дипломат Х.-Г. Вестфален, схожим образом приводя слова генерал-адмирала, обращенные к герцогу Карлу — Фридриху Голштинскому: «Ты забываешь, что не стало нашего великого Петра. Я не хочу пить, оплакивая горькую судьбу моего отечества»[27]. Позже, в марте 1726 г., Апраксин «собрал у себя всех своих племянников и объявил им, что, на его взгляд, все начала покойного царя исчезли бесследно...»[28]. Вполне искренне, видимо, горевал о кончине Петра I и А.И. Остерман, бывший одним из доверенных лиц царя в последние годы его жизни[29]. Отношение вице-канцлера к Петру I демонстрируют и записи, сделанные им на страницах принадлежавшей ему Библии. Здесь Остерман фиксировал важные факты своей семейной жизни. Единственная запись, не касающаяся этих личных событий, была посвящена умершему монарху : «1725 генваря 28, в пятом часу поутру, скончался Петр Великий государь император всероссийский»[30]. Благоговейное отношение к памяти царя этот государственный деятель демонстрировал и позднее. Так, 18 октября 1740 г., на следующий день после смерти императрицы Анны Иоанновны, Остерман составил документ, в котором отметил, что необходимо «стараться, чтоб Ее Высочество принцесса Елизавета не была в утесненном состоянии и могла бы впредь жить как дочь Великого Императора»[31].

Горе этих людей, равно как и многих других представителей правящей элиты, было не притворным. Это было связано и с харак-

---

[26] Сб.ИРИО. Т.64. СПб., 1888.С. 136.

[27] *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I (По документам датского архива) // Русская Мысль. 1895. Кн. 2. С. 57.

[28] Сб.ИРИО. Т. 64. СПб., 1888. С. 272.

[29] *Гельбиг Г.* Русские избранники. М., 1999. С. 46.; *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 347–348.; *Манштейн К.Г.* Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 311–312.

[30] *Каратыгин П.* Семейные отношения графа А.И.Остермана // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 605, 611. О Библии, принадлежавшей А.И. Остерману, см.: *Лавринович М.* Рукописный перевод биографии графа Остермана: его источники, контекст создания и особенности перевода // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М., 2022. С. 484.

[31] РГАДА. Ф.197. Портфель 9. № 40. Л. 10.

терным для власти патрональным типом отношений с обществом, который отводил монарху роль Отца Отечества, обладающего неограниченными властными полномочиями над своим государством. Кроме того, для многих представителей правящей элиты эпоха Петра I являлась лучшим временем в жизни и карьере, они обожествляли государя, которого считали своим главным благодетелем и покровителем. В первые годы царствования Петра I они начали свою карьеру. Тот же генерал М.А. Матюшкин начал службу комнатным стольником, одним из первых вступил в потешные полки, затем служил в гвардии, участник основных военных компаний петровского царствования[32]. Его коллега В.Я. Левашов (1667–1751), по собственным словам, «служить начал с 205 году царедворцем, и под командою боярина Алексея Семеновича Шеина был при Азове»[33]. Показательна история с руководителем Тайной канцелярии генералом А.И. Ушаковым (1672–1747), еще одним доверенным лицом Петра I, чья карьера началась с начала XVIII столетия и закончилась в 1747 г.[34] Лежа на смертном одре, генерал «возвел очи свои на портрет Петра Великого, всегда в спальне его стоявший, и вдруг необыкновенно возстенал, проливая слезы. Из предстоявших пред ним любимый его Адъютант, Михайла Иванович Ярославов, спросил о причине толикаго его стенания, тогда почтеннейший старец сей, как бы забыв все свои болезни и самой час смерти, предстоящей уже пред ним, слабым голосом указав на изображение сего Государя, сказал: я вообразя все безпредельные труды его и любовь к отечеству, все милости его, излиянныя на подданных и собственно на меня, не мог не возчувствовать, в последнее разлучаяся со светом, живейшей к нему благодарности и благоговения»[35].

---

[32] Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре // Древняя Российская Вивлиофика. Часть 19. М., 1791. С. 405–406.; *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения ко 2-ому тому. СПб., 1904. С. 109.

[33] Сборник ИРИО. Т.11. СПб., 1873. С. 441, 450.; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2-х томах. Том 1 . М., 2015. С.46–49.; *Гарунова Н.Н.* Кавказский этап в биографии генерала В.Я. Левашова (1722–1735 гг.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Том. 31. Вып. 3. С. 12–16.

[34] О А.И. Ушакове см.: *Бурукин В.В.* Андрей Иванович Ушаков: личность и государственная деятельность. Дисс. к.и.н. Рязань, 2005.; *Анисимов Е.В., Базарова Т.А. , Проскурякова М. Е.* Указы Петра Первого гвардии майору Андрею Ивановичу Ушакову: новые архивные данные // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 679–694.

[35] *Голиков И.И.* Указ. соч. С. 458–459.

Приведенные факты отнюдь не означают, что все представители правящей элиты 1720-х гг. искренне переживали уход из жизни царя-преобразователя. Многие из них, надо полагать, вздохнули свободнее, получив информацию о его смерти. Еще в ноябре 1724 г. в царский дворец было подброшено письмо, неизвестный автор которого извещал Петра I о вопиющих «неправдах», в которых были замешаны такие известные лица из окружения царя, как И.И. Дмитриев-Мамонов, И.А. Мусин-Пушкин, А.А. Матвеев, А.В. Макаров и многие другие. Государь, судя по собственноручным пометам на документе, изучал его очень внимательно. Историки даже предположили, что в первые месяцы 1725 г. в Петербурге могла бы пройти череда расследований, показательных процессов и экзекуций, если бы не кончина Петра I, которая и уберегла высокопоставленных лихоимцев от заслуженного наказания[36]. Серьезные изменения произошли и в положении А.Д. Меншикова, чьи отношения с Петром I в последние месяцы жизни государя были очень непростыми из-за многочисленных злоупотреблений князя. Н.И. Павленко считал, что светлейший князь «скорее всего... разделил бы участь всех казнокрадов»[37]. Кроме того, уже через несколько лет, в 1730 г., некоторые современники прямо обвиняли кланы Долгоруковых и Голицыных «в непримиримой ненависти к памяти Петра Великого»[38]. Тем не менее, представители правящей элиты, включая А.Д. Меншикова[39], после смерти царя своим публичным отношением к его памяти продолжали вносить свой вклад в формирование культа и почитания Петра I.

Мемориальные мероприятия памяти государя, проведенные в 1725 г. и позднее, явились теми событиями, которые на долгие годы сохранялись в памяти правящей элиты, о которых, судя по известиям иностранных дипломатов, продолжали помнить и спустя многие годы. Насколько знаковым событием стали похороны первого рос-

---

[36] Неистовый реформатор. М., 2000. С. 38–39. Также см.: *Серов Д.О.* Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. М. , 2023. С. 18–19, 38, 229–237.

[37] *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. М., 1991. С. 243.

[38] *Корсакова В.* Дипломатические депеши датского посланника при Русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // Русская Старина. 1909. № 2. С. 283.

[39] Светлейший князь, достигнув наивысшей власти в мае 1727 г., пытаясь противодействовать увлечению юного Петра II охотой, в качестве аргумента заявлял, что «Петр Великий рассматривал эту забаву как бесполезную трату времени». См.: *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 570.

сийского императора, свидетельствует упоминание об этом событии спустя 16 лет английским дипломатом Э. Финчем. 2(13) июня 1741 г. он сообщал в Лондон, что Петр I тот государь, «которого быть может боялись более, чем кого бы то ни было из его предшественников, но и любили более, чем кого бы то ни было. Любовь к нему особенно проявилась при его похоронах, когда страх перед ним естественно миновал»[40].

После погребения царя в марте 1725 г. формируется и традиция регулярного посещения его гробницы в Петропавловском соборе представителями правящих кругов, которые тем самым демонстрировали свое признание особых заслуг Петра I перед обществом и государством. Так, 9 ноября 1725 г. прибывший в Петербург сын миргородского полковника П.Д. Апостол отметил в дневнике: «Посетил могилу Его Величества»[41]. Племянница Петра I, царевна Анна Иоанновна, по собственным словам, в ходе своего пребывания в Петербурге в 1726 г. «четыре раза была на гробе у государя батюшки дядюшки где многа слес я имела»[42]. В марте того же 1726 г. могилу первого российского императора посетил староста Бобруйский Я.-К. Сапега с сыном[43]. Таким образом, фиксация в указанных источниках фактов посещения гробницы царя в Петропавловском соборе позволяет подтвердить вышеприведенное свидетельство офицера В.А. Нащокина о массовом посещении захоронения Петра Великого после его символического погребения в Петропавловском соборе в марте 1725 г. Важно отметить, что эта традиция сохранялась и позднее. Капитан И. Ушаков в начале 1740-х гг. вспоминал, что приехав в Петербург, счел необходимым посетить могилу Петра I, где искренне плакал[44].

Таким образом, представители правящей элиты, судя по сохранившимся источникам, и своими официальными действиями, а многие и неформально, после кончины Петра I признавали особые заслуги царя-реформатора перед государством, что сыграло роль в дальнейшем оформлении его культа на государственном уровне.

---

[40] Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 марта 1741 по 16 июля 1742 г. // Сб.ИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 103.

[41] Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 — май 1727 г.) // Киевская Старина. 1895. № 7-8. С. 124.

[42] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6047. Л. 39 об.

[43] *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 195–196.

[44] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Часть 5. Л. 68.

Андрей Кириллович Сытин
(Санкт-Петербург)

Ведущий научный сотрудник
Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН

Первые землевладельцы Аптекарского острова как «ученая дружина»

Andrey K. Sytin

The first landowners of Aptekarsky Island as «studiosa cohors»

Аннотация: Вопреки указу Петра I, запрещающему поселение на Аптекарском острове (АО), по воле лейб-медика Роберта Арескина в 1716–1718 гг., лица, занимавшие должности административной и дипломатической службы России, становились землевладельцами на заповедном урочище. Предполагается, что сообщество интеллектуалов можно рассматривать как прообраз «ученой дружины» Феофана Прокоповича. Лоренц Ланг и гениальный Мессершмидт воплощали идеал странствующего наблюдателя.

Abstract: Contrary to the decree of Peter the Great prohibiting settlement on **Aptekarsky** Island (AO), at the behest of life physician Robert Areskin in 1716–1718, persons holding positions of the administrative and diplomatic service of Russia became landowners in the protected tract. It is assumed that this community of intellectuals can be considered as a prototype of the studiosa cohors (scientific squad) of Feofan Prokopovich. Lorenz Lang and the genial Messerschmidt embodied the ideal of a wandering observer.

Ключевые слова: Роберт Арескин, Медицинская канцелярия, Аптекарский остров

Keywords: Robert Areskin, Medical Office, Aptekarsky Island

Quid studiosa cohors operum struit? Horace. Epistularum I. 3.[1]

В начале XVIII в. один из островов архипелага Невской дельты, омываемый течением Большой и Малой Невки, отделенный от Петербургской (Городской) стороны речкой Карповкой, носил финское название Korpisaari, что в переводе значит «Остров Ворона». Толкования перевода как «глушь», «дремучий лес» соответствовали действительности: остров порос сосновым бором, сыроватыми березняками с елью (что также отразилось на названии урочища как Березового или Елового острова). Были здесь луга, где косили сено, пустоши и полузаброшенное иноверческое кладбище. Местоположение, обильное текучими водами, и удобренная почва благоприятствовали разведению лекарственных трав, нужных для госпиталей и лечебниц, поэтому остров вошел в ведение Медицинской канцелярии и ее главы, лейб-медика Роберта Арескина и получил название Аптекарского острова. Учрежденный здесь в 1822 г. Императорский Ботанический сад стал одним из мировых центров ботаники (сейчас Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН). В поисках доказательств времени основания Аптекарского огорода, ботаник и историограф В.И. Липский, после долгих поисков, обнаружил нужный документ в фонде Архива министерства внутренних дел среди дел медицинской канцелярии: «В Медицинской канцелярии выписано: В прошлом 1714-м году февраля 11 дня по указу блаженные и вечно достойные памяти его императорского величества за закрепою архиатера Арескина на данном под аптеку по именному его ж императорского величества словесному указу остров (на котором посторонним людям никому, кроме аптекарским служителей, строится не велено) огорожен огород и построен для жилья аптекарским служителям двор <...>.. Оный остров (отведен) для наилучшего произведения медицинского огорода»[2]. Дата 11 февраля 1714 г. была принята и значится на мраморной доске при входе в здание Гербария.

Указанный корпус документов изучала В.Л. Некрасова, которая установила, что «в нижеописанных годах по приговорам и письмам

---

[1] Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых. Гораций. Послания. Книга 1. 3. Пер.с лат. Н.С. Гинцбурга. Гораций. Собрание сочинений, СПб, 1993. С. 294.

[2] ЦГИА СПб. Фонд Медицинской Канцелярии. № 1295. Кн. 27. Л. 47. Этот документ В. И. Липский факсимильно воспроизвел в кн.: Императорский С. Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913) Ч. 1. СПб, 1913. С. 17.

архиатера Арескина ж отведены места разных чинов людям»[3]. Эту часть её исследования комментирует данная статья.

Ограничения во владении земельной собственности для частных лиц на АО не распространялись на штатных сотрудников Аптекарского огорода. В 1715 г. несколько служащих Медицинской канцелярии стали владельцами участков. Среди них были аптекари, травники, а также чиновники, ведавшие распределением лекарственных средств. Так в 1715 г. землевладельцем на АО стал секретарь Медицинской канцелярии Семен Львов, первый управляющий Главной аптекой в Петербурге, а также аптекарь Яган (Иоганн) Левкин. Размеры участков составляли «по длиннику» 100, поперечнику 30 сажен. Со временем поселение разрослось: «Жилища садовников около сада имеют вид небольшой деревни» — свидетельствовал академик И.Г. Георги в 1794 г.[4]

Через два года после учреждения Аптекарского огорода, в 1716 г. Арескин предоставил право на поселение лицам далеким от медицины и садоводства. Можно ли оценивать эти действия как произвол или коррупцию? Скорее план Арескина имел целью создать из корпорации лиц, облеченных властью, имевших опыт дипломатической службы и владевших иностранными языками, мобильный исследовательский отряд. Данное решение представляется целесообразным в рамках концепции выдвинутой И.В. Тункиной о направленной преемственности Медицинской канцелярии в осуществлении проекта учреждения Академии наук.[5] В этой стратегии архиатр Арескин взял на себя роль рулевого.

Во время заграничного путешествия 1716–1718 гг. Петр обращал особое внимание на естественнонаучные собрания Европы, приобретал экзотические натуралии в коллекциях А. Себы и Ф. Рюйша, дивные акварели М.С. Мериан — все это богатство украшало созданный им Кабинет Кунсткамеры — музея, призванного отразить

---

[3] *Некрасова В.Л.* К вопросу о годе основания Аптекарского огорода // Ботанический журнал. 1950. Т. 35 № 6. С. 681.

[4] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного городаСанкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного с планом. СПб, 1996. С. 134.

[5] Тункина И.В. Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8; *Тункина И.В.* Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук // Петр I и становление российской науки: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г.) Базарова. СПб., 2022. С. 11–14.

иерархическую систему Универсума Природы. Актуальной задачей представлялось тогда изучение трех царств естества, то есть флоры, фауны и минеральных сокровищ России. Имея в виду эту перспективу «ad indaganda Magni Ruthenici Imperii Naturae arcana», т. е. «для исследования тайн природы великой Российской империи», Арескин пригласил молодого данцигского натуралиста Д.Г. Мессершмита, который отправился в Санкт-Петербург 19 февраля 1718 г.

Влияние Арескина в тот период было велико, а его указания выполнялись безоговорочно. Это видно из содержания письма Петра I Меншикову от 17 ноября 1716 г. из Гавельберха (Хафельберг, Саксония-Анхальт): «Пред сим писали мы к вам об отдаче Гатчинской мызы в гошпиталь, но понеже просил нас доктор Арескин, дабы оную мызу отдать во владенье к оптеке для всяких аптекарских потребностей и работ, того для получения сего указу оную мызу к оптеке отдайте»[6]

По решению Арескина в 1716 г. участки земли на АО получили следующие лица: дьяк Аптекарского приказа Борис Пахомович Степанов, секретарь-асессор Посольской канцелярии Петр Васильевич Курбатов, переводчики Венедикт Шилинг и Петр Ларионов. Василий Васильевич Степанов (1676–1739), дипломат, посольский канцелярский секретарь, из семьи подьячего Поместного приказа, обучавшийся в Славяно-Греко-Латинской академии. В конце 1710-х гг. В. Степанов разработал проект штата Коллегии иностранных дел. Был бессменным письмоводителем Петра I в военных походах и в путешествии царя по Западной Европе в 1716–1717 гг. 3 января1717 г. он назначен Советником канцелярии. В 1723 г. подписал мирный договор с Персией.

Среди землевладельцев АО оказались несколько просвещенных сановников, так или иначе причастных к Петербургской Академии наук. Одним из них был знаменитый сподвижник Петра Андрей Иванович Остерман (1686–1747), дипломат, в указанное время — советник Посольской канцелярии. Механика не была для него чуждой сферой, изучать технические новшества он был командирован в Данию и Голландию. Но также его интересовали естественные науки. Об этом свидетельствует академик Иоганн Амман в своей книге «Stirpium rariorum...» (1739), посвященной описанию видов растений, произрастающих в России. Предисловие к ней содержал обращенный к Остерману панегирик: «ботаника входит в число наук, которые взращиваются и совершенствуются в Петербургской

[6] Переписка князя А.Д. Меншикова с Петром I (1706–1724). Сборник документов. М., 2023. С. 187–188.

Академии наук (а известно, что Академия от своего основания процветала главным образом благодаря Вашему покровительству и обязана Вашим несчетным милостям), эта область знания, безусловно, не ограничивается одним только наслаждением для разума и взгляда, но исключительно важна и для лечения всякого рода болезней, а также предоставляет обширный материал для того, чтобы наши потомки исследовали и обнаружили у растений множество свойств, которые нам до сих пор не известны» (Амман, Предисловие 18 июля 1739 г.)[7]. Более того, на гравированном фронтисписе книги было изображено огражденное пространство с уходящими в бесконечную перспективу грядками Ботанического сада. На этом фоне увенчанная цветами богиня Флора водружала на обелиск щит с гербом графов Остерманов с изображением пальмы и девизом «Nec Sol nec Frigora mutant» (Ни жар, ни хлад не изменяют). Всесильного при императрице Анне Остермана постигла немилость императрицы Елизаветы Петровны. Подвергнутый унизительной гражданской казни 18 января 1742 г., он был сослан в Березов. Посвящение Остерману из тиража книги Аммана изымалось.

В 1717 г. земельный участок на АО Арескин пожаловал вице-канцлеру Петру Павловичу Шафирову (1669–1739). Его труды на благо государства уже были вознаграждены немалой дачей. Это был названный его именем прежний «Мишин островок» (ныне Елагин остров). Около 1716 г. Шафиров, по поручению Петра I, написал «Рассуждение о причинах Свейской войны» — один из первых русских документов по международному праву, содержавший ряд гуманистических аспектов ведения войн, в частности отношения воюющих к военнопленным. В этом же 1716 г. принятый на русскую службу Петром I философ Готфрид Вильгельм Лейбниц 22 июня 1716 г. обратился к Шафирову с письмом, в котором изложил 7 предложений, осуществление которых «может принести пользу не только подданным царя, но и всему человечеству. 6 пункт заключал следующее предложение: «Продвижению природоведения применительно к минералам, растениям и животным, если будут собраны образцы не только в Российском государстве, но и Востока. Благодаря этому расширится торговля между Европой, Индией и Китаем, а соседних странах, с которыми поддерживаются торговые связи, а особенно в странах государство его царского величества расширит свои связи».[8]

---

[7] От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века. СПб, 2022. С. 353.

[8] Петр Великий и основание Петербургской Академии наук. Документы и материалы. СПб, 2022. Ч. 1. С. 34.

П. П. Шафиров внёс значительный вклад в развитие русской почты, которую возглавлял с 1701 по 1723 г., но, обвиненный в злоупотреблениях по этому ведомству, был сослан со всем семейством в Нижний Новгород. По иронии судьбы, в царском указе, утвердившем проект Лаврентия Блюментроста о создании Академии наук 22 января1724 г., значилось распоряжение о предоставлении ей помещения: «На академию на первое время занять Шафировской двор»[9].

В 1717 г. земельным участком был награжден Иоганн Даниель Шумахер (1690–1761), секретарь Медицинской канцелярии. В 1714 г. по поручению президента Медицинской канцелярии Арескина ему вменялось «смотрение» за Кунсткамерой и Библиотекой». Шумахер начал работу с библиотекой Петра I, а затем и с его коллекциями.

Последними землевладельцами АО стали князья отец и сын Гагарины в 1718 г. Последним стал и роковой приезд в столицу князя Матвея Петровича Гагарина (ок. 1659–1721), наместника царя в Сибири. На посту губернатора Гагарин сделал много добра для просвещения края, благосклонно поддерживая инициативы военнопленных. Г. Миллер писал, что: «Шведские офицеры бывшие здесь в плене завели в Тобольске в 1713 году школу, в которой обучали как своих, так и Российских, и всяких там обитающих иных народов детей Немецкому, Латинскому и Французскому языкам, Географии, Геометрии и рисовать, а иных и на пропитании содержали»[10] Огромен вклад Гагарина в формирование знаменитой «Сибирской коллекции» Петра I. Извлеченные из курганов древние ювелирные изделия остаются ценнейшими археологическими памятниками для изучения быта и духовной культуры евразиатских кочевников. Алексей Гагарин, его сын, также владелец земли на АО, был женат на Анне Шафировой, дочери П.П. Шафирова. Тем не менее, тесть и сосед, Шафиров как член Сенатского присутствия утвердил приговор Гагарина к смертной казни 14 марта 1721 г.

Роберт Арескин неожиданно умер 29 или 30 ноября 1718 г. на Олонецких (Петровских) заводах в царском доме, в возрасте 41 года. Царь удостоил своего лейб-медика небывало торжественным обрядом похорон в Александро-Невской лавре. Лейб-медиком становится Лаврентий Блюментрост. В конце 1718 г. Л.Л. Блюментрост докладывал царю о служащих при Кунсткамере, среди которых

---

[9] *Аваков П.А.* Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. Т. 2. Вып. 3. С. 122.

[10] Географический лексикон Российского государства М. 2012. С. 416.

первым числился «библиотекарь Яган Даниель Шумахер как смотритель всяких раритетов и натуралий». Шумахер впоследствии прослывет среди членов Академии наук интриганом и олицетворением бюрократизма.

Имя, фамилия	Дата	Размер участка
Борис Степанов	1716	100 x 35
Василий Степанов	1716	100 x 25
Андрей Остерман	1716	100 x 25
Петр Курбатов	1716	100 x 25
Венедихт Шилинг	1716	100 x 20
Иоганн Шумахер	1717	100 x25
Петр Ларионов	1717	100 x 20
Лоренц Ланг	1717	100 x 25
Семен Львов	1717	100 x 25
Петр Шафиров	1717	100 x100
Матвей Гагарин	1718	100 x100
Алексей Гагарин	1718	100 x 50

Итак, подведем предварительный итог: по воле лейб-медика Роберта Арескина 12 лиц, занимавших должности административной и дипломатической службы России, стали «землевладельцами» на заповедном урочище. Заметим, что имена некоторых «землевладельцев» позднее упомянуты в резолюции Петра I на определение Коллегии иностранных дел (КИД) о порядке решения дел, датированном 13 февраля 1720 г. Сохранилась выполненная Петром правка документа регламента Коллегии иностранных дел (без даты). В ней указан и первоначальный ее состав: канцлер и президент Г.И. Головкин; подканцлер П.П. Шафиров. «Да для советов были действительные тайные советники»: кн. Г.Ф. Долгоруков, П.А. Толстой; члены коллегии — канцелярии советники: А.И. Остерман, В.В. Степанов, секретарь-асессоры П.В. Курбатов, М.П. Шафиров [брат Павла — *А.С.*], М.Р. Ларионов. Тогда же был определен штат канцелярии КИД: секретари экспедиции И.Ю. Юрьев, И.Л. Клишин, нотариус Федор Протопопов, регистратор Степан Никитин, канцеляристы: Сергей Семенов, Федор Сенюков, Семен Смирной, Иван Юрьев Меншой; копиисты: Спиридон Ларионов, Александр Алексеев; на иностранных языках секретарь экспедиции И.П. Веселовской, у него переводчики: Иван Калдермат, Борис Волков, Шевиюс, Петр Волков, Веденихт Шилинг».[11]

[11] *Анисимов Е.В.* Биохроника Петр Великого. День за днем.13.02.1720.

Таким образом, после смерти Арескина 4 дипломата и 2 переводчика продолжали свою профессиональную деятельность, а задуманный архиатром территориальный союз странствующих интеллектуалов оказался утопией. Проект создания Академии наук, согласно предначертаниям Лейбница и Вольфа как институции, призванной не только познавать, но и менять мир, искажался и бюрократизировался. Академия не стала сообществом свободных ученых, независимых от верховной власти. Но креатуры Арескина Ланг и гениальный Мессершмидт отвечали идеалу высокого замысла.

Секретарь Роберта Арескина Лоренс Ланг (Lorenz Lange, 1690-е–1752), один из землевладелецев АО, по-видимому, был человек наиболее близкий архиатру. Французский дипломатический представитель, морской комиссар при дворе Петра де Лави в 1718 г. сообщал в Париж, что Ланг был приемным сыном Арескина.[12] Он деятельно осуществлял идею цивилизационной экспансии на Восток, декларированную Лейбницем.

Посланный Петром I в Китай в качестве комиссионера для приобретения предметов искусства, он вернулся с китайским фарфором для Петергофского дворца. Заинтересовав царя рассказами о Поднебесной в течение длительной аудиенции, он определил свою дальнейшую карьеру. Снова в Китае Ланг оказался в составе посольства Льва Васильевича Измайлова в 1719–1721 гг. Задачами дипломатической миссии являлись урегулирование торговых отношений с Цинской империей, возобновление караванной торговли, обмен консулами, получение разрешения на строительство православной церкви. Ланг установил связь с иезуитами в Китае, привез в Петербург ценные книги и предметы прикладного искусства. Граф Савва Лукич Рагузинский -Владиславович, назначенный полномочным послом России в Цинском Китае, так характеризует своего сотрудника: «Ланг не только человек с наилучшим дарованием, но очень приспособлен к интересам (русского) государства; он имеет прекрасный опыт сношения с китайцами».[13]

Важно, что Ланг вел подробные записи во время путешествий. Часть дневников Ланга за 1727–1728 и 1736 гг. П.С. Паллас опубликовал во втором выпуске своего журнала «Neue Nordische Beiträge» в 1781 г. Дневники Ланга важны для изучения истории экономических и политических отношений России с Китаем на протяжении

[12] *Шафрановская Т.К.* Лоренц Ланг и изучение его дневников // Скандинавский сборник. Т. 16. Таллин, 1971. С. 216.

[13] Там же. С. 218.

значительного промежутка времени (с 1715 по 1737 г.). Будучи одним из руководителей караванной торговли России с Китаем, Ланг приводит в своих дневниках многочисленные сведения о размерах и ходе торговли, но наиболее интересны этнографические описания подробностей быта кочевых народов[14]. Георги отмечает, что в 1754 г. Кабинет Императорской Академии наук получил множество китайских вещей от Губернатора Ланге из Иркутска.[15]

Встреча Мессершмидта и Ланга произошла в Петербурге. Они вместе совершили длительный путь до Тобольска, проведя август 1719 г. в Москве, где Мессершмидт изучал культурную и дикорастущую флору. 5 сентября посольство водным путем отправилось в Казань, куда прибыло 19 октября, а 27 ноября 1719 г. санным путем перевалив через Уральские горы, 24 декабря 1719 г. прибыли в Тобольск.[16] Здесь Мессершмидт начал свое 8-летнее многотрудное исследование природы Азиатской России до границ с Китаем. Он собрал обширные материалы по флоре, фауне, археологии, лингвистике Сибири. Наблюдения Мессершмидта о географическом размещении видов изложены в его итоговом сочинении «Sibiria perlustrata» (1727). Границы распространения видов он отмечает долинами крупных рек, что представляется новшеством, положившим начало одному из основных принципов ботанико-географического метода. Это направление развивалось в исследованиях Академических экспедиций в XVIII в. Особая роль в разведении садов за Уралом принадлежала шведским военнопленным, интернированным в Сибирь во время Великой Северной войны (1700–1721). Сведения о культивируемых в садах Московского региона и в Сибири в первой трети XVIII в. теперь известны по материалам Мессершмидта[17]. «Ценно то, что распространение видов Мессершмидт показывается не в общих выражениях, а поименовываются почти всегда все пункты, где растение было замечено, причем обыкновен-

[14] Поденные записки о пребывании Лоренца Ланга, агента императора российского, при китайском дворе в 1721г. //Северный Архив,1822, №17, 19, 20–23; *Шафрановская Т.К.* Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 188–205.

[15] Георги, 1996. С. 392.

[16] *Лефельдт В.* Даниэль Готлиб Мессершмидт и Якоб и Иоганн Брейне, Христиан Ментцель и Энгельберт Кемпфер, или Как данцигский ученый готовился к своей службе в России // Historia aeterna Осмысляя историческое наследие... Сборник статей к 65 летию И.В. Тункиной. СПб, 2025. С. 210

[17] *Сытин А.К.* Даниэль Готлиб Мессершмидт о растениях, культивируемых в России (первая треть XVIII века) // Turczaninowia, 2024. Т. 27, № 2. С. 168–191.

но не опущена характеристика условий произрастания. Такими подробностями пренебрегали весьма многие последующие флористы, не исключая даже Палласа и Ледебура»[18]. Замечание крупного ботанико-географа Д.И. Литвинова существенно для характеристики Мессершмидта как полевого исследователя. Отметим, что Мессершмидт одним из первых естествоиспытателей применил для фиксации местоположения растительных сообществ и местонахождения видов растений инструментальные методы определения географических координат. Таким образом, два исследователя, выбранные Арескиным, достигли весомых научных результатов, но если Ланг благополучно провел последние 15 лет жизни в должности губернатора Иркутска, то Мессершмидт, вернувшись из экспедиции, в полной мере осознал несправедливость бюрократической системой, созданной в Академии наук Блюментростом. 6 января 1728 г. началась работа академической комиссии (с участием Шумахера) по приему коллекций, привезенных Мессершмидтом из экспедиции. Работа комиссии (Мессершмидт был отстранен) продолжалась в течение нескольких дней, и «собрание Кунсткамеры обогатилось отечественными произведениями природы и редкостями, это превзошло всякие ожидания» — свидетельствует Миллер[19]. Сибирские материалы поступили в Академию, рукописи использовались , но их научная публикация и комментирование фактически начались лишь в XXI в.[20] Мессершмидт возвращался на родину в Данциг, однако 27 октября 1729 г. кораблекрушение около Пиллау погубило все книги, рукописи и коллекции. «В Данциге он был встречен не так хорошо, как предполагал. В Петербург он вернулся 20 сентября 1731 г. и жил за счет тайной благотворительности тех, кто сострадал его бедственному положению. Среди них больше всего сделал архиепископ Феофан. Между тем, ни Академия, ни Медицинская канцелярия о нем нисколько не беспокоилась. Жил

---

[18] *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири. СПб., 1909. С. 181.

[19] *Миллер Г.Ф.* Избранные труды. М., 2006. С. 575.

[20] Научное наследие Даниэля Готлиба Мессершмидта в новейших исследованиях петербургских ученых // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19): Сибирская коллекция Д. Г. Мессершмидта — первое научное археологическое собрание России СПб., 2022; 2-е изд. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 11; «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта — энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. СПб., 2022; 2-е изд. СПб., 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 14).

он в беззвестности, умер в Петербурге 25 марта 1735 г., и почти никто об этом даже не узнал».[21]

Напротив Аптекарского огорода на левом берегу Карповки располагалась «Карповская школа» Феофана Прокоповича. Основанная в 1721 г. школа задумывалась как некий «Сад Петров» среди дикого елового леса. Прокопович, будучи большим любителем садов, по преданию сам сажал деревья<...> В этой школе на архиерейском подворье взращивались и юные таланты из солдатских детей. Среди них будущие академические профессоры математик С.К. Котельников, анатом А.П. Протасов, А.И. Богданов — библиограф рукописей и русской части книжного собрания Библиотеки Петербургской Академии наук с 1730 г., автор труда «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга (1779)[22]. Знаменитая «Ученая дружина» Феофана была своего рода «Платоновской Академией», расположенной в роще, за городской чертой. Дружеские, научные, литературные отношения связывали Феофана с выдающимися учеными просветителями А.Д. Кантемиром и В.Н. Татищевым. Но прежде всего их объединял дух Петровских реформ и традиция европейского Просвещения. Феномен «ученой дружины» дискутируется.[23] Не являлось ли сообщество «землевладельцев» Аптекарского острова прообразом «ученой дружины» Феофана Прокоповича в Архиерейском подворье на Карповке? Тогда преемственность просветительской традиции в этом петербургском локусе можно вести с деятельности Роберта Арескина.

---

[21] *Миллер Г.Ф.* 2006. С. 576.

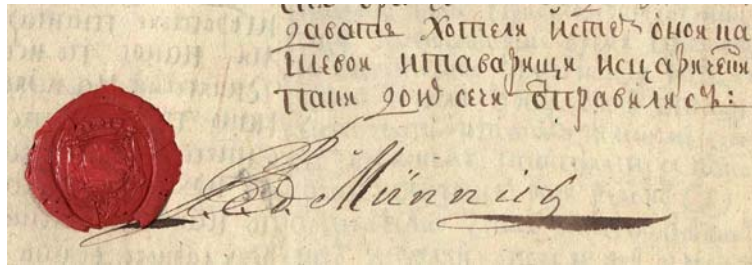
[22] *Топоров В.Н.* Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество. М., Наука. 1991. С. 212

[23] *Чернышова А.В.* Феномен «ученой дружины» миф или реальность? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017 .№ 12–3(86). С. 209–211.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ
Аваков П.А. (Ростов-на-Дону). Граф Б.К. Миних — продолжатель дела Петра Великого на Юге
(стр. 128)

Илл. 1. Портрет генерал-фельдмаршала графа Б.К. Миниха.
Гравюра Й.Я. Хайда по оригиналу А. Винда. Конец 1730-х гг.

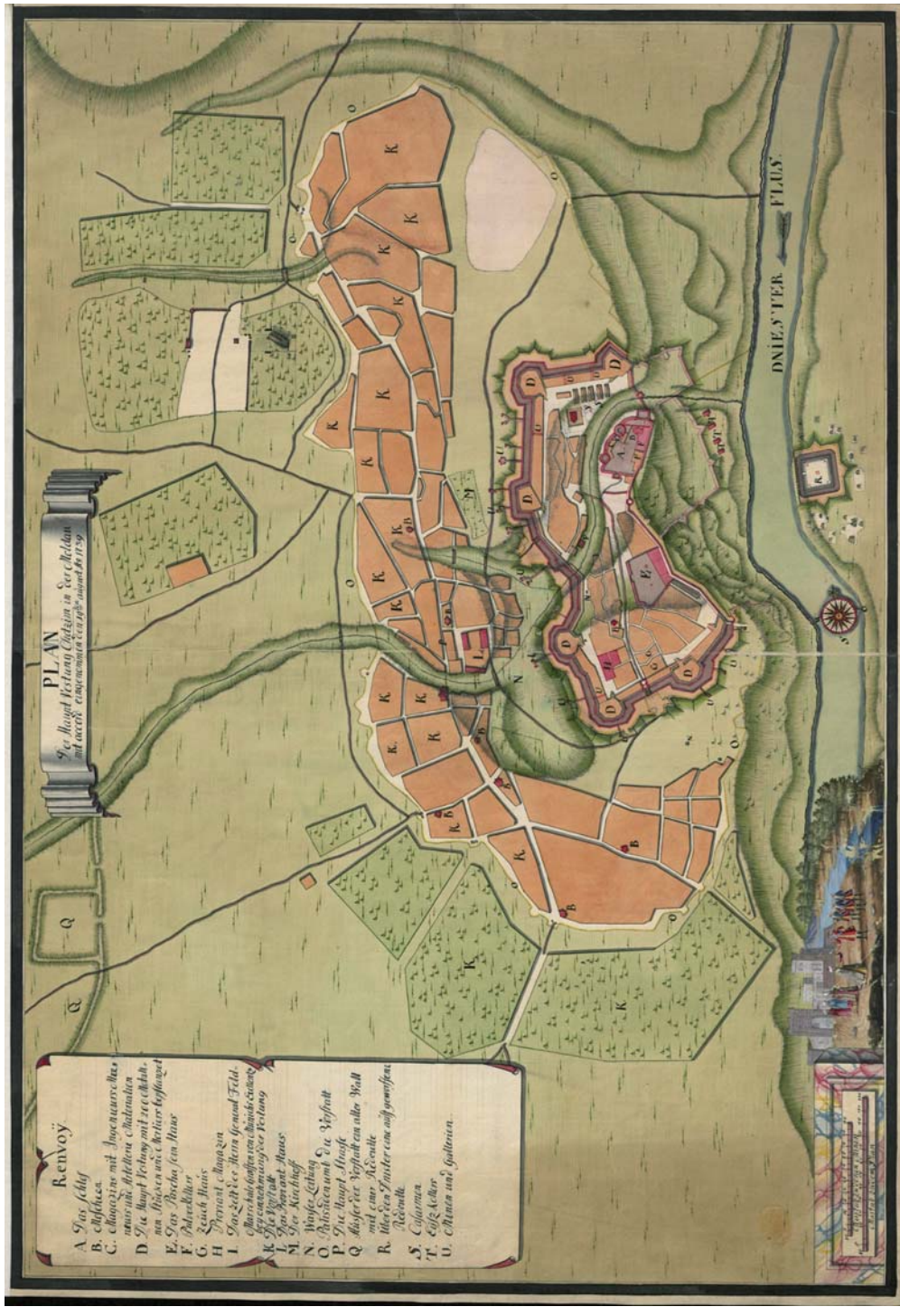
Илл. 2. Личная печать и подпись графа Б.К. Миниха. 1735 г. (РГАДА).

Илл. 3. Проект герба графа Б.К. Миниха. 1741 г. (РГИА).

Илл. 4. Сцена принятия графом Б.К. Минихом капитуляции Очакова 3 июля 1737 г. Г.М. Зойтер. Около 1737 г. Фрагмент гравированного плана: Ichnographia munitissimae Arcis Otzakoff quae A[nn]o 1737 die 3 Iulij auspiciis Supremi Campi Mareschalli Comitis de Muünnich ab exercitu Russorum vi occupata / aeri incisa et excusa a Matth. Seuttero, S. C. et R. Cath. M. Geogr. Aug. V. [Augsburg, p. 1737].

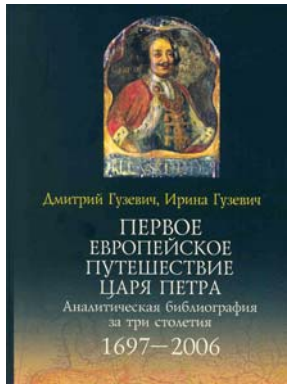

Илл. 5. План главной крепости Хотин в Молдавии, взятой по соглашению 19 августа 1739 г. (Plan der Haupt Vestung Chotzim in der Moldau mit accord eingenommen den 19ten August A[nn]o 1739). Около 1739 г. (The British Library).

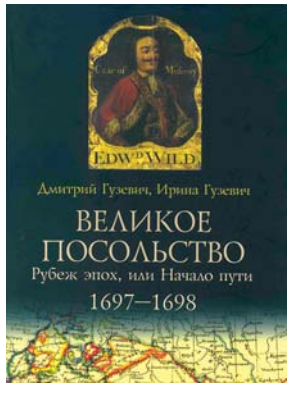

Илл. 6. Молдавия в 1738 г. Фрагмент гравированной карты по оригиналу Ж.Н. Делиля: Theatrum Belli ad Borysthenem Tyram & Danubium Fluvios gesti A[nn]o MDCC XXXVIII / excus. in Academia Scientiarum Petropolitana. [Petropoli, 1738].

ИЗДАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ «ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.
Науч. ред. Э. Вагеманс.
СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. — 912 с.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ.
Сост., вступ. статья, прим. И. Н. Сухих.
СПб.: Геликон Плюс, 2009. — 552 с.

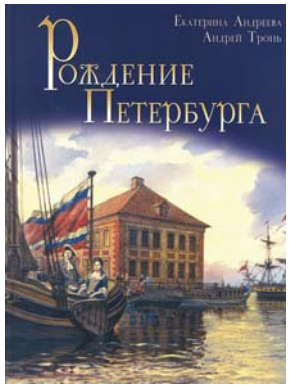
Максимов Е. К., Мезин С. А.
Города Саратовского Поволжья петровского времени.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 178 с.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч.
Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы.
Подгот. изд. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базарова.
СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. — 416, 453, 464 с.

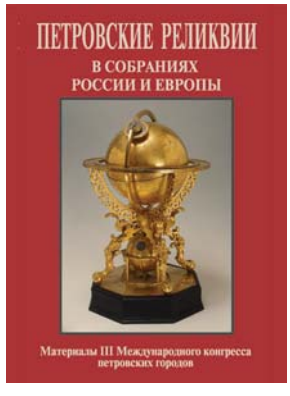
Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов, Н. Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М. Г. Вадейша, А. В. Кобак.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с.

Андреева Е. А.
Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. — 184 с.

Юркин И. Н.
Пётр железный.
Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.
СПб.: Европейский Дом, 2012. —
352 с.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы.
Материалы III Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов,
Н. Л. Корсакова. Сост. А. В. Кобак,
О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 344 с.

Кросс Э.
Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII — XX веков.
Пер. с англ. М. А. Вишняков.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 232 с.

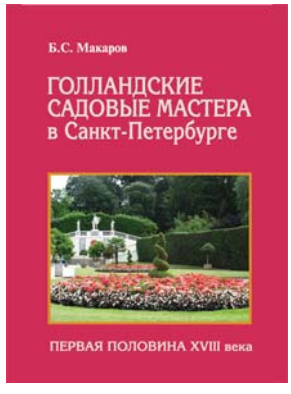
Вагеманс Э.
Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 256 с.

2-е изд., испр.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 260 с.

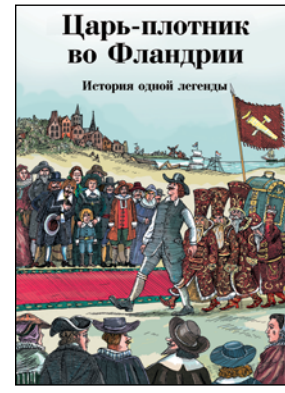
Гузевич Д. Ю.
Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 336 с.

Макаров Б. С.
Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.
СПб.: Изд-во ВМА, 2013. — 320 с.

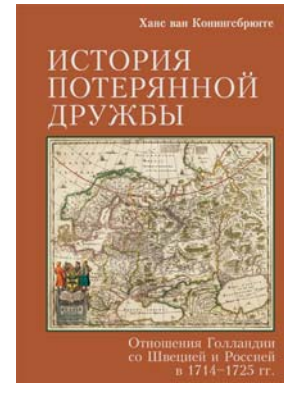
Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 558 с.

Царь-плотник во Фландрии:
История одной легенды.
Две повести Абрахама Ханса.
Публ., коммент., статьи Э. Вагеманс,
Д. Гузевич. Пер. с нидерланд. В. Ронин.
Рис. В. Ненашев.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 106 с.

Пунин А. Л.
Санкт-Петербург в эпоху Петра
Великого: Градостроительное развитие
новой столицы России и стилевые
особенности петровского барокко.
Часть 1.
СПб.: Лики России, 2014. — 216 с.

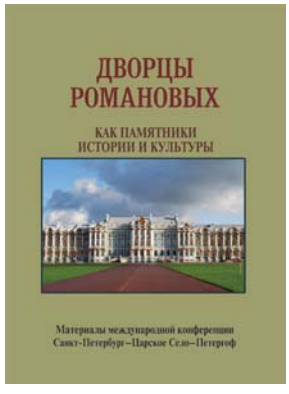

Конингсбрюгге Х., ван.
История потерянной дружбы:
Отношения Голландии со Швецией
и Россией в 1714–1725 гг.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 256 с.

Мезин С. А.
Пётр I во Франции.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 312 с.

2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 320 с.

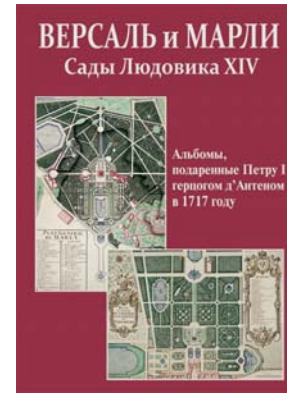
Дворцы Романовых как памятники истории и культуры.
Материалы международной конференции.
Санкт-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, А. Д. Марголис.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 540 с.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей.
Материалы VI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 768 с.

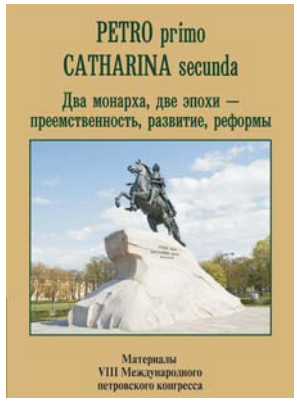
Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года.
Сост. А. В. Кобак, О. В. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2016. — 696 с.

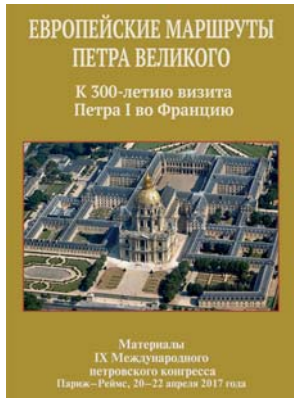
Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бентц.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 396 с.

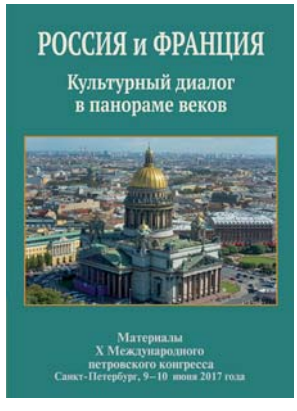
Баггер Х.
Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датск. Б. Жаров.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda.
Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы.
Материалы VIII Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 570 с.

Европейские маршруты Петра Великого:
К 300-летию визита Петра I во
Францию.
Материалы IX Международного
петровского конгресса.
Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 464 с.

Россия и Франция: Культурный диалог
в панораме веков.
Материалы X Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 584 с.

Париж Петра Великого: Историко-культурный путеводитель.
Авт.-сост. С. А. Мезин, К. И. Пахоруков.
СПб.: Маматов, 2019. — 64 с.

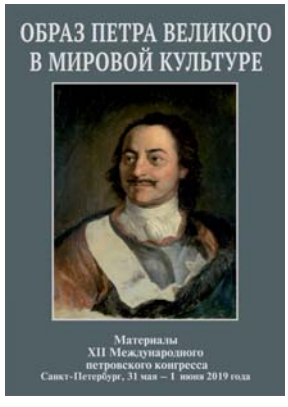
Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727.
Ред. В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич
при участ. А. Мезен.
М.: Ломоносовъ, 2019. — 800 с.

Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 года.
Сост. А. В. Кобак, М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 560 с.

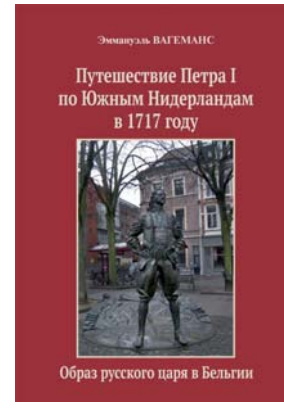
Мезин С. А.
Неизвестное произведение французской Россики середины XVIII века. «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской».
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 156 с.

Образ Петра Великого в мировой культуре.
Материалы XII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 740 с.

Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир: Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727).
Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г.
Ред. Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич.
Париж – СПб.: Европейский Дом, 2020. — 760 с.

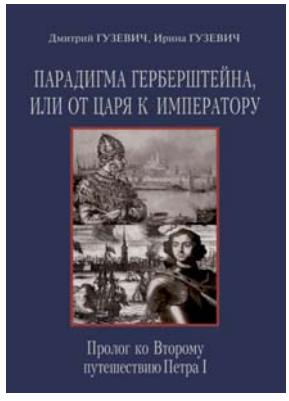
Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 272 с.

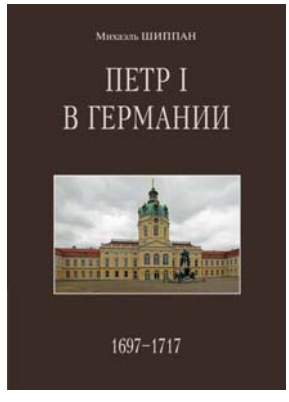
Россия и Германия в эпоху Петра Великого: Исторические и культурные связи.
Материалы XIII Международного петровского конгресса.
Берлин, 24 – 25 октября 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 496 с.

Вагеманс Э., Кобак А., Гузевич Д., Гусейнова Ф.
Петр Великий в Нидерландах. По следам европейских путешествий Петра I: Историко-культурный путеводитель.
СПб.: Европейский Дом, Пропилеи, 2021. — 184 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.
Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко второму путешествию Петра I.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 439 с. — (Второе большое европейское путешествие Петра I: 1716–1717. Кн. 1).

Шиппан М.
Петр I в Германии: 1697–1717.
Науч. ред. Д.Ю. Гузевич,
Пер. с нем. И.Ю. Тарасовой.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 618 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

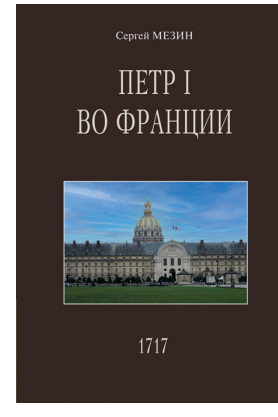
Шварц И.
Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 414 с.
(Серия «Петр I в Европе»).

Кросс Э.
Английский Петр. Петр Великий глазами британцев.
Пер. с англ. М. Вишнякова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 240 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

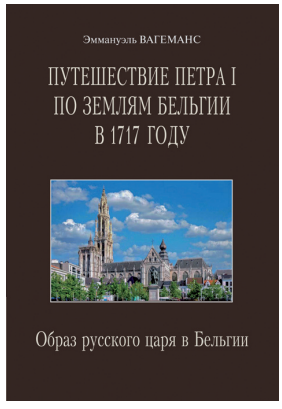
Баггер Х.
Петр I в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Пер. с датск. Б. С. Жарова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. — 196 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

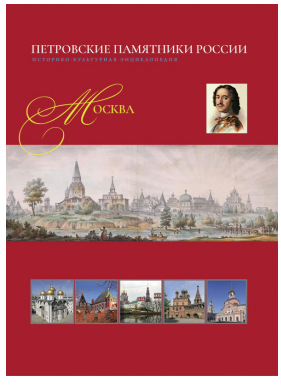
Мезин С. А.
Петр I во Франции.
3-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. – 328 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Царь в Республике. Второе путешествие Петра в Нидерланды. 1716 — 1717.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 266 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по землям Бельгии в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 274 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Петровские памятники России: Историко-культурная энциклопедия. Том 1. Москва.
Сост. А. В. Кобак, Н. Л. Корсакова, Р. Э. Рахматуллин.
СПб: Пропилеи, Европейский Дом, 2022. — 516 с.

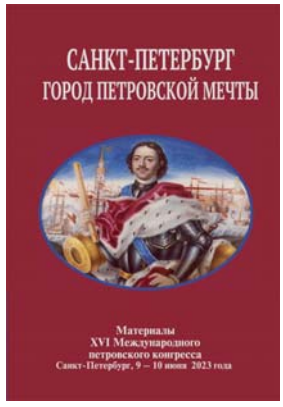
«Великая Елисавет дела петровы совершает...» Материалы XIV Международного петровского конгресса, *Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года*
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 516 с.

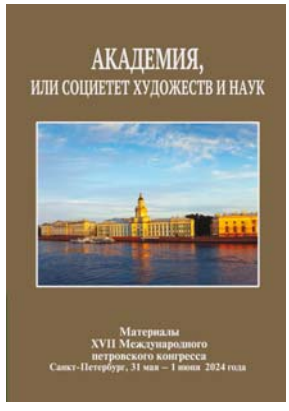
«Не чародей, а гений...»: Личность Петра Великого на фоне эпохи Материалы XV Международного петровского конгресса, *Санкт-Петербург, 9 – 11 июня 2022 года*
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2023. — 590 с.

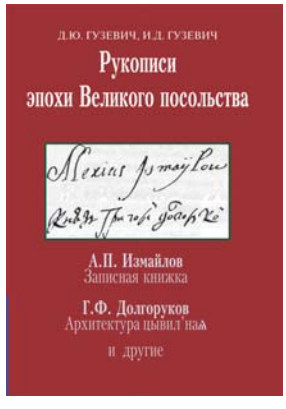
Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Гибель царевича Алексея Петровича: 24–30 июня 1718 года: Версии, споры, реалии**. СПб.: Европейский Дом, 2024. — 456 с.

Санкт-Петербург — город петровской мечты. Материалы XVI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года.
Сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2024. — 532 с.

Академия, или социетет художеств и наук. Материалы XVII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 31 мая–1 июня 2024 года.
Сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2025. — 452 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. *Рукописи эпохи Великого посольства: А.П. Измайлов. Записная книжка; Г.Ф. Долгоруков. Архитектура цывил'наѧ и другие.*
При уч. Е.Б. Рогачевской.
Предисл. С.О. Андросова.
СПб.: Европейский Дом, 2025. — 714 с.

ТРИ СТОЛЕТИЯ С ПАМЯТЬЮ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

(1725–2025)

Материалы
XVIII Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 6–7 июня 2025 года

Директор издательства
Е. Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Т. Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 36,6.
Тираж 220 экз.

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»

Заказ №